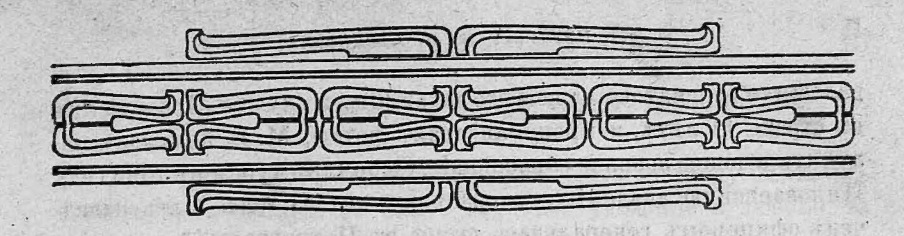

Къ портрету М. В. Алексѣева.

Назначенный на мѣсто генерала Рузскаго—генеральнаго штаба генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ, принадлежитъ къ числу выдающихся и достойнѣйшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, генераловъ русской арміи. М. В. происходитъ изъ дворянъ Тверской губерніи, родился въ 1857 году, получилъ образованіе въ Тверской классической гимназіи, въ Московскомъ пѣхотномъ училищѣ и Николаевской академіи генеральнаго штаба, гдѣ кончилъ курсъ по 1-му разряду.

Въ 1873 году онъ поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ во 2-й Ростовскій гренадерскій полкъ, затѣмъ командированъ въ Московское училище и въ 1876 году произведенъ въ прапорщики въ 64-й пѣх. Казанскій полкъ.

Судьбѣ угодно было, чтобы молодой прапорщикъ Казанскаго полка началъ свою службу въ войнѣ 1877 — 1878 гг. за освобожденіе Болгаріи и Сербіи, въ рядахъ 16-й пѣхотной дивизіи, поступившей, осенью 1877 года, подъ команду Михаила Дмитріевича Скобелева. Вдумчивый, наблюдательный офицеръ, перейдя Дунай у Зимницы, принималъ участіе во взятіи Ловчи, при 3-й атакѣ Плевны подъ обаятельнымъ верховодительствомъ бѣлаго генерала. За тѣмъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева, М. В. участвовалъ въ переходѣ черезъ Балканы черезъ Иметлійскій перевалъ, въ разгромѣ и плѣненіи арміи Веселъ-паши (турецкаго генерала изъ нѣмцевъ), и въ походѣ на Адріанополь. Наконецъ, М. В. дошелъ до самыхъ позицій передъ Константинополемъ. Несомнѣнно, что глубокопоучительныя дѣйствія Скобелева запали глубоко въ душу молодого офицера и

наложили отпечатокъ на всю его дальнѣйшую службу. Прослуживъ въ строю 11 лѣтъ, и прокомандовавъ ротою, М. В. пожелалъ получить высшее военное образованіе. Окончивъ курсъ въ 1890 году Николаевскую академію генеральнаго штаба, онъ былъ назначенъ офицеромъ генеральнаго штаба въ Петроградскій округъ— старшимъ адъютантомъ штаба 1-го армейскаго корпуса, гдѣ пробылъ 4 года. Съ этого времени начинается служеніе М. В. въ генеральномъ штабѣ по разработкѣ высшихъ военныхъ вопросовъ сначала въ должности младшаго дѣлопроизводителя канцеляріи военно-ученаго комитета главнаго штаба (еще въ то время когда начальникомъ главнаго штаба былъ геніальный Обручевъ), а затѣмъ старшаго дѣлопроизводителя; М. В. въ 1900 г. въ чинѣ полковника, занялъ должность начальника оперативнаго отдѣленія квартирмейстерской части и вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1898 году былъ назначенъ профессоромъ русскаго военнаго искусства въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Такимъ образомъ, и теорія и практика военнаго дѣла сплетались въ его высокомъ умѣ.

Началась русско-японская война, М. В. былъ назначенъ генералъ квартирмейстеромъ 3-й манчьжурской арміи съ производствомъ въ генералъ-маіоры и здѣсь онъ увидѣлъ совсѣмъ не то, что видѣлъ у Скобелева. Кампанія эта также пошла М. В. на поученіе.

Иностранная печать единогласно отмѣчаетъ, что лучшія планы военныхъ дѣйствій въ японскую войну принадлежали генералу Алексѣеву. Одинъ изъ иностранныхъ писателей, разбирая соображенія М. В. во время операціи подъ Сандепу, утверждаетъ, что если бы операціи протекли по начертанному имъ плану, то что былъ бы радостный конецъ войны.

Глубоко жаль, что этими дарованіями тогда не воспользовались.

Въ этихъ двухъ войнахъ М. В. получалъ соотвѣтствующія боевыя награды. По возвращеніи съ Дальняго Востока генералъ-маіоръ Алексѣевъ занялъ должность оберъ-квартирмейстера главнаго управленія генеральнаго штаба, въ 1908 г. назначенъ начальникомъ штаба Кіевскаго военнаго округа, а затѣмъ, уже будучи генералъ-лейтенантомъ, получилъ корпусъ. Съ начала настоящей войны онъ уже былъ ближайшимъ сотрудникомъ генералъ-адъютанта Иванова по операціямъ на галиційскомъ фронтѣ, которыя впослѣдствіи будутъ изучаться какъ блестящіе образцы военнаго искусства.

За его заслуги на галиційскомъ фронтѣ М. В. награжденъ

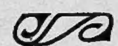
орденомъ св. Георгія 4-й степени и чиномъ генерала отъ инфантеріи.

Можно закончить эту замѣтку тѣмъ, что повсюду Михаилъ Васильевичъ заслужилъ самое глубокое уваженіе и любовь, за свои кристальныя нравственныя качества.

Въ противоположность вождямъ нашихъ враговъ—нѣмецкому кайзеру и Гинденбургу, такъ много кричащихъ о себѣ, должна быть отмѣчена необычайная скромность генерала Алексѣева о всѣмъ, что касается лично его.

Все онъ приписываетъ Всемогущему Богу и ничего лично себѣ, совершенно какъ Дмитрій Донской передъ Куликовской битвой.

П. Вороновъ.

Михаилъ Васильевичъ
Алексѣевъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

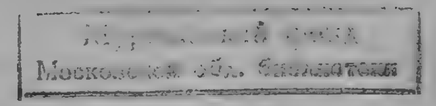
основанное 1-го января 1870 г.

1915.

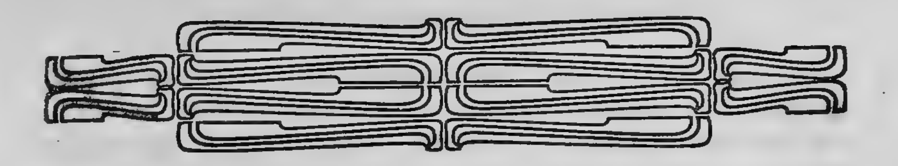
АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1915.

Житье-бытье Петра Великаго въ Даніи [1]).

(Дневникъ).

Празднества въ честь Петра Великаго.—Могучіе удары Петра на охотѣ.—Высадка казаковъ на шведскомъ берегу изъ небольшой эскадры Петра.—Смотръ Петра русскимъ войскамъ.—Опасеніе датчанъ.—Развѣдка Петра къ шведскимъ берегамъ.—Прибытіе датскихъ войскъ въ Копенгагенъ.—Гуляніе карусель въ Розенборгскомъ лѣсу.—Искусная стрѣльба Петра.—Оригинальная поѣздка Петра верхомъ на лошади на высокую астрономическую башню.—Бесѣда Петра съ профессоромъ астрономіи.—Русское войско перевезено на корабли.—Маскарадъ въ честь Петра.—Петръ разсматриваетъ пятна на солнцѣ.—Нападеніе на Петра сумасшедшаго, при посѣщеніи дома умалишенныхъ.

25 іюля (5 авг.) король пригласилъ Царя на охоту, но по случаю дождя и бури охота не состоялась.

Вечеромъ было представленіе въ дворцовомъ театрѣ; въ одной ложѣ сидѣли Царь, Царица, король и королева; въ другой принцъ Карлъ и принцесса Ядвига, въ третьей ложѣ: наслѣдникъ [2]).

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1915 г.

[2]) О театральныхъ представленіяхъ въ Копенгагенскомъ дворцовомъ театрѣ есть любопытное письмо отъ директора театра, актера Монтэгю, на имя Лэвенэрна; онъ пишетъ:

... Что касается до Копенгагена, то Царь вернулся три дня тому назадъ; новостей никакихъ нѣтъ; люди ко всему привыкаютъ, не бѣгаютъ больше по улицамъ, чтобы встрѣтить Ихъ Царскія Величества, такъ, какъ бѣгали въ началѣ; дворъ, однако, отъ времени до времени старается развлечь Ихъ; третьяго дня обѣдали въ Розенборгѣ, на слѣдующій день были на охотѣ; комедія, какъ я вамъ уже сообщилъ, ставилась одинъ разъ; она, кажется, имѣла такой успѣхъ, что ее больше не поставятъ; въ день рожденія королевы играли итальянскую оперу, которой остались еще меньше довольны, что заставляетъ думать, что театръ, къ сожалѣнію, не будетъ сильно занятъ; мнѣ заказали написать привѣтствіе Царю, поло-

29 іюля (9 авг.) всѣ Высочайшія особы ужинали въ Розенборгѣ, гдѣ осматривали регаліи. Ужинъ кончился въ 12 час.

30 іюля (10 авг.) Царь наложилъ трауръ по случаю смерти сестры.

2 и 3 (13 и 14) авг. Царь боленъ; онъ захворалъ отъ дыни, потому что пилъ къ ней.

4 (15) авг. онъ окончательно рѣшилъ уйти съ соединенными эскадрами въ Балтійское море.

5 (16) авг., въ 9 ч. утра, Царь съ Царицей уѣхали на эскадру; всѣ эскадры салютовали Ему. Вѣтеръ былъ западный.

6 (17) авг. эскадрамъ пришлось остаться въ Копенгагенѣ.

7 (18) авг. Царь распрощался съ Царицей и ушелъ въ море съ эскадрами по направленію къ Борнгольму. Распрощавшись съ Царемъ, Царица на „Лизеттѣ" вернулась въ Копенгагенъ.

9 (20) авг. Царь ночевалъ на Борнгольмѣ.

16 (27) авг., въ 6½ час. вечера состоялся обѣдъ въ парадномъ („рыцарскомъ") залѣ Копенгагенскаго дворца. Царица пріѣхала въ 6 час. въ каретѣ короля и участвовала въ обѣдѣ. Обѣдъ кончился въ 12 час., а послѣ обѣда начался маскарадъ; Высочайшія Особы танцовали первыми, послѣ нихъ всѣ маски; веселіе кончилось въ 3 ч. утра.

21 авг. (1 сент.) Царская эскадра вернулась изъ Стральзунда въ Кэге-бухту, и въ тотъ же день Царь самъ на небольшомъ гуккерѣ пріѣхалъ въ Копенгагенъ, гдѣ встрѣтилъ ласковый пріемъ со стороны короля.

22 авг. (2 сент.) Царь со свитой обѣдалъ въ Розенборгскомъ саду, въ бесѣдкѣ, въ 2 часа.

вину я уже написалъ; вышло ли оно хорошо или худо, но я желалъ бы, чтобы въ присутствіи его дали еще одно представленіе, и я получилъ бы возможность декламировать привѣтствіе—не ради какихъ-нибудь надеждъ...

...A propos de Copenhague le czar est revenu il y a trois jours que n'avez vous fait de meme, il n y a rien icy de nouveau on s'accoutume a tout on ne court plus tant dans les rues pour voir passer leurs Majestés czariennes que l'on faisait dans les commencements; la Cour de tems en tems sedonne pourtant quelques mouvements pour les divertir, on mangea avant'hier au Rosembourg le lendemain on fût a la chasse la Comedie je vous l'ay mandé a paru une fois je crois qu'elle a si bien reussi qu'elle ne paroissera plus on a eû un opera italien pour le jour de la naissance de la Reine, dont on a été encor moins content cela fait croire que le theatre ne sera pas desormais fort occupé j'en serai faché on ma commandé une harangue pour le czar qui est a moitié faite bonne ou mauvaise je voudrois qu'on jouat aumoins encor une fois devant luy afin d'avoir occasion de la reciter non que j'en attende rien... (Montaigu).

23 авг. (3 сент.) Всѣ отправились на охоту въ Егерсборгскій паркъ. Петръ однимъ ударомъ отрубилъ голову оленю, и перерубилъ спину другому, наконецъ, третьяго застрѣлилъ изъ пистолета. Обѣдъ былъ устроенъ въ павильонѣ Эрмитажѣ. Къ вечеру всѣ вернулись въ столицу.

27 авг. (7 сент.) Петръ опять выѣхалъ наохоту, но въ этотъ разъ въ сопровожденіи одного короля. Вернувшись вечеромъ, онъ переночевалъ въ домѣ, недалеко отъ лагеря своего войска. (Этотъ домъ принадлежалъ Ленте и упоминается въ вышеприведенныхъ спискахъ).

28 авг. (8 сент.) Царь ушелъ въ море съ семью небольшими галерами, на которыхъ находилось между пр. 60 чел. казаковъ съ конями; ихъ Онъ высадилъ на шведскомъ берегу; казаки отъѣхали внутрь страны версты двѣ отъ берега, наткнулись па береговыхъ стражниковъ, убили ихъ унтеръ-офицера и взяли трехъ рядовыхъ въ плѣнъ; узнавъ, что неподалеку стояла сильная стража, казаки поспѣшили обратно къ берегу, не потерпѣвъ никакихъ потерь. Плѣнные показали, что лишь три мили отъ мѣста находилось 11.000 чел. королевскаго шведскаго войска, и что вообще было 16.000 регулярнаго войска въ Сконѣ; плѣнные слышали, что ожидалось еще нѣсколько полковъ изъ Норвегіи и изъ Старой Швеціи. На слѣдующій день Царь вернулся въ Копенгагенъ.

29 авг. (9 сент.) Король произвелъ смотръ своей конницѣ и пѣхотной гвардіи. Въ тотъ день пришло около 80 судовъ изъ Травемюнде, съ большимъ числомъ русскаго войска; часть была высажена на островѣ Венѣ для наблюденія за шведами въ Сконѣ, другая часть размѣстилась въ устроенномъ близъ Копенгагена „московскомъ“ лагерѣ. Поэтому Петръ не могъ поспѣть на королевскій смотръ къ опредѣленному времени; его ждали до 3 час. дня. (Вотъ почему сложилось любопытное повѣріе, сохранившееся въ нѣкоторыхъ запискахъ, что великолѣпная выдержка и прекрасная обмундировка королевскихъ солдатъ и коней до такой степени поразили Петра, что онъ „противъ своей привычки“ скрылся въ палаткѣ).

Наконецъ въ 3 часа Царь показался, но такъ какъ онъ слишкомъ много опоздалъ, пришлось сократить смотръ: солдаты прошли парадомъ въ рядахъ по 24 солдата вмѣсто того, что предполагалось: по 4 солдата.

Послѣ смотра Царь съ королемъ, Царица съ королевой и всѣ прочія особы уѣхали въ загородный дворецъ Фредериксбергъ, гдѣ поданъ былъ обѣдъ. За столомъ Царь похвалилъ

датскихъ солдатъ, но высказалъ мнѣніе, что когда солдаты бѣгутъ, то и офицерамъ слѣдуетъ бѣжать съ ними.

(Сколько войска Петръ привезъ въ Данію для предполагавшагося дессанта на шведскомъ берегу—неизвѣстно; по разнорѣчивымъ свидѣтельствамъ датскихъ документовъ можно считать отъ 30.000 до 40.000. Появленіе такой массы сильно встревожило датчанъ и вѣроятно положило начало ихъ мнительному отношенію къ планамъ Петра; они стали подозрѣвать, что Царь приготовилъ войско не для дессанта на шведскихъ берегахъ, а для занятія самой столицы Даніи. Такъ мы читаемъ у исторіографа короля Фредерика IV, Höjer: Friedrich des IV. Leben):

Большое количество войска, привезенное Царемъ сверхъ договора, его ежедневное старательное изслѣдованіе порта, крѣпости и спеціально глубины крѣпостныхъ рвовъ, то обстоятельство, что онъ расположилъ свои галеры въ предѣлахъ укрѣпленій, что на галерахъ все время оставалось 2.000 русскихъ, странная претензія Царя на выдачу ему ключей отъ Восточныхъ воротъ или предоставленіе ему права проходить чрезъ городскія ворота днемъ и ночью съ войскомъ, притомъ желаніе его расположить свой корпусъ, состоявшій изъ 30.000 чел. и находившійся дальше пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости, на гласисахъ крѣпости и, наконецъ, его желаніе расквартировать войско въ любомъ количествѣ въ самой столицѣ; его странная прогулка въ Кронборгъ съ галерами, полными солдатъ, и проявленное имъ при этомъ случаѣ любопытство, когда онъ вырвалъ ружье изъ рукъ мушкетера изъ числа стоявшихъ подъ оружіемъ солдатъ гарнизона, и самъ выстрѣлилъ изъ ружья, чтобы провѣрить, были ли у гарнизона заряженныя ружья, послѣ чего онъ опять уѣхалъ со своими галерами; наконецъ высказанное имъ недовольство по поводу постояннаго пребыванія англійской эскадры на копенгагенскомъ рейдѣ,—всѣ эти обстоятельства бросались публикѣ въ глаза какъ слишкомъ сомнительные признаки намѣреній, болѣе опасныхъ для короля и государства, или по крайней мѣрѣ не менѣе опасныхъ, чѣмъ тѣ намѣренія, которыя открылъ Карлъ Густавъ своимъ нападеніемъ на Копенгагенъ въ 1660 г.

30 авг. (10 сент.) Копенгагенской гражданской милиціи отданъ былъ приказъ при первомъ барабанномъ сигналѣ собраться на сборныхъ пунктахъ, при чемъ каждый солдатъ долженъ былъ имѣть при себѣ пороху на 12 выстрѣловъ. Караулъ у городскихъ воротъ былъ удвоенъ, и всѣ орудія на городскихъ валахъ были заряжены боевыми снарядами.

1 (12) сент. Военный совѣтъ у Царя.

2 (13) сент. послѣ богослуженія въ русскомъ лагерѣ Царь опять поѣхалъ на развѣдку къ шведскимъ берегамъ. Вернувшись поздно, онъ не поспѣлъ въ столицу до закрытія воротъ, а остался ночевать на островѣ Амагерѣ. Въ тотъ день все было готово къ дессанту.

3 (14) сент. Петръ пришелъ въ Копенгагенъ.

5 (16) сент. Царь на охотѣ.

6 (17) сент. нѣсколько русскихъ кораблей подошли къ Корсэру (на западномъ берегу Селяндіи) вслѣдствіе противнаго вѣтра; но командѣ не было разрѣшено выйти на берегъ. Комендантъ Корсэрской крѣпости еще раньше получилъ приказъ стрѣлять въ русскія суда, въ случаѣ появленія таковыхъ около Корсэра; онъ такъ и поступилъ, и удачно разбилъ мачту на одномъ изъ кораблей; послѣ этого русская эскадра ушла. На всякій случай на помощь коменданту заранѣе былъ посланъ кавалерійскій отрядъ изъ Копенгагена.

9 (20) сент. датскимъ гренадерамъ приказано было двинуться изъ Слягельсе въ Копенгагенъ.

10 (21) сент. въ 6½ час. пѣхотная гвардія пришла въ столицу. У Царя собрался военный совѣтъ, засѣдавшій 2 часа говорятъ, что король оставилъ совѣтъ и вышелъ недовольный. Вчера рано утромъ также собрался военный совѣтъ. Слухи идутъ, что Царь отказался отъ кампаніи въ Сконѣ, по крайней мѣрѣ въ теченіе предстоящей зимы.

11 (22) сент. пришли гренадеры въ 7 час. вечера.

12 и 13 (23 и 24) сент. король съ Царемъ посѣтили эскадры; оба раза имъ салютовали изъ большихъ орудій.

18 (29) сент. Толстой пришелъ домой и переодѣлся въ походный костюмъ, чтобы отправиться ночевать у Царя на эскадрѣ. Въ 8 час. русскія войска начали садиться на суда.

19 (30) сент. Царь вернулся въ Копенгагенъ. Онъ побывалъ со своими министрами на островѣ Веенъ, въ Гельсингэрѣ и подъ шведскимъ берегомъ.

20 сент. (1 окт.) Царь явился къ королю съ визитомъ. Царица была въ Розенборгскомъ саду. Послѣ обѣда отъ 4 до 6½ час. состоялось гуляніе — карусель на Розенборгскомъ пруду Одною изъ лодокъ командовалъ командиръ Торденскіольдъ; въ ней сидѣли Царица и король; позади ихъ стоялъ гр. Калленбергъ; другой лодкой командовалъ кап. Гансенъ; въ ней сидѣли королева и Царь; позади ихъ стоялъ оберъ-гофмейстеръ Мэйнихенъ. На водѣ были разставлены 3 колонны съ 2 кольцами

напротивъ бесѣдки, въ которой находились наслѣдникъ, принцесса, принцъ Карлъ, прицъ Сюндербургскій и много другихъ выдающихся кавалеровъ и дамъ. Около ближашей къ бесѣдкѣ колонны стоялъ адмиралъ Норрисъ; его долго задержала одна московская дама въ бесѣдкѣ своимъ разговоромъ. Въ 5½ час. Царь пожелалъ стрѣлять въ арапскія головы—устроенныя на жердяхъ надъ водою—послѣ того какъ дамы тщетны пытались сбить ихъ пиками, и онъ очень мѣтко попадалъ въ нихъ. Напротивъ бесѣдки красился царскій гербъ съ орденомъ на колоннѣ, поддѣланной подъ коричневый мраморъ; на боковой сторонѣ другой колонны была нарисована битва. Съ обоихъ концовъ пруда также были поставлены картины. Съ внутренней стороны одной изъ картинъ было придѣлано колесо съ веревкой, устроенное такъ, что когда поставленные на это дѣло люди вращали колесо, то лодки двигались взадъ да впередъ. Около колецъ стояло по мальчику; каждый мальчикъ имѣлъ при себѣ порохъ и пули. Въ бесѣдкѣ стояли Гюльденлэве, Норрисъ, гр. Гольштейнъ, т. сов. Вальтеръ, гр. Даннескіольдъ и другіе благородные кавалеры, которые послѣ ушли въ садъ веселиться. Царь и Царица были въ черномъ, у Царя была шляпа на головѣ и букетъ цвѣтовъ на груди.

Шереметевъ и Шафировъ вчера уѣхали на эскадру, и Шафировъ приказалъ приготовить ему багажъ для сдачи на судно.

Вчера всего 15.000 солдатъ сѣли на суда.

Пекарямъ велѣно спечь хлѣба на 2 недѣли сверхъ обыкновеннаго количества.

21 сентября (2 октября) Царь отправился верхомъ къ Круглой Башнѣ въ сопровожденіи одного кавалера и трехъ лакеевъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ при себѣ запаснаго коня; Царь ѣхалъ впереди. Въ 12 час. 7 мин. прибыла туда же Царица въ собственной каретѣ на двухъ желтыхъ коняхъ и съ тремя пажами назади. За ней слѣдовало еще нѣсколько каретъ съ кавалерами и дамами. Царь поднялся верхомъ на башню и привязалъ своего коня къ верхнему окну. Царица въѣхала за нимъ въ небольшой коляскѣ. Они остались на башнѣ до 1½ час. Сперва они осмотрѣли красивую библіотеку [1]); потомъ они

---

[1]) Круглая Башня пристроена къ церкви св. Троицы; изъ башни есть входъ на чердаки надъ церковью; на этихъ чердакахъ во времена Петра помѣщалась библіотека Копенгагенскаго университета (башня построена въ XVII столѣтіи Христіаномъ IV). Она отличается тѣмъ, что въ ней вмѣсто лѣстницы устроенъ, на аркахъ, не очень крутой винтообразный подъемъ въ 7½ поворотовъ (до самой вершины). Башня до-

перешли въ обсерваторію и въ особенности разсматривали движенія Юпитера и Венеры посредствомъ математическихъ инструментовъ. Царь съ хорошимъ пониманіемъ бесѣдовалъ объ извѣстныхъ долготахъ и широтахъ на небесномъ сводѣ, знать которыя мореплавателю необходимо; но Его Величество утверждалъ, что нѣтъ возможности, находясь въ морѣ, исчислить долготы по спутникамъ Юпитера, потому что на корабляхъ не имѣется тѣхъ необходимыхъ инструментовъ, какіе имѣются на сушѣ; онъ высказалъ мнѣніе, что луна могла бы служить къ опредѣленію долготы, если бы можно было найти уравненіе между ея движеніями и положеніемъ неподвижныхъ звѣздъ; наконецъ, Его Величество просилъ прислуживавшаго профессора направить свои занятія къ изысканію такого уравненія. Оказалось, такимъ образомъ, что Царь широко освѣдомленъ въ этой области. Царь пригласилъ профессора часто посѣщать его.

Въ тотъ же день пѣхотная гвардія и гренадерскій полкъ вышли за городъ на смотръ.

Царь обѣдалъ у короля отъ $3^1/_4$ до 5 час.

Все русское войско теперь переведено на русскіе корабли, за исключеніемъ тѣхъ отрядовъ, которые принадлежатъ къ галерамъ; эти отряды останутся еще жить въ палаткахъ на городскомъ валу.

23 сентября (4 октября) Рѣпнинъ угощалъ Царя, кавалеровъ и англійскаго адмирала Норриса. Послѣ обѣда Рѣпнинъ уѣхалъ. Въ честь его и Долгорукаго музыканты играли на трубахъ и па скрипкахъ, потому что ихъ наградили орденомъ Слона.

2.000 русскихъ кавалеристовъ подъѣхали къ Восточнымъ воротамъ и потребовали пропуска въ городъ, но комендантъ не разрѣшилъ.

24 сентября (5 октября) Царь на эскадрѣ.

25 и 26 сентября (6 и 7 октября) Царь съ Царицей ѣздили въ Фредериксборгъ (?) и вернулись вечеромъ съ сильнѣйшимъ попутнымъ вѣтромъ.

28 сентября (9 октября) король съ королевой посѣтили Царя въ 6-мъ часу.

селѣ стоитъ. Не такъ давно датскій купецъ попытался повторить оригинальную выдумку Петра, однако, не на лошадяхъ, а на автомобилѣ.

У Thomas Bugge. Observationes Astronomicae 1784 читаемъ: „Hic clivus helicis instar circumdat scapum cylindricum per $7^1/_2$ circuitus modica adeo declivitate, ut Augustissimus Imperator Petrus Alexiowitz, cognomine Magnus, eqvo vectus, et Augustissima ejus conjux Catharina, curru.

Въ тотъ же день случилось убійство: пьяные русскіе солдаты разссорились съ датскими въ трактирѣ Бекмана; одинъ изъ русскихъ бросилъ датчанина на земь, но датчанинъ выстрѣломъ убилъ русскаго и ранилъ еще другого.

29 сентября (10 октября) министры короля и Царя собрались на совѣщаніе.

30 сентября (11 октября) праздновался день рожденія короля.

Въ 6¾ час. предложенъ былъ столъ. Королевская семья обѣдала съ Царемъ и съ Царицей въ „рыцарскомъ" залѣ. Благородные люди, въ маскахъ, въ то время находились на балконѣ; по окончаніи обѣда всѣмъ было разрѣшено спуститься въ залъ, и начался веселый маскарадъ. Высочайшія особы, однако, не были въ маскахъ. Танцы начались тѣмъ, что Царь съ королевой и король съ Царицей станцовали польку („польскій танецъ"), а потомъ танцовали другіе. Царь очень развлекался танцами, разговаривалъ съ масками и высказывалъ свое удовольствіе по поводу той или другой маски. Кто только желалъ, пилъ сколько кому хотѣлось. Въ 1½ час. ночи Высочайшія особы разошлись; Петръ отправился домой пѣшкомъ.

2 (11) октября. Проснувшись, Царь замѣтилъ пятно на солнцѣ, почему—въ 7 час. утра—поспѣшилъ на Круглую Башню. Тамъ онъ бесѣдовалъ съ проф. Франкенау и Биркеродомъ, и при помощи астрономическихъ инструментовъ разсматривалъ пятно на солнцѣ и движеніе планеты Венеры къ меридіану, но больше всего смотрѣлъ на море. Какъ прежде, онъ и сегодня въѣхалъ на башню верхомъ на конѣ.

3 (14) октября послѣднія галеры прошли съ попутнымъ вѣтромъ мимо Драгэра.

9 (20) октября датскіе морскіе офицеры обѣдали на „Ингерманландѣ" у Царя.

11 (22) октября начались морозы; ночью образовался толстый ледъ. Фурьеръ Бенфельдтъ отправился приготовить все къ отъѣзду Царя.

(Въ одинъ изъ послѣднихъ дней своего пребыванія въ Копенгагенѣ Петръ посѣтилъ домъ умалишенныхъ, такъ называемый Чумной Домъ. Это посѣщеніе описано такъ въ сохранившейся запискѣ).

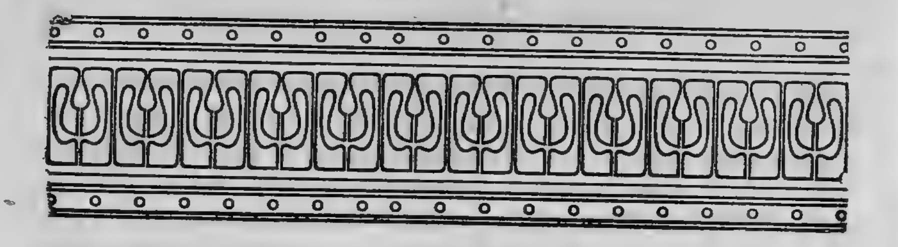
Имѣю доложить о весьма красивой рѣдкости касательно дома умалишенныхъ: если другіе могутъ хвастаться посѣщеніемъ Царя Петра и К., то еще больше слѣдуетъ въ честь и память Великаго Царя остановиться на томъ, что онъ удо-

стоилъ такое маловажное и презрѣнное учрежденіе своего Высочайшаго присутствія и вниманія. Его Царскому Величеству угодно было придти сюда въ зимнее время и послѣ внимательнаго осмотра квартирнаго помѣщенія осмотрѣть камеры умалишенныхъ. Г-нъ Кроне очень извинялся, но, наконецъ, Государь согласился оставить свою саблю въ комнатѣ эконома. Когда онъ подошелъ къ камерѣ, въ которой сидѣлъ дворникъ градоначальника, онъ приказалъ открыть ее. Но экономъ два раза заявилъ, что онъ боялся сдѣлать это, пока Царь не приказалъ ему отъ имени короля и съ указаніемъ на свое положеніе. Г-нъ Кроне былъ настолько остороженъ, что открылъ дверь, такимъ образомъ, что самъ остался за дверью; но зато сумасшедшій схватился за Царя и втянулъ его къ себѣ въ камеру; наконецъ, Кроне при помощи дворниковъ и другихъ лицъ освободилъ его. Царь былъ до такой степени истрепленъ сумасшедшимъ, что долго не уходилъ, пока, наконецъ, не обчистили ему его черный бархатный кафтанъ.

Священникъ Іоаннъ Щелкуновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки графа Н. П. Игнатьева [1]).

1864—1874.

Чтобы дать понятіе о затрудненіяхъ, какія русской миссіи въ Константинополѣ пришлось преодолѣвать въ 1869 г., вскорѣ послѣ Парижской конференціи, графъ Игнатьевъ разбираетъ отношенія Россіи къ турецкому правительству, къ христіанскому населенію въ Турціи и къ западнымъ державамъ, какъ они сложились въ ту пору на почвѣ восточнаго вопроса.

„Когда улегся подъемъ духа, вызванный возстаніемъ, среди нашихъ единовѣрцевъ возродилось прежнее соперничество", говоритъ гр. Игнатьевъ. „Особенно оно сильно проявилось между болгарами и греками. Послѣдніе отдалились также отъ сербовъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они не пришли на помощь несчастнымъ критянамъ и воспользовались бѣдствіями Греціи, чтобы добиться отъ Порты нѣкоторыхъ уступокъ для себя лично. Нѣкоторая холодность наступила также въ отношеніяхъ сербовъ къ болгарамъ, кроатамъ и черногорцамъ. Это открыло широкое поле вліянію западныхъ державъ, которыя воспользовались обстоятельствами и своими интригами посѣяли въ умахъ нашихъ единовѣрцевъ недовѣріе къ намъ; послѣдніе не знали, кого имъ выгоднѣе было держаться; ихъ прельщали матеріальныя выгоды, которыя сулили имъ западныя державы, но они могли ими воспользоваться не иначе, какъ живя въ мирѣ съ Турціей".

---

[1]) См. „Русская Старина", мартъ 1915 г.

„Такимъ образомъ, говоритъ гр. Н. П. Игнатьевъ, несмотря на то, что державы подписали 18 октября 1867 г. актъ о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Турціи, несмотря на то, что этотъ актъ угрожалъ, казалось, Портѣ полнымъ одиночествомъ, ея положеніе послѣ Парижской конференціи значительно улучшилось; тамъ, гдѣ народныя волненія такъ недавно создавали Турціи безчисленныя тревоги и опасенія—тамъ водворилось такое спокойствіе, какимъ она пользовалась только въ самый цвѣтущій періодъ своего существованія. Стеченіе въ высшей степени благопріятныхъ для Турціи обстоятельствъ упрочило власть султана во всѣхъ частяхъ имперіи. Неудача критскаго возстанія парализовала освободительныя стремленія христіанскихъ подданныхъ Турціи. Славяне и греки были совершенно обезсилены двухлѣтней борьбою, истощившей ихъ средства... униженная и разоренная Греція не могла долѣе противостоять Турціи.

Любопытно, что ни турки, ни ихъ западные доброжелатели не признавали, какъ говоритъ гр. Н. П., что создавшееся положеніе было только результатомъ благопріятно сложившихся обстоятельствъ; они видѣли въ немъ признакъ внутренняго возрожденія Турціи и спѣшили использовать обстоятельства, чтобы усилить свою власть.

Отрѣшившись отчасти отъ мусульманскаго фанатизма, турецкіе сановники, стоявшіе во главѣ управленія, начали проявлять новыя стремленія въ европейскомъ духѣ, и это создавало русскимъ дипломатамъ гораздо болѣе серьезныя затрудненія, нежели прежняя турецкая нетерпимость, къ которой они уже успѣли примѣниться.

Отмѣчая эту перемѣну и дѣлая попытку намѣтить дальнѣйшій образъ дѣйствій, которому должна была слѣдовать Россія, гр. Игнатьевъ, въ запискѣ, препровожденной имъ въ это время въ министерство, писалъ:

„Турція такъ прочно связана съ Европой многочисленными матеріальными, финансовыми и политическими узами, что она едва-ли станетъ считаться съ нами. Допустивъ даже, что она была бы склонна къ этому, что мало вѣроятно, ей будетъ трудно совлечь съ себя путы, которыя ее связываютъ, если мы со своей стороны не будемъ дѣйствовать энергично, опираясь на нашихъ союзниковъ или завоевавъ болѣе вліятельное положеніе среди европейскихъ державъ. Турціи со всѣхъ сторонъ внушаютъ недовѣріе къ намъ; противъ насъ дѣйствуетъ политическая и религіозная пропаганда; Турція кишитъ польскими агентами

и хотя бы она была гораздо сильнѣе и независимѣе, ей трудно противостоять производимому на нее давленію. Она боится болѣе всего Наполеоновской Франціи, ея могущества и предпріимчивости и до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся излѣчить Турцію отъ этой боязни, намъ не удастся отстоять нашихъ интересовъ въ Константинополѣ. Порта довѣряетъ политикѣ Англіи, ея интересы тѣсно связаны съ интересами Австро-Венгріи [1]), къ намъ же она не можетъ чувствовать ни страха, ни довѣрія. Она видѣла послѣднее время, что мы вели противъ нея дипломатическую кампанію, и что Европа постоянно вмѣшивалась въ это и парализовала наши усилія... Любопытно и вмѣстѣ съ тѣмъ прискорбно отмѣтить, что наша мнимая враждебность къ Портѣ принесла ей пользу, давъ ей какъ бы право на покровительство Европы. Поэтому естественно недовѣріе, съ какимъ относятся къ намъ турецкіе министры, тѣмъ болѣе, что представители западныхъ державъ постоянно твердятъ туркамъ, что Европа оказываетъ Портѣ поддержку постолько, посколько она оказываетъ противодѣйствіе нашей политикѣ и отдаляется отъ насъ".

Всегда готовая слѣдовать совѣтамъ западныхъ державъ, Турція особенно охотно прислушивалась къ совѣтамъ тѣхъ лицъ, которыя склоняли ее противустоять ея могущественному сосѣду и проявлять свою власть надъ христіанскими подданными. Этому чрезвычайно благопріятствовало измѣнившееся положеніе вещей; въ то время, какъ христіане были обезоружены, разъединены и пали духомъ, положеніе Турціи сильно измѣнилось къ лучшему. Турція успѣла реорганизовать и усилить за это время свой флотъ, преобразовала, и укомплектовала армію, сформировала милицію, улучшила свои финансы. Наконецъ, посѣщеніе Константинополя въ 1869 г. коронованными особами и принцами крови возвысило престижъ султана въ глазахъ мусульманъ и христіанъ и окончательно убѣдило Порту въ томъ, что симпатіи державъ были на ея сторонѣ. Пребываніе на берегахъ Босфора императрицы Евгеніи и императора австрійскаго совпало съ моментомъ наибольшаго вліянія на Турцію западныхъ [2]) державъ. Гр. Андраши предлагалъ въ то время Али-пашѣ военную поддержку Австро-Венгріи противъ Россіи, совѣтовалъ ему дать населенію Босніи и Герцоговины нѣко-

---

[1]) Какъ странно теперь это читать? Конечно, не прозрѣвалъ въ тогдашнее время гр. Игнатьевъ настоящія событія. *Ред.*

[2]) Впослѣдствіи Вильгельмъ II предпринялъ такое же путешествіе въ Турцію. *Ред.*

торыя льготы, чтобы умалить наше вліяніе на эти княжества, наконецъ предлагалъ Турціи нѣкоторыя территоріальныя пріобрѣтенія за нашъ счетъ.

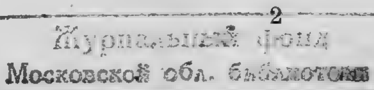
Парализовать эти враждебныя намъ вліянія, какъ признаетъ гр. Игнатьевъ было нелегко, но это ему до извѣстной степени удалось; цѣль, которую преслѣдовали наши политическіе противники, не была ими достигнута, но наши отношенія къ Турціи все-таки были натянуты, и между нами и западными державами установилось единство взглядовъ относительно дѣлъ на Востокѣ. Наша умѣренность и миролюбіе никѣмъ не были оцѣнены; они дали державамъ только поводъ дѣйствовать смѣлѣе и аггрессивнѣе. Какъ только въ Константинополѣ возникалъ какой-нибудь серьезный вопросъ, Австрія, Англія и Франція возставали тотчасъ противъ насъ какъ одинъ человѣкъ, Италія склонялась обыкновенно на сторону Франціи, а Пруссія колебалась между тѣми и другими [1]).

Въ своей враждебности къ намъ западныя державы поступались даже нерѣдко своими собственными интересами въ Турціи, лишь бы не ослабить Порту въ нашу пользу. По этимъ соображеніямъ была, напр., оставлена мысль о совмѣстномъ контролѣ державъ за дѣйствіями Порты.

Первое время послѣ заключенія Парижскаго договора, когда Наполеонъ III еще надѣялся вовлечь насъ въ орбиту своей политики, и представитель его въ Константинополѣ имѣлъ обыкновеніе совѣщаться съ чинами нашего посольства въ дѣлахъ, затрогивавшихъ общіе интересы, но мало по малу онъ оставилъ эту привычку.

Наше затруднительное положеніе осложнилось въ это время тѣмъ, что Австрія, послѣ разгрома при Садовой не дерзавшая возвышать своего голоса, теперь окрѣпла и стремилась занять преобладающее положеніе на Востокѣ. Въ ея внутреннемъ управленіи въ концѣ шестидесятыхъ годовъ получилъ замѣтное преобладаніе венгерскій элементъ и мадьяры старались подчинить своему вліянію австрійскихъ славянъ и внушить имъ мысль, что всѣ ихъ желанія могли осуществиться лишь при условіи, если они признаютъ свою солидарность съ Австріей, не будутъ искать соединенія съ Сербіей и порвутъ всѣ сношенія съ Россіей. Пропагандируя эти мысли при посредствѣ тайныхъ агентовъ и прессы, венгерскія власти лелѣяли надежду присоединить къ двуединой монархіи Боснію и Герцоговину, а

[1]) Какъ это перемѣнилось теперь, когда Англо-Французскій флотъ бомбардируютъ Дарданеллы. *Ред.*

затѣмъ и Румынію, утвердивъ свою власть на всемъ теченіи Дуная. Если бы это удалось, то рѣшеніе Восточнаго вопроса оказалось бы въ рукахъ Австро-Венгріи и Россія была бы отдѣлена отъ своихъ единовѣрцевъ большой преградой.

Таковы были мечты Венгріи въ 1867 г.; осуществить ихъ ей не удалось. Государственные дѣятели Венгріи поняли наконецъ, что самостоятельная политическая роль, которую они хотѣли играть, не соотвѣтствовала ни фактическимъ силамъ населенія, ни финансовому положенію страны [1]); это заставило ихъ взглянуть на будущее болѣе трезво и измѣнить свое отношеніе къ Россіи, но въ разсматриваемый моментъ эта перемѣна еще не наступила.

Понимая, что Россія, въ силу своихъ традицій и симпатій, оставаясь вѣрной своей исторической роли, будетъ дѣятельно противиться осуществленію честолюбивыхъ замысловъ мадьяръ и не позволитъ имъ распоряжаться судьбою славянъ, кабинетъ гр. Бейста хотѣлъ создать такую политическую конъюнктуру, которая парализовала бы наше противодѣйствіе и была бы благопріятна осуществленію плановъ Будапештскаго кабинета. Этимъ объясняются раздавшіяся въ то время обвиненія противъ Россіи въ томъ, что она была единственной причиной всѣхъ треволненій на Востокѣ, которыя она будто бы поддерживала систематически, при чемъ усердно подчеркивалось, что этому долженъ быть положенъ конецъ, если державы не хотятъ ускорить паденіе Турціи. Въ то время какъ гр. Бейстъ распространялъ подобные слухи и искалъ сближенія съ Франціей, тогда намъ враждебной, эта держава была со своей стороны не прочь сблизиться съ Габсбурской монархіей и вмѣстѣ съ нею привлечь Англію къ союзу противъ Россіи [2]).

„Въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 г. скончался въ Ниццѣ послѣ непродолжительной болѣзни Фуадъ-паша, одинъ изъ выдающихся дѣятелей Турціи, лѣтъ около двадцати стоявшій во главѣ ея управленія вмѣстѣ съ Али-пашею. Его исчезновеніе съ политическаго горизонта произвело въ Константинополѣ огромное впечатлѣніе и дѣйствительно было для Порты чувствительной потерей. Смерть Фуада-паши особенно поразила Али-пашу, который, несмотря на свое соперничество съ нимъ и нѣкоторое разногласіе во мнѣніяхъ, раздѣлялъ его политиче-

[1]) Въ 1914 г. оказалось, что венгерскіе дѣятели еще не поняли своей роли. *Ред.*

[2]) Каково это читать теперь, при разгромѣ турецкихъ Дарданеллъ Англо-Французскимъ флотомъ. *Ред.*

скіе взгляды и привыкъ нести вмѣстѣ съ нимъ бремя власти". Графъ Игнатьевъ такъ характеризуетъ этихъ двухъ видныхъ дѣятелей Турціи, съ которыми ему приходилось не разъ ломать копья, отстаивая интересы Россіи. „Али-паша, говоритъ онъ, былъ серьезный государственный дѣятель, но несмотря на свои европейскіе внѣшніе пріемы, онъ былъ въ душѣ истинный турокъ и противникъ христіанъ; Фуадъ-паша обладалъ умомъ космополитическимъ, былъ скорѣе европеецъ, нежели турокъ; человѣкъ безъ предразсудковъ, очень впечатлительный и нѣсколько поверхностный, находчивый, разносторонній и поэтому способный приспособляться къ обстоятельствамъ. Изъ этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей, въ лицѣ которыхъ воплощалась вся политика турецкаго правительства, Али-паша обладалъ несомнѣнно болѣе глубокими качествами, его умъ, хотя не столь блестящій, былъ глубже. Но духъ иниціативы, присущій Фуаду-пашѣ, его энергія и находчивость въ особенности удивительная гибкость его дарованій, дѣлали его самымъ выдающимся лицомъ изъ сановниковъ Турціи. Никто такъ, какъ онъ, не умѣлъ замаскировать ошибки своего правительства и поддержать въ глазахъ Европы престижъ страны. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи Фуадъ-паша оказалъ родинѣ выдающіяся политическія заслуги, быть можетъ, не достаточно оцѣненныя большинствомъ его единовѣрцевъ, но которыя съ европейской точки зрѣнія заслуживаютъ полнаго признанія. Что касается собственно отношенія къ Россіи, то присущая Фуаду-пашѣ доля легкомыслія была причиною, что у него не было въ этомъ отношеніи никакихъ предвзятыхъ идей. Въ послѣдніе годы жизни онъ не питалъ къ намъ никакой вражды. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ высказалъ близкимъ къ нему лицамъ свое сожалѣніе по поводу того, что онъ такъ долго ошибался въ оцѣнкѣ истинныхъ интересовъ Турціи, которые онъ могъ бы лучше отстаивать, опираясь на насъ, нежели на западныя державы, „которыя не понимаютъ Турціи". Если бы онъ пожилъ еще, быть можетъ, онъ облегчилъ бы сближеніе Турціи съ нами и явился бы противовѣсомъ нерѣшительному Али-пашѣ. Впрочемъ, они прекрасно дополняли другъ друга во всемъ".

„Оставшись по смерти Фуада-паши одинокимъ, потерявъ поддержку своего коллеги, Али-паша вынужденъ былъ одинъ бороться противъ своихъ многочисленныхъ противниковъ и упалъ духомъ. Тѣмъ не менѣе онъ съумѣлъ побороть всѣ трудности и воспользоваться всѣми преимуществами, какія можно

было извлечь изъ создавшагося положенія. Оставаясь вѣрнымъ принципу котораго онъ держался вмѣстѣ съ Фуадомъ-пашею, онъ старался сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ. Самые опасные соперники великаго визиря, Митхадъ и Намыкъ-паши были высланы изъ Константинополя; лидеры старой турецкой партіи: Руджи, Риза, Кибризли потеряли всякое значеніе. Министерство было сформировано изъ лицъ, вполнѣ преданныхъ Али-пашѣ, совмѣстившаго постъ великаго визиря съ портфелемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Обезпеченный огромной властью, пользуясь всецѣло довѣріемъ султана и большимъ вліяніемъ какъ въ Турціи, такъ и на западѣ, которое возросло послѣ Парижской „конференціи", Али-паша оставался до смерти во главѣ управленія".

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 года французскій посланникъ въ Константинополѣ, Буре, былъ отозванъ. Отъѣздъ этого дипломата, который въ теченіе трехлѣтняго пребыванія въ Константинополѣ держалъ себя по отношенію къ намъ враждебно, не могло пройти незамѣченнымъ.

„Прекрасный знатокъ Востока, говоритъ объ немъ графъ Игнатьевъ, онъ искренно желалъ блага Турціи, но у него не было широты взгляда и онъ размѣнивался на мелочи. Кромѣ того, онъ завидовалъ лаврамъ лорда Стратфорда Редклифа; это толкнуло его на ложный и неблагодарный путь: онъ страстно желалъ способствовать возрожденію Турціи, но какъ человѣкъ нерѣшительный боялся всякой радикальной мѣры, которая влечетъ за собою личную отвѣтственность. Если, съ точки зрѣнія общей политики, отъѣздъ Буре былъ чувствительной потерей для турокъ, то, съ другой стороны, этотъ посланникъ имѣлъ даръ надоѣсть турецкимъ министрамъ своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Порты; онъ даже возстановилъ противъ себя самого султана, который относился къ нему послѣднее время съ ясно выраженной антипатіей. Турки вполнѣ понимали, что не найдется другого французскаго посланника, который былъ бы такъ преданъ ихъ интересамъ и сталъ бы такъ ревностно защищать ихъ и покрывать ихъ ошибки, какъ это дѣлалъ Буре, однако, они скоро позабыли выдающіяся услуги, оказанныя имъ Турціи въ ея столкновеніи съ Греціей, въ финансовыхъ дѣлахъ и въ инсценированіи реформъ, которыми Порта старалась поразить Европу; они забыли, какъ онъ умѣлъ скрывать недостатки турецкаго управленія и истинное положеніе Имперіи, тѣмъ не менѣе его отъѣздъ встревожилъ турецкихъ сановниковъ, не знавшихъ, какъ перемѣна посланника

отзовется на отношеніи къ Турціи французскаго посольства. Вскорѣ для Турціи возникъ новый предметъ живѣйшей тревоги. Объявленіе войны между Франціей и Пруссіей вызвало въ Константинополѣ величайшія опасенія. Порта написала, что если война не будетъ локализована или ежели она затянется надолго, то это неминуемо отразится на Востокѣ. Въ первый моментъ Турція разсчитывала на быструю побѣду Франціи и очень желала этой побѣды [1]), боясь, чтобы въ противномъ случаѣ Франція не сблизилась съ Россіей и не заключила съ ней союзъ въ ущербъ интересамъ, которые она защищала въ Турціи.

Турки слѣдили съ живѣйшей тревогой за извѣстіями, доходившими съ театра военныхъ дѣйствій. Слухи о пораженіяхъ французской арміи повергали ихъ въ отчаяніе. Ихъ тревога усиливалась тѣмъ, что наши единовѣрцы были увѣрены, что побѣда Франціи ухудшитъ ихъ положеніе, и горячо желали успѣха прусской арміи. Явно туркофильская политика Тюильрійскаго кабинета, не скрывавшаго послѣдніе годы своихъ симпатій къ Портѣ, окончательно возстановила противъ Франціи христіанъ Балканскаго полуострова, и они стали тяготѣть къ Пруссіи. Смотря, по обыкновенію, на всякое европейское событіе со своей мѣстной точки зрѣнія, турецкіе подданные—христіане надѣялись, что война на Западѣ затянется надолго и что Россія успѣетъ выполнить въ это время то, что они считали ея исторической миссіей. Наши единовѣрцы были твердо увѣрены въ томъ, что между Россіей и Пруссіей заключенъ союзъ для взаимодѣйствія на Западѣ и на Востокѣ; какъ бы то ни было, уже въ самомъ началѣ войны можно было предсказать, что ежели Россія сохранитъ нейтралитетъ, то спокойствіе въ европейской Турціи не будетъ нарушено.

Мало-по-малу тревога улеглась, турки примирились съ перемѣной, происшедшей во Франціи, вслѣдствіе капитуляціи французской арміи подъ Седаномъ, и Али-паша даже говорилъ, что „императоръ Наполеонъ получилъ должное, что онъ усѣялъ Европу развалинами и что остается только пожелать Пруссіи полной и рѣшительной побѣды для того, чтобы эта раззорительная война скорѣе окончилась“.

Султанъ на аудіенціи, данной нашему посланнику въ сентябрѣ мѣсяцѣ, высказался еще болѣе опредѣленно: „никто не

---

[1]) Какъ теперь измѣнились желанія Турціи, нынѣ находящейся на содержаніи Германіи. *Ред.*

сдѣлалъ Турціи столько зла, какъ императоръ Наполеонъ своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла“, сказалъ онъ графу Игнатьеву.

Внезапная эволюція, совершившаяся въ отношеніи къ Франціи, которую турки цинично не старалась даже скрыть, была вызвана не столько политическими соображеніями, сколько безсознательнымъ страхомъ и уваженіемъ, который имъ внушала сила побѣдителя... Они думали, что Германія будетъ для нихъ болѣе вѣрной и безкорыстной союзницей, нежели Франція, которая заботилась, главнымъ образомъ, объ интересахъ католиковъ и ради нихъ всегда была готова произвести давленіе на Турцію. Хотя дружественныя отношенія, существовавшія между Петербургомъ и Берлиномъ, не особенно оправдывали соображенія турокъ, но они все-таки не теряли надежды на поддержку Германіи въ случаѣ опасности. Въ то же время они прекрасно понимали, какое выгодное положеніе создали намъ событія, совершившіяся на Западѣ Европы; они понимали, что мы выиграли на политической почвѣ на Востокѣ все то, что потеряла Франція.

„Волнуемый противоположными опасеніями и надеждами, великій визирь старался прежде всего выиграть время—обычная тактика турокъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, которую Али-паша усвоилъ въ совершенствѣ“.

Однако, по мѣрѣ того, какъ яснѣе обозначался успѣхъ Пруссіи, тревога турокъ снова возрастала; они боялись, что Россія воспользуется моментомъ, когда вниманіе Европы будетъ отвлечено войною, чтобы настоять на улучшеніи судьбы христіанъ—подданныхъ Турціи. Особенно встревожила ихъ поѣздка въ Петербургъ Тьера, такъ какъ можно было думать, что сближеніе Россіи съ Франціей будетъ куплено цѣною уступокъ на Востокѣ; но и эти опасенія мало-по-малу улеглись. Твердый и миролюбивый образъ дѣйствій императорскаго кабинета не оставилъ повода для тревоги, тѣмъ болѣе, что среди христіанскаго населенія Турціи не было замѣтно ни малѣйшаго волненія.

„И все-таки Порта не была увѣрена въ завтрашнемъ днѣ; она боялась конгресса, которому предстояло ликвидировать послѣдствія войны и на которомъ, какъ носился слухъ, Россія намѣревалась потребовать пересмотра Парижскаго трактата“.

„Истинныя намѣренія Россіи никому не были извѣстны; объ нихъ ходили самые ложные и фантастичные слухи“.

Что касается графа Игнатьева, то онъ съ самаго своего пріѣзда въ Константинополь (въ 1864 году) выяснилъ турецкому правительству свой взглядъ на Парижскій договоръ 1856 года.

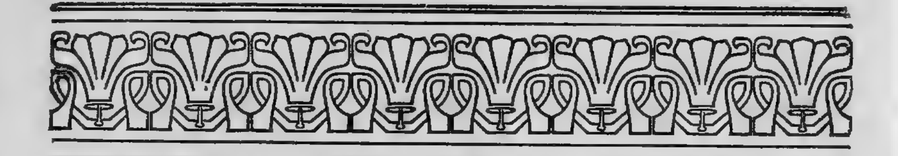
„Я далъ понять туркамъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, что статьи этого дипломатическаго акта, касающіяся ограниченія нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ и перемѣщенія нашей границы въ Бессарабіи, оскорбительны для нашего національнаго самолюбія и, слѣдовательно, такъ же вредны для истинныхъ интересовъ Турціи, какъ и для Россіи; и что Порта болѣе всего заинтересована въ томъ, чтобы наши желанія въ этомъ отношеніи были удовлетворены и чтобы мы не могли предъявить къ ней болѣе никакихъ требованій".

„На практикѣ тревожное состояніе духа, овладѣвшее умами въ Константинополѣ, выразилось въ слѣдующихъ двухъ фактахъ: съ одной стороны Порта всячески старалась быть намъ пріятной и выказывала намъ въ нашихъ ежедневныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ такую предупредительность и такую сговорчивость, которыя значительно облегчали наши сношенія съ нею (точно также турецкіе министры относились и къ Пруссіи). Съ другой стороны правительство султана, несмотря на безденежье, заботилось объ увеличеніи вооруженныхъ силъ Имперіи".

Таково было политическое положеніе Турціи въ то время, когда нами былъ поставленъ вопросъ о Черномъ морѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Власть прошлаго[1]).

На вторую зиму выѣзды ей ужъ надоѣли. Митюша сталъ занятнымъ, интереснымъ ребенкомъ, началъ лепетать, понимать; его отняли отъ груди и наняли хорошую, опытную няню.

Но Наташа ей все-таки же не довѣряла и стала почти безвыѣздно сидѣть дома.

— Наташа, что же ты не одѣваешься? опять не ѣдешь къ Бревернъ сегодня? говорилъ Андрей Александровичъ, входя въ сюртукѣ съ эполетами, въ дѣтскую, гдѣ на большомъ мягкомъ коврѣ, среди комнаты, сидѣла Наташа въ блузѣ съ распущенной косой и строила изъ кирпичиковъ замысловатую башню. Митюша топтался около нея, собиралъ разбросанные по ковру кубики, падалъ на тутъ же лежащія подушки и заливался дѣтскимъ яснымъ смѣхомъ. Отрываясь на минуту отъ своего серьезнаго занятія, Наташа поднимала глаза на мужа; взглядъ ея съ чувствомъ тайной гордости и удовлетвореннаго самолюбія скользилъ по элегантной и стройной фигурѣ; отъ Андрея Александровича вѣяло молодостью и здоровьемъ; тонкимъ надушеннымъ платкомъ разглаживалъ онъ свои усы.

— Нѣтъ, голубчикъ мой, не поѣду! рѣшала она, вновь принимаясь за работу. Ну, развѣ можно уѣхать отъ него? Ну, какъ его оставить!

— Но вѣдь съ нимъ няня, слабо протестовалъ Андрей Александровичъ.

— То няня, а то я! Нѣтъ, поѣзжай, родной мой, а я ужъ посижу дома. Пріѣдешь, разскажешь, какъ все было. Замѣть, пожалуйста, въ какомъ туалетѣ будетъ княжна Завадская...

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1915 г.

Она вставала съ ковра, поднимала къ нему сына.

— Ну, Митюша, крести папу! Скажи: папа, прощай и будь пай!

Ребенокъ безсвязно лепеталъ и тыкалъ отца пальчиками въ лобъ и въ грудь. Андрей Александровичъ обнималъ жену и сына и въ веселомъ настроеніи духа отправлялся въ гости. Онъ любилъ общество и не могъ жить безъ него. Да и его вездѣ встрѣчали съ распростертыми объятіями.

Веселый, разговорчивый, всегда умѣвшій угодить и понравиться дамамъ, онъ былъ всегда душою вечеринокъ или пикниковъ, которые рѣдко устраивались безъ него.

За Наташей было дано небольшое приданое, тысячъ тридцать; потомъ былъ еще домъ въ Москвѣ, имѣніе. До продажи всего этого доходы дѣлились, конечно, между всѣми сестрами; молодые Скарятины могли жить безбѣдно. Андрей Александровичъ не пилъ, не кутилъ, въ карты игралъ и проигрывалъ постолько, поскольку это требовалось отъ свѣтскаго человѣка.

— А что, если мы купимъ съ тобою домишко? сказалъ онъ какъ-то Наташѣ. Подумай — свой уголокъ, отдѣлаемъ его по своему вкусу; вѣдь это, должно быть, очень пріятно сознавать, что каждый гвоздь—твой!

— Ну, что же, покупай, дружокъ, дѣлай, какъ хочешь! Ты знаешь, вѣдь я ничего не понимаю въ денежныхъ дѣлахъ.

Такъ говорила Наташа, озабоченная въ то время прорѣзываніемъ глазныхъ зубовъ у Митюши.

Случай представился. На Пречистенкѣ, въ одномъ изъ переулковъ съ аукціона продавался домъ. Андрей Александровичъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ его пріобрѣлъ чуть не даромъ. Но домъ былъ—рухлядь, и на него пришлось положить изрядную сумму, чтобы сдѣлать его обитаемымъ. Процентныя бумаги лежали у Андрея Александровича въ столѣ, но онъ никогда не трогалъ ихъ, не предупредивъ Наташу.

— Наташа, знаешь — этихъ трехъ тысячъ, что я взялъ на той недѣлѣ—не хватило, говорилъ онъ, немного конфузясь. Придется, пожалуй, взять еще столько же. Какой я паркетъ купилъ, какія ручки къ дверямъ—одинъ восторгъ! И, знаешь, прямо гроши стоятъ! Не знаю, какія лучше размѣнять, продолжалъ онъ озабоченнымъ, дѣловитымъ тономъ, рязанскія ли акціи, или государственную ренту? Какъ ты думаешь?

Что она думала—это было очень трудно сказать.

— Какія смѣшныя бумажки! говорила она, глядя, какъ онъ перебиралъ процентныя бумаги.

— А это что?

— Это я рѣжу купоны — это тѣ же деньги, пояснялъ онъ.

Смѣшныя бумажки таяли одна за другой.

Къ тому же времени и дѣла стариковъ Скарятиныхъ стали запутываться. Домъ на Покровкѣ, которымъ они владѣли, былъ заложенъ и перезаложенъ. Василій и Сергѣй, одинъ въ уланахъ, другой въ гвардіи кутили и должали. Самъ Александръ Николаевичъ, привыкшій жить всегда не по средствамъ, не сумѣлъ и сыновьямъ своимъ внушить, что слѣдовало, т.-е. аккуратность и разсчетливость; его отцовскому самолюбію льстило, что его сыновья—блестящіе гвардеецъ и кавалеристъ.

Впрочемъ, Василій дѣлалъ хорошую партію и женился на очень богатой дѣвушкѣ изъ купеческой семьи. Добрая Елена Ивановна, какъ ни старалась сводить концы съ концами — не могла ничего сдѣлать. Боготворя своего мужа, она не могла не баловать его; и иногда, когда въ домѣ не было лишняго рубля на что-нибудь нужное и необходимое — Александру Николаевичу подавали рябчикъ и артишокъ.

— Вотъ пгошелся и аппетитъ хогошій нагулялъ! говаривалъ онъ, картавя, вернувшись въ ясный морозный день съ прогулки и ходя по столовой въ ожиданіи обѣда, засунувъ зазябшія руки въ карманы своихъ брюкъ. Онъ былъ не по лѣтамъ моложавъ и подвиженъ.

Такъ прошелъ еще одинъ годъ. Митюша уже бѣгалъ молодцомъ и начиналъ много болтать. Наташа была такъ счастлива, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ.

Въ дневникѣ она писала:

„Слишкомъ, слишкомъ много счастья! Я не стою его! За что только Господь посылаетъ его мнѣ! Андрей и Митюша— вотъ моя жизнь, весь мой свѣтъ! Не знаю, который изъ двухъ дѣлаетъ меня болѣе счастливой? Что дороже мнѣ? Сознательная ли любовь друга — мужа, или безсознательная — младенца сына? Молю Господа лишь объ одномъ, чтобы Онъ помогъ мнѣ быть достойной женой и примѣрной матерью, чтобы я могла сдѣлать счастливыми ихъ, моихъ дорогихъ голубчиковъ“!

Но горе и скорбь подстерегали свою жертву. И какое горе! Самое великое, которое только можетъ испытать женщина-мать. Удары судьбы — неизбѣжны. Какъ волны прибоя несутся они на берегъ и мѣрно и безслѣдно сметаютъ людскія жизни. А

эти маленькія жизни! Какъ цвѣты, распустившіеся на разсвѣтѣ, они не доживаютъ и до утра. Ихъ отчизна не здѣсь! Изъ далекихъ краевъ примчались эти Ангелы къ намъ, освѣтили мимолетнымъ лучемъ нашу грѣшную жизнь и вновь умчались къ своимъ роднымъ небесамъ!

Въ тотъ годъ въ Москвѣ свирѣпствовали страшныя эпидеміи; впрочемъ, когда ихъ не было! Дифтеритъ, скарлатина дѣлали свое ужасное дѣло. Осиротѣвшія матери неутѣшно рыдали надъ маленькими гробиками, лишались разсудка и въ своемъ безуміи грозили небесамъ.

Однѣ кричали свое горе, другія падали въ изнеможеніи подъ этими ударами судьбы и отказывались продолжать жить. А безжалостная смерть косила и косила...

Настали святки. Тихо зажглась на небѣ Рождественская звѣзда. Но не для всѣхъ засіяла она радостно! Въ домѣ Скарятиныхъ скорбь и слезы. Митюшѣ уже съ утра неможилось. Вечеромъ должны были зажечь елку, приготовленную и увѣшанную съ такой любовью. Но, не дождавшись вечера, Наташа принесла больному ребенку чуть не всѣ игрушки, предназначенныя ему.

— Радость моя, мальчикъ мой! вотъ, смотри: лошадка съ тележкой, птичка въ клѣткѣ, паяцъ! Взгляни, какъ онъ поднимаетъ ручки! Разъ, два!..

И Наташа, стоя на колѣняхъ передъ Митюшей, котораго держала няня, показывала ему всѣ эти занятныя вещички и смѣялась, громко смѣялась, желая заглушить все то, что подымалось и шумѣло въ головѣ и сердцѣ.

Но ребенокъ, лѣниво протянувъ сперва ручонки и улыбнувшись лишь однѣми губками (въ глазахъ уже было страданіе), отвернулся и заплакалъ.

Къ вечеру пріѣхалъ докторъ и поставилъ ужасный діагнозъ: скарлатина.

Наташа обезумѣла.

— Какъ? Скарлатина! Зачѣмъ скарлатина? Зачѣмъ такой ужасъ! Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!

Но жестокая судьба не отвѣчаетъ намъ, и все совершается, какъ предназначено свыше.

Цѣлую недѣлю страдалъ и мучался Митюша; скарлатина, осложнившаяся дифтеритомъ, наложила свою тяжелую десницу на бѣднаго ребенка и унесла еще одну жертву. Въ канунъ

Новаго года, въ страшныхъ мученіяхъ скончался бѣдный Ангелъ!..

Наташа, бѣдная Наташа! развѣ можно сказать, повѣдать человѣческими словами эти нечеловѣческія мученія матери, смотрящей на умирающаго ребенка! Она не помнитъ, что съ ней было. Убитый, весь въ слезахъ, склонился Андрей Александровичъ надъ женою и поднялъ ее. Наташа стояла на колѣняхъ около кроватки, припавъ лицомъ къ дорогимъ холодѣющимъ ножкамъ. Она не плакала, не молилась. Она окаменѣла.

Рано утромъ на другой день, когда всѣ въ домѣ, потрясенные страшнымъ событіемъ и утомленные всевозможными грустными хлопотами, еще спали, Наташа, проснувшись отъ тяжелаго долгаго сна (она семь сутокъ не смыкала глазъ), очнулась и пришла въ себя. Ужасная дѣйствительность заставила ее содрогнуться. Неужели это правда? Неужели его нѣтъ? Неужели вотъ сейчасъ не отворится дверь и онъ веселенькій, здоровенькій не вбѣжитъ въ спальню, топоча своими крошечными ножками! Подбѣжитъ къ ея кровати и, становясь на цыпочки и цѣпляясь ручонками за подушки, тихо скажетъ: „Мама, ти ба-бай“!

Старуха-няня бѣжитъ за нимъ, ворчитъ и ловитъ его. Но мамины руки успѣли схватить свое сокровище. Она прижимаетъ его къ себѣ, прячетъ подъ одѣяло, а онъ, зарывшись личикомъ у нея на груди, кричитъ звонкимъ голоскомъ: „Мика тю-тю“!

И вотъ его нѣтъ! Онъ не прибѣжитъ больше! Она его больше никогда не увидитъ, не услышитъ! Но гдѣ же онъ, гдѣ онъ?

Наташа встаетъ и тихими шагами идетъ въ маленькое зальце, открываетъ дверь. Вотъ на столѣ, покрытое бѣлой простыней, лежитъ то, что когда-то было Митюшей. Дрожащей рукой отдергиваетъ она бѣлую ткань и съ ужасомъ отшатывается назадъ, закрывъ лицо руками. Желтое потемнѣвшее личико, глазки сомкнуты, губки строго стиснуты; золотыя кольца волосъ приглажены и аккуратно лежатъ на подушкѣ.

— Мальчикъ, ангелъ мой, жизнь моя! зачѣмъ ты меня оставилъ! Зачѣмъ, куда ушелъ!..

И Наташа припадаетъ къ холодному тѣльцу, обнимаетъ его, цѣлуетъ.

— Господь Вседержитель! Царица Небесная, зачѣмъ отняли Вы его у меня! Я такъ его любила, такъ его берегла! За что такое мученье! Что я сдѣлала, чѣмъ заслужила? За что, Господи, за что?..

Сильныя, ласковыя руки поднимаютъ и поддерживаютъ ее. Андрей Александровичъ, проснувшись и увидѣвъ, что Наташи нѣтъ, догадался, куда она ушла, и поспѣшилъ къ ней.

— Андрюша, милый, скажи, за что Господь насъ такъ наказалъ, что мы сдѣлали? скажи, скажи, Андрюша!

И, припавъ къ плечу Андрея, она стонетъ безъ слезъ.

Какое ужасное, тяжелое, страшное время!.. Даже теперь, спустя столько лѣтъ, вспоминая эти дни, смертельный холодъ леденитъ душу и непрошенныя рыданья сжимаютъ горло. А тогда что было!..

Вотъ горе, на которое Господь не даетъ забвенія! Рана въ сердцѣ, которая все время сочится кровью. И, если временами боль и утихаетъ, то только затѣмъ, чтобы опять возобновиться съ большей силой! Неизлѣчимое, незабываемое горе!..

Прошелъ съ лишнимъ годъ, и Наташа снова почувствовала себя матерью. Счастью ея не было границъ. Она ждала этого, какъ небеснаго благословенія. Ее мучило и терзало, что ея ожиданія были такъ долги; она уже рѣшила, что недостойна быть больше матерью. И вдругъ—о счастье! Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ воскликнула она: „Величитъ душа моя Господа"!..

За этотъ годъ въ ихъ жизни произошло много перемѣнъ. Передѣлка и перестройка купленнаго дома привели къ очень грустнымъ результатамъ. Довѣрчивый и слабохарактерный Андрей Александровичъ попалъ въ руки „дѣльцовъ", которые его „обставили", какъ и слѣдовало этого ожидать. Почти весь капиталъ Наташи ушелъ на домъ, а когда переѣхали жить въ него, то оказалось, что на одно жалованье Андрея Александровича прожить было невозможно; домъ заложили за порядочную сумму, а когда пришло время платить по закладной, то денегъ не оказалось и домъ пошелъ съ аукціона. Наташа была огорчена за Андрея Александровича; ее же лично это мало трогало. Елена Ивановна сердилась и ворчала на нее за эту флегматичность. Она все увѣряла, что если бы Наташа относилась съ большимъ интересомъ ко всѣмъ этимъ дѣламъ, то и Андрей Александровичъ былъ бы осторожнѣе. Но, если она разсчитывала, что Наташа своимъ вмѣшательствомъ могла принести

пользу, то она жестоко ошибалась. Наташа жила въ святомъ невѣдѣніи и ничего не понимала въ денежныхъ дѣлахъ, да и Андрей Александровичъ не любилъ ни съ кѣмъ совѣтоваться.

А теперь вдобавокъ она вся была поглощена своимъ положеніемъ. Въ спальнѣ стояла новая колыбель, а въ комодѣ рядомъ каждый день все прибавлялись новыя и новыя стопочки пеленокъ, распашенокъ, бинтиковъ и т. д., и т. д. Наташа купила себѣ машинку и шила сама все приданое. Старуха-няня, выходившая Митюшу, осталась въ домѣ и ухаживала за Наташей, ожидая съ неменьшимъ нетерпѣніемъ появленія на свѣтъ новаго питомца. Кормить же Наташа рѣшила сама, и теперь уже никто не смогъ отговорить ее отъ этого.

— Это моя святая обязанность,—говорила она, не предполагая еще въ то время, какое счастье и блаженство принесетъ ей эта обязанность.

И вотъ въ первыхъ числахъ января 188... года родился Коля. Роды были легкіе, длившіеся едва нѣсколько часовъ. Когда она впервые услыхала его крикъ, то съ ней едва не сдѣлалось дурно, но не отъ слабости, а отъ радостнаго волненія. Какъ разсказать, гдѣ найти слова, чтобы описать тотъ восторгъ то блаженство, которые охватили Наташу, когда она впервые приложила новорожденнаго къ своей груди! Немощное наше слово, которымъ такъ трудно передать избытокъ чувствъ! Вотъ и опять малютка-сынъ около нея! Все время проводитъ она съ нимъ. Какъ радуется и блаженствуетъ, когда онъ здоровъ и веселъ. Какъ пугается и скорбитъ, когда ему неможется. И горе, и радость—все тутъ. Перваго больше. Потому что даже, когда онъ здоровъ и безпечно веселъ, призракъ *того, страшнаго* всегда передъ ея глазами. Ребенку не вырости безъ болѣзней. И зубы, и простуду легкую схватитъ! А ужъ въ сердцѣ матери все это выросло въ смертельную опасность. Сколько томительныхъ, безсонныхъ ночей проводитъ она у его изголовья! А вотъ и корь, обычная дѣтская болѣзнь подкралась незамѣтно. Но и она проходитъ благополучно, и только чудныя, золотистыя кудри приносятся въ жертву и обстригаются безжалостной рукой парикмахера. Головенка выбрита наголо. Вмѣстѣ съ Колей сквозь слезы, смѣется она, собираетъ съ пола дорогія пряди, приказываетъ горничной непремѣнно сжечь ихъ и въ безумной ласкѣ цѣлуетъ своего татарченка.

— Господь милостивый сохранилъ тебя—а о кудряхъ что толковать. Другія выростутъ...

А между тѣмъ жизнь даетъ себя знать. Денегъ больше нѣтъ; подкрадывается нужда, и Андрей Александровичъ съ радостью хватается за мѣсто воспитателя въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. По протекціи, помимо всѣхъ кандидатовъ, директоръ принимаетъ его. И Наташа, и онъ вздохнули свободнѣе. Казенная квартира, освѣщеніе, отопленіе и жалованье. Не нужно платить за квартиру, не нужно покупать дровъ! Это ли не счастье? Это ли не спокойствіе? Устроили новое гнѣздышко и радостно переѣхали туда. Квартира хорошенькая; тепло, свѣтло; а главное—чудный воздухъ, такъ какъ корпусъ за городомъ и дивный паркъ. Котику есть, гдѣ побѣгать и порѣзвиться! Цѣлые дни Наташа проводитъ съ нимъ, играетъ, гуляетъ. Мужа видитъ мало; онъ весь ушелъ въ новую службу, да и дѣла много. По вечерамъ же уходитъ къ товарищамъ перекинуться въ картишки, до которыхъ онъ большой охотникъ.

Колѣ ужъ восьмой годъ. Мальчикъ на рѣдкость хорошъ собой. Правильный овалъ лица; большіе вдумчивые глаза, тонкій изящный носикъ и красиво-очерченный ротикъ. Новыя кудри опять выросли и цѣлымъ лѣсомъ обрамляютъ милое лицо. Весь онъ такой тонкій, изящный, какъ будто сорвался съ картинки.

Ребенокъ росъ живой, шаловливый, и Наташа едва поспѣвала за нимъ. Хотя няня и жила еще у нихъ, но Наташа не довѣряла даже и ей и все время была сама съ ребенкомъ. Теперь уже нужно было его развивать, говорить, читать съ нимъ.

Въ столовой стоялъ большой мягкій диванъ—это было любимое мѣстопребываніе матери и сына. Въ долгіе зимніе вечера, послѣ обѣда, когда Андрей Александровичъ уходилъ въ корпусъ на вечернія занятія, они просиживали здѣсь часами вмѣстѣ. Наташа читала вслухъ. Коля сидѣлъ рядомъ, прижавшись всѣмъ тѣльцемъ къ ней, просунувъ ручку подъ ея руку, приткнувшись головкой къ ея плечу. Майнъ-Ридъ, Эмаръ, Жюль-Вернъ, всѣ волшебныя сказки проходили мимо Коли. Съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ ее! Съ какимъ интересомъ и восторгомъ слѣдилъ за судьбою героевъ! Когда же Наташа опускала книгу на колѣни, чтобы немного отдохнуть, то Коля пользовался этимъ временемъ, чтобы фантазировать самому.

— Мамочка, когда я буду большой...

Но Наташа уже не слушала его.

Когда онъ будетъ большой!.. Ея Котикъ—большой, взрослый! Господи, когда это будетъ!

Доживетъ ли она до этого? И неужели онъ когда-нибудь будетъ взрослый мужчина, какъ и всѣ!..

— Мамочка, ты не слушаешь меня!

И Коля, зажавъ ладошками ея лицо, повертывалъ его къ себѣ и цѣловалъ, чтобы привлечь ея вниманіе.

— Слушаю, слушаю, мой ненаглядный! Ну, такъ вотъ, когда ты будешь большой...

И *большой* Коля уѣзжалъ въ Америку къ краснокожимъ, плавалъ на подводной лодкѣ и леталъ на воздушномъ шарѣ...

М. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года [1].

(Переводъ съ французской рукописи Н. А. Бѣловой).

Петербургъ $\frac{18}{19}$ января 1762 года.

(*Писано шифромъ*). „Все то, что я сообщалъ вашему превосходительству въ своихъ прежнихъ донесеніяхъ относительно предрасположенія Императора къ Англіи и Пруссіи, постоянно проявляется самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Портретъ прусскаго короля, выставленный Императоромъ въ своихъ покояхъ, не единственное тому доказательство,—теперь онъ уже носитъ на рукѣ перстень съ такимъ же изображеніемъ прусскаго короля. Несмотря на то, что въ бытность свою Великимъ Княземъ онъ ни разу не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ ни одного изъ посланниковъ, — онъ былъ у г-на Кейта въ прошлый вторникъ, вечеромъ; онъ прибылъ къ нему совершенно неожиданно въ обществѣ ген. Мельгунова и шталмейстера Нарышкина и въ сопровожденіи только одного лакея; онъ оставался у англійскаго посланника очень долго, курилъ свою трубку и выпилъ нѣсколько бутылокъ бургонскаго вина и англійскаго пива; затѣмъ онъ весьма дружески, еле держась на ногахъ, простился съ посланникомъ, приглашая его придти на другой день поужинать съ нимъ у m-lle Воронцовой, въ чемъ ему г. Кейтъ никоимъ образомъ не рѣшился отказать. Уходя, Императоръ сказалъ, что придетъ къ г. Кейту ужинать сегодня вечеромъ; обѣщаніе это Императоръ сдержалъ сегодня, при чемъ онъ самъ избралъ себѣ компанію изъ тринадцати

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1915 г.

человѣкъ,—въ ихъ числѣ находился г. Гордтъ. Я вполнѣ увѣренъ, что г. Кейтъ, человѣкъ тонкаго ума, съумѣлъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ на пользу своего двора.

Близкій его другъ признался мнѣ, что единственной заботой г. Кейта было удалить Россію отъ союза съ дворами вѣнскимъ и версальскимъ; достиженіе этой цѣли не составитъ ему особаго труда, въ виду благопріятнаго для Англіи настроенія Императора, его восторженнаго преклоненія передъ прусскимъ королемъ и ненависти къ Франціи, и я полагаю, что въ данное время посланникъ уже вполнѣ достигъ своей цѣли и какъ нельзя лучше успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Тотъ же другъ г. Кейта клятвенно увѣрялъ меня въ томъ, что по отношенію къ намъ г. Кейтъ всячески старался смягчить Императора и разъяснить ему всѣ выгоды, которыя онъ можетъ извлечь, теперь больше, чѣмъ когда-либо, отъ установленія мирныхъ отношеній съ Даніей; онъ, повидимому, говорилъ ему также о томъ, что, прежде, чѣмъ начинать войну съ нами, слѣдовало, по крайней мѣрѣ, предварительно испробовать всѣ мирные способы и что, поступивъ такимъ образомъ, — не только во мнѣніи Англіи заслуга его будетъ неизмѣрима,—но онъ пріобрѣтетъ себѣ безсмертную славу во всей Европѣ.

Вотъ приблизительно тотъ оборотъ, который придалъ г-нъ Кейтъ всему дѣлу для того, чтобы умиротворить Государя; быть можетъ, если доводы г. Кейта и не вполнѣ достигнутъ желательной цѣли, то они произведутъ все же на него сильное впечатлѣніе и заставятъ, еще на нѣкоторое время, отдалить выполненіе своего жестокаго рѣшенія.

Я не считалъ бы невозможнымъ, чтобы г-ну Кейту, при его вліяніи на Императора, удалось довести до него голосъ разума и умѣрить его ненависть къ намъ, если бы, къ несчастью, Государь, обладающій, какъ мнѣ кажется, въ сущности не злымъ сердцемъ, не былъ постоянно окруженъ льстецами и злонамѣренными людьми, которые всячески стараются поддерживать его предразсудки и возстановлять его противъ насъ. Г. Вольфъ, котораго я считаю болѣе разумнымъ и менѣе злонамѣреннымъ, чѣмъ другіе, получилъ чинъ тайнаго совѣтника и будетъ присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ министра по гольштинскимъ дѣламъ, — одно изъ нововведеній, которому до сихъ поръ не было здѣсь примѣра.

Завтра г. Кейтъ отправляетъ курьера къ своему двору; я убѣжденъ, что тамъ останутся весьма довольны его донесеніями.

Гг. Мерси и Бретейль возмущены тѣмъ, что Императоръ такъ скоро снялъ маску и что у него не хватило даже настолько выдержки, чтобы хотя первое время соблюсти приличіе и вѣжливость. Они взбѣшены его отношеніями къ г. Кейту и его публичными ужинами у него: они смотрятъ на это, какъ на оскорбленіе по отношенію къ нимъ и ихъ дворамъ. Послѣ завтра они отправятъ курьеровъ къ своимъ дворамъ съ этой возмутительной новостью, полагая, что это болѣе, чѣмъ достаточный поводъ для того, чтобы быть отозванными своими дворами. Скоро мы дождемся того, что увидимъ здѣсь посланника прусскаго короля, такъ какъ событія быстро подвигаются впередъ.

Императоръ не болѣе стѣсняется высказывать свою ненависть къ французамъ, чѣмъ что-либо другое. Имъ уволены отъ двора всѣ, кто носитъ французскую фамилію, включительно до поваровъ, служившихъ еще при покойной Императрицѣ; нѣсколько дней тому назадъ, Императоръ во всеуслышаніе заявилъ, за столомъ, обращаясь къ вельможамъ, что они хорошо сдѣлали бы, уволивъ всѣхъ французовъ, находившихся у нихъ на службѣ. Присутствовавшій при этомъ г. Лефортъ немедленно отправился домой и тотчасъ же разсчиталъ своего стараго камердинера-француза, вѣрно служившаго ему въ теченіе двухъ лѣтъ; его примѣру послѣдовали другіе.

Императоръ такъ далеко заходитъ въ проявленіи своей ненависти, что почти уже не произноситъ имени французской націи безъ того, чтобы не прибавить какого-либо ругательства. Представляя ему англійскихъ купцовъ, г. Кейтъ сказалъ, что они доставляютъ ему ежегодно большіе доходы — въ чемъ онъ могъ самъ убѣдиться изъ таможенныхъ отчетовъ,—такъ какъ въ рукахъ англійскихъ купцовъ находится двѣ трети всей торговли Россіи какъ по ввозу, такъ и по вывозу товаровъ; на это Императоръ отвѣтилъ: „я хорошо знаю, мой дорогой Кейтъ, что эти купцы, которыхъ я очень цѣню, весьма мнѣ полезны, и я знаю еще болѣе того, что французы (при этомъ онъ употребилъ весьма некрасивый эпитетъ) ничего не стоятъ".

Третьяго дня насъ извѣстили оффиціально, ради соблюденія приличій, о томъ, что тѣло покойной Императрицы перенесено въ другое помѣщеніе и выставлено на парадномъ ложѣ и что слѣдуетъ туда отправиться, чтобы поклониться праху покойной Императрицы.

На другой день я былъ тамъ съ г. де-Брейтелемъ; одна изъ фрейлинъ, находившаяся въ то время у тѣла, предложила намъ

поцѣловать руку умершей Государыни, но мы ограничились тѣмъ, что сдѣлали передъ ней по глубокому поклону" (*Конецъ шифра*).

Вчера утромъ Императоръ въ первый разъ, съ большой торжественностью, направился въ сенатъ и подписалъ тамъ указъ, которымъ объявляетъ дворянское сословіе свободнымъ и пользующимся всѣми преимуществами, какими пользуется дворянство Ливоніи, а именно: дворянамъ дано право выѣзжать и останавливаться во всѣхъ чужеземныхъ странахъ, безъ особаго на то разрѣшенія, служить, если имъ заблагоразсудится, оставлять службу, когда найдутъ для себя полезнымъ, и избирать образъ жизни, какой найдутъ нужнымъ. Сенаторы, весьма тронутые такой великодушной декларацiей, хотѣли броситься къ ногамъ своего Монарха и выразить ему свою смиренную благодарность, но достойный отпрыскъ Петра Великаго, довольствуясь тѣмъ, что увѣковѣчилъ свое имя въ лѣтописяхъ Россіи и осчастливилъ свой народъ, — вышелъ, не пожелавъ ихъ выслушать. Я надѣюсь, что смогу прислать вашему превосходительству, со слѣдующей очередной почтой, переводъ этого документа [1]).

Говорятъ, что коронованіе Ихъ Величествъ въ Москвѣ будетъ отложено до сентября и что лѣтомъ здѣсь, вблизи Петербурга, будетъ устроенъ великолѣпный лагерь изъ четырехъ

---

[1]) Это былъ знаменитый указъ о вольности россійскаго дворянства, лично объявленный Петромъ III сенату 17-го января 1762 года. Въ окончательной формѣ онъ объявленъ былъ въ видѣ манифеста не ранѣе 18-го февраля 1762 года. Указомъ этимъ односторонне отмѣнялись мѣры Петра Великаго, закрѣпостившаго на службу государству, одновременно съ дворянствомъ, и крестьянство. Но крѣпостное право помѣщиковъ надъ крестьянами осталось по-прежнему въ рукахъ дворянства, которое, такимъ образомъ, освобождаясь отъ обязанностей службы, сохранило сопряженныя съ ними и дарованныя ему права. Восторгъ дворянства, вслѣдствіе этого, былъ безпредѣленъ. Указомъ о вольности дворянства Петръ III и его нѣмецкіе совѣтники надѣялись достигнуть двухъ цѣлей: упрочить за новымъ государемъ преданность сословія, игравшаго рѣшающую роль въ Россіи въ то время, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободить по возможности государственную службу отъ представителей русскихъ дворянскихъ родовъ, замѣнивъ ихъ нѣмецкими выходцами изъ Германіи и Прибалтійскаго края. Дѣйствительно, мѣра эта, какъ мы видимъ это изъ „Записокъ" А. Т. Болотова, послужила сигналомъ къ оставленію службы многими дворянами, въ томъ числѣ и самимъ Болотовымъ, а впослѣдствіи сдѣлалась одной изъ главныхъ причинъ усиленія нѣмцевъ среди русской военной и гражданской администраціи и послужила къ упроченію въ будущемъ долголѣтняго нѣмецкаго засилья въ Россіи.

гвардейскихъ и другихъ, находящихся здѣсь гарнизонныхъ полковъ, численностью отъ 15 до 16 тыс. чел.

Сегодня вечеромъ Его Величество оказалъ честь г. Кейту, отужинавъ у него.

Тѣло Ея Величества покойной Императрицы перенесено въ другое помѣщеніе и выставлено, подъ балдахиномъ, на роскошномъ ложѣ, чрезвычайно богато разукрашенномъ золотыми позументами; дворъ былъ такъ внимателенъ, что увѣдомилъ объ этомъ иностранныхъ посланниковъ, чтобы они могли имѣть честь поклониться, въ первый разъ, покойной Императрицѣ; всѣ мы сочли своей обязанностью воспользоваться этимъ увѣдомленіемъ. Черты лица Императрицы еще нисколько не измѣнились, и онѣ больше походятъ на человѣка спящаго, чѣмъ на мертваго.

Новый прекрасный зимній дворецъ, сооружаемый уже въ теченіе семи лѣтъ, будетъ законченъ къ 25-му марта настолько, чтобы двору можно было занять нѣкоторую его часть. Послѣ того, какъ Императоръ далъ архитектору людей и требуемыя имъ деньги, послѣдній обѣщалъ изготовить къ этому времени 100 комнатъ.

Несмотря на то, что врачи находятъ, что здоровье канцлера внѣ опасности, онъ поправляется весьма медленно и очень слабъ.

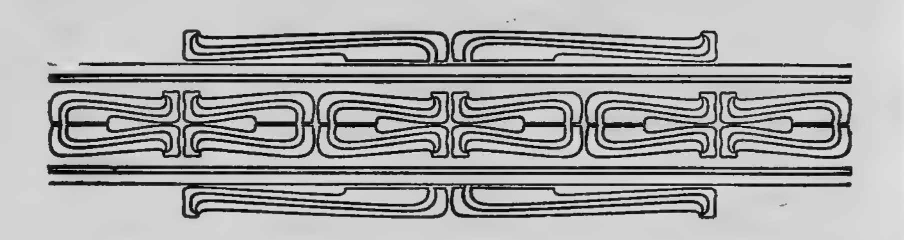
Фельдмаршалъ Бутурлинъ вернулся изъ арміи; его сынъ, камергеръ Бутурлинъ, отправится сегодня въ Швецію.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II по матеріаламъ Законодательной комиссіи 1767 года [1]).

Среди городскихъ избирателей 1767 г. довольно значительную группу составляли приказные служители и канцеляристы, принимавшіе участіе въ выборахъ въ качествѣ домовладѣльцевъ. Обычно ихъ пожеланія включались въ одинъ общій городской наказъ, но иногда они признавали болѣе цѣлесообразнымъ излагать свои нужды и недостатки отдѣльно отъ прочихъ разрядовъ городского населенія. Такъ поступили, напр., канцелярскіе служители г. Воронежа, которые вручили городскому головѣ особое „изъясненіе" для передачи его вмѣстѣ съ общимъ городскимъ наказомъ воронежскому депутату. Въ своемъ „изъясненіи" эти приказные служители затрогиваютъ и школьную проблему, что даетъ намъ возможность выяснить, какъ смотрѣли на образованіе тѣ элементы городского населенія, которые не входили въ составъ посадской общины.

О поднятіи культурнаго уровня подъяческихъ и приказныхъ дѣтей, а также малолѣтнихъ изъ разночинцевъ, правительство прилагало довольно много заботъ и при Петрѣ Великомъ, когда учреждало цифирныя школы по городамъ, и въ началѣ царствованія Екатерины II, когда изданъ былъ указъ 1763 г. о школахъ для дѣтей приказнаго чина при Московскомъ университетѣ, Петербургской академіи наукъ и Казанской гимназіи. Въ указѣ 1763 г. намѣчена была даже примѣрная программа: учениковъ изъ разночинцевъ слѣдовало „обучать не только правописанію и хорошему слогу, но отчасти ариѳме-

[1]) См. „Русская Старина" мартъ 1915 г.

тикѣ, геометріи и географіи, а наиболѣе положенію Россійскаго государства [1]).

Однако, по другимъ городамъ, кромѣ столицъ и Казани, заводить такія школы для дѣтей приказнаго чина предписано не было. Поэтому „какъ канцелярскіе служителя, такъ и прочіе граждане малолѣтнихъ своихъ дѣтей для обученія только словесному и писать принуждены", по словамъ „изъясненія" воронежскихъ приказныхъ служителей—„отдавать въ партикулярныя руки, яко то разныхъ чиновъ людямъ такимъ, кои почти и въ томъ самомъ совершеннаго знанія и искусства не имѣютъ, черезъ что тѣ малолѣтніе не только соотвѣтствующихъ государственной и общенародной пользѣ наукъ лишаются, но и до обученія словесному и письму желаемаго успѣха не получаютъ и остаются на все время ихъ жизни въ жалостномъ и крайнемъ своимъ невѣжествѣ, а отъ того, какъ къ воинской, такъ и статской службѣ дѣлаются малоспособными" [2]). Такимъ образомъ, канцелярскіе служители испытывали непреодолимыя затрудненія, желая дать своимъ дѣтямъ хотя бы самое элементарное образованіе.

Цѣня въ школьной выучкѣ, главнымъ образомъ, прикладную, профессіональную сторону, воронежскіе канцеляристы „во отвращеніе вышеизъясненныхъ неполезностей" проектировали—„въ тѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ школъ не учреждено, для обученія канцелярскихъ служителей и прочихъ сограждань малолѣтнихъ дѣтей подъ единственнымъ и собственнымъ господъ тѣхъ губерній губернаторовъ попечительнымъ смотрѣніемъ утвердить школы съ потребнымъ числомъ учителей" [3]). Помѣщаться эти школы должны были въ архіерейскихъ домахъ, монастыряхъ „или же, гдѣ по разсмотрѣнію тогда господъ губернаторовъ за наиспособнѣе признано будетъ" [4]), а содержать ихъ слѣдуетъ „изъ собираемыхъ на жалованье статскимъ чинамъ новыхъ доходовъ" [5]). Всѣ заботы правительства воронежскіе канцеляристы ограничивали только пріисканіемъ опредѣленнаго помѣщенія и уплатой жалованья учителямъ. Снабженіе же учащихся учебными пособіями вмѣнялось въ обязанность ихъ родителямъ или родственникамъ: „что-жъ касается до принадлежащихъ къ тому обученію книгъ и прочаго,

---

[1]) Ibid., т. 144, стр. 206.
[2]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.
[3]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.
[4]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208
[5]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

оное все доставлять тѣмъ малолѣтнимъ можетъ отецъ или свойственники его, на чьемъ воспитаніи тотъ малолѣтній находится“ [1]). Никакого комплекта для этихъ школъ устанавливать не слѣдовало: „принимать въ нихъ малолѣтнихъ столько, сколько кто оныхъ добровольно отдать пожелаетъ“ [2]). Что касается возраста учащихся, то составители воронежскаго наказа опредѣляли его такимъ образомъ: принимать въ школы дѣтей не свыше 10 лѣтъ, „а быть имъ въ томъ обученіи до 16 лѣтъ, а по прошествіи 15 лѣтъ выпускать ихъ въ воинскую и статскую службу, куда кто самъ добровольно опредѣлиться пожелаетъ“ [3]). Мы не знаемъ, какую программу составители „изъясненія“ предполагали ввести въ проектируемыхъ ими учебныхъ заведеніяхъ, но, по всему вѣроятію, она должна была совпадать съ той, которая устанавливалась указомъ 1763 г. для малолѣтнихъ изъ разночинцевъ и дѣтей приказнаго чина. Лица, окончившія такія учебныя заведенія, получаютъ за подписью губернатора и учителей аттестаты, въ которыхъ прописывалось, „какое кто въ наукахъ знаніе и особливое искусство получилъ“ [4]). Свой проектъ воронежскіе избиратели изъ канцеляристовъ и приказныхъ служителей заканчиваютъ перечнемъ тѣхъ выгодъ, которыя могутъ послѣдовать отъ учрежденія школъ по губерніямъ „какъ государству, такъ канцелярскимъ служителямъ и прочимъ согражданамъ“ [5]). А выгоды эти слѣдующія: „избавятся малолѣтнія дѣти отъ невѣжества и грубости, въ которыхъ бы они, не будучи просвѣщены науками, во все время жизни своей погребены были. По вступленіи жъ въ военную и статскую службу передъ небывшими во оныхъ въ должностяхъ своихъ особливое знаніе и искусство возымѣютъ и черезъ то государству и всему обществу полезными быть могутъ; и, наконецъ, какъ сами они, такъ и сторонніе восчувствуютъ свою собственную пользу, единственно отъ наукъ происходящую, и потому возымѣютъ, какъ вступать въ тѣ школы, такъ потомъ по выбытіи изъ нихъ въ другія должности къ высокой Ея И. В. службѣ ревностную охоту“ [6]).

Духовенство уже въ силу своего профессіональнаго положенія не могло, конечно, обходиться безъ школьной выучки, хотя

---

[1]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.
[2]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.
[3]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.
[4]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.
[5]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.
[6]) Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

бы и самой примитивной; поэтому вопросъ о школѣ для дѣтей духовенства долженъ былъ неизбѣжно всплыть въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя направлены были въ комиссію черезъ Синодъ въ видѣ, такъ называемыхъ, пунктовъ отъ епархіальныхъ архіереевъ. Такъ, напр., бѣлое духовенство Кіево-Печерской лавры, затрагивая тяжелое матеріальное положеніе вдовъ и сиротъ лицъ духовнаго сословія, просило объ освобожденіи отъ всякаго рода сборовъ и повинностей домовъ, принадлежащихъ семьямъ умершихъ церковно- и священно-служителей „дабы оныя дѣти до возрасту въ случаѣ смерти родительской, свободность имѣли обучаться въ школахъ и приспособиться къ священству, или другой по ихъ статьѣ службѣ" [1]). Но и для другихъ сословій было крайне важно имѣть руководителями своей совѣсти не безграмотныхъ невѣждъ, а лицъ, хотя бы съ небольшой, но все-же специальной школьной подготовкой. Вотъ почему въ наказахъ, какъ отъ дворянъ, такъ и отъ горожанъ, иногда встрѣчаются пожеланія касательно учебныхъ заведеній для дѣтей церковно- и священно-служителей. Такъ сумскіе дворяне и помѣщики, отмѣтивъ правительственныя заботы объ образованіи, ходатайствуютъ, между прочимъ, объ открытіи для духовенства школъ сословнаго типа, отчего, по ихъ словамъ, „недостатокъ въ разумѣющихъ церковно-служителяхъ во многихъ мѣстахъ поправитца" [2]). Почти такое же пожеланіе высказываютъ городскіе избиратели Бѣжецкаго Верха, которые „всеподданнѣйше просятъ учредить для просвѣщенія въ дѣтяхъ ученіемъ разума школу за дальностью семинарій въ здѣшнемъ городѣ, хотя небольшую, въ которой бы обучаться имѣли какъ городскіе, такъ и уѣздные священно-церковно-служительскія дѣти... грамматикѣ и арихметикѣ и протчимъ, какимъ соизволено будетъ, приличествующимъ священно-церковно-служительскимъ дѣтямъ, наукамъ [3]).

Но въ духовенствѣ болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой общественной группѣ, сказывался духъ сословной замкнутости. И въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя исходили непосредственно отъ представителей духовенства, много вниманія удѣлено строго сословной школѣ. О томъ, въ какомъ положеніи находились духовныя школы въ Россіи середины XVIII вѣка, мы узнаемъ только изъ пунктовъ, приложенныхъ къ синодальному наказу. Но свѣдѣнія, находящіяся въ этихъ пунктахъ,

---

[1]) Ibid., т. 43, стр. 111.
[2]) Ibid., т. 68, стр. 276—277.
[3]) Ibid., т. 107, стр. 50.

относятся исключительно къ малороссійскимъ епархіямъ. Главнѣйшимъ разсадникомъ образованія въ юго-западномъ краѣ была, конечно, Кіевская Духовная Академія, основанная еще въ концѣ XVII вѣка митрополитомъ Петромъ Могилою. Ея студенты оказывали большіе успѣхи въ наукахъ, о чемъ пространно говоритъ въ своихъ пунктахъ кіевскій митрополитъ. Кромѣ цѣлаго ряда иностранныхъ языковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, они изучали „первыя основанія исторіи, географіи и ариѳметики" [1]). Нѣкоторые же студенты „на собственномъ своемъ коштѣ, хотя съ неописанной бѣдностью соединенномъ, для продолженія и полученія высшихъ наукъ ради пользы отечества отправлялись въ Германію" [2]). Въ Черниговѣ въ 1700 г. учрежденъ былъ коллегіумъ „для наставленія въ словесныхъ наукахъ россійскаго юношества", въ немъ проходились обычныя для схоластическихъ школъ, такъ называемыя, тривіальныя знанія, и весь онъ помѣщался въ четырехъ каменныхъ избахъ „объ одномъ аппартаментѣ съ накатными потолками" [3]), которые „въ крайнее пришли обветшаніе" [4]). Въ этихъ помѣщеніяхъ размѣщались всѣ классы до риторики включительно, а философія „за неимѣніемъ для оной особливой избы преподавалась въ трапезѣ катедральной" [5]). Далеко нельзя сказать, чтобы всѣ эти избы и трапезныя были въ достаточной мѣрѣ приспособлены къ нуждамъ преподаванія. Вслѣдствіе этого въ коллегіумѣ происходили значительныя педагогическія неудобства. Каменныя избы коллегіума „устроены на непристойномъ мѣстѣ при самой зъ воротъ городовыхъ идучей въ крѣпость главной дороги, почему отъ проходящаго и проѣзжающаго подъ самыми окошками многаго народа бываютъ великіе шумы и крики, и затѣмъ не малое бываетъ въ ученьи безпокойство и помѣшательство" [6]). Что касается философскаго класса, то о немъ въ пунктахъ находимъ слѣдующее краснорѣчивое описаніе: „философія же въ трапезѣ производится ученіемъ временемъ за священнослуженіемъ, а еже часто за монашествующими, собирающимися въ свое время за трапезу весьма трудно и почитать вовся неудобно" [7]). И Кіевская Академія, и Черни-

[1]) Ibid., т. 43, стр. 92.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., т. 43, стр. 100.
[4]) Ibid., т. 43, стр. 100.
[5]) Ibid., т. 43, стр. 100.
[6]) Ibid., т. 43, стр. 100.
[7]) Ibid., т. 43, стр. 100.

говскій коллегіумъ были въ сущности привилегированными учебными заведеніями, но ихъ привилегіи отчасти не были подтверждены, отчасти не соблюдались. Вотъ почему въ пунктахъ отъ малороссійскихъ епархій много вниманія удѣлено вопросу о томъ привилегированномъ положеніи, которымъ должна пользоваться духовная школа. Объ этомъ говорятъ, напримѣръ, въ своихъ пунктахъ и Кіевскій митрополитъ, и Черниговскій архіерей. Первый изъ этихъ іерарховъ возбуждаетъ ходатайство о подтвержденіи ранѣе данныхъ грамотъ и универсаловъ „съ прежнимъ наименованіемъ Кіевскихъ школъ академіей [1]). Учащіеся въ этой Академіи должны на основаніи прежде данныхъ привилегій подлежать особой академической подсудности: „всѣмъ, какъ воинскимъ, такъ и гражданскимъ правительствамъ и другимъ всякимъ присутственнымъ мѣстамъ и всякаго чина людямъ", пишетъ въ своихъ пунктахъ Кіевскій митрополитъ—„студентовъ и учениковъ Кіевской Академіи безъ письменнаго сношенія съ тою Академіею не брать; много паче наказанія имъ чинить не дерзать, но каждому изобиженному представлять свою жалобу порядочно въ Академію и утвердить, чтобъ они, студенты, судимы были по прежнимъ тоей Академіи регуламъ и обыкновеніямъ" [2]). Черниговское епархіальное начальство также мечтаетъ создать привилегированную подсудность для учащихся въ Черниговскомъ коллегіумѣ. Оно горько сѣтуетъ на то, что „нѣкоторыя свѣтскія команды, думая, что имъ по ихъ могуществу все дозволено, обучающихся по неправеднымъ клеветамъ, а временемъ и по нѣкоторымъ преступленіямъ сами собою берутъ, подъ карауломъ содержатъ и съ пристрастіемъ допрашиваютъ" [3]). Такіе допросы пагубно вліяютъ и на нравственную репутацію учащихся и на нихъ научные успѣхи, „что какъ не малымъ пятномъ бываетъ ученію, такъ и въ любителяхъ онаго причиняетъ отъ любимаго ими предмета отвращеніе" [4]). Для огражденія коллегіантовъ отъ подобнаго рода непріятностей, Черниговскій архіерей ходатайствовалъ, чтобы „всѣмъ командамъ дѣлать то, кромѣ криминальныхъ дѣлъ, наикрѣпчайше запрещено было" [5]). Въ случаѣ же привлеченія учениковъ коллегіума къ судебной отвѣтственности, судопроизводство должно было облекаться въ нѣсколько свое-

[1]) Ibid., т. 43, стр. 89—90.
[2]) Ibid., т. 43, стр. 89—90.
[3]) Ibid., т. 43, стр. 100.
[4]) Ibid., т. 43, стр. 100.
[5]) Ibid., т. 43, стр. 100.

образныя формы, напоминающія древнерусскіе совѣстные суды: „а ежели кто изъ обучающихся впадетъ въ какое преступленіе, то свѣтскимъ командирамъ, возымѣвъ съ ректоромъ или префектомъ устное или письменное сношеніе, дѣло оное опредѣленными съ обоихъ сторонъ депутатами слѣдовать и, изслѣдовавъ въ силу узаконеній, виноватаго по общему приговору наказывать“ [1]). Вообще привилегированное положеніе учащихся не должно было ограничиваться исключительно сферой юрисдикціи. Черниговское епархіальное начальство, напримѣръ, ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ постоя квартиръ, нанимаемыхъ на свой коштъ учениками, выставляя при этомъ соображенія чисто-педагогическаго характера: „понеже тамъ, гдѣ однимъ шумъ и веселіе пріятны, а другимъ тишина и умозрительство необходимо нужны, какъ согласія никогда не надѣятся, такъ и желаемой отъ ученія пользы ожидать не можно“ [2]). Такая привилегированная духовная школа должна была своихъ питомцевъ снабдить не только извѣстнымъ комплексомъ знаній, но и давать имъ при окончаніи нѣкоторыя преимущества по службѣ.

По мнѣнію Кіевскаго митрополита, необходимо издать законъ о томъ, чтобы „вси тѣ студенты, кои себѣ отличатъ трудолюбіемъ, превосходнымъ успѣхомъ въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ, а за то заслужатъ похвальныя отъ Академіи свидѣтельства, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ чинахъ имѣли къ достиженію желаемыхъ мѣстъ преимущество и первенство предъ прочими“ [3]).

Если вообще народное образованіе въ Россіи первой половины XVIII вѣка находилось, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи, то о деревенскихъ школахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Однако къ моменту созыва Законодательной Комиссіи все же потребность въ образованіи стала сказываться и въ крестьянской средѣ. Мы имѣемъ прямыя заявленія о необходимости школъ для государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ, какъ со стороны сельскихъ избирателей, такъ въ особенности со стороны депутатовъ отъ пахотныхъ солдатъ и старыхъ службъ служилыхъ людей. Крѣпостная масса вынуждена была молчать. Но въ защиту школы для помѣщичьихъ крестьянъ подняли свой голосъ и нѣкоторые дворяне, а главнымъ образомъ епархіальные архіереи и опять таки тѣ же депутаты отъ свободныхъ элементовъ сельскаго

---

[1]) Ibid., т. 43, стр. 100—101.
[2]) Ibiu., т. 43, стр. 100,
[3]) Ibid. т. 43, стр. 92—93.

населенія. При этомъ, какъ въ наказахъ, такъ и въ рѣчахъ депутатовъ, не только констатировался самый фактъ необходимости заведенія школъ по деревнямъ, но даже подробно развивались соображенія по вопросу объ организаціи всего дѣла народнаго образованія.

Конечно, и избиратели при составленіи своихъ наказовъ, и ораторы, выступавшіе въ Большомъ Собраніи, руководствовались, главнымъ образомъ, соображеніями практическаго характера. Однако, не забыта была при этомъ и общегосударственная точка зрѣнія, выяснявшая пользу образованія вообще. Такъ въ самый разгаръ полемики, возникшей въ маѣ 1768 года въ Большой Комиссіи по вопросу объ учрежденіи школъ по селамъ и деревнямъ, выступилъ съ обширной рѣчью депутатъ отъ Клинскаго дворянства Петръ Орловъ. Онъ говорилъ горячо и убѣдительно, стараясь доказать собранію „что просвѣщенное познаніе всего нужнѣе для одушевленной твари, которою есть человѣкъ“. Однако, по его словамъ, „сіе познаніе очень рѣдко бываетъ соединено съ природой; слѣдовательно, получается оно отъ наставленія, что преподается не индѣ, какъ въ училищахъ“ [1]). По мнѣнія Ростовскаго епископа Аѳанасія школа должна была являться средствомъ воспитательнаго воздѣйствія на крестьянъ, смягчать ихъ грубые нравы и возбуждать въ нихъ высокіе моральные запросы. „Черезъ посредство школы“, читаемъ мы въ пунктахъ, отправленныхъ имъ въ Синодъ— „познаніе христіанскаго закона вкореняться, а грубость нравовъ ихъ исправляться будетъ, и разныя беззаконныя дѣла, которыхъ многіе ихъ нихъ и въ грѣхъ не ставятъ, истребляться будутъ“ [2]).

---

[1]) Ibid. т. 32, стр. 520—521. Примѣчаніе: не можемъ не привести тѣхъ соображеній, которыми Орловъ очень обстоятельно доказываетъ правильность своей точки зрѣнія: „Самая истина, т.-е., что познаніе вещей и обращеніе времени просвѣщаетъ человѣка и сіе то просвѣщенное познаніе сообщаетъ мыслямъ разсудки, коимъ можетъ онъ дойти до разобранія добраго отъ худого; когда же такое различіе онъ постигнетъ, то въ то-жъ самое время будетъ находить плоды и возмездія обѣихъ сихъ системъ. Сравнивая же одно съ другимъ, т. е. плоды добра и худа и притомъ возмездіе оныхъ, какъ честный человѣкъ, всегда можетъ тѣмъ подкрѣпляться, удерживать себя въ своей должности, такъ и порочныхъ склонностей—единымъ страхомъ, грозящимъ наказывать безпутства, воздерживаться будетъ отъ непорядочной жизни, и бываетъ нѣкогда такое воздержаніе привычкою, дѣлающей, наконецъ, изъ нечестнаго честнымъ человѣкомъ“.

[2]) Ibid., т. 43, стр. 422.

Почти то же самое говорятъ и составители нѣкоторыхъ дворянскихъ наказовъ. Такъ дворяне Копорскаго уѣзда настаиваютъ на заведеніи школъ для крестьянъ „дабы знаніемъ закона, хотя мало, поправить нравы ихъ“ [1]); а крапивенскіе дворяне полагаютъ, что обучившись чтенію и письму „подлый народъ впредь просвѣщенный разумъ имѣть будетъ“ [2]). Въ противоположность этимъ соображеніямъ отвлеченнаго характера, почерпнутымъ изъ области естественнаго права и соціальной этики, дворянскіе избиратели Дмитровскаго уѣзда видятъ въ устройствѣ сельской школы мѣру весьма выгодную для самихъ же помѣщиковъ: „къ сему весьма склонять надлежитъ каждаго помѣщика“, читаемъ мы въ ихъ наказѣ,—„толкуя всякому, сколько больше пользы онъ можетъ надѣяться отъ грамотнаго крестьянина“ [3]). А Псковскіе дворяне полагаютъ, что крестьянская школа будетъ полезна не только однимъ помѣщикамъ, но и вообще всему государству: „черезъ что современемъ полезнѣйшее для общества выдти можетъ и къ познанію на послѣдокъ доходить станутъ“, читаемъ мы въ ихъ наказѣ—„а безъ того первое, что о законѣ такъ понять не могутъ, а притомъ въ мастерствахъ и во всѣхъ дѣлахъ безграмотные великое во всемъ затрудненіе имѣютъ“ [4]).

На какой же народной школѣ останавливались избиратели 1767 г, когда высказывали свои пожеланія по вопросу о поднятіи культурнаго уровня помѣщичьихъ крестьянъ того времени. Внимательно штудируя наказы, нельзя не придти къ заключенію, что составители ихъ всѣ свои симпатіи направляли въ сторону школы церковно-приходскаго типа. „При церквахъ и киркахъ сего уѣзда“, говорятъ Ямбурскіе дворяне—„весьма нужно учредить школы для малолѣтнихъ, въ коихъ обучать того уѣзда дворовыхъ и крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и первыхъ основаній закона, и кто кого отдать пожелаетъ, тѣхъ принимать и обучать“ [5]). За передачу дѣла народнаго образованія въ руки приходскаго духовенства довольно часто высказывались дворяне на выборахъ 1767 года. Объ этомъ говорятъ и Копорскіе, и Крапивинскіе, и Псковскіе избиратели, хотя это не мѣшаетъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ, одновременно отмѣчать грубое невѣжество, царившее въ средѣ сельскаго причта. Такъ, Копор-

[1]) Ibid. т. 14, стр. 244.
[2]) Ibid. т. 8, стр. 557.
[3]) Ibid. т. VIII, стр. 507.
[4]) Ibid., т. 14, стр. 397.
[5]) Ibid. т. 14, стр. 249.

скіе дворяне „за нужное находятъ учредить при церквахъ училища какъ для русскихъ, такъ и для чухонскихъ дѣтей“, въ которыя они „въ возрастѣ отъ семи до двѣнадцати лѣтъ въ зимнее время для обученія грамотѣ и первыхъ основаній закона за умѣренную плату ходить могутъ“ [1]). „А дьячкамъ и понамарямъ“, читаемъ мы въ наказѣ Крапивинскихъ дворянъ—„обучать крестьянскихъ мужеска пола дѣтей отъ семи лѣтъ грамотѣ и писать на содержаніи отцовъ ихъ“ [2]). Псковскіе же дворяне, хотя и отмѣчаютъ, что „дьячки и понамари при уѣздныхъ церквахъ того же сорта не знающихъ и самое простѣйшее, какъ и протчее сельское духовенство“, однако предлагаютъ, чтобы тѣ изъ нихъ, „кои лучше грамотѣ знаютъ“, имѣли у себя „школы словесныя“ подобно тому, какъ это происходитъ въ другихъ государствахъ, а также въ Лифляндіи и Малороссіи. Сначала можно обучать крестьянскихъ дѣтей въ этихъ школахъ „по самой малой части, хотя отъ ста по одному отъ помѣщиковъ опредѣленныхъ“. Постепенно же число учащихся можетъ увеличиваться и одни ученики могутъ быстро смѣняться другими: „кто-жъ охотно пожелаетъ“, говорятъ они въ заключеніе—„почитая о радивости ихъ къ отечеству, обучать всѣхъ, а по выучкѣ тѣхъ распустя въ ихъ домы, набирать другихъ, и такъ продолжать далѣе“ [3]).

Если такія рѣчи раздавались на дворянскихъ избирательныхъ собраніяхъ, если въ глазахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ наиболѣе подходящими народными учителями могли быть полуграмотные дьячки и понамари, то мы можемъ себѣ à priori представить, какую систему народнаго обученія будутъ отстаивать духовныя власти. „Обязать прихожанъ въ воскресные и праздничные дни, читаемъ мы въ наказѣ Св. Синода—„приходить въ церковь съ малолѣтними, коихъ послѣ литургіи обучать священникомъ Господней молитвы, символа вѣры и десяти Господнимъ Заповѣдямъ“ [4]). Но такой примитивный способъ обученія удовлетворялъ далеко не всѣхъ членовъ Синода. Такъ, напр., его первоприсутствующій членъ, Петербургскій архіепископъ Гавріилъ, предлагалъ „при всякой градской и сельской церкви для маленькихъ приходскихъ ребятъ, кои еще работать не могутъ, завесть школы“ [5]). Педагогами въ этихъ

[1]) Ibid. т. 14, стр. 243.
[2]) Ibid., т. VIII, стр. 557.
[3]) Ibid., т. 14, стр. 397.
[4]) Ibid., т. 43, стр. 51.
[5]) Ibid., т. 43, стр. 418.

школахъ должны были быть священники и дьяконы, которымъ вмѣнялось въ обязанность „обучать дѣтей катехизиса и грамоты по мѣрѣ понятія ихъ въ удобное время“ [1]). Почти буквально такого же взгляда на дѣло народнаго образованія держался и другой іерархъ русской церкви, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій Аѳанасій. Онъ стоялъ за то, чтобы крестьянскихъ дѣтей отъ 7 до 13 лѣтъ, когда „они никакихъ крестьянскихъ работъ исправлять еще не могутъ, а пребываютъ праздно, обучать грамотѣ, букваря и катехизиса“ [2]). Однако, больше 13 лѣтъ обученіе, по мнѣнію епископа Аѳанасія, продолжаться не можетъ и „буде прежде тѣхъ лѣтъ кто не выучится, тогда болѣе къ обученію не понуждать, а отдавать отцамъ ихъ съ тѣмъ, кто что выучилъ, дабы въ крестьянскихъ работахъ остановки быть не могло“ [3]). Самое обученіе по проекту Ростовскаго владыки должно было носить не столько школьный, сколько домашній характеръ. Родители обязаны были отдавать своихъ семилѣтнихъ сыновей кому-нибудь изъ церковно-или священнослужителей, „а оные должны тѣхъ крестьянскихъ дѣтей обучать со всевозможнымъ раченіемъ“ [4]).

Но для того, чтобы провести всѣ эти предположенія въ жизнь, необходимо было снабдить проектируемыя церковно-приходскія школы надлежащимъ количествомъ учебныхъ пособій. При отсутствіи въ то время въ Россіи сколько-нибудь организованной общественной самодѣятельности, вопросъ о снабженіи школъ учебниками могъ быть разрѣшенъ только правительствомъ. „Буквари же и катихизисы для обученія тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, дабы крестьянамъ въ покупкѣ оныхъ отягощенія быть не могло, слѣдуетъ разослать ко всякой церкви по препорціи на первый случай изъ казны безденежно, или весьма съ небольшою за оные платою, которую за неимущихъ велѣть платить помѣщикамъ, а протчихъ вотчинъ—старостамъ и выборнымъ изъ мірскихъ денегъ“ [5]). Такимъ образомъ пріоритетъ въ системѣ народнаго образованія долженъ былъ достаться школѣ церковнаго типа. За нее высказывались и дворяне, и духовенство. Однако, на-ряду съ этимъ дружнымъ хоромъ сторонниковъ приходской школы, раздавались во время избирательной кампаніи 1767 года робкіе голоса сторонниковъ свѣтскаго обученія. „Уговаривать надлежитъ каж-

[1]) Ibid., т. 43, стр. 418.
[2]) [3]) и [4]) Ibid. т. 43, стр. 422.
[5]) Ibid., томъ 43, стр. 422.

дого", предлагаютъ въ своемъ наказѣ Дмитровскіе дворяне — „чтобы дворовъ на сто въ иномъ мѣстѣ одинъ помѣщикъ, въ другомъ разные помѣщики сложась, содержали искуснаго учителя для обученія по нѣскольку крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и простымъ ариѳметическимъ правиламъ" [1]).

На-ряду съ дворянствомъ и духовенствомъ вопросъ о просвѣщеніи широкой народной массы затрагивали въ своихъ наказахъ и другіе избиратели, по своему общественному положенію принадлежавшіе къ такъ называемымъ старыхъ службъ служилымъ людямъ. Они стояли на грани между помѣстнымъ дворянствомъ и государственными крестьянами, приближаясь болѣе къ послѣднимъ, какъ въ бытовомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Такъ, напр., отставные унтеръ-офицеры и солдаты города Мензелинска ходатайствовали о томъ, чтобы ихъ дѣтей „до опредѣленія въ полки, дабы они не лишались ко обученію грамотѣ ни въ какія по городу службы не употреблять" [2]). Обучать же ихъ они хотѣли не только грамотѣ, но и „всѣмъ воинскимъ политикомъ". Засѣчные и помѣстные сторожа деревни Кулешовой, Лихвинскаго уѣзда „необходимо за нужное находили... науки и наставленія богоугоднымъ дѣламъ, т. е. духовнымъ, а при томъ и свѣтскимъ и благосостоянія" [3]). Для чего, по ихъ мнѣнію, впредь нужны есть наставники суть и учители духовные и свѣтскіе, довольно знающіе законы и добрыя поведенія" [4]). Вотъ въ какихъ очертаніяхъ выступаетъ передъ нами вопросъ о сельской школѣ на фонѣ тѣхъ общихъ пожеланій, которыя были высказаны во время выборовъ въ Екатерининскую законодательную комиссію. Нѣкоторые наказы при этомъ искренне, повидимому, вѣрили въ свѣтлое будущее народнаго образованія въ Россіи. „А впредь оные крестьяне по возрастѣ имѣя поправленные нравы и просвѣщенныя нѣсколько мысли могутъ и сами дѣтей своихъ грамотѣ и добронравію обучать" [5]), говоритъ въ своихъ пунктахъ Ростовскій епископъ Аѳанасій, послѣ того, какъ имъ подробно была выяснена организація церковно-приходской школы, но при этомъ дѣлаетъ слѣдующую любопытную оговорку: „чего надлежитъ смотрѣть помѣщикамъ, кои въ вотчинахъ своихъ жительство имѣютъ, тако-жъ управителямъ, прикащикомъ и старостамъ" [6]). Слѣдовательно, культурный ростъ населенія долженъ

[1]) и [2]) Ibid., т. 8, стр. 507.
[3]) и [4]) Ibid., т. 115, стр. 95 и 216.
[5]) Ibid., т. 43, стр. 422.
[6]) Idid., т. 43, стр. 422.

былъ находиться въ тѣсной зависимости отъ начальственнаго воздѣйствія лицъ, власть имущихъ, безъ рачительныхъ заботъ, которыхъ крестьянская масса, повидимому, не могла сама собою разсѣять царившій вокругъ нея густой мракъ невѣжества.

Въ самой комиссіи весною 1767 года загорѣлись довольно оживленныя пренія какъ о пользѣ и значеніи образованія вообще, такъ въ частности о цѣлесообразности заведенія школъ для свободныхъ и крѣпостныхъ разрядовъ сельскаго населенія. Въ этихъ преніяхъ высказались представители почти всѣхъ сословныхъ группъ, имѣвшихъ своихъ депутатовъ въ комиссіи. По этому вопросу говорили и пахотные солдаты, и однодворцы, и дворяне, и депутаты отъ городовъ. Первымъ, кто прямо и опредѣленно поставилъ вопросъ о крестьянской школѣ, былъ Жеребцовъ, депутатъ отъ пахотныхъ солдатъ Нижегородской провинціи. 2-го мая, 1768 года въ 121 засѣданіи онъ выступилъ съ предложеніемъ „чтобы изъ служилыхъ людей учинить дѣтскія школьныя ученія, отъ чего", по его словамъ — „можетъ воспослѣдовать общественная великая польза по такой причинѣ, понеже тѣ ученые люди для государственныхъ надобностей, такъ и вотчинному правленію могутъ быть завсегда способны" [1]. Однако, съ предложеніемъ Жеребцова далеко не всѣ были согласны. Уже въ слѣдующемъ засѣданіи 5-го мая съ пространными возраженіями ему выступилъ одинъ изъ городскихъ депутатовъ, Любавцевъ. Пахотнымъ солдатамъ и вообще государственнымъ крестьянамъ, по его мнѣнію „учрежденныхъ для нихъ училищъ совсѣмъ имѣть не надлежитъ, потому что земледѣльцу другихъ наукъ, состоянію ихъ не принадлежащихъ, совсѣмъ имѣть не слѣдуетъ, кромѣ россійской грамоты, и то по собственному чьему изъ нихъ желанію, которые могутъ оные имѣть и безъ учрежденія для нихъ училищъ, какъ и до нынѣ оно было". Отъ учрежденія же школъ можетъ произойдти только казенный ущербъ, а „въ земледѣліи уменьшеніе", отъ чего „въ хлѣбныхъ цѣнахъ" произойдетъ „возвышеніе" [2]. Такимъ образомъ, народное образованіе въ глазахъ этого пензенскаго депутата являлось не факторомъ хозяйственнаго прогресса страны, а ферментомъ разложенія существующаго хозяйственнаго строя. Доказывая, что образованіе необходимо только для высшихъ привилегированныхъ общественныхъ состояній, Любавцевъ въ своемъ рвеніи дохо-

---

[1]) Ibid., т. 32, стр. 398.
[2]) Ibid., т. 32, стр. 412.

дитъ до того, что предлагаетъ пахотныхъ солдатъ силою принуждать къ земледѣлію. „А для употребленія въ науки и для государственной пользы", восклицаетъ онъ съ паѳосомъ—„Россійское государство по благодати Господней имѣетъ весьма довольно и окромѣ хлѣбопашцевъ, другихъ родовъ по состоянію ихъ къ тому приличныхъ". Образованіе, по его мнѣнію, наноситъ не только матеріальный ущербъ странѣ, такъ какъ „ежели крестьяне съ малолѣтства будутъ употребляться въ науки, то уже къ земледѣлію и прочей работѣ склонить будетъ никакъ не возможно" [1]), но и пагубно отражается на народной нравственности. Такъ, напримѣръ, многіе изъ пахотныхъ солдатъ, приписанные къ городу Пензѣ „и безъ школъ обучились грамотѣ и писать и происками произошли, хотя и въ противность указу, въ секретари и въ регистраторы и въ прочіе приказные служители", и, получивъ образованіе, „вдаются во многія непотребности, въ обманъ, мотовство, лѣность и воровство" [2]). Этому стороннику мракобѣсія и обскурантизма отвѣчалъ Селивановъ, представитель тѣхъ самыхъ пензенскихъ пахотныхъ солдатъ, на которыхъ такъ обрушивался Любавцевъ. „Можетъ ли кто сказать", спрашивалъ, обращаясь ко всему собранію, Селивановъ, — „чтобъ отъ происшедшихъ въ науку изъ разночинцевъ, словомъ хотя изъ хлѣбопашцевъ, могло быть въ земледѣліи уменьшеніе"? И какъ бы не ожидая возраженій со стороны своихъ слушателей, тотчасъ давалъ такой отвѣтъ: „несправедливо потому, ибо одинъ, имѣющій просвѣщеніе, можетъ распространить оное лучше, нежели десять неученыхъ. Ссылаясь на Большой Наказъ, въ которомъ говорится, что „самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, Государя и государства", Селивановъ спрашиваетъ самъ себя, отъ чего можетъ послѣдовать слава, какъ не отъ просвѣщенія? Когда непросвѣщенные будутъ народы, возможно ли, что изъ него сдѣлать отечеству полезное; а чѣмъ больше просвѣщеніе входитъ, какъ не черезъ науки". Въ самомъ Наказѣ онъ находитъ прямое предписаніе давать образованіе всѣмъ безъ различія состояній. „А просвѣщеніе", снова спрашиваетъ Селивановъ — „черезъ что можетъ вкорениться, какъ не черезъ учрежденіе училищъ". Разбивая доводы Любавцева, Селивановъ доказываетъ, что изъ его же словъ видна „къ наукѣ охота и ревность" старыхъ службъ служи-

[1]) Ibid., т. 32, стр. 412.
[2]) Ibid., т. 32, стр. 412.

лыхъ людей, содержащихъ ландмилицію. Ссылка Любавцева на непотребное житье пахотныхъ солдатъ, получившихъ образованіе, кажется Селиванову чрезвычайно несправедливой, такъ какъ „чѣмъ больше человѣкъ обученъ страха Божія, тѣмъ больше имѣетъ бережливость отъ противныхъ ему предпріятіевъ" [1]). Не оставилъ безъ возраженія рѣчи Любавцева и Жеребцовъ. Онъ снова взялъ слово и старательно выяснилъ, что въ своемъ первоначальномъ предложеніи онъ не требовалъ „заведенія въ разсужденіи живыхъ и прочихъ иностранныхъ языковъ, а объ сціенціяхъ и думать не имѣлъ намѣренія", а говорилъ только объ изученіи катехизиса, чтенія и письма. „Познаніемъ трехъ сихъ пунктовъ, ученіемъ же пріобрѣтенныхъ", читаемъ въ заключительной части его возраженій Любавцеву—„не отвратится человѣкъ отъ земледѣлія, но помня сіе правило: кто онъ и для чего созданъ, съ большей ревностью къ оному стараніе, труды и попеченіе приложитъ" [2]). Жеребцовъ нашелъ себѣ сторонниковъ и среди представителей дворянской интеллигенціи въ лицѣ серпейскаго депутата, графа Строганова. Мнѣніе Жеребцова о заведеніи школъ для пахотныхъ солдатъ столь справедливо, что графъ Строгановъ по его собственному признанію не могъ не преминуть, чтобы „не воздать оному господину депутату достойной похвалы". Онъ при этомъ выразилъ желаніе, чтобы предложеніе Жеребцова распространено было и на хлѣбопашцевъ, т.-е. на крѣпостныхъ крестьянъ „ибо едино просвѣщеніе человѣка отъ скота различаетъ; едино просвѣщеніе показываетъ намъ долгъ къ Богу, къ Государю и обществу" [3]). Свою рѣчь графъ Строгановъ произнесъ 16-го мая 1768 года, но еще за два мѣсяца передъ тѣмъ этого вопроса, хотя и вскользь, касался симбирбирскій депутатъ Ларіоновъ во время обсужденія законовъ о купечествѣ. Въ засѣданіи 19-го марта 1768 года онъ сказалъ, между прочимъ: „по моему мнѣнію не только купеческихъ, но и всякаго земледѣльца дѣтей, гдѣ есть священники, надлежитъ обучать грамотѣ отъ 5 до 7 лѣтъ, чтобы они знали законъ Божій, потому что въ такихъ малыхъ лѣтахъ они еще не способны ни къ какой работѣ" [4]). Такъ вопросъ объ организаціи народнаго образованія былъ значительно расширенъ въ своей постановкѣ и указано было на полную цѣлесообразность заве-

---

[1]) Ibid., т. 32, стр. 431—432.

[2]) Ibid., т. 32, стр. 453.

[3]) Ibid., т. 32, стр. 467.

[4]) Ibid., т. 14, стр. 201.

денія школъ не только среди свободнаго сельскаго населенія, но и у владѣльческихъ крестьянъ.

28-го мая депутатъ отъ дворянъ Клинскаго уѣзда, Орловъ даже подѣлился съ членами Законодательной комиссіи результатами его личнаго опыта по обученію крестьянскихъ дѣтей. Въ своемъ клинскомъ имѣніи онъ устроилъ „самую нижнюю школу, гдѣ обучаются россійской грамотѣ и письму крѣпостныя его селянскія дѣти въ такія лѣта, въ кои не могутъ обрабатывать землю и, слѣдовательно, хлѣбопашеству еще не нужны“. Хотя школа заведена всего нѣсколько лѣтъ, но уже можно констатировать довольно значительные успѣхи учащихся. „Два или три отрока изъ обучившихся“, говоритъ Орловъ — „показываютъ уже мнѣ, сколько они отмѣнны отъ состарившихся въ невѣжествѣ: они уже говорятъ лучше и читаютъ письма. Они сами собой изъ чтенія находятъ, чѣмъ они обязаны Богу, Государю, Отечеству и, наконецъ, по законамъ помѣщику своему; они читаютъ дома семейству своему священныя книги, они уже не только помышляютъ о предпріятіяхъ къ своему содержанію, которымъ не были бы тягостью своему семейству; а при всемъ томъ, сколько возрастъ (пятнадцати или шестнадцати лѣтъ) обучившихся позволяетъ, въ хлѣбопашествѣ упражняются такъ, какъ и неграмотные. Однимъ словомъ, они уже заслуживаютъ, что можно имъ приказать, повѣрить и надѣяться“ [1]). Если предложеніе Жеребцова встрѣтило непримиримаго оппонента въ лицѣ пензенскаго городского депутата Любавцева, то, пожалуй, еще болѣе яростнымъ противникомъ школы для дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ явился депутатъ отъ обоянскаго дворянства Глазовъ. Въ 139 засѣданіи 2-го іюня 1768 года онъ въ пространной рѣчи старался доказать, что учреждать школы для крѣпостныхъ „за немалымъ отягощеніемъ народу невозможно“. Глазовъ дѣлалъ по-

---

[1]) Ibid. т. 32, стр. 521 -522. Примѣчаніе. Считаю не безынтереснымъ въ дополненіе къ сообщенію депутата Орлова привести небольшую выдержку изъ „Записокъ академика Лепехина“. Описывая свой путь отъ Арзамаса до Алатыря, онъ, между прочимъ, говоритъ: „отъ Масловки до села Исакова должно намъ было перемѣнить лошадей, гдѣ мы, отъ дождя зашедъ къ священнику, въ первый разъ увидѣли попеченіе помѣщицы о воспитаніи крестьянскихъ дѣтей, которая на своемъ иждивеніи обучаетъ ихъ россійской грамотѣ, въ чемъ священникъ съ причетниками руководствуетъ“. Записки академика Лепехина, часть I, гл. IV, страница 38. Слѣдовательно, ко времени Екатерины II среди помѣщиковъ уже начинали попадаться лица, проявлявшія заботу объ образованіи своихъ крестьянъ.

пытку прикрыть свою реакціонность въ вопросѣ о народномъ образованіи соображеніями практическаго и бытового характера. Подростки ниже 16 лѣтъ, по его словамъ, уже „принуждены пахать и обрабатывать землю свою въ двѣ сохи, питаютъ женскій полъ и меньшихъ своихъ братьевъ, платятъ государственныя всякія подати". Обоянскій депутатъ приходилъ въ ужасъ при мысли о томъ, что будетъ съ народнымъ и государственнымъ хозяйствомъ, если всѣ крестьяне до 16 лѣтъ будутъ обязаны посѣщать школу. Его глазамъ рисовалась картина полнаго крушенія какъ государственнаго, такъ и народнаго хозяйства. „Должно сложить съ нихъ государственные поборы: убытку воспослѣдовать можетъ милліонъ или болѣе; земля та, которую они работали, будетъ пуста; домъ того крестьянина совсѣмъ долженъ раззориться; женскій полъ того дому кто кормить и питать станетъ" [1]). Такимъ образомъ, скромная сельская школа въ представленіи крѣпостниковъ XVIII вѣка превращалась въ какой-то грозный таранъ, которымъ сокрушались устои существующаго государственнаго и общественнаго строя. Единственная уступка, которую соглашается сдѣлать Глазовъ запросамъ самой жизни, состояла въ допущеніи учрежденія при церквахъ приходскихъ училищъ, въ родѣ школъ грамоты. Однако, эти училища не должны были предназначаться для крестьянскихъ дѣтей, которыя могли появляться въ нихъ въ видѣ рѣдкаго исключенія. „Должно при всякой церкви быть училищу", читаемъ мы въ заключительной части его рѣчи — „учить первое: людей церковнаго чина, что самый нужный членъ православной нашей вѣры, въ сходственность обучать купецкихъ дѣтей, тако-жъ и отставныхъ унтеръ-офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей; владѣльцамъ же, ежели пожелаютъ отдавать обучать праздношатающихся, коихъ содержать должны на своемъ коштѣ безъ принужденія" [2]).

Депутатскіе наказы и пренія въ Большой Комиссіи знакомятъ насъ также съ постановкой учебнаго дѣла въ существовавшихъ уже школахъ и съ пожеланіями, высказанными какъ избирателями, такъ и депутатами относительно программы школьнаго обученія. Правда, мы не можемъ составить себѣ по наказамъ вполнѣ законченнаго представленія о томъ, какіе предметы проходились въ русскихъ школахъ средины XVIII вѣка. Но кое-какія данныя все же можно почерпнуть и по этому

---

[1]) Ibid., т. 32, стр. 533, 534.
[2]) Ibid., т. 32, стр. 534.

вопросу изъ матеріаловъ, относящихся къ Екатерининской комиссіи. Эти данныя касаются какъ разъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ культурный уровень населенія былъ вообще значительно выше, а именно—малороссійскихъ губерній. Въ Кіевской Академіи, напримѣръ, все обученіе происходило на латинскомъ языкѣ и сверхъ того изучали еще еврейскій, греческій, французскій, нѣмецкій и польскій языки [1]). По всему вѣроятію, общій характеръ программы занятій въ этой Академіи былъ обычнаго церковно-схоластическаго типа, такъ какъ Кіевской Академіи было положено начало какъ разъ въ то время, когда схоластическія традиціи не потеряли еще своей силы въ педагогическомъ мірѣ. Косвенное указаніе на это можно найти въ программѣ обученія въ Черниговскомъ коллегіумѣ, учрежденномъ еще въ 1700 году „для наставленія въ словесныхъ наукахъ россійскаго юношества". Ученикамъ этого коллегіума преподавались: аналогія, инфима, грамматика, синтаксисъ, греческій языкъ, піитика, нѣмецкій языкъ, риторика и философія. Кромѣ того, въ самомъ непродолжительномъ времени предполагалось расширить программу включеніемъ въ нее богословія, еврейскаго и французскаго языковъ и „математическихъ ученій" [2]). Оба эти учебныя заведенія являлись разсадниками просвѣщенія въ Малороссійской Украйнѣ, а для губерніи Слободско-Украинской аналогичное значеніе имѣлъ Харьковскій коллегіумъ. Въ немъ, по всему вѣроятію, обучались по преимуществу дѣти мѣстныхъ дворянъ, такъ какъ въ началѣ царствованія Екатерины II его программа была значительно расширена. Въ нее введены были французскій, нѣмецкій языки, математика, геометрія, рисованіе, инженерство, артиллерія и геодезія, а вѣдь это были все науки чисто „шляхетныя". Такимъ образомъ школа южно-русская носила отпечатокъ общеобразовательнаго учебнаго заведенія, при чемъ изученіе иностранныхъ языковъ стояло, повидимому, на первомъ планѣ. Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности составить себѣ подобное же представленіе о содержаніи учебныхъ плановъ въ школахъ великороссійскихъ. Но въ дѣлопроизводствѣ Екатерининской комиссіи не разъ встрѣчаются указанія на то, какая программа должна быть положена въ основу школьнаго дѣла въ различнаго рода учебныхъ заведеніяхъ.

Довольно любопытными являются пожеланія, чтобы въ про-

---

[1]) Ibid., т. 43, стр. 529.
[2]) Ibid., т. 43, стр. 99.

грамму обученія школъ элементарнаго типа включено было преподаваніе законовѣдѣнія. „Гражданскихъ и военныхъ законовъ по книгамъ учить при словесныхъ наукахъ обще съ законами о вѣрѣ“, читаемъ мы въ наказѣ отъ главной полиціи— „дабы съ младенчества каждому умѣющему грамотѣ всѣ правы извѣстны были“ [1]). Если на такой широкой точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о народномъ образованіи стояло высшее полицейское учрежденіе въ государствѣ, то вполнѣ естественно, что аналогичные взгляды могли высказывать нѣкоторые изъ наиболѣе передовыхъ депутатовъ. Такъ, напримѣръ, депутатомъ отъ пахотныхъ солдатъ Нижегородской провинціи, Жеребцовымъ, было внесено слѣдующее любопытное предложеніе: „Предписать надлежитъ, чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ попремѣнно изъ церковныхъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ“ [2]). Слѣдовательно, элементарное образованіе не должно было ограничиваться только чтеніемъ и письмомъ, и изъ начальной школы ученики должны были выносить общія понятія о правахъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина.

Но школа въ извѣстной степени всегда является отображеніемъ жизни. И если русская жизнь середины XVIII вѣка была насквозь пропитана началомъ сословности, то вполнѣ понятно, что большинство избирателей въ своихъ наказахъ, какъ мы видѣли выше, стремилось сословный принципъ положить во главу угла школьнаго обученія. Программа этой чисто сословной школы, конечно, модифицировалась, въ зависимости отъ культурнаго уровня тѣхъ лицъ, которыми составлялись депутатскіе наказы. Но какой бы кругъ знаній ни вводился въ предполагаемую школу, все же онъ, по мнѣнію избирателей 1767 года, долженъ былъ покоиться на строгомъ принципѣ сословной пригодности тѣхъ наукъ, которымъ обучали въ дан-

[1]) Ibid. т. 43, стр. 357. Примѣчаніе: Нельзя не видѣть здѣсь вліянія нѣкоторыхъ статей изъ XIV гл. Большого Наказа, которыя мы считаемъ не лишнимъ привести для наглядности: 348 ст. „Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами“. 351 ст. „Всякъ обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ начала всякаго цѣломудрія и вселять въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятисловіи Своемъ, и православная наша восточная греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ“. 352 ст. „Также вперять въ нихъ любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся по волѣ Божьей о благѣ ихъ на земли“

[2]) Ibid., т. 32, стр. 398.

номъ учебномъ заведенiи. „Чтобъ всѣ дворянскiя дѣти", просятъ въ своемъ наказѣ Бѣлгородскiе дворяне—„въ тѣхъ же городахъ обучались какъ словесному и письменному, такъ и протчимъ пристойнымъ наукамъ къ дворянству, и по послѣдней мѣрѣ хотя-бъ ужъ одной ариѳметикѣ и геометрiи" [1]). Однако въ такой общей формѣ выражались далеко не всѣ избиратели, нѣкоторые изъ нихъ болѣе конкретно формулировали свои пожеланiя, особенно настаивая на изученiи иностранныхъ языковъ. „Въ оной школѣ обучать", заявляютъ Каширскiе дворяне— „въ началѣ россiйской грамотѣ и закону Божiю, а потомъ ариѳметикѣ, геометрiи, фортификацiи и нѣмецкому языку" [2]). Но въ глазахъ Кашинскихъ дворянъ уѣздная школа должна подходить по своей программѣ почти къ Шляхетскому кадетскому корпусу. По ихъ мнѣнiю, въ ней слѣдуетъ „обучать: первое закону христiанскому, второе французскаго и нѣмецкаго языковъ, рисовать, фехтовать, ариѳметикѣ, геометрiи, тригонометрiи, артиллерiи и фортификацiи" [3]). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на-ряду съ этимъ болѣе позднимъ налетомъ культурныхъ влiянiй времени Анны Iоанновны и Елизаветы Петровны сильны были еще педагогическiя традицiи эпохи Петра Великаго. „Обучать же самымъ нужнѣйшимъ наукамъ", кратко, но рѣшительно заявляютъ сторонники строго сословной школы, дворяне Бѣлевскаго уѣзда—„фортификацiи, инженерiи, артиллерiи и архитектурiи" [4]).

Въ той же сословно профессiональной плоскости строятъ программу школьнаго обученiя и городскiе избиратели, принадлежавшiе почти исключительно къ купцамъ и ремесленникамъ. Да это и вполнѣ понятно, такъ какъ до реформъ Екатерины II самаго представленiя о городѣ, какъ территорiальной единицѣ, въ русской жизни не существовало. Городское общество было строго сословнаго типа и включало въ себя только торговопромышленные элементы населенiя. Интересно, что о программѣ чисто сословнаго характера просятъ и москвичи, и жители Архангельска, и депутаты поволжскихъ и Сибирскихъ городовъ. Очевидно, это желанiе было общимъ, и мысль о школахъ профессiональнаго типа была широко распространена среди

[1]) Ibid., т. 68, стр. 658.
[2]) Ibid., т. 8, стр. 485—486.
[3]) Ibid., т. 4, стр. 468.
[4]) Ibid., т. 68, стр. 610.

городскихъ обывателей. По мнѣнію жителей города Вязьмы, въ школахъ, учреждаемыхъ при магистратахъ и ратушахъ, слѣдуетъ „обучать россійской грамотѣ, читать, писать, ариѳметикѣ и бухгалтеріи“ [1]). Въ этомъ заявленіи центръ тяжести переносится, пожалуй, даже нѣсколько въ сферу общаго, хотя и элементарнаго образованія, и только такой предметъ, какъ бухгалтерія, долженъ наложить на школу небольшой профессіональный отпечатокъ. Но эта точка зрѣнія можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что городъ Вязьма въ серединѣ XVIII вѣка не былъ крупнымъ торгово-промышленнымъ центромъ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ преобладали чисто коммерческіе интересы, купечество говорило совершенно инымъ языкомъ. Такъ, напримѣръ, москвичи настаиваютъ на томъ, чтобы купеческія дѣти въ спеціально для нихъ учрежденныхъ училищахъ „разнымъ языкамъ, бухгалтерству и прочимъ купечеству необходимымъ, наукамъ и знаніямъ обучаемы были“ [2]). Еще болѣе детализируютъ программу коммерческаго образованія жители такого крупнаго портоваго города, какъ Архангельскъ. Для каждаго негоціанта, особенно ведущаго заграничный торгъ, необходимо, по ихъ мнѣнію, хорошо усвоить въ школѣ слѣдующіе предметы: 1) „правописаніе и штиль купеческихъ писемъ; 2) ариѳметику и знаніе о вѣсахъ и мѣрахъ другихъ государствъ; 3) бухгалтерію; 4) купеческую географію; 5) иностранные языки; 6) права, до купечества принадлежащія какъ россійскія, такъ и иностранныя“ [3]). Если такъ говорили избиратели, то, конечно, аналогичную же точку зрѣнія должны были проводить и городскіе депутаты въ своихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ. Одни изъ нихъ отстаивали программу болѣе широкаго типа, куда-бы, на ряду со спеціальными предметами, входили бы и элементы общаго образованія; другіе же высказывались за обученіе въ узкомъ сословно-профессіональномъ направленіи. Такъ, по мнѣнію енисейскаго депутата, Самойловича, купцу нужны: „познаніе закона Божія, россійская грамота, чистое письмо, нѣмецкій языкъ и другіе, если найдутся учители: ариѳметика, знаніе разныхъ товаровъ и цѣнъ ихъ, также мѣръ и вѣсовъ, географію и исторію“ [4]). Особенно подробно доказывалъ цѣлесообразность организаціи правильнаго и при томъ строго ком-

---

[1]) Ibid., т. 134, стр. 105.
[2]) Ibid., т. 93, стр. 134.
[3]) Ibid., т. 123, стр. 464.
[4]) Ibid., т. 8, стр. 161.

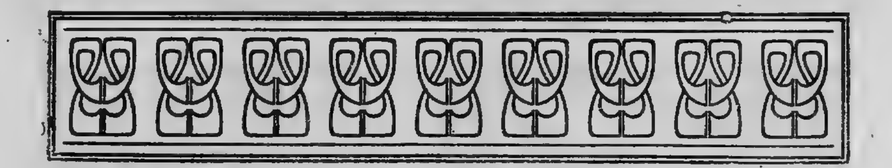
мерческаго образованія для купеческихъ дѣтей симбирскій депутатъ, Ларіоновъ. Въ купеческой школѣ, по его словамъ, „изъ наукъ весьма нужна ариѳметика для вычисленія счетовъ, навигація также весьма полезна, ибо открылись новые порты на Тихомъ океанѣ и купечествомъ отысканы острова. Также обученіе иностраннымъ языкамъ и бухгалтеріи купечеству очень полезно, ибо дѣти русскаго купечества уже выписываютъ изъ Европы разные товары, но, не зная иностраннаго языка, отдаютъ письма свои другимъ для перевода“ [1]).

В. Бочкаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ibid., т. 14, стр. 201.

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

VIII [1]).

Недостатки произведенныхъ въ 40-хъ годахъ преобразованій денежной системы. — Необходимость связать выпускъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ съ банковыми операціями. — Учрежденіе комиссіи по устройству банковой и денежной системы.—Заключенія комиссіи. — Одобреніе предположеній комиссіи комитетомъ финансовъ.

Изъ сказаннаго мною ранѣе, такимъ образомъ, видно, что преобразованіе старыхъ кредитныхъ учрежденій вызывалось, съ одной стороны, возникшими въ концѣ 50-хъ годовъ затрудненіями вслѣдствіе усиленнаго востребованія изъ банковъ вкладовъ, а, съ другой, невозможностью продолженія операцій банковъ по выдачѣ ссудъ въ виду предстоявшаго освобожденія крестьянъ. Но, сверхъ того, реформа эта диктовалась еще третьею весьма важною потребностью, заключавшеюся въ упорядоченіи разстроеннаго послѣ войны денежнаго обращенія и въ развитіи государственнаго коммерческаго кредита.

Дѣло въ томъ, что та денежная кредитная система, которая установлена была въ началѣ 40-хъ годовъ и сводилась къ замѣнѣ неразмѣнныхъ ассигнацій размѣнными на серебро и золото кредитными билетами, оказалась, съ теченіемъ времени, несостоятельною. Послѣ усиленныхъ выпусковъ въ періодъ Крымской войны, кредитные билеты перестали быть размѣнными; явилось колебаніе курса, паденіе цѣны по разсчету на золото—словомъ кредитные билеты сдѣлались такими же ассигнаціями, какъ тѣ, которыя они замѣнили.

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1915 г.

Размѣнъ кредитныхъ билетовъ былъ пріостановленъ съ начала войны; золото выдавалось лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ разрѣшенія министра финансовъ, какъ, напримѣръ, для надобностей самой казны, путешественникамъ за границу, въ обмѣнъ на предъявляемые ими кредитные билеты и т. п.

Строгій анализъ осуществленной при Императорѣ Николаѣ I денежной реформы не могъ не обнаружить ея серьезнаго недостатка. Если бы совершенная въ 1843 году девальвація была связана съ преобразованіемъ банковъ и банковыхъ операцій, то можетъ быть она дала бы болѣе прочные результаты и даже пріостановленіе размѣна въ періодъ войны носило бы кратковременный характеръ. Между тѣмъ правительство, сдѣлавъ девальвацію, вовсе не думало о пріобщеніи выпуска кредитныхъ билетовъ къ банковымъ операціямъ; оно предоставляло себѣ распоряжаться кредитными билетами, какъ финансовыхъ способомъ государственнаго казначейства. Допустимъ, что всѣ выпущенные во время войны государственнымъ казначействомъ кредитные билеты были бы выпущены банками. Эти послѣдніе считали бы въ такомъ случаѣ сумму выпущенныхъ билетовъ долгомъ за государственнымъ казначействомъ, которое и должно было бы постепенно погасить сдѣланныя позаимствованія изъ бюджетныхъ рессурсовъ, предоставивъ тѣмъ самымъ банкамъ средства для изъятія изъ обращенія излишне выпущенныхъ денежныхъ знаковъ. Напротивъ того, выпущенные государственнымъ казначействомъ, помимо банковъ, кредитные билеты могли оставаться и въ дѣйствительности остались непогашенными, результатомъ чего явилось прекращеніе размѣна и длительное разстройство нашего денежнаго обращенія. Вообще извѣстны два способа выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ, или непосредственно правительствомъ, или же банками. При первомъ способѣ, насколько я знаю, только Соединенные Штаты возстановили денежное обращеніе, всѣ другія государства, которыя вышли изъ эпохи разстроеннаго денежнаго обращенія и перешли къ свободному размѣну, принадлежали къ такимъ государствамъ, гдѣ правительство налагало на банки обязанность выпускать билеты для нуждъ государства на извѣстное время.

Естественно поэтому, что заботы объ упорядоченіи нашего денежнаго обращенія побуждали связать выпускъ кредитныхъ билетовъ съ краткосрочными банковыми операціями производство которыхъ лежало въ то время на государственномъ коммерческомъ банкѣ. Но банкъ этотъ самъ по себѣ нуждался въ

существенныхъ преобразованіяхъ, такъ какъ дѣятельность его не удовлетворяла возбужденному состоянію промышленности и торговли: операціи краткосрочнаго кредита ограничивались почти исключительно учетомъ векселей, представляемыхъ маклерами. Однако, и учетная операція, послѣ предпринятыхъ въ 20-хъ годахъ неудачныхъ опытовъ къ ея расширенію, достигала незначительныхъ размѣровъ, выражаясь въ 1858 и 1859 годахъ въ суммѣ до 50 милл. руб. въ годъ, при чемъ количество векселей, значившееся на балансѣ банка, не превышало 7 милл. руб. Кромѣ того, многія операціи, какъ, напр., чековое полученіе денегъ, были банку совершенно неизвѣстны.

При объясненныхъ обстоятельствахъ весною 1859 года созвана была, по Высочайшему повелѣнію, комиссія изъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ финансовою и кредитною частями для обсужденія мѣръ къ лучшему устройству банковой и денежной системы. Членами этой комиссіи были назначены: Гагемейстеръ — директоръ особенной канцеляріи по кредитной части, Татариновъ, занимавшійся тогда преобразованіемъ контрольной части, Рейтернъ, служившій въ то время въ морскомъ министерствѣ и состоявшій членомъ желѣзнодорожнаго совѣта, Н. Милютинъ, исполнявшій обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Бутовскій—директоръ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, Небольсинъ, состоявшій при министрѣ, я и, по моему предложенію, ректоръ Кіевскаго университета и профессоръ политической экономіи Н. Х. Бунге. Предсѣдательствовали въ комиссіи Гагемейстеръ и Милютинъ. Еще до собранія комиссіи я пригласилъ Бунге къ себѣ на дачу въ Лѣсной и послѣ обѣда начерталъ ему на листѣ бумаги свой планъ преобразованія нашей банковой системы. Этотъ планъ, легшій въ основаніе работъ комиссіи, остался у Рорбека, одного изъ моихъ сотрудниковъ на поприщѣ банковой дѣятельности.

Комиссія, подробно вникнувъ въ порученное ей дѣло и признавъ необходимымъ произвести коренное преобразованіе всей банковой системы, выработала, прежде всего, рядъ мѣръ къ правильному и соотвѣтствующему потребностямъ вкладчиковъ отверженію огромнаго пловучаго долга (dette flottante), тяготѣвшаго надъ банками. Съ этою цѣлью комиссія намѣтила, между прочимъ, произвести выпускъ 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ для обмѣна на нихъ, по желанію вкладчиковъ, прежнихъ вкладныхъ билетовъ. Мѣра эта должна была остановить востребованіе вкладовъ, превративъ ихъ изъ краткосрочныхъ, свободныхъ къ востребованію въ любое время, въ болѣе или менѣе

постоянные и ограниченные извѣстнымъ срокомъ погашенія. Такъ какъ банки выдавали ссуды на продолжительные сроки, главнымъ образомъ, до 33 лѣтъ и преимущественно подъ залогъ недвижимой собственности или подъ отвѣтственностью государственнаго казначейства, то надо было стремиться привести востребованіе вкладовъ въ соотвѣтствіе съ условіями возврата ссудъ отъ заемщиковъ. Этому требованію и удовлетворяли 5%-ные банковые билеты, которые давали достаточное вознагражденіе вкладчикамъ и успокаивали банки, что уплата капитала будетъ примѣрно соотвѣтствовать срокамъ поступленія платежей со стороны заемщиковъ. Выпущенные билеты должны были быть погашены въ теченіе 37 лѣтъ путемъ ежегодныхъ тиражей или по жребію. Въ зависимости отъ желанія пріобрѣтателя, билеты могли выдаваться или именными съ правомъ дальнѣйшей передачи по бланковой надписи или на предъявителя съ правомъ передачи изъ рукъ въ руки безъ всякихъ формальностей.

Тѣ вкладчики, которые не согласились бы на полученіе, взамѣнъ старыхъ вкладныхъ билетовъ, новыхъ банковыхъ могли или оставить свой капиталъ въ банкахъ съ правомъ безсрочнаго востребованія, но съ тѣмъ, чтобы получать на него только 2% и въ случаѣ пролежанія вклада болѣе года съ новаго срока не пользоваться впредь сложными процентами или же получить изъ банковъ деньги обратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для скорѣйшаго выясненія желаній вкладчиковъ, во избѣжаніе напрасной затяжки кризиса и, наконецъ, чтобы имѣть возможность приступить къ измѣненіямъ въ банковой системѣ, коммиссіею признано было необходимымъ назначить для объявленія намѣреній вкладчиковъ, по возможности, краткій срокъ.

По истеченіи назначеннаго срока комиссія признавала необходимымъ приступить къ окончательному преобразованію банковъ, которое должно было заключаться въ ликвидаціи прежнихъ и въ устройствѣ тотчасъ же новыхъ кредитныхъ учрежденій на болѣе раціональныхъ основаніяхъ. Для достиженія этой цѣли были предложены слѣдующія средства. Послѣ того какъ прежніе вклады изберутъ себѣ то или другое помѣщеніе, всѣ капиталы банковъ, оставшіеся вкладами на измѣненныхъ основаніяхъ, передаются на отвѣтственность одного Коммерческаго банка. Затѣмъ, Сохранныя казны, Заемный банкъ и Приказы общественнаго призрѣнія прекращаютъ всѣ свои операціи по вкладамъ, а для взысканія платежей по прежнимъ ссудамъ оставляются временныя отдѣленія. При этомъ комиссіею высказано

было пожеланіе, чтобы Коммерческій банкъ, значеніе котораго должно сдѣлаться гораздо важнѣе, получилъ въ свою очередь нѣкоторыя постепенныя преобразованія и могъ сдѣлаться у насъ со временемъ, по мѣрѣ улучшенія денежной кредитной системы, постояннымъ оборотнымъ банкомъ на подобіе банковъ Англіи, Франціи и другихъ. Въ частности, на первое время комиссія признавала полезнымъ ввести въ управленіе банкомъ элементъ частной дѣятельности и въ этихъ видахъ, оставляя его подъ ближайшимъ надзоромъ правительства, допустить въ составленіи основного капитала и въ производствѣ всѣхъ операцій, имѣющихъ въ немъ чисто коммерческій характеръ, частную компанію преимущественно изъ торговаго сословія. При участіи торговыхъ людей, операціи банка, безъ всякаго сомнѣнія, приняли бы большіе размѣры и число конторъ его возросло бы къ пользѣ промышленности и торговли въ такихъ мѣстахъ, которыя лишены нынѣ всякаго содѣйствія кредита. Что же касается долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности, то комиссія считала необходимымъ построить этого рода кредитъ на началахъ, принятыхъ въ земскомъ кредитномъ обществѣ Царства Польскаго, въ Остзейскихъ губерніяхъ и за границею—въ Германіи и Франціи. Поэтому и такъ какъ оцѣнка принимаемой въ залогъ земельной собственности должна быть производима на мѣстахъ съ принятіемъ во вниманіе всѣхъ частныхъ и мѣстныхъ отличій и условій каждаго залога, комиссія высказалась за удовлетвореніе потребностей земельнаго кредита посредствомъ устройства мѣстныхъ земскихъ банковъ, по возможности, съ участіемъ самихъ землевладѣльцевъ или частной акціонерной компаніи. Правительство же съ своей стороны могло бы, по мнѣнію комиссіи, облегчить устройство земскихъ банковъ, принявъ подъ свой высшій надзоръ огражденіе правъ довѣрителей въ отношеніи къ выпуску закладныхъ листовъ.

Наконецъ, предварительно осуществленія намѣченнаго преобразованія комиссія нашла полезнымъ объединить высшее завѣдываніе кредитными операціями Имперіи. Кредитныя учрежденія въ то время распредѣлены были по тремъ вѣдомствамъ: коммерческій и заемный банки находились въ рукахъ министерства финансовъ, сохранныя казны состояли при опекунскихъ совѣтахъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, наконецъ, производившіе кредитныя операціи въ губерніяхъ—приказы общественнаго призрѣнія состояли въ вѣдомствѣ министерства

внутреннихъ дѣлъ. Подобное раздѣленіе администраціи кредитныхъ учрежденій, несмотря даже на нѣкоторое желаніе дѣйствовать однообразно, безспорно приводило къ отсутствію единства какъ въ общемъ направленіи дѣятельности банковъ, такъ и въ отдѣльныхъ ихъ мѣропріятіяхъ. А такъ какъ успѣхъ предположенныхъ преобразованій возможенъ былъ лишь при единствѣ, быстротѣ, твердости и полномъ согласованіи въ дѣйствіяхъ, то комиссія пришла къ заключенію о необходимости подчинить всѣ существующія кредитныя установленія непосредственно министерству финансовъ.

Всѣ эти предположенія комиссіи составили предметъ особой записки, переданной въ іюлѣ 1859 года на разсмотрѣніе комитета финансовъ.

Проектированныя комиссіею мѣропріятія были одобрены въ основныхъ чертахъ комитетомъ финансовъ. Но, при этомъ, вослагая на министра финансовъ заняться соображеніемъ о преобразованіи коммерческаго банка, комитетъ финансовъ не призналъ возможнымъ присоединиться къ заключенію комиссіи о привлеченіи къ составленію основного капитала банка и къ управленію его дѣлами частной компаніи и съ своей стороны полагалъ сохранить коммерческому банку характеръ исключительно правительственнаго учрежденія, пока не представится возможнымъ обратить его въ оборотный банкъ съ правомъ выпуска собственныхъ безпроцентныхъ билетовъ.

IX.

Подписка на 5%-е банковые билеты.—Назначеніе Е. И. Ламанскаго старшимъ директоромъ коммерческаго банка.—Введеніе въ банковское производство новыхъ порядковъ.—Служебныя непріятности.—Ѳ. Ф. Юрьевъ.—Назначеніе А. И. Ростовцева управляющимъ коммерческимъ банкомъ.—М. А. Княжевичъ.—Составленіе проекта устава государственнаго банка.—Главныя основанія Высочайше утвержденнаго 31 мая 1860 года устава Государственнаго банка.

Согласно разработанному въ комиссіи и одобренному комитетомъ финансовъ плану 1 сентября 1859 г. обнародовано было при Высочайшемъ указѣ Сенату положеніе о государственныхъ 5%-хъ банковыхъ билетахъ, выпускавшихся въ обмѣнъ на прежніе билеты государственныхъ кредитныхъ установленій. Подписка на 5%-е билеты должна была быть окончена къ 1 января 1860 года. Однако, несмотря на краткость назначеннаго для завершенія всей операціи срока, консолидація вкладовъ подвига-

лась на первыхъ порахъ весьма медленно. Самая мысль о возможности такой операціи являлась новою для публики, совсѣмъ не подготовленной къ крупнымъ внутреннимъ займамъ. Съ другой стороны, администрація банковъ, усматривая въ предпринятой мѣрѣ переходную ступень къ коренному преобразованію банковой системы съ устраненіемъ разныхъ ненужныхъ прежнихъ дѣятелей, отнеслась къ выпуску 5%-хъ банковыхъ билетовъ, конечно, несочувственно. Такъ, напримѣръ, на вопросы приходившей подписываться на *билеты* публики директора и другіе служащіе коммерческаго банка указывали на невыгодность этой операціи, объясняя, что по билетамъ будутъ платить только проценты, а капитала не выдадутъ. Словомъ, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль со времени изданія положенія о 5%-хъ билетахъ требованій на нихъ почти не предъявлялось. Министръ финансовъ Княжевичъ былъ въ полномъ отчаяніи. Директоръ канцеляріи Гагемейстеръ съ упрекомъ обратился ко мнѣ: „Мы приняли въ точности Вашу систему; однако, какъ видите, на практикѣ она не оправдываетъ ожиданій". Тогда М. Н. Муравьевъ, твердо увѣренный въ той пользѣ, которую я могъ бы оказать въ этомъ дѣлѣ, началъ склонять меня къ переходу въ министерство финансовъ и къ поступленію въ коммерческій банкъ для исполненія предложенной мною въ комиссіи операціи по консолидаціи вкладовъ. Чувствуя на себѣ отвѣтственность за поданную мною мысль и уступая желанію Муравьева, въ концѣ октября 1859 года, я поступилъ, по приглашенію Княжевича, старшимъ директоромъ коммерческаго банка. Такимъ образомъ, до истеченія срока подписки на 5%-ные банковые билеты оставалось всего два мѣсяца. На первыхъ же порахъ я столкнулся въ банкѣ съ явнымъ противодѣйствіемъ его администраціи всѣмъ моимъ начинаніямъ. Но это меня не смутило. Въ сознаніи лежавшаго на мнѣ долга я тотчасъ же образовалъ особое отдѣленіе изъ молодыхъ людей, которые спеціально вѣдали подпискою на 5%-ные билеты и разъясняли публикѣ какъ изустно, такъ и письменно, путемъ статей въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, смыслъ и послѣдствія производимой операціи, разсѣивая сложившееся вокругъ нея предубѣжденіе. Въ этомъ дѣлѣ оказалъ мнѣ помощь одинъ очень хорошій, хотя слишкомъ болтливый человѣкъ—Рорбекъ, безвременно скончавшійся отъ простуды во время своей послѣдующей службы въ Государственномъ банкѣ. Благодаря принятымъ мѣрамъ, въ теченіе ноября и декабря 1859 г. мною было консолидировано вкладовъ на сумму около 270 милл. руб. Те-

перь, накопленная съ годами опытность не дала бы, быть можетъ, мнѣ возможности найти въ себѣ той энергіи и смѣлости, съ которыми я взялся въ ту пору за это трудное и отвѣтственное предпріятіе.

Достигнутый нами успѣхъ зависѣлъ въ извѣстной мѣрѣ и отъ заведенныхъ мною, по образцу французскаго банка, новыхъ порядковъ сношенія съ публикою. Въ прежнее время служащіе банка обращались съ многими кліентами на ты; я помню, что даже въ оффиціальныхъ бумагахъ на имя вкладчиковъ изъ крестьянъ неизмѣнно писалось: увѣдомляемъ тебя, объявляемъ тебѣ. При производствѣ операцій съ приходящею въ банкъ публикою никакой очереди не соблюдалось, а всегда отдавалось предпочтеніе лицамъ привилегированнаго сословія. Все это мною было въ корнѣ измѣнено. Всѣмъ служащимъ я внушилъ необходимость сноситься съ публикою въ самой вѣжливой формѣ, отнюдь не допуская обращенія на ты. Затѣмъ, пріемъ и исполненіе заявленій подчинены были строгой очереди. Эта послѣдняя мѣра привилась, понятно, не безъ нѣкоторыхъ на первыхъ порахъ треній. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, въ банкъ какой-нибудь офицеръ и заявляетъ, по старой привычкѣ: „Мнѣ некогда сегодня ждать, нельзя ли удовлетворить меня внѣ очереди“. На это я неизмѣнно отвѣчалъ: „Очень жаль, что избрали такой день; зайдите завтра; очередь во всякомъ случаѣ нарушена быть не можетъ“. Не только публика, но и всѣ низшіе служащіе банка, разумѣется, поняли и оцѣнили происшедшую перемѣну.

Въ качествѣ одного изъ директоровъ банка я принималъ участіе въ его правленіи, гдѣ многіе на меня смотрѣли косо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ канцеляріи банка зачастую писались такія распоряженія, которыя не были предварительно обсуждаемы въ правленіи. Когда мнѣ однажды принесли подобнаго рода бумагу, я тотчасъ же попросилъ созвать правленіе, въ которомъ заявилъ правителю канцеляріи: „Какъ Вы смѣете писать такія вещи. Въ бумагѣ указанъ день и число, когда я былъ въ банкѣ, однако, о сдѣланномъ распоряженіи мнѣ ничего не извѣстно“. Управляющій банкомъ—прелестный человѣкъ, Ѳедоръ Филипповичъ Юрьевъ, бывшій уланъ, другъ Пушкина, началъ защищать правителя канцеляріи и, стремясь положить предѣлъ непріятнымъ пререканіямъ, обращаясь ко мнѣ, замѣтилъ, между прочимъ: „Я Вашъ начальникъ“. На это я отвѣтилъ: „Не стыдно ли Вамъ, Ѳедоръ Филипповичъ; Вы хорошо знаете о чемъ идетъ рѣчь; я здѣсь скажу какъ гость, какой же Вы начальникъ, если Вы позволяете творить такія вещи“. Словомъ,

я распустилъ весь составъ правленія. Со стороны банковской администраціи прилагали, понятно, всѣ старанія, чтобы избавиться отъ меня и не дать мнѣ возможности стать во главѣ банка и сдѣлаться непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ противорѣчившихъ мнѣ директоровъ. Происки эти остались очевидно не безъ успѣха. Когда, вскорѣ послѣ описанной исторіи, Ѳ. Ф. Юрьевъ скончался (въ мартѣ 1860 года), А. М. Княжевичъ назначилъ управляющимъ коммерческимъ банкомъ не меня, имѣвшаго, въ качествѣ старшаго директора, полное на это право, а своего пріятеля, управляющаго экспедиціею государственныхъ кредитныхъ билетовъ Александра Ивановича Ростовцева. Словомъ, пришлось пережить тысячу непріятностей.

Главнѣйшую поддержку въ своей дѣятельности я находилъ все же у Княжевича и Гагемейстера, съ которыми у меня установились самыя хорошія отношенія.

Княжевичъ былъ умнымъ и очень добрымъ человѣкомъ. Но въ операціи консолидаціи вкладовъ онъ видимо плохо разбирался и вполнѣ довѣрялся въ этомъ дѣлѣ мнѣ и извѣстному въ то время своею начитанностью и образованіемъ директору кредитной канцеляріи Гагемейстеру. Въ подтвержденіе оказывавшагося мнѣ Княжевичемъ широкаго довѣрія я могу привести слѣдующій случай. На самомъ зенитѣ обмѣна вкладовъ на 5%-ные билеты директора банка стали писать на меня разные доносы министру. Княжевичъ, пригласивъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ, что онъ получилъ отъ директоровъ банка заявленія, что я веду дѣло не такъ, какъ нужно. Съ своей стороны я отвѣтилъ министру: „Я совершенно ясно обнаружилъ цѣль моихъ дѣйствій; если вы хотите довѣриться другимъ директорамъ, то довѣряйтесь, а я тогда уйду изъ банка. Продолжать начатое дѣло я буду только самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства прочихъ директоровъ". На это Княжевичъ тотчасъ же сказалъ: „Довѣряю вамъ одному". И съ тѣхъ поръ предоставилъ мнѣ полную самостоятельность въ дѣлѣ веденія операціи съ 5%-ными билетами.

Помимо работы въ коммерческомъ банкѣ, вторую половину 1859 года и начало 1860 года я посвятилъ возложенному на меня особому труду по составленію проекта устава новаго Государственнаго банка. Какъ было уже сказано, первоначальная мысль комиссіи, начертавшей въ 1859 году планъ переустройства нашей банковой и денежной системы, состояла въ образованіи особаго самостоятельнаго коммерческаго банка въ видѣ большой акціонерной компаніи съ предоставленіемъ ему права

выпуска размѣнныхъ денежныхъ знаковъ. Мысль эта хотя и встрѣтила сочувствіе въ высшемъ правительствѣ, но не была приведена въ исполненіе, такъ какъ предложенный проектъ представлялъ собою слишкомъ рѣзкій переходъ отъ прежняго строго казеннаго кредитнаго учрежденія къ частному банковому предпріятію. Правительство полагало возможнымъ достичь имѣвшейся въ виду комиссіи цѣли и при сохраненіи за учреждаемымъ банкомъ характера государственнаго, но съ предоставленіемъ ему независимаго устава, обезпечивающаго всѣ его операціи отъ непосредственнаго вліянія государственнаго казначейства.

Въ основаніе выработаннаго мною, сообразно такому заданію, проекта устава Государственнаго банка былъ принятъ уставъ французскаго центральнаго банка (Banque de France) съ тѣми, конечно, отступленіями, которыя обусловливались казенною организаціею создаваемаго у насъ кредитнаго учрежденія. Проектъ устава былъ отпечатанъ и разосланъ во всѣ коммерческіе центры, гдѣ существовали коммерческіе совѣты, во всѣ биржевые города, а здѣсь, въ Петербургѣ, былъ сообщенъ всѣмъ лицамъ торговаго сословія, преимущественно иностранцамъ, которые были ближе знакомы съ вопросами коммерческаго кредита. Исправленный, согласно поступившимъ замѣчаніямъ, проектъ устава, по одобреніи его министромъ финансовъ, былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и 31 мая 1860 года удостоился Высочайшаго утвержденія.

Хотя этотъ уставъ и не удовлетворялъ всѣмъ первоначально намѣченнымъ комиссіею 1859 года цѣлямъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ ввелъ нѣкоторыя новыя начала въ устройство нашего центральнаго учрежденія коммерческаго кредита. Главное назначеніе новаго банка заключалось въ упроченіи денежнаго кредитнаго обращенія и въ развитіи торговыхъ оборотовъ. Для производства коммерческихъ операцій Государственному банку назначался основной капиталъ въ 15 милл. руб. съ остаткомъ резервнаго капитала бывшаго коммерческаго банка въ 8.751.428 р. Какъ собственные капиталы банка—основной и резервный, такъ и ввѣряемые ему частными лицами и учрежденіями вклады не должны были ни въ какомъ случаѣ быть обращаемы на государственные расходы. Этимъ постановленіемъ устава какъ бы подчеркивалось независимое положеніе банка и совершенное раздѣленіе нуждъ коммерческаго учрежденія отъ нуждъ государственнаго казначейства. Разумѣется, самостоятельность банка, какъ показалъ впослѣдствіи опытъ, была обѣщана только на

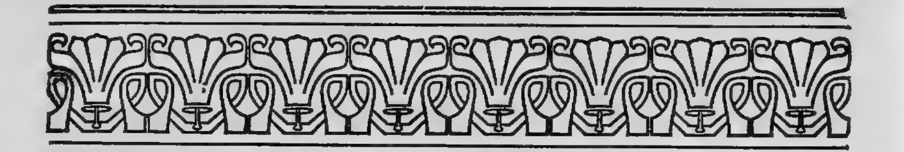
бумагѣ, потому что разъ банкъ находился въ рукахъ финансоваго управленія, а не акціонернаго учрежденія, онъ не могъ принудить правительство къ исполненію принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Предоставляя банку производство различныхъ коммерческихъ операцій, какъ-то: учетъ векселей, выдачу ссудъ подъ залогъ бумагъ, товаровъ и т. д., уставъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь не возлагалъ на банкъ обязанности производить эти операціи, такъ что веденіе ихъ исключительно зависѣло отъ усмотрѣнія банка и, въ частности, отъ состоянія его средствъ. Банкъ имѣлъ полное право не производить предусмотрѣнныя его уставомъ операціи. Нигдѣ въ уставѣ не указано, что банкъ обязанъ дѣлать то-то и то-то. Словомъ, производство операцій составляло только право, а не обязанность банка, который имѣлъ, такимъ образомъ, полную возможность направлять свои средства на исполненіе только выгодныхъ для него операцій. Въ отличіе отъ прежнихъ банковъ, Государственный банкъ, при пріемѣ вкладовъ для обращенія изъ процентовъ, могъ выдавать на нихъ только именныя, а не передаточныя свидѣтельства. Всѣ операціи на неизвѣстнаго были уничтожены. Съ другой стороны банку была открыта новая отрасль дѣятельности, не существовавшая прежде въ Россіи, а именно производство всякаго рода комиссіонныхъ операцій за счетъ довѣрителей, которымъ банкъ открывалъ текущіе счеты и затѣмъ, по порученію своихъ кліентовъ, получалъ по ихъ векселямъ, переводилъ деньги изъ одного города въ другой, гдѣ существовали банковскія учрежденія и т. д. Въ качествѣ особой привилегіи банка, въ уставъ его было включено постановленіе, въ силу коего всѣ казенныя суммы, гдѣ бы онѣ ни находились, должны храниться въ банковыхъ учрежденіяхъ, т.-е. въ центральномъ банкѣ или его конторахъ. Рядомъ съ этимъ на Государственный банкъ была возложена казною, въ видѣ комиссіонной операціи, ликвидація всѣхъ старыхъ счетовъ бывшихъ кредитныхъ установленій. На этомъ основаніи новый банкъ долженъ былъ производить: а) платежъ процентовъ и возвратъ капитала по тѣмъ внесеннымъ въ бывшія кредитныя установленія вкладамъ, которые остались послѣ свободнаго обмѣна вкладныхъ билетовъ на 5%-ные банковые билеты и б) платежъ процентовъ по купонамъ 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ и капитала по билетамъ, назначеннымъ къ погашенію. На покрытіе этихъ расходовъ банку должны были передаваться: 1) вся сумма процентовъ и погашенія, слѣдующихъ съ заемщиковъ бывшихъ кредитныхъ установленій и 2) всѣ платежи, производимые изъ

государственнаго казначейства по долгу его и казенныхъ мѣстъ кредитнымъ установленіямъ. При этомъ въ уставѣ Государственнаго банка было совершенно точно и ясно опредѣлено, что всѣ ликвидаціонныя операціи производятся не на средства и не на обороты Государственнаго банка, а за счетъ государственнаго казначейства, которое, въ случаѣ надобности, принимаетъ на себя обязательство выдавать банку необходимыя для ликвидаціи дополнительныя, сверхъ указанныхъ выше, средства или въ наличныхъ деньгахъ или въ процентныхъ обязательствахъ государственнаго казначейства, съ правомъ банка обращать ихъ въ наличныя деньги продажею на биржѣ.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мои воспоминанія и размышленія.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

II.

Въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ.

(1839—1845 г.г.).

Плохіе успѣхи мои въ грамматикѣ и въ ариѳметикѣ побудили отца поскорѣе отдать меня вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ въ Московскій дворянскій институтъ, гдѣ года три учился старшій нашъ братъ Василій, бывшій тогда уже въ IV классѣ. Директоръ Краузе не безъ труда согласился принять меня, такъ какъ мнѣ только-что минуло 9 лѣтъ, а въ I классъ института принимались 10 и 12-лѣтніе мальчики Отецъ мой обезоружилъ его, сославшись на то, что судя по домашнему моему ученію я малоспособенъ, и мнѣ придется не разъ сидѣть по 2 года въ одномъ и томъ же классѣ, и что такъ какъ я до сихъ поръ шелъ вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ, то и нежелательно было бы разлучать насъ при отдачѣ насъ въ школу. Доводы эти подѣйствовали на директора, и насъ, какъ теперь помню, послѣ молебна у насъ на дому отецъ отвезъ въ институтъ 9-го сентября 1839 г., завезя по дорогѣ въ часовню Иверской Божьей Матери приложиться къ чудотворной иконѣ. Это было какъ разъ въ субботу, и день этотъ былъ выбранъ нарочно, чтобы на первый разъ намъ только одни сутки провести внѣ родительскаго дома. И этотъ одинъ день показался намъ цѣлою вѣчностью, хотя большую часть рекреа-

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

ціоннаго времени былъ съ нами старшій нашъ братъ, разъяснившій намъ уже давно всѣ институтскіе порядки и теперь руководившій нашими первыми шагами. Въ особенности жутко было вечеромъ, когда насъ привели ложиться спать въ нескончаемый рядъ дортуаровъ, шедшихъ въ одну линію и соединенныхъ или, лучше сказать, раздѣленныхъ между собою только арками. Тутъ наши кровати, моя и брата Дмитрія, были помѣщены рядомъ, но старшій братъ былъ далеко отъ насъ, какъ принадлежавшій къ старшему отдѣленію (IV, V и VI классы) воспитанниковъ, которое имѣло и свой особый залъ для рекреацій, и свои дортуары въ противоположномъ концѣ зданія. Я крѣпился, но братъ Дмитрій залился слезами и долго не могъ заснуть, вспоминая, какъ насъ обыкновенно укладывала дома мама, напередъ помолясь съ нами Богу.

Первое впечатлѣніе отъ института не могу сказать, чтобы было благопріятное: этотъ непривычный шумъ дѣтской толпы въ промежуткахъ между уроками и въ рекреаціонное время, эти безпрерывные звонки, которыми начинались и заканчивались уроки, эти приставанія къ намъ новичкамъ товарищей по классу, — все это ошеломляло и сильно надоѣдало на первыхъ порахъ.

Особенно приставалъ ко мнѣ въ одну изъ перемѣнъ ученикъ Текутьевъ помѣриться длиною нашихъ рукъ. Онъ вытянулъ свою руку, а я, ничего не подозрѣвая, свою, и такъ какъ его рука оказалась ближе къ моему лицу, то онъ ударилъ меня по щекѣ. Меня эта неожиданность и удивила, и огорчила, и взорвала, и я тутъ же напалъ на него съ величайшимъ ожесточеніемъ и пустилъ въ ходъ свои кулаки. Я оказался сильнѣе, и Текутьевъ обратился въ бѣгство, я за нимъ, и оба мы натолкнулись на надзирателя старшаго класса Monsieur Dislène, который схватилъ насъ за уши и повелъ въ нашъ I классъ; но, узнавъ, что я новичекъ, только-что привезенный изъ дому, тотчасъ же выпустилъ мое ухо, замѣтивъ только, что „хорошъ же новичекъ, не успѣлъ пріѣхать въ институтъ, и уже дерется". Случай этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій ни для меня, ни, кажется, для Текутьева; но произвелъ не дурное для меня впечатлѣніе на моихъ одноклассниковъ. Приставанья ихъ все-таки еще продолжались, но главнымъ образомъ шли только отъ сосѣдей по скамейкѣ. На каждой скамейкѣ было по 5 учениковъ, и я былъ между Квицинскимъ и Голощаповымъ; послѣдній особенно меня изводилъ и не давалъ мнѣ покоя, мѣшая мнѣ готовить уроки. Прежде всего я возсталъ противъ

Квицинскаго и открыто вступилъ съ нимъ въ кулачный бой, созвавъ товарищей и объяснивъ имъ, за что я съ нимъ дерусь. Побѣда на этотъ разъ оставалась на моей сторонѣ, и я обратилъ его въ своего данника, какъ это водилось тогда въ младшихъ классахъ института, то-есть, обязалъ его въ продолженіе мѣсяца отдавать мнѣ ¼ вечерней его булки. Но съ Голощаповымъ я долго не могъ сладить; наконецъ, и съ нимъ расправился тѣмъ же порядкомъ, и его обратилъ также въ своего данника, и строго слѣдилъ, чтобъ они были исправными плательщиками. Данью этою рѣдко кто пользовался самъ; обыкновенно она шла въ пользу наказанныхъ безъ булки или безъ послѣднихъ блюдъ за обѣдомъ, ибо тогда еще водились въ нашихъ интернатахъ подобныя наказанія.

Возможность и такихъ приставаній учениковъ другъ къ другу, и такихъ дракъ между ними, и возникавшихъ отсюда данническихъ отношеній, можетъ показаться очень странною съ перваго взгляда, при томъ, что каждый классъ имѣлъ своего надзирателя-нѣмца по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ, и француза въ остальные дни недѣли, кромѣ воскресенья, когда тотъ и другой надзиратель чередовались между собою: только V и VI классы, какъ старшіе и самые малолюдные, были подчинены совмѣстному надзору однихъ и тѣхъ же надзирателей: одного француза и одного нѣмца, которые притомъ считались старшими надзирателями, къ которымъ въ затруднительныхъ случаяхъ обращались по дѣламъ своего класса другіе надзиратели и которые были какъ бы помощниками инспектора, пользуясь нѣкоторыми изъ его полномочій. При томъ же и младшіе классы вовсе не были особенно многолюдными. Я не помню, чтобы въ мое время въ какомъ-либо изъ классовъ было болѣе 30 учениковъ: принимались только потомственные дворяне съ платою по 300 рублей серебромъ, и отъ платы освобождались весьма немногіе; этимъ преимуществомъ пользовались мы всѣ трое за службу нашего отца въ должности институтскаго врача. Эти и многія другія слабыя стороны въ дисциплинарномъ и вообще въ воспитательномъ отношеніи объясняются, конечно, болѣе всего тѣмъ, что надзиратели наши были не воспитателями, а только администраторами, безъ всякаго нравственнаго на насъ вліянія, совершенно намъ чуждые по духу, по вѣрѣ, по образованію, по языку, и нерѣдко и по подданству, отъ которыхъ мы всячески сторонились, которые смотрѣли только за тѣмъ, чтобы мы не надѣлали какихъ-либо крупныхъ безпорядковъ, и которые дѣйствовали на насъ глав-

нѣйше баллами за поведеніе и всякаго рода взысканіями. Они были въ большинствѣ, безъ сомнѣнія, люди и очень добрые, и умные, и хорошіе; но они были для насъ люди совсѣмъ посторонніе и смотрѣть могли только за внѣшнимъ порядкомъ, и то не всегда исправно. Отъ того, что одинъ день дежурилъ у насъ въ классѣ нѣмецъ, а другой день французъ, и что мы обязаны были говорить даже между собою каждый день на языкѣ нашего дежурнаго надзирателя, едва-ли была какая-либо польза: для разговоровъ съ ними на ихъ языкахъ у насъ не было ни времени, ни охоты, да и не о чемъ было съ ними говорить, и едва-ли особенная близость кого-либо изъ учениковъ къ кому-либо изъ надзирателей сошла бы этому ученику даромъ отъ его товарищей, по крайней мѣрѣ, въ младшихъ классахъ. Такимъ образомъ, въ рекреаціонное время надзиратели прогуливались по залѣ и бесѣдовали большею частью только между собою, или же заняты были разбирательствомъ какого-либо казуса между учениками. Если надзиратель бывалъ окруженъ учениками, то навѣрное можно было сказать, что дѣло шло о какой-нибудь недозволенной затѣѣ и что нужно было отвлечь въ сторону вниманіе француза или нѣмца. Казусы же между учениками чаще всего возникали изъ мѣры, принятой для того, чтобы заставить учениковъ говорить между собою по-французски или по-нѣмецки: съ этою цѣлью съ утра надзиратель вручалъ одному изъ исправнѣйшихъ учениковъ, наилучше владѣвшихъ соотвѣтственнымъ языкомъ, такъ-называемую тавлинку. Эту тавлинку онъ долженъ былъ передать тому ученику, котораго онъ подкараулитъ говорящимъ по-русски, и долженъ былъ тотчасъ же назвать надзирателю того, кому онъ передалъ тавлинку; получившій тавлинку долженъ былъ тѣмъ же порядкомъ сбыть ее третьему лицу и т. д. Кто за недѣлю или до ближайшаго праздника имѣлъ у надзирателя извѣстное число отмѣтокъ за русскій разговоръ, того въ воскресенье или въ праздникъ до тѣхъ поръ не отпускали домой, пока онъ не выучитъ твердо наизусть и не перескажетъ извѣстное число заданныхъ ему стиховъ на языкѣ дежурнаго въ воскресенье или въ праздникъ надзирателя. Число этихъ стиховъ съ каждымъ разомъ шло все crescendo: я доходилъ до 128 стиховъ въ одинъ разъ. Само собою разумѣется, что тавлинку эту никто не бралъ охотно, всякій отъ нея отбивался просто кулаками, и изъ этого происходили серьезныя драки и ссоры. Нѣкоторые изъ учениковъ, особенно не сочувствовавшіе этой мѣрѣ и обладавшіе хорошею памятью или безъ того не разсчитывавшіе

на отпускъ домой, или не пользовавшіеся этими отпусками за неимѣніемъ родныхъ въ Москвѣ, заполучивъ разъ тавлинку,— носили ее у себя въ карманѣ и не думали никому ее сдавать. Надзиратель каждый часъ справлялся, у кого тавлинка, и всякій разъ вновь записывалъ того, кто держалъ ее у себя, не давая ей ходу. Со мною это часто бывало, и мы объясняли надзирателю, что мы не обязаны подслушивать, какъ кто говоритъ изъ товарищей. За такіе отвѣты назначались разныя взысканія: увеличеніе числа стиховъ для заучиванья наизусть, ставленіе на колѣни, надѣваніе шутовского мундира изъ свѣтло-зеленой дерюги съ желтыми нашивками, съ дурацкимъ колпакомъ на головѣ или безъ него, оставленіе безъ обѣда на черномъ хлѣбѣ и водѣ или квасѣ, съ выставкою за чернымъ столомъ въ общей столовой и т. д.

Вся эта возня съ нами не приводила, однако же, ни къ какимъ результатамъ, и къ концу 2-го года моего пребыванія въ институтѣ, тавлинка была отмѣнена, равно какъ и требованіе, чтобы мы во что бы ни стало говорили между собою или по-нѣмецки, или по-французски.

Чтобы покончить съ постановкою въ институтѣ новыхъ иностранныхъ языковъ, скажу, что въ первые годы моего пребыванія въ институтѣ они преподавались параллельно или одновременно въ низшихъ четырехъ классахъ по 3 урока въ недѣлю, то-есть, по 4½ часа, такъ какъ уроки были полуторачасовые, и также отдѣльно въ высшихъ двухъ классахъ по 2 урока или по 3 часа въ недѣлю, и по французскому или по нѣмецкому языку можно было быть въ III или IV классѣ, а по всѣмъ другимъ предметамъ въ I или II. Такъ, мы съ братомъ по всѣмъ предметамъ были въ I классѣ, а по новымъ иностраннымъ языкамъ были зачислены во II. Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, извѣстный впослѣдствіи академикъ, политико-экономъ, кончившій курсъ впрочемъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, къ намъ, помнится, поступилъ во II классъ, а по французскому языку былъ въ IV классѣ. Мѣра эта, очевидно, была вызвана большою неравномѣрностью познаній въ новыхъ иностранныхъ языкахъ поступавшихъ изъ дому учениковъ и желаніемъ, чтобы преуспѣвшіе въ нихъ дома шли въ нихъ впередъ и по поступленіи въ институтъ; но мѣра эта вела къ большимъ неудобствамъ: приходилось имѣть по каждому изъ этихъ языковъ столько же преподавателей, сколько было классовъ, т.-е., по 6 челов. Но въ то время и въ Москвѣ не было такого обилія хорошихъ преподавателей, особенно же

французскаго языка, чтобы легко было найти по 6 хорошихъ преподавателей на каждый языкъ, и за немногими исключеніями наши надзиратели становились и преподавателями своего языка каждый въ своемъ классѣ. Далеко не всѣ изъ нихъ были хорошими и умѣлыми преподавателями, и я хорошо помню, какъ мы изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы одолѣвать въ IV классѣ у очень строгаго учителя и надзирателя Шпангенберга „Исторію 30-ти лѣтней войны“ Шиллера и какъ мы плохо успѣвали въ этой непосильной для насъ работѣ. Сверхъ того, недостаточно было хорошо говорить и читать по-французски или по-нѣмецки и даже знать грамматику этихъ языковъ, чтобы мальчику лѣтъ 12 и второклаcснику читать французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ вмѣстѣ съ 14 и 15-лѣтними юношами IV класса.

Да и въ нравственномъ отношеніи вліяніе старшихъ учениковъ на младшихъ не всегда оказывалось хорошимъ, особенно въ интернатѣ, каковымъ былъ нашъ институтъ, не говоря уже о томъ, что причисленный по одному или по обоимъ новымъ языкамъ къ сравнительно старшему классу очень былъ склоненъ свысока смотрѣть на своихъ одноклассниковъ. Этотъ порядокъ былъ также вскорѣ отмѣненъ, помнится мнѣ, къ концу 3-го года моего пребыванія въ институтѣ, и мнѣ въ IV классѣ пришлось повторять уже пройденный курсъ новыхъ языковъ и такъ же затрудняться чтеніемъ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ отъ Испаніи“ Шиллера, какъ я уже затруднялся его „Исторіей 30 лѣтней войны“. Для вящшаго нашего успѣха въ новыхъ иностранныхъ языкахъ нѣкоторые предметы преподавались намъ въ младшихъ классахъ на этихъ языкахъ: естественная исторія по-французски, географія по-нѣмецки. Преподавателемъ естественной исторіи былъ почтенный лекторъ французскаго языка M-r Pascauld (Пако), который былъ членомъ Московскаго общества естествоиспытателей и хорошимъ, говорятъ, знатокомъ естественной исторіи; но для насъ его преподаваніе было совсѣмъ безплодно, и для насъ такъ и осталось секретомъ, что такое tissu cellulaire, о чемъ очень много говорилось на урокахъ, но безъ всякихъ демонстрацій. Географію преподавалъ тотъ же Шпангенбергъ: преподавалъ онъ намъ во II классѣ то, что мы прошли въ I классѣ на русскомъ языкѣ—краткое топографическое описаніе всѣхъ частей свѣта, такъ что по географіи мы не пошли впередъ, въ нѣмецкомъ же языкѣ едва-ли много преуспѣли, развѣ только въ знаніи нѣмецкихъ именъ географическихъ, иначе звуча-

щихъ по-русски, и нѣмецкихъ географическихъ терминовъ. И надзиратели французы и нѣмцы, и принужденіе не говорить по-русски вмѣстѣ съ тавлинкою и съ ученіемъ наизусть массы нерѣдко вовсе непонятныхъ для насъ французскихъ или нѣмецкихъ стиховъ, и преподаваніе на нихъ нѣкоторыхъ предметовъ, — все это не помѣшало намъ очень скоро почти совсѣмъ разучиваться говорить на нихъ, къ большому огорченію нашихъ родителей, но зато до нѣкоторой степени мы успѣвали освоиться съ ихъ грамматикой и нѣсколько привыкнуть къ чтенію французскихъ и нѣмецкихъ текстовъ, что достигалось единственно съ помощью посвященныхъ этимъ языкамъ уроковъ. Очень подвинулись мы въ нихъ впередъ, особенно въ нѣмецкомъ языкѣ, за послѣдніе два года пребыванія моего въ институтѣ въ V и VI классахъ. Этимъ мы были обязаны главнѣйше двумъ учителямъ: Александру Карловичу Зейдлицу по нѣмецкому языку и M. Peulan d'Angers по языку французскому. Послѣдній очень краснорѣчиво читалъ намъ лекціи, конечно, на французскомъ языкѣ по исторіи французской литературы, что было для литературнаго нашего образованія мало полезно, такъ какъ при этомъ онъ знакомилъ лишь съ весьма немногими изъ произведеній французской литературы, о коихъ онъ намъ говорилъ, а о большей части изъ нихъ мы узнавали только мнѣнія его и другихъ критиковъ и вкратцѣ ихъ содержаніе. Но, онъ былъ большой мастеръ самъ читать и прозаиковъ, и поэтовъ, и особенно драматическія произведенія, и этимъ принесъ намъ большую пользу, ибо требовалъ, чтобы все имъ прочитанное было нами перечитано вновь и не доконченное докончено и чтобы мы затѣмъ вкратцѣ передавали ему устно или и письменно содержаніе этихъ произведеній съ которыми мы такимъ образомъ ознакомились и которыя мы анализировали при его очень умѣломъ руководствѣ. Одно изъ первыхъ произведеній, которое онъ намъ прочелъ и которое произвело на насъ сильное впечатлѣніе—было Stello ou les consultations du docteur Noir par Alfred de Vigny, и именно разсказъ изъ временъ террора въ первую французскую революцію. M. Peulan заохотилъ насъ чтеніемъ французскихъ книгъ, снова развязалъ намъ языкъ для французскаго разговора при своей большой живости и умѣлости и много улучшилъ наше письменное изложеніе на французскомъ языкѣ.

Что касается до А. К. Зейдлица, то несмотря, на его уже довольно почтенный возрастъ, онъ отличался еще несравненно большею живостью, доходившею почти до юркости. Ему было

поручено преподавать намъ въ V и VI классахъ греческія и римскія древности.

Древностей этихъ онъ вовсе почти не зналъ, какъ мы сами очень скоро въ томъ убѣдились, но какъ преподаватель исторіи на русскомъ языкѣ въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, всѣ историческіе и историко-литературные анекдоты

От Ромула до нашихъ дней
Хранилъ онъ въ памяти своей

и очень хорошо и кстати умѣлъ ими пользоваться. Сверхъ того, онъ хорошо зналъ всѣ греческіе и римскіе миѳы, а также какъ и кѣмъ они были обработаны въ литературѣ, особенно въ нѣмецкой. Руководствомъ для насъ служилъ коротенькій учебникъ Гакке (Hacke, Griechische und Römische Alterthümer), который начинается съ географическо-топографическаго обозрѣнія Греціи и Италіи, съ краткими указаніями на совершившіяся въ данныхъ мѣстностяхъ событія, и это-то служило Зейдлицу поводомъ для всякаго рода историческихъ и миѳологическихъ разспросовъ и разъясненій. Собственно изъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ древностей, слишкомъ кратко и потому мало понятно изложенныхъ у Гакке, Зейдлицъ почти ничего не могъ разъяснить и поручалъ то тому, то другому изъ насъ приготовлять эти разъясненія къ слѣдующему уроку по болѣе обширному учебнику. Это заставляло насъ работать съ большею самостоятельностью, и работа эта была очень полезна и для возбужденія любознательности, и для расширенія нашихъ познаній, и для упражненія нашего въ нѣмецкомъ языкѣ. Еще болѣе было полезно то, что онъ распредѣлилъ между нами различныхъ греческихъ авторовъ въ нѣмецкомъ переводѣ, чтобы мы прочитывали къ каждому уроку по одной книгѣ (въ древнемъ смыслѣ слова) нашего автора и передавали по-нѣмецки въ началѣ урока содержаніе прочитаннаго. На мою долю достался Геродотъ и потомъ Плутархъ, и я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ ихъ, что до нѣкоторой степени былъ знакомъ съ ними и въ подлинникѣ, какъ учившійся греческому языку. Моими занятіями Зейдлицъ былъ вообще доволенъ и провозгласилъ во всеуслышаніе всего класса, что изъ меня выйдетъ настоящій ученый: къ сожалѣнію, по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ я далеко не оправдалъ его ожиданій. Вообще, мы его очень любили, и благодаря его чудачествамъ и живости въ классѣ у

него было всегда весело. Къ экзамену онъ заготовлялъ нѣсколько сотъ билетовъ съ вопросами самаго неожиданнаго содержанія. Мнѣ, между прочимъ, попался вопросъ: „Was thut ein Sieger"? (Что дѣлаетъ побѣдитель)? Первымъ моимъ вопросомъ было: какой побѣдитель? А вы какихъ побѣдителей знаете, о тѣхъ и разскажите, что они дѣлали каждый разъ послѣ побѣды, или можете извернуться какимъ-нибудь однимъ краткимъ и удачнымъ афоризмомъ. Я было началъ перебирать различныхъ побѣдителей и разсказалъ, между прочимъ, о Филиппѣ Македонскомъ, какъ онъ началъ плясать послѣ Херонейской побѣды на самомъ полѣ сраженія и какіе тѣмъ навлекъ на себя укоры; вспомнилъ также о Сципіонѣ Африканскомъ Младшемъ, какъ онъ по раззореніи Карѳагена, въ виду его развалинъ, вспомнилъ стихи Гомера о разрушеніи Трои и затѣмъ измѣнилъ формулу консульской молитвы, прося боговъ не о расширеніи римскаго владычества (imperium romanum), а о его сохраненіи. Зейдлицъ очень похвалилъ эти мои отвѣты, и тогда я спросилъ его, какимъ краткимъ афоризмомъ могъ бы я положить конецъ дальнѣйшимъ моимъ поискамъ. Вы бы могли отвѣтить очень просто, если бы догадались. Что дѣлаетъ побѣдитель? Покоится на лаврахъ. Всѣ присутствующіе разразились смѣхомъ, а я за мои посильные отвѣты получилъ пятерку. Такъ или иначе, но Московскій дворянскій институтъ достигъ съ нами относительно новыхъ иностранныхъ языковъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ: мы по окончаніи въ немъ курса могли легко читать любую нѣмецкую или французскую книгу, лишь изрѣдка справляясь съ словаремъ, и получили охоту къ чтенію французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, а отчасти и греческихъ классиковъ, хотя бы то и въ переводѣ. Большое за это спасибо институту. Это было важное пріобрѣтеніе на всю жизнь — κτῆμα εἰς ἀεί — для тѣхъ, кто дорожилъ умственнымъ трудомъ и возможно большимъ и лучшимъ удовлетвореніемъ умственныхъ потребностей.

Мои воспоминанія о слабыхъ сторонахъ института почти всѣ относятся главнѣйше къ первымъ двумъ годамъ моего въ немъ пребыванія, когда прежняго его директора Краузе не стало, новый не былъ назначенъ, и во главѣ его стоялъ инспекторъ Владиміръ Константиновичъ Ржевскій, соединяя въ своихъ рукахъ власть и директора, и инспектора. Такъ, между прочимъ, припоминая нашего учителя ариѳметики въ I классѣ Сахарова, я не могу теперь надивиться, какъ можно было держать такого учителя въ такомъ образцовомъ учебномъ заведе-

піи, какъ Московскій дворянскій институтъ, достойный наслѣдникъ такого славнаго училища, какимъ былъ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Сахаровъ наводилъ страхъ и ужасъ на всѣхъ воспитанниковъ. Предъ его урокомъ, задолго до его прихода, всѣ чинно сидѣли по мѣстамъ, ни слова не говоря между собою и едва переводя духъ, а когда по коридору начиналъ слышаться его зловѣщій кашель, возвѣщавшій его приближеніе, по всему классу пробѣгала дрожь, и мы съ трепетомъ повторяли про себя „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, и умири душу болящаго раба Твоего Николая", какъ насъ научилъ нашъ добрѣйшій отецъ діаконъ, преподававшій намъ въ I классѣ священную исторію Ветхаго Завѣта. Достаточно было одного взгляда на Николая Яковлевича Сахарова, чтобы видѣть, что онъ былъ въ злой чахоткѣ. Когда онъ входилъ въ классъ, мы всѣ чувствовали себя совсѣмъ подавленными и въ какомъ-то совершенномъ оцѣпѣненіи. Что и какъ могли мы отвѣчать въ такомъ состояніи, какъ рѣшать у доски предлагавшіяся имъ задачи и какъ понимать его объясненія? А между тѣмъ всякій неудачный отвѣтъ выводилъ его изъ себя: онъ начиналъ кричать, топать ногами и даже драться линейкой и затѣмъ кашлять безъ конца и харкать кровью, какъ говорили, въ большой платокъ, который онъ носилъ съ собою. Это была истинная мука, и эта мука длилась безъ малаго полтора часа по три раза въ недѣлю, не считая всего того страха, какой мы испытывали, ожидая его прихода въ классъ. Такъ длилось мѣсяца два; наконецъ, несчастный Сахаровъ настолько вышелъ изъ себя, что пустилъ чернильницей въ вызваннаго имъ ученика Ляскевича, который въ страхѣ бормоталъ предъ нимъ что-то безсвязное и непонятное: чернильница пролетѣла надъ головою ученика, но онъ весь былъ облитъ чернилами такъ же, какъ и часть пола. Урокъ этотъ окончился, и мы по счастью болѣе уже не видали у себя въ классѣ нашего больного учителя: онъ былъ замѣненъ добрѣйшимъ Саханскимъ, который былъ впослѣдствіи помощникомъ инспектора студентовъ. Съ нимъ дѣло пошло на ладъ, и мы убѣдились, что ариѳметика вовсе не такой ужасный предметъ, какимъ онъ намъ казался при Сахаровѣ.

Другой учитель очень крутой, котораго мы боялись, но который далеко не наводилъ на насъ такого оцѣпеняющаго ужаса, это былъ старикъ Мессъ, учитель латинскаго языка, сильно ругавшійся по-латыни. Самая обычная его брань, съ которою онъ обращался къ не угодившему ему ученику, была

pecus campi — (полевая скотина). По-русски онъ говорилъ и зналъ очень плохо, но латинскую этимологію мы затверживали у него очень исправно, и всѣ необходимыя грамматическія упражненія велъ онъ съ нами очень энергически и живо, заставляя насъ также заучивать въ большомъ числѣ такъ называемые loci memoriales (заслуживающія запоминанія мѣста или изреченія). Лишнихъ словъ онъ съ нами не тратилъ, ограничиваясь бранью pecus campi, а затѣмъ подходилъ къ скамейкѣ, бралъ книгу или тетрадь провинившагося чѣмъ-нибудь ученика и бросалъ ее на полъ: это значило, что надобно было на томъ мѣстѣ стать на колѣни. Я этого въ началѣ не зналъ, поднялъ свою книгу и сѣлъ на мѣсто. Тогда Мессъ схватилъ меня за руку, вывелъ на средину и шваркнулъ меня на полъ на колѣни.

Большимъ драчуномъ въ этомъ же родѣ былъ и надзиратель IV класса Шпангенбергъ, который училъ насъ географіи на нѣмецкомъ языкѣ во II классѣ. О немъ у насъ шла молва, что онъ былъ отставнымъ майоромъ прусской службы и будто бы большая часть его жалованья шла въ уплату штрафовъ за побои, которые онъ, ненавидя русскихъ солдатъ, наносилъ служившимъ въ институтѣ унтеръ-офицерамъ, нерѣдко украшеннымъ орденами и солдатскимъ Георгіемъ.

Надобно впрочемъ правду сказать, что не легко было съ нами управляться нашимъ учителямъ и особенно надзирателямъ. Со всѣхъ концовъ Россіи, большею частью изъ деревень, наѣзжали въ институтъ за немногими исключеніями мало воспитанные, нерѣдко испорченные и зараженные міазмами крѣпостного быта мальчуганы, хотя и принадлежавшіе къ дворянскимъ, болѣе или менѣе достаточнымъ, семействамъ. Пріучить ихъ къ порядку, къ дисциплинѣ и сдѣлать изъ нихъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей было дѣло очень не легкое. Меня поражали на первыхъ порахъ всѣ тѣ мерзости, которыя другъ другу разсказывали эти мальчики, и всѣ тѣ скверныя слова, которыя они знали и повторяли и которыми они переругивались между собою. Мнѣ впервые пришлось все это слышать въ институтѣ и очень многое не понимать изъ этихъ словъ и разсказовъ, и я съ перваго же раза почувствовалъ ко всѣмъ разговорамъ этого рода величайшее отвращеніе и всегда ихъ избѣгалъ, никогда не произносилъ всѣхъ этихъ скверныхъ словъ, но мало-по-малу невольно узнавалъ ихъ значеніе. Особенно поразило меня одно скверное прозвище, которымъ клеймили нѣкоторыхъ учениковъ младшихъ классовъ. Я обратился къ брату Василію съ разспросами и узналъ отъ него истинные

ужасы, о которыхъ и не подозрѣвалъ прежде и которые, увы!.. не чужды были и нашему интернату. Но ужаснѣе всего было то, что ученики въ этихъ мерзостяхъ не только заподозрѣвали, но прямо обвиняли инспектора, исполнявшаго въ то же время обязанности директора, и съ этимъ гнуснымъ порокомъ приводили въ связь то, что онъ почти ежедневно сѣкъ множество учениковъ, при чемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ будто бы приводили къ нему на квартиру, и онъ самъ собственноручно наказывалъ ихъ розгами. Процедура эта была въ высшей степени возмутительная: имена тѣхъ, которые были обречены на порку, провозглашалъ самъ Ржевскій въ столовой передъ учениками всего института предъ началомъ молитвы, которую мы пѣли всѣ вмѣстѣ передъ ужиномъ, и названные ученики должны были одинъ за другимъ идти къ черному столу; затѣмъ мы пѣли: „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ", и Ржевскій еще долго прогуливался взадъ и впередъ по срединѣ столовой, томя ожиданьемъ наказанія вызванныхъ имъ учениковъ, и незадолго до конца ужина уводилъ ихъ наверхъ въ дортуаръ, и тамъ начиналась жестокая расправа. Возмущенное состояніе нашего духа не рѣдко сказывалось тѣмъ, что мы не пѣли молитву, а просто кричали ее. Разъ какъ-то Ржевскій остановилъ такое наше пѣніе и заставилъ насъ начать съ начала; крикъ нашъ еще болѣе усилился и, сколько онъ ни бился, ничего не могъ достигнуть и поспѣшилъ уйти изъ столовой и увести съ собою напередъ намѣченныя имъ жертвы. Послѣ того торжественныхъ вызововъ въ столовой до пѣнія молитвы не бывало, и ученики по приказанію инспектора высылались надзирателями изъ рекреаціонной залы въ корридоръ, прежде чѣмъ остальные отправлялись ужинать. Наказаніе было жестокое, особенно когда экзекуцію производилъ старшій урядникъ съ длиннымъ краснымъ носомъ Кочуринъ. Очень многіе изъ учениковъ сами удостовѣрялись въ жестокости ранъ, нанесенныхъ несчастнымъ ихъ товарищамъ, Кочурину же, когда онъ проходилъ мимо насъ или мы мимо него, кричали: „живодеръ". То же прозвище сопутствовало иногда и удалявшемуся изъ столовой или изъ класса Ржевскому. По правиламъ, которыя были намъ извѣстны, нельзя было наказывать розгами учениковъ старшаго отдѣленія, начиная съ IV класса; но Ржевскій этимъ не стѣснялся и не щадилъ никого. Наконецъ, мѣра терпѣнія учениковъ переполнилась, и однажды, когда я былъ во II классѣ, помнится, незадолго до великаго поста 1841 г., разразилась катастрофа. Какъ и кѣмъ она была подготовлена, я не знаю; но когда мы

были въ дортуарѣ и уже раздѣлись, кто-то изъ учениковъ пробѣжалъ по нашему дортуару съ очень внятнымъ шепотомъ: „Тушить ночники, кричать изо всей мочи, бить въ ладоши, стучать табуретами“, и тотчасъ же по всей линіи дортуаровъ ночники были погашены, и начался невообразимый шумъ и гамъ. Ржевскій въ это время прохаживался по корридору вдоль дортуаровъ и тотчасъ вошелъ въ дортуаръ съ рѣзкимъ крикомъ: „Молчать, перестать“; но затѣмъ его не было уже слышно. Разсказывали на другой день, что онъ былъ сильно избитъ старшими учениками и дѣйствительно, когда на другой день еще передъ утренними уроками пріѣхалъ къ намъ попечитель округа гр. С. Г. Строгоновъ, Ржевскаго съ нимъ не было. Насъ всѣхъ собрали въ громадный рекреаціонный залъ младшаго отдѣленія. Вошелъ гр. Строгоновъ и громкимъ голосомъ закричалъ: „На колѣни“. Мы всѣ малыши младшихъ трехъ классовъ стали на колѣни, но старшее отдѣленіе осталось на ногахъ, и никакія угрозы всѣхъ отдать въ солдаты или въ кантонисты не подѣйствовали. Какъ разсказывали впослѣдствіи, старшіе ученики умоляли графа Строгонова только ихъ выслушать, прибавляя, что стать на колѣни значило бы признать себя виновными и что въ данномъ случаѣ вся вина падаетъ исключительно на самого В. К. Ржевскаго и что невозможно было долѣе выносить все то, что онъ себѣ позволялъ.

Графъ приказалъ выбрать по одному ученику отъ каждаго изъ трехъ старшихъ классовъ и, приказавъ намъ встать, удалился съ выбранными въ пріемную комнату передъ заломъ. Бесѣда его съ выборными была довольно продолжительна. Когда онъ вернулся снова въ залъ, онъ держалъ къ намъ рѣчь, сильно укоряя насъ въ самоуправствѣ, въ насиліи, въ безчинствѣ и указывая, что если мы имѣли какія-либо основательныя причины жаловаться на нашего инспектора, управлявшаго институтомъ, то должны были обратиться къ нему, попечителю, сами или чрезъ посредство нашихъ родителей, что въ наказаніе мы останемся безъ отпуска домой въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, что онъ поручаетъ каждому классу выбрать нѣсколько учениковъ изъ лучшихъ по одному на каждый десятокъ и что эти ученики будутъ отвѣчать ему за сохраненіе всѣми порядка и должны заботиться о добромъ поведеніи всѣхъ и каждаго и разумныя просьбы и желанія класса доводить чрезъ надзирателей до свѣдѣнія начальства. Ржевскаго мы больше уже не видали, а управленіе институтомъ было временно возложено на одного изъ надзирателей старшаго класса Сыровяткина, а дру-

гой надзиратель Сартори изъ нѣмцевъ исполнялъ обязанности инспектора. Съ увольненіемъ Ржевскаго атмосфера разомъ очистилась, розги были несравненно менѣе въ ходу, и даже за плохое ученіе ученики не оставлялись безъ отпуска домой; съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли и тавлинка, и принужденіе не говорить между собою по-русски. Мы не имѣли болѣе причинъ на что-либо жаловаться, никакихъ безпорядковъ болѣе не было, и выборнымъ ученикамъ не было никакого дѣла. Вскорѣ съ насъ было снято наложенное наказаніе, и насъ снова стали отпускать домой въ воскресенье и праздничные дни.

Для меня лично это время было временемъ различныхъ невзгодъ. Въ нашемъ классѣ заболѣлъ французъ надзиратель M-r S-t Marc, и временнымъ замѣстителемъ его былъ назначенъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ VI класса баронъ Артуръ фонъ-Моренгеймъ, бывшій впослѣдствіи посломъ въ Парижѣ. Онъ являлся къ намъ дежурить во время репетицій съ своими книгами и тетрадями, располагался за столомъ на возвышеніи, гдѣ сидѣли обыкновенно надзиратели и учителя, или же, опершись однимъ локтемъ на переднюю скамейку и нѣсколько согнувшись въ эту сторону, стоялъ, читая свою книжку. Однажды, когда онъ во время репетиціи въ такой позѣ стоялъ спиной ко мнѣ, нелегкая меня взяла вспрыгнуть къ нему на шею, скрестить ноги на его груди, руками ухватиться за его шею и изобразить изъ себя лихого всадника. Начался, конечно, общій хохотъ, и такъ какъ я очень крѣпко и ногами, и руками держался за нашего юнаго надзирателя, то онъ не могъ отъ меня освободиться и понесъ меня на себѣ въ ближайшій классъ къ надзирателю. Хохотъ еще болѣе усилился: пришелъ надзиратель, снялъ меня и поставилъ на полъ и тотчасъ же отвелъ меня къ инспектору: тогда былъ еще Ржевскій. Послѣдній сейчасъ же повелъ меня сѣчь наверхъ въ дортуаръ, и я струсилъ порядкомъ тѣмъ болѣе, что дежурнымъ урядникомъ былъ Кочуринъ, который не замедлилъ явиться съ здоровеннымъ пучкомъ розогъ. Я принялся просить прощенія и въ свое извиненіе могъ сказать только, что я и самъ не знаю, какъ это со мной случилось, — и это была сущая правда, — что я объ этомъ очень сожалѣю, что я очень люблю и уважаю барона Моренгейма. Ржевскій простилъ меня, сказавъ, что Моренгеймъ самъ очень просилъ меня простить и чтобы я шелъ къ нему въ классъ и при всѣхъ извинился передъ нимъ, что я очень охотно исполнилъ. Но Кочурина я все-таки не избѣгъ въ этомъ году и вскорѣ попался ему въ

руки. Это было уже послѣ паденія Ржевскаго во время такъ-сказать междуначалія. Сосѣдомъ моимъ по классу почему-то очутился въ это время одинъ изъ лѣнивѣйшихъ и невыносимѣйшихъ учениковъ, много меня старше и сильнѣе, нѣкто Аполлонъ Малово, который самъ не учился и всячески мѣшалъ мнѣ не только готовить уроки, но и отвѣчать ихъ учителю, а спрашивали насъ обыкновенно, оставляя на мѣстѣ за своею скамейкой. Это было причиной, что я сталъ учиться гораздо хуже и привозилъ домой по воскресеньямъ и въ праздники очень плохенькія отмѣтки. Мама этимъ очень огорчалась, а отецъ подтрунивалъ надо мною, и это такъ оскорбляло мое самолюбіе, что я рѣшился нарочно дурно вести себя и получать единицы за поведеніе съ тѣмъ, чтобы меня не пускали домой. Такъ это и случилось на 5-й недѣлѣ поста; но на бѣду единицы за поведеніе продолжали сыпаться на меня уже безъ всякаго старанія съ моей стороны и на 6-й недѣлѣ. А тутъ еще вышелъ такой случай. Нашъ многоуважаемый законоучитель Иванъ Николаевичъ Рождественскій спрашивалъ у меня урокъ изъ священной исторіи Новаго Завѣта, и я, хорошо приготовившись, началъ отвѣчать ему какъ нельзя лучше; но Малово съ своей стороны всячески мѣшалъ мнѣ отвѣчать, щипалъ меня, сбивалъ, подсказывая всякій вздоръ, и я, выйдя изъ себя, схватилъ лежавшую предо мною линейку и принялся его колотить изо всей мочи. Что ты, что съ тобой?.. Какъ ты смѣлъ! Пошелъ вонъ изъ класса! — такъ выразилъ свое изумленіе и свой гнѣвъ батюшка, и я, уходя изъ класса, успѣлъ только сказать: „онъ мнѣ все время мѣшалъ отвѣчать вамъ и постоянно мѣшаетъ мнѣ учиться“. Это было въ день роспуска учениковъ младшаго отдѣленія на Страстную и Святую, и отецъ мой самъ пріѣхалъ за нами. Тотчасъ же ему были сообщены всѣ мои провинности и что меня могутъ отпустить домой не иначе, какъ по наказаніи розгами. Отецъ согласился на это. У насъ считалось за особый подвигъ воздерживаться при этомъ отъ всякихъ криковъ и воплей, и старшіе ученики, какъ Ефимовъ и Мевесъ, успѣвали въ этомъ, какъ я самъ былъ тому свидѣтелемъ, когда они подвергались жестокой экзекуціи въ корридорѣ предъ нашимъ дортуаромъ, когда насъ уже привели спать. Но я вынесъ безъ крика не болѣе 4-хъ ударовъ и затѣмъ принялся вопить изо всей мочи. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что надобно было все время про себя читать какую-либо молитву и что этимъ была бы въ значительной мѣрѣ ослаблена боль, было бы отвлечено отъ нея вни-

маніе, и можно было бы вынести ее безъ крика. Этимъ свѣдѣніемъ впослѣдствіи я пользовался, когда мнѣ рвали зубы и при другихъ кратковременныхъ болѣзненныхъ врачебныхъ операціяхъ, и дѣйствительно чувство боли значительно этимъ притуплялось и дѣло обходилось безъ всякаго стона. Понесенное мною наказаніе я считалъ большою несправедливостью и былъ ею очень огорченъ и по возможности ни съ кѣмъ не говорилъ ни въ этотъ день по пріѣздѣ домой, ни въ слѣдующіе два дня, отвѣчая только коротко на вопросы, когда это было необходимо, и уходилъ подальше отъ другихъ въ садъ: тамъ садился на скамью на верху ледяной горы, и очень тужилъ о томъ, что должно быть меня за что-то никто не любитъ. Это унылое подавленное настроеніе духа мало-по-малу миновало, когда мы начали говѣть. Но въ сущности я былъ виноватъ. Вина моя заключалась въ излишнемъ самолюбіи и обидчивости и въ глупомъ рѣшеніи клинъ клиномъ выбивать и умышленно-дурнымъ поведеніемъ какъ бы загладить невольное плохое ученіе и не являться къ родителямъ съ плохими отмѣтками за ученіе, какъ будто объ этомъ они не были бы извѣщены начальствомъ института; отдѣлаться же отъ Малово, главнаго виновника моихъ злоключеній, едва-ли было возможно иначе, какъ тѣмъ способомъ, къ которому я прибѣгъ въ пылу раздраженія, безъ всякаго предварительнаго замысла, ибо жаловаться на него начальству и просить, чтобы насъ разсадили, значило бы совсѣмъ погубить себя въ глазахъ товарищей; по этой же причинѣ я не жаловался на него ни отцу, который, конечно, обратился бы къ начальству, ни даже брату Василію, вмѣшательство котораго также не могло бы укрыться отъ начальства. Начальство, это былъ одинъ лагерь, а ученики другой, совершенно отчужденный отъ перваго и враждебный ему. Само начальство или, лучше сказать, сами классные надзиратели и учителя должны были бы разслѣдовать, какимъ образомъ и почему одинъ изъ лучшихъ учениковъ класса вдругъ сталъ плохо учиться и затѣмъ плохо вести себя; но, очевидно, никто этимъ не заинтересовался. Обратиться ко всему классу и передъ нимъ во всеуслышаніе обличить негодное поведеніе Малово нельзя было какъ потому, что такое ораторствованіе передъ классомъ не было тогда въ ходу у насъ и едва-ли могло бы имѣть успѣхъ предъ такими малышами, такъ и потому, что такое обращеніе было бы равносильно жалобѣ начальству. При сплоченности учениковъ между собою и при отчужденіи ихъ отъ своихъ наставниковъ и начальниковъ

отдѣльнымъ ученикамъ особенно въ интернатахъ не легко отдѣлываться отъ приставаній и преслѣдованій негодныхъ товарищей.

Впослѣдствіи, когда мы стали постарше и болѣе созрѣли въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи, а главное когда у насъ было начальство, внушавшее намъ большее къ себѣ уваженіе и довѣріе, мы и сами заботились объ очищеніи нашей среды и въ этихъ видахъ обращались съ просьбою къ начальству. Такъ, въ бытность мою въ III классѣ, къ намъ былъ привезенъ въ одну изъ субботъ Миклашевскій, очень красивый и въ очень красивой курточкѣ съ вызолоченными пуговицами. На другой же день курточка эта была найдена вся попорченная, безъ пуговицъ, которыя были вырѣзаны изъ нея ножемъ и неизвѣстно куда пропали. Поступокъ этотъ возмутилъ столько же нашихъ дядекъ изъ заслуженныхъ и вполнѣ надежныхъ, испытанной честности, унтеръ-офицеровъ и нашихъ надзирателей, сколько и насъ самихъ, ибо къ мальчику должна была тотчасъ же пріѣхать къ обѣднѣ его мать и узнать, какіе водятся между нами негодяи. Къ довершенію всего намъ было объявлено, что насъ не отпустятъ домой, пока не будетъ розысканъ виновникъ. Этимъ чуть не было все испорчено; сейчасъ же нашлись между нами такіе, которые начали говорить, что не слѣдуетъ поддаваться угрозамъ, что надобно дружно стоять за товарища, хотя въ этомъ случаѣ и нельзя его одобрить, и должно потерпѣть всѣ невзгоды, но не выдавать. Я не былъ этого мнѣнія и полагалъ, что это долженъ быть очень дрянной товарищъ, коли, сдѣлавъ несомнѣнную гадость, онъ прячется самъ за весь классъ и изъ трусости предпочитаетъ, чтобы за его вину терпѣлъ не онъ самъ, а его невинные товарищи. Мое мнѣніе возобладало, такъ какъ многимъ хотѣлось ѣхать домой, и вскорѣ оказалось, что нѣкоторые видѣли, какъ Усовъ отрѣзалъ пуговицы отъ курточки Миклашевскаго изъ какой-то непонятной злобы и потомъ выбросилъ ихъ въ ватерклозетъ. Тогда мы начали уговаривать его самого сознаться въ своей винѣ передъ начальствомъ, чѣмъ несомнѣнно будетъ уменьшена и мѣра его взысканія; но онъ никакъ не соглашался. Тогда я объявилъ, что мы пойдемъ и скажемъ все надзирателю. Говорить пришлось мнѣ, и на меня пало главнымъ образомъ все неудовольствіе Усова и его сторонниковъ, что я и не замедлилъ испытать на себѣ по возвращеніи на другой день изъ дому: самъ Усовъ меня не трогалъ, но отъ сторонниковъ его, большею частью

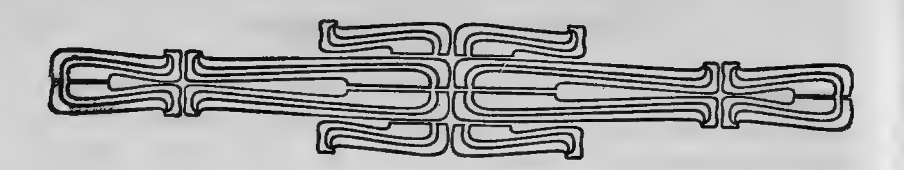
возрастныхъ, начало мнѣ сильно доставаться, такъ что я обратился къ помощи старшаго брата Василія, бывшаго въ то время ученикомъ VI класса, и онъ при всей своей силѣ и ловкости насилу справился съ однимъ изъ нихъ — Шатиловымъ.

Послѣдній вскорѣ испыталъ на самомъ себѣ, что Усовъ вовсе не стоилъ такой его привязанности. Такъ какъ оба они были наиболѣе возрастные и сильные изъ нашего класса, то мы ихъ уговорили помѣриться силою и побороться между собою. Боролись они очень долго и съ большимъ упорствомъ: дѣло было весною и на дворѣ во время рекреаціи, и Шатиловъ наконецъ поборолъ Усова при дружныхъ восклицаніяхъ съ нашей стороны. Каково же было наше изумленіе и потомъ негодованіе, когда вслѣдъ затѣмъ Шатиловъ, вскрикнувъ, свалился съ ногъ, сраженный въ голову большимъ камнемъ, пущеннымъ въ него Усовымъ, не могъ самъ подняться съ земли, и былъ уже нами и дядьками поднятъ и отнесенъ въ больницу. Тотчасъ же мы отправили депутацію къ инспектору Ронцевичу съ просьбою, чтобы Усовъ за проявленную имъ необыкновенную злость былъ наказанъ розгами, что и было исполнено: это, конечно, одинъ изъ наиболѣе подходящихъ случаевъ для такого наказанія.

Сообщ. **Левъ Георгіевскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

XXXV [1]).

На слѣдующій день, какъ и сказалъ Ону, нашъ посолъ вручилъ Блистательной Портѣ ультиматумъ князя Горчакова съ требованіемъ остановить немедленно движеніе турецкой арміи къ Бѣлграду и заключить перемиріе на два мѣсяца съ обоими возставшими княжествами, угрожая въ противномъ случаѣ разрывомъ дипломатическихъ сношеній.

Реагируя на событіе такой необычайной важности, европейская пресса открыла свои шлюзы и затопила весь Царьградъ фантастическими разсказами объ интригахъ „Московскаго правительства“. Но это прошло стороною мимо вниманія уличной толпы и не омрачило ея приподнятаго, радужнаго настроенія, съ которымъ она встрѣчала еще наканунѣ Абдулъ-Гамида, какъ побѣдителя невѣрныхъ...

Трещали ракеты; мальчишки съ барабанами носились по улицамъ, оглашая воздухъ пѣніемъ турецкаго марша, звенѣли бубны и цимбалы музыкантовъ, рѣяли красные флаги надъ головами, и ликованія городской черни, упоенной восторгами побѣды, стали принимать въ концѣ концовъ характеръ дикой вакханаліи. Для порядка разъѣзжали конные жандармы; но маневры ихъ не задерживали напора демонстрантовъ въ европейскіе кварталы.

Историческій моментъ врученія ультиматума, сводившаго къ нулю блестящіе успѣхи оттоманскаго оружія, подхватили мѣстные забавники, такъ называемые—„карагезы“ и перенесли

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1915 г.

его на сцену балагановъ съ явнаго одобренія высшей инстанціи...

Слово „карагезъ“ въ буквальномъ переводѣ будетъ „черный глазъ“: его двойникъ итальянскій „Пульчинелло“, а по мысли это ходячая народная сатира, жало которой мѣтитъ всегда очень высоко, забираясь, такимъ образомъ, даже во дворцы сановниковъ и европейскихъ дипломатовъ...

Къ вечеру манифестаціи пошли на убыль; движеніе толпы было направлено въ Стамбулъ, гдѣ съ вышекъ минаретовъ уже звали правовѣрныхъ на молитву; но въ публичныхъ мѣстахъ для гуляній черноглазый шутъ карагезъ продолжалъ тѣмъ временемъ забавлять народъ фарсами и комедіями собственной импровизиціи.

Случай занесъ меня въ тотъ же день на представленіе этого жанра, и въ моей памяти осталось довольно оригинальное впечатлѣніе: я ожидала видѣть какую-нибудь прямо идіотскую арлекинаду съ грубыми выходками по адресу нашей дипломатіи; но оказалось совсѣмъ другое, и куклы, исполнявшія роли на подмосткахъ турецкаго балагана, вели себя, какъ джентльмены, если можно такъ выразиться, по сравненію съ газетными писаками константинопольской прессы. Вотъ для иллюстраціи первый актъ этого фарса и вотъ обстановка театра: нѣсколько связанныхъ между собой дранокъ опираются на подставки, изображая такимъ образомъ сцену, подъ которой сидятъ живые артисты и управляютъ движеніемъ куколъ. Представленіе идетъ на турецкомъ языкѣ; гаремныя дамы, скрываясь за подвижными, деревянными рѣшетками, громкимъ смѣхомъ выражаютъ свой безпредѣльный восторгъ; мужчины размѣщаются прямо на землѣ, гдѣ кому удобнѣе. Мы, европейцы, слѣдимъ также за ходомъ дѣйствія.

Комедія начинается тѣмъ, что является портной и усаживается за работу.

Публика хохочетъ, наблюдая, какъ манекенъ дѣйствуетъ иглой и ножницами. Но вотъ подпольный механизмъ выводитъ на сцену черномазаго шута: громъ аплодисментовъ и крики „аферимъ“ (браво!) встрѣчаютъ его; оваціи ростутъ, а „великій“ артистъ отвѣчаетъ на это прыжками и визгомъ, что даетъ поводъ турчанкамъ вторить ему съ исключительной энергіей.

Затѣмъ, картина мѣняется, устанавливается тишина, и обѣ куклы развиваютъ діалогъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Карагезъ. Ай, ай, ай! какой я сталъ теперь большой человѣкъ—прямо вельможа!

Портной. На то воля Аллаха и пророка Его! Но разскажи, какъ это могло случиться?

Карагезъ. Очень просто! Развѣ я не заслужилъ такой чести?

Портной. Ты шутъ гороховый и больше ничего! Убирайся, не мѣшай мнѣ работать! Какая тамъ честь?!.

Карагезъ. Нѣтъ! нѣтъ! смотри выше! Я не шутъ, а высокородный, прославленный бей!

Портной (насмѣшливо). А кто тебѣ далъ чинъ?

Карагезъ. Я самъ взялъ его!..

Портной (строго). Ну, и дуракъ! развѣ чины валяются на мостовой? Ихъ надо заслужить у падишаха или же дать кому слѣдуетъ бакшишъ, а за деньги можно купить даже мѣсто губернатора въ раю Магомета.

Карагезъ (визжитъ и прыгаетъ). Нельзя такъ разговаривать со мной: я не чобанъ [1]) какой-нибудь! Это я поднялъ на ноги весь дипломатическій корпусъ, а иначе московъ — гяуръ захватилъ бы вчера Босфоръ и Дарданеллы...

Портной. Какъ?!. русскій флотъ уже прорвался изъ Чернаго моря? Да хранитъ насъ Аллахъ отъ вражеской силы!..

Карагезъ (въ тонѣ глубочайшаго негодованія). Что ты говоришь? развѣ можетъ какой бы тамъ ни было европейскій флотъ проникнуть въ Босфоръ — одинъ выстрѣлъ съ нашего берега, и онъ идетъ ко дну. А вотъ станціонеръ русскаго посольства—это уже другой вопросъ!..

Портной (заливается хохотомъ). Станціонеръ?!. Станціонеръ?!. Аллахъ! Аллахъ! родятся же такіе, и земля ихъ носитъ! Уходи, пожалуйста, разсказывай кому хочешь твои басни, а мнѣ надо закончить работу... Уходи!

Карагезъ. Нѣтъ, это не басни, а фактъ.

Портной. Какой тамъ фактъ — одна чепуха, только и всего...

Карагезъ. Ну, ладно, по дружбѣ я открою тебѣ секретъ: вчера московскій генералъ перевезъ свои пожитки на станціонеръ! Я стоялъ на берегу и видѣлъ собственными глазами, какъ несли чемоданы, ящики и 100 пудовъ халвы...

---

[1]) Презрительная кличка, а буквально—пастухъ.

Портной. Аллахъ! на что ему столько?!. Ну, купилъ бы 2—3 ока [1]) на всю компанію и довольно — каждый день въ лавкахъ продаютъ свѣжую...

Карагезъ (хватается за бока и отчаянно визжитъ). На что ему столько — ахъ, ты деревянная башка, и этого понять не можетъ! Извѣстно каждому, что у нихъ тамъ въ Московскомъ царствѣ кромѣ водки и самовара ничего другого не найдешь въ лавкахъ.

Портной. У меня все перепуталось въ головѣ! Объясни же мнѣ, наконецъ, при чемъ тутъ халва, дипломаты, станціонеръ?..

Карагезъ. А при томъ, что сердитый генералъ и самъ теперь не знаетъ, какъ повернуть дѣло: везти ли халву въ Россію или же вернуться обратно на Перскую улицу въ свою квартиру — вотъ задача, которую онъ никакъ не можетъ рѣшить...

Портной. Но въ газетахъ пишутъ, что онъ предъявилъ какой-то ультиматумъ?

Карагезъ (презрительно). Не знаешь даже, что такое „ультиматумъ"?

Портной (дѣлаетъ головой знакъ отрицанія). Бѣшеный хохотъ публики наполняетъ воздухъ. За ширмами турчанки визжатъ, какъ поросята, и артисты получаютъ, такимъ образомъ, дань восхищенія своему удивительному мимическому таланту.

Карагезъ (обращаясь къ зрителямъ). Господа, если кто изъ васъ также не знаетъ, что такое собственно „ультиматумъ" въ его прямомъ, а не переносномъ значеніи, то я съ величайшимъ удовольствіемъ могу вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Аферимъ! аферимъ! несется къ нему изъ толпы.

Карагезъ (дѣлаетъ отчаянное сальто-мортале, а затѣмъ важно и торжественно). Господа! „ультиматумъ" есть обыкновенный листъ бумаги, на которомъ отъ времени до времени Московское правительство пишетъ Высокой Портѣ разные комплименты: сегодня утромъ, напримѣръ, генералъ Игнатьевъ отъ имени князя Горчакова поздравилъ его величество султана Абдулъ-Гамида съ блистательнымъ разгромомъ Черняева у Алексинаца!..

Финала комедіи я не видѣла, такъ какъ мы ушли прежде, чѣмъ закрылся балаганъ; но и этого было достаточно для

---

[1]) Единица вѣса въ Турціи, приблизительно 3 нашихъ фунта.

иллюстраціи настроенія турецкаго общества, безусловно вѣрившаго, что Европа никогда не позволила бы Россіи остановить движеніе Керима-паши на Бѣлградъ. Однако, случилось именно то, чего никакъ не ожидали: Абдулъ-Гамидъ подписалъ на два мѣсяца перемиріе и отозвалъ свою армію съ лѣваго берега Моравы.

Надо было видѣть, что произошло, когда въ мусульманскихъ кварталахъ узнали объ этомъ...

На утро 21 октября крики разносчиковъ газетъ: „ультиматумъ московской дипломатіи принятъ! Оттоманскія войска уходятъ изъ Сербіи"! послужили сигналомъ для бурныхъ демонстрацій народной массы: точно лавина обрушилась на Константинополь и потрясла его до основанія.

Тогда на арену пропаганды священной войны противъ гяуровъ выступило духовенство: опять зарѣяли красные и зеленые флаги надъ толпой, и опять столица падишаха измѣнила свой обликъ.

Софты, какъ бѣшеные, понеслись къ зданію сераскерата [1]), чтобы требовать наступленія къ Бѣлграду.

Въ мечетяхъ улемы и шейхи звали правовѣрныхъ къ борьбѣ съ московскими варварами; муллы ходили по казармамъ, благословляя именемъ Аллаха оружіе Полумѣсяца и разжигая огонь фанатизма; важные, степенные имамы собирали вокругъ себя городскую чернь и возбуждали ее рѣчами, лозунгомъ которыхъ было: стереть съ лица земли непокорныхъ вассаловъ и объявить хазаватъ противъ ненавистной Московіи съ ея „казаками". Широкое эхо Стамбульской печати разносило эти страстныя рѣчи, и вотъ почти дословный переводъ одной изъ нихъ для иллюстраціи краснорѣчія мусульманскаго духовенства.

„Владыка міровъ сотворилъ небо и землю только для мусульманъ, а гяурамъ по Его божественному опредѣленію еще до начала временъ устроено жилище въ безднахъ ада, гдѣ вѣчно горитъ пламя дьявола. Объ этомъ сказалъ намъ Пророкъ и далъ завѣтъ уничтожить ихъ племена на землѣ. Но прежде всего, о вѣрные сыны Аллаха, мы должны побѣдить огнемъ и мечемъ кровожадную, нечестивую Московію. Она протягиваетъ сейчасъ руку къ нашему достоянію; она сама, какъ извѣстно, затѣяла рѣзню въ Болгаріи, а теперь увѣряетъ всѣхъ, что этимъ занимались наши храбрые аскеры; ея ужас-

---

[1]) Военное министерство.

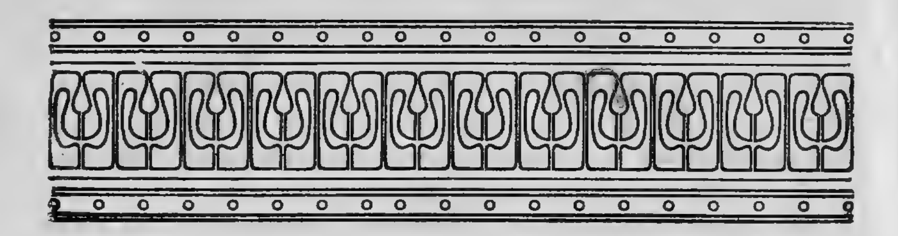
ные казаки истребляютъ на Кавказѣ аулы черкесовъ и пожираютъ ихъ младенцевъ прямо живыми! Вотъ какая эта Россія! Вотъ какой этотъ московскій народъ! Правовѣрные, Самъ Великій Аллахъ призываетъ насъ къ хазавату"!..

Въ летучихъ воззваніяхъ, ходившихъ по рукамъ, насъ обвиняли въ дипломатическихъ шантажахъ, въ мародерствѣ якобы за ширмами кровавыхъ событій въ Болгаріи и проклинали, какъ злѣйшихъ враговъ цивилизаціи. Самые нелѣпые, вздорные слухи передавались изъ устъ въ уста, и злоба висѣла надъ головами христіанъ.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ писемъ артиллерійскаго офицера съ австрійскаго фронта.

13-го августа. Идемъ безостановочно впередъ. Участвовалъ въ первой „артиллерійской дуэли". Непріятельскую уничтожили.

20-го августа. Сегодня дневка. Такія дневки перепадаютъ очень рѣдко, это—только третья.

Почта почти не дѣйствуетъ, благодаря безостановочному движенію впередъ. Газетъ и извѣстій также нѣтъ; что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ—не знаю.

По дорогамъ валяются неисчислимые австрійскіе обозы. Дома разрушены и разграблены мѣстными жителями, большинство которыхъ разбѣжалось подъ вліяніемъ распространяемыхъ австрійцами слуховъ, что русскіе отрѣзаютъ носы и уши. По улицамъ городовъ валяются груды австрійскихъ солдатскихъ писемъ безъ марокъ.

Иногда приходится быть въ сѣдлѣ 20 часовъ подрядъ. Обозы наши сильно отстаютъ.

24-го августа. Были въ двухъ бояхъ подъ Тарнополемъ и Гнилой Липой. Взяли Львовъ. Попасть туда мнѣ лично не удалось, командировали лишь одного офицера за покупками. Порядокъ образцовый, и поѣзда уже ходятъ въ Россію.

У насъ поваръ изъ ресторана „Франція" въ Алупкѣ, а лакей изъ ресторана „Россія", оттуда же. Питаемся дивно и даже, по временамъ, задаемъ лукулловскіе обѣды: дичь, бифштексъ, ростбифъ,—все на маслѣ. Только яицъ недостатокъ—всѣхъ куръ поѣла пѣхота. Гурты порціоннаго скота бродятъ вокругъ биваковъ.

Пьянства нѣтъ нигдѣ абсолютно, что можно лишь привѣтствовать.

Съ 15-го іюля веду подробный дневникъ. Впослѣдствіи, если уцѣлѣю, подѣлюсь впечатлѣніями, которыхъ масса. А пока опишу бой на рѣчкѣ Гнилой Липѣ.

16-го августа, лишь къ вечеру мы подошли къ мѣсту боя, начавшагося въ этотъ день съ утра.

Нашъ дивизіонъ ночевалъ недалеко отъ этой рѣчки, имя которой впослѣдствіи стало нарицательнымъ.

Лишь къ 8 часамъ стемнѣло и закончился грохотъ канонады. Ружейные выстрѣлы глухо щелкали впереди, а отъ полета пуль среди прирѣчныхъ садовъ раздавалось какое-то свистящее эхо.

Завтра намъ предстоялъ бой. Съ вечера былъ данъ участокъ позиціи, который утромъ надлежало рекогносцировать и занимать.

Весь день мы были въ движеніи, проголодались, а перекусить было нечѣмъ, такъ какъ обозъ остался позади. Хорошо, что у хозяина, радушнаго руссина, нашлись моченые огурцы и скверный хлѣбъ. Все это было съѣдено, и мы залегли спать въ халупѣ, на соломѣ.

Ночью изрѣдка бухали пушки, окатывая всю мѣстность багровыми вспышками. Иной разъ дико и нагло прохохочетъ пулеметъ, или какая-нибудь рота закатится частой перестрѣлкой—должно быть, чудится что-то впереди. Ночь темна, съ рѣчки поднимается сырой туманъ.

Въ 3 часа утра встали. Батарея быстро изготовилась. Люди пили чай и относились совершенно равнодушно къ можетъ быть послѣднему въ ихъ жизни дню.

При первыхъ проблескахъ разсвѣта батареи двинулись къ рѣчкѣ. Высланные впередъ развѣдчики рекогносцировали мѣстность и намѣтили позицію. Надъ рѣчкой и впереди, надъ непріятелемъ, стоялъ густой туманъ и ничего не было видно.

Къ 4-мъ часамъ утра мы стали на позицію и принялись окапываться. Недалеко вправо отъ батареи искусно вырыли окопъ для нашего командира подполковника А. Ѳ. Качурина, отличнаго стрѣлка [1]).

---

[1]) Подполк. А. Ѳ. Качуринъ—бывшій питомецъ Нижегородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса и Александровскаго военнаго училища.

Около 5 часовъ утра началась ружейная перестрѣлка и надъ головою затянули свою унылую пѣсню ружейныя пули.

Справа, слѣва, сзади насъ стояли батареи разныхъ бригадъ, въ 2 ряда. Всѣ готовились, жадно всматриваясь въ даль, начать свою кровожадную работу. Кого-то иногда прорывало—выпускался одинъ—другой снарядъ. Но упрямый туманъ и не думалъ подниматься.

Наконецъ, за нашей спиной, взошло солнце; замѣтно потеплѣло послѣ холодной августовской ночи и все сразу ожило. Мгла быстро таяла и передъ нами стала понемногу обрисовываться мѣстность, занятая противникомъ.

Вотъ, у самыхъ ногъ, обозначилась деревушка; за нею рѣчка, сажени въ три шириною, прихотливо извивающаяся среди болотистыхъ луговъ; за рѣчкой деревня Б-цы, за нею поле, а тамъ дальше—лѣсистые холмы.

Наша пѣхота неудержимо шла впередъ, оттѣсняя противника въ дальніе, прочно сдѣланные, окопы.

Сосѣднія батареи заговорили. Ихъ было много. Черезъ четверть часа нашъ клочекъ земли, въ одну квадратную версту, уже изрыгалъ пламя и свинецъ.

Что дѣлалось въ д. Б-цы и въ австрійскихъ окопахъ—я не видѣлъ, такъ какъ раздалась команда „по мѣстамъ“ и я пошелъ ко 2-му орудію своего взвода. Мы стояли за гребнемъ, абсолютно укрытые отъ взоровъ противника.

Впереди насъ, сейчасъ же за гребнемъ, хохотали наши пулеметы. Нашъ пулеметъ легко отличить по звуку отъ австрійскаго—этотъ смѣется рѣдко, отрывисто, выпуская всего около 300 пуль въ минуту. Пѣсенку заводитъ одинъ, къ нему урывками присоединяется и другой, а тамъ и третій и т. д.

Противникъ открылъ огонь по нашимъ батареямъ. Вѣроятно, пыль отъ выстрѣловъ выдавала ихъ мѣстонахожденіе. Пыль, вздымаемая выстрѣломъ,—это зло, борьба съ которымъ трудна.

Противъ насъ выяснилось 6 батарей противника по 6 орудій каждая. Непріятельскія пушки стояли въ отлично видныхъ окопахъ на обращенномъ къ намъ скатѣ, наивно, съ нѣмецкой тупостью; лишь одна батарея ловко спряталась на опушкѣ лѣса.

Далеко вправо и влѣво, вдоль рѣчки, тоже гремѣли пушки—то были участки другихъ дивизій.

Нашъ командиръ избралъ себѣ добычу—ближайшую голубушку на желтомъ скатѣ, за д. Б-цы.

— „Правѣе 0—30, 90, уровень 30—0, трубка 90, полубатареею правѣе, огонь“!

Команду передавали по телефону старшему офицеру.

Было уже жарко, я снялъ плащъ, отстегнулъ ремни и сложилъ все за ящикъ, вооружился записной книжкой и карандашемъ. Зѣвать нельзя—надо слѣдить за работой людей и исправлять могущія быть ошибки въ двухъ орудіяхъ.

Ахнуло правое, высоко подпрыгнувъ и разворачивая хоботомъ пахоть. За нимъ другое и т. д. Бой начался... Команды слѣдуютъ быстро, черезъ 3—4 очереди пристрѣлка кончена.

Надъ головой летятъ наши снаряды съ батарей 2-й линіи. Они несутъ съ собою звуковую волну выстрѣла. Невольно вздрагиваешь отъ ихъ рева, а затѣмъ разливается пріятное чувство вѣры въ мощь родной пушки.

Мы учащаемъ огонь, — стрѣляемъ бѣглымъ, по 8 орудій сразу. Такой ураганъ жестокъ. Очереди бѣглаго чередуемъ: то граната, то шрапнель. Т-я граната невыносима—она выгоняетъ людей изъ окоповъ, дѣйствуя на нихъ морально; а шрапнель поливаетъ сверху уже вылѣзшихъ.

Черезъ 3—4 минуты батарея на желтой горкѣ замолкаетъ. Мы продолжаемъ стрѣлять рѣдкимъ огнемъ—по одному орудію, чтобы она „не распускалась“.

Внезапно на ней поднимается оживленіе: летятъ передки, люди силятся поскорѣе выкатить орудія изъ окоповъ. Но А. Ѳ. Качуринъ не теряетъ мгновенія и самъ бѣжитъ къ намъ: — „115, трубка 114, безъ очереди бѣглый огонь; живѣе, молодцы“!

Нашихъ не заставишь просить. Орудія работаютъ, какъ машины; едва успѣваютъ открывать замокъ и вбрасывать новый патронъ. Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ, на какой огонь способна наша пушка.

Недолго мы стрѣляли—можетъ быть секундъ 20. Командиръ кричитъ: „Стой! Задушили“!—Мы всѣ выбѣгаемъ изъ окоповъ впередъ на гребень и, забывая осторожность, жадно смотримъ на нашу жертву. Тамъ — тихо: пять орудій стоятъ на своихъ мѣстахъ, а около нихъ, на свѣтломъ фонѣ, чернѣютъ пятна — то смѣшавшіеся въ кучи лошади и люди, передки и зарядные ящики. Ничто не шевелится. Кто уцѣлѣлъ, удралъ, удрала въ лѣсъ и единственная пушка. Въ бинокль картина еще страшнѣе.

Къ 8 часамъ утра непріятельская артиллерія замолкла; кто могъ—бѣжалъ. Уцѣлѣлъ лишь гаубичный взводъ, гдѣ-то, невидимкой, скрывавшійся въ лѣсу. Онъ все время стрѣлялъ, из-

рѣдка посылая бомбы въ картофельное поле, шагахъ въ 100 вправо отъ нашей батареи. Съ нѣмецкимъ упрямствомъ бомбы ложились или шрапнели рвались надъ однимъ и тѣмъ же пустымъ мѣстомъ. Лишь раза два онѣ отклонились, и мое орудіе обдалъ потокъ свинца. Въ тотъ моментъ я стоялъ передъ щитомъ, разсматривая пробитую укладку заряднаго ящика и ямочки въ щитѣ отъ осколковъ.

Гаубичный снарядъ приближается медленно: слышишь звукъ выстрѣла, а затѣмъ 3—4 секунды характерное „мяу" — почти всегда успѣешь юркнуть въ окопъ или пригнуться за щитъ или зарядный ящикъ.

Наступилъ перерывъ. Мы отдыхали. Ружейныя пули летѣли черезъ гребень, надъ головой, что служитъ признакомъ, что австрійцы „текаютъ", такъ какъ они тогда стрѣляютъ, пряча голову въ окопъ и не цѣлясь. Изрѣдка пули гулко били въ щитъ или броню ящика и отскакивали, не причиняя вреда.

Около 8½ час. утра послали лѣвый взводъ впередъ, къ рѣчкѣ, въ цѣпи — для моральной поддержки пѣхоты. Подпоручикъ Козловъ [1]) поѣхалъ въ деревушку К-въ намѣтить скрытый путь выѣзда — и сейчасъ же былъ раненъ въ ногу навылетъ. На его мѣсто вызвался подпоручикъ Сербиновскій [2]). Онъ отлично вывелъ взводъ и билъ австрійцевъ у д. Б-цы въ упоръ, на дистанцію 400 саж.

Мы же продолжали огонь по пѣхотѣ, безжалостно выгоняя ее изъ окоповъ. Едва выскочатъ — какъ ихъ поливаютъ наши „Максимушки" [3]), цѣлыми десятками засѣвшіе у рѣчки.

Около 12 ч. дня бой на Гнилой Липѣ кончился. Наши неудержимо пошли впередъ черезъ рѣчку. Австрійцы жалкими толпами сновали на лѣсистыхъ холмахъ, уходя на западъ, и только неподвижныя черныя точки устилали дорогу къ далекому и заманчивому западу—Львову.

Подошли къ д. Б-цы; деревня пылала вся. Въ домахъ лопались склады ружейныхъ патроновъ и стонали заживо горѣвшіе раненые.

Тутъ же, у рѣчки, окопы австрійскіе съ бойницами и скрытыми траншеями, по которымъ могли ѣздить патронныя двуколки. Окопы полны труповъ — наша шрапнельная пуля

---

[1]) Только-что выпущенный изъ Константиновскаго артиллерійскаго училища.

[2]) Бывшій воспитанникъ Константиновскаго артиллерійскаго училища.

[3]) „Максимушки"—пулеметы.

ухитряется и въ бойницу попасть и черезъ слой земли проникнуть.

На нашей сторонѣ рѣчки—трупы русскихъ.

Мы стали обѣдать подъ грохотъ и ревъ пожара и взрывы патронныхъ складовъ.

Всюду толпы плѣнныхъ; большинство—альпійскіе стрѣлки, лучшее войско Австріи. Они клялись не отдавать этой позиціи (фронтомъ въ 50 — 60 верстъ), укрѣплявшейся 2 недѣли германскими инженерами.

Около 2-хъ часовъ дня изъ лѣса загрохотало и съ визгомъ понеслись шрапнели: какой-то лихой австрійскій лейтенантъ видимо не пожелалъ „текать". Бѣднягѣ пришлось плохо, ибо влѣво отъ д. Б-цы, за рѣчкой, уже была одна батарея N-ской бригады: въ ту же секунду загремѣли ея пушки и лейтенанту осталось только „текать", оставивъ свой взводъ на мѣстѣ.

Въ 4 ч. дня мы перешли рѣчку въ бродъ и двинулись къ д. О-цы, у зеленыхъ холмовъ. Дорога и кукурузныя поля усѣяны трупами австрійцевъ—все артиллерійскія раны.

Я объѣхалъ ради интереса поле. Изъ-подъ каждаго кустика стоны: подъѣдешь—лежитъ раненый, то нога перебита, то рана въ животъ, то челюсти нѣтъ. Много офицеровъ лежало, изящно одѣтыхъ, въ гетрахъ. Смотрятъ съ мольбою. Отчаяніе беретъ, что помочь нельзя. Впрочемъ, мнѣ удалось найти санитаровъ, и я лично заставилъ перенести нѣсколько раненыхъ къ дорогѣ, чтобы вечеромъ ихъ могли подобрать фуры. Вообще, при быстромъ движеніи впередъ, помощь раненымъ оказывать трудно— некогда и некому.

Прошли еще 4 версты и стали въ д. О-цы. Темнѣло. Деревня горѣла, какъ свѣча, зажженная нашей артиллеріей[1]). Зарево освѣщало мѣстность верстъ на 5. Зрѣлище ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ неописуемое по величію и красотѣ. Вокругъ трупы тирольскихъ стрѣлковъ, раненые, орудія, ящики, ружья, конскіе трупы, телячьи рыжіе ранцы и стаканы нашей шрапнели. Во время бѣгства нѣкоторыя австрійскія гаубицы падали въ воду съ откоса, нѣкоторыя впились дышлами въ заборы. Всѣ замки цѣлы и орудія въ порядкѣ. Словомъ, картина ужасной паники и растерянности.

Недалеко была „желтая горка". Мы не подъѣзжали къ ней близко — слишкомъ много ихъ тутъ было, изуродованныхъ, страшныхъ артиллеристовъ, доблестно свалившихся возлѣ своихъ

Въ д. О-цы находились австрійскіе резервы.

5 пушекъ — трофеевъ нашего командира, ярко блестѣвшихъ отъ пламени пожара.

Всего въ этотъ вечеръ на нашемъ пути мы насчитали 20 брошенныхъ непріятелемъ пушекъ. Сколько же ихъ было въ этотъ день на остальныхъ 50 верстахъ фронта этой бойни?!

Разбили палатки, закусили и съ невиннымъ видомъ залегли спать, каждый съ мыслью въ душѣ: „дорога на Львовъ открыта“!

30-го августа. Въ 9 ч. утра кончился 5-ти дневный бой. Австрійцы разбиты на-голову. Безумно работала наша шрапнель. Пѣхота съ почтительнымъ ужасомъ смотритъ на наши пушки.

28 августа въ 3 ч. дня убитъ осколкомъ тяжелой бомбы нашъ обожаемый командиръ 4-й батареи подполковникъ А. Ѳ. Качуринъ [1]). Вотъ описаніе его кончины.

Мы стояли второй день на позиціи недалеко отъ д. Страчъ. Уже второй день подърядъ австрійцы гвоздили по этой деревнѣ тяжелыми бомбами. Онѣ прилетали парами, или по четыре, съ промежутками въ 10—15 минутъ, и разрывались съ кряканіемъ, съ какимъ-то особо зловѣщимъ звукомъ, непохожимъ ни на какіе другіе разрывы, вздымая высоко къ небу черные столбы дыма. Часть жителей попряталась, часть разбѣжалась.

Тамъ, на окраинѣ деревни, среди плетней, надъ рѣчнымъ обрывомъ, въ глубокихъ и прочныхъ блиндажахъ, стояли наши батареи.

Конечно, никакой блиндажъ не спасетъ отъ прямого попаданія, онъ лишь прикрываетъ отъ огромныхъ осколковъ.

Австрійцы методически и аккуратно обстрѣливали площадь, идя съ сѣвера на югъ. Путь, уже пройденный бомбами, обозначался обугленными развалинами, скрюченными и обожженными деревьями и огромными ямами, шаговъ въ 15 діаметромъ.

По приказанію начальника артиллеріи участка, подполковникъ А. Ѳ. Качуринъ отправился въ д. Страчъ и намѣтилъ на южной окраинѣ деревни мѣсто для 4-хъ орудій нашей батареи.

Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся на батарею и лично повелъ одинъ взводъ [2]) въ деревню. Взводъ прибылъ благополучно, миновавъ окраину деревни, безпрерывно осыпаемую какою-то невидимою батарейкою. Орудія оставили въ лощинѣ, а номера и взводъ прикрытія пошли рыть окопы по указанію

---

[1]) Подполковникъ А. Ѳ. Качуринъ уже послѣ смерти былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й ст. за бой при Гнилой Липѣ.

[2]) К-ръ взвода штабсъ-капитанъ Короевъ, бывшій воспитанникъ Константиновскаго артиллерійскаго училища.

командира. Натаскали бревна, вырыли ровики, устроили блиндажи, благополучно поставили орудія и рѣшили приступить къ устройству окоповъ для другого взвода.

Снаряды безжалостно и неотвратимо приближались, несясь неторопливо и съ мягкимъ шуршаніемъ. Вотъ они лопнули въ 100 шагахъ... вотъ уже ближе. Слыша ихъ приближеніе, люди прятались глубже.

Подполковникъ Качуринъ стоялъ открыто, жадно изучая въ бинокль непріятельскій окопъ за рѣчкой, данный задачей для нашей батареи. Потомъ онъ пошелъ по улицѣ въ окопы сосѣдней батареи, гдѣ въ блиндажѣ находился начальникъ артиллеріи участка. Въ это время въ сосѣднюю хату упала бомба. Хата вспыхнула.

Обезпокоенный долгимъ отсутствіемъ командира, штабсъ-капитанъ Короевъ отправился его искать. Навстрѣчу ему бѣжитъ взводный фейерверкеръ Малышевъ съ ужасною вѣстью, что командиръ смертельно раненъ. Сейчасъ же послали за докторомъ и линейкой.

Оказалось, что послѣ взрыва бомбы, большой осколокъ ея ударилъ Александра Θедоровича въ бокъ, а другіе осколки перебили ему ногу. Онъ упалъ возлѣ вспыхнувшей хаты, схватившись за бокъ рукою и обливаясь кровью. Его страданія увеличивались жаромъ пожарища—горящія бревна ложились около него. Случайно шедшій взводный фейерверкеръ Малышевъ подбѣжалъ къ командиру на помощь. Тотъ его узналъ, сказавъ: „Малышевъ, это ты?“ Послѣ этого Александръ Θедоровичъ не сказалъ больше ни слова и не стоналъ, хотя былъ въ сознаніи и по глазамъ было видно, что онъ еще понимаетъ рѣчь. Малышевъ поднялъ его на руки, несмотря на его вѣсъ, и отнесъ шаговъ на 30 отъ хаты. Здѣсь же была сдѣлана перевязка ближайшимъ фельдшеромъ. На подошедшей линейкѣ Качурина отправили въ Д. Онъ 3 часа страдалъ ужасно.

Въ 12 часовъ ночи похоронили его возлѣ станціи желѣзной дороги, около бивака, куда была отведена на ночь наша батарея. Тѣло командира завернули въ палатку и, отслуживъ панихиду, опустили въ яму [1]). Тяжело было съ нимъ разставаться. Многіе плакали: было чувство осиротѣнія; теперь оно сгладилось,—нервы уже слишкомъ закалены...

---

[1]) Нынѣ тѣло А. Θ. Кочурина покоится въ г. Севастополѣ на военномъ кладбищѣ артиллерійской бригады.

Радко-Дмитріевъ вчера совершилъ подвигъ личной отваги; дай Богъ ему уцѣлѣть—это второй Скобелевъ.

По временамъ въ бою бываютъ перерывы, тогда лежимъ въ ровикахъ и спимъ. Эти 5 дней мы обѣдали въ 4 ч. утра, а ужинали въ 11 ч. вечера. Стрѣльба кончалась въ 7 ч. вечера.

Во Львовѣ захвачены и опечатаны колоссальные запасы на 3 арміи. Интендантство доставляетъ: кофе, макароны, табакъ, а намъ, офицерамъ, еще и печеніе съ шоколадомъ, очень вкусное.

Сегодня пришла громадная залежь почты, даже „Новое Время" отъ 17-го числа. Все-таки, видимо, много писемъ пропадаетъ.

Сейчасъ (12 ч. ночи) слышу далеко влѣво пушки—то конная артиллерія гонится по пятамъ за австрійцами.

Пишу это письмо, лежа въ палаткѣ, въ сосновомъ бору. Накрапываетъ дождь, словно слезы.

Въ 2-хъ верстахъ отсюда позиція артиллеріи. Передъ ней тысячи австрійскихъ труповъ; даже въ крытыхъ окопахъ сплошь мертвецы.

7-го сентября. Наконецъ удалось побывать во Львовѣ. Очень интересный городъ, хотя мнѣ не совсѣмъ понравилось тамъ; во всякомъ случаѣ хуже Кіева. Гостиницы и рестораны, въ смыслѣ европейскаго комфорта, хуже русскихъ. На двухъ мажарахъ вывезъ закупки съѣстного для нашего стола.

Масса писемъ пропадаетъ. Мама пишетъ, что ничего отъ меня не получаетъ.

12-го сентября. Чудный край! Красоты природы очаровываютъ взоръ. Но сырость! Даже на вершинахъ горъ болота. Дождь хлещетъ. Купаемся въ грязи, такой обильной въ этой Галиціи.

Австрійцевъ лупимъ.

30-го сентября. Дождь ежедневно съ 30-го августа. Очень холодно. Теплыхъ вещей нѣтъ, приходится обертывать ноги газетами.

Почту не получаю почти мѣсяцъ—такъ не налажено это дѣло.

6-го октября. Сдѣлавъ форсированнымъ маршемъ около 400 верстъ, мы 10-й день находимся въ непрерывномъ бою и сидимъ, зарывшись въ землю. До сихъ поръ нашу батарею еще не нащупали. Мой окопъ—просто увеличенный ровикъ для прислуги, обложенный досками для предупрежденія обвала, такъ какъ грунтъ песчаный; тамъ я лежу, укрывшись шинелью и одѣяломъ.

Впрочемъ, съ каждымъ днемъ окопъ все болѣе улучшается и приспосабливается. Сразу все устраивать не хотѣлось—не

привыкли мы къ долгому сидѣнію на одномъ мѣстѣ и все время ждали, что вотъ-вотъ пойдемъ дальше.

Рабочій день начинается такъ: встаемъ съ разсвѣтомъ, часовъ около 6—7 утра, молимся Богу и, если удается, умываемся. При первыхъ лучахъ солнца, пригрѣтые имъ, вылѣзаютъ изъ окоповъ солдаты и съ мѣста принимаются за варку излюбленной „бульбы“ [1]). Недалеко за сараемъ стоитъ уже опорожненная кухня, выбирая минутку дать тягу въ лѣсъ. Въ воздухѣ посвистываютъ „пчелки“, иной разъ гулко шлепающія по щиту, или съ легкимъ дымкомъ бороздящія землю. Вылѣзешь наружу, отряхнешь солому и песокъ, обойдешь орудія. Часовъ въ 9 начинается гдѣ-нибудь въ сторонѣ канонада, а тамъ, смотришь, и знакомый свистъ—летятъ очередями. Опытный слухъ уже отлично различаетъ давно жданныхъ гостей: вотъ быстро, какъ на парадѣ, простучала германская батарея, а вотъ похуже—австрійская. И знаешь, откуда летятъ и куда. Обернешься и смотришь: далеко перелетаютъ, въ дальній лѣсъ, гдѣ и нѣтъ никого! Умора! Иной разъ вмажутъ совсѣмъ около—видно, что мѣсто наше давно уже подозрѣваютъ, да никакъ захватить не могутъ.

Впереди батареи, на самомъ нагорномъ берегу Сана, наша штабъ-квартира—домъ ксендза и костелъ. Тамъ живетъ командиръ, и туда мы ходимъ иногда обѣдать и чай пить и даже выспаться съ комфортомъ на кроватяхъ. Почти каждый день австрійцы обстрѣливаютъ этотъ домъ въ разные часы дня и ночи, но Богъ милуетъ.

Днемъ очередной деньщикъ, лавируя отъ закрытія къ закрытію, приноситъ въ окопъ пищу—чай, хлѣбъ, мясо, шоколадъ, газеты и письма. Сидимъ въ конуркѣ закутанные, ѣдимъ и шутимъ, изображая изъ себя троглодитовъ: рычимъ другъ на друга, разрывая мясо, и чешемся быстро-быстро, какъ собаки. Смѣшно и грустно.

Иной разъ сами огонь откроемъ. Застучатъ пушки, разнесется эхо, затихнетъ ревъ снарядовъ, удаляющихся туда, за Санъ, и вдругъ донесется звукъ разрывовъ. Пріятно свой т-ъ услышать—здорово рветъ!..

Къ вечеру австрійцы даютъ прощальную очередь—„журавли въ небѣ“. Оживаетъ все: появляются кухни, какіе-то солдаты бредутъ куда-то мимо. Сходишь въ домъ, пообѣдаешь, а тамъ и на боковую. Очередной офицеръ идетъ спать въ окопъ, а

---

[1]) „Бульба“—картошка.

нижніе чины—въ ближайшія хаты. Остаются лишь дежурные при орудіяхъ.

Однажды, подъ вечеръ, австрійцы стали сыпать по дому гаубицами. Какъ они не развалили дома—непонятно. Такая масса снарядовъ сыпалась—и все мимо. Одинъ лишь горный стаканчикъ пробилъ террасу и выбилъ доску, свалившуюся въ приготовленный на ужинъ студень. Наши попрятались за костелъ—душъ 20 было развѣдчиковъ, телефонистовъ и деньщиковъ. Панъ ксендзъ съ семьею залѣзъ въ погребъ. Обстрѣлъ длился ½ часа и упало 40 голубушекъ, изъ нихъ разорвалось штукъ 25, образовавшихъ огромныя воронки.

Ночной стрѣльбы австрійцы болѣе не производятъ—оказывается, ихъ начальство обезпокоено безполезной тратой снарядовъ. По ночнымъ вспышкамъ ихъ батарей мы опредѣляли точно ихъ мѣста засѣчками и, въ свою очередь, всыпали имъ утромъ. Поэтому австрійцы бродили съ мѣста на мѣсто, мѣняя каждый день позиціи и каждый день ведя новую пристрѣлку по тѣмъ же цѣлямъ. Оттого-то днемъ ихъ снаряды летали впустую по всевозможнымъ направленіямъ. Какъ-то мы насчитали до 500 ихъ снарядовъ, посланныхъ въ нашъ песчаный окопъ, давно нами оставленный.

Дожди прекратились, ясно, холодаетъ.

11-го октября. Мы все еще на той же позиціи съ 27-го сентября. Артиллерійскій огонь уже 3 дня какъ прекратился. Австрійцы начинаютъ „текать" по всей линіи. Изрѣдка пролетаютъ разрывныя пули съ пистономъ и ударникомъ. У насъ въ модѣ новое выраженіе „разопсѣть", что значитъ „нахальничать". Мы живемъ съ комфортомъ въ домѣ ксендза, въ 2-хъ верстахъ отъ австрійцевъ.

16-го октября. До сихъ поръ бой на нашемъ фронтѣ не кончился, хотя огонь очень слабъ, и мы окончательно „разопсѣли", основательно водворившись въ домѣ ксендза, который дѣлаетъ видъ, что страшно радъ „гостямъ".

23-го октября. Сегодня двигаемся дальше, окончивъ почти мѣсячную позиціонную войну.

Глубокая осень. Дожди пока миловали, да и холода были незначительные.

29-го октября. Съ 23-го октября мы идемъ на западъ, преслѣдуя австрійцевъ. По дорогѣ видѣлъ до 800 плѣнныхъ солдатъ. Большинство плѣнныхъ кричатъ: „Скоро миръ! Не хотимъ воевать!" Одинъ солдатикъ закутывалъ плѣннаго австрійца въ его одѣяло. Чтобы связать одѣяло, онъ рѣшилъ проколоть

штыкомъ дыру въ одѣялѣ у самаго носа австрійца. Бѣдняга сперва страшно испугался. Потомъ солдатъ далъ ему сухарь, говоря: „Вотъ тебѣ бисквитъ; онъ такой же твердый, какъ и русскій солдатъ". Австріецъ смѣялся, тщетно стараясь укусить сухарь.

Иной разъ идетъ солдатикъ съ плѣннымъ (каждый плѣнный несетъ свое ружье), балагурятъ, вмѣстѣ выкапываютъ бульбу, варятъ пищу и т. п.

При нынѣшнемъ своемъ отступленіи австрійцы грабятъ польское населеніе, что замѣчается въ первый разъ, говоря: „пусть русскіе платятъ, это теперь ихъ земля".

Недавно я осматривалъ знаменитый замокъ гр. Потоцкаго въ Ланцутѣ. Картинная галлерея, статуи и прочія вещи оцѣниваются въ 50 милліоновъ рублей.

14-го ноября. Сейчасъ нахожусь въ горахъ. Зима, снѣгъ. Идетъ пятый для меня бой, вѣроятно опять на нѣсколько дней.

16-го ноября. Уже третій разъ въ одну недѣлю за 24 часа совершили переходъ въ 62 версты, побивъ, такимъ образомъ, рекордъ Суворова. Преслѣдуемъ и лупимъ австрійцевъ.

Сегодня впервые узрѣлъ прекрасную, но холодную Венгрію.

Бои въ горахъ кровопролитны.

Нервы развинчены отъ этихъ адскихъ впечатлѣній и отъ неимовѣрной усталости.

4-го декабря. Находимся въ маневрированіи. Завтра, вѣроятно, опять пойдемъ на востокъ.

Участвовалъ въ 6 бояхъ. Усталость страшная.

13-го декабря. На дняхъ завязывается 7-й бой. Наша дивизія уже пришла на свой участокъ. Но есть данныя, что австрійцы „утекутъ" до боя. Мы все продвигаемся впередъ и дней черезъ 10, Богъ дастъ, снова займемъ прежнюю линію. Теперь всѣ мы страстно хотимъ вновь дорваться до Венгріи, чтобы натянуть носъ Тиссѣ, сказавшему, что „гастроли русскихъ здѣсь долго продолжаться не будутъ".

Католическій сочельникъ провели, бродя всю ночь по грязнымъ шоссе и отдыхая въ канавахъ.

Дни стоятъ теплые, какъ въ августѣ, ждешь мороза даже съ нетерпѣніемъ, какъ избавлѣнія отъ грязи невылазной.

Несмотря на физическую усталость, толстѣю. Наша компанія ѣстъ страшно, а командиръ дивизіона весь „пошелъ въ животъ". Чувствую, что надо ѣсть меньше и съ завтрашняго дня твердо рѣшилъ прекратить такую ѣду. У насъ всѣ непьющіе. Вообще же никто не пьетъ—нечего пить.

Почты я хронически не получаю. Читалъ въ „Русскомъ Словѣ“ статью Г. Петрова о почтѣ въ арміи.

24-го декабря. 21-го пріѣхалъ въ Львовъ въ командировку за лошадьми. Думалъ пробыть здѣсь мѣсяцъ, но вдругъ экстренно посылаютъ меня завтра, 25-го утромъ, на позиціи, за 150 верстъ, верхомъ.

Сюда доѣхалъ съ воинскимъ поѣздомъ прямо съ позицій. Давка и толкотня были ужасныя.

Гостиницы дороги, грязны, набиты. Радъ ѣхать назадъ.

Въ городѣ жизнь замираетъ въ 10 часовъ вечера. Есть извозчики. Магазины торгуютъ, хотя повсюду недостатокъ продуктовъ. Цѣны бѣшеныя. Офицерскія экономическія общества Московское и Одесское дерутъ во-всю.

Сейчасъ начинаютъ прибывать партіи новобранцевъ и свѣжія лошади.

Черезъ Львовъ гонятъ въ день по 3—4 тысячи плѣнныхъ. На вокзалѣ обѣдаютъ массы плѣнныхъ офицеровъ. Наши сильно потѣснили ихъ на перевалахъ и врываются снова въ Венгрію.

Снѣгъ, слякоть, гадость.

1915 г. 2-го января. Вчера вернулся верхомъ изъ Львова, откуда выѣхалъ 25-го утромъ, пройдя въ 7 дней 150 верстъ съ большимъ эшелономъ лошадей.

Сочельникъ я провелъ въ полученіи документовъ на этапѣ во Львовѣ, а Новый Годъ встрѣтилъ въ Лиско, гдѣ спалъ въ плохо протопленной кельѣ женскаго монастыря, въ которомъ мнѣ отвели квартиру. Лошадей довелъ благополучно.

Тяжелая это вещь—вести эшелонъ по этапамъ: съ каждымъ комендантомъ приходилось буквально „грызться“.

Проходилъ мѣста октябрьскихъ боевъ у г. С—а; видѣнный мною въ сентябрѣ замокъ Марины Мнишекъ неузнаваемъ—разворочень гаубицами, остались лишь голыя стѣны.

Теперь мы стоимъ на мѣстѣ, въ горахъ.

Послѣ приказа Верховнаго Главнокомандующаго интенданты сразу заработали и на Рождество на позиціяхъ получены: папахи, полушубки, валенки, овесъ, рождественскіе подарки и корреспонденція. Богъ дастъ, дальше пойдетъ лучше.

Веду дневникъ неукоснительно, снабжая его обильными рисунками юмористическихъ сторонъ нашей жизни, въ чемъ насобачился немало.

Австрійцы „упразднены“. Наши повсюду устраиваютъ елки, не обращая на нихъ вниманія.

Вчера одинъ солдатъ подошелъ къ окопу и предложилъ имъ сдаться въ плѣнъ. Тѣ прислали мальчишку съ запиской, послѣ чего обѣ стороны пошли съ галдѣніемъ другъ на друга. Наши: „Сдавайтесь, дьяволы!“ Австрійцы: „А вы не стрѣляйте! У насъ семьи!“ Съ такими возгласами, галдя, какъ на базарѣ, и размахивая руками, стороны сошлись. Австрійцевъ, около 300 душъ, построили и повели. Ихъ офицеръ крикнулъ, было „На штурмъ!“ но тутъ же былъ приколотъ.

Морозы не велики—1 или 2°. Въ окопахъ не сидимъ, стоятъ лишь пушки при часовыхъ.

Никто изъ офицеровъ нашей арміи еще не получилъ наградъ, не считая крупныхъ начальниковъ и георгіевскихъ кавалеровъ. Всѣ представленія гдѣ-то залеживаются.

Мнѣ разсказывали, какъ, во время моего отсутствія, наши солдаты справили елку.

Среди окружающаго насъ лѣса выбрали большую вѣтвистую ель, поставили ее въ огромномъ сараѣ и украсили бездѣлушками, картонажами и пряниками, за которыми посылали въ Россію. Стѣны и потолокъ были красиво украшены гирляндами изъ пихты и другихъ хвойныхъ деревьевъ.

Кромѣ солдатъ, были приглашены и мѣстные жители; танцовали гопака подъ гармонику и балалайки.

Австрійцы въ этотъ вечеръ сидѣли не шелохнувшись въ своихъ окопахъ и щелкали зубами отъ холода и голода. Стрѣльбы по близости не было, лишь откуда-то издалека стучали одиночныя пушки, да небо вспыхивало краснымъ отблескомъ зарева.

Кругомъ мохнатыя горы, покрытыя снѣгомъ, и поверхъ всего—звѣздная ночь.

Новый Годъ тоже встрѣчали хорошо: играла музыка, были пляски и, хотя и бухали пушки, но на врага нашего никто и вниманія не обращалъ.

Двѣ барышни прислали мнѣ 10 подарковъ для раздачи солдатамъ. Бросали жребій. Въ мѣшечкѣ были вложены табакъ, спички, чай, пряники и т. д. Солдаты всегда благодарятъ, для нихъ большая радость получить что-нибудь съ родины. Отъ ихъ имени я сегодня послалъ письмо добрымъ жертвовательницамъ.

Въ нашемъ раіонѣ живутъ 3 „паненки“, въ которыхъ чуть ли не всѣ повлюблялись, и теперь изъ-за нихъ идетъ забавная вражда между тремя батареями дивизіона. Одна изъ нихъ—интересная вдовушка, была замужемъ всего одинъ мѣсяцъ;

мужъ ея недавно тутъ же умеръ отъ холеры. На свадьбѣ плясали австрійцы, а на похоронахъ, совпавшихъ съ Рождествомъ, ея квартиру „доскочили“ русскіе.

Мимо насъ проводятъ плѣнныхъ. Сгорбленные и голодные, они одѣты, какъ лѣтомъ, въ башмакахъ со шнурками и въ тоненькихъ шинелишкахъ; иззябшія, красныя руки въ карманахъ; на плечи накинуты одѣяла. Мы даемъ имъ папиросъ.

А наши солдаты—въ бараньихъ полушубкахъ, валенкахъ и папахахъ, толстые и бородатые, ихъ и морозъ не беретъ!

4-го января. Вотъ описаніе нашего вторженія въ Венгрію.

Уже нѣсколько дней дивизія продвигалась горами къ венгерской границѣ, постепенно оттѣсняя австрійцевъ къ перевагамъ. Наконецъ они остановились на укрѣпленной позиціи, видимо желая задержать насъ подольше. Тогда выслали полкъ и взводъ нашей батареи въ дальній обходъ, горами, черезъ перевалы, мѣстами—труднопроходимыми тропами.

Однако, незамѣченнымъ отрядъ не могъ забраться въ тылъ австрійской позиціи—у нихъ на всякій случай оказался заслонъ нѣсколько въ тылу и на лѣвомъ флангѣ.

На этотъ-то заслонъ и повелъ атаку полкъ. Въ 2 дня были сбиты ихъ позиціи и отрядъ все глубже и глубже врѣзался въ тылъ противника.

На помощь были посланы остальныя орудія батареи, сдѣлавшія въ 24 часа около 70 верстъ, среди горъ, снѣговъ и при морозѣ. Но... подошли лишь къ шапочному разбору—противникъ „утекъ“.

Обходъ былъ такъ стремителенъ; доблестный полкъ, преодолѣвая природу, съ такой энергіей сбивалъ заслоны, что противникъ принужденъ былъ обратиться въ бѣгство и очистить укрѣпленную позицію, перейдя за перевалъ, уже на венгерскую землю.

Обходная колонна и дивизія сошлись въ деревушкѣ на границѣ. Наша батарея, двигаясь всю ночь, шла туда же. Ночью надо было миновать шоссе, обстрѣливаемое непріятельской батареей. Было скользко (гололедица) и очень круто. Измученныя лошади не везли. Тогда прикрытіе, состоящее изъ 50 солдатъ N-скаго полка, подъ командою капитана, X., буквально на рукахъ втащило 18 запряжекъ. Работа шла съ часу ночи и кончилась къ разсвѣту. Утромъ пришли въ деревушку и соединились съ дивизіей.

Здѣсь намъ былъ данъ отдыхъ, а одинъ полкъ пошелъ преслѣдовать австрійцевъ и быстро, лихимъ налетомъ, взялъ первый на нашемъ пути венгерскій городокъ.

Весь путь усѣянъ ранцами и ломанными ружьями, всюду гонятъ толпы плѣнныхъ.

Вечеромъ въ нашу деревушку, не подозрѣвая, что она занята русскими, являлись отсталые австрійцы, то въ одиночку, то партіями. Они подходили, потирая руки, погрѣться къ кострамъ и... нѣмѣли отъ изумленія, увидѣвъ русскихъ. Ночью подъѣхалъ автомобиль съ подарками и письмами австрійцамъ. Шофферъ былъ пораженъ, когда наши вытащили его изъ автомобиля. Подъѣхалъ австрійскій санитарный офицеръ, небрежно бросилъ поводья нашему солдатику и подошелъ къ костру. За нимъ подъѣхалъ еще офицеръ. Когда послѣдній понялъ, въ чемъ дѣло, то въ ужасѣ воскликнулъ: —„Боже! Что я буду дѣлать! Сюда придетъ сейчасъ моя рота"!—„Не безпокойтесь, лейтенантъ, отвѣтили ему, для нея всегда найдется парочка пулеметиковъ на шоссе".—И роту скоро привели безъ выстрѣла.

На другой день мы захватили большой городъ Б.

Читая въ газетахъ разсказы „очевидцевъ", побывавшихъ на позиціяхъ, мы часто хохочемъ и говоримъ, что „эта", молъ, собака и на 100 верстъ къ огню не подходила". Таковы, напримѣръ, разсказы Тана изъ „Биржевки". Иной разъ мы даже рисуемъ карикатуры на эти разсказы.

17-го января. Съ 11-го числа я въ 7-мъ бою. Стоимъ въ горахъ среди глубочайшаго снѣга.

Наша и N-ская дивизія отбили австрійцевъ, навалившихся съ горъ, взявъ 11.000 плѣнныхъ и пулеметы. Австрійцы почти безъ артиллеріи, не рискуютъ ее подвозить и держатъ вдали „на всякій случай".

Мы, офицеры, эти дни поочередно сидѣли на высотѣ 600 метровъ и вели стрѣльбу батареи по окопамъ, выгоняя несчастныхъ въ „ботиночкахъ" на свѣтъ Божій фугасными гранатами. Я зажегъ одну деревню три раза. Плѣнные, взятые потомъ изъ этой деревни, говорили, что „цырюкъ не можно робить, цалкемъ забиты были, хотѣли сецуфнемъ (текать), да насъ забрали".

Забавно наблюдать, какъ послѣ гранаты, попавшей въ самый окопъ, оттуда вылетаетъ нѣсколько тонконогихъ фигуръ съ развѣвающимися одѣялами и во весь духъ, кувыркаясь въ глубокомъ снѣгу, текаютъ за гору.

Удалось обстрѣлять и резервъ — онъ весь разсѣялся, оставивъ на яркомъ снѣгу много черныхъ точекъ.

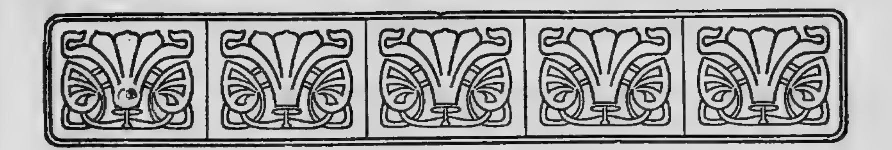
На каждаго изъ насъ сколько жизней приходится — и ничего, абсолютно никакого „чувствія".

1-го февраля. Теперь плѣнныхъ гонятъ пѣшкомъ до Львова; со всѣхъ шоссе сюда стекаются толпы оборванцевъ. Германцевъ гонятъ впереди шагахъ въ ста, иначе между ними и австрійцами можетъ возникнуть схватка.

На перевалахъ взято 60.000 плѣнныхъ; на одномъ этапѣ Л., принимающемъ плѣнныхъ съ фронта нашего корпуса, по книгамъ съ 10-го по 26-е января значится ихъ 26.000! Германцы натыканы всюду для спасенія положенія.

В. А. Бернацкій.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ.

Реформы въ Арменіи.

26 ноября 1912 года—10 мая 1914 года.

№ 1.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 26 ноября 1912 года.

(Депеша).

Ваше Высокопревосходительство уже освѣдомлены о настоящемъ положеніи армянскаго вопроса въ Турціи какъ изъ донесеній Гофмейстера Чарыкова, такъ и моихъ. Съ памятныхъ годовъ 1894 — 1896, когда армяне подвергались варварскому избіенію въ Малой Азіи и въ самомъ Константинополѣ, — положеніе это нисколько не измѣнилось къ лучшему. Декретъ о реформахъ въ армянскихъ провинціяхъ, изданный Султаномъ Абдулъ Хамидомъ 20 октября 1895 года подъ давленіемъ Россіи, Франціи и Англіи, остался мертвой буквой. Аграрный вопросъ обостряется съ каждымъ днемъ: большинство земель захвачено и захватывается курдами, и власти не только не препятствуютъ, но даже покровительствуютъ и содѣйствуютъ этимъ захватамъ. Консула наши единодушно свидѣтельствуютъ о непрекращающихся разбояхъ и грабежахъ курдовъ, объ убійствахъ ими армянъ и о насильственныхъ обращеніяхъ армянскихъ женщинъ въ исламъ, при чемъ виновники безчинствъ почти никогда не привлекаются къ отвѣтственности. Такриръ, представленный Армянскимъ Патріархатомъ въ Константинополѣ Высокой Портѣ и Министру Юстиціи, рисуетъ вѣрную картину бѣдствій и притѣсненій, которымъ подвергаются армянскіе подданные Султана.

Вышеизложенныя обстоятельства сами по себѣ въ достаточной мѣрѣ объясняютъ все болѣе усиливающееся тяготѣніе армянскихъ массъ къ Россіи и даютъ полное основаніе вѣрить въ искренность этого направленія. Но симпатіи къ Россіи проникли также и въ армянскую буржуазію и интеллигенцію, среди которой, какъ я уже имѣлъ случай указать, революціонныя партіи начинаютъ терять авторитетъ и образуются новыя партіи съ консервативными программами. Запрошенные мною на дняхъ Консула наши въ Ванѣ, Баязидѣ, Битлисѣ, Эрзерумѣ и Трапезондѣ единодушно свидѣтельствуютъ, что нынѣ всѣ армяне, безъ различія партій, на сторонѣ Россіи; напримѣръ, Вице-Консулъ въ Ванѣ телеграфируютъ отъ 21-го ноября сего года, что „всѣ армяне нынѣ на сторонѣ Россіи, искренно желая прихода нашихъ войскъ или реформъ подъ контролемъ Россіи". Вице-Консулъ въ Баязидѣ, телеграммой отъ 21 ноября, сообщаетъ: „армяне, всѣ, безъ различія партій, весьма враждебно относятся теперь къ Турціи и очень желаютъ протектората Россіи и оккупаціи ею Арменіи".

Нынѣ Католикосъ всѣхъ армянъ, черезъ Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, взываетъ къ Россіи, какъ „къ исконной защитницѣ христіанскихъ народовъ на Востокѣ и Именемъ Бога умоляетъ взять подъ свое покровительство многострадальный армянскій народъ, живущій въ Турецкой Арменіи".

На основаніи всего вышеизложеннаго я долженъ признать, что обращеніе Католикоса вполнѣ вѣрно отражаетъ современное настроеніе армянскаго населенія Турецкой Имперіи по отношенію къ Россіи. Оффиціально возбужденный Духовнымъ Главою армянскаго народа вопросъ для Россіи является вопросомъ первостепенной государственной важности, требующимъ всесторонней разработки, къ которой я и намѣренъ приступить въ ближайшемъ будущемъ, по поступленіи въ Посольство свѣдѣній, затребованныхъ мною изъ Патріархата и отъ нашихъ Консуловъ. Какъ мнѣ извѣстно, въ здѣшнихъ армянскихъ кругахъ уже составляется адресъ, который долженъ быть представленъ Великимъ Державамъ на предстоящей мирной конференціи. Но событія могутъ заставить авторовъ подать этотъ адресъ ранѣе созыва конференціи. Такимъ образомъ, иниціатива ускользнула бы изъ нашихъ рукъ.

Мнѣ представляется поэтому необходимымъ дать какъ Католикосу, такъ и Патріарху въ Константинополѣ увѣренность, что Императорское Правительство склоняется на просьбу ар-

мянскаго народа и окажетъ ему, въ случаѣ надобности, возможное покровительство. Такое обѣщаніе, хотя бы формулированное самымъ общимъ образомъ, дало бы турецкимъ армянамъ надежду на нашу помощь въ случаѣ новыхъ погромовъ и избіеній и могло бы удержать ихъ отъ немедленнаго обращенія къ Державамъ. Въ случаѣ дачи нами такого общаго обѣщанія, мы могли бы даже подъ рукой дать понять армянамъ, что настоящій моментъ не считается нами подходящимъ для выступленій общаго характера.

Переходя затѣмъ къ формамъ, въ которыя могло бы вылиться предполагаемое наше покровительство турецкимъ армянамъ, я долженъ заявить, что наша оккупація армянскихъ вилаетовъ, о которой мечтаютъ многіе армяне, представляется мнѣ въ настоящій моментъ преждевременной. Но, вступая на путь реформъ въ предѣлахъ Турецкой Имперіи, не слѣдуетъ забывать о печальной участи закона объ армянскихъ реформахъ 1895 года и создать прочныя гарантіи для предполагаемыхъ улучшеній въ армянскихъ провинціяхъ, поставивъ эти улучшенія подъ дѣйствительный контроль нашихъ или европейскихъ агентовъ. При этомъ нужно, однако, считаться съ возможностью, что, при существующей нынѣ въ Турціи, анархіи, реформы не внесутъ ожидаемаго успокоенія, и быть готовымъ къ тому, что вступленіе нашихъ войскъ въ эти области окажется быть можетъ необходимымъ.

(Подп.) *Гирсъ.*

№ 2.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Турціи.

С.-Петербургъ, 30 ноября 1912 года.

(Письмо).

Католикосъ всѣхъ армянъ обратился къ Императорскому Правительству съ ходатайствомъ объ оказаніи покровительства и облегченіи участи армянъ, проживающихъ въ Турціи.

Я не преминулъ въ довѣрительномъ разговорѣ моемъ по этому вопросу со здѣшнимъ Турецкимъ Посломъ обратить его вниманіе на то, что по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ положеніе армянъ въ Малой Азіи за послѣднее время значительно ухудшилось и вызываетъ ихъ справедливыя жалобы на притѣсненія со стороны курдовъ и отсутствіе личной и имущественной безопасности, проистекающихъ отъ неустройства и плохого состава мѣстной администраціи.

8*

Я дружески указалъ уже нѣкоторое время тому назадъ Представителю Турціи на необходимость для нея теперь же и по собственной иниціативѣ серьезно заняться вопросомъ о преобразованіяхъ въ Турецкой Арменіи.

Сообщая о вышеизложенномъ, прошу Васъ при первой возможности довѣрительно переговорить въ томъ же смыслѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, давъ ему понять, что пренебреженіе законными интересами его христіанскихъ подданныхъ было уже въ теченіе многихъ лѣтъ для Турціи источникомъ постоянной смуты и осложненій въ ея европейскихъ провинціяхъ и въ концѣ концовъ привело къ несчастной войнѣ на Балканахъ со всѣми ея послѣдствіями.

Это обстоятельство, казалось бы, должно теперь послужить Турціи предостереженіемъ на будущее время. По нашему мнѣнію, если въ Турецкой Арменіи не будетъ своевременно приступлено къ серьезнымъ реформамъ, то Турецкому Правительству придется имѣть дѣло съ армянскимъ вопросомъ въ настолько обостренной формѣ, что это можетъ вызвать вмѣшательство Европейскихъ Державъ.

Кромѣ того, возникновеніе смутъ въ этой провинціи, по сосѣдству съ нашей границей, настолько затронуло бы наши собственные интересы, что это обстоятельство могло бы отразиться на нашихъ нормальныхъ отношеніяхъ къ Турціи и быть причиной нежелательныхъ треній.

Въ виду весьма возможнаго послѣ войны усиленія иммиграціи мусульманъ изъ Европы въ Малую Азію, положеніе армянъ тамъ можетъ ухудшиться еще больше, если только Турецкое Правительство не приметъ заблаговременно соотвѣтствующихъ мѣръ къ направленію переселенческаго движенія въ мѣста, удаленныя отъ христіанскихъ поселеній, напримѣръ, въ Месопотамію, гдѣ имѣется много свободныхъ земель, которыя могли бы быть использованы съ этою цѣлью.

Обращая своевременно вниманіе Турціи на грозящую ей съ этой стороны опасность, мы оказываемъ ей дружескую услугу, которая, мы надѣемся, будетъ оцѣнена ею по достоинству. Дѣлаясь теперь преимущественно Малоазіатскою Державою, Турція должна особенно дорожить установленіемъ прочныхъ добрососѣдскихъ отношеній съ нами, условіемъ чего является устраненіе въ будущемъ всякихъ поводовъ, въ родѣ армянскаго вопроса, къ возникновенію треній между обоими Правительствами.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 3.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 4 декабря 1912 года.

(Телеграмма).

Указалъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ частнымъ образомъ на тревожное положеніе въ армянскихъ вилаетахъ и на недопустимость повторенія рѣзни армянъ. Я совѣтовалъ также Габріэлю Эффенди, во избѣжаніе новыхъ затрудненій, не направлять въ Арменію мусульманскихъ бѣженцевъ съ театра войны. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ выслушалъ меня внимательно и просилъ моего разрѣшенія считать мое заявленіе оффиціальнымъ, дабы имѣть возможность опереться на него въ Совѣтѣ Министровъ.

Я далъ свое согласіе.

(Подп.) *Гирсъ.*

№ 4.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 11—24 декабря 1912 года.

(Телеграмма).

Порта, очевидно, освѣдомленная о намѣреніи армянъ обратиться къ иностранной помощи, выработала проектъ реформъ для Арменіи и внесла его въ комиссію, къ участію въ которой привлекла нѣсколькихъ армянъ. Правительственный проектъ считается однако армянами не отвѣчающимъ самымъ скромнымъ ихъ требованіямъ. Къ тому же нѣкоторыя турецкія газеты помѣстили по адресу армянъ угрожающія статьи. Армянскіе комитеты въ Парижѣ и Лондонѣ собираются обратиться къ мѣстнымъ Правительствамъ, при чемъ, въ зависимости отъ нашего отношенія къ армянскому вопросу, будутъ просить либо о коллективномъ заступничествѣ всѣхъ трехъ Державъ, либо о порученіи послѣдними веденія всего армянскаго дѣла одной Россіи. Армяне утверждаютъ, что и на Кавказѣ образуется для отправленія въ Европу депутація. Чтобы починъ въ данномъ дѣлѣ не ускользнулъ изъ нашихъ рукъ, я считалъ бы желательнымъ отвѣтить немедленно армянамъ на ихъ обращеніе къ намъ. Я довѣрительно сообщилъ уже имъ о совѣ-

тахъ, даваемыхъ нами Портѣ о необходимости реформъ и недопущеніи румелійскихъ бѣженцевъ въ Арменію. Но полагаю, что это далеко не удовлетворитъ ихъ. Вполнѣ понимая, что реальную помощь они могутъ имѣть только отъ насъ, они опасаются въ развитіи армянскаго вопроса идти въ разрѣзъ съ нашими намѣреніями и ищутъ нашего руководства въ дальнѣйшихъ своихъ выступленіяхъ, отъ которыхъ, однако, не откажутся. Я полагалъ бы своевременнымъ объясниться по этому вопросу съ Державами Тройственнаго Согласія. Къ тому же мы могли бы, быть можетъ, заявить армянамъ, что, нисколько не поощряя какого-либо революціоннаго почина съ ихъ стороны, мы все-же не оставимъ ихъ въ случаѣ рѣзни безъ нашего заступничества.

(Подп.) *Гирсъ.*

№ 5.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Пословъ въ Англіи и Франціи.

С.-Петербургъ, 13 декабря 1912 года.

(Довѣрительное письмо).

За послѣднее время къ Императорскому Правительству начали поступать со всѣхъ сторонъ ходатайства различныхъ представителей армянскаго народа и духовенства о заступничествѣ Россіи за армянъ, проживающихъ въ Малой Азіи, и даже о нашей военной оккупаціи провинцій, въ коихъ сосредоточено армянское населеніе.

Вопросъ этотъ, внушающій намъ серьезныя заботы, побудилъ Императорское Министерство не разъ обращать вниманіе Порты на необходимость такого рода мѣропріятій, которыя устранили бы возможность возникновенія въ недалекомъ будущемъ новыхъ значительныхъ осложненій.

Между тѣмъ нельзя не признать, что заявленія армянъ о томъ, что Турція сама не способна провести реформы, направленныя къ дѣйствительному улучшенію ихъ участи, имѣютъ къ сожалѣнію слишкомъ многочисленныя и краснорѣчивыя подтвержденія во всей исторіи Турціи, чтобы оставлять въ этомъ отношеніи какія-либо сомнѣнія.

Въ нашихъ отвѣтахъ на обращенія армянъ мы всегда подтверждаемъ неизмѣнное благожелательное отношеніе къ нимъ Россіи и обѣщаніе озаботиться участью армянскаго населенія

въ Турціи. Въ то же время мы указываемъ на то обстоятельство, что возбужденіе армянскаго вопроса теперь же, пока еще не оконченъ балканскій кризисъ, мы признавали бы несвоевременнымъ въ интересахъ самихъ армянъ, ибо при международномъ его обсужденіи едва-ли можно расчитывать на полное единодушіе Державъ, между тѣмъ какъ обнаруженіе какихъ-либо разногласій было бы только использовано Турціей.

Не скрывая отъ себя всей сложности и трудности армянскаго вопроса, мы полагали бы, однако, необходимымъ нынѣ же приступить къ безотлагательному обмѣну мнѣній съ Парижскимъ и Лондонскимъ Кабинетами для установленія общихъ взглядовъ и совмѣстныхъ дѣйствій.

Не предрѣшая тѣхъ мѣропріятій, разработка коихъ, по нашему мнѣнію, могла бы быть всего лучше поручена Посламъ трехъ Державъ въ Константинополѣ, мы полагаемъ, что нынѣ же представлялось бы желательнымъ обсудить, не требуетъ ли рѣшеніе этого вопроса, предоставленнаго 61-ю статьей Берлинскаго Трактата самостоятельному почину Порты, установленія извѣстныхъ гарантій и европейскаго контроля.

На-ряду съ этимъ, во избѣжаніе новыхъ осложненій, въ связи съ несомнѣнно предстоящимъ массовымъ переселеніемъ мусульманъ изъ Европейской Турціи въ Малую Азію, не признаетъ ли Правительство, при коемъ Вы аккредитованы, возможнымъ, нынѣ же поручить своему Послу въ Константинополѣ поддержать представленія, уже сдѣланныя нашимъ Посломъ, о необходимости принять всѣ мѣры для направленія и упорядоченія переселенческаго дѣла.

Сообщая вышеизложенное, прошу Васъ довѣрительно объясниться въ указанномъ смыслѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и о послѣдующемъ увѣдомить Министерство въ возможно скоромъ времени.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 6.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 15—28 декабря 1912 года.

(Телеграмма).

Опасаясь возбужденія армянскаго вопроса, Порта сама приступаетъ къ обсужденію реформъ въ Арменіи. Повидимому, она предполагаетъ образовать изъ шести армянскихъ вилаетовъ

два инспекторства, поставивъ во главѣ каждаго изъ нихъ турецкаго генеральнаго инспектора и комиссію изъ двухъ мусульманъ, двухъ армянъ и двухъ иностранцевъ, подъ предсѣдательствомъ третьяго иностранца. Проектъ этотъ нисколько не удовлетворяетъ армянъ, требующихъ европейскаго контроля, а не турецкихъ чиновниковъ изъ европейцевъ. При всемъ томъ полагаю, что въ случаѣ проведенія такого проекта крайне желательно, чтобы въ числѣ иностранцевъ были приняты русскіе и во всякомъ случаѣ не враждебныя намъ лица. Опасаюсь, что изъ желанія избѣгнуть нашего единоличнаго вмѣшательства въ армянскій вопросъ Порта возымѣетъ мысль представить свой проектъ Державамъ, чтобы онѣ приняли его къ свѣдѣнію, на чемъ дѣятельность Порты и остановится.

(Подп.) *Гирсъ.*

№ 7.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 14 декабря 1912 года.

(Депеша).

На дняхъ я имѣлъ продолжительную бесѣду по армянскому вопросу съ посѣтившимъ меня виднымъ армянскимъ дѣятелемъ русско-подданнымъ докторомъ медицины Заврієвымъ. Докторъ Заврієвъ хорошо извѣстенъ Императорскому Министерству, какъ руководитель врачебнаго отряда, организованнаго въ 1905 году въ Россіи для оказанія медицинской помощи населенію турецкой Арменіи, и какъ авторъ записки объ армянскомъ вопросѣ въ Турціи, представленной имъ въ Министерство въ 1907 году. Онъ членъ партіи Дашнакцутюна.

Докторъ Заврієвъ, только-что прибывшій сюда изъ поѣздки по турецкой Арменіи, представилъ мнѣ положеніе своихъ сородичей въ весьма печальномъ свѣтѣ. Отсутствіе личной и имущественной безопасности, земельное неустройство, пристрастіе къ курдамъ турецкихъ администраціи и суда — вотъ главныя язвы армянской жизни. И одна Россія, по мнѣнію г. Заврієва, можетъ уврачевать эти язвы, либо непосредственно, либо путемъ давленія на Оттоманское Правительство.

По словамъ г. Заврієва, въ самомъ ближайшемъ будущемъ массовыхъ избіеній армянъ не предвидится. Но онъ констати-

ровалъ нѣкоторое учащеніе случаевъ отдѣльныхъ убійствъ армянъ курдами, а опытъ прежнихъ лѣтъ показываетъ, что такое учащеніе, постепенно прогрессируя, въ концѣ концовъ переходитъ въ погромы и избіенія. Съ другой стороны, земельный вопросъ обостряется съ каждымъ днемъ, особенно потому, что турецкія власти самымъ беззастѣнчивымъ образомъ поощряютъ захваты курдами армянскихъ земель, заставляя иногда армянъ подписывать акты, закрѣпляющіе ихъ земли за похитителями.

Г. Завріевъ держится того мнѣнія, что недопущеніе погромовъ и рѣзни вполнѣ зависитъ отъ турецкихъ властей и что, въ случаѣ энергичныхъ предостереженій со стороны Русскаго Правительства, катастрофа можетъ быть предотвращена. Ходатайствуя о такомъ заступничествѣ, г. Завріевъ въ то же время просилъ моего совѣта относительно того, какъ должно держать себя армянское населеніе по отношенію къ Турціи и слѣдуетъ ли армянамъ обратиться съ воззваніями къ Россіи и къ другимъ Европейскимъ Державамъ.

Я отвѣтилъ моему собесѣднику, что Императорское Правительство принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбахъ Арменіи. Но при всемъ томъ, армянамъ не слѣдуетъ упускать изъ виду исключительныхъ условій нынѣшняго момента и ухудшать своего положенія неосторожными выступленіями. Важно, чтобы въ глазахъ всей Европы армяне остались жертвами турецкаго произвола, а не превратились въ политическихъ революціонеровъ, желающихъ воспользоваться турецкими военными неудачами для осуществленія своихъ національныхъ стремленій. Поэтому армянамъ отнюдь не слѣдуетъ задирать турокъ, ни тѣмъ паче поднимать возстаніе; не слѣдуетъ имъ также предъявлять Европѣ какія-либо политическія требованія. За то, съ другой стороны, какъ въ печати, такъ и въ своихъ воззваніяхъ армяне имѣютъ, конечно, право обращать всеобщее вниманіе на тѣ вопіющія притѣсненія, которымъ они подвергаются со стороны курдовъ и турецкихъ властей.

Докторъ Завріевъ заявилъ мнѣ, что эти мои слова онъ принимаетъ къ руководству и повліяетъ въ томъ же смыслѣ на своихъ товарищей по партіи и вообще единомышленниковъ. Въ заключеніе онъ выразилъ „общую мысль армянъ“, что судьба ихъ въ рукахъ Россіи.

Вчера я имѣлъ случай объясниться съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Я указалъ Габріэлю Эффенди, сначала частнымъ образомъ, на тревожность положенія въ армянскихъ вилаетахъ и на недопустимость повторенія Сассунскихъ или Адан-

скихъ событій. Я высказалъ ему равнымъ образомъ, что совѣтую, во избѣжаніе новыхъ осложненій, какъ въ земельномъ вопросѣ, такъ и въ религіозной распрѣ, не поселять въ Арменіи мусульманскихъ бѣженцевъ изъ Европейской Турціи.

Габріэль Эффенди принялъ мое заявленіе сочувственно и даже сказалъ, что предпочелъ бы его услышать оффиціально. Въ виду этого, я разрѣшилъ г. Норадунгіану довести о моихъ словахъ до свѣдѣнія Совѣта Министровъ.

(Подп.) *Гирсъ*.

№ 8.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 17 декабря 1912 года.

(Довѣрительное письмо).

Армянскій вопросъ продолжаетъ сильно озабочивать Порту. Какъ я уже имѣлъ честь сообщить Вашему Высокопревосходительству телеграммой отъ 15-го сего декабря, Правительство выработало на скорую руку проектъ реформъ для армянскихъ провинцій и передало его на обсужденіе особой комиссіи, засѣдающей подъ предсѣдательствомъ Великаго Визиря и состоящей изъ Министровъ Иностранныхъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ.

Текстъ Правительственнаго законопроекта не былъ сообщенъ Патріархату. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ лишь въ общихъ чертахъ ознакомилъ съ нимъ двухъ членовъ Смѣшаннаго Совѣта, послѣ чего спросилъ ихъ мнѣнія. Но на другой день (8-го декабря) въ комиссію были приглашены нѣсколько армянскихъ дѣятелей, не занимающихъ никакого оффиціальнаго положенія въ Патріархатѣ.

Правительственный законопроектъ, внесенный въ комиссію, и краткій обзоръ котораго при семъ прилагается, отличается неполнотой и отрывочностью своихъ постановленій и долженъ быть признанъ шагомъ назадъ по сравненію съ закономъ 20-го октября 1895 г., выработаннымъ по почину Россіи, Франціи и Англіи. Законопроектъ учреждаетъ, какъ и законъ 1895 г., должность Генеральнаго Инспектора для армянскихъ вилаетовъ и подчиняетъ ему валіевъ. Но тогда какъ ст. 32 закона 1895 г. создаетъ при Блистательной Портѣ постоянную контрольную комиссію и признаетъ за Посольствами очень

важное право сношеній съ этимъ учрежденіемъ, нынѣшній законопроектъ о такой контрольной комиссіи умалчиваетъ. Вмѣсто нея онъ учреждаетъ особую комиссію при Генералъ-Инспекторѣ, составленную изъ 3-хъ мусульманъ и 3-хъ христіанъ; предсѣдательствуетъ въ этой комиссіи Совѣтникъ Генералъ-Инспектора, — иностранецъ, находящійся на турецкой службѣ. Объ участіи христіанъ въ администраціи и самоуправленіи, спеціально оговоренномъ въ законѣ 1895 года, новый проектъ умалчиваетъ. Другіе вопросы затронуты въ самыхъ общихъ чертахъ. Наконецъ, проектъ предполагаетъ распространеніе реформъ не на всѣ армянскія провинціи, а лишь на четыре (исключается Сивасъ и Эрзерумъ).

Приглашенные въ комиссію армянскіе дѣятели не преминули выяснить всю несостоятельность правительственныхъ предположеній. Они указали на необходимость распространенія реформъ на всѣ шесть вилаетовъ; на желательность приглашенія иностранцевъ на должности судебныхъ инспекторовъ, полицейскихъ и жандармскихъ офицеровъ; на необходимость уравненія армянскаго и турецкаго языковъ при судоговореніи; на неотложность разрѣшенія земельнаго вопроса. Армяне рекомендовали также Портѣ руководствоваться при выработкѣ реформъ закономъ 1895 г., Мюрцштегской программой и закономъ о вилаетахъ 1880 г., при чемъ указывали на необходимость разсѣять недовѣріе, которое армянскій народъ питаетъ къ турецкимъ обѣщаніямъ. Въ заключеніе армяне заявили, что считаютъ свою задачу въ комиссіи исчерпанной, а Портѣ совѣтуютъ обратиться къ Патріархату.

По дошедшимъ до меня слухамъ, послѣднее заявленіе было сдѣлано подъ давленіемъ Патріархата, глубоко оскорбленнаго обращеніемъ Порты къ неуполномоченнымъ лицамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго совѣщанія комиссіи съ армянами, въ мѣстной прессѣ стали появляться извѣстія объ измѣненіи правительственнаго законопроекта въ смыслѣ высказанныхъ армянами пожеланій. Правительство согласилось, будто бы, на образованіе изъ шести вилаетовъ двухъ инспекцій, съ двумя турецкими Генералъ-Инспекторами во главѣ каждой изъ нихъ; Комиссіи при этихъ Генералъ-Инспекторахъ должны состоять каждая изъ двухъ армянъ, двухъ турокъ и двухъ *иностранцевъ;* предсѣдательствуютъ въ обѣихъ Комиссіяхъ Совѣтники Генералъ - Инспекторовъ — иностранцы.

Такія предположенія Турецкаго Правительства, желающаго очевидно замѣнить иностранный контроль реформъ приглашеніемъ иностранцевъ на турецкую службу, совершенно не удовлетворяютъ, по моимъ свѣдѣніямъ, Патріархатъ и примыкающія къ нему сферы. Полученіе *русскихъ или международныхъ гарантій* въ той или иной формѣ признается въ этихъ кругахъ первымъ и важнѣйшимъ требованіемъ армянъ, передъ которымъ отступаютъ на второй планъ вопросы о характерѣ и содержаніи гарантируемыхъ реформъ. Наиболѣе дѣйствительной формой гарантій считается русская оккупація. На случай же невозможности осуществленія этой мечты въ ближайшемъ будущемъ выдвигается проектъ учрежденія должности Верховнаго Комиссара для шести вилаетовъ, назначаемаго Султаномъ съ согласія Державъ; этотъ Верховный Комиссаръ долженъ быть непремѣнно иностранцемъ.

Смѣшанный Совѣтъ Армянскаго Патріархата обсуждалъ вчера вопросъ, какъ отнестись къ словесному заявленію Порты о реформахъ. Совѣтъ рѣшилъ отправить въ Порту такриръ слѣдующаго содержанія: Патріархатъ констатируетъ, что Порта сообщила проектъ реформъ не ему, а частнымъ лицамъ, въ виду чего Патріархатъ лишенъ возможности высказаться относительно его содержанія; Патріархату неизвѣстно также, какимъ образомъ Порта думаетъ обезпечить исполненіе реформъ. Послѣдней фразой Патріархатъ намекаетъ на необходимость иностраннаго контроля. Такриръ отправленъ 15-го декабря въ Порту. Если Правительство сообщитъ текстъ законопроекта Патріархату, послѣдній не уклонится отъ дачи отзыва.

(Подп.) *М. Гирсъ*

Приложеніе къ № 8.

Projet de réformes arméniennes.

Voici un résumé exact des différents articles du projet de loi qui doit être mis en exécution à titre provisoire sous réserve de la sanction parlementaire:

Article 1.—Les lois régissant les relations des fonctionnaires ainsi que toutes les lois administratives, financières, judiciaires, militaires et celles du Chéri en vigueur dans tout l'Empire resteront aussi en vigueur dans les dites quatre provinces.

Article 2.—Une commission spéciale et un inspecteur général sont nommés pour les dits vilayets.

Article 3.—La commission est composée de trois musulmans, deux arméniens et un chaldéen. Les membres de la commission sont choisis parmi les personnes possédant les qualités et capacités ainsi que la confiance requises.

La commission est présidée par le conseiller de l'inspecteur général.

Article 4. — Le conseiller sera un étranger connaissant les affaires administratives et les us et coutumes du pays ainsi que possédant la capacité requise. Il entrera au service du gouvernement ottoman.

Article 5.—L'inspecteur général est nommé par le Gouvernement Impérial pour une durée de six ans et il est inamovible sauf pour les cas où il serait reconnu coupable d'actes (moudjibi messouliyet bir hal) entrainant sa responsabilité.

Article 6.—Les membres de la commission ne peuvent être destitués que pour actes illégaux et ce sur décision prise par les voix du président et de la majorité des membres de la commission.

Article 7.—Tous les actes de l'inspecteur général sont faits sur décision de la commission. L'inspecteur général a la compétence de mettre en exécution les décisions de la commission et de donner les instructions nécessaires à cet effet aux Valis.

Article 8.—L'inspecteur général a le droit de destituer les fonctionnaires du vilayet sauf ceux du Chéri, pour lesquels il doit référer au Cheikhulislamat, et ceux nommés par Iradé pour lesquels il doit référer au Ministère de l'Intérieur et ce sur décision de la commission.

Article 9.—L'inspecteur général et la commission entreprendront des tournées d'inspection.

Article 10.—L'inspecteur seul ou chacun des membres de la commission peuvent au besoin et sur décision de la commission entreprendre des tournées d'inspection.

Article 11.—Les attributions de la commission sont:

Arranger sur la base de l'équité le litige des terres contestées entre les Kurdes et les Arméniens.

Faire disparaître les causes de discorde entre les deux éléments et établir entre eux une parfaite concorde.

Assurer l'ordre, établir une parfaite égalité, réformer la police et la gendarmerie, construction de routes et de voies de communication, relèvement de l'agriculture et des métiers, faire exploiter les ressources naturelles du pays etc.

Article 12.—Les valis, le commandant militaire, la police et la gendarmerie exécuteront les ordres de l'inspecteur général.

Article 14.—La surtaxe du méarif et du ménafi ainsi que les recettes du vilayet seront affectées pour les besoins de l'instruction publique, des travaux publics et de l'agriculture du vilayet conformément à un budget spécial.

Article 16.—Après que l'ordre dans ces provinces sera rétabli au même degré que dans les autres vilayets, les lois administratives générales reprendront leur vigueur dans ces quatre provinces aussi.

Article 17.—L'inspecteur et les membres de la commission sont nommés pour cinq ans. Après l'expiration de ce délai leur nomination peut être renouvelée.

Les appointements de l'inspecteur général sont fixés à 20.000 piastres et ceux des membres de la commission à 10.000 piastres et ceux du conseiller à . . . . (place vide).

(*Переводъ*).

Проектъ армянскихъ реформъ.

Вотъ точное резюме различныхъ статей проекта закона, который долженъ быть введенъ въ дѣйствіе временно, впредь до парламентской санкціи.

Ст. 1. — Законы, опредѣляющіе отношенія чиновниковъ, а равно и административные, финансовые, юридическіе, военные, и законы Шери, дѣйствующіе во всей Имперіи, останутся въ силѣ и въ названныхъ трехъ провинціяхъ.

Ст. 2.—Особая Комиссія и Генеральный Инспекторъ назначаются въ названные вилаеты.

Ст. 3. — Комиссія состоитъ изъ трехъ мусульманъ, двухъ армянъ и одного халдейца. Члены Комиссіи избираются изъ среды лицъ, обладающихъ необходимыми качествами и способностями и внушающихъ довѣріе.

Въ Комиссіи предсѣдательствуетъ Совѣтникъ Генеральнаго Инспектора.

Ст. 4.—Совѣтникомъ будетъ иностранецъ, знакомый съ административными дѣлами и обычаями страны и обладающій необходимыми способностями. Онъ поступитъ на службу Оттоманскаго Правительства.

Ст. 5. — Генеральный Инспекторъ назначается Императорскимъ Правительствомъ на шестилѣтній срокъ, и онъ несмѣняемъ, за исключеніемъ случаевъ, когда онъ будетъ признанъ

виновнымъ въ дѣйствіяхъ, влекущихъ за собою его отвѣтственность.

Ст. 6. — Члены Комиссіи могутъ быть уволены исключительно за совершеніе незаконныхъ дѣйствій, и только на основаніи рѣшенія, принятаго предсѣдателемъ и большинствомъ членовъ Комиссіи.

Ст. 7.—Всѣ дѣйствія Генеральнаго Инспектора предпринимаются на основаніи рѣшеній Комиссіи. Генеральный Инспекторъ управомоченъ исполнять рѣшенія Комиссіи и давать необходимыя на этотъ счетъ инструкціи валіямъ.

Ст. 8.—Генеральный Инспекторъ имѣетъ право смѣщать чиновниковъ вилаета за исключеніемъ лицъ, служащихъ по духовному вѣдомству (Шеріата), относительно которыхъ онъ долженъ обращаться къ Шейхъ-уль-Исламату, и лицъ, назначенныхъ Высочайшимъ Ирадэ, относительно коихъ онъ долженъ обращаться къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и это на основаніи рѣшенія Комиссіи.

Ст. 9.—Генеральные Инспектора и Комиссія должны совершать инспекціонныя поѣздки.

Ст. 10.—Инспекторъ лично, а равно и каждый членъ Комиссіи могутъ, въ случаѣ необходимости и по рѣшенію Комиссіи, совершать инспекціонныя поѣздки.

Ст. 11.—Предметы вѣдѣнія Комиссіи составляютъ:

Разрѣшеніе на основаніи справедливости земельныхъ споровъ между курдами и армянами.

Устраненіе поводовъ къ распрямъ между обоими элементами и установленіе между ними полнаго согласія.

Обезпеченіе порядка, установленіе полнѣйшаго равенства, преобразованіе жандармеріи, проведеніе дорогъ и путей сообщенія, улучшеніе сельскаго хозяйства и ремеслъ, принятіе мѣръ къ использованію естественныхъ богатствъ страны и т. п.

Ст. 12.—Вали, военный комендантъ, полиція и жандармерія должны исполнять приказанія Генеральнаго Инспектора.

Ст. 14. — Дополнительные сборы меарифа и менафи, равно какъ и доходы вилаета будутъ идти на нужды народнаго просвѣщенія, общественныхъ работъ и сельскаго хозяйства вилаета, согласно особому бюджету.

Ст. 16.—По приведеніи порядка въ этихъ провинціяхъ на уровень порядка другихъ вилаетовъ, общіе административные законы воспримутъ силу и въ этихъ четырехъ провинціяхъ.

Ст. 17. — Инспекторъ и члены Комиссіи назначаются на

5 лѣтній срокъ; по истеченіи этого срока ихъ назначеніе можетъ быть возобновлено. Жалованіе Генеральному Инспектору полагается 20.000 піастровъ, членамъ же комиссіи 10.000 піастровъ, а Совѣтнику . . . . . . (пропускъ).

№ 9.

Вице-Консулъ въ Баязидѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Баязидъ, 20 декабря 1912 года.

(Телеграмма).

Среди курдовъ броженіе, вызванное слухами о предстоящихъ реформахъ въ Арменіи. Проживающій здѣсь шефъ ашипета Джелаль-руссофобъ Шейхъ Ибрагимъ приказалъ своимъ курдамъ приготовиться къ рѣзнѣ армянъ и приступить къ ней, какъ только онъ распорядится. Армяне въ паникѣ.

(Подп.) *Акимовичъ.*

№ 10.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 24 декабря 1912 года (6 января 1913 года).

(Телеграмма).

Г. Пуанкарэ сказалъ мнѣ, что вполнѣ присоединяется къ Вашимъ соображеніямъ касательно армянскаго вопроса и снабжаетъ Французскихъ Пословъ въ Россіи и Турціи соотвѣтствующими инструкціями.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 11.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 27 декабря 1912 года.

(Депеша).

21-го декабря с. г. состоялось знаменательное засѣданіе Армянскаго Національнаго Собранія, обнаружившее полную солидарность армянскихъ партій въ вопросѣ о реформахъ.

Смѣшанный Совѣтъ былъ приглашенъ армянами высказаться по поводу „весьма неудовлетворительнаго проекта Правительства" и сообщить, какіе шаги Совѣтъ думаетъ предпринять въ видахъ обезпеченія введенія реформъ и возстановленія порядка въ Арменіи.

Отвѣчая на этотъ запросъ, Смѣшанный Совѣтъ напомнилъ, что вопросъ о реформахъ въ Арменіи тянется уже полстолѣтія; неоднократно составлялись проекты реформъ, которые неизмѣнно оставались безъ движенія; но на этотъ разъ Совѣтъ не удовольствуется проектами и онъ приложитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы проведеніе въ жизнь реформъ было обезпечено безусловно и навсегда такъ, чтобы никакое Министерство и никакая власть, ни въ какое время и никакимъ путемъ не могли даже временно остановить примѣненіе реформъ. Поэтому Смѣшанный Совѣтъ требуетъ выраженія довѣрія его программѣ дѣйствій, сводящейся къ двумъ пунктамъ:

I) Смѣшанный Совѣтъ Патріархата будетъ продолжать свои сношенія съ Турецкимъ Правительствомъ, отстаивая свои взгляды;

II) Совѣтъ будетъ стремиться къ обезпеченію, путемъ солидныхъ гарантій, неизмѣннаго примѣненія жизненныхъ и тщательно продуманныхъ реформъ.

Заявленія Смѣшаннаго Совѣта встрѣчены были членами Національнаго Собранія съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Нѣкоторые депутаты пожелали лишь узнать подробности относительно гарантій реформъ, о которыхъ говорилъ Совѣтъ. Но послѣдній указалъ на неумѣстность дальнѣйшихъ разъясненій, сообщивъ лишь, что имѣетъ въ виду при защитѣ національныхъ правъ опереться на международныя обязательства, взятыя на себя самимъ Оттоманскимъ Правительствомъ. Весьма характерно, что эта точка зрѣнія Совѣта, состоящаго въ большинствѣ изъ членовъ центра (консерваторовъ), была поддержана дашнакцаканами, предложившими отказаться отъ дальнѣйшихъ преній и выразить Совѣту полное довѣріе; при этомъ дашнакцаканы заявили, что въ такой историческій моментъ они отказываются отъ своихъ партійныхъ взглядовъ, дабы всѣ видѣли, что у армянской націи въ вопросѣ реформъ одинъ голосъ. Въ результатѣ Національное Собраніе единогласно одобрило заявленія Смѣшаннаго Совѣта.

Засѣданіе 21 декабря является серьезнымъ предостереженіемъ для Турецкаго Правительства; хотя ораторы, требовавшіе

гарантій, не называли ихъ „международными“, но смыслъ ихъ рѣчей не оставлялъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія.

Засѣданіе 21 декабря ознаменовалось еще другимъ очень важнымъ въ здѣшней армянской жизни событіемъ. Національное Собраніе возстановило честь и доброе имя бывшаго Патріарха Орманіана, признавъ неосновательность тяготѣющихъ надъ нимъ обвиненій.

Какъ извѣстно, Патріархъ Орманіанъ долженъ былъ покинуть престолъ въ первые дни турецкой конституціи, уступая голосу націи, обвинявшей его въ угодничествѣ передъ Султаномъ Абдулъ-Хамидомъ и въ другихъ дѣйствіяхъ, противныхъ интересамъ армянъ.

Самыми ярыми противниками Орманіана всегда были дашнакцаканы. И теперь они не захотѣли участвовать въ его реабилитаціи, а рѣшили только не мѣшать ей, заявляя, что „историческій моментъ“ требуетъ прекращенія внутреннихъ раздоровъ, и что они поэтому воздержатся отъ голосованія. Послѣ этого заявленія Національное Собраніе 28 голосами противъ 4 отвергло всѣ предъявленныя къ Орманіану обвиненія и признало его оправданнымъ.

Такое примирительное поведеніе дашнакцакановъ даетъ поводъ предполагать, что они разсчитываютъ пріобрѣсти въ лицѣ умнаго и даровитаго Орманіана хотя бы временнаго союзника въ общенаціональномъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ между партіями состоялось если не примиреніе, то перемиріе.

(Подп.) *Гирсъ.*

№ 12.

Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Тифлисъ, 7 февраля 1913 года.

(Письмо).

Письмомъ отъ 16 января с. г. за № 147 Католикосъ всѣхъ армянъ увѣдомилъ меня, что онъ послалъ главѣ назначенной имъ делегаціи Богосу Нубару-Пашѣ инструкцію не обращаться въ Конференцію Пословъ въ Лондонѣ и пока ограничить свою дѣятельность подготовкой мнѣній и настроеній правящихъ и вліятельныхъ сферъ Европейскихъ Государствъ въ пользу вве-

денія необходимыхъ реформъ въ Турецкой Арменіи подъ контролемъ Россіи.

При этомъ Патріархъ Кеворкъ сообщилъ, что изъ Константинополя и изъ Турецкой Арменіи имъ постоянно получаются донесенія, въ которыхъ извѣщаютъ, что нападенія на армянъ со стороны курдовъ и вооруженныхъ бандъ, убійства и грабежи продолжаются, и виновники не преслѣдуются властями и закономъ. Кромѣ того, согласно послѣднимъ полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, мусульманское населеніе, переселяющееся нынѣ съ Балканскаго полуострова въ Анатолію, постепенно разселяется между христіанскимъ населеніемъ, и этимъ обостряется и безъ того острый земельный вопросъ и антагонизмъ; носятся упорные и тревожные слухи о какихъ-то приготовленіяхъ и предстоящихъ дѣйствіяхъ курдовъ, направленныхъ противъ христіанскаго элемента въ Анатоліи—армянъ, съ цѣлью упроченія господства курдовъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Турціи, что подтверждается совѣщаніями шейховъ нѣкоторыхъ курдскихъ племенъ и представленіями Портѣ со стороны вліятельныхъ курдовъ въ Константинополѣ.

Въ виду этого Патріархъ Кеворкъ прибавилъ, что онъ и его паства пребываютъ въ полной надеждѣ, что Императорское Правительство дастъ необходимую инструкцію Послу и Консуламъ своимъ въ Турціи о принятіи реальныхъ мѣръ отъ злоупотребленій курдовъ и турокъ до окончательнаго введенія реформъ.

(Подп.) *Графъ Воронцовъ-Дашковъ.*

№ 13.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 28 февраля—13 марта 1913 года.

(Телеграмма).

По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, торгово-промышленные круги въ Германіи начали за послѣднее время интересоваться Арменіей. Въ ней видятъ новое поле дѣятельности для германской энергіи и оплотъ противъ вліянія съ сѣвера. Въ Берлинѣ, будто бы, читали лекціи, въ которыхъ обращали вниманіе Правительства на желательность взятія Германіею на себя почина въ возбужденіи вопроса о введеніи реформъ въ Арменіи.

(Подп.) *Гирсъ.*

№ 14.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 28 февраля—13 марта 1913 года.

(Письмо).

На дняхъ меня посѣтилъ извѣстный Вамъ Богосъ Нубаръ Паша и сообщилъ мнѣ нижеслѣдующее: воздержавшись нѣкоторое время тому назадъ, вслѣдствіе преподаннаго ему изъ Петербурга совѣта, отъ поѣздки въ Лондонъ съ цѣлью возбудить передъ собраніемъ Пословъ вопросъ объ армянскихъ реформахъ, онъ, Богосъ Нубаръ Паша, нынѣ снова обращается къ намъ съ просьбою указать ему, не наступила ли удобная минута для того, чтобы напомнить Державамъ о нуждахъ армянскаго народа; къ этому шагу его побуждаетъ возможная близость мира между Турціей и Балканскими государствами, послѣ заключенія коего долженъ наступить чередъ для упорядоченія положенія въ Малой Азіи. Богосъ Нубаръ Паша повторилъ мнѣ, что турецкіе армяне отнюдь не желаютъ поднять вопросъ объ автономіи или перемѣнѣ подданства; они имѣютъ цѣлью лишь добиться осуществленія реформъ, предусмотрѣнныхъ Берлинскимъ трактатомъ, выработанныхъ въ 1895 году Россіей, Франціей и Англіей, но оставшихся до сихъ поръ мертвою буквою; при этомъ армяне возлагаютъ свою надежду на мощную поддержку Россіи и твердо намѣрены во всемъ слѣдовать указаніямъ Русскаго Правительства; по доходящимъ до Богоса Нубара Паши изъ Константинополя свѣдѣніямъ, обстоятельства въ настоящую минуту складываются довольно благопріятно для армянъ, ибо Турецкое Правительство, повидимому, начинаетъ сознавать необходимость проведенія серьезныхъ реформъ; необходимость эта въ полной мѣрѣ признается и Представителями Державъ въ Константинополѣ, и даже Германскій Посолъ, до сихъ поръ относившійся крайне враждебно къ армянскимъ домогательствамъ, нынѣ перемѣнилъ свое отношеніе къ армянамъ и также высказывается въ пользу сказанныхъ реформъ. Вслѣдствіе всего этого, Богосъ Нубаръ Паша за послѣднія недѣли приступилъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими армянскими делегатами, къ выработкѣ подробнаго проекта реформъ, принявъ за основаніе проектъ 1895 года, въ который ими вводятся нѣкоторыя измѣненія и дополненія, главнымъ образомъ въ смыслѣ установленія абсолютно необхо-

димаго европейскаго контроля. Какъ только проектъ этотъ будетъ окончательно изготовленъ и разсмотрѣнъ Эчміадзинскимъ Католикосомъ, Богосъ Нубаръ Паша сообщитъ мнѣ его съ просьбою повергнуть его на благоусмотрѣніе Русскаго Правительства.

Я отвѣтилъ Богосу Нубару Пашѣ, что не премину довести до Вашего свѣдѣнія обо всемъ вышеизложенномъ и буду ожидать обѣщаннаго имъ проекта реформъ; покуда же я настойчиво просилъ не предпринимать никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ безъ согласія и разрѣшенія Императорскаго Правительства, которое, какъ ему хорошо извѣстно, съ самымъ теплымъ участіемъ относится къ судьбѣ армянскаго народа и къ вопросу объ армянскихъ реформахъ; на вопросъ его—можетъ ли онъ обратиться съ тѣми же заявленіями, которыя онъ сдѣлалъ мнѣ, къ французскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ, я отвѣтилъ, что не вижу этому никакихъ препятствій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды со мной, Богосъ Нубаръ Паша посѣтилъ г-на Жоннара и оставилъ ему подробную записку съ изложеніемъ пожеланій армянскаго народа. Г-нъ Жоннаръ сказалъ мнѣ по этому поводу, что, по его мнѣнію, вопросъ объ армянскихъ реформахъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, и что, если Державы хотятъ предупредить опасныя осложненія въ Малой Азіи, онѣ непремѣнно должны воспользоваться нынѣшними обстоятельствами, чтобы осуществить постановленіе Берлинскаго трактата и предположенія 1895 года.

Примите и проч.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 15.

Посолъ въ Турціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Константинополь, 11 марта 1913 года.

(Депеша).

Сообщенія Константинопольскаго Армянскаго Патріарха и Епархіальныхъ Начальниковъ Турецкой Арменіи о продолженіи насилій, совершаемыхъ курдами надъ армянами, къ сожалѣнію, согласны съ дѣйствительностью.

Правда, изъ поступающихъ ко мнѣ жалобъ и сообщеній я выношу убѣжденіе, что насилія эти не выходятъ пока изъ ра-

мокъ обычныхъ явленій въ восточныхъ вилаетахъ Турціи и не носятъ характера взрыва страстей и систематической рѣзни армянъ. Это весьма относительное затишье можетъ быть объяснено, какъ совѣтами, преподанными Вашимъ Высокопревосходительствомъ Турхану Пашѣ, и моими настояніями передъ Портою, такъ и суровою зимою съ ея снѣжными заносами. Но нѣтъ сомнѣнія, что во всякое время положеніе можетъ снова обостриться, и что для предупрежденія такого обостренія должны быть приняты возможно скорѣе серьезныя мѣры къ осуществленію реформъ въ Турецкой Арменіи.

Однако, отъ нынѣшняго Турецкаго Правительства не приходится, повидимому, ожидать въ настоящее время серьезнаго почина въ этомъ дѣлѣ. Новый младотурецкій Кабинетъ совершенно отложилъ въ сторону проектъ Министерства Кіямиля Паши, препровожденный мною къ Вашему Высокопревосходительству при депешѣ отъ 17 декабря 1912 года, и, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, не ведетъ переговоровъ о реформахъ ни съ Армянскимъ Патріархатомъ, ни вообще съ армянами. Повидимому, младотурецкое Правительство рѣшило, во избѣжаніе непріятной для него армянской автономіи, прибѣгнуть къ не разъ испытанному въ такихъ случаяхъ Портою средству—къ провозглашенію реформъ для всей Имперіи. Съ этой цѣлью Правительство хочетъ воспользоваться законопроектомъ „объ управленіи вилаетами", выработаннымъ парламентской комиссіей въ сессію 1911 — 1912 года, вторая часть котораго въ апрѣлѣ минувшаго года была санкціонирована Султаномъ въ порядкѣ 36 ст. конституціи, но до сихъ поръ не получила практическаго примѣненія. Вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія обсуждался недавно въ особой комиссіи изъ валіевъ и мутесарифовъ; какъ я узналъ изъ секретныхъ источниковъ, комиссія эта, вдохновляемая Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Хаджи Адиль Беемъ, высказалась въ пользу расширенія полномочій Генералъ-Губернаторовъ (Валіевъ), т. е. въ пользу *административной децентрализаціи;* предложенія комиссіи обсуждаются въ настоящее время Совѣтомъ Министровъ.

Реформа жандармеріи, о которой упоминаетъ газета „Jeune Turq" отъ 23 февраля сего года, обсуждалась той же комиссіей губернаторовъ и утверждена Совѣтомъ Министровъ. Этой реформой Турція раздѣлена на 5 секторовъ, подчиненныхъ особымъ инспекторскимъ комиссіямъ, въ которыя входятъ иностранцы на турецкой службѣ, при чемъ армянскія провинціи

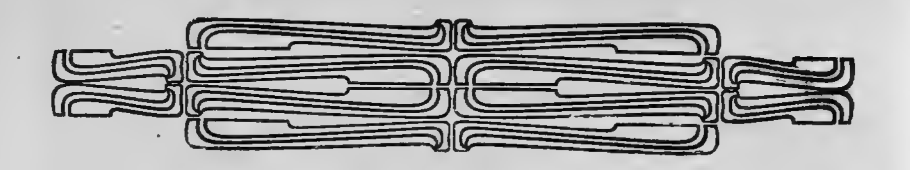
входятъ въ Трапезундскій секторъ. Кромѣ этихъ спеціальныхъ комиссій, въ провинцію посылается главная подъ предсѣдательствомъ Генерала Баумана, Генеральнаго Инспектора Жандармеріи.

Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ другое указаніе на готовящіяся „общія реформы“. Французскій подданный Графъ Остророгъ, бывшій въ теченіе двухъ лѣтъ (1909—1911) Совѣтникомъ Министерства Юстиціи и подавшій въ отставку въ виду невозможности провести предложенныя имъ реформы, получилъ будто бы предложеніе отъ Турецкаго Правительства принять новый постъ Судебнаго Инспектора всей Оттоманской Имперіи. Наконецъ, мнѣ сообщаютъ, что бывшему Великому Визирю Хакки Пашѣ предписано убѣдить Англійское Правительство въ нежелательности особыхъ реформъ въ Арменіи и въ предпочтительности общихъ реформъ для всей Имперіи.

(Подп.) *Гирсъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Депутатъ отъ Россіи.

„Еще о дѣятельности О. А. Новиковой“.

Глава XVII [1]).

Г-жа Новикова начала свою переписку съ Гладстономъ по вопросу о старо-католикахъ. Послѣднія ихъ письма касались преимущественно того же предмета.

Братъ ея Николай Кирѣевъ пожертвовалъ своей молодой жизнью ради славянъ; братъ ея генералъ Александръ Кирѣевъ посвятилъ большую часть своей жизни дѣлу старо-католиковъ. Профессоръ Мишо, издатель „Revue Internationale de Théologie“ былъ его пламеннымъ единомышленникомъ. Обширная переписка г-жи Новиковой съ этимъ профессоромъ очень интересна и задушевна. Слѣдующія письма отъ 17 января 1901 года изъ Берна служатъ доказательствомъ, какъ тѣсно сестра и братья были соединены симпатіями и работой. Они составляли нравственное неразрывное тріо, у котораго друзья были обыкновенно одни и тѣ же.

„Вашъ братъ сообщаетъ мнѣ о своемъ огорченіи по случаю болѣзни вашего сына, — пишетъ профессоръ Мишо Ольгѣ Алексѣевнѣ. Это извѣстіе насъ опечалило, и мы чувствуемъ необходимость подѣлиться съ вами нашимъ чувствомъ. Мы не тревожимся: у молодости столько силъ, особенно при хорошемъ уходѣ, что отчаяваться не слѣдуетъ. Бодритесь и надѣйтесь. Но вамъ не слѣдуетъ слишкомъ исключительно сосредоточиться на одномъ вашемъ личномъ горѣ. Увы, у каждаго изъ насъ свой крестъ, но онъ всегда кажется намъ самимъ тяжелѣе, чѣмъ у другихъ... Подумайте о вашей полезной работѣ и о

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1915 г.

вашихъ глубоко вамъ преданныхъ друзьяхъ. Среди этихъ друзей мы, конечно, принадлежимъ къ самымъ искреннимъ и преданнымъ. Поэтому не думайте, что мы равнодушны къ горю вашему и вашего брата. Всѣ, кто дорогъ вамъ, дороги и нашему сердцу. Порадуйте насъ поскорѣе доброй вѣсточкой о вашемъ сынѣ. Я знаю вашего брата 20 лѣтъ. Мы связаны съ нимъ религіей, совѣстью и полнымъ довѣріемъ. Такія дружескія узы даже смерть не порываетъ.

Моя жена и дѣти раздѣляютъ мои чувства. Всегда вашъ Мишо".

Вскорѣ послѣ этого профессоръ Мишо ей пишетъ снова:

„Жалѣю иногда, что вы занимаетесь больше политикой, чѣмъ наукой. Этотъ же упрекъ можно дѣлать и англичанамъ, какъ это особенно выразилось во время южно-африканской войны. Англичане такъ поглощены войной, что у нихъ нѣтъ времени для богословія. Впрочемъ, такъ бывало и прежде, даже до бурскаго вопроса".

Бернскій профессоръ всегда готовъ восхвалять свою корреспондентку.

„Будь я при русскомъ Дворѣ, — пишетъ онъ, — я просилъ бы Его Величество сдѣлать васъ посланницей. Я увѣренъ, что если бы вы засѣдали въ знаменитомъ европейскомъ концертѣ, дѣла пошли бы лучше. Теперь поздно".

„Постарайтесь, однако, поработать вашими волшебными пальчиками: мнѣ это скоро дало бы удовольствіе читать вашу статью. Ваше волшебное перо всегда дѣйствуетъ благотворно на насъ".

Гладстонъ вышелъ въ отставку въ 1894 году. Въ январѣ 1893 года г-жа Новикова послала ему статью своего брата о старо-католическомъ движеніи, прибавляя шутливо жалобу на то, что онъ, повидимому, не хочетъ ее знать больше. Онъ отвѣтилъ:

24 января 1893 года.

„Дорогая г-жа Новикова, я не пробылъ еще двухъ недѣль въ Англіи, недѣль крайне тяжелой и трудной работы. Боюсь, что многіе меня заподозрятъ въ странной забывчивости. Къ тому же, ничего не подѣлаешь съ фактомъ 85 лѣтъ, онъ влечетъ за собою не только двухнедѣльныхъ, но и многихъ неисполненныхъ общественныхъ обязанностей, о чемъ я очень сожалѣю и что считаю большимъ зломъ. Благодарю очень за статью о старо-католикахъ." Радуюсь хорошему сообщенію. Со-

вершенно правы Россія и Англія, интересуясь этимъ движеніемъ. Тѣмъ болѣе доволенъ, что прекращеніе конференцій въ Боннѣ не имѣло отношенія къ дѣятельности или отсутствію этой дѣятельности въ Россіи.

Остаюсь всегда преданный вамъ

Гладстонъ".

„Если я не успѣю къ вамъ заѣхать, то это будетъ наперекоръ моимъ желаніямъ. Въ случаѣ, что вамъ понадобятся еще экземпляры моей книжки о „Священномъ Писаніи", они къ вашимъ услугамъ. Прилагаю мой трудъ объ Ирландіи, примите его благосклонно".

Въ слѣдующемъ году, когда Гладстонъ вышелъ въ отставку, г-жа Новикова передала ему настойчивую просьбу профессора Мишо писать статьи въ „Revue Internationale de Théologie". Гладстонъ отклонилъ просьбу, но письма его—образецъ благовоспитанной вѣжливости.

Харденъ-Честеръ, 6 октября 1894 года.

„Дорогая г-жа Новикова. Я совсѣмъ не пишу статей по заказу. Къ тому же у меня много давно задуманныхъ темъ. Интересъ мой къ старо-католикамъ очень искрененъ: сестра моя перешла къ нимъ; принадлежа 30 лѣтъ къ римскому вѣроисповѣданію, она умерла старо-католичкой. Помню, я говорилъ д-ру Деллингеру, что будущее ихъ въ большой зависимости отъ возможности войти въ добрыя сношенія съ восточной церковью, я искренно надѣюсь, что это осуществится. Д-ръ Деллингеръ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Они могутъ сдѣлать много добра и нравственно препятствовать папству пускаться въ дальнѣйшія экстравагантности. Вамъ это все кажется безсердечнымъ по отношенію къ предмету вашего письма, но я хочу сказать вамъ еще кое-что. Меня уговорили написать предисловіе къ иллюстрированному изданію Библіи, которая, вѣроятно, будетъ очень распространена въ Америкѣ, а въ Англіи ограничатся о ней лишь заявленіями. Это предисловіе не касается изданія, а только авторитета и оцѣнки „Священнаго Писанія". Ничего въ немъ не будетъ такого, что бы не понравилось вамъ или старо-католикамъ. Г. Мишо могъ бы воспользоваться этимъ предисловіемъ для своего журнала, получивъ на то согласіе издателей американцевъ.

„Если я узнаю отъ васъ, что мой планъ нравится вашему другу, я напишу своимъ корреспондентамъ объ этомъ въ Америку. Это было бы достаточное разрѣшеніе перевода съ авторскимъ правомъ.

Вѣрьте моей искренней преданности.

Гладстонъ“.

Харденъ, 13 октября 1894 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Мнѣ кажется, что я не довольно ясно изложилъ дѣло г-ну Мишо. Рѣчь идетъ вовсе не о платѣ. Я напишу это объясненіе въ Америку.

„Благодарю васъ за сообщеніе генерала Кирѣева. Надѣюсь, что плохое зрѣніе не помѣшаетъ мнѣ его прочитать. Радуюсь, что старо-католики имѣютъ такого друга въ православной церкви.

„Мои воспоминанія о д-рѣ Деллингерѣ были напечатаны въ газетѣ „Спикеръ“ 1891 г., какъ только эта газета появилась, около трехъ съ половиной лѣтъ назадъ. Жалѣю, что не имѣю копіи, чтобы вамъ послать. Не думаю, чтобы о моемъ предисловіи были телеграммы, и не имѣю возможность узнать, какъ мой американскій корреспондентъ приметъ мое предложеніе.

Вашъ искренно Гладстонъ“.

19-го того же мѣсяца Гладстонъ написалъ открытое письмо г-жѣ Новиковой, отклоняя встрѣчу съ какимъ-то корреспондентомъ, который желалъ быть ему представленнымъ.

„Будь я молодъ, съ глазами и ушами, я былъ бы очень радъ новому знакомству. Но таковъ, какъ я теперь, когда мнѣ скоро стукнетъ восемьдесятъ пять, я прячусь въ свою скорлупу и не завожу новыхъ отношеній. Вамъ приходится меня извинить. Меня очень тревожатъ зловѣщія извѣстія газетъ о здоровьи вашего Императора Александра III. Мое искреннее почтеніе генералу Кирѣеву и наилучшія желанія его дѣлу“.

Зловѣщія извѣстія, упомянутыя Гладстономъ, вскорѣ возвѣстили кончину нашего любимаго Императора Александра III въ Ливадіи 21 октября—1 ноября 1894 г.

24 ноября Гладстонъ писалъ:

„Дорогая г-жа Новикова. Благодарю васъ за сообщеніе и увѣряю васъ, что я сердечно раздѣляю ваши чувства къ усоп-

шему Императору. Его личный характеръ возбуждалъ во мнѣ удивленіе. Его политическіе взгляды на отношенія между Россіей и Англіей были вѣрны,—въ Европѣ и въ Азіи онъ былъ могучимъ поборникомъ мира. Не могу также забыть его любезность и доброту.

„Торжественныя православныя заупокойныя службы должны быть глубоко интересны, и я бы просилъ васъ указать мнѣ, гдѣ могу получить и на какомъ языкѣ описаніе происходившаго богослуженія. Я бы хотѣлъ его опубликовать. Молодого вашего Императора я видѣлъ только мальчикомъ, забавлявшимся игрой. Помоги ему Богъ въ его великой и трудной задачѣ.

Стэдъ говоритъ, что Гладстонъ видѣлъ Императора Николая II въ Копенгагенѣ въ 80-хъ годахъ во время своего плаванія въ сѣверныхъ водахъ на пароходѣ „Дональдъ-Кюръ", для здоровья. Гладстонъ говорилъ ему по возвращеніи, что русскій наслѣдникъ ему очень понравился, что онъ похожъ на англійскую молодежь самаго лучшаго типа.

Послѣднее письмо Гладстона не политическаго содержанія было изъ Біаррица 6 февраля 1896 г. Ольга Алексѣевна послала ему богословское сочиненіе своего брата. Онъ писалъ:

„Я отнесся внимательно къ сочиненію генерала Кирѣева и получилъ отъ очень знающаго и благоразумнаго друга совѣтъ, который я бы подвергъ самому тщательному обсужденію. Принимая въ соображеніе сложность вопроса и обширность его значенія, сочиненіе должно быть разсмотрѣно ученымъ православнымъ богословомъ для обезпеченія полной точности. Жаль было бы, если бы такое сильное произведеніе пострадало отъ случайной ошибки въ изложеніи. Если это непріемлемо, я бы рекомендовалъ вамъ для сравненія трактатъ о непогрѣшимости д-ра Толмона,—умное произведеніе весьма умнаго человѣка, о которомъ мнѣ извѣстно, что д-ръ Деллингеръ былъ особенно высокаго мнѣнія. По моему глубокому убѣжденію, нельзя установить вопросъ немедленно, я подразумѣваю касательно публикаціи. Надѣюсь, вы читали жизнь Михаила Бурселя. Эту книгу должны читать съ большимъ интересомъ православные.

„Теперь,—пишетъ Стэдъ,—я приближаюсь къ концу моей задачи. Но, пробѣгая написанное, я съ сокрушеніемъ сердца вижу, какъ много воспоминаній, о которыхъ я не вспомнилъ и какъ много переписки, которую не помѣстилъ. Но сильнѣе этого я съ грустью чувствую свою погрѣшность при сравненіи

представленнаго мною депутата отъ Россіи съ блестящимъ, изящнымъ оригиналомъ.

„Все же я надѣюсь, что въ моемъ разсказѣ ясно видно, до какой степени г-жа Новикова дипломатъ, политикъ, grande dame, тогда какъ при всемъ этомъ она, прежде всего, добрѣйшая женщина, прекрасная мать и вѣрный другъ. Я мало говорилъ объ этомъ, но эти качества явны для всѣхъ, кто ее знаетъ.

„Найти работу старику, рабочему, нуждающемуся артисту, облегчить страданія бѣдныхъ, больныхъ, умирающихъ—доставляетъ ей большее наслажденіе, чѣмъ самые блестящіе ея политическіе или литературные успѣхи. Ея состраданіе и любовь къ животнымъ—всѣмъ извѣстны. Всѣ ея друзья боятся неистощимаго запаса ея разныхъ протеже. Счастливъ тотъ или та, въ комъ приметъ участіе г-жа Новикова. Я помню, какъ я былъ потрясенъ однажды, ѣдучи по улицамъ въ Лондонѣ на станцію желѣзной дороги. Мы услыхали крикъ, и моментально г-жа Новикова останавливаетъ кучера. Она увидѣла, что какой-то человѣкъ бьетъ мальчика на тротуарѣ. Мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій, чтобы удержать ее отъ намѣренія вмѣшаться и спасти мальчика отъ его мучителя. Точно такъ она протестовала противъ жестокостей къ животнымъ. Собака по имени Максъ, которую она спасла отъ смерти, жива до сихъ поръ, изнѣженный любимецъ, считающій ея домъ своей исключительной собственностью.

„Я мало говорилъ о женщинахъ, съ которыми дружна г-жа Новикова. Въ числѣ ихъ была извѣстная миссъ Ирби, такъ много потрудившаяся въ Босніи; графиня Толстая, жена Алексѣя Толстого, одна изъ самыхъ образованныхъ женщинъ въ Россіи; графиня Игнатьева, графиня Ольга Торніелли, рожденная графиня Ростопчина, и пр. Но онѣ не любили переписки, и дружба ихъ была болѣе личная, чѣмъ политическая.

„Одну характерную черту въ г-жѣ Новиковой можетъ замѣтить самый поверхностный читатель,—это ея стойкость въ привязанностяхъ. Смерть одна была въ состояніи разрушить ея дружескія отношенія. Возрастъ не игралъ никакой роли. Она славилась способностью очаровывать старыхъ сановниковъ и дипломатовъ нашего времени. Была извѣстна шутка, что большинство людей, составляющихъ ея дворъ, могли бы быть по возрасту ея отцами. Но старые и молодые всегда дорожили ея знакомствомъ.

„Къ разницѣ положенія или чина она была совершенно равнодушна. Бѣдный или богатый,—ей было рѣшительно все равно,—но ее привлекала аристократія ума, и часто она угадывала нравственное превосходство человѣка, прежде чѣмъ оно было оцѣнено въ немъ другими. Ничто такъ не дѣйствуетъ на ея нервы, какъ посредственность, и иногда она это выражаетъ съ нетерпѣніемъ.

„Весь свой успѣхъ Ольга Алексѣевна пріобрѣла съ весьма скромными матеріальными средствами. Она не обладаетъ громаднымъ состояніемъ, но имѣетъ видъ всегда довольный тѣмъ, что имѣетъ. Ей очень дороги двѣ школы, основанныя ея сыномъ въ Тамбовской губ., часто нуждающіяся въ ея пособіи.

„Трудно опредѣлить тайну ея силы. Въ молодости она прекрасно пѣла, но предпочитала пѣть для страждущихъ въ Виѳлеемскомъ госпиталѣ, чѣмъ въ обществѣ. Необыкновенная любезность, сочувствіе, быстрый умъ, широкое поле интересовъ, способность выслушивать, удивительная страсть помогать друзьямъ въ достиженіи ихъ цѣли,—вотъ тѣ качества, которыя въ продолженіе почти полувѣка очаровывали лучшихъ мужчинъ и женщинъ Европы.

„Многихъ изъ тѣхъ, чья переписка приводилась въ этой книгѣ, она пережила. Между послѣдними я долженъ назвать д-ра Черчъ, настоятеля Собора Св. Павла, каноника Лиддонъ и др. Сэръ Дональдъ Маккензи Воллэсъ, извѣстный авторъ книги Россіи „Russia“, и понынѣ живъ и часто ее посѣщаетъ. Изъ членовъ теперешняго министерства она очень хвалитъ лорда Хольденъ и Герберта Гладстона, сына ея великаго друга.

„Г-жа Новикова начала свое сотрудничество въ „Сѣверномъ Эхо“, какъ я уже много разъ съ гордостью заявлялъ.

„Я былъ ея первымъ издателемъ. Съ тѣхъ поръ она участвовала въ „Pall-Mall Gazette“, въ „Times'ѣ“, „Daily Chronicle“, „Daily News“, „Observer“ и пр. Длинныя ея статьи въ защиту Россіи—также въ „XIX Century“, „Contemporary Review“, „Review of Reviews“ и много другихъ. Въ Россіи она участвовала всего болѣе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Новомъ Времени“, „Руси“, „Современныхъ Извѣстіяхъ“ и „Свѣтѣ“.

— Замѣтьте, — говоритъ Стэдъ,—что въ этихъ воспоминаніяхъ я рѣдко упоминалъ о Высочайшихъ Особахъ, хотя много интересныхъ фактовъ могли бы быть разсказаны.

„Я долженъ, однако, упомянуть о замѣчаніи, сдѣланномъ г-жей Новиковой о маленькомъ наслѣдникѣ Россійскаго пре-

стола, о которомъ есть предсказаніе, что Онъ соединитъ въ себѣ качества Александра II съ твердой волей Петра Великаго

„Въ іюлѣ 1908 года, когда я былъ въ Петербургѣ, г-жа Новикова сказала:

„Я видѣла маленькаго Наслѣдника сегодня въ Петергофѣ. Онъ держалъ въ рукахъ полную корзинку грибовъ, собранныхъ имъ самимъ, которую съ гордостью поднесъ Императрицѣ и показалъ мнѣ. Такого очаровательнаго ребенка, такого живого и привлекательнаго я никогда не видала",—заключила она.

Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ 50-лѣтію дня кончины Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича.

---

12 апрѣля 1915 г. исполняется 50 лѣтъ со дня кончины Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, и мы приводимъ ниже выдержки изъ дневника Н. И. Рако о послѣднихъ минутахъ жизни покойнаго:

Ницца 8 апрѣля 1865 г. Ночь проведена весьма дурно. Великій Князь впалъ въ безпамятство; ему обрили голову и поставили двѣ шпанскихъ мушки. Въ 4 ч. послѣдовала новая медицинская консультація. Положеніе его болѣе опасно, чѣмъ когда-либо. Его лечатъ докторъ Здекауеръ и Циммерманъ, на консультацію приглашаются и другіе доктора. Великій Князь Александръ Александровичъ въ сопровожденіи гр. Перовскаго прибылъ въ четвергъ въ 3¹/₂ ч. дня. Онъ отправился къ брату, который, какъ говорятъ, узналъ его. Изъ всѣхъ окружающихъ больной узнаетъ только Мать, Ея Величество Императрицу, голосъ которой, повидимому, пробуждаетъ въ немъ жизнь. Два раза въ день въ русской церкви совершается молебствіе о здравіи Великаго Князя; всѣ русскіе стекаются сюда и на колѣняхъ возносятъ молитвы.

10 апрѣля. Состояніе здоровья Великаго Князя съ каждымъ днемъ становится хуже; вчерашній день былъ менѣе труденъ для больного тѣмъ, что приливы крови къ мозгу были менѣе сильны. Сегодня утромъ замѣтно крайнее истощеніе силъ, опасность ни на минуту не прекращается. Съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилась опасность, Императрица Россійская не покидаетъ изголовья сына; измученная усталостью и страданіями сына, она обнаруживаетъ великую энергію при выполненіи долга матери. Ей помогаютъ въ ея попеченіяхъ и неусыпномъ уходѣ

Великая Княгиня Марія Николаевна, прибывшая съ двумя сыновьями, Великій Князь Александръ и пр. Гессенъ-Дармштадтскій. Населеніе Ниццы и иностранцы толпами стекаются къ Виллѣ Бельмонтъ, чтобы узнать о состояніи здоровья Наслѣдника Цесаревича.

11 апрѣля. Императоръ Александръ прибылъ вчера въ Ниццу въ 2½ ч. дня. Онъ останавливался въ Марсели лишь столько времени, сколько необходимо для того, чтобы подкрѣпить себя пищей, и видѣлся только съ консуломъ и сенаторомъ Мопа. Поѣздъ шелъ со скоростью 55 километровъ въ часъ. Окрестности вокзала и всѣ прилегающія къ нему улицы были усѣяны толпой народа. Доступъ на вокзалъ былъ разрѣшенъ только русскимъ и датскимъ подданнымъ, явившимся въ большомъ числѣ навстрѣчу Императору и королевѣ Датской. Императоръ былъ глубоко опечаленъ. Онъ горячо обнялъ членовъ своей семьи, ожидавшихъ его у вагона. Объятія эти, прерываемыя рыданіями, вызвали слезы у всѣхъ присутствующихъ. Всѣ высшія власти города встрѣтили Государя на вокзалѣ, но Императоръ былъ такъ взволнованъ, что едва видѣлъ лица его окружавшихъ и, обмѣнявшись лишь нѣсколькими словами, онъ быстро прошелъ между встрѣчавшими и направился по знакомой ему дорожкѣ, гдѣ часто гулялъ во время пребыванія своего въ Ниццѣ, и дошелъ пѣшкомъ до Виллы Бельмонтъ [1]), гдѣ была приготовлена для него комната, возлѣ комнаты его сына. Датская королева поѣхала сначала въ Виллу Федеръ, гдѣ были взяты для нея и ея свиты помѣщенія по приказанію Императрицы, потому что она была ближе, чѣмъ первоначально предназначенныя. По всему пути, гдѣ слѣдовала Императорская и королевская фамилія, населеніе выказывало къ нимъ величайшую почтительность. Черезъ нѣсколько минутъ по прибытіи обѣ Августѣйшія фамиліи соединились въ Императорской резиденціи. Государь Императоръ, ранѣе чѣмъ видѣть сына, пожелалъ, чтобы произошла консультація врачей въ присутствіи Пирогова, прибывшаго съ нимъ. Опасались, чтобы внезапное появленіе Государя не произвело на больного сильнаго впечатлѣнія.

11 апрѣля. Вчера вечеромъ Великій Князь узналъ Императора и весьма ему обрадовался. Сегодня въ 5 ч. утра началась агонія, объ этомъ поспѣшно извѣстили всѣхъ членовъ Импера-

[1]) Въ данное время разстояніе отъ вокзала до виллы значительно, и вѣроятно вокзалъ былъ въ другомъ мѣстѣ.

торскаго семейства, которые черезъ нѣсколько мгновеній собрались въ комнатѣ больного. Великій Князь имѣлъ еще настолько сознанія, что поблагодарилъ свою невѣсту принцессу Дагмару за то, что она пожелала прибыть сюда. Въ девять часовъ онъ причастился Св. Тайнъ и съ тѣхъ поръ Августѣйшій больной началъ мало-по-малу приближаться къ своему смертному часу.

12 апрѣля. Наслѣдникъ Цесаревичъ скончался нынѣшней ночью въ часъ въ объятьяхъ Императора и Императрицы. Королева Датская, принцесса Дагмара и члены Императорской семьи окружали Ихъ Величествъ, которые перенесли тяжкую потерю съ твердостью и смиреніемъ. Утромъ была совершена заупокойная служба въ комнатѣ, гдѣ скончался Цесаревичъ въ присутствіи всего Императорскаго семейства.

По полученіи извѣстія о кончинѣ Императоръ Наполеонъ III и Императрица Евгенія по телеграфу выразили свое глубокое соболѣзнованіе, къ чувствамъ которыхъ присоединилась и вся Франція.

Въ среду состоялось перенесеніе тѣла усопшаго Наслѣдника изъ Виллы Бельмонтъ въ русскую церковь. Въ назначенный часъ Государь Императоръ въ сопровожденіи членовъ своей семьи, лицъ свиты Его Величества и лицъ, состоявшихъ при покойномъ Великомъ Князѣ, собственноручно поднялъ тѣло съ смертнаго одра и положилъ его въ гробъ. Духовенство совершало заупокойныя молитвы, богослуженіе по обряду православной вѣры съ его особымъ пѣніемъ производило сильное впечатлѣніе на массу народа, собравшуюся близъ виллы. Въ числѣ присутствующихъ, кромѣ высшихъ сановниковъ русскихъ и французскихъ и мѣстной русской колоніи, было много русскихъ, пріѣхавшихъ изъ Парижа.

Четверть часа спустя альпійскіе стрѣлки, бывшіе въ народѣ, взяли на караулъ, рожки заиграли походъ, возвѣщая выносъ гроба, который, поддерживаемый Императоромъ, его сыновьями и сановниками, былъ установленъ на колесницу и закрытъ покровомъ. На крышкѣ гроба, обитаго золотой парчею, лежала сабля Великаго Князя и его кепи съ бѣлымъ султаномъ. Кортежъ двинулся въ установленномъ порядкѣ: шествіе открывалъ отрядъ конныхъ жандармовъ; генералъ Кореаръ въ парадной формѣ, имѣя ленту русскаго ордена Св. Анны, ѣхалъ верхомъ впереди сухопутныхъ и морскихъ войскъ. Государь слѣдовалъ за гробомъ пѣшкомъ, за нимъ слѣдовали Великія Князья Александръ, Владиміръ и Алексѣй и герцоги Гессенъ-Дармштадт-

скій, Мекленбургъ-Стрѣлицкій и Лейхтенбергскій. Императрица ѣхала въ каретѣ.

По прибытіи въ церковь гробъ былъ снятъ Императоромъ при помощи членовъ Императорской семьи и поставленъ въ церковь подъ балдахинъ. Чины Двора, бывшіе при кистяхъ колесницы, помѣстились по угламъ катафалка, имѣя около себя по офицеру. Орденскіе знаки лежали на бархатныхъ подушкахъ, кейзеръ-флагъ Наслѣдника помѣщенъ противъ алтаря. Балдахинъ былъ обтянутъ малиновымъ бархатомъ и украшенъ золотой бахрамой и кистями, на верху возвышалась корона.

Въ виду ограниченныхъ размѣровъ храма, только русскіе чины и французскія власти извѣстныхъ чиновъ были допущены въ церковь, прочимъ лицамъ выражена была благодарность камергеромъ двора, и они разошлись.

Какъ только Ихъ Величества заняли мѣста по правую сторону отъ алтаря, началось богослуженіе. Ихъ Величества неоднократно преклоняли колѣна.

Скорбь, которую они едва сдерживали, сообщалась всѣмъ присутствовавшимъ, ихъ сдержанность, несмотря на гнетущую ихъ тоску, придавала еще болѣе величія этой печальной церемоніи. По окончаніи церковной службы Императоръ приблизился къ гробу, вмѣщавшему въ себѣ столько любви и разбитыхъ надеждъ, и поцѣловалъ въ чело и въ руки своего сына. Затѣмъ мы были свидѣтелями, какъ Императрица, собравъ свои силы, поднялась также на ступени эстрады и устремила на свое дитя взглядъ, выраженіе котораго невозможно описать. Нѣсколько разъ принималась она цѣловать послѣдними лобзаніями своего сына. Императоръ принужденъ былъ вывести ее изъ этого раздирающаго душу созерцанія. Сцена эта тяжело отразилась на присутствующихъ.

Религіозная церемонія окончилась около десяти часовъ. Ихъ Величества оставили церковь и отправились въ мѣсто своего пребыванія.

Датская королева и ея дѣти уѣхали послѣ этого изъ Ниццы.

Въ пятницу тѣло усопшаго Великаго Князя было торжественно перенесено на фрегатъ „Александръ Невскій", который немедленно снялся съ якоря и отплылъ въ сопровожденіи двухъ другихъ военныхъ судовъ въ Кронштадтъ.

Манифестъ по поводу кончины:

„Божіею милостію, Мы, Александръ Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Всевышнему угодно было поразить Насъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій Сынъ Нашъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ скончался въ г. Ниццѣ сего апрѣля въ 12-й день послѣ тяжкихъ страданій.

Болѣзнь, постигшая Его Императорское Высочество еще въ началѣ прошедшей зимы во время совершаемаго путешествія по Италіи, не представлявшая повидимому опасеній за столь драгоцѣнную Намъ жизнь, хотя медленно, но казалось уступала дѣйствію предпринятаго леченія и вліянію южнаго климата, когда внезапно появившіеся признаки явной опасности побудили Насъ поспѣшить отъѣздомъ изъ Россіи. Въ глубокой скорби Нашей Мы имѣли утѣшеніе свидѣться съ Любезнѣйшимъ Сыномъ Нашимъ до Его кончины, поразившей Насъ и весь Домъ Нашъ ударомъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ и сильнымъ, что печальному событію сему суждено было совершиться на чужбинѣ вдали отъ Нашего Отечества. Но покоряясь безропотно Промыслу Божію, Мы молили Всемогущаго Творца вселенныя, да дастъ Намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею Намъ ниспосланной. Въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ вѣрные Наши подданные раздѣлятъ съ Нами душевную скорбь Нашу, Мы въ немъ лишь находимъ утѣшеніе и призываемъ ихъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ Нами моленіямъ о упокоеніи души возлюбленнаго Сына Нашего, оставившаго міръ сей среди надеждъ, Нами и всею Россіею на Него возложенныхъ. Да осѣнитъ Его десница Вышняго въ мірѣ лучшемъ, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали.

Лишившись первороднаго сына и прямаго пріемника Нашего, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы на точномъ основаніи закона о Престолонаслѣдіи провозглашаемъ второго сына Нашего Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Александровича Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Данъ въ городѣ Ниццѣ въ двѣнадцатый день апрѣля въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ пятое, Царствованія же нашего въ одиннадцатое. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано Александръ".

Приказъ по войскамъ гвардіи апрѣля 14-го 1865 года.

Государь Императоръ телеграммою изъ Ниццы Высочайше повелѣлъ Мнѣ передать всей гвардіи депешу, которою Его Величество удостоилъ командира лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка по случаю полкового праздника:

„Въ глубокой скорби, Шефъ Вашъ, помня день полкового праздника, поздравляетъ Своихъ молодцовъ гренадеръ. Поручаю всей Моей гвардіи молиться за упокой души Того, который со дня рожденія имѣлъ честь считаться въ ея рядахъ“.

Телеграмма подписана *Александръ*.

Стихотворенія на кончину Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича:

I.

Великой скорби пробилъ часъ!
Плачь, неутѣшная Россія!
Державный юноша угасъ
И съ Нимъ надежды дорогія...
Какъ много, много обѣщалъ
Онъ рѣдкимъ чуднымъ совпаденіемъ
Высокихъ нравственныхъ началъ
Съ прекраснымъ свѣтлымъ направленіемъ!
Вдохнула любящая Мать
Въ него въ добро живую вѣру,
Учился правду уважать
Онъ по отцовскому примѣру,
Глубоко истину любя.
Чтилъ свято мысли онъ свободу
И разливалъ вокругъ себя
Любовь горячую къ народу.
Готовясь къ лучшему вѣнцу,
Всѣхъ лучшихъ качествъ обладатель,
Онъ былъ бы славному Отцу
Въ дѣлахъ благихъ соревнователь.
И вотъ Его ужъ съ нами нѣтъ!
Угасли силы молодыя
Въ разгарѣ жизни, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Плачь, неутѣшная Россія.
Тамъ далеко въ предсмертный часъ
Къ тебѣ онъ мыслями стремился

И за тебя въ послѣдній разъ
Слезами теплыми молился.
И Провидѣнье снизойдетъ
Къ мольбѣ, грѣхомъ не отягченной,
И солнце новое возжжетъ
Надъ Русью, горемъ омраченной.

Ф.

II.

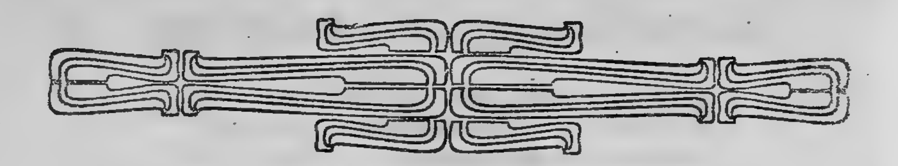
Давно-ль, надеждъ святыхъ полна,
Его, на путь въ края чужіе,
Благословляла вся Россія
Его наслѣдная страна?
О немъ горячія молитвы
Народъ спокойно возсылалъ,
Отъ насъ Наслѣдникъ уѣзжалъ
Не въ вражій станъ, не въ поле битвы
Прощался Онъ съ отцомъ Царемъ,
И оставлялъ страну родную,
Чтобъ ввесть подругу молодую
Въ Благословенный Царскій домъ.
Мечтали мы о счастьѣ, славѣ,
Сердца вкушали сладкій миръ
И Царь готовилъ брачный пиръ
Своей семьѣ, Своей державѣ.
И вотъ подругу Онъ избралъ
Звѣзду и сердцемъ и красою:
Не даромъ „Утренней зарею“
Ее отецъ именовалъ.
Давно-ль вѣсть радостная эта
По всей отчизнѣ пронеслась,
И дружно Русь отозвалась
На слово Царскаго привѣта.
Но вотъ надъ нашей головой
Все также ясенъ цвѣтъ лазури,
Въ природѣ миръ, не слышно бури,
А въ сердцѣ скорбь и мракъ ночной.
Пришла изъ Ниццы вѣсть другая,
Какъ громъ, нагрянула бѣда;
Онъ насъ оставилъ навсегда,
Его болѣзнь сразила злая.
Угаснулъ Онъ въ странѣ чужой,

Покрылись блѣдностью ланиты,
Его глаза на вѣкъ закрыты
Невѣсты нѣжною рукой.
Угаснулъ Онъ подъ небомъ Ниццы
Вдали отъ насъ. Лишь бренный прахъ
Плыветъ покоиться въ стѣнахъ,
Одѣтой трауромъ, столицы.
О Мать! Грусти и слезы лей!
Твоя слеза—слеза святая,
Ее премудрость всеблагая
Дала усладою скорбей.
Какъ человѣкъ, скорбя душою,
И ты, Отецъ, грусти, рыдай!
Какъ Царь будь твердъ! Не забывай,
Что Твой народъ грустить съ Тобою.
Горѣ Вашъ взоръ! Горѣ сердца!
О, будьте полны упованья!
Есть лучшій міръ, гдѣ нѣтъ страданья,
Страна, гдѣ жизни нѣтъ конца,
Туда Вашъ сынъ отозванъ Богомъ,
И вѣримъ мы, конечно, Онъ
Ему земной замѣнитъ тронъ
Небеснымъ, блещущимъ чертогомъ...
А ты, съ которой думалъ Онъ,
Соединясь на вѣки, вскорѣ
Дѣлить и радости и горе,
Прими привѣтъ нашъ и поклонъ
За то, что Ты Его любила
И что послѣдній жизни часъ
Тому, кто дорогъ былъ для насъ,
Своею любовью усладила.

В. Бажановъ.

Сообщилъ **Виталій Андро-де-Бюи-Гингляттъ.**

Изъ записокъ 1877—78 г.г.[1]).

Перечитывая записки, веденныя кѣмъ бы то ни было во время военно-походной жизни 1877/8 гг., равно и собственныя свои и сопоставляя ихъ съ тѣми извѣстіями, которыя получаются съ театра нынѣшней великой міровой войны, нельзя не видѣть, въ какой степени та наша освободительная война прошла сравнительно тихо и даже, не грѣшно выразиться сильнѣе,—мирно. На это ясно и твердо указываютъ крайне интересныя воспоминанія бывшаго адъютанта Его Высочества Дмитрія Антоновича Скалона и друг.

Бурныя событія, о которыхъ нынѣ ежедневно приходятъ извѣстія изъ Франціи, Бельгіи, Сербіи, Черногоріи, Галиціи и изъ нашей, ставшей многострадальною, Польши, даютъ столько элементовъ, тревожащихъ нервы, что положительно на строкахъ самыхъ тяжелыхъ извѣстій, оказавшихся занесенными въ тѣ прошлые годы, приходится, по сравненію, рѣшительно отдыхать.

То были другія времена, съ инымъ врагомъ мы имѣли тогда дѣло и кампанія тогда велась арміей, теперь же ведется народомъ. Что касается тогдашняго поведенія по отношенію къ намъ нѣмцевъ вообще, то всѣ были убѣждены въ обязательности для нихъ невольной сдержанности, такъ какъ нѣмцу Францъ Іосифскому путь былъ указанъ предстоявшимъ полученіемъ вознагражденія (какъ нынѣ стали называть компенсаціи), Вильгельмовскій же нѣмецъ былъ, какъ всѣ тогда думали, навсегда крѣпко связанъ благодарностями за оказанную ему нашимъ Государемъ незадолго передъ тѣмъ неслыханную услугу.

---

[1]) Значительная часть этихъ записокъ была воспроизведена въ повременныхъ изданіяхъ. Не напечатанная ихъ часть предлагается вниманію читателей. *Ред.*

До какой степени у насъ въ арміи вѣрили развившемуся въ Германіи чувству благородной признательности, можно себѣ составить понятіе между прочимъ по нѣкоторымъ мелочамъ, сказывавшимся во взглядахъ на характеръ поддержки, будто бы получавшейся нами отъ Гогенцоллерна.

Среди массы служившихъ въ штабѣ Великаго Князя Главнокомандующаго, находилось немало лицъ, отличавшихся недюжиннымъ остроуміемъ; ихъ „крылатыя словца" передавались изъ устъ въ уста и сохранились потомству почти наравнѣ съ тѣми, которыя перешли къ намъ отъ извѣстнаго остроумца севастопольскихъ временъ, — князя Меншикова, не стѣснявшагося въ дѣлѣ острословія ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ.

Однажды, вскорѣ послѣ перехода главной квартиры Великаго Князя въ мѣстечко Боготъ, одинъ очень высокостоявшій генералъ, съ большимъ именемъ, сказалъ среди разговора Великому Князю: слава Богу, теперь пошли у насъ удачи, благодаря тому, что русскій Богъ и нѣмецкій Готъ соединились—Боготъ—Богъ, Готъ. Великій Князь разсмѣялся, спросилъ, кто изощрился въ такой остротѣ, при чемъ сказалъ: острота очень удачная, и я ее при первомъ же удобномъ случаѣ разскажу Государю, но Вильгельму не повторю, — старикъ можетъ возмечтать о себѣ и о своей справедливости. Если онъ и искренно желаетъ съ полнымъ благородствомъ отблагодарить нашего Государя, Бисмаркъ не дастъ ему быть твердымъ исполнителемъ этого; а въ сущности, добавилъ Великій Князь, Богъ знаетъ, можетъ быть и самъ старикъ таитъ что-либо другое, придерживая на всякій случай противъ насъ камень подъ порфирой. Бисмаркъ хотя срывается лишь изрѣдка, а, конечно, своей плутовской роли не выдержитъ до конца. Игнатьевъ правъ,—канцлеръ, именуемый желѣзнымъ, скоро окончательно обозначится въ томъ, что между нимъ и „благодарнымъ" старцемъ замышляется,—что имъ установлено, а старцемъ будетъ безпрекословно принято къ исполненію. Иногда, какъ бы чувствуется, что Государемъ овладѣло нѣкоторое сомнѣніе; въ этомъ ферфлюхтерскомъ дѣлѣ онъ, видимо, подозрѣваетъ неладное и, конечно, правильно оцѣнитъ измышленную тобой остроту; Государь лучше и яснѣе насъ видитъ, какъ великій Богъ земли русской отталкиваетъ подозрительную надежду Вильгельма на своего Гота...

Черезъ четыре дня послѣ взятія Плевны—2-го декабря 1877 года, Государь произвелъ подъ валами этого города парадъ войскамъ, вынесшимъ на своихъ могучихъ плечахъ осадное сидѣнье, завершившееся счастливымъ событіемъ. Къ участію въ парадѣ, по просьбѣ князя Карла, были привлечены и румынскія войска, занимавшія съ нами плевненскія позиціи. Государь показалъ имъ много вниманія, чѣмъ очаровалъ и самого Карла и начальниковъ частей его арміи. Не пропустилъ Государь, конечно, оказать массу ласки отличившимся вообще въ дѣлахъ подъ Плевной, а особенно въ дѣлѣ 28-го числа ноября нашимъ бойцамъ, заслужившимъ Георгіевскіе кресты; такъ между прочимъ Государь обласкалъ генераловъ—командира Гренадерскаго корпуса Ганецкаго, его начальниковъ дивизій — 2-ой Цвѣцинскаго и 3-ей Квитницкаго, начальника артиллеріи корпуса Рейнталя, командира 2-ой гренадерской артиллерійской бригады Щеголева, которому, между прочимъ, сказалъ: „я очень радъ „повидать тебя здѣсь среди героевъ Плевны и еще разъ взглянуть на тебя и на тотъ Егорьевскій крестъ, который мнѣ довелось съ особымъ удовольствіемъ снять со своей груди и „послать тебѣ четверть вѣка тому назадъ послѣ отличія, оказаннаго тобою въ чинѣ прапорщика при бомбардированіи „Одессы“.

Затѣмъ въ свитѣ главнокомандующаго Государь высмотрѣлъ большую часть тѣхъ офицеровъ и генераловъ, которыхъ ему давно не пришлось видѣть по случаю ихъ отсутствія изъ главной квартиры, въ отряды дѣйствовавшіе въ Балканахъ; каждаго изъ нихъ Государь въ подробностяхъ разспросилъ о положеніи дѣлъ у Гурко, Радецкаго, Скобелева и у другихъ военачальниковъ, геройски открывавшихъ намъ въ то время пути за Балканы.

Въ тотъ же день Государь, попрощавшись съ Великимъ Княземъ, выбылъ изъ главной квартиры въ штабъ начальника Рущукскаго отряда—Цесаревича; тамъ Государь, на другой день, попрощавшись съ нимъ, съ его войсками и съ Великимъ Княземъ Владиміромъ, отбылъ въ Букарестъ черезъ Дунай, гдѣ повидалъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, и затѣмъ, 4-го числа выѣхалъ черезъ Унгены въ Россію.

Прощаясь съ августѣйшими сыновьями и передавая имъ, заслуженныя ими, боевыя награды, Государь обратился къ военному министру генералъ-адъютанту Милютину со словами: я полагаю, Дмитрій Алексѣевичъ, что мною заслужена какая-

либо боевая награда, хотя бы за долготерпѣніе, показанное мною въ полугодовомъ сидѣньи тутъ, при нашей славной арміи.

Д. А. Милютинъ, не задумавшись, сказалъ съ большою радостью, что, по всей справедливости, Государю должно принадлежать право полученія золотой сабли, украшенной бриллiантами, но Государь, довольно рѣзко, или вѣрнѣе очень серьезно отвѣтилъ: нѣтъ, я просто заслужилъ золотую саблю и буду гордиться носить ее.—Тутъ же нашелся у кого-то въ запасѣ георгіевскій темлякъ; Государь его навѣсилъ на эфесъ сабли, съ которой былъ въ пути.

Уже въ Букарестѣ, прослышавши о „полученной" Государемъ наградѣ, провожавшіе Его Величество офицеры гвардейскаго отряда, несшаго во все время войны конвойную службу при Государѣ, обратились съ ходатайствомъ дать имъ разрѣшеніе поднести Его Величеству золотое оружіе; Государь милостиво далъ на это свое согласіе, поблагодарилъ ихъ и тутъ же сказалъ: я конечно буду это все твердо помнить, но хочу, чтобы сабля та носила на память выгравированныя имена ваши;—затѣмъ, уже подойдя къ вагону, чтобы садиться, Государь снова повернулся къ офицерамъ и сказалъ: не забудьте Савина; я хочу, чтобы и онъ съ вами былъ участникомъ этого дорогого для меня событія [1]). Я надѣялся его повидать здѣсь въ Букарестѣ, но сейчасъ мнѣ сообщилъ Дрентельнъ [2]), что, вмѣстѣ съ другими ранеными, эвакуированъ на дняхъ и онъ;—воспользовались возможностью перевозки его по случаю наступившаго большого облегченія состоянія раны. Богъ дастъ, увижу его тамъ, дома.

Но увидѣть не довелось: пока Государь доѣхалъ, пока за неотложными дѣлами своими собирался навѣстить тяжко раненаго—онъ 22-го декабря въ тяжелыхъ мученіяхъ скончался отъ ранъ.

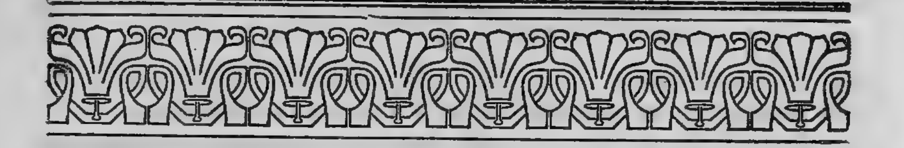
Е. К. Андреевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Шт.-кап. Петръ Ѳедоровичъ Савинъ состоялъ въ гвардейскомъ конвоѣ отъ гвардейской конной артиллеріи съ самаго начала кампаніи.—22 августа, въ сраженіи подъ Ловчей, онъ былъ раненъ въ правый бокъ на вылетъ и, проболѣвъ четыре мѣсяца, умеръ отъ раны, не получивъ ожидавшагося излѣченія, въ которомъ врачи были все время увѣрены, какъ въ неизмѣнно вѣрномъ по состоянію раненія.

[2]) Генералъ-адъютантъ Александръ Романовичъ—командовалъ тыломъ дѣйствующей арміи (въ Букарестѣ).

Послѣдніе дни и послѣднія письма героя Шипки Ѳ. Ѳ. Радецкаго.

Въ началѣ августа 1889 года, командовавшій тогда войсками Кіевскаго военнаго округа, Ѳ. Ѳ. Радецкій, слѣдуя въ Кіево-Печерскую Лавру во главѣ, пришедшаго въ этотъ день на стоянку въ Кіевъ, 27-го драгунскаго Кіевскаго полка [1]), неожиданно упалъ вмѣстѣ съ поскользнувшейся лошадью на каменныя плиты Лаврскаго двора и настолько серьезно повредилъ себѣ правую ногу, что вынужденъ былъ, по настоянію пользовавшихъ его врачей, оставаться долгое время въ кровати, а затѣмъ—на кушеткѣ, безъ всякаго движенія.

Въ такомъ положеніи провелъ Ѳ. Ѳ. Радецкій и 13-ое августа 1889 года—знаменательный для него день пятидесятилѣтія его службы въ офицерскихъ чинахъ, получивъ многочисленныя поздравленія со всѣхъ концовъ Россіи и удостоившись, нѣсколько запоздавшаго и доставленнаго только въ 11-ть часовъ вечера, Высочайшаго рескрипта, которымъ онъ отчислялся отъ должности командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа и назначался членомъ Государственнаго Совѣта.

Разлука съ любимыми и близкими ему войсками и неожиданное отстраненіе его отъ хорошо знакомой и живой дѣятельности вождя и начальника глубоко опечалили и потрясли доблестнаго Ѳедора Ѳедоровича, посвятившаго всю свою жизнь, талантъ и силы родному и понятому имъ русскому солдату. Онъ почувствовалъ во всемъ этомъ скрытую интригу, принялъ свое новое назначеніе въ Государственный Совѣтъ, какъ почет-

[1]) Полкъ слѣдовалъ въ Лавру подъ благословеніе кіевскаго митрополита Платона.

ную отставку, и, покорившись волѣ Монарха, выѣхалъ 30-го августа для поправленія здоровья изъ Кіева въ Крымъ, гдѣ оставался до 20-хъ чиселъ ноября.

Въ Крыму, страдая морально, онъ одновременно былъ поглощенъ и заботами объ устройствѣ своихъ денежныхъ дѣлъ. Имѣя большую семью и будучи отъ природы человѣкомъ добрымъ и отзывчивымъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ проживалъ и раздавалъ буквально все, что получалъ отъ казны, и не имѣлъ никакихъ средствъ, кромѣ маленькаго капитала, образовавшагося отъ продажи пожалованной ему земли на Кавказѣ и завѣщаннаго имъ еще при жизни женѣ и дѣтямъ. При такихъ условіяхъ уходъ изъ Кіева и переѣздъ на постоянное жительство въ Петербургъ или какой-нибудь другой городъ требовалъ огромныхъ съ его стороны расходовъ въ смыслѣ найма подходящей квартиры, пріобрѣтенія обстановки и обзаведенія всѣмъ необходимымъ, составлявшимъ неизмѣнную принадлежность полагавшихся ему раньше казенныхъ помѣщеній.

Ко всему этому присоединились и легкія недомоганія, не угрожавшія, впрочемъ, еще опасностью для жизни.

Измученный нравственно и физически, въ 20-хъ числахъ ноября Ѳедоръ Ѳедоровичъ выѣхалъ изъ Крыма сначала въ Одессу, которую рѣшилъ избрать мѣстомъ своего жительства, а оттуда—въ Петербургъ, гдѣ представился Государю, закончилъ всѣ формальности по вступленію своему въ Государственный Совѣтъ и началъ хлопотать черезъ командовавшаго тогда Императорской главной квартирой, генералъ-адъютанта Рихтера, о полученіи единовременнаго пособія въ 20.000 рублей на устройство дома и хозяйства въ Одессѣ.

Къ этому времени и относятся публикуемыя ниже письма, написанныя имъ въ Варшаву ко второй женѣ его Серафимѣ Петровнѣ, рожденной Лебедевой.

Потрясеніе, вызванное неожиданнымъ уходомъ изъ Кіева, непріятныя заботы объ улучшеніи затруднительнаго матеріальнаго положенія, усиленныя хлопоты въ Петербургѣ, связанныя съ постоянными разъѣздами и волненіями, а главное—случайное выясненіе тайныхъ интригъ, вызвавшихъ отчисленіе его отъ должности командующаго войсками и назначеніе въ Государственный Совѣтъ, все это, вмѣстѣ взятое, сломили могучую натуру Ѳедора Ѳедоровича, неблагопріятно повліяли на дѣятельность его больного сердца и вызвали роковой конецъ, горько оплаканный лучшими людьми Россіи.

Уже 12-го декабря онъ почувствовалъ первые приступы сердечной болѣзни, но, не желая пугать жену, по свойственной ему деликатности, продолжалъ писать и телеграфировать ей въ Варшаву, что онъ здоровъ.

14-го декабря, чувствуя себя совсѣмъ плохо, онъ рѣшилъ покинуть ненавистный ему Петербургъ и выѣхалъ въ Варшаву, куда прибылъ 15-го вечеромъ, мучимый приступами сильнѣйшаго удушья.

Изъ дома родственниковъ своей жены—Лебедевыхъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ перевезенъ въ каретѣ въ гостиницу на Зеленой площади, гдѣ вызванные къ нему лучшіе врачи Варшавы—Карвовскій, спеціалистъ по сердечнымъ болѣзнямъ—Павинскій и Барановскій, опредѣлили у него тяжелую форму склероза вѣнечныхъ сосудовъ и сердечной аорты. Съ этого момента началась борьба между жизнью и смертью; въ теченіе двухъ съ лишнимъ недѣль жестокіе припадки не оставляли измученнаго тѣла, но могучій организмъ не сдавался, и, задыхаясь, больной не терялъ сознанія и сохранялъ полную память. Въ описанный періодъ его неоднократно навѣщалъ варшавскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками Варшавскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ Гурко, бывшій его подчиненный по Харьковскому округу генералъ-лейтенантъ Тяжельниковъ и многіе другіе сослуживцы и почитатели, опечаленные его внезапной болѣзнью.

Въ первыхъ числахъ января 1890 года Ѳедору Ѳедоровичу стало лучше, и онъ началъ просить докторовъ отправить его поскорѣе на югъ. Обрадованные наступившимъ улучшеніемъ, доктора изъявили свое согласіе, и утромъ 12-го января Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ привезенъ въ Одессу женой, дочерью, свояченицей и, спеціально взятымъ для этой цѣли, докторомъ Гольдъ.

Въ первый день своего пребыванія въ Одессѣ больной чувствовалъ себя хорошо, разговаривалъ, шутилъ и даже немного спалъ, полулежа, какъ всегда, на кушеткѣ.

На второй день, 13-го января, ухудшенія въ его состояніи тоже не замѣчалось. Днемъ онъ даже собирался съ визитомъ къ командовавшему тогда войсками Одесскаго военнаго округа генералу-отъ-инфантеріи Х. Х. Роопъ и, потребовавъ свой парадный мундиръ, самъ надѣвалъ на него ордена.

Наступилъ вечеръ. По настоянію Ѳедора Ѳедоровича, дочь его—Наталья Ѳедоровна и свояченица—Татьяна Петровна Лебедева отправились въ театръ, куда послѣдовалъ за ними и докторъ Гольдъ, очень скоро, впрочемъ, вернувшійся и сѣвшій

пить чай по сосѣдству въ столовой. Съ больнымъ оставалась все время жена его—Серафима Петровна.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи Ѳедоръ Ѳедоровичъ внезапно прервалъ начатый имъ разговоръ и судорожно откинулся на спинку дивана. Испуганная жена подошла къ нему, взяла его за руку и спросила, что съ нимъ такое.

— „Начало конца", отвѣтилъ слабымъ голосомъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и лицо его стало быстро блѣднѣть... На крикъ о помощи прибѣжалъ докторъ Гольдъ, черезъ десять минутъ явился, жившій неподалеку, докторъ Филиповичъ, но всѣ ихъ усилья были тщетны и не могли оживить страдальца...

Въ 11 часовъ 55 минутъ ночи благородная душа русскаго вождя и героя Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго отошла къ призвавшему ее Богу...

Въ заключеніе необходимо сказать, что хлопоты Ѳедора Ѳедоровича о выдачѣ ему единовременнаго пособія на устройство личныхъ дѣлъ увѣнчались успѣхомъ, и еще въ декабрѣ 1889 года онъ получилъ письмо отъ командовавшаго тогда Императорской главной квартирой, генералъ-адъютанта Рихтера, нижеслѣдующаго содержанія:

Многоуважаемый Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Спѣшу васъ увѣдомить, что Государю Императору благоугодно было приказать мнѣ препроводить къ вашему высокопревосходительству 25.000 рублей на устройство дома и хозяйства въ Одессѣ.

Такъ какъ денегъ у меня нѣтъ, то я написалъ статсъ-секретарю Ренненкампфу и извѣщу васъ, какъ только получу означенную сумму изъ собственной Его Величества канцеляріи.

Пользуюсь случаемъ, чтобы просить васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

О. Рихтеръ.

12-го декабря 89.

Три послѣднихъ письма героя Шипки—Ѳ. Ѳ. Радецкаго.

Только въ Псковѣ я увидѣлъ чистое небо, потомъ опять пошли хмары и туманы. Въ Петербургъ я пріѣхалъ въ 5 часовъ и сейчасъ же отправился въ Грандъ-Отель. Пообѣдавши здѣсь, я поѣхалъ на телеграфную станцію, во дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича и въ главную квартиру. Узналъ, что у

Рихтера [1]) надо быть въ 11-ть утра, а у Михаила Николаевича — въ 12-ть утра въ субботу. Вечеръ я провелъ у Кауфмана [2]), игралъ въ ералашъ, при чемъ проигралъ 3 рубля, и узналъ, что Государь приказалъ къ 10.000 прибавить мнѣ еще 3.000; это на квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Въ полночь пріѣхалъ домой и легъ спать. Такъ окончилъ я первый вечеръ пребыванія моего въ столицѣ.

На другой день, т.-е. въ субботу, всталъ въ 8, умылся, одѣлся въ парадную форму, взялъ карету и поѣхалъ къ Рихтеру. Объяснилъ ему подробно мое перпендикулярное положеніе и что безъ значительныхъ субсидій отъ казны я не могу даже устроиться въ Одессѣ на жительство. Онъ обѣщалъ все это изложить предварительно Государю и сообщилъ, что въ среду 6-го декабря Государь будетъ здѣсь на полковыхъ праздникахъ нѣкоторыхъ частей, и въ томъ числѣ — Императорскаго баталіона въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ я могу представиться Ему и Государынѣ.

Отъ него поѣхалъ къ Михаилу Николаевичу, который мнѣ сказалъ, что Государь изъявилъ согласіе на Одессу, такъ что ты можешь телеграфировать Лагоріо [3]), чтобы онъ приступилъ къ дѣлу. Вернувшись домой, надѣлъ сюртукъ и поѣхалъ къ Савельеву [4]) поблагодарить за стихи и къ Орловскому [5]), гдѣ обѣдалъ и выигралъ 6 копѣекъ. Такъ кончился второй день пребыванія моего въ столицѣ.

Сегодня, вставши, я одѣлся, умылся, надѣлъ обыкновенную форму и пошелъ пѣшкомъ къ Половцеву — государственному секретарю. Съ нимъ вмѣстѣ мы рѣшили, что я завтра буду въ засѣданіи Совѣта, гдѣ окончательно будутъ оформлены перенесеніе содержанія въ Одессу и прочія формальности.

Отъ Половцева пошелъ къ Дурново [6]) поблагодарить его

---

[1]) Командовавшій тогда Императорской главной квартирой.

[2]) Кауфманъ, Михаилъ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, товарищъ Ѳ. Ѳ. по Главному Инженерному училищу.

[3]) Лагоріо, Карлъ Феликсовичъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, товарищъ Ѳ. Ѳ. по службѣ на Кавказѣ.

[4]) Савельевъ, Александръ Ивановичъ, младшій офицеръ кондукторской роты Главнаго Инженернаго училища въ бытность тамъ кондукторомъ Ѳ. Ѳ. Радецкаго.

[5]) Орловскій, Николай Осиповичъ, генералъ-лейтенантъ, товарищъ Ѳ. Ѳ. по Главному Инженерному училищу.

[6]) Дурново, Иванъ Николаевичъ, статсъ-секретарь и Главноуправляющій Собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

за содѣйствіе о Сошальскомъ [1]). Дурново сказалъ, что употребитъ все вліяніе, чтобы назначеніе его въ Польшу состоялось, несмотря на то, что поведеніе его студентомъ сильно его компрометтируетъ. О Костѣ [2]) сказалъ, что—рано и что ему надо гдѣ-нибудь послужить, чтобы набраться житейской мудрости.

Потомъ пошелъ къ Бобрикову [3]), чтобы онъ пустилъ въ ходъ дѣло объ Инспекторѣ пѣхоты, но не засталъ его дома. Былъ — все пѣшкомъ — у Гирса [4]), Вышнеградскаго [5]), Обручева [6]), Михневича [7]), Леера [8]), Грессера [9]), графини Блудовой [10]) и проч., и проч., и проч. и пришелъ домой, гдѣ и обѣдалъ.

У меня былъ Теодоръ [11]).

Вотъ тебѣ, душа моя, отчетъ о третьемъ днѣ пребыванія моего въ Сѣверной Пальмирѣ. Здѣсь легкій морозъ, но сухо и хорошо. Здоровъ и веселъ, чего и тебѣ съ Наташей желаю. Поцѣлуй ручки у Александры Сергѣевны [12]), Миму, Лидію и Таню [13]) милѣйшую.

Твой Θ. Радецкій.

Костѣ [14]) пишу.

Воскресеніе, 7 часовъ вечера.

Милая моя, хорошая. Я получилъ вчера вечеромъ твои два письма, изъ которыхъ видно, что тебя таки посѣтила инфлуэнція. Да и изъ приписки Наташи [15]) видно, что и она въ этотъ

[1]) Розальонъ-Сошальскій, Д. Г. — зять Θ. Θ., женатый на дочери его Ольгѣ Θедоровнѣ.

[2]) К. К. Радецкій— племянникъ Θ. Θ.

[3]) Бобриковъ, Николай Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ Штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

[4]) Гирсъ, Николай Карловичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ.

[5]) Вышнеградскій, Иванъ Алексѣевичъ, министръ финансовъ.

[6]) Обручевъ, Николай Николаевичъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ Главнаго Штаба.

[7]) Михневичъ, Николай Петровичъ, старшій адъютантъ Штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго округа.

[8]) Лееръ, Генрихъ Антоновичъ, генералъ-лейтенантъ, профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба и начальникъ ея послѣ М. И. Драгомирова.

[9]) С.-Петербургскій градоначальникъ.

[10]) Фрейлина Государыни Императрицы.

[11]) Радецкій—сынъ Θ. Θ., капитанъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

[12]) А. С. Лебедева—теща Θ. Θ.

[13]) Свояченицы Θ. Θ.—сестры его второй жены.

[14]) К. Θ. Радецкій—братъ Θ. Θ.

[15]) Дочь Θ. Θ.—Наталья Θедоровна; умерла въ Омскѣ, заразившись тифомъ отъ переселенцевъ, за которыми ухаживала въ качествѣ сестры милосердія.

вечеръ не хорошо себя чувствовала. Это было 3-го декабря. Душа моя, не бравируй и не перемогайся. Это такая болѣзнь, что дня три посидѣть дома, немного хинина и пройдетъ, а если перемогаться, то можетъ произойти осложненіе.

Какъ телеграфировалъ, я вчера представлялся Государю и Государынѣ. По обыкновенію никакого разговора не было, а только — общія мѣста, но я успѣлъ поблагодарить Государя за разрѣшеніе жить въ Одессѣ. Я передъ тѣмъ говорилъ съ Рихтеромъ о моемъ перпендикулярномъ положеніи относительно денегъ, и онъ сегодня, въ четвергъ, доложитъ объ этомъ Государю и будетъ просить мнѣ на устройство 20 тысячъ. Это онъ обѣщалъ. Я сегодня вечеромъ къ нему поѣду и узнаю и если Государь согласится, то я тебѣ протелеграфирую.

Съ Бобриковымъ я говорилъ объ Инспекторѣ пѣхоты [1]). Это такой вопросъ, который немедленно не можетъ быть рѣшенъ, а я тогда подалъ мысль объ этомъ, которая можетъ быть осуществлена впослѣдствіи. Денщики изъ полка будутъ. Во всякомъ случаѣ я долженъ еще буду откланяться Государю въ Гатчинѣ и такъ какъ завтра — охота и пріема не будетъ, то придется сдѣлать это въ среду. Итакъ, душа моя милая, ты видишь, что мнѣ невозможно будетъ лично поздравить тебя съ днемъ твоего рожденія 12-го. Во всякомъ случаѣ я здѣсь ни одной минуты лишней не промедлю и вѣрь, что, какъ только можно будетъ, я стремглавъ полечу въ Варшаву. Протелеграфируй Лагоріо, чтобы онъ приступилъ къ дѣлу по нашей квартирѣ и—Эллерсу [2]), чтобы отправилъ вещи наши посредствомъ „Надежды“ въ Одессу по адресу Лагоріо и ему же отправилъ бы накладную.

Сейчасъ ѣду въ Государственную канцелярію, чтобы поторопить ее получить деньги по моему жалованію и прогонамъ. Цѣлую тебя, душа моя хорошая. Будь умница, береги себя и вѣрь моей любви къ тебѣ, моя хорошая и пригожая. Поцѣлуй Наташу и всѣхъ твоихъ.

Твой Ѳ. Радецкій.

7 декабря 89, Грандъ-Отель.

---

[1]) О предполагавшемся назначеніи Ѳ. Ѳ. Генералъ-Инспекторомъ пѣхоты.

[2]) Начальникъ штаба Кіевскаго военнаго округа.

10 декабря, Воскресеніе утромъ.

Теперь, милая душа моя, сижу здѣсь и жду рѣшенія Государя, сколько именно выдать мнѣ субсидіи. Какъ я уже тебѣ писалъ, въ четвергъ утромъ Рихтеръ докладывалъ Государю въ самыхъ яркихъ краскахъ общую картину моихъ передвиженій и объяснилъ, что я остался безъ всего и мнѣ, чтобъ устроиться, надо 20 тысячъ. Вечеромъ въ четвергъ я видѣлъ Рихтера, и онъ мнѣ сказалъ, что Государь выслушалъ все это благосклонно и оставилъ докладъ у себя, не высказавъ своего рѣшенія. Въ пятницу я былъ въ Гатчинѣ и представился Государю. Онъ одобрилъ мой выборъ, т. е. Одессу, но сказалъ, что на моемъ бы мѣстѣ Онъ предпочелъ Батумъ; однако о субсидіи ни слова не сказалъ. Спросилъ, гдѣ ты. Я сказалъ, что временно въ Варшавѣ у матери, и что я на обратномъ пути тебя въ Варшавѣ заберу и вмѣстѣ съ тобой поѣду въ Одессу. Государь пожелалъ намъ хорошаго житья въ Одессѣ и отпустилъ меня. Вернувшись изъ Гатчины, я собрался пить чай, какъ вдругъ ко мнѣ пріѣхалъ Рихтеръ и разспросилъ, что мнѣ сказалъ Государь. Узнавъ суть разговора, онъ одобрилъ, что я самъ не заикнулся о субсидіи, и обѣщалъ сегодня, т.-е. въ воскресеніе, въ бытность въ Гатчинѣ Государя подогрѣть насчетъ денегъ и вырвать окончательное рѣшеніе. Завтра я буду въ Государственномъ Совѣтѣ, тамъ увижу Рихтера и узнаю все. Если рѣшитъ и будетъ бумага, то во вторникъ въ манежѣ по случаю Спиридона, т. е. праздника Финляндскаго полка, откланяюсь Государю и Государынѣ, получу деньги и въ среду, 13 декабря, въ $1^1/_2$ дня сяду въ нашъ вагонъ и полечу къ тебѣ безъ остановки.

Цѣлую тебя. Во всякомъ случаѣ я тебѣ протелеграфирую. Сегодня цѣлый день буду сидѣть дома, отдыхать отъ мундировъ и визитовъ. Можетъ быть, Рихтеръ по возвращеніи своемъ изъ Гатчины увѣдомитъ меня о результатѣ. Я его просилъ ускорить выдачу денегъ, потому что безъ денегъ мнѣ выѣхать отсюда нельзя. Цѣлую тебя, моя прелесть. Цѣлую Наташу и всѣхъ твоихъ. Тороплюсь отправить письмо, чтобы оно пошло сегодня же съ почтовымъ поѣздомъ. Цѣлую тебя крѣпко.

Твой Ѳ. Радецкій.

Я здоровъ совсѣмъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву. Генеральшѣ Радецкой.

12 декабря, въ 7 час. 50 мин. утра.

„Поздравляю тебя, крѣпко цѣлую. Еще не знаю когда выѣду. Скучно. Цѣлую еще. Радецкій“.

Изъ Петербурга въ Варшаву. Генеральшѣ Радецкой.

13 декабря, 10 час. вечера.

„Вѣроятно завтра 14 выѣду почтовымъ. Здоровъ. Радецкій“.

Изъ Петербурга въ Варшаву. Генеральшѣ Радецкой.

14 декабря, 12 час. 56 мин. дня.

„Гряду почтовымъ, субботу буду. Радецкій“.

Факты, приведенные въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, показываютъ довольно ясно, что внезапная болѣзнь и смерть Ѳ. Ѳ. Радецкаго были вызваны исключительно тѣми неблагопріятными для него обстоятельствами, въ которыя онъ былъ поставленъ къ концу своей жизни неожиданнымъ отчисленіемъ его отъ должности командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа и устраненіемъ его отъ полувѣковой и любимой имъ дѣятельности.

Вопреки негласнымъ навѣтамъ двухъ-трехъ недоброжелателей, старавшихся превратить покойнаго героя въ немощнаго старика, неспособнаго занимать порученный ему высокій постъ, Ѳ. Ѳ. Радецкій до ухода изъ Кіева, несмотря на свои 69 лѣтъ, былъ крѣпокъ душой и тѣломъ, сохранялъ ясный, свѣтлый умъ и оставался для окружавшихъ его подчиненныхъ образцомъ воина и начальника.

Все говорило за то, что онъ проживетъ еще долгіе годы. Но неожиданное нравственное потрясеніе, глубокая скорбь и душевныя волненія при мысли о нанесенной ему незаслуженной обидѣ были слишкомъ сильны, слишкомъ чувствительны... Они застали его врасплохъ, поразили его своей неожиданностью и, нанеся жестокій ударъ его больному сердцу, только на самомъ краю могилы побѣдили его, непобѣдимаго...

Высказанная мысль о роковыхъ обстоятельствахъ, ускорившихъ кончину доблестнаго Ѳ. Ѳ. Радецкаго, была подтверждена не только многими лицами, близко знавшими покойнаго, но и

такимъ авторитетомъ, какъ профессоръ Кіевскаго университета Евгеній Ивановичъ Афанасьевъ, изложившій свое подробное по этому поводу мнѣніе въ помѣщаемомъ ниже письмѣ къ вдовѣ Ѳ. Ѳ. Радецкаго вскорѣ послѣ его смерти.

Кіевъ, 12-го февраля.

Многоуважаемая Серафима Петровна.

Смерть дорогого Ѳедора Ѳедоровича была для меня неожиданностью, такъ какъ, зная состояніе его здоровья, я не могъ думать о столь быстромъ роковомъ исходѣ. Годъ тому назадъ я находилъ у него незначительныя измѣненія въ сердцѣ и сосудахъ, но эти измѣненія въ его возрастѣ не представлялись мнѣ серьезными, и я былъ убѣжденъ, что при благопріятныхъ условіяхъ онъ могъ жить еще много лѣтъ. Я лично не сомнѣваюсь, что исключительные моменты въ послѣдній годъ его жизни повліяли неблагопріятно на дѣятельность его сердца. Разумѣется, въ 69 лѣтъ всегда бываютъ измѣненія въ сердцѣ и сосудахъ, и немного нужно, чтобы этому естественному старческому процессу придать характеръ патологическій, т. е. ускорить естественный ходъ старческихъ измѣненій. Вотъ почему такихъ стариковъ, какъ покойный Ѳедоръ Ѳедоровичъ, нужно особенно оберегать отъ всякихъ случайностей, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ. Я вполнѣ раздѣляю Ваше мнѣніе, что неблагопріятныя моральныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ въ послѣднее время, навѣрно ускорили наступленіе рокового исхода.

Наша соціальная жизнь—безсердечна, отъ ея равнодушія и холода немало преждевременно гибнетъ людей, но въ отношеніи славнаго и доблестнаго Ѳедора Ѳедоровича это безсердечіе не можетъ найти себѣ оправданія ни въ чемъ.

Фактъ совершился! Дай Богъ Вамъ силъ перенести его. Надежда Александровна [1]) глубоко скорбитъ о понесенной Вами потерѣ и проситъ засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе.

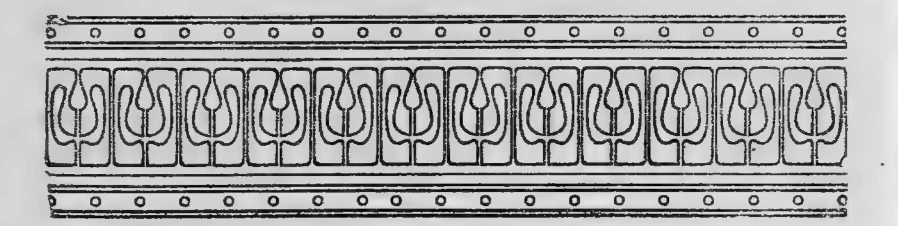
Съ чувствомъ глубокаго уваженія остаюсь всегда преданный Вамъ и готовый къ услугамъ Вашимъ

Евгеній Афанасьевъ.

Сообщ. **А. Вольноходовъ.**

---

[1]) Жена профессора.

Воспоминанія генералъ-лейтенанта Николая Константиновича Языкова о кампаніи 1877-го года [1]).

Записки, найденныя послѣ смерти Н. К. Языкова.

Остановился онъ въ Обелешти-Нау, упряжная лошадь его заболѣла, долженъ былъ продать ее за 5 руб. Чаще всѣхъ заѣзжалъ Рейнботъ, направляясь по дѣламъ службы въ Бухарестъ, да разъ заѣхалъ сынъ генерала Гершельна—артиллеристъ, состоящій при корпусномъ командирѣ, тоже по дорогѣ въ Бухарестъ. Новостей не получалось, по воскреснымъ днямъ, полковой священникъ служилъ всенощную и обѣдни въ румынской церкви, очень убогой по обстановкѣ, офицеры пѣли на клиросѣ, посѣщали церковь, это составляло отраду нашей скучной жизни. Насъ не мало удивляла бѣдность церквей въ Бессарабіи и крайнее невѣжество румынскихъ поповъ.

16 октября день былъ воскресный. Съ ранняго утра нѣсколько скрипокъ заиграло у кабака странствующими цыганами, таковъ ужъ обычай у румынъ въ праздники, чтобы музыка играла. Въ этотъ день пришлось видѣть обрядъ вѣнчаній и крестинъ въ румынской церкви, и распространился слухъ, что Плевна пала, слухи эти такъ часто повторялись, что не вѣрилось, но оживляли монотонную жизнь. Въ числѣ достовѣрныхъ извѣстій получено было, что князь Абамелекъ изъ Будешти вызванъ начальникомъ отряда и назначенъ комендантомъ г. Калараша и что

---

[1]) См. „Русская Старина", мартъ 1915 г.

приказано командировать подполковника Афанасьева въ Кіевъ за полушубками для всей дивизіи; такой командировкѣ многіе при бездѣятельности позавидовали и всякій спѣшилъ дать какое-нибудь порученіе, которое обязательный Михаилъ Григорьевичъ Афанасьевъ охотно бралъ исполнить, живо собрался въ путь и поѣхалъ въ Бухарестъ.

20-го октября 1-й дивизіонъ, смѣнившійся съ постовъ, былъ на проѣздкѣ, въ 10 час. утра получилъ приказаніе изъ Калараша—Драгунскому полку тотчасъ перейти въ г. Ольтеницу, куда прибудетъ 2-я конная батарея. Посты по Дунаю, занимаемые драгунами, будутъ смѣнены уланами, и начальникомъ Ольтеницкаго отряда назначается ген.-маіоръ Лошкаревъ. Квартирьеровъ отправилъ я на перемѣнныхъ лошадяхъ тотчасъ по полученіи приказанія въ Ольтеницу, полкъ же только въ 2 ч. дня могъ выступить, надо было людямъ дать время пообѣдать, переходъ предстоялъ въ 30 верстъ.

Погода была пасмурная, скоро начало темнѣть, дорогу съ трудомъ можно было разобрать и то только благодаря телеграфнымъ столбамъ мы не потеряли ее. Полковой обозъ оставленъ былъ въ Обелешти-Нау до утра, эскадронныя же повозки въ темнотѣ часто опрокидывались и кашеваръ 1-го эскадрона, рядовой Бѣловъ сломалъ ногу, а при выступленіи дивизіона молодая лошадь 1-го же эскадрона напоролась на колъ и тутъ же пала. Тучи разразились ливнемъ; глинистая дорога размякла, и мы шли ощупью.

Такіе переходы безъ опредѣленной цѣли чрезвычайно дурно дѣйствуютъ на войска и имѣютъ вредное вліяніе на физическое и нравственное состояніе войскъ. Солдатъ, придя на ночлегъ измученный, промокшій, весь въ грязи, не понимая цѣли такого перехода, дѣлается апатиченъ и безпеченъ. Въ кавалеріи въ особенности, выбившись изъ силъ, прежде чѣмъ отдохнуть, долженъ позаботиться о лошади. Сходить за кормомъ, отыскать водопой, укрыть куда-нибудь сѣдла, амуницію, а на дворѣ хоть глазъ выколи, такая темь. Въ такихъ случаяхъ, физическая немощь всегда беретъ вверхъ надъ обязанностью, если нѣтъ того, чтобы подбадривала и возбуждала нервную систему. Офицеръ съ квартирьерами встрѣтилъ меня у города и доложилъ, что мѣстныя власти не отводятъ помѣщенія въ городѣ. Что казачій № 11 полкъ стоитъ бивуакомъ за городомъ и что три эскадрона можно размѣстить въ пригородной деревнѣ Ольтеница. Было уже 9 час. вечера, надо было размѣститься кой-

какъ до утра. На другой день для Штаба полка, подъ лазаретъ, силою, съ содѣйствіемъ мѣстной полиціи отводились помѣщенія. Жители не желали имѣть постояльцевъ, дѣлали различныя затрудненія. Примаръ города съ двумя полицейскими ходилъ изъ дома въ домъ и грозилъ выломать двери, если оказано будетъ сопротивленіе, только по моему энергичному настоянію № 4 эскадр. полка расположенъ былъ по окраинамъ города, а три прочихъ эскадрона въ пригородной деревнѣ, всѣ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Для меня отведена была квартира, гдѣ грязь и температура была невыносимая, здѣсь первый разъ обсыпали насъ вши. Послѣ долгихъ поисковъ, удалось завоевать себѣ другое помѣщеніе, нежилой флигель, сырой, холодный съ разбитыми стеклами, и находился въ той части города, которая подверглась бомбардировкѣ изъ Туртукая, одинъ только домъ былъ разрушенъ и весьма не многіе другіе пострадали.

22-го октября начальникъ отряда, генералъ Лошкаревъ долженъ былъ проѣхать. Я выѣхалъ ему навстрѣчу, въ деревню Спанцово, гдѣ № 3-й эскадронъ драгунъ занималъ посты по д. Дунаю. Начальникъ отряда осмотрѣлъ подробно посты, сообщивъ мнѣ, что драгуны назначены занять линію по р. Дунаю отъ д. Спанцово до р. Аржиса, а также и кордонный домъ лѣвѣе Туртукая, занимаемый ротами Путивльскаго полка, которая изъ Ольтеницъ должна выступить съ № 11 казачьимъ полкомъ въ составъ Журжевскаго отряда. То, что занимала прежде пѣхота, должны были занять три эскадрона драгунъ, служба предстояла тяжелая для кавалерійской части.

Петербургскій уланскій полкъ изъ д. Будешти переведенъ былъ въ Обелешти-Нау, должность коменданта г. Калараша была упразднена и кн. Абамелекъ причисленъ былъ снова къ уланскому полку.

24-го октября № 1 эскадронъ въ 5 час. веч. занялъ кордонъ и постъ по р. Дунаю, совмѣстно съ 1-мъ взводомъ пѣхоты для ознакомленія съ мѣстностью. Посты и кордонъ занимали спѣшенные драгуны, выставляя на ночь секреты, а коноводы становились у шоссе на окраинѣ города за деревьями, на 2-хъ-верстномъ разстояніи отъ кордона. При открытой мѣстности ближе коноводовъ держать нельзя было, турки стрѣляли по одиночнымъ людямъ, идущимъ на шоссе къ кордону, да и цѣли не было держать ближе коноводовъ, такъ какъ защитить берегъ отъ внезапной переправы драгуны не могли, а были

только сторожевыми постами, такъ что коноводовъ съ разсвѣтомъ я отправлялъ въ деревню Ольтеницу. 2-ая конная батарея изъ Будешти перешла въ Ольтеницу, надо было дивизіону драгунъ потѣсниться и дать мѣсто батареѣ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Турки, какъ предполагали, чтобы доказать свою бдительность на постахъ, аккуратно открывали огонь съ разсвѣтомъ и въ туманную погоду, стрѣляли совершенно безцѣльно, днемъ тоже выпускались нѣсколько выстрѣловъ, къ кордону турки отлично пристрѣлялись, стоило только показаться въ окно кордона, какъ нѣсколько пуль пускалось съ противоположной стороны и огонь открывался по всей турецкой линіи. До занятія постовъ драгунами турки свободно бродили по берегу, гоняли на водопой скотъ. Выстрѣлы пѣхоты вооруженной ружьями къ системы Крынка, не достигали того берега. Какъ только драгуны заняли эти посты, ихъ берданки прекратили безнаказанныя прогулки турокъ, убитая корова или волъ доказали, что наши пули стали долетать до ихъ берега.

Въ распоряженіе начальника Ольтеницкаго отряда поступилъ капитанъ румынской службы Вербичина, съ ротою дробанцевъ, которые занимали постъ правѣе р. Аржиса. Свѣдѣній особенныхъ не далъ капитанъ объ непріятелѣ, сообщилъ уже извѣстное, что у г. Туртукая усиленно работаютъ мельницы, принадлежащія туркамъ, и тамъ заготовляется провіантъ для войска Эти мельницы сдѣлались заботою полковника Суражевскаго, который все просилъ позволенія попробовать ихъ разгромить, но дозволенія не получилъ, такъ какъ строго приказано было не только вызывательныхъ дѣйствій не предпринимать, но даже не стрѣлять и не отвѣчать на турецкій огонь.

25-го октября генералъ Лошкаревъ, подполковникъ Алексѣевъ и я ѣздили осматривать линію за р. Аржисъ, переправлялись на досчатой лодкѣ на островъ противъ Туртукая; видъ города очень красивъ, какъ и всѣ турецкіе города, раздѣляется на два квартала, турецкій и болгарскій. Съ острова городъ хорошо виденъ, вся уличная жизнь видна, присутствіе людей было замѣчено турецкими постами и даны были два выстрѣла. Островъ этотъ оберегался отдѣльнымъ пикетомъ отъ казачьяго полка и имѣлъ связь съ крайнимъ постомъ драгунъ, который былъ расположенъ за дамбою.

Въ этотъ день № 2 эскадронъ заступилъ на посты. Ночью офицерскіе разъѣзды были посылаемы на линіи. Городъ самый

Ольтеница въ мирное время ведетъ большую торговлю хлѣбомъ, на берегу устроены большіе магазины для хлѣба, теперь въ полномъ бездѣйствіи. Весь этотъ торговый людъ, преимущественно греки и евреи безъ дѣла сидятъ, румыне же съ ранняго утра сидятъ въ кофейняхъ за картами; такая праздность насъ поражала. Жизнь военныхъ шла однообразно, па улицахъ грязь, по вечерамъ въ кофейняхъ цыганскій оркестръ заманивалъ офицеровъ.

Офицеры Путивльскаго баталіона отдохнули отъ сторожевой службы съ прибытіемъ драгунъ, они иногда покучивали въ кофейняхъ, замѣтилъ я въ особенности капитана Валка, который былъ въ Сербіи и имѣлъ видъ боевого отчаяннаго офицера. Всякій вечеръ собирались ко мнѣ старшіе офицеры полка и полковникъ Суражевскій, составлялись партіи въ карты. Очень оживленно и дружно шла бесѣда на всѣ темы офицерскихъ разговоровъ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, именно 25-го октября входитъ въ комнату ротмистръ Брянчаниновъ, бывшій мой сослуживецъ по Кавалергардскому полку и находящійся по случаю войны въ распоряженіи начальника тыла арміи. Пріѣздомъ Брянчанинова я былъ обрадованъ, но тотчасъ мнѣ пришло въ голову, что не даромъ онъ пріѣхалъ, а вѣроятно съ порученіемъ по службѣ. Предположеніе мое оправдалось, подалъ мнѣ Брянчаниновъ конвертъ, съ предписаніемъ ген.-ад. Дрентельна произвести точное дознаніе совмѣстно съ румынскимъ комиссаромъ Маржеска, „о нанесеніи оскорбленій дѣйствіемъ командиромъ Московскаго драгунскаго полка, полковникомъ Языковымъ, примору д. Спанцово и о томъ, что драгуны, расположенные въ выше упомянутой деревнѣ, производятъ насиліе и разбои сельскимъ жителямъ“. Подобнымъ обвиненіемъ я крайне былъ удивленъ, и первымъ отвѣтомъ моимъ было, что не только я, который и не видѣлъ примора, но что подобнаго происшествія во ввѣренномъ мнѣ полку не было и что завтра же лично поѣду съ Брянчаниновымъ и Маржеско въ Спанцово для производства слѣдствія, а пока просилъ Брянчанинова пригласить г. Маржеско ко мнѣ провести вечеръ, если не занятъ особыми дѣлами. Приглашеніе мое Маржеско принялъ и явился. Все вниманіе моихъ сослуживцевъ, пришедшихъ, по обыкновенію, провести у меня вечеръ, было обращено на г. Маржеско, который съ первыхъ словъ, громкими фразами, началъ выражать свое неудовольствіе на румынскаго министра, что его особу тревожатъ командировками

изъ-за такихъ пустяковъ, что онъ самъ занималъ въ Румыніи министерскій постъ, и что должно скрываться что-нибудь очень важное, что его экстренно командировали. Къ концу вечера Маржеско намъ казался совсѣмъ не тѣмъ, какъ при первоначальномъ своемъ появленіи. Передъ нами былъ олицетворенный румынъ, съ свойственною имъ всѣмъ хвастливостью, очень веселаго нрава, занимающійся адвокатурою, сотрудникъ какого-то журнала и служащій у своего правительства комиссаромъ, для разборки претензій со своими союзниками.

Походный ужинъ и веселая болтовня такъ развеселили моего обвинителя, что онъ только во 2-мъ часу ночи отправился въ гостиницу.

На другой день 26-го октября, въ 8 ч. утра, поѣхалъ я въ Спанцово, гдѣ собранъ былъ сельскій сходъ, результатомъ котораго по окончаніи подробнаго слѣдствія оказалось, что жители заявили претензію на исчезновеніе нѣсколькихъ куръ, что въ садахъ ихъ стоитъ эскадронъ бивуакомъ, что плетни ихъ отъ привязи лошадей портятся, всѣ эти убытки лично на мѣстѣ были осмотрѣны Маржескомъ, но ни воровства, ни грабежа, ни насилій никакихъ не было. Одинъ старикъ на сходкѣ добавилъ, что солдатъ поцѣловалъ его жену, что возбудило общій смѣхъ. По этому обвиненію Маржеско составилъ актъ, что обвиненіе преувеличено, что убытки это есть неизбѣжное послѣдствіе расквартированія войска не только въ военное, но и мирное время. Касательно второго обвиненія, выяснилось, что отъ примора доставленъ былъ конвертъ къ командиру № 3 эскадрона маіору Чулкову. На конвертѣ было написано въ 11-ю кавалерійскую дивизію, прежде здѣсь квартировавшую, Чулковъ отказался принять конвертъ, какъ не подлежащій по адресу. Отъ непониманія языка, посыльный настаивалъ, чтобы конвертъ былъ принятъ и докучалъ своею просьбою.

Бывшій при этомъ прапорщикъ Веревкинъ выпроводилъ за дверь разсыльнаго, а маіоръ Чулковъ за разъясненіемъ отправился къ примору. Дорогою, посыльный продолжалъ совать конвертъ Чулкову, который Чулковъ разорвалъ, а прапорщикъ Веревкинъ ударилъ нѣсколько разъ разсыльнаго. Проходившій тутъ священникъ, видѣвшій всю сцену, владѣя на сколько могъ русскимъ языкомъ, объяснилъ Чулкову, что посыльный есть лицо служебное, помощникъ примора: Веревкинъ тутъ же предложилъ денежное вознагражденіе потерпѣвшему, которое было

принято и претензіи не заявлялъ больше. Но видавшій всю происшедшую сцену, писарь примора, будучи во враждѣ съ потерпѣвшимъ лицомъ, не долго думая, отправился въ Ольтеницу и по телеграфу далъ знать, въ Бухарестъ, что Драгунскій полковникъ бьетъ помощника примора и что житья нѣтъ отъ солдатъ. Депеши поступили къ министру внутреннихъ дѣлъ румынскому, и сыръ - боръ загорѣлся. Результатъ слѣдствія донесенъ мною начальнику дивизіи и въ присутствіи Брянчанинова и Моржески мною сдѣланъ былъ строгій выговоръ Чулкову и Веревкину, какъ подавшимъ поводъ къ безпорядку. Въ г. Ольтеницѣ между тѣмъ началъ распространяться слухъ, что у Калараша турки пытались навести мостъ, всѣ были насторожѣ и ожидали тревоги. Казачій № 11 полкъ, батальонъ и взводъ нашей артиллеріи получили приказаніе изъ Ольтеницы выступить въ Журжевскій отрядъ. На грѣхъ, 27-го октября, ночью 3 взводъ № 4 эскадрона, стоявшій на посту, вырвался у коневодовъ и проскакалъ по городу. Лошади прозябли и шарахнулись, происшедшій шумъ былъ принятъ за тревогу. Второй эскадронъ, какъ дежурная часть, тоже выскочилъ изъ мѣста расположенія.

Но скоро все разъяснилось, лошадей всѣхъ переловили, одна расшиблась, въ яму свалилась. На турецкомъ берегу даже выстрѣла не послѣдовало. Въ это же утро, казакъ съ поста прискакалъ съ донесеніемъ, что со стороны д. Спанцово по Дунаю идетъ пароходъ. Артиллерія была вызвана и потянулась къ берегу Дуная выбрать позицію. Баталіонъ, не успѣвшій еще выступить, тоже посланъ былъ занять позицію. Драгунамъ приказано сѣдлать. Жители города тоже направились къ берегу полюбопытствовать, суматохи не было. Пароходъ, не доходя г. Туртукая, остановился близъ лѣваго берега и, какъ предполагать надо, сталъ нагружаться провіантомъ, доставленнымъ изъ Туртукая. Съ разсвѣтомъ, пароходъ ушелъ обратно въ Силистрію, волненія дня такъ и окончились. Получено было приказаніе № 11 казачій полкъ вернуть обратно въ Ольтеницу. Казачки, вернувшись въ свой бивуакъ, пожалѣли, что разорили передъ выступленіемъ свои шалаши, мастерски построенные.

1-го ноября генералъ Лошкаревъ получилъ депешу отъ генерала Дохтурова: Московскому драгунскому полку, № 1 казачьему и 1 конной батареѣ готовиться къ выступленію за Дунай подъ начальствомъ ген.-маіора Лошкарева. Драгуны будутъ

смѣнены въ Ольтеницѣ уланами; казачій полкъ изъ Ускапешти, а конная батарея изъ д. Варешти соединятся съ драгунами на мартѣ. Приказаніе готовиться къ выступленію всѣхъ обрадовало, но никто не зналъ, куда идемъ; отъ подполковника Афанасьева, посланнаго за полушубками въ Кіевъ, извѣстій не было, а неизвѣстность, куда идемъ, не давала надежды получить полушубки, въ которыхъ ощущалась потребность при бивуачномъ расположеніи и холодныхъ ночахъ.

2-го ноября вечеромъ, неожиданно изъ Калараша пріѣхалъ ген.-лейт. Дохтуровъ, проститься съ драгунскимъ полкомъ. Съ необыкновенною таинственностью передавалъ о сформированіи сводной бригады драгунъ и казаковъ, видимо огорченный, что остается въ Каларашѣ. 4-го ноября приказано было выступить въ д. Нечоешти, гдѣ ожидать маршрута.

Князь Абамелекъ съ командиромъ Петербургскаго уланскаго полка, полковникомъ Балкомъ, проѣхалъ на сторожевые посты въ д. Спанцово, гдѣ расположенъ былъ № 3 эскадронъ московскихъ драгунъ для наблюденія за берегомъ Дуная. Князь Абамелекъ приказалъ трубить тревогу, желая посмотрѣть, какъ скоро соберется эскадронъ. Къ счастью его, на сторожевыхъ постахъ не слышали тревоги, а то какой бы переполохъ произошелъ по всей береговой линіи Дуная. Дохтуровъ узналъ объ этой тревогѣ, и доставалось молодому князю съ строгимъ подтвержденіемъ тревогъ никакихъ не дѣлать.

Бывшій мой хозяинъ въ Обелешти-Нау г-нъ Александръ, однажды встрѣтивъ меня на улицѣ въ Ольтеницѣ, не могъ вспомнить безъ смѣху про воинственность князя Абемелека и разсказалъ мнѣ тоже про переполохъ, который князь надѣлалъ въ Обелешти, въ день прихода уланъ. Обозъ Уланскаго полка отъ Будешти пришелъ ночью въ Обелешти-Нау. Не зная мѣстности и чтобы вызвать кого изъ уланъ, расположившихся уже по хатамъ, сопровождавшій обозъ трубачъ началъ трубить разные сигналы. Воинственный князь, страдавшій по ночамъ безсонницею отъ ревматизма, принялъ сигналы за наступленіе непріятеля, взбудоражилъ весь спавшій домъ, арендатора, вооружился, лошади были осѣдланы. Уланамъ приказалъ сѣдлать, горя нетерпѣніемъ, отправился на квартиру командира полка и волновался, что тотъ спитъ спокойно.

5-го ноября драгунскій полкъ перешелъ въ Нечоешти, переходъ 15 в., деревня изъ 40 дворовъ, очень тѣсное помѣщеніе

для полка. Штабъ полка расположился въ с. Будешти въ 5 в., гдѣ уже былъ расположенъ казачій № 1 полкъ, флигель-адъют. полковника Кутейникова и 1-ая конная батарея полковника Голофѣева. Бригадному командиру и мнѣ отведено было помѣщеніе въ домѣ генерала Ману съ большимъ запустѣлымъ садомъ.

6-го ноября бригадный командиръ смотрѣлъ полки. Драгунскій полкъ представленъ былъ въ полныхъ 16-ти рядахъ. Генералъ Лошкаревъ остался доволенъ видомъ людей и свѣжестью лошадей. Въ этотъ день начальники частей обѣдали у генерала Лошкарева, упоминаю объ этомъ, какъ объ исключительномъ случаѣ, генералъ этотъ отличался скупостію, доходящею до скаредности.

11-го ноября вечеромъ въ 8 часовъ получено было приказаніе выступить бригадѣ на другой день къ Плевнѣ. Извѣстіе это принесъ самъ Лошкаревъ ко мнѣ въ комнату, гдѣ Кутейниковъ и Голофѣевъ были, и мы порадовались, что на 13-е число выступимъ.

Первый переходъ былъ въ 20 вер. до д. Комъ. Казаки въ авангардѣ, батарея и драгуны въ походномъ порядкѣ. У самой деревни, расположенной на кручѣ предстояло перейти въ бродъ р. Аржису. Брода этого какъ-то никто не ожидалъ, поэтому отрядъ скучился, а выступившій раньше отряда обозъ загородилъ бродъ, многія повозки засѣли въ водѣ. Обозные всѣ усилія употребляли вытащить повозки съ помощью припряженныхъ воловъ, безъ которыхъ плохо бы пришлось. Это затрудняло въ особенности переходъ на противоположный берегъ, который размѣстили переправившіеся казаки. Нѣкоторыя повозки и волы не могли вытянуть изъ воды, нѣсколько десятковъ казаковъ раздѣлись, несмотря на холодное время, по грудь въ водѣ, на рукахъ должны были вытаскивать повозки и вести въ поводу воловъ, которые иначе не двигались съ мѣста. Чтобы помочь драгунскому обозу, я далъ на водку казакамъ, которые помогли, драгунамъ не пришлось раздѣваться. Артиллерія съ большимъ трудомъ прошла бродъ, грунтъ вязкій, ящики зарядные въ особенности съ большимъ затрудненіемъ были вытащены. Противоположный берегъ подрыли, этимъ облегчило втаскиваніе орудій и зарядныхъ ящиковъ съ помощью людей. Переправившись, затрудненіе не менѣе было для обоза и батареи подняться въ крутую гору въ д. Комы. Пѣшіе

люди въ досчатой лодкѣ, наполненной водой, переправились на берегъ. Шли мы безъ проводника, и могли бы и избѣгнуть брода, сдѣлавъ 16-й вер. лишнихъ. Кухни перваго моего дивизіона сбились съ дороги и только на слѣдующемъ переходѣ присоединились, такъ что людямъ первый разъ пришлось варить пищу въ котелкахъ, что непривычныхъ эскадронныхъ командировъ сначала очень озабочивало, пришлось мнѣ сдѣлать внушеніе.

13-го ноября. С. Калагуреки, 13 в. пошли опять безъ проводника, окольною дорогою, лѣсомъ, болотами; верстъ 27 в. сдѣлали и вышли на шоссе, вдали котораго расположены были интендантскіе транспорты. Мосты на шоссе находились въ арендномъ содержаніи у частныхъ лицъ, преимущественно у евреевъ и съ транспортныхъ повозокъ брались платы, что возбуждало неудовольствіе погонщиковъ. Многіе обратились ко мнѣ съ вопросомъ, слѣдуетъ ли платить.

Еврей подалъ мнѣ бумагу, напечатанную по-румынски съ печатью, по которой я не могъ узнать, слѣдуетъ ли платить или нѣтъ, меня удивило, что на такомъ бойкомъ трактѣ управленіе военныхъ сообщеній не позаботилось на русскомъ языкѣ выставить объявленіе. Полкъ расположился въ двухъ деревняхъ. Деревня Комы состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ и бывшаго заѣзжаго дома.

14 ноября переходъ въ Фратешти 21 в. Не доходя 6 вер. первые выстрѣлы услышаны были бомбардировки Рущука. Фратешти нашли мы переполненнымъ разнаго рода командами и транспортами, домовъ почти не существовало, были однѣ землянки съ кой-какими изгородями. Три эскадрона расположились въ Фратешти очень разбросанно, а одинъ эскадронъ, за неимѣніемъ помѣщенія, долженъ былъ на 5 в. выдвинуть и поставить въ деревню. Пока можно было избѣгалъ бивуачнаго расположенія. Меня принялъ къ себѣ на квартиру командиръ сапернаго парка полковникъ Кокинъ, пріютившійся самъ въ домѣ Румынскаго комиссара.

Въ Фартешти можно было встрѣтить нижнихъ чиновъ и офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ, отправлявшихся въ Зимницу и уѣзжавшихъ изъ-за Дуная въ Бухарестъ. Масса народу толпилась у платформы жел. дор.; торговля шла всякою всячиною. Попадались на глаза солдатики въ безобразномъ видѣ, равно, какъ и ихъ партіонные начальники. Отъ многихъ пришлось мнѣ слышать объ различныхъ нижнихъ чинахъ. Отъ

квартиры полковника Кокина, гдѣ я остановился, до платформы жел. дор. было версты двѣ съ половиною, по этой равнинѣ были расположены палатки госпитальныхъ и вагенбургъ обозныхъ фуръ по подписямъ гвардейскаго корпуса. Тутъ же были бараки и палатки маркитантовъ и торговцевъ. Отправился я пѣшкомъ къ платформѣ жел. дор. посмотрѣть на весь этотъ людъ.

Пообѣдавъ у маркитанта, отправился я осмотрѣть госпитальныя палатки. Первое, что меня поразило, нагой трупъ на носилкахъ, вѣроятно, только-что умершаго; между палатками солдатикъ обмывалъ покойника. Неужели нельзя было отвести для этого какую-нибудь палатку или закрытое помѣщеніе, а не дѣлать это на виду всѣхъ проходящихъ и проѣхавшаго тутъ же транспорта раненыхъ и больныхъ. Въ палаткахъ чисто и больные размѣщены просторно, молодой военный врачъ сопровождалъ меня, сообщилъ, что здѣсь помѣщаютъ больше больныхъ, преимущественно дезинтеріею. Въ одной изъ палатокъ слышны были пѣсни и смѣхъ сестеръ, звуки которыхъ какъ-то больно отразились въ сердцѣ, среди лежащихъ страждущихъ людей.

Въ Фратешти назначена была дневка, вечеромъ получена была перемѣна маршрута. Переправа черезъ Дунай не у Зимницы, а у Никополя; къ Плевнѣ надлежало прибыть 24 числа. Движеніе наше какъ будто все замедлялось, не было обозначено въ маршрутѣ, гдѣ стоять, у Плевны. На другой день выступили въ с. Путенео 21 в. Здѣсь лазаретъ былъ Краснаго Креста съ уполномоченнымъ Бенкенсдорфомъ. Дорогою встрѣчены большіе транспорты больныхъ и раненыхъ, но нѣсколько человѣкъ лежало и сидѣло на трясучихъ телѣгахъ. Изъ нѣкоторыхъ выглядывали офицеры, способъ перевозки не представлялъ особыхъ удобствъ, желательныхъ для жертвъ войны. Въ Путенео комендантъ госпиталя пришелъ просить меня, что надо трубачей для развлеченія больныхъ и священника для напутствованія нѣкоторыхъ умирающихъ. То и другое было дано въ распоряженіе коменданта, который распорядился развести костеръ, чтобы трубачи могли грѣться, вечеръ очень холодный и темный былъ. Комендантъ сообщилъ, что сегодня ожидается пріѣздъ генералъ-адъютанта Дрентельна въ Зимницу, выставлена подстава. Но генералъ не пріѣхалъ. Квартира мнѣ отведена была въ землянкѣ, наполненной больными дѣтьми, такъ что я предпочелъ за деньги переночевать у хозяина лавочки, грека, который согласился впустить меня за 4 р., но съ условіемъ въ комнатѣ одну кроват не занимать. На это не обра-

щено было вниманія, да и надобности въ этомъ не было, такъ какъ у всякаго изъ насъ была походная стрекоза, такъ называли мы деревянныя складныя кровати французской системы, очень животрепещущія, но легкія и удобныя для перевозки. На звуки трубачей офицеры собрались къ шатрамъ „Краснаго Креста". Докторъ и уполномоченный очень обязательно показывали устройство лазарета. Предложили офицерамъ чай, краснаго вина, старшему врачу даны были для полка нѣсколько турникетовъ (для перевязки ранъ).

Больныхъ въ лазаретѣ не много было, остались только слабые, прочіе были эвакуированы. Русское офицерство съ сестрами милосердія расположились въ большомъ шатрѣ за чайнымъ столомъ, и началась оживленная бесѣда. Личность доктора была очень симпатичная, если не ошибаюсь, фамиліей Покровскій, сынъ профессора Кіевскаго университета, разсказывалъ про сдѣланныя имъ удачныя операціи, про разныя раціональныя приспособленія, которыя дѣлались въ помѣщеніи для зимней кампаніи. Впослѣдствіи я узналъ, что докторъ этотъ заразился тифомъ и умеръ. До 11 час. веч. время незамѣтно прошло, съ фонаремъ вернулся домой съ своими сожителями Алексѣевымъ и братомъ и тотчасъ расположились на свои стрекозы и принялись прочитывать старыя газеты, которыя удалось получать въ Фратешти. Явился хозяинъ съ молодою женой и начали раздѣваться и расположились на постелѣ, которая по условію оставлена была незанятою. Видя такую патріархальность, долго мы смѣялись, что не смущало нашихъ хозяевъ.

17 ноября большой переходъ въ 40 верстъ въ г. Александрію, гдѣ стоялъ запасъ лошадей и больныя лошади гвардейской кавалеріи, оставленныя по приказанію генерала Гурко. Полкъ расположился бивуакомъ, полушубки пришлось вспомнить; ночью 6 лошадей трубачныхъ сорвались и убѣжали, четырехъ привели на слѣдующій день, а двѣ пропали безъ слѣда.

Слѣдующій переходъ былъ изъ г. Александріи въ д. Піатра въ 24 в. Землянки этой деревни были переполнены больными и ранеными, къ нашему приходу больные были увезены. Мнѣ отведена была землянка безъ оконъ съ удушливымъ больничнымъ запахомъ. На несчастье была назначена въ этой трущобѣ дневка, все время пришлось сидѣть съ зажженными свѣчами, не зная, когда день, когда ночь на дворѣ, выйти нельзя было: дождь и грязь ужасная; съ большимъ трудомъ могли достать подводы подъ больныхъ, процентъ которыхъ на каждомъ переходѣ увеличивался. Положеніе этихъ несчастныхъ

было самое ужасное, подъ дождемъ на воловыхъ каруцахъ тащиться цѣлый день. Гдѣ только можно было, больныхъ сдавали въ госпитали.

20 ноября пришли въ г. Турнъ-Могурели 27 в. переходъ. Полкъ сталъ бивуакомъ, въ городѣ страшная грязь, падаль валялась на улицахъ, торговля оживленная. Отъ разныхъ войскъ пріѣзжали изъ-за Дуная за покупками въ городъ. Мнѣ отведенъ былъ только-что построенный домъ, сырой и холодный, какъ погребъ, здѣсь надо было сдѣлать различный запасъ—свѣчей, сахару, спирту.

До г. Никополя оставалось 10 в. Начальникомъ отряда приказано было у моста отряду собраться и отслужить молебенъ, во время котораго всякому приходила мысль: кому-то суждено будетъ вернуться.

21 ноября въ 11 час. утра начали переходить грозный Дунай, смѣшанными рядами на дистанціяхъ. Румынскій офицеръ наблюдалъ за переправою. Г. Никополь имѣлъ видъ совершенно раззореннаго города со стороны Дуная.

Долго блуждали мы, пока не встрѣтили квартирера; по крутому подъему добрались даже до самой крѣпости, надо было вернуться назадъ. Никополь первый турецкій городъ съ мечетями, въ который полкъ вступилъ, узкія улицы, гористая мѣстность, сами жители, все обращало наше вниманіе. Большой радостью для насъ былъ правительственный телеграфъ, можно было по-русски послать депеши. Для генерала Лошкарева и для меня отведена была комната въ гостиницѣ, гдѣ изощрялся въ кулинарномъ искусствѣ грекъ. Хотѣлось взглянуть на турецкія бани, я и отправился. Дорогою осаждали меня мальчишки, Богъ вѣдаетъ какой національности, но хорошо выговаривающіе „капитанъ, дай гологанчекъ“, и только нагайкою можно было отдѣлаться отъ назойливости мальчишекъ. Баня оказалась переполненной солдатами, мнѣ сказано было, что черезъ часъ для офицеровъ будетъ очищено, но я не рѣшился воспользоваться. Въ тотъ же вечеръ Лошкаревъ получилъ измѣненіе маршрута идти въ Тростеникъ и въ Магалу.

22 ноября дневали въ Никополѣ; комендантъ города генералъ Столыпинъ отзывался въ главную квартиру и управленіе передавалось румынскому генералу. Въ этотъ вечеръ компанія румынскихъ офицеровъ кутила въ гостиницѣ подъ фирмою „Плевны“. Счетъ, поданный хозяиномъ, показался великъ, и Никопольская „Плевна“ была разрушена чуть не до осно-

ванія, строгое слѣдствіе было назначено. Я очень доволенъ былъ, что союзниковъ въ этомъ дѣлѣ у румынъ не было. Изъ Никополя выступили въ Бресляницу 25 в. Начиная съ самаго Никополя пришлось спускаться и подниматься на большія возвышенности.

Съ обозомъ много было затрудненій, драгуны и казаки помогали обозамъ, не обошлось безъ несчастнаго случая. Лошади лазаретной платформы понесли подъ гору, наскочили на камень, отъ толчка кучеръ свалился съ козелъ и фурой переѣхали ему около живота. Больной былъ сданъ въ румынскій госпиталь, расположенный по дорогѣ въ Бресляницу, гдѣ большое вниманіе было оказано больному и впослѣдствіи больной этотъ оправился и уволенъ былъ въ неспособные, а былъ хорошій оружейникъ. По пути въ Бресляницу, проходили нѣсколько укрѣпленныхъ позицій,—очень тщательно отдѣланныя и замаскированныя дерномъ, со множествомъ ровиковъ для стрѣлковъ. Бресляница сама страшно раззорена, кое-гдѣ были отупѣвшіе жители болгары. Въ разваленной корчмѣ помѣстился я на ночлегъ, гдѣ всю ночь въ очагѣ горѣлъ огонь, поддерживаемый всѣмъ, что попадало подъ руку.

Погода была самая ненастная, дулъ сильный вѣтеръ, и помѣщеніе мое ежеминутно пополнялось дымомъ, за весь походъ хуже этого убѣжища не было.

На другой день предстояло идти на Тростеникъ 25 в. переходъ, къ Плевнѣ все приближались, въ разстояніи 5 в. отъ аванпостовъ шли. Рѣку Видъ перешли въ бродъ у дер. Рыбно. Простымъ глазомъ можно было съ лѣвой стороны различить движущіяся войска. Посланъ былъ офицерскій разъѣздъ отъ драгунскаго полка узнать, что за войска и сообщить о нашемъ движеніи. Прапорщикъ Камсараканъ, подъ начальствомъ котораго находился этотъ разъѣздъ, привезъ извѣстіе, что генералъ Тотлебенъ дѣлаетъ смотръ румынскимъ войскамъ, а полковникъ Кутейниковъ, ѣздившій къ Плевнѣ, вернувшись въ Тростеникъ, привезъ извѣстіе, что сегодняшнею ночью ожидается вылазка Османа-паши изъ Плевны къ сторонѣ Тростеника. Генералъ Лошкаревъ приказалъ отряду стать бивуакомъ, не входя въ деревню Тростеникъ. Я забылъ упомянуть, что, выходя изъ Твери, полкъ забылъ, по оплошности командира нестроевой роты, взять офицерскія палатки, отпущенныя отъ интендантства, я телеграфировалъ, чтобъ выслали, но отвѣта не послѣдовало. Эту ночь большинство офицеровъ должны бы-

ли провести подъ открытымъ небомъ. Первый дивизіонъ захватилъ палатки, а второй и штабъ полка былъ безъ палатокъ. Дождь полилъ, какъ только стали на бивуакъ. У окраины бивуака оказалась землянка съ буйволами, тутъ я и помѣстился съ нѣкоторыми офицерами, угощая другъ друга запасами, что у кого было, и наслаждались душеспасительнымъ чаемъ.

Недостатку въ фуражѣ, мясѣ и провіантѣ не было. Ночью опять бѣжали у меня двѣ лошади № 4 эскадрона, за туманомъ ихъ нельзя было отыскать. Къ выступленію полка 25 ноября, погода прояснилась, но земля очень размокла, переходъ въ Магалу 20 в. не большой былъ. Шли полями не убранной кукурузы и пшеницы, мѣстами виднѣлись сложенныя копны пшеницы и ячменя. Казаки моментально безъ всякаго приказанія разсыпались по полямъ. Копны раскапывались и снопы приторачивались къ сѣдламъ. Драгуны только съ разрѣшенія послѣдовали примѣру казаковъ, но дѣлали это какъ-то не умѣло, не то что казаки. Деревня Магала расположена у р. Искеръ и крутымъ спускомъ, съ котораго намъ пришлось спуститься. Жители турки бѣжали, остались не многіе торговцы болгары, которые позавладѣли турецкимъ имуществомъ. Въ Магалѣ былъ расположенъ конный лазаретъ и обозъ 4-го Маріупольскаго гусарскаго полка. Деревня большая Магала, но очень разбросана, съ оврагами и трясинами выше брюха лошади. Полкъ размѣстился бивуакомъ по эскадронамъ. Полковой квартирмистръ пришелъ мнѣ доложить, что фуража зернового нѣтъ. Расположенныя здѣсь части посылаютъ за фуражемъ на турецкія поля и фуражируютъ ячмень, пшеницу въ снопахъ. Для моихъ собственныхъ лошадей у болгарскаго священника только можно было купить 2 мѣшка ячменю. Впослѣдствіи оказалось, священникъ этотъ забралъ большіе запасы турецкаго фуража и дѣлалъ гешефты. Солдаты пообѣдали и тотчасъ по 60 чел. съ эскадрона съ офицеромъ посланы были въ поля за фуражемъ, и всѣ десять дней, что стояли въ Магалѣ, посылались команды за фуражемъ верстъ за 7 и 12 отъ Магалы. Помѣстился я въ землянкѣ аршина 4 въ длину и ширину. Насъ было трое, то одинъ долженъ былъ помѣститься на подмосткахъ. Спасеніе наше было большой очагъ, который, какъ только потухалъ, нестерпимо холодно и сыро становилось, ночью старались поддерживать огонь, топливо же доставалось съ большимъ трудомъ. Сводная бригада причислена была къ гренадерскому корпусу генерала Ганецкаго I-го. Про-

віантъ должны были получать изъ Дольняго Дубняка, гдѣ былъ штабъ корпусный и интендантъ. Провіанта не оказалось, фуры четыре дня стояли въ Дольнемъ Дубнякѣ, ожидая подвоза сухарей. Солдаты питались кукурузами. У маркитантовъ нельзя было достать хлѣба, были дни, что за десятокъ сухарей платили 1 рубль серебромъ. Шоколаду можно было достать сколько угодно, а хлѣба нѣтъ. Генералъ Лошкаревъ какъ-то мѣшкалъ явиться корпусному командиру. Въ день прихода поѣхалъ въ тарантасѣ, завязъ, во второй день верхомъ заблудился, въ третій разъ попалъ въ корпусную квартиру. Опредѣленной службы не дано было, приказано ожидать приказанія. Погода все дѣлалась хуже, дожди и туманы, солдатики построили шалаши изъ соломы и понадѣлали разныя защиты отъ непогодъ. Чарки водки выдавались ежедневно, мяса было вдоволь, сухари были выданы тотчасъ по полученіи, лошадямъ было очень сытно. У моей землянки день и ночь слышались отчаянные крики фурштатовъ, понукавшихъ лошадей и воловъ съ громадными возами фуража, посланные изъ Дольняго Дубняка и окрестныхъ деревень, гдѣ полный недостатокъ былъ фуража. За 60 верстъ пріѣзжали сюда за фуражемъ. На возахъ часто виднѣлись гуси, куры, солдатики везли гостинцы своимъ командирамъ. Эти лошади и волы изъ силъ выбивались не столько отъ тяжести, сколько отъ топкой дороги, страшное бичеваніе происходило, солдаты забѣгали изъ дому въ домъ, ища, гдѣ купить хлѣба. Рядомъ съ моей землянкой, въ землянкѣ же безъ оконъ, помѣщались офицеры эскадрона № 2 съ капитаномъ Амосовымъ, у котораго украли чемоданъ и онъ остался безъ платья и бѣлья. Всѣ подѣлились съ нимъ, и Амосовъ экипировался. Ночью мыши не давали намъ спать, бѣготня и возня поднимались, какъ только ложились мы спать. 28 ноября утромъ съ казаками изъ главной квартиры привезено было приказаніе. Въ три перехода изъ Магалы перейти въ Пелишатъ, идти на Медованъ и Ральево на соединеніе съ Уланскимъ полкомъ и штабомъ 1 кавалерійской дивизіи. Извѣстіе это не обрадавало.

Выступленіе изъ Магалы назначено было на другой день. Въ полдень 28 ноября прискакалъ казакъ изъ Этрополя съ запискою отъ генералъ-лейтенанта Лошкарева I-го, начальника 2 кавалерійской дивизіи, въ которой сказано было: „турки сего числа выступили изъ Плевны и завязали бой; сводной бригадѣ 1 кавалерійской дивизіи имѣть наблюденіе по р. Искеру до Дуная, чтобы непріятель не могъ прорваться, хотя бы оди-

ночными людьми". Столь серьезное приказаніе и извѣстіе застало полкъ въ самомъ критическомъ положеніи, эскадроны съ ранняго утра ушли за фуражемъ верстъ за 15. Посланные люди въ поле за эскадронами, слава Богу, встрѣтили эскадроны ужъ возвращающимися. Вѣсть, что Османъ вышелъ изъ Плевны, быстро разнеслась, переполохъ былъ ужасный, не знаю почему, но ждали, что ежеминутно покажется непріятель въ Магалу и направится на Виданъ. Среди этой сумятицы, дѣйствительно съ вершины показалась пѣхотная часть, идущая къ Магалѣ. Но скоро опасеніе наше разсѣялось, слышны были солдатскія пѣсни. Костромской пѣхотный полкъ, потерпѣвшій первый разъ подъ Плевною, вновь укомплектованный изъ Никополя шелъ по маршруту на Магалу.

Бригада скоро собралась, приказано было эскадрону № 2-й драгунъ идти по р. Искеру держать разъѣздъ, эскадрону № 3 направиться, по дорогѣ къ Тростенику, а казачью сотню направили разводить къ Плевнѣ. Командиръ Костромского полка полковникъ Гудимъ, не имѣя опредѣленнаго извѣстія о вылазкѣ Османа, слышалъ только канонаду, дежурныя части расположилъ на возвышенностяхъ Магалы. Остальнымъ эскадронамъ я приказалъ разсѣдлать, но быть на чеку. Не могу понять, откуда, но слухи стали распространяться, самые разнорѣчивые и съ нѣкоторою правдивостью, какъ впослѣдствіи оказалось о сраженіи подъ Плевною. Самымъ грустнымъ и правдивымъ извѣстіемъ было, что Османъ взялъ наши ложементы первой линіи и 6 орудій, потомъ пришло извѣстіе, что турки вернулись въ Плевну, не имѣя возможности прорваться. Лишь появлялись на улицѣ, хотя бы фурштатъ на волахъ, все это стремилось съ разспросами: что подъ Плевной? Нѣкоторые вопрошаемые имѣли глупый видъ и не знали, что Османъ вышелъ. Неожиданно мимо землянки моей проѣхалъ офицеръ коннаго полка съ лейбъ-казаками. Тотчасъ послалъ его просить къ себѣ, оказалось корнетъ Галлъ, ординарецъ главнокомандующаго, ѣхалъ къ генералу Арнольди съ приказаніемъ. О сраженіи подъ Плевною ничего не зналъ, когда утромъ выѣзжалъ изъ Медована, то слышалъ только усиленную команду. Сообщилъ Галлъ, что Сербія объявила войну Турціи, потери наши подъ Еленою были большія. Онъ дѣлалъ видъ штабнаго офицера, знающаго очень многое, но держащаго все въ большомъ секретѣ, очень доволенъ былъ, что снабдилъ его теплыми чулками, а то ѣхалъ налегкѣ, а на дворѣ холодно.

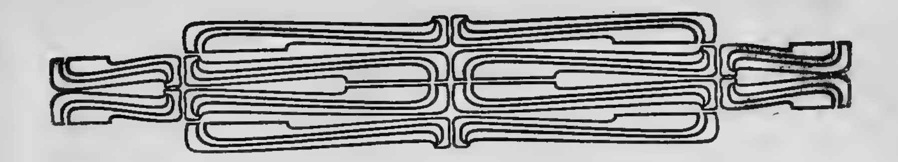
Пообѣдавъ, корнетъ Галлъ отправился въ путь, а мы остались дожидаться болѣе вѣрныхъ извѣстій отъ частей, посланныхъ въ разъѣзды. Въ 9 час. вечера посланный отъ есаула Каргольскаго привезъ извѣстіе, что Плевна занята русскими и Османъ-паша сдался въ плѣнъ. Трудно представить себѣ ту радость и ликованіе отъ офицеровъ кончая послѣднимъ денщикомъ. Скоро вернулся и командиръ эскадрона № 2 капитанъ Амосовъ и подтвердилъ это радостное извѣстіе. 29 утромъ я и многіе офицеры полка поѣхали въ Плевну. На пути мнѣ попался командиръ сапернаго баталіона, стоящій въ Магалѣ со своею частію, разсказывалъ, какъ два офицера 3-й гвардейской дивизіи въ туманный день въѣхали въ турецкую цѣпь парламентерами и были отпущены турками. Не доѣзжая р. Видъ на шоссе расположены были войска: пѣхота, артиллерія, Казанскій драгунскій полкъ и Кіевскій гусарскій, для встрѣчи Государя. Я и офицеры одѣты были не по формѣ, поэтому не рѣшились ни тутъ остаться, ни ѣхать въ Плевну, а поѣхали осматривать поле сраженія, испещренное ложементами. Картина представилась самая ужасная. Все пространство было усѣяно турецкими патронами, лохмотьями одеждъ, изломаннымъ оружіемъ. На пути попадались солдаты, денщики, толпы болгаръ съ оружіемъ, разною домашнею утварью, подобранною на полѣ сраженія. Наши раненые и часть убитыхъ были убраны. Турецкіе же убитые и раненые еще лежали на полѣ, стонали, жалобно прося аманъ (пощады) и пить. Надо было лошадь вести очень осторожно, чтобъ не наступили на трупъ или на умирающаго. Санитаровъ, убиравшихъ раненыхъ, было очень немного. Въ мѣстахъ были перевязочные пункты, куда сносились раненые, и наши доктора дѣлали перевязки туркамъ. У ложементовъ и въ самыхъ ложементахъ были груды убитыхъ турокъ, между ними и наши солдатики попадались. Многіе раненые турки, при приближеніи къ нимъ, притворялись убитыми, раны страшныя были, которыя только очевидецъ можетъ себѣ представить. Убитые и раненые турки были хорошо обмундированы, у каждаго былъ запасъ галетъ и кукурузы, патроновъ же безъ числа. Жестяные ящики не откупоренные съ патронами попадались на каждомъ шагу. Много убитыхъ и раненыхъ животныхъ, валялись лошади, волы, буйволы, видалъ даже одну корову. По разсказамъ, Османъ ринулся черезъ каменный мостъ и черезъ мостъ, построенный въ ночь на 28 число, быстро занялъ наши ложементы передовые и захватилъ орудія. Наступленіе шло цѣпями, которыя все подкрѣплялись, что и замѣт-

но было по расположенію убитыхъ. Когда гренадеры были отбиты и турки отступали къ мосту, то огонь нашей артиллеріи былъ сконцетрированъ на мостъ, гдѣ произошла страшная бойня, и въ 3 часа дня выкинутъ былъ у моста бѣлый флагъ. Первыя атаки велись вѣроятно самыми ярыми фанатиками, въ первыхъ рядахъ попадались все народъ пожилой, многіе старики сѣдые. Масса впечатлѣній и видѣнное мною въ первый разъ жизни поле сраженія такъ разстроили мои нервы, что я съ страшною головною болью вернулся вечеромъ въ Магалу.

М. Д. Языкова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1].

1915 годъ 1—5 января. За эти дни наши войска заняли г. Серпецъ на правомъ берегу р. Вислы, и нѣмцы, тѣснимые нами, пытались удержаться на р. Скрвѣ, а затѣмъ отступили на сѣверъ.

На Варшавскомъ фронтѣ были яростныя, частныя атаки у Боржимово-Рава, Гумина, при чемъ съ особой энергіей атаковали 6-ю полками послѣднюю деревню, но повсюду были отбиты со страшными потерями.

Изъ Краковскихъ укрѣпленій орудіями большого калибра австрійцы обстрѣливали Тарновъ, а въ Буковинѣ мы овладѣли проходомъ Кирлибаба.

На Кавказѣ Карауганское сраженіе закончилось полной побѣдой надъ турками.

Слышалъ, что австрійцы въ скоромъ времени будутъ предпринимать энергичное наступленіи съ разныхъ сторонъ для освобожденія Перемышля. Въ этой крѣпости обнаруживается острый недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, которыхъ едва-ли хватитъ на 2, 2½ мѣсяца.

Пропускъ съѣстныхъ припасовъ въ нейтральныя страны дѣло темное. Никто не можетъ рѣшить, куда идутъ эти припасы: на довольствіе ли нейтральной страны или для продажи въ животы одной изъ воюющихъ сторонъ. Казалось бы, что

---

[1] См. „Русск. Стар.“ мартъ 1915 г.

теперь изъ Россіи не слѣдуетъ допускать никакого вывоза съѣстныхъ припасовъ въ нейтральныя страны.

Одинъ купецъ разсказывалъ, что якобы передъ войной Финляндія запродала въ Германію хлѣбъ, полученный для довольствія своей страны, а образовавшійся недостатокъ хлѣба пополнила запасами изъ Россіи.

Цѣны на жизненные припасы и дрова въ Петроградѣ поднимаются все выше и выше. Отцы города все говорятъ и говорятъ, но ничего не дѣлаютъ. Они думали, что припасы свалятся къ нимъ съ неба.

Купцы жалуются на трудность получить вагоны для перевозки грузовъ и на громадныя цѣны ломовиковъ для перевозки грузовъ отъ вокзаловъ. Патріотизмъ продовольственнаго купеческаго сословія заслуживаетъ самаго глубокаго презрѣнія. Одна у нихъ только цѣль—набить свой толстый карманъ.

Слышалъ разсказы о томъ, что германскіе плѣнные генералы и штабъ-офицеры скрываютъ у насъ свои чины и выдаютъ себя за офицеровъ ландштурма. Были неоднократно случаи, когда при входѣ въ помѣщеніе такого офицера всѣ плѣнные вскакивали и вытягивались, по нѣмецкому обычаю, какъ проглотившіе аршинъ.

Необычайнаго къ себѣ высокопочитанія отъ всѣхъ подчиненныхъ требуетъ на западномъ фронтѣ генералъ Эмихъ. При его выходѣ аршинъ глотаютъ не только чины штаба его арміи, но даже начальники дивизій, командиры корпусовъ, а также высокопоставленные, именитые принцы.

Въ своихъ замѣткахъ за прошлый мѣсяцъ я обѣщалъ привести дивное повѣствованіе В. И. Немировича-Данченко о нашихъ сестрахъ милосердія, нашихъ врагахъ и о нашемъ „Красномъ Крестѣ“. Вотъ это вдохновенное повѣствованіе [1]).

---

[1]) „Русское Слово“, 29 декабря 1914 г.

„Какъ часто сердце сжималось, когда въ это сплошное несчастье васъ забросить въ наши лазареты, на станціи, гдѣ сложены раненые, на поѣзда, которые везутъ ихъ прочь отъ боевыхъ полей. Вѣдь, кажется, чему тутъ радоваться? Кругомъ одинъ сплошной ужасъ. Ужасъ въ зіяющихъ дырьяхъ, сочащихъ драгоцѣнную кровь уходящей жизни; въ осколкахъ костей, торчащихъ изъ развороченнаго мяса, въ раздробленныхъ черепахъ... Но тутъ же, рядомъ, ангелами Силоамской купели являются намъ наши святыя подвижницы, чудесныя печальницы сказочныхъ витязей, наши сестры милосердія, самоотверженные, не знающіе сна и отдыха врачи и вся эта славная армія „Краснаго Креста“, на невиданную доселѣ высоту поднявшая въ эту войну свое великое дѣло. Тѣ, кто ихъ видитъ на пути, позади, въ тылу, не имѣютъ понятія, что за египетскій трудъ достается этимъ подвижникамъ и страстотерпцамъ милосердія! Ихъ надо видѣть на страдѣ, часто подъ огнемъ, всегда въ страшныхъ лишеніяхъ, въ обстановкѣ, въ которой самое существованіе является непонятнымъ, невозможнымъ для людей, привыкшихъ къ инымъ условіямъ жизни. Я не говорю о работѣ надъ ранеными: это—подвигъ, поглощающій всего человѣка такъ, что у него не остается и мысли о чемъ-нибудь другомъ. Тутъ, вѣдь, мало стричь отмершее тѣло, перевязывать, смывать гной... Надо все это освѣтить лаской, нѣжною, кроткою улыбкой, чтобы она отразилась въ полной страданій душѣ сраженнаго бойца. Надо часто бодрою шуткою убить въ немъ чувство боли, заставить эти слипшіяся губы улыбнуться, смежившіяся вѣки—открыться и гаснущій взглядъ—загорѣться огнемъ возвращающейся жизни. Иногда мягкая женская рука на горячемъ лбу мученика даетъ ему больше, чѣмъ вся медицина, взятая вмѣстѣ. Часто смѣтливый врачъ сразу вернетъ раненому жажду, страстную жажду опять увидѣть солнце, опять задышать смѣло и вольно вольнымъ воздухомъ родныхъ полей. И улыбаться, и ласкать, и примирять съ нечеловѣческой мукой надо, вѣдь, не часъ или два, а сплошь недѣли и мѣсяцы, когда уже тысячи носилокъ сложили передъ вами на солому передового лазарета измученныхъ людей. Надо умѣть не устать, надо привыкнуть не утратить самой или самому душевной силы, не дать сердцу зарасти мозолями отъ вѣчнаго зрѣлища однѣхъ и тѣхъ же картинъ, держать его настежь открытымъ, чтобы ни одинъ стонъ, ни одинъ вздохъ не угасли въ душной, запахомъ крови пропитанной халупѣ безъ вашего отвѣтнаго слова, привѣта, утѣшенія. Прежде чѣмъ подать помощь раненому,—это всякъ

сумѣетъ,—надо, чтобы онъ сразу почувствовалъ себя въ родныхъ, теплыхъ, ласковыхъ рукахъ, понялъ, что онъ не заброшенъ, не забытъ, что надъ нимъ не посторонніе люди свершаютъ свое казенное дѣло, но свои, семья; сестра—дѣйствительно его сестра, братъ—его братъ. Надо, чтобы въ аду этой безпримѣрной войны онъ вдругъ созналъ себя не простымъ солдатомъ, даже не лучезарнымъ героемъ, а близкимъ, кровно близкимъ вамъ человѣкомъ, за котораго вы сами готовы отдать не только свой трудъ, но и свою душу, свою мысль, трепетъ лучшихъ вашихъ желаній, неутомимую потребность помочь ему, спасти, наполнить его надеждою, поднять его вѣру до чуда, до воскресенія изъ мертвыхъ... Пусть онъ узнаетъ вмѣстѣ съ сотнями такихъ же, что имъ въ его грязной корѣ (окопы не красятъ, и мыться тамъ негдѣ!), въ его вшивой рубахѣ никто, ни на одно мгновеніе не тяготится. Пусть острый воспаленный взглядъ раненаго не подмѣтитъ въ вашемъ лицѣ ни брезгливости, ни отвращенія. Вѣдь, попадая въ женскія руки, онъ часто полонъ стыда и смущенія; надо и сестрѣ, и врачу сразу убить въ немъ растерянность: дѣломъ, словомъ, тономъ голоса, часто повелительною ноткой, ободряющей шуткой дать ему понять, что ничего неопрятнаго, стыднаго, смущающаго въ этой грязной работѣ нѣтъ и быть не можетъ. Въ свое время я дамъ полную картину удивительной страды русскаго „Краснаго Креста“, юность котораго я видѣлъ въ 1877—78 годахъ, въ русско-турецкую войну, потомъ наблюдалъ, какъ онъ росъ, и сейчасъ встрѣчаю его окрѣпшимъ и развернувшимся на громадномъ фронтѣ этой первой во всемірной исторіи войны, среди ея милліонныхъ армій. Не растеряться въ такимъ масштабахъ—ужъ само по себѣ большая заслуга, и ее необходимо признать за нимъ. Вѣдь, никто не ожидалъ, чтобы международные вопросы такъ быстро привели всѣхъ къ этому знаменателю. Думали, что долгіе годы пройдутъ, прежде чѣмъ разразится этотъ катаклизмъ, равнаго которому не было и не будетъ. Нельзя поэтому и требовать, чтобы всѣ и все оказались неожиданно на такой высотѣ. Посмотрите, что творится у нѣмцевъ, побившихъ всѣ рекорды техники и подготовки. Тамъ добиваютъ, случается, раненыхъ, бросаютъ ихъ. Нашихъ не пользуютъ. У насъ ничего подобнаго: не только своихъ,—мы подбираемъ и раненаго врага. Наше милосердіе широко открыло свои двери и своимъ, и чужимъ. Часто у насъ мало средствъ, но они одинаково принадлежатъ всѣмъ страждущимъ. Еще вчера нѣмецъ съ пробитою навылетъ грудью говорилъ при мнѣ: „У насъ мы

три дня ничего не ѣли. Что было,—понадобилось для здоровыхъ на боевыя позиціи. Въ первый разъ я былъ перевязанъ и накормленъ у васъ въ „Красномъ Крестѣ". Мы у себя не встрѣчали такихъ сестеръ, и, если бы наши узнали о нихъ, уваженіе къ великодушному нашему врагу выросло бы въ Германіи. Мы и теперь по обращенію съ нами въ русскихъ лазаретахъ видимъ, какъ кайзеръ лгалъ на Россію. Зачѣмъ это нужно было,—пусть его судитъ Богъ, но на каждомъ шагу, съ тѣхъ поръ, какъ меня подняли ваши солдаты и доставили въ передовой лазаретъ, я видѣлъ, что въ словахъ нашего Императора не было ни одного слова правды... Ни одного слова правды!..".

Въ то самое время, когда наши врачи и сестры милосердія несутъ свой евангельскій подвигъ по отношенію къ своимъ и къ германцамъ и австрійцамъ, въ это же время бывшій учитель въ Вестфаліи г. Липшринге Тофаль, произведенный въ прапорщики германскихъ войскъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ [1]) по поводу разстрѣла въ его присутствіи третьяго изъ взятыхъ бельгійцевъ по подозрѣнію въ франктирерствѣ:

„Если ужъ намъ приходится погибать при столь варварскихъ обстоятельствахъ, то лучше не оставлять камня на камнѣ и избивать безъ разбора и правыхъ, и виновныхъ".

Въ настоящее время безпросвѣтнаго пьянства германской арміи въ бою и до боя, и необычайной трезвости нашей доблестной арміи очень трогательно прочесть письмо о трезвенности въ самой Россіи [2]):

„Не могу не привести здѣсь и отзывъ крестьянъ, представителей одного сельскаго общества изъ Псковской губерніи, прибывшихъ въ Петроградъ въ качествѣ ходатаевъ своего общества.

На мои разспросы объ ихъ житьѣ-бытьѣ, крестьяне прежде всего принялись разсказывать о томъ, какое вліяніе имѣло на жизнь ихъ села запрещеніе продажи водки.

— Думали, совсѣмъ пропадемъ. Такъ сильно пилъ народъ въ послѣдніе годы, какъ будто люди очумѣли. Пьютъ, бывало,

---

[1]) г. Temps.

[2]) „Нов. Вр." 29 дек. 1914 г.

и старые, и малые. Что ни праздникъ, то поголовное пьянство, шумъ, скандалъ, бой. Пьянствуютъ и послѣ праздника два-три дня, пока опамятуются. Справятся, а тамъ глядишь: опять праздникъ, опять принимаются за то же. Всѣ ребята спились. Бывало, нѣтъ прохода ни старымъ, ни малымъ, а то, того и гляди, спалятъ. Сколько губили народа. Кого ножомъ, кого дубьемъ. Потеряли совсѣмъ Бога. А теперь точно въ сказкѣ все перемѣнилось. Не узнать людей, стали другіе. Кто раньше пропивалъ всѣ свои достатки, даже человѣческій образъ, сначала безъ водки мучились, а потомъ снова принялись за работу... и теперь совсѣмъ другіе люди. Пустѣвшіе храмы Божіи опять, какъ въ старину, полны народу. Да и что дѣлать намъ въ праздникъ, если нѣтъ проклятаго, чортоваго зелья. Смиловался Батюшка Небесный, переродилъ насъ. Вотъ только все говорятъ, пиво скоро откроютъ. По-нашему для крестьянина оно — не лучше водки. Въ нашемъ уѣздѣ не было деревушки передъ войной, гдѣ бы не было пивной лавки".

Петроградскому обывателю очень было бы желательно знать, было ли что-либо сдѣлано нѣмецкимъ колоніямъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ, когда высадившійся тамъ турецкій разъѣздъ для взрыва моста у Рени, въ теченіи двухъ сутокъ, пройдя болѣе ста верстъ, укрывался, слѣдуя отъ одного нѣмецкаго села въ другое. По сіе время еще не послѣдовало никакого разъясненія о семъ событіи.

Германскіе начальники придумали зимою новый способъ скрывать свои потери. Трупы убитыхъ германцевъ связываютъ плотно по три вмѣстѣ желѣзными обручами, набиваютъ ими вагоны до верху и вывозятъ подальше отъ боевыхъ полей, тамъ вырываютъ канавы, въ которыхъ закапываютъ убитыхъ. Одинъ изъ корреспондентовъ Морисъ Штраусъ приводитъ по этому поводу такое сказаніе [1]).

„Уѣзжая изъ Берлина, Штраусъ на вокзалѣ замѣтилъ, что жандармъ, провѣряющій паспорта, блѣденъ, какъ полотно, и весь дрожитъ. Штраусъ участливо спросилъ жандарма, что съ нимъ.

---

[1]) „Русс. Слово" 31 дек. 1914 г.

— Ахъ, сударь,—отвѣчалъ тотъ, — если бы вы только видѣли...

Его голосъ задрожалъ и, указывая на длинный поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути, жандармъ тихо прибавилъ:

— Этотъ поѣздъ полонъ трупами. Вагоны набиты ими до самой крыши".

Властями воспрещено распространеніе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ сборника извѣстныхъ статей Ренникова „Въ странѣ чудесъ" въ латышскомъ переводѣ. Имѣвшіеся въ книжныхъ магазинахъ экземпляры конфискованы. Распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе ходатайства предводителя Пиларъ фонъ-Пильхау [1]).

Въ одной изъ корреспонденцій [2]) приводится удивительный подвигъ въ Плешенѣ прапорщика князя А., одного изъ легендарныхъ кавказскихъ полковъ:

„Цѣлый городъ, Плешенъ съ войскомъ, полный жителей И отъ него къ границѣ патрули, заставы, обозы, парки, и что еще тамъ,—можете представить себѣ сами! Князя это нисколько не пугаетъ. Онъ врывается въ Плешенъ, прямо на почту, захватываетъ оффиціальную и, главное, военную корреспонденцію, уничтожаетъ при этомъ охрану изъ несравненно многочисленнѣйшаго ландштурма. Въ городѣ паника. Никто толкомъ не сообразитъ, что ворвалась горсточка нашихъ молодцовъ, что раздавить ее — вопросъ одной минуты. Бѣгутъ въ поля кругомъ, бросаютъ все; пѣхота запирается въ казармахъ. Въ опромети и суматохѣ нѣмцы изъ оконъ стрѣляютъ одни въ другихъ, а прапорщикъ спокойно возвращается въ полкъ. Спокойно, но раненый въ глазъ и ухо".

Священникъ одного изъ нашихъ полковъ, расположенныхъ на самой границѣ Восточной Пруссіи, осмотрѣлъ полковую церковь, въ которой временно побывали германцы. Они разграбили весь храмъ; св. иконы были разсѣчены шашками и проколоты штыками; повсюду оставлены нечистоты, изъ которыхъ вынуто шесть иконъ. На престолѣ лежали пустыя винныя бутылки и жестянки изъ-подъ консервовъ.

---

[1]) „Нов. Вр." 4 января сего года.
[2]) „Русское Слово" 3 января сего года.

Читалъ изумительныя сказанія о работахъ въ настоящее время въ Россіи четырехъ германскихъ заводовъ акціонернаго общества „Б. Гантке", изготовляющихъ рельсы, лопаты, снаряды, колючую проволоку и другіе предметы военнаго снаряженія. Одинъ заводъ въ Ченстоховѣ занятъ германцами и работаетъ во всю, другой въ Варшавѣ, третій въ Екатеринославѣ и четвертый въ Саратовѣ. Все правленіе—германскіе подданные, проживающіе въ Германіи и теперь черезъ Копенгагенъ всѣмъ распоряжающіеся. Это господа Каро, Цутеркандль, Брандъ, Фридлендеръ, Бетхке, Вольфъ, Уитльманъ и Шальша. Почти всѣ акціи принадлежатъ нѣмцамъ, увезшимъ всѣ торговыя книги въ Берлинъ. Небольшое количество русскихъ акціонеровъ ничего не можетъ подѣлать, такъ какъ служащіе на заводахъ не исполняютъ ихъ постановленій. Три завода въ Россіи все уменьшаютъ и уменьшаютъ свою дѣятельность, а заводъ въ Ченстоховѣ все увеличиваетъ и увеличиваетъ.

5—8 января. Повсюду происходили частные бои. На правомъ берегу Вислы у Конопки, Радзанова, Бѣжуна, Добржина и Скемпе.

На лѣвомъ берегу Вислы на Варшавскомъ фронтѣ, нѣмцы переходили въ наступленіе ночью на линіи Гулка — Висувка, но во-время обнаруженные, при помощи прожекторовъ, они были остановлены и разсѣяны нашимъ огнемъ. Дѣйствія нашихъ и непріятельскихъ прожекторовъ картинно описывается въ одной изъ корреспонденцій [1]).

„Вонъ засвѣтился тамъ черезъ провалъ неугомонной рѣки яркій синеватый глазъ. Бросилъ сюда блѣдный лучъ, точно призрачный мостъ изъ свѣта. Ходитъ этотъ лучъ во всѣ стороны, шаритъ откосы, стѣны домовъ, въ каждое окно ихъ нижется, скользитъ отъ кровель къ землѣ. Бѣда показаться въ его зыбкой, скользящей лентѣ. Каждый силуэтъ на ней сторожатъ невидимыя дула. Точно громадное фосфорическое чудовище оттуда забрасываетъ сюда свои холодныя сквозныя щупальца. Прожекторъ и отсюда, отъ насъ, работаетъ на ту сторону. Тоже ищетъ, намѣчаетъ, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ, выхватываетъ изъ мрака соломенныя кровли, покосившіеся заборы, убогія стѣны. Лучи встрѣчаются, сливаются, скрещиваются и, свившись на одно мгновеніе, расползаются. Иной

[1]) „Рус. Сл." 30 дек. 1914 г.

разъ длинная лента протянется далеко-далеко,—и вдругъ подъ нею выступятъ темень соннаго лѣса, башня костела или медлительно ползущій обозъ... А кругомъ орутъ стальныя пасти орудій, вспыхивая огненнымъ дыханьемъ, рождаются и умираютъ искры лопающихся шрапнелей“...

На этомъ же фронтѣ германцы вели наступленіе, освѣщая его прожекторами въ раіонѣ Витковице, но были отбиты.

Въ Буковинѣ заняты нами Іоганешти и Ворохта.

Въ Западной Галиціи у М. Радлова нѣмцы густыми цѣпями дошли до проволочныхъ загражденій нашихъ укрѣпленій и, понеся отъ нашего огня большія потери, отступили. Наши противники разбрасываютъ наглыя прокламаціи.

На Кавказѣ въ Зачорохскомъ краѣ вытѣсненіе противника идетъ успѣшно.

Одна изъ германскихъ ночныхъ атакъ описывается слѣдующимъ образомъ въ одной изъ корреспонденцій:

„Точно стая птицъ пролетѣла съ непріятельской стороны черезъ наши окопы. Крр...я, крр...я, кр...я! раздались оглушительные взрывы въ паркѣ. Дзнь!.. завизжала шрапнель, блеснувъ своимъ фіолетовымъ огонькомъ надъ ближайшимъ домомъ. Впереди окоповъ начали вырисовываться черные силуэты отдѣльныхъ людей, за ними двигались темныя линіи.—Нѣмцы идутъ въ атаку, приготовсь!.. — передается между солдатами. Въ окопахъ все замерло. Взоры всѣхъ обращены впередъ, ружья на-готовѣ, курки взведены. Уже въ темнотѣ можно различить непріятельскія цѣпи и за ними колонны. Слышится и щелканье ножей о стволы винтовокъ; теперь врагъ для насъ не опасенъ, такъ какъ съ примкнутымъ ножемъ не можетъ стрѣлять.

И вдругъ произошло то, чего не въ состояніи описать ни одно перо. Все — и ружья, и пулеметы, и орудія слились въ общій гулъ, который волной перекатывался по всему фронту отъ одного фланга къ другому.

Будучи встрѣчены металлическимъ дождемъ, враги замялись на мѣстѣ и остановились. Нѣсколько темныхъ фигуръ выдѣлилось было впередъ, но тотчасъ упали, словно подкошенныя. И вмигъ стройныя линіи приняли безформенныя очертанія и устремились назадъ Звонятъ телефонные аппараты съ доброю вѣстью: атака отбита.

Понемногу утихаютъ орудія, затихаютъ пулеметы, и ружейная пальба переходитъ опять въ отдѣльные выстрѣлы. Въ окопахъ провѣряютъ людей, впереди видны трупы, слышны стоны умирающихъ; точно тѣни, движутся санитары за ранеными".

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ на Западномъ фронтѣ Дьяковъ-Тарасовъ, такимъ образомъ описываетъ [1]) разговоры французскаго солдата о русской арміи и Россіи:

„Пропали нѣмцы!

— Пропали! Конечно, пропали!—убѣжденно и радостно подтверждаютъ окружающіе.

— Тутъ нельзя сомнѣваться, — продолжаетъ солдатъ. Мы знаемъ, что Россія можетъ безконечно формировать все новыя и новыя войска. Боже мой, сколько тамъ народу! Я, вѣдь, только теперь, во время войны, узналъ, какое это могущественное государство, эта Россія. Какое пространство! Раньше что мы о ней знали? Ничего! Въ школѣ у насъ изучаютъ только Францію. О другихъ государствахъ мы почти ничего не знаемъ. А о Россіи тѣмъ болѣе. Есть тамъ, въ Азіи, какая-то всегда покрытая снѣгомъ страна—Россія, громадное, но очень бѣдное государство, съ которымъ мы въ союзѣ. Вотъ и все. А теперь я самъ разсматривалъ карту Россіи: вотъ величина-то!.. И народъ не только храбрый, но и съ большимъ характеромъ: раньше такъ много пили спирту, а теперь вотъ сразу рѣшили не пить, и не пьютъ. А? Вотъ это такъ"!

9-го января. Сообщаютъ, что въ древнепрестольномъ Кіевѣ хоть прудъ пруди въ различныхъ промышленныхъ, акціонерныхъ и иныхъ учрежденіяхъ изъ Блюмъ, Эйгнеровъ, Мандлей, Вейзе, Столенберговъ, Планковъ, Груберовъ, Вольшмитами, Вернеровъ, Ратгаузовъ, Розенблатовъ и тому подобныхъ безъ счету.

Пароходы по Днѣпру управляются капитанами нѣмцами, почему-то забывающими поднимать флаги на судахъ въ Царскіе дни.

Великое дѣло творитъ наша армія въ эту великую войну. Ея заслуги родинѣ безсильно изобразить мое слабое перо, и на прежнихъ страницахъ замѣтокъ были воспроизведены див-

[1]) „Русское Слово" 8-го января сего года.

ныя сказанія о ней В. И. Немировича-Данченко. Мы же лично упомянули только то, что героями великой войны надлежитъ считать русскаго генерала, русскаго офицера, русскаго солдата и весь великій русскій народъ.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ объ одной, новой части, офицерскаго состава нашей арміи, проявившей себя, съ особымъ отличіемъ, въ эту кампанію — это такъ называемые, прапорщики запаса.

Безподобный, постоянный офицерскій составъ нашей арміи, конечно, идетъ внѣ всякаго конкурса. Доказательство этому на-лицо въ тѣхъ частяхъ, гдѣ эти составы перемѣнялись нѣсколько разъ, сохраняя свою часть въ блестящемъ порядкѣ.

Другое совсѣмъ дѣло, пришлые въ офицерскій составъ отдѣльныхъ частей люди прямо изъ народной массы, это прапорщики запаса, люди, получившіе среднее или высшее образованіе и отбывшіе нѣсколько лагерныхъ сборовъ. Вотъ эти-то прапорщики запаса въ эту великую войну значительно усилили, съ большою честью, офицерскій составъ нашихъ милліонныхъ армій. Многіе изъ нихъ въ мирное время занимали по гражданской службѣ видныя должности, а на войнѣ, съ особымъ достоинствомъ, исполняли обязанности младшаго офицера. Мнѣ лично пришлось имѣть сношеніе съ такимъ лицомъ, уже имѣвшимъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

По свидѣтельству многихъ, прапорщики запаса съ великой честью вели себя въ бою, въ походѣ и на отдыхѣ.

Надлежитъ вспомнить добрымъ словомъ тѣхъ лицъ, которыя выковали эту страшную силу для русской арміи въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда стоявшій у военной власти военный министръ, генералъ-адъютантъ Ванновскій, не сознавалъ значенія этой силы, и гнулъ своей упорной волей, на усиленіе въ военное время офицерскаго состава производствомъ изъ нижнихъ чиновъ.

Высокій, почти геніальный, умъ тогдашняго начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Обручева подсказалъ ему, какую огромную пользу принесетъ эта категорія офицерскаго запаса въ будущее время—и вотъ онъ, не взирая на противодѣйствіе свыше, съ необычайнымъ разумомъ и настойчивостью разрабатывалъ и проводилъ въ жизнь мирную подготовку прапорщиковъ запаса. Ревностнымъ и способнымъ сотрудникомъ генералъ-адъютанту Обручеву въ этомъ важномъ дѣлѣ былъ

молодой капитанъ генеральнаго штаба Свѣтловъ, занимавшій мѣсто начальника отдѣленія, и положившій свои силы и способности на созданіе этого отдѣла военной мощи Россіи.

Пропустилъ давно записать о слышанной мною уже давно очень интересной лекціи профессора Арабажина „О Польшѣ“.

Авторъ излагалъ предъидущую исторію Польши, ея политическіе идеалы и особенно настаивалъ на томъ, чтобы будущее ея устройство было своимъ, внутреннимъ дѣломъ Россіи, ея Государственной Думы, ея Государственнаго Совѣта, а отнюдь не дѣломъ политическихъ конгрессовъ.

Тоже слышалъ высокаго интереса лекцію о Прибалтійскомъ Краѣ, депутата Государственной Думы князя Мансырева. Лекторъ тонкій знатокъ этого края и его особо привилегированныхъ законовъ, картинно изложилъ исторію этого края и искуснаго проведенія въ жизнь балтійскимъ дворянствомъ всѣхъ своихъ необычайныхъ правъ, обдѣлывая ихъ законодательнымъ путемъ. Особенно рельефно выяснены особыя привилегіи ландтаговъ, которыя гораздо шире компетенціи нашей Государственной Думы и многихъ парламентовъ. Напримѣръ, ст. 83 тома II, гласитъ, что ландтагъ можетъ обсуждать: *„все, что касается правъ, пользы и учрежденія дворянскихъ обществъ или блага сего края“*. Въ какомъ направленіи прибалтійское дворянство использовало эту статью, даетъ указаніе ст. 563 закона, которая устанавливаетъ компетенцію ландратной комиссіи и ставитъ первѣйшей ея обязанностью: *„бдительное отеческое попеченіе объ охраненіи правъ, преимуществъ, учрежденій и постояннымъ обычаемъ установленныхъ правилъ дворянскаго общества“*. На дѣлѣ всѣ эти привилегіи прибалтійскаго дворянства выразились такъ: „все для насъ и ничего для другихъ“.

Конечно, прибавимъ къ этимъ заключеніямъ лектора, что послѣ войны прибалтійское дворянство должно получить тѣ же права, какъ и вся Россія, и въ краѣ должно быть неотложно введено земство, какъ на всей святой Руси.

10-го января. Вчера законодательная комиссія французской палаты одобрила проектъ Бріана, подвергающій тюремному за-

ключенію отъ одного до пяти лѣтъ и штрафу, отъ 500 до 2.000 франковъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ дѣлать попытки къ совершенію торговыхъ сдѣлокъ съ подданными враждебныхъ государствъ.

До настоящаго времени, секвестровано 4.001 германскихъ и австрійскихъ предпріятій. Правительство сдѣлало также распоряженіе о секвестрѣ имущества 2.187 гражданъ Германіи и Австріи [1]).

Какой дивный, заслуживающій неотложнаго подражанія, законопроектъ!

Какъ онъ уменьшилъ бы сразу позорную кучу русскихъ радѣтелей нѣмецкаго засилія. Сколько и сколько этихъ радѣтелей въ Петроградѣ. Ими хоть прудъ пруди.

Отъ штаба главнокомандующаго юго-западнаго фронта сообщается: „Изъ разспросовъ взятыхъ въ послѣднее время въ плѣнъ венгерцевъ выяснилось, что майоръ 22-го гонведнаго полка напутствовалъ людей, прибывающихъ для укомплектованія частей, слѣдующей рѣчью: „Когда будете въ Россіи, не щадите стариковъ, женщинъ и дѣтей, хотя бы находящихся въ утробѣ матери“ [2]).

Извѣстный французскій ученый Викторъ Бераръ, специализировавшійся по восточному вопросу, въ докладѣ, прочитанномъ передъ аудиторіей, состоящей преимущественно изъ военныхъ, слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ роль Россіи въ первый періодъ войны.

— Наступленіе русскихъ на Алленштейнъ способствовало побѣдѣ французовъ на Марнѣ; наступленіе русскихъ на Варту помогло англо-французской арміи разбить германцевъ на Изерѣ; развитіе операцій подъ Краковомъ облегчило Сербіи разгромъ австрійцевъ; наконецъ русскія побѣды на Кавказѣ разрѣшили вопросъ объ оборонѣ Египта [3]).

---

[1]) „Нов. Вр.“ 10 января сего года.

[2]) Телеграмма „Петрогр. Телегр. Агентства“ изъ Кіева отъ 10 января сего года.

[3]) „Новое Вр.“ 10 января сего года.

11-го января. Сообщаютъ, изъ Владивостока [1]), что тамъ еще продолжается сильное нѣмецкое засилье. Нѣмцы такъ вліяютъ на мѣстную газету „Дальній Востокъ“, что тамъ появляются жирнымъ шрифтомъ сообщенія такого рода: „Гебенъ потопилъ транспортъ Прутъ“. Это преподносится вмѣсто дивнаго описанія геройскаго самовзрыва „Прута“, дабы не достаться врагу. Городъ кишитъ нѣмцами, всегда слышна нѣмецкая рѣчь, вездѣ нѣмецкія вывѣски нѣмецкихъ предпріятій.

Недавно тамъ была лотерея въ пользу нашихъ раненыхъ; въ ней принимали участіе тамошніе нѣмецкіе крезы Альберсъ, Бринеръ, Грютналь, Гирсъ, Ландшвагъ, Толле, Датанъ, фирма „Кунстъ и Альберстъ“, Ланилитте, Вартъ, Киргофъ, Ниссенъ, Петерсъ, Гросъ, „Сименсъ и Шукертъ“ и собрали 208 р. 57 к.

Въ Парижѣ 28 декабря напечатано, крайне желательное для подражанія, сообщеніе военнаго министерства слѣдующаго содержанія:

„Вслѣдствіе суроваго режима, которому подвергаются французскіе военноплѣнные въ Германіи, что установлено оффиціальными документами, французское правительство дипломатическимъ путемъ энергично протестовало въ Берлинѣ и со своей стороны приняло на началахъ взаимности суровыя мѣры противъ германскихъ военноплѣнныхъ во Франціи. Впредь возвращеніе на родину германскихъ врачей и санитаровъ будетъ поставлено въ зависимость отъ возвращенія на родину французскаго санитарнаго персонала. Далѣе, по примѣру Германіи, прекращается выдача ежедневно пяти сантимовъ плѣннымъ солдатамъ и унтеръ-офицерамъ и раздача имъ табаку. Жалованье плѣннымъ оберъ- и штабъ-офицерамъ сокращено до 60 изъ 100 марокъ, а также измѣненъ режимъ питанія. Этими распоряженіями уже достигнуты нѣкоторые результаты, напримѣръ, въ смыслѣ облегченія переписки съ плѣнными французами въ Германіи. Правительство исполнено твердой рѣшимости продолжать придерживаться этого образа дѣйствій и примѣнять и впредь къ германскимъ плѣннымъ тотъ же режимъ, которому подвергаются плѣнные французы“.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 11 января сего года.

12-го января. Какъ предсѣдатель Комитета одного изъ лазаретовъ Великой Княжны Ольги Николаевны, я получилъ аудіенцію у Ея Императорскаго Высочества въ Царскомъ Селѣ въ Татьянинъ день.

Представленіе состоялось въ Александровскомъ дворцѣ при интересной обстановкѣ.

Я былъ введенъ въ большую залу, по стѣнамъ которой стояла масса растеній и цвѣтовъ.

На противоположной отъ входа стѣны на фонѣ цвѣтовъ, точно видѣніе, стояла прелестная сестра милосердія. Это и была Великая Княжна Ольга Николаевна.

Передъ праздникомъ Рождества Христова Великая Княжна прислала прекрасные рождественскіе подарки, составленные Ею съ особымъ сердечнымъ вниманіемъ. Послѣ привѣта Великой Княжны и поздравленія съ именинами Августѣйшей сестры, я счелъ долгомъ отъ имени офицеровъ поблагодарить Ее за эти подарки.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся лазарета, который показывалъ, какъ близко къ сердцу принимала Великая Княжна все, что касалось Ея лазарета. Затѣмъ Ея Высочество поручила мнѣ передать Ея поклонъ всѣмъ раненымъ офицерамъ.

Долго послѣ этого представленія, передъ моими глазами представлялось очаровательное видѣніе Августѣйшей сестры милосердія на дивномъ фонѣ растеній и цвѣтовъ.

Слышалъ разсказъ очень обстоятельнаго и правдиваго человѣка, недавно вернувшагося изъ Франціи черезъ Италію, Сербію, Болгарію и Румынію.

Вся Франція и французская армія проникнута однимъ общимъ чувствомъ полнѣйшей увѣренностью въ несомнѣнной побѣдѣ. Популярность генерала Жоффра въ арміи и во всей странѣ колоссальная. Единеніе между союзными англо-французскими арміями изумительное. Отношеніе союзниковъ къ Россіи и русскимъ войскамъ такое, лучше котораго нельзя желать.

Союзныя арміи чудно снабжены всѣми видами довольствія и рвутся въ бой.

Причиною паденія Антверпена было, по словамъ разсказчика, снабженіе крѣпостныхъ орудій съ завода Круппа негодными снарядами и устройство заблаговременно повсюду бетонныхъ основаній для тяжелыхъ германскихъ орудій, подъ ви-

домъ площадокъ для лаунъ-тениса. Такія же площадки оказались передъ нѣкоторыми французскими крѣпостями (нѣтъ ли у насъ такихъ площадокъ въ Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ и Юго-Западномъ краѣ).

При проѣздѣ по нейтральнымъ странамъ разсказчику оказывалось полное вниманіе, но особенно сердечно встрѣчали въ Сербіи, съ него не брали денегъ за провозъ по желѣзнымъ дорогамъ и въ Румыніи.

---

13 — 16 января. Послѣ изложенія въ нашихъ замѣткахъ военныхъ событій на всѣхъ фронтахъ, включительно по 16-е января, произошли слѣдующія боевыя дѣйствія. На лѣвомъ берегу Вислы, на Варшавскомъ фронтѣ германцы, по обыкновенію, гвоздили безуспѣшно наши позиціи у Боржимова, и Каміона.

Австрійцы начинаютъ проявлять усиленную дѣятельность въ восточныхъ Карпатахъ и Буковинѣ, повидимому, для освобожденія Перемышля. Они отбиты нами у Кирли-Бабы и Дуклы. Въ Восточной Пруссіи къ сѣверу отъ Тильзита, у Пильканена и Гумбинена наши войска начали наступленіе. На Кавказѣ въ прибрежномъ черноморскомъ Зачорохскомъ краѣ порисходитъ упорный бой съ турками.

Германскій гидропланъ 12 января совершилъ свой воздушный набѣгъ на Либаву, но набѣгъ сей кончился для него плачевно. Наши войсковыя части и моряки подбили эту громаду, заставили ее сѣсть на воду, плѣнили весь его экипажъ,—а самую 500 футовую оболочку потопили въ морѣ, такъ какъ трудно было доставить ее до берега.

Сообщаютъ, что на сто километровъ кругомъ Берлина, вплоть до Стандаля, вся мѣстность покрыта траншеями, проволочными загражденіями и площадками для орудій.

18-го января. Въ одной изъ нашихъ газетъ [1]) приведена выдержка изъ болгарской газеты „Единство“, и тамъ напечатано: „Австро-венгерскія и германскія побѣды надъ русскими продолжаются съ удивительной стремительностью“.

---

[1]) „Веч. Вр.“ 18 января сего года.

Передаютъ, что австрійское офицерство, по словамъ „Астр. Листка", устроилось въ самой Астрахани съ полнымъ комфортомъ: живутъ на частныхъ квартирахъ, свободно, какъ хотятъ, проводятъ время, имѣютъ денщиковъ изъ своихъ же австрійскихъ солдатъ, получаютъ по женевской конвенціи „жалованье" и чувствуютъ себя какъ дома.

Плѣнные солдаты исключительно славяне и румыны, живутъ въ казармахъ и подчинены нашему солдатскому режиму. По просьбѣ самихъ плѣнныхъ мѣстныя редакціи высылаютъ имъ свои газеты, по которымъ плѣнные учатся русскому языку. Солдатъ свободно отпускаютъ на прогулку по городу, сначала въ сопровожденіи караульныхъ, а теперь одних.

Военноплѣннымъ въ Германіи не разрѣшаютъ распоряжаться собственными деньгами, вслѣдствіе чего нѣкоторые страшно исхудали и ослабѣли. Дѣло доходитъ до того, что многіе изъ этихъ несчастныхъ обыскиваютъ ящики для отбросовъ, желая найти въ нихъ хоть крохи пищи. Дисциплина крайне строгая. За малѣйшую провинность виновнаго привязываютъ къ столбу, къ которому на высотѣ одного метра и 25 сантиметровъ прибита перекладина. Руки привязываютъ къ перекладинѣ и прикрѣпляютъ цѣпью, которая запирается на спинѣ висячимъ замкомъ. Въ такомъ положеніи несчастные остаются въ теченіе двухъ часовъ. Эта ужасная пытка особенно мучительна во время дождя или холодной погоды. Позорные столбы выставляютъ обыкновенно около дорогъ, и прохожіе издѣваются надъ несчастными, закованными въ цѣпи [1]).

..."Владѣлецъ гастрономическаго магазина на территоріи нѣмецкаго старо-цементнаго завода въ Новороссійскѣ нѣмецъ г. Бацили въ переполненной публикой кофейнѣ Кишешняца не такъ давно громогласно заявилъ:

— Подождите, придетъ время, мы еще вамъ покажемъ. Нашъ Вильгельмъ знаетъ, что дѣлаетъ [2])!

По требованію возмущенной публики, приставомъ перваго полицейскаго участка былъ составленъ протоколъ. Всѣ ожидали, что г. Бацили постигнетъ заслуженная кара, но, увы! Протоколъ былъ переданъ по мѣсту жительства г. Бацили на бла-

[1]) „Нов. Вр." 18 января сего года.

[2]) „Нов. Вр." 17 января сего года.

гоусмотрѣніе начальствующаго лица, вѣдающаго территоріей старо-цементнаго завода и, къ слову сказать, въ зданіяхъ онаго завода квартирующаго... И о столь серьезномъ дѣлѣ ни слуху, ни духу".

Газета „Temps" приводитъ текстъ приказа командующаго 58-й бригадой 14-го баварскаго корпуса генерала Штенгера, помѣченнаго 26-мъ августа: „Съ сегодняшняго дня плѣнныхъ больше не брать. Всѣхъ военно-плѣнныхъ, несмотря на ихъ значительное число, немедленно разстрѣлять. Также поступать и съ ранеными, внѣ зависимости отъ того, имѣютъ ли они при себѣ оружіе или нѣтъ".

Въ Россіи существуетъ желѣзная дорога, принадлежащая двумъ нѣмецкимъ банкамъ, управляемая нѣмцами, съ предсѣдателемъ Правленія въ Берлинѣ. Это общество лифляндскихъ подъѣздныхъ путей отъ ст. Валкъ Сѣверо-Западныхъ дорогъ до ст. Штокмансгофъ Риго-Орловской желѣзной дороги. Долгъ этой дороги Казначейству и Государственному Банку составляетъ 60% основного капитала [1]).

19 января. Прямо противно брать въ руки газету и читать непріятныя измышленія о скоромъ вступленіи въ активную борьбу нейтральныхъ державъ.

Южныя, нейтральныя, державы Италія, Греція, Румынія и Болгарія имѣютъ въ настоящую войну одну только цѣль: „и невинность сохранить и капиталъ пріобрѣсть".

По нашему, обывательскому, мнѣнію державамъ тройственнаго согласія надлежитъ при окончательномъ разсчетѣ сохранить полную политическую невинность нейтральныхъ державъ, хотя и на это, при пропускѣ черезъ ихъ территоріи боевыхъ и продовольственныхъ грузовъ для Германіи, Австріи и Турціи, и при торжественномъ пріемѣ турецкаго главнокомандующаго Гольцъ-паши, они не имѣютъ никакого права. Но что же касается до пріобрѣтенія при разсчетѣ капитала, то, намъ кажется, что нейтральныя должны остаться въ своихъ прежнихъ предѣлахъ.

Поведеніе Италіи, Греціи и Румыніи еще можно объяснить: освободительные громы побѣдъ Суворова въ сѣверной Италіи теперь уже совсѣмъ исчезли въ современной Италіи, залпы русскихъ орудій въ Наваринской битвѣ совершенно неизвѣстны

---

[1]) „Веч. Вр." 18 января сего года.

въ Греціи,—а про то, что Молдавія и Валахія усѣяныя русскими костями и политыя русской кровью,—про то тогдашніе влашки, а теперешніе румыны знать не хотятъ. Но Болгарія, Болгарія и Болгарія. Что можетъ быть гаже и позорнѣе поведенія Фердинанда, и его, подкупныхъ нѣмецкимъ золотомъ, правителей. Но говорятъ, что народъ за насъ, гдѣ же онъ?

При будущемъ заключеніи мира намъ надлежитъ неуклонно помнить освобожденіе русской кровьею Пруссіи въ 1806—1807, 1813 и 1814 гг., созданіе Германіи, при благосклонномъ содѣйствіи Россіи, въ 1866—1870 г., освобожденіе Австріи въ 1799 и 1848 гг., освобожденіе Молдавіи и Валахіи, освобожденіе Болгаріи. Какой ужасный списокъ.

Не надо сажать нѣмцевъ правителей при будущей перекройкѣ карты Европы, во вновь создающихся государствахъ.

А что будетъ завоевано Россіей, то надлежитъ войти подъ державу Россійскую.

Недавно пришлось ѣздить изрядное количество времени по разнымъ частямъ Петрограда и я былъ пораженъ слѣдующимъ явленіемъ: я видѣлъ значительное, и весьма значительное, количество лазаретовъ для раненыхъ, устроенныхъ самыми отчаянными нѣмецкими акціонерными фирмами. По моему скромному, обывательскому мнѣнію, это страшный позоръ для Петрограда разрѣшать принимать такой подкупъ благорасположенія общественнаго мнѣнія и поднимать флагъ Краснаго Креста, въ столицѣ Имперіи съ такими несомнѣнными дѣятелями „Deutcher Banca“ и юбералистой Германіи.

Съ истиннымъ наслажденіемъ прочелъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ о награжденіи георгіемъ 4-й степени виновниковъ разгрома турецкой арміи на Кавказѣ—начальника штаба Кавказской арміи генералъ-лейтенанта Николая Юденича и начальника Кубанской пластунской бригады, генералъ-маіора Михаила Пржевальскаго.

За послѣдніе дни боевыя дѣйствія нашихъ войскъ сводились къ слѣдующему: Эрцгерцогъ Фридрихъ, главнокомандующій австрійской арміей, рѣшилъ во что бы то ни стало освободить

Перемышль и по ближайшимъ къ нему направленіямъ, по долинамъ Сана и Стрыя, вести самое энергичное наступленіе.

Эта самая главная операція союзныхъ войскъ противъ насъ. Наше сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго изображаетъ наши дѣйствія такимъ образомъ:

„На фронтѣ Карпатъ отъ перевала Дукла до перевала Вышковъ бои постепенно принимаютъ характеръ общаго сраженія. Австрійцы, стянувъ къ названному раіону Карпатъ свои войска, какъ съ сосѣднихъ участковъ, такъ и съ другихъ своихъ фронтовъ, обнаруживаютъ стремленіе вести наступленіе преимущественно долиной Верхняго Сана и путями, ведущими черезъ перевалы на Самборъ и Стрый".

Къ австрійцамъ на Карпаты уже подъѣхали германскія подкрѣпленія.

Къ юго-востоку отъ перевала Бескидъ наши войска уничтожили баталіонъ 224-го германскаго полка, и остатки этого баталіона попали въ плѣнъ.

Для отвлеченія нашего вниманія отъ Карпатъ Гинденбургъ ведетъ яростныя, многочисленныя, атаки на Варшавскомъ фронтѣ на Боржимовъ, Сохачевъ, Болимовъ, дер. Гуминъ и ф. Могелы. Эти атаки подготовлялись ураганнымъ, продолжительнымъ огнемъ тяжелыхъ и легкихъ орудій.

Атаки велись значительными силами, упорно, въ густыхъ строяхъ, съ значительными поддержками въ тылу. Результатъ всѣхъ этихъ атакъ былъ одинъ и тотъ же: всѣ онѣ были отбиты съ страшными потерями для германцевъ.

Эти дивизіи, которыя германцы посылаютъ на желѣзный фронтъ Гуминъ-Болимовъ, называются дивизіями смерти. Вотъ какъ ихъ описываетъ одинъ изъ корреспондентовъ [1]):

„По показанію плѣнныхъ на эту линію стягиваются войска изъ Лодзи черезъ Скерневицы и изъ Торна черезъ Ленчицы. Однѣ части приходятъ на мѣсто другихъ, приходятъ дивизіи и уходятъ роты.

— Мы смѣняемъ мертвыхъ,—говорятъ нѣмцы...

— Когда я шелъ въ атаку,—разсказывалъ рослый баварецъ—я видѣлъ передъ русскими окопами бруствера и не понималъ, изъ чего они сложены... Меня ранили, я повалился, securitypolзъ

---

[1]) „Нов. Вр.", № 13964 с. г.

въ вашу сторону и тутъ разглядѣлъ, что на брустверахъ замерзшіе, обвалявшіеся въ землѣ, трупы моихъ товарищей.

Между нашими и нѣмецкими окопами нѣсколько сотъ шаговъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ линіи окоповъ подходятъ меньше, чѣмъ на сто шаговъ. Труповъ, при всемъ желаніи, подбирать нельзя. Они лежатъ недѣлями, замерзаютъ и, если ихъ подтаскиваютъ ближе къ окопамъ, образуются груды тѣлъ, похожія на бруствера.

Вся сила нѣмецкаго натиска по-прежнему направлена на Гуминъ и Болимовъ. Передъ узкой полоской гуминскаго лѣса и у Воли Шидловской, которая послѣдніе дни упоминалась въ сообщеніяхъ Верховнаго Главнокомандующаго, нѣмцы поставили нѣсколько рядовъ артиллеріи и третью недѣлю развиваютъ такой ураганный огонь, что порою при ясной погодѣ звуки отдаленной канонады доносятся въ окрестности Варшавы.

Я три дня провелъ подъ Гуминомъ за нашими окопами и съ трудомъ засыпалъ на нѣсколько часовъ отъ гула и грохота, которые преслѣдовали даже ночью, проникали въ хату, трясли ее, какъ былинку, и готовы были снести все на своемъ пути. Словомъ, океанъ бушевалъ подъ окнами и гигантскія волны съ шумомъ и трескомъ разбивались о скалы. Девятымъ валомъ вкатывалась тяжелая артиллерія и въ морѣ звуковъ тонули и легкія орудія, и трескъ пулеметовъ, и безсмѣнные орудійные залпы.

За густымъ, бѣлымъ туманомъ не было видно разрывовъ и только моментами, какъ молнія, прорѣзывали молочную пелену желтоватыя вспышки у нашихъ мортиръ.

Офицеръ, разсказывавшій о наступленіи и рисовавшій его съ поразительной ясностью, сидитъ почти круглыя сутки въ передовомъ окопѣ. Передъ нимъ непріятель, и онъ однимъ изъ первыхъ даетъ знать, когда приближаются нѣмцы.

— Идутъ нѣмцы плечо къ плечу,—продолжаетъ офицеръ,—шеренгами человѣкъ по шестнадцать. Черезъ каждыя двѣ шеренги интервалъ шаговъ въ пятнадцать... Замѣтьте, идутъ размѣреннымъ, замедленнымъ шагомъ, а вовсе не бѣгутъ... Другое дѣло, когда наши пристрѣляются—тутъ уже нѣмцы теряютъ всякое самообладаніе.

Заговорили о вчерашнемъ дѣлѣ, когда нѣмцы вели упорныя атаки въ теченіе шести часовъ. И наблюдатель разсказалъ то, чего не приходилось видѣть не только намъ, военнымъ корреспондентамъ, но и людямъ, бывалымъ въ бояхъ.

— Когда я сообщилъ командиру участка, что нѣмцы пошли колоннами, онъ отдалъ приказъ не стрѣлять и подпустить противника возможно ближе. Подпустили шаговъ на полтораста и сразу взяли артиллеріей, пулеметами и ружейными залпами... Гляжу въ трубку и не отрываюсь: вижу, нѣмцы падаютъ, корчатся на землѣ, ползаютъ, а до ушей доносится стонъ и вой...

Офицеръ смолкъ и, немного подумавъ, добавилъ:

— Просидишь на наблюдательномъ пунктѣ недѣли двѣ и совсѣмъ охотникомъ-звѣроловомъ становишься"...

На правомъ берегу нижней Вислы близъ Серпца происходили боевыя столкновенія съ германцами, а въ Восточной Пруссіи были бои у Гумбинена и Палькалена. Тамъ боевыя дѣйствія происходили при сильномъ снѣжномъ покровѣ, и къ нашей статьѣ приложены фотографіи конной батареи на позиціи и снимки нашей пѣшей развѣдки.

На Черномъ морѣ нашъ флотъ встрѣтилъ крейсера „Меджидіе" и „Бреслау", которые преслѣдовались нашими крейсерами до темноты.

Одинъ изъ нашихъ миноносцевъ произвелъ лихой набѣгъ на Трапезундъ.

20-го января. Наше военное духовенство проявило въ эту великую войну великіе подвиги мужества и пастырскаго служенія нашимъ войскамъ. Руководимые своимъ достойнѣйшимъ протопресвитеромъ, отцомъ Георгіемъ Шавельскимъ, находящимся въ рядахъ дѣйствующей арміи, чины высшаго духовенства, не зная устали, покойно и величаво свершаютъ свое служеніе. Они безстрашно подъ огнемъ ходятъ по окопамъ, совершаютъ тамъ служеніе, выносятъ раненыхъ, напутствуютъ умирающихъ. Яркимъ изображеніемъ такихъ дѣяній является описаніе служенія на австрійскомъ фронтѣ отца Поліевкта [1]).

„Молодой еще іеромонахъ Дивногорскаго Успенскаго монастыря, высокій, стройный, съ добрымъ лицомъ и красивыми добрыми глазами, весь отдался своему пастырскому служенію. Про него можно сказать некрасовскими словами — „гдѣ горе слышится, гдѣ тяжко дышится—онъ первый тамъ". Беззавѣтно смѣлый и глубоко религіозный, о. Поліевктъ спѣшитъ туда, гдѣ въ данный моментъ наибольшая опасность, гдѣ безпрерывно рвутся непріятельскіе снаряды и шрапнели и свистятъ пули.

Ждутъ не дождутся солдаты его пріѣзда въ окопы и сами

---

[1]) „Нов. Вр.", 20 января сего года.

говорятъ; что „потомъ легче дѣлается“. Знаютъ о. Поліевкта далеко вокругъ не только свои, но и чужіе, наперерывъ приглашаютъ его къ себѣ совершить ту или иную требу, или просто поговорить.

Никогда не отказывается о. Поліевктъ отъ приглашеній. Быстро осѣдлывается его горячая буланая лошадка, такъ же быстро одѣваетъ онъ свою шубу и мѣховую шапку съ наушниками; какъ истый кавалеристъ, вскакиваетъ въ сѣдло, въ одной рукѣ поводъ, а въ другой кожаный сакъ съ облаченіемъ, Дарами, евангеліемъ и крестомъ, и мчится туда, гдѣ его уже ждутъ съ нетерпѣніемъ. Лучшаго знатока мѣстныхъ дорогъ на много десятковъ верстъ кругомъ нѣтъ, ни одинъ ординарецъ ихъ такъ не знаетъ.

— Окопный батюшка, что и говорить,—говорятъ про него и удивляются даже военные.

Слава о. Поліевкта растетъ, его знаютъ далеко отъ этихъ мѣстъ, чуть ли не подъ Львовомъ, и вспоминаютъ съ большимъ уваженіемъ“.

Какіе удивительные люди наши солдатики, это передаетъ картинно слѣдующее сказаніе [1]).

16-го декабря 1914 года былъ посланъ изъ Сарыкамыша на Али-Софи и Эль-Кечмесъ рекогносцировочный отрядъ изъ казачьяго полка и казачьей батареи.

Во время этой рекогносцировки былъ смертельно раненъ въ голову бомбардиръ-наводчикъ 2-го орудія, казакъ Болдыревъ (Грозненскаго отдѣла). Командиръ батареи подскакалъ къ умирающему и спросилъ: „Болдыревъ, скажи, что передать дѣтямъ твоимъ“?

Умирающій попросилъ воды; ему дали горсточку снѣга, которую онъ и проглотилъ. Командиръ батареи повторилъ свой вопросъ. Пришедшій немного въ себя Болдыревъ прошепталъ:

„Ключъ, ключъ возьмите: онъ къ шашкѣ привязанъ“! и съ этими словами умеръ.

Командиръ батареи думалъ, что онъ говоритъ о ключѣ къ какому-нибудь дорогому для покойнаго сундучку; оказалось, что это былъ ключъ для установки дистанціонныхъ трубокъ...

Съ такими воинами, которые думаютъ объ исполненіи своего служебнаго долга буквально до послѣдняго издыханія, святая Русь не погибнетъ!

---

[1]) „Нов. Вр.“, 20 января сего года.

21-го января. Привожу сказаніе совсѣмъ изъ другой оперы о томъ, какъ, по словамъ „Саратовскаго Листка“, прекрасно живется въ Саратовѣ въ лазаретѣ № 2 плѣннымъ раненымъ австрійцамъ и германцамъ. Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ намъ раненый солдатикъ, типа Болдырева.

Въ день Рождества по новому стилю плѣннымъ нанесли много подарковъ. Тогда мы, русскіе, говорили: „Пусть и они празднуютъ. Въ ихъ праздникъ намъ подарковъ не дали. На наше Рождество тоже были подарки, и лазаретная администрація выдала ихъ и русскимъ солдатамъ и плѣннымъ. Плѣнные занимаютъ въ лазаретѣ лучшія помѣщенія, кровати у плѣнныхъ съ сѣтками, съ двумя матрацами, мягкія, а русскимъ раненымъ въ началѣ даже и досокъ подъ матрацы не давали. Бѣлье съ плѣнныхъ мѣняется чуть ли не черезъ три дня, а русскіе получаютъ чистое бѣлье значительно рѣже. Кормятъ насъ всѣхъ одинаково хорошо. За это спасибо. Но вотъ не соблюдается очередь въ прогулкахъ. Когда приходитъ очередь гулять русскимъ, то или намъ не выдаютъ платья, или же сестры сопровождать не желаютъ. А съ плѣнникомъ сестры ходятъ. Онѣ и одѣваютъ плѣнныхъ, и оправляютъ костюмъ“.

Невольно возникаетъ вопросъ: да правда ли, что это происходитъ въ русскомъ городѣ Саратовѣ, а не въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городѣ. И это дѣлается тогда, когда германцы такъ варварски обращаются съ нашими плѣнными.

Слышалъ, что кайзеръ роздалъ 500.000 желѣзныхъ крестовъ, но не удостоилъ гр. Цеппелина сего отличія, такъ какъ очень недоволенъ дѣйствіями его дирижаблей.

Недавно по сообщенію „Ewening News“ состоялся военный совѣтъ изъ высшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ предсѣдательствомъ Вильгельма; на этомъ совѣтѣ обсуждался новый планъ войны въ той части, которая касалась весьма важныхъ и экстренно принимаемыхъ мѣропріятій въ ближайшемъ будущемъ.

Интересно было бы знать, какими данными вызывались эти экстренныя мѣропріятія. Конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, что при наличіи полнѣйшаго спокойствія на нашемъ западномъ, союзномъ, фронтѣ, мѣропріятія эти несомнѣнно будутъ касаться дѣйствій противъ русскихъ войскъ.

Въ восточной Пруссіи: На развѣдкѣ.

Въ восточной Пруссіи: Конная батарея на позиціи.

Наши враги: Главнокомандующій австрійской арміей фельдмаршалъ эрцгерцогъ Фридрихъ со своими приближенными, рѣшившій во что бы ни стало освободить Перемышль.

Извѣстный нашъ писатель Чириковъ, въ одной изъ своихъ талантливыхъ корреспонденцій, описываетъ жизнь въ лазаретѣ въ передовомъ отрядѣ [1]):

„Тяжелы были моменты первыхъ смертей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда была надежда, хотя и слабая, спасти молодую жизнь.

Такъ было съ поручикомъ Г. 23-лѣтній юноша, съ едва пробившимися усиками, съ пухомъ на подбородкѣ, синеглазый и нѣжный, онъ сразу привлекъ общее вниманіе и симпатіи. Тяжко раненый въ нижнюю часть живота на-вылетъ, онъ старался не стонать и все пробовалъ улыбаться намъ. Самъ продиктовалъ телеграмму матери и сестрамъ: „Я раненъ тяжело, но есть надежда", а мы всѣ знали, что надежды мало, ибо были уже признаки начавшагося воспалительнаго процесса зараженія крови. Трогательны были отношенія поручика и его молоденькаго денщика, который, какъ нянька или кормилица, все вздыхалъ въ углу корридора и все разсказывалъ, какой хорошій, душевный человѣкъ его баринъ. Только два дня прожилъ несчастный юноша. Почти до послѣдняго часа онъ былъ въ сознаніи, зналъ уже, что умретъ.

— Нѣтъ... Конецъ всему... Умираю, докторъ... Я уже плохо вижу...

Позвалъ денщика и сказалъ ему:

— Пошли телеграмму, что я скончался тихо, безъ мученій...

А денщикъ стоялъ въ ногахъ съ поникшей головой и отиралъ слезы. Къ утру юноша скончался. Денщикъ одѣлъ на него полную форму; положили покойнаго въ простой черный гробъ.

— Эхъ, Костя, Костя! — шепталъ денщикъ, отирая слезы рукавомъ, и мы всѣ потихоньку дѣлали то же.

На другой день похоронили. Денщикъ вернулся и все терся въ лазаретѣ, потерянный какой-то, словно онъ потерялъ свой центръ жизни... И всѣмъ разсказывалъ про Костю.

Но зато какую радость приносятъ моменты, когда почти безнадежный случай начинаетъ принимать благопріятный исходъ. Тогда плачутъ отъ радости. Поступилъ въ лазаретъ солдатъ, раненый въ голову. Ему сдѣлали трепанацію черепа, вынули осколки косточекъ изъ мозга. Нѣсколько дней онъ былъ въ безсознательномъ положеніи, осложненномъ еще непроизвольными движеніями конечностей: правыя рука и нога раненаго

[1]) „Русское Слово", 12 января сего года.

находились вѣчно въ движеніи, и было жутко видѣть, какъ широко раскрытые, безсмысленные глаза смотрѣли въ одну точку, а рука все что-то ловила и вращалась, словно хотѣла схватиться за что-то. Такъ и днемъ, и ночью, — всегда... Уже считали дѣло конченнымъ. Какъ вдругъ рука и нога перестали искать опоры, глаза стали закрываться и раскрываться. Попробовали дать ложку бульона, — проглотилъ. Радость обуяла весь персоналъ палаты. На другой день больному показали найденный при немъ фотографическій портретъ. Онъ долго и удивленно смотрѣлъ, потомъ улыбнулся и прошепталъ:

— Мама"...

22—29 января. За эти дни придется отмѣтить много событій высокаго историческаго интереса.

23 января Государь Императоръ изволилъ прибыть въ дѣйствующую армію и посѣтилъ 27-го Ровно и Кіевъ, а 29-го Полтаву [1]).

Наши союзники придерживались оборонительнаго образа дѣйствій. Планъ эрцгерцога Фридриха освободить во что бы то ни стало Перемышль начинаетъ осуществляться съ особой энергіей. Громадныя силы австрійцевъ наваливаются на Карпатскіе проходы по прямому направленію на Перемышль. Наши войска стянуты съ переваловъ Тухолки и Бескиды, на заранѣе приготовленныя позиціи. Въ Буковину въ обходъ нашего лѣваго фланга на Карпатахъ стягивались массы австрійцевъ, и намъ приходится тамъ отходить.

Германцы шлютъ сильныя подкрѣпленія на Карпаты своимъ милымъ союзникамъ. Эти германскія войска появляются тамъ на знаменитой отнынѣ Козювкѣ и начинаютъ долбить безчисленными атаками наши доблестныя войска. По словамъ нашихъ донесеній, число этихъ атакъ въ сутки доходитъ до 22. Козювка находится также на пути къ Перемышлю.

Я лично полагаю, что эти германскія войска состоятъ изъ храбрыхъ, но упрямыхъ и тупыхъ баварцевъ или саксонцевъ. Своихъ пруссаковъ они берегутъ для своихъ прусскихъ предѣловъ.

За это время германцы свои удары на насъ направили въ три мѣста: на Козювку, на Варшавскій фронтъ, въ раіонъ Сохачевъ, Болимовъ, Гуминъ и Воля Шидловская, гдѣ произво-

---

[1]) „Рус. Инв." 24, 28 и 30 янв. с. г.

дили неистовыя атаки съ 18 по 24 января, а затѣмъ здѣсь все стихло и нѣмцы укатили свои значительныя силы въ Восточную Пруссію, дабы осуществить завѣтный планъ Вильгельма вытѣснить насъ изъ дорогой ему и прусскимъ юнкерамъ восточной Пруссіи и подготовить тамъ весенніе засѣвы.

Такъ вотъ въ чемъ заключался новый германскій планъ, сообщенный англійской газетой „Evening News". Наши войска стали отступать отъ линіи Мазурскихъ озеръ изъ Восточной Пруссіи къ своимъ границамъ. Направленіе этого Гинденбургскаго наступленія вѣроятно будетъ по августовскому рецепту 1914 года—на сообщенія Варшавы съ Петроградомъ и на желанный имъ Осовецъ, согласно положенія построенныхъ въ мирное время сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Наступленіе это ведется необычайно стремительно, не вполнѣ понятно и неизвѣстно по какимъ именно причинамъ.

Болѣе подробныя данныя имѣются у насъ для изложенія наступленія на Варшавскомъ фронтѣ съ 18 по 24 января.

Эти страшные бои происходили въ теченіе 6 сутокъ; при чемъ германцы съ необычайнымъ упорствомъ и ожесточеніемъ стремились прорвать нашъ фронтъ на протяженіи Боржимовъ, Могелы, Воля Шидловская и пробиться къ Варшавѣ, сначала баталіонами, затѣмъ полками, дивизіями и корпусами. Послѣдніе дни атака велась почти четырьмя корпусами, на участкѣ около 10 верстъ, въ густыхъ колоннахъ, такимъ образомъ, что дивизія развертывалась на фронтѣ одной версты.

Всѣ эти бои велись при ураганной стрѣльбѣ германской полевой и тяжелой артиллеріи.

Вотъ какъ описываютъ въ корреспонденціяхъ эти бои [1]).

„Не прекращавшійся весь день 17-го января артиллерійскій огонь къ ночи этого дня достигъ огромной силы. Со стороны нѣмцевъ загремѣли орудія батарей, которыя до этого дня были скрыты и не вводились въ дѣйствіе. Ночью артиллерійскій бой достигъ небывалой силы. Вспышки выстрѣловъ сливались въ сплошныя полосы и площади огня; выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ съ такой быстротой, что сливались въ одинъ сплошной гулъ. Земля и воздухъ буквально дрожали, а къ утру 18-го января весь горизонтъ заволокся дымомъ.

Къ утру 18-го января бой былъ въ полномъ разгарѣ. Со стороны нѣмцевъ въ дѣло были введены три съ половиной — четыре дивизіи. При этомъ обнаружилось, что на фронтѣ Бор-

---

[1]) „Рус. Сл." 23 янв. с. г.

жимовъ—Могелы—Воля-Шидловская сосредоточена германская артиллерія трехъ корпусовъ,—нѣсколько сотъ орудій.

42-сантиметровыя орудія выбрасываютъ огромное количество снарядовъ. При взрывѣ эти снаряды даютъ не черный дымъ, а желтый, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Всѣ окрестности пропитались этимъ дымомъ.

Пылаетъ Воля-Шидловская, пылаютъ сосѣдніе деревни, фольварки... Насколько хватаетъ глазъ, весь горизонтъ въ огнѣ. Длинные языки пламени и черные столбы дыма взвиваются къ небу. Съ визгомъ и воемъ прорѣзаютъ воздухъ гранаты и разрываются съ шипѣніемъ и трескомъ. Пулеметы, ружейные выстрѣлы, громъ орудій порой сливаются въ общій гулъ, и тогда слышно словно клокотаніе адскаго котла, вокругъ котораго дьяволы совершаютъ свой шабашъ".

Приводимъ описаніе одной изъ ночныхъ атакъ германцевъ [1]. Ночь не то что бы черная-черная, а какая-то зловѣще-темная. На небѣ смутно видятся густыя облака. Кажется, они свисаютъ на землю. А на землѣ—грохотъ, стонъ, вой. Сотни чудовищъ чиркаютъ страшными спичками по небу, и огненныя нити перекрещиваются въ поднебесьѣ въ запутанный клубокъ. Гдѣ-то леденящимъ огнемъ вспыхиваютъ одинъ, два, три дьявольскихъ глаза прожекторовъ и, какъ стая голодныхъ волковъ, снуютъ по полямъ, выискивая себѣ добычу. Взвиваются ракеты. Сверкнутъ сверху, загорятся и на невидимыхъ крыльяхъ спускаются, освѣщая всю мѣстность внизу подъ собою. Отъ прорѣзывающихъ мракъ огненныхъ нитей, ледяныхъ лучей прожекторовъ и отъ ракетныхъ огней ночная тьма выступаетъ еще гуще и мрачнѣе. А внизу то загадочная тишина, то вдругъ тысячекратное ружейное „та-та-та-та, та-та-та-та, та-та-та-та". Сбоку пулеметы: „такъ-такъ-такъ-такъ-такъ". И затѣмъ „ура". Крики. О, эти страшные, таинственные крики во тьмѣ! Кто кричитъ? Почему кричитъ? Побѣда ли тамъ? Вой злости? Или вскрики страданія?.. Столкнулись тысячи людей во тьмѣ и въ сплошной кашѣ колютъ, бьютъ, душатъ другъ-друга. Смолкли крики... и снова вспыхнули. Обостренно-чуткое ухо различаетъ радостное „ура" однихъ и какой-то звѣриный, полный ужаса вой другихъ. Грохотъ орудій смолкъ,—гдѣ тутъ стрѣлять по смѣшанной кашѣ? Стихла и ружейная трескотня. Только гдѣ-то въ невѣдомой тьмѣ шумитъ и гремитъ многотысячная „ярмарка". Идетъ рукопашный торгъ жизни и смерти.

---

[1]) „Рус. Сл." 27 янв. с. г.

— „Ура“ наше! Наши кричатъ! Отбили нѣмцевъ!—облегченно вздыхаютъ у насъ по всей линіи, захваченной боемъ“.

И всѣ эти пьяныя яростныя шестидневныя, дневныя и ночныя атаки германцевъ были отражены нашими чудо-богатырями, взявшими на седьмой день нѣсколько непріятельскихъ укрѣпленій и заставившими непріятеля перейти къ оборонѣ. Потери германцевъ исчисляются въ нѣсколько десятковъ тысячъ.

Вотъ какъ германцы объясняютъ причины, почему они вели пьяныя атаки [1]).

„Выдержать безъ конца повторныя и всѣ отбитыя съ громадными потерями атаки нѣтъ никакой возможности: силъ человѣческихъ не хватитъ, обыкновенные нервы не выдержатъ. Такъ у нѣмцевъ и стало почти обычнымъ правиломъ,—какъ и писалось уже не разъ,—посылать колонны въ атаку, напоивъ ихъ допьяна.

— Строго научный расчетъ, — объяснилъ одинъ раненый плѣнный германскій офицеръ. — Въ бою мнѣ надо отъ солдата наивысшую, предѣльную силу духа, которую онъ и можетъ дать только въ крайне возбужденномъ состояніи. Разсчитывать на общее, массовое многочасовое напряженіе и возбужденіе до самозабвенія было бы ошибкою. Мы и бьемъ навѣрняка: возбуждаемъ атакующую силу искусственно. Что съ нимъ будетъ послѣ боя,—намъ безразлично. Важно, чтобы онъ шелъ въ бой, какъ быкъ, съ глазами, отъ ярости налитыми кровью.

Такъ, разъяреннымъ стадомъ быковъ, не думающихъ о преградахъ и даже смерти, нѣмецкія колонны и прутъ въ атаку. Даже когда ихъ ошпарятъ ливнемъ пуль и повернутъ назадъ штыками и прикладами,—нѣмецкіе солдаты, даже захваченные въ плѣнъ и втащенные въ наши окопы, не могутъ успокоиться: они вырываются изъ рукъ и кидаются куда-то за окопы, въ нашу сторону.

— Стой! Куда ты?—держатъ наши солдаты.

— Варшаву, Варшаву! Варшау, Варшау! — дико вопятъ и тупо смотрятъ впередъ мутными, пьяными глазами плѣнные.

Другіе, втащенные въ наши окопы и согнанные здѣсь въ кучу, безъ оружія, кидаются на нашихъ солдатъ и, схвативъ ихъ за грудь, кричатъ ломанымъ языкомъ:

— Дай Варшау! Дай Варшау“!

---

[1]) „Рус. Сл.“ 27 янв. с. г.

На Черномъ морѣ крейсеръ „Бреслау“ обстрѣливалъ Ялту.

Наши миноносцы на Черномъ морѣ произвели лихой набѣгъ на Ризе, Трапезундъ и Платанъ, а нашъ флотъ обстрѣливалъ Хопу.

27-го января присутствовалъ во второмъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы. Оно началось молебствіемъ въ знаменитой круглой залѣ Таврическаго дворца при полномъ составѣ Государственной Думы и всѣхъ министровъ съ маститымъ предсѣдателемъ Совѣта министровъ во главѣ ихъ. Начальное пѣснопѣніе молебна „съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“—положило нравственное начало всему молебствію и затѣмъ всему засѣданію. Все служеніе исполнялось съ особой торжественностью, а равно и многолѣтіе Всему Царствующему Дому и доблестной дѣйствующей арміи и флоту.

По окончаніи молебствія всѣ ложи были до такой степени наполнены публикой, стоявшей по всѣмъ скамьямъ, что черезъ эту толпу нельзя было видѣть зала Государственной Думы и депутатовъ. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ еще можно было видѣть это знаменательное историческое собраніе, была ложа дипломатическаго корпуса, позади которой нашлось свободное мѣсто и для петроградскаго обывателя.

Засѣданіе открылось чтеніемъ Высочайшаго манифеста, покрытаго громкимъ ура, а затѣмъ пѣніемъ всѣми депутатами нѣсколько разъ народнаго гимна.

Въ это засѣданіе народный гимнъ неоднократно прерывалъ его въ самыхъ выдающихся мѣстахъ патріотическаго настроенія всѣхъ присутствующихъ.

Исполненные высокаго патріотизма и историческаго значенія рѣчи произнесли Предсѣдатель Государственной Думы, Предсѣдатель Совѣта Министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, а равно и многіе депутаты Государственной Думы. Конечно, Предсѣдателю Государственной Думы, начавшему говорить первымъ въ его всеобъемлющей, высокоталантливой рѣчи пришлось до такой степени использовать весь историческій матеріалъ, что другимъ уже пришлось повторять его.

Смыслъ всѣхъ рѣчей былъ одинаковъ у всѣхъ: горячая любовь къ родинѣ, страстная признательность доблестямъ арміи и флота и непоколебимая рѣшимость довести войну до блестящаго конца.

Наиболѣе страстными порывами подъема духа всего собранія были встрѣчены слова М. В. Родзянко—о земномъ поклонѣ Государю Императору за отрезвленіе Россіи. На это слово какъ одинъ человѣкъ поднялась вся Государственная Дума, какъ одинъ человѣкъ запѣла народный гимнъ, и повторяла его много разъ.

Бурныя оваціи оказала Государственная Дума доблестямъ арміи и флота, а равно и представителямъ союзныхъ государствъ и въ первый разъ представителю союзной Японіи, а также министру иностранныхъ дѣлъ прежде, нежели онъ сталъ говорить.

Очень сильную рѣчь произнесъ депутатъ отъ крестьянъ.

Все это засѣданіе прошло въ общемъ непоколебимомъ убѣжденіи, не взирая ни на какія жертвы, довести войну до блестящаго конца.

Позорныя дѣянія германцевъ надъ нашими плѣнными не прекращаются.

Приводимъ описанія дѣяній этихъ со словъ очевидцевъ [1]).

„Недалеко отъ дома, въ которомъ сидѣлъ я, стояла группа нѣмецкихъ солдатъ, держа связаннаго по рукамъ казака.

Казакъ былъ безъ носа, и кровь ручьемъ лилась по окровавленному лицу. Но онъ держалъ себя молодцомъ и во всю пушилъ по-русски обступившихъ его враговъ. Черезъ стекло было кое-что слышно.

— Ну, что жъ, черти!—кричалъ казакъ,—отрѣзали носъ, рѣжьте и уши.

Представьте мой ужасъ и злость: они съ крикомъ и смѣхомъ отсѣкли сначала одно, затѣмъ другое ухо и, выколовъ глаза, развязали веревку и, толкнувъ, отошли въ сторону. Больше я смотрѣть не могъ“.

Другой случай представляется такъ:

„5 ноября рядовой N пѣхотнаго полка П. К., раненый шрапнелью навылетъ въ правое бедро, былъ подобранъ германцами и доставленъ на перевязочный пунктъ.

Страдая отъ боли и жажды, онъ просилъ помощи, но получилъ лишь одно обѣщаніе; въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, не-

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“ и „Нов. Вр.“ 21 января.

перевязанный, оставался нашъ воинъ до 7 часовъ утра слѣдующаго дня, когда одинъ изъ врачей подошелъ къ нему и сдѣлалъ, наконецъ, довольно своеобразную перевязку; въ открытую рану вставилъ изогнутый по дугѣ кусокъ желѣза длиною около 10, шириною 1½ сантиметра, затомпонировалъ этотъ дренажъ съ обѣихъ сторонъ грязной тряпкой и, отобравъ отъ раненаго индивидуальный пакетъ, ушелъ.

Утромъ 8 ноября деревня, гдѣ лежалъ раненый П. К., была занята нашими войсками, и врачи перемѣнили ему эту необыкновенную повязку.

Вынутый изъ раны кусокъ желѣза хранится у старшаго врача N. пѣхотнаго полка, какъ вещественное доказательство".

---

30 января. Среди жителей Константинополя по настоящее время сохраняется такое преданіе:

Когда султанъ Магометъ II взялъ Константинополь, то онъ поѣхалъ верхомъ въ храмъ Св. Софіи, гдѣ совершалась тогда литургія и двери храма были заперты. Султанъ приказалъ разломать эти двери. Это было исполнено, и Магометъ II на лошади въѣхалъ въ храмъ. Литургія уже кончалась, и священникъ со Св. Дарами вошелъ въ алтарь. Стѣна алтаря разверзлась, скрыла священника съ Св. Дарами и затѣмъ закрылась вновь.

Далѣе преданіе гласитъ, когда русскіе возьмутъ Константитинополь и будетъ тамъ свершаться въ первый разъ литургія, то стѣна вновь раскроется, и изъ нея выйдетъ священникъ со Св. Дарами.

В. П.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 28-го января по 26-е февраля 1915 г.

Гротъ, К. Я. Владиміръ Ивановичъ Ламанскій. ПГ. 1915. Тип. т-ва А. С. Суворина. (Эртелевъ, 13). 4) 8° (15 × 24) 25 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Подъ ред. Л. Л. Достоевскаго. Томъ L. Выпускъ VII. ПГ. 1914. Тип. Энергія (Загород., 17). 8° (16 × 24). 355—433 стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 1.000 экз.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Подъ ред. Л. Л. Достоевскаго. Томъ L. Выпускъ VIII. ПГ. 1914. Тип. Энергія (Загород., 17). 8° (16 × 24). 437—460 стр. Съ портр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Келтуяла, В. А. Краткій курсъ исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Исторія древней литературы. Книга вторая. Исторія литературы отъ половины XIII в. до конца XVII в. ПГ. 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 лин., 28). 8° (16 × 23). XIII+341 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 5.100 экз.

Кондаковъ, С. Н. Списокъ русскихъ художниковъ къ юбилейному справочнику Императорской Академіи Художествъ. II. Часть біографическая. ПГ. 1915. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11) 4° (21 × 29). II+454 стр. съ рис. Вѣсъ 4 ф. 21 л. 1.200 экз.

Лихачевъ, Н. П. Земская печать Московскаго государства въ смутное время. (Оттискъ изъ III тома „Нумизматическаго Сборника", изд. Московск. нумизмат. об-вомъ). М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 23 стр. Съ рис.+2 табл. Вѣсъ 10 л. 167 экз.

Прозоровъ, Л. А. Изъ исторіи русской психіатріи. 1. Дома умалишенныхъ начала прошлаго вѣка. 2. Первые русскіе учебники психіатріи (отд. от. изъ журн. „Современная психіатрія"). М. 1915. Тип. и изд. Штаба Московск. воен. окр. (Остоженка, д. воен. вѣд.) 8° (18×28). 33 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ XIX—XX. ПГ. Тип. Имп. Академіи Наукъ, (В. О. 9 лин., 12). 8° (16×24). VIII+347+IV стр. Вѣсъ 1 ф. 11л. 713 экз.

Сборникъ статей, посвященныхъ Л. М. Савелову. М. 1915. Изданіе Историко-Родословнаго о-ва въ Москвѣ. Тип. Т-ва А. А. Левинсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (20 × 26). 329+3 нен. стр. Съ 9 рис. Вѣсъ 2 ф. 3 л. 600 экз.

Селивановъ, А. В. Матеріалы для исторіи рода Рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кичибея. Ч. III. Рязань. 1914. Тип. Б. В. Тарасова. 8° (17 × 25). 205+3 нен. стр. Вѣсъ 25 л. 500 экз.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1914 г. Выпускъ II—III. Вятка. 1914. Тип. Губернская. 8° (17 × 25). 70+513+V+VII+5+II стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 350 экз.

Ѳ. С. Къ пятидесятилѣтію суда присяжныхъ. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. Нижегородск. Печ. Дѣло. 8° (17×23). 23 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Айналовъ Д. В. Меморіи св. Климента и св. Мартина въ Херсонесѣ. Отт. изъ XXV т. „Древностей". М. 1915. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко. 4° (26×35). 24 стр. Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Записки разряда военной археологіи и археографіи Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Томъ III. ПГ. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (24×30). XII+102 стр.+012+II+X табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 54 л. 1.000 экз.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Подъ ред. А. А. Достоевскаго. Томъ L. Выпускъ IX. ПГ. 1914. Тип. Энергія (Загород., 17). 8° (16×23). 461—510 стр. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Кадминъ, Н. (Н. Я. Абрамовичъ). Исторія русской поэзіи. Отъ Пушкина до нашихъ дней. Томъ II. М. 1915. Изд. и тип. Акц. Общ. Московское Издательство (Б. Дмитровка, 26). 8° (19×26). 317+IV стр. Складъ Московское Издательство (Глинищевскій пер., 6). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 1.000 эк.

Мусоргскій, М. П. Письма къ М. А. Балакиреву (1857—1872 г.). ПГ. 1915. Изд. Русской музыкальной газеты. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ. 8° (13×19). 70+II стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Мятлева, Т. П. Владиміро-Суздальскій край и начало Московской Руси отъ нашествія на Русь Батыя въ 1237 г. и до вокняженія въ Москвѣ Великаго Князя Дмитрія Іоановича Донского въ 1360 г. Выпускъ I. Часть III. ПГ. 1915. Тип. Синодальная. 8° (16×26). 224+VIII стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 31 л. 1.500 экз.

Очерки по исторіи Византіи. Выпускъ IV. Подъ ред. проф. В. Н. Бенешевича. ПГ. 1914. Изд. студенч. издат. ком. при истор. филол. фак. ПГ. универ. Тип. В. Ѳ. Киршбаума, Новоисаакіев., 20). 8° (16×24). 154 стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Погодинъ, А. Л., проф. Славянскій міръ. Политическое и экономическое положеніе славянскихъ народовъ передъ войной 1914 года. М. 1915. Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 8° (18×26). VIII. 420 стр. + 3 карты Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 3.100 экз.

Попруженко, М. Г. Памяти В. И. Ламанскаго. (Отд. оттискъ изъ XXXII тома „Записокъ Имп. Одесскаго об-ва исторіи и древностей". Протоколъ № 435). Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (Ул. Кондратенко, 8). 4° (21×27). 22 стр. Вѣсъ 7 л. 50 экз.

Русскія древности. По снимкамъ И. Ѳ. Баршевскаго. Выпускъ 1—13. М. 1915. Изд. Императ. Строгановскаго Цен. Худ. Пром. Учил. Тип. Строгановскаго Училища. 4° (23×28). 130 листовъ рис. Вѣсъ 3 ф. 16 л. 2.000 экз.

Сборникъ. Томъ XVII. Вып. IV. Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. Нижегород. Печатное Дѣло. 8° (16×25). 17+8+16+65—95+21+10+5+4 стр. Вѣсъ 11 л. 500 экз.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Реформы въ Арменіи. 26 ноября 1912—16 мая 1914 г. ПГ. 1915. Изд. Мин. Иностр. Дѣлъ. Тип. Государственная. 4° (24×30). 294 стр. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 6.000 экз.

Серебрянскій, Н. Древне-русскія княжескія житія. (Обзоръ редакцій и тексты). М. 1915. Изд. Имп. Об-ва Исторіи и Древн. Россійск.

при Моск. университетѣ. Тип. Синодальная. 8° (18×28) 186+IV стр. Вѣсъ 2 ф. 10 л. 200 экз.

Синюхаевъ, Г. Г. Генералъ-отъ-инфантеріи князь П. И. Багратіонъ 1795—1812 г. Біографическій очеркъ. ПГ. 1915. Изд. Гл. Упр. военно-учеб. заведеній. Тип. т-ва Художественная Печатня (Демидовъ, 4). 8° (14×20) 32 стр. Съ порт. Ц. 30 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая христоматія по исторіи русской словесности. Т. III. Вып. 4-й. Русская критическая литература XIX в. (40—60 гг.). ПГ. 1915. Изд. 2-е. Я. Башмакова и К°. Тип. М. Волковича. (Садовая, 60). 8° (16×22). VI+288 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 29 л. 2.000 экз.

Срезневскій, В. И. и Бемъ, А. Л. Изданія церковной печати времени Императрицы Елисаветы Петровны 1741—1761. Императорская Академія Наукъ. Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Покровительствомъ Выставка „Ломоносовъ и Елисаветинское время". Томъ IV. ПГ. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (19×25). XXXIX+557 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 21 л. 543 экз.

Шероцкій, К. Софійскій соборъ въ Полоцкѣ. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 8° (19×27). 14 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Шпаковскій, А. Я. Торговля Московской Руси съ Персіей въ XVI—XVII вѣкахъ. [Оттискъ изъ сборника статей членовъ историко-этнографическаго кружка при университетѣ св. Владиміра. (Вып. VII)]. Кіевъ. 1915. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (15+22). 54 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Энциклопедическій словарь т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Томъ тридцать первый. Павинскій—Персія. Подъ ред. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева. М. 1915. Изд. 7-е, т-ва бр. А. и И. Гранатъ (Тверской бульв., 15). Тип. Т-ва Рябушкиныхъ. 8° (17×24). 640+11+4+36+4+4+4+20+4+16+8+8 столбц. съ рис.+23 листа съ рис. Ц. 3 р. 30 к. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 8.500 экз.

Бартеневъ, В. В. Обдорскія пѣсни. (Перепечатано изъ № 20 „Извѣстій Арх. о-ва изуч. Русскаго Сѣвера" за 1914 г.). Архангельскъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (16×25). 17 стр. Вѣсъ 3 л. 60 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть I. Пейзажная живопись. Выпускъ 15. ПГ. 1914. Тип. Сиріусъ. 8° (23×28). 360—440 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 7.500 экз.

Бѣлоусовъ, Ив. И. З. Суриковъ и его стихи. М. 1915. Тип. т-ва И. Д. Сытина. 8° (15×21). 42+2 нен. стр. съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Вейнбергъ, Л. О. Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. (Кирѣевскій Айхенвальдъ). Т. V. Вып. I. О Бѣлинскомъ. Для школы и самообразованія. М. 1915. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×24). 299 стр. съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 29 л. 3.500 экз.

Военная Энциклопедія. Подъ ред. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ-Шульца. Вып. XXXV. (Паукеръ, Г. Е. - Поворотная рама). ПГ. 1915. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (19×28) 321-480 стр.

съ рис., чертеж., портр., план., и карт. + 22 листа рис., портр., чертеж., план. и картъ. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 2.000 экз.

Военная Энциклопедія. Подъ ред. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ-Шульца. Вып. XXXVI. (Поворотный брусъ—Портъ-Артуръ). ПГ. 1915. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (19×28) 481—642+6 нен. стр. съ портр., рис., чертеж., карт. и план. + 15 лист. рис., портр., чертеж. и картъ. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 2.000 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. 5-й. „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. („По поводу новаго изданія старой вещи“). М. 1915. Тип. И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (15 × 22). 20 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 2.050 экз.

Дневникъ войны Россіи съ Германіей, Австро-Венгріей и Турціей. Сборникъ Высочайшихъ манифестовъ, воззваній и телеграммъ Верховнаго Главнокомандующаго, правительственныхъ сообщеній и оффиціальныхъ телеграммъ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Выпускъ II. Ноябрь, декабрь 1914. ПГ. 1915. Тип. т-ва Екатеринг. Печатное Дѣло (Екатеринг., 7). 8° (19 × 26). 56 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 12 л. 960 экз.

Ильинскій, А. А. Историческій обзоръ дѣятельности Горбатовскаго уѣзднаго земства, Нижегородской губерніи. Томъ I. Матеріалы. Систематическій сборникъ журнальныхъ постановленій Горбатовскаго уѣзднаго земскаго собранія 1865 — 1912 гг. Горбатовъ. 1913. Изд. Уѣзднаго земства. Тип. А. Н. Невскаго. 8° (17 × 25). 1449 + XIII стр. Вѣсъ 4 ф. 500 экз.

Ильинскій, А. А. Приложеніе къ сборнику постановленій Горбатовскаго уѣзднаго земскаго собранія 1865 — 1912 гг. Томъ I. Приложеніе 1-е. Своды смѣтъ доходовъ и расходовъ Горбатовскаго уѣзднаго земства и раскладокъ уѣздныхъ денежныхъ повинностей. (Матеріалы къ историческому обзору дѣятельности Горбатовскаго уѣзднаго земства, Нижегородской губерніи). Горбатовъ. 1914. Изд. земства. Тип. А. П. Невскаго. 8° (17 × 25). 228 + 1 нен. стр. Вѣсъ 21 л. 500 экз.

Кастальскій, А. Русь. Торжище въ старину на Руси. Для вокальнаго исполненія на сценѣ или для фортепіано. (Изъ минувшихъ вѣковъ, опытъ музыкальныхъ реставрацій). Тетрадь IV. М. 1915. Изд. и тип. Юргенсона. 4° (24 × 34). 33 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 16 л. 300 экз.

Козминъ, Киръ. Варангерское море и его исторія. (Изъ жизни Архангельскаго сѣвера). (Перепечатано изъ №№ 19 и 20 „Извѣстій Арх. о-ва изуч. Русскаго Сѣвера“ за 1914 годъ). Архангельскъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (16 × 25). 14 стр. Вѣсъ 3 л. 40 экз.

Корниловъ, А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма. М. 1915. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Тверской бульв., 6). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (16×23). XIV + 718 + 2 нен. стр. + 10 лист. рис. Ц. 4 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 11 л. 3.000 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1915 г. вып. 1—4. (41—44). М. 1915. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пр., с. д.). 8° (18×26). 329+1 нен. стр. съ рис.+1 портр. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 400 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ 1914 г. Вып. 3-й и 4-й. (39-й и 40-й). М. 1914. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (17×25). 91+40 стр. Вѣсъ 30 л. 600 экз.

Любавскій, К. М., проф. Лекціи по древней Русской исторіи до конца XVI вѣка. М. 1915. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер.). 8° (18×27). 306+VI стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 2.000 экз.

Мемуары графини Потоцкой (1794—1820). Переводъ съ франц. А. Н. Кудрявцевой. ПГ. 1915. Изд. Прометей (Поварской пер., 10). Тип. Тов. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (16×22). VII нен.+271 стр. съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 3.100 экз.

Нижегородскій ежегодникъ. Иллюстрированный литературный календарь-справочникъ. 1915 г. Подъ ред. Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго). Н.-Новгородъ. 1915. Тип. Ниж. Печ. Дѣла. 8°. (17×25). 286 столб. +16 нен. стр. съ рис. +1 карта. Ц. 40 к. Вѣсъ 19 л. 3.000 экз.

Поліевктовъ, М. Проектъ бар. Гюйсена объ учрежденіи въ Россіи фискалъ-коллегіи (1713). М. 1914. Изд. Имп. о-ва исторіи и древн. россійск. при Московск. унив. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (19 × 29). 46 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Пятидесятилѣтній юбилей газеты Русскія Вѣдомости (1863—1913 гг.). Подъ ред. Н. В. Давыдова. М. 1915. Изд. Комит. юбил. чествованія. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Путинков. пер., 3). 8° (18 × 27). 166 стр. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 2.000 экз.

Сборникъ. Томъ XVII. Вып. I. Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. Нижег. печ. дѣла. 8° (17×26). 14+4+2+273—290+52+26 стр. Вѣсъ 10 л. 500 экз.

Симаковъ, В. И. Деревенскія пѣсни частушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской губ. Вып. VII. Ярославль. 1915. Изд. 3-е и тип. К. Ф. Некрасова (Духовская, с. д.). 16° (12×18). 22+10 нен. столб. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Симаковъ, В. И. Деревенскія пѣсни частушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской губ. Вып. VIII. Ярославль. 1915. Изд. 3-е и тип. К. Ф. Некрасова (Духовская, с. д.). 16° (12×18). 32 столбца. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Симаковъ, В. И. Деревенскія пѣсни частушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской губ. Вып. IX-й. Ярославль. 1915. Изд. и тип. Книг-ства К. Ф. Некрасова (Духовская, с. д.), 3-е 16° (12 × 18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Симаковъ, В. И. Деревенскія пѣсни частушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской губ. Вып. X-й. Ярославль. 1915. Изд. и тип. Книг-ства К. Ф. Некрасова (Духовская, с. д.), 3-е. 16° (12×18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Симаковъ, В. И. Деревенскія пѣсни частушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской губ. Вып. XI-й. Ярославль. 1915. Изд. и тип. Книг-ства К. Ф. Некрасова (Духовская, с. д.). 3-е. 16° (12 × 18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Симаковъ, В. И. Деревенскія пѣсни частушки Архангельской. Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской губ. Вып. XII-й. Ярославль. 1915. Изд. и тип. Книг-ства К. Ф. Некрасова (Духовская, с. д.), 3-е. 16° (12 × 18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Смутное время Московскаго государства 1604—1613 гг. Матеріалы, изданные Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Вып. 2-й. М. 1914. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8° (19 × 27). XIX + 421 + 1 нен. стр. Вѣсъ 2 ф. 25 л. 300 экз.

Соколовъ, Леонидъ. Около смерти М. Ю. Лермонтова. (По поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта). (Оттискъ изъ журнала „Труды Имп. Кіев. дух. академіи". 1915 г.). Кіевъ. 1915. Тип. акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 25). 23 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго университета. 1914. № 10. Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисена. 8° (16×24). 19 + 4 + 79 + XI + 176 стр. Съ рис. Вѣсъ 31 л. 600 экз.

Харламповичъ, К. Памяти С. И. Кедрова (Отд. оттискъ изъ XXIX т. „Извѣстій об-ва археологіи, исторіи и этнографіи" за 1915 годъ). Казань. 1915. Тип. Университета. 8° (16 × 25). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Юркевскій, В. А. Индивидуальныя особенности Николая Васильевича Гоголя. Кутаисъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (13×21). 24 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Вахтерова, Э. О. М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и избранныя произведенія. М. 1915. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина. 8° (16 × 22). 359 + 1 нен. стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Георгіевскій, Г. П. Рукописи Т. Ѳ. Большакова, хранящіяся въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцевскомъ музеѣ. ПГ. 1915. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 линія, 12). 8° (19 × 25). VII + 455 стр. Ц. 2 р. 90 к. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 563 экз.

Годовые отчеты о дѣятельности правленія Ростовскаго-на-Дону общества исторіи, древностей и природы за 1912 и 1913 годы. (Отд. оттиски изъ 2-го тома „Записокъ Ростовскаго на/Д. об-ва исторіи, древностей и природы"). Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8° (20 × 29). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 30 экз.

Извѣстія Одесскаго библіографическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Томъ III. Вып. 6. Одесса. 1914. Тип. Центральная (Херсонская, 21). 8° (17 × 27). 252—313 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Ильинъ, А. М. Передовая факторія Танаиса. Древнегреческое поселеніе, существовавшее на территоріи Темерницкаго городища, въ устояхъ рѣки Темерника. Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8° (20 × 29). 33 стр. Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Ильинъ, А. М. Прошлое Донской дельты. Историческая схема донскихъ низовыхъ земель. Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8° (20 × 29). 16 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Исаковъ, С. К. Императорская Академія Художествъ. Русская скульптура. П.Г. 1915. Тип. Уніонъ (Б. Казачій, 11). 16° (14 × 18). 155 + IV стр. Съ рис. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Краснянскій, М. Б. Грамота грузинскаго царя Ростома казначею Бешкенову и другимъ о надѣленіи ихъ землею на Кавказѣ въ 1640 году. (Отд. оттискъ изъ второго тома „Записокъ Ростовскаго на Дону о-ва исторіи, древностей и природы"). Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8° (20 × 29). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 20 экз.

Краснянскій, М. Б. Историческая литература о Ростовѣ на Дону. Опытъ библіографіи мѣстной исторіи. (Отд. оттискъ изъ 2 тома „Записки Ростовскаго на Дону о-ва исторів, древностей и природы"). Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8⁰ (20×29). 14 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Курнатовскій, Г. Этнографическая Польша. Славянская библіотека. М. 1915. Изд. Ч. М. Іоксимовича (Ильинка). Тип. И. Люндорфъ (Срѣтенскія ворота, 1). 8⁰ (14×21). 48 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Лѣтопись Ростовскаго на Дону общества исторіи, древностей и природы. Протоколы №№ 6 и 7 общихъ собраній. Протоколы засѣданій правленія №№ 40—62 включительно. Годовой отчетъ о дѣятельности правленія общества за 1912 годъ. Годовой отчетъ о дѣятельности правленія общества за 1913 годъ. (Отд. оттискъ изъ 2 тома „Записокъ Ростовскаго на Дону об-ва исторіи, древностей и природы"). Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8⁰ (20×29). 29 стр. Вѣсъ 5 л. 30 экз.

Марковъ, А. К. Русская нумизматика. Конспектъ лекцій. ПГ. 1915. Изд. Л. Л. Гусева, 2-е доп. Тип. Гл. Управ. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (24×32). 52 стр. съ табл. Вѣсъ 12 л. 2.400 экз.

Парижскія письма протоіерея Іосифа Васильевича Васильева къ Оберъ-Прокурорамъ Святѣйшаго Синода и другимъ лицамъ съ 1846 по 1887 гг., изданныя съ біографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями Л. К. Бродскимъ. ПГ. 1915. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (17×26). 322 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 1.200 экз.

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевскаго, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисѣева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Потѣхина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, И. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго къ С. И. Пономареву, съ приложеніями издателя. Матеріалы для біографіи С. И. Пономарева съ хронологическимъ спискомъ его трудовъ. М. 1915. Изд. Л. Э. Бухгеймъ. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, с. д.). 8⁰ (16×34). CV+230 стр.+1 грав.+14 лист. рис. и портр. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 350 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

„МУЗЫКА".

V годъ изданія.

Москва, Остоженка, Троицкій пер., д. 5, кв. 3, телеф. 210-98.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ . . . 5 руб.
На $1/2$ года . . . 3 руб.
На $1/3$ года . . . 2 руб. 25 коп.

Отдѣльный № съ пересылкой (почтовыми марками) 20 коп.

Подписка на годъ принимается только съ января по январь слѣдующаго года, на полгода—съ января и съ іюля, на треть года съ января, съ мая и съ сентября.

Видя въ музыкѣ, какъ и вообще въ искусствѣ, одно изъ высшихъ проявленій культурной жизни, Редакція стремится оказывать поддержку всему, что способствуетъ росту и широкому распространенію въ обществѣ музыкальной культуры. И наоборотъ—Редакція будетъ бороться со всѣми явленіями, враждебными свободному развитію музыкальнаго искусства. Полагая идею культуры не отдѣлимой отъ идеи преемственности, „Музыка" соединитъ исканія новаго съ уваженіемъ и любовью къ прошлому.

Программа „Музыка" обнимаетъ собою **разработку теоретическихъ и практическихъ вопросовъ музыкальнаго искусства, освѣщеніе современныхъ исканій въ музыкальномъ творчествѣ и защиту профессіональныхъ интересовъ музыкальныхъ дѣятелей.**

Въ первые четыре года изданія „Музыка" дала своимъ подписчикамъ 4 тома въ 1000 съ лишнимъ страницъ каждый, со многими иллюстраціями, портретами, каррикатурами, нотными примѣрами, и пр.

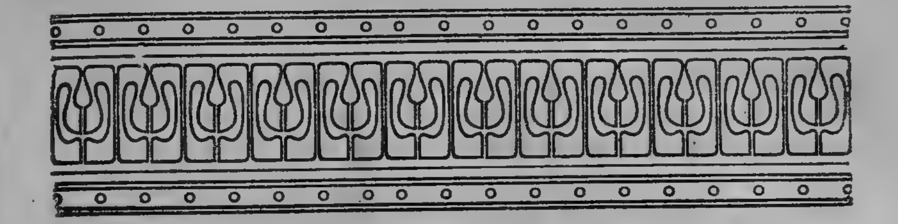
Въ 1914 году въ «МУЗЫКѢ» помѣщены статьи, замѣтки, очерки, матеріалы.

Арсенія Авраамова: Пути и средства творчества.—Бочка меду, ложка дегтя. **И. Айсберга:** Новыя вѣянія въ области фортепіанной методологіи. **Виктора Бѣляева:** Фуги Н. А. Римскаго-Корсакова, ор. 17 (съ 39 нотными примѣрами). **Игоря Глѣбова:** Обзоръ художественной дѣятельности Маріинскаго театра (сезонъ 1913-14).—„Мейстерзингеры" въ Маріинскомъ театрѣ.—Первая четверть сезона въ Маріинскомъ театрѣ (1914—1915).—„Снѣгурочка" въ Музыкальной драмѣ.—„Аласторъ„ Мясковскаго. **Ж. К. Гюисманса:** Увертюра Тангейзера. **Вл. Держановскаго:** Въ бурю, во грозу. **Иванова:** Вечера Современной музыки—Преобразованіе Синодальнаго училища. **А. Кастальскаго:** Народныя празднованія на Руси. **Франца Листа:** Два неизданныхъ письма В. Ленцу (1866 и 1872 г.г.). **Мизантропа:** Петербургскія письма. **Н. Мясковскаго:** О „Веснѣ Священной" Иг. Стравинскаго. **Е. М. Петровскаго:** Послѣ „Парсифаля" (впечатлѣнія). **Бориса Попова:** Эоловы арфы. **Н. А. Римскаго-Корсакова:** Изъ писемъ къ В. В. Ястребцеву (1906-07 г.г.). **Леонида Сабанѣева:** Принципы творчества А. Скрябина.—Неужели забудутъ? (памяти А. В. Станчинскаго). **Л. Саминскаго:** Религіозныя мелодіи евреевъ Грузіи.—Памяти Дж. Мейербера.—О творчествѣ Рихарда Штрауса.—Виллемъ Менгельбергъ. **Л. Федорова:** О свѣтѣ и о полемическомъ затменіи. **Артура М. Фридлендера:** Факты и теоріи относительно еврейской музыки. **Юрія Шамурина:** Святая война. **Б. Л. Яворскаго:** Текстъ и музыка (глава изъ книги: Строеніе музыкальной рѣчи), и др.

(2—2). Редакторъ-Издатель *В. В. Держановскій.*

Снимокъ съ рисунка той галеры, на которой Петръ пріѣхалъ въ Копенгагенъ.

Житье-бытье Петра Великаго въ Даніи [1]).

(Дневникъ).

(*Окончаніе*).

Хиротонія датскаго епископа по желанію Петра.—Прощаніе Петра съ датскимъ королемъ.—Чрезмѣрные расчеты датчанъ по довольствію русскихъ.—Подробное сказаніе датчанъ объ одеждахъ Петра.– Описаніе волосъ Петра.

Въ четвергъ 11 (22) окт. Петръ попросилъ короля показать ему хиротонію епископа; но такъ какъ нужды не было въ епископѣ, король приказалъ селяндскому епископу выбрать кандидата на священство и посвятить его по обряду хиротоніи въ санъ епископа и такимъ путемъ исполнить желаніе царя. Въ тотъ же день магистръ Муусъ, инспекторъ общежитія студентовъ получилъ приказъ принять одинъ изъ сельскихъ приходовъ Селяндской епископіи и приготовиться къ рукоположенію въ ближайшій воскресный день въ присутствіи царя. Муусъ имѣлъ полную причину радоваться—онъ давно безъ успѣха искалъ себѣ мѣста и почти оставилъ мысль о пасторскомъ служеніи, какъ тутъ ему безъ всякаго прошенія устроили и мѣсто и хиротонію въ присутствіи знаменитаго гостя.

Наканунѣ торжества, которое было назначено на 14 (25) окт., королевскія кресла въ церкви Vor Frue Kirke были обтянуты новой матеріей и покрыты драгоцѣнными коврами; по всей церкви были разставлены стулья съ мягкими подушками.

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

Приложеніе: Снимокъ съ рисунка той галеры, на которой Петръ пріѣхалъ въ Копенгагенъ.

14 (25) окт. Петръ явился въ церковь въ своемъ обычномъ костюмѣ, въ короткомъ кафтанѣ, въ сѣрыхъ чулкахъ и съ громадными пряжками на воротникѣ, при голубой лентѣ, при орденѣ Слона и съ польскимъ орденомъ на пуговицѣ. Онъ пришелъ вмѣстѣ съ королемъ, съ министрами короля, въ сопровожденіи вице-канцлера Шафирова и гр. Толстого. Король подвелъ царя къ королевскимъ мѣстамъ, но Петръ отказался занять предназначенное для него сидѣніе, преспокойно поднялся на солею, подошелъ къ престолу и съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за ходомъ церемоніи, но въ то же время онъ разсматривалъ всѣ памятныя плиты въ церкви въ подзорную трубу, какъ бы желая прочитать надписи. Проповѣдь начинавшаго пастора показалась ему слишкомъ длинной, и онъ послалъ одного изъ своихъ кавалеровъ къ престолу съ замѣчаніемъ. Когда епископъ показался, Петръ вслухъ высказалъ свое изумленіе благолѣпному величію, съ какимъ онъ сумѣлъ выступить изъ-за стѣны престола. Когда присутствовавшіе пасторы приступили къ самому дѣйствію рукоположенія, тогда и Петръ подошелъ къ престолу и возложилъ руки на ставленника, а когда Муусъ началъ принимать рукопожатія духовенства, тогда и самъ царь протянулъ ему руку, но Муусъ съ вѣжливымъ извиненіемъ отказался отъ царскаго рукопожатія.

По окончаніи торжества Петръ направился къ выходу, гдѣ 12 чел. стражниковъ и 2 приходскихъ попечителя съ трудомъ удерживали напоръ любопытной толпы. При выходѣ онъ спросилъ короля „наизусть ли говорилъ епископъ такую длинную проповѣдь?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, Петръ сказалъ: „Когда я вернусь въ Россію, я также научу своего патріарха говорить проповѣди наизусть“.

15 (26) окт. состоялся прощальный парадный обѣдъ въ Христіансборгскомъ дворцѣ. Король былъ боленъ и не участвовалъ въ обѣдѣ.

16 (27) окт. въ восьмомъ часу утра царь вошелъ къ королю въ спальню распрощаться съ нимъ и пробылъ у него $^3/_4$ часа. Тѣ, которые видѣли Петра при выходѣ его изъ королевской спальни, свидѣтельствуютъ, что царь прослезился.

Онъ уѣхалъ изъ Копенгагена въ открытой коляскѣ съ 3 кавалерами при тройномъ салютѣ со всего городского вала.

(Царица, по нѣкоторымъ запискамъ, уѣхала 11 (23) окт.).

18 (29) окт. царь переправился чрезъ Большой Бельтъ и поѣхалъ въ Германію.

Послѣ отъѣзда Петра у датчанъ начались разсчеты по поводу пріема царственныхъ гостей, ихъ свиты и солдатъ. Общая сумма исковъ, предъявленныхъ гражданами копенгагенскому магистрату, составляла 14.327 талеровъ. Магистратъ отказался отъ уплаты этихъ денегъ и перенесъ все дѣло на усмотрѣніе короля. Король приказалъ обревизовать всѣ поданные счеты и суммы по справедливости сократить, а потомъ распредѣлить всѣ расходы на всѣхъ жителей Копенгагена. Такимъ способомъ цифру расходовъ сократили до 5.699 талеровъ, вмѣсто первоначальныхъ 14.327.

Больше всѣхъ пострадалъ купецъ Эдингеръ, домъ котораго былъ предоставленъ въ распоряженіе Петра. Онъ потребовалъ за лишеніе собственной квартиры, за ремонтъ и за пріобрѣтенную имъ мебель 3.556 талеровъ; ему выдали только 831. Еврей Давидъ Наѳанъ показалъ въ своемъ счетѣ, что у него жилъ русскій генералъ; то такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что у него остановился не генералъ, а просто капитанъ, еврею вмѣсто 50 талеровъ выдали 26. Одинъ домохозяинъ безъ стѣсненія потребовалъ платы за то, что на тротуарѣ предъ его домомъ стояли русскіе часовые—ему конечно было отказано. Разсчеты продолжались годами, такъ что память объ именитомъ гостѣ твердо запечатлѣлась въ памяти датской столицы и частенько обновляется въ датской литературѣ.

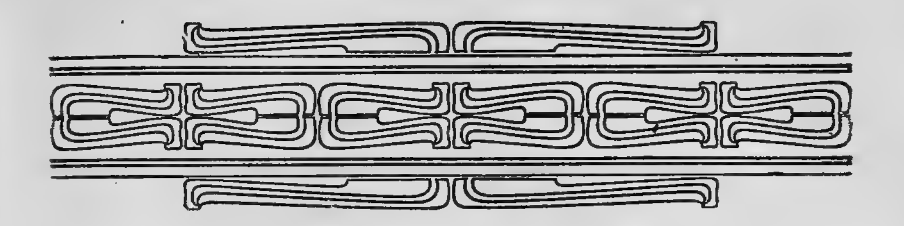
Несправедливо было бы окончить дневникъ пребыванія Петра въ Копенгагенѣ, не предложивъ читателю краткую записку, рисующую намъ внѣшность царя въ слѣдующемъ видѣ:

Этотъ великій господинъ не отличался великолѣпными костюмами; но зато супруга его была великолѣпна (magnificente). Наилучшій костюмъ, въ которомъ онъ показывался, состоялъ изъ зеленаго суконнаго кафтана съ небольшимъ количествомъ золотыхъ галуновъ или изъ краснаго кафтана съ серебряными галунами; эти кафтаны онъ только одѣвалъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда онъ носилъ орденскій знакъ. Въ день прибытія и при въѣздѣ, а также въ простые дни,—за исключеніемъ того времени, когда онъ носилъ трауръ по сестрѣ—костюмъ его былъ таковъ: старый, съ множествомъ пятенъ, красный камзолъ изъ простого, грубаго сукна, сшитый какъ бы на морского шкипера, съ небольшими обшлагами и съ застежками до самой шеи. Бѣлая полотняная куртка съ бѣлыми пуговицами изъ матеріи; жилетки онъ не носилъ; панталоны его были изъ коричневаго сукна и сшиты такъ, что подвязывались подъ колѣномъ; на ногахъ у него были сѣрые чулки, не лучше

тѣхъ, которые продаются у нашихъ ютляндскихъ мужиковъ на базарѣ. Подколѣнныя подвязки были сдѣланы изъ черной кожи съ мѣдными пряжками; сапоги у него были съ острыми носками, какъ обыкновенно у матросовъ. На шеѣ у него былъ простой полотняный галстукъ, обмотанный вокругъ шеи и концами засунутый подъ куртку. Спереди на шеѣ у него была большая булавка съ стекляннымъ камнемъ, но на рукахъ онъ не носилъ ни рукавчиковъ, ни полурукавовъ, такъ что видно было его грубую рубашку, запрятанную высоко на загорѣлыхъ рукахъ. Опоясанъ онъ былъ старымъ, потертымъ галуномъ, въ который была засунута сабля, скорѣе похожая на мечъ палача, чѣмъ на саблю; перчатки его были грязныя, а въ рукахъ онъ держалъ большую, толстую палку съ кожаннымъ ремнемъ; на головѣ у него была шапка, обтянутая зеленой клеенкой, и впрочемъ такого вида, какъ у нашихъ охотниковъ; волосы у него были черные, кудрявые и хорошо сплетены. Такова была обмундировка этого знаменитаго господина.

Священникъ **Іоаннъ Щелкуновъ.**

Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ Полуостровѣ.

(Августъ 1912 г.—Іюль 1913 г.).

1.

Посолъ въ Константинополѣ.

13 августа 1912 г.

(Телеграмма).

Я высказалъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, по вопросу турецко-болгарскихъ отношеній, что возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Болгаріи достигло высшаго предѣла, и что она негодуетъ на образъ дѣйствій Порты въ Кочанскомъ дѣлѣ. Министръ отвѣтилъ мнѣ, что Порта ввела военное положеніе въ Кочанѣ съ цѣлью имѣть возможность предать военному суду какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ чиновъ, виновныхъ въ рѣзнѣ. Не скрываетъ, что слѣдствіе обнаружило, что солдаты участвовали въ рѣзнѣ. Онъ завѣряетъ, что военный судъ будетъ скорый и строгій, даже если бы пришлось вѣшать солдатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Порта выдала Генералъ-Губернатору 1.000 фунтовъ для раздачи пострадавшимъ, предупредивъ вали, что въ случаѣ нужды Правительство выдастъ больше для удовлетворенія всѣхъ пострадавшихъ.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

2.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Римѣ, Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 4 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Изъ разговора съ болгарскимъ посланникомъ я вынесъ впечатлѣніе, что если Державы не добьются отъ Турціи мирнымъ путемъ удовлетворенія требованій болгаръ, сводящихся къ проведенію въ Македоніи реформъ, предусмотрѣнныхъ статьей 23 Берлинскаго договора,—открытіе военныхъ дѣйствій между Болгаріей и Турціей станетъ неизбѣжнымъ.

Я повторилъ Ген. Паприкову всѣ доводы, уже приводившіеся нами противъ активнаго выступленія Болгаріи, и обратилъ его вниманіе съ полной откровенностью на рискъ подобнаго шага.

Послѣ Паприкова я принялъ Турецкаго Посла, котораго я ознакомилъ съ крайне нервнымъ настроеніемъ, господствующимъ въ Болгаріи. При этомъ я настаивалъ передъ Посломъ на необходимости для Турціи, во избѣжаніе серьезныхъ осложненій, взять безотлагательно въ руки дѣло проведенія въ Македоніи реформъ, гарантирующихъ христіанскому населенію безопасность личную и имущественную, равенство передъ закономъ и участіе его, соотвѣтственно данному племенному составу, въ дѣлѣ организаціи и управленія.

Въ виду тревожныхъ извѣстій, получаемыхъ изъ Балканскихъ Государствъ, и сознанія мною необходимости не оставить неиспользованнымъ ни одного средства для предотвращенія надвигающейся опасности войны на Балканахъ, поручаю Вамъ освѣдомиться, не сочтетъ ли Правительство, при коемъ Вы аккредитованы, полезнымъ поручить своему Представителю въ Константинополѣ сдѣлать Портѣ представленія въ смыслѣ моего заявленія Турхану Пашѣ, не придавая однако этому выступленію коллективнаго характера.

(Подп.) *Сазоновъ.*

3.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Повѣренному въ Дѣлахъ въ Вѣнѣ.

С.-Петербургъ, 4 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Я ознакомилъ Австрійскаго Повѣреннаго въ Дѣлахъ съ содержаніемъ предшествующей моей телеграммы отъ сего числа. Я обратилъ вниманіе Г. Силаши, что въ предложеніи, съ которымъ я счелъ долгомъ обратиться къ Державамъ, мною руководитъ сознаніе исключительной серьезности переживаемой минуты.

Я сказалъ ему, что, считая необходимымъ обратиться въ настоящемъ случаѣ ко всѣмъ Державамъ, я полагаю, однако, самымъ важнымъ установить прежде всего обмѣнъ взглядовъ между нами и Австріей, какъ Державами, всего ближе заинтересованными въ положеніи дѣлъ на Балканахъ. Возможное согласованіе нашихъ взглядовъ я признаю одинаково важнымъ, какъ въ надеждѣ предотвратить осложненія, такъ и въ цѣляхъ охраненія непосредственныхъ интересовъ обѣихъ Державъ.

(Подп.) *Сазоновъ*.

4.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 9 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Согласно нашимъ свѣдѣніямъ общее настроеніе въ Славянскихъ Государствахъ достигло той степени напряженія, когда каждый день проволочки въ рѣшеніи Порты пойти на уступки, указанныя Гофмейстеромъ Сазоновымъ въ бесѣдѣ съ Турханъ Пашою, грозитъ непоправимыми послѣдствіями.

Порта должна отдать себѣ отчетъ въ томъ, что помимо прямого громаднаго риска въ случаѣ войны съ четырьмя Балканскими Государствами она едва-ли можетъ расчитывать па благопріятный для ея интересовъ результатъ, даже въ случаѣ военныхъ успѣховъ.

Намъ представляется въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ общеевропейское вмѣшательство, котораго такъ тщательно старается избѣгнуть Турецкое Правительство и отъ возможности коего мы дружески его предостерегаемъ.

Возможность предотвратить его, на нашъ взглядъ, въ рукахъ самой Турціи. Въ столь критическую для себя минуту Порта должна бы оцѣнить нашъ совѣтъ, вытекающій изъ желанія дѣйствительной сохранности Турціи.

(Подп.) *Нератовъ.*

5.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи, Бѣлградѣ, Цетинье и Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 12 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Вы могли бы указать представителямъ Правительства на нежелательность и несвоевременность предполагаемаго единовременнаго обращенія четырехъ Балканскихъ Государствъ къ Портѣ и Державамъ о примѣненіи 23 статьи Берлинскаго Трактата въ то самое время, когда послѣднія прилагаютъ всѣ старанія, чтобы склонить Порту въ ея собственныхъ интересахъ сдѣлать реальныя уступки христіанскимъ народностямъ въ Турціи.

Гофмейстеръ Сазоновъ указалъ Турханъ Пашѣ на необходимость, во избѣжаніе серьезныхъ осложненій, взять безотлагательно въ руки дѣло проведенія въ Македоніи реформъ, гарантирующихъ христіанскому населенію безопасность личную и имущественную, равенство передъ закономъ и участіе его, соотвѣтственно данному племенному составу, въ дѣлѣ организаціи и управленія. Объ этомъ нами оповѣщены Великія Державы съ приглашеніемъ поручить своимъ Представителямъ въ Константинополѣ сдѣлать представленія въ томъ же смыслѣ.

Англія, Франція и Австрія согласились на указанный шагъ.

Переговоры между Кабинетами и Портою продолжаются.

При такихъ условіяхъ, если Балканскія Государства дѣй-

ствительно стремятся къ реформамъ въ Македоніи, всякое совмѣстное ихъ выступленіе, носящее характеръ опредѣленныхъ требованій, только затруднить задачу Россіи и Державъ.

(Подп.) *Нератовъ.*

6.

Посланникъ къ Бѣлградѣ.

15 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Вопросъ о представленіяхъ Портѣ на основаніи 23 статьи Берлинскаго трактата обсуждался между Греціей, Болгаріей и Сербіей, но до окончательныхъ результатовъ дѣло еще не дошло. Во всякомъ случаѣ ими имѣлось въ виду прибѣгнуть къ этому шагу лишь въ критическую минуту, когда столкновеніе съ Турціей станетъ неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ означенное представленіе носило бы характеръ ультимативный передъ началомъ открытія военныхъ дѣйствій. Г. Пашичъ, по его словамъ, ищетъ мирнаго исхода, — и сказалъ мнѣ, что по вопросу о реформахъ онъ именно возлагаетъ надежду на давленіе въ Константинополѣ со стороны Представителей Великихъ Державъ, а посему ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаетъ преждевременнаго шага, который затруднилъ бы нашу задачу. Въ заключеніе, считаю долгомъ отмѣтить слѣдующее: сербовъ повидимому пугаетъ, что, говоря о реформахъ, Европа будто заботится только о Македоніи, тогда какъ въ Старой Сербіи, въ виду албанскихъ насилій, сербы также находятся въ невыносимомъ положеніи.

(Подп.) *Гартвигъ.*

7.

Посолъ въ Константинополѣ.

11 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Порта приказала задержать на Турецко-Сербской границѣ въ Зибевчѣ прослѣдовавшіе транзитомъ черезъ Солунь 18 вагоновъ военныхъ припасовъ, заказанныхъ Сербіей.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

8.

Посолъ въ Константинополѣ.

17 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Я обратилъ вниманіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ на необходимость возможно скоро разрѣшить вопросъ о задержанномъ сербскомъ военномъ грузѣ. Я указалъ ему, что грузъ этотъ не контрабанда и поэтому не подлежитъ конфискаціи. Турціи слѣдуетъ или пропустить его, или, что конечно не было бы желательно, возвратить его въ Салоники. Министръ отвѣтилъ, что, вѣроятно, Совѣтъ Министровъ прикажетъ пропустить этотъ грузъ.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

9.

Посланникъ въ Софіи.

17 сентября 1913 г.

(Телеграмма).

Здѣсь объявлена общая мобилизація войскъ. Сегодня Даневъ пришелъ сказать мнѣ, что проектированная нота Балканскихъ Правительствъ Державамъ и Портѣ отложена на нѣсколько дней. По его мнѣнію, война можетъ быть еще избѣгнута, но лишь однимъ способомъ, а именно, если Европа немедленно и собственнымъ почином заставитъ Турцію согласиться на осуществленіе статьи 23 Берлинскаго трактата подъ гарантіей Великихъ Державъ, съ назначеніемъ валіевъ Державами же изъ подданныхъ второстепенныхъ Государствъ и съ международною жандармеріею для начала. Этотъ шагъ Данева нисколько не ослабляетъ въ моихъ глазахъ значеніе мобилизаціи для Балканскихъ Государствъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

10.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

17 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Пашичъ сообщилъ мнѣ, что Король подписалъ уже сегодня указъ о мобилизаціи. Конечно, мобилизація еще не война, сказалъ онъ, и если бы до полнаго завершенія ея, которое состоится къ концу мѣсяца, Сербіи и Великимъ Державамъ удалось получить серьезныя гарантіи въ томъ, что Турція въ ближайшій срокъ проведетъ реформы въ христіанскихъ вилайетахъ, то мы тотчасъ же отказались бы отъ веденія войны, цѣлью которой Сербія и Болгарія ставятъ не территоріальныя пріобрѣтенія, а измѣненіе въ условіяхъ существованія нашихъ соплеменниковъ.

(Подп.) *Гартвигъ.*

11.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Гофмейстеру Сазонову въ Лондонъ.

С.-Петербургъ, 17 сентября 1912 г.

По вопросу о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Державъ для предотвращенія войны на Балканахъ считаю долгомъ изложить слѣдующія соображенія.

Содѣйствіе Франціи было бы очень цѣннымъ въ дѣлѣ установленія согласованности взглядовъ и дѣйствій между нами и Австріей.

Въ основу уговора съ Австріей долженъ быть положенъ принципъ воздержанія отъ единоличныхъ дѣйствій. Затѣмъ должны быть установлены слѣдующія мѣры, способныя предотвратить войну на Балканахъ, и являющіяся развитіемъ мыслей, вложенныхъ въ нашъ обмѣнъ взглядовъ съ Австріей какъ въ послѣднее время, такъ и въ прежніе годы:

1) Совмѣстныя представленія Державъ въ Софіи, Бѣлградѣ, Аѳинахъ и Цетиньѣ, согласно предложенію Франціи, съ цѣлью предостеречь Балканскія Государства отъ нарушенія мира и сообразно съ этимъ энергичное совмѣстное представленіе Портѣ о необходимости отмѣнить мобилизацію редифовъ съ соотвѣтствующаго характера внушеніями Балканскимъ Государствамъ;

2) воздѣйствіе на Порту въ смыслѣ необходимости обставить дѣло преобразованій въ Европейской Турціи достаточными обезпеченіями, способными удовлетворить Балканскія народности. Такими обезпеченіями представлялись бы слѣдующія условія:

а) примѣненіе къ Европейской Турціи Ливанскаго статута о назначеніи во главѣ управленія лица, назначаемаго и смѣняемаго лишь съ согласія Державъ.

б) образованіе въ главныхъ центрахъ европейскихъ вилайетовъ комиссій для разработки вопросовъ мѣстнаго управленія и самоуправленія. Въ составъ этихъ комиссій вошли бы представители различныхъ національностей.

(Подп.) *Нератовъ.*

12.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Управляющему Министерствомъ.

Лондонъ, 18 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Я сказалъ здѣшнему Австрійскому Послу, что, въ виду обостряющагося положенія на Балканахъ, я придаю особое значеніе тому, какъ отнесется Австрія къ назрѣвающимъ событіямъ, такъ какъ отъ этого будетъ въ значительной степени зависѣть дальнѣйшее ихъ развитіе. Основываясь на неоднократно дѣлавшихся за послѣднее время Австріей заявленіяхъ, я хочу надѣяться, что она во всякомъ случаѣ воздержится отъ единоличнаго вмѣшательства въ происходящую на Балканахъ смуту. Съ своей стороны Россія намѣрена также ограничиться дипломатическими шагами въ цѣляхъ умиротворенія Балканскихъ Государствъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

13.

Посолъ въ Вѣнѣ.

18 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Получивъ изложеніе Вашего разговора съ Австро-Венгерскимъ Посломъ въ Лондонѣ, Графъ Берхтольдъ просилъ меня

передать Вамъ, что мнѣніе, выраженное Вами, вполнѣ согласно съ его личнымъ убѣжденіемъ. Онъ находитъ, что въ данный критическій моментъ нѣтъ другого исхода, какъ единодушное дѣйствіе всѣхъ Великихъ Державъ. Всякое разногласіе или отдѣльное дѣйствіе можетъ пагубно отразиться на событіяхъ. Я счелъ возможнымъ обратить вниманіе Министра на то, что общественное мнѣніе, въ особенности у насъ, было бы сильно возбуждено, если бы Австро-Венгрія заняла Новобазарскій санджакъ.

(Подп.) *Н. Гирсъ.*

14.

Послъ въ Константинополѣ.

19 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Совѣтъ Министровъ принялъ рѣшеніе объ общей мобилизаціи.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

15.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 19 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Принимая во вниманіе возможность возбужденія мусульманскаго фанатизма, не признаете ли цѣлесообразнымъ сдѣлать предварительныя представленія Турецкимъ Министрамъ о необходимости предотвратить всякія посягательства на жизнь и достояніе христіанъ.

(Подп.) *Нератовъ.*

16.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Управляющему Министерствомъ.

Парижъ, 19 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Пуанкарэ высказалъ мнѣ мысль, что если бы совмѣстное выступленіе пяти Державъ въ Балканскихъ столицахъ и Константинополѣ оказалось невозможнымъ, его можно было бы замѣнить двойственнымъ выступленіемъ Россіи и Австріи въ качествѣ не только двухъ наиболѣе заинтересованныхъ Державъ, но какъ бы представителей обѣихъ Европейскихъ группъ. Я заявилъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что мы готовы сдѣлать либо вдвоемъ съ Австріей отъ имени Европы, либо совмѣстно со всѣми Державами представленіе Балканскимъ Государствамъ, дабы поставить ихъ въ извѣстность, что Державы не могутъ допустить нарушенія мира, что онѣ намѣрены сохранить status quo и локализовать войну, если она возгорится, при чемъ Державы, приступившія къ мобилизаціи, не могутъ разсчитывать ни на какое территоріальное приращеніе. Къ этому я присовокупилъ, что, по моему убѣжденію, представленія эти могутъ увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если Державы будутъ готовы способствовать осуществленію реформъ въ пользу Балканскихъ народностей.

(Подп.) *Сазоновъ.*

17.

Посолъ въ Константинополѣ.

20 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Примиреніе Турціи съ Италіей уже почти достигнуто. Вчера отсюда было дано Оттоманскому Уполномоченному въ Швейцаріи предписаніе принять итальянскія требованія при условіи выплаты Италіей Турціи отъ 80 до 100 милліоновъ франковъ. Очевидно Турція идетъ на миръ съ Италіей въ надеждѣ безотлагательно получить средства для веденія войны на первое время.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

18.

Повѣренный въ дѣлахъ въ Аѳинахъ.

21 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Такъ какъ Турецкое Правительство наложило эмбарго на греческіе коммерческіе пароходы, то Греческое Правительство предъявило Портѣ протестъ и проситъ о поддержкѣ его Россіею.

(Подп.) *Князь Урусовъ.*

19.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Парижѣ (для Гофмейстера Сазонова).

С.-Петербургъ, 21 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Возбужденіе Балканскихъ Государствъ противъ Турціи усиливается вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствій Порты по отношенію къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Это сказывается въ пограничномъ турецко-черногорскомъ вопросѣ, и обнаруженномъ со стороны турокъ нежеланіи его покончить миромъ, въ отмѣнѣ даннаго уже Сербіи разрѣшенія провоза военнаго груза и, наконецъ, въ наложеніи эмбарго на десятки греческихъ судовъ, погруженныхъ хлѣбомъ изъ русскихъ портовъ, что наноситъ снова серьезный ударъ нашей торговлѣ. Послѣдняя мѣра, принятая до объявленія войны, возлагаетъ на Порту отвѣтственность за начало враждебныхъ дѣйствій. Поручаю Послу въ Константинополѣ сдѣлать серьезныя представленія Турецкому Правительству.

(Подп.) *Нератовъ.*

20.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Гофмейстеру Сазонову въ Парижѣ.

21 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Турханъ Паша сообщилъ мнѣ два обращенія Порты къ Державамъ. Въ первомъ излагаются жалобы Турціи на Бал-

канскія Государства, создающія предлоги, чтобы принять вызывающее положеніе. Порта перелагаетъ на нихъ отвѣтственность за послѣдствія обостренія.

На мое замѣчаніе, что вопросъ о томъ, какъ предотвратить войну, важнѣе въ данную минуту разбора аргументовъ объ отвѣтственности той или другой стороны, Турханъ Паша ознакомилъ меня съ другимъ сообщеніемъ, въ которомъ Порта поручаетъ узнать, согласятся ли Державы мѣрами активнаго воздѣйствія, какъ-то: морской блокадой и сосредоточеніемъ войскъ на границѣ Балканскихъ Государствъ, заставить ихъ отказаться отъ военныхъ дѣйствій.

Я высказалъ моему собесѣднику убѣжденіе, что турки не предполагаютъ для насъ возможности стрѣлять въ болгаръ.

Признавая, однако, въ принципѣ воздѣйствіе Державъ на Балканскія Государства возможнымъ, я указалъ, что не вижу возможности его осуществленія иначе, какъ при условіи, что Державы въ состояніи будутъ успокоить Балканскія Государства увѣреніемъ, что будутъ проведены реформы, способныя ихъ удовлетворить.

(Подп.) *Нератовъ.*

21.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи, Бѣлградѣ, Цетинье и Аѳинахъ.

Парижъ, 24 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Благоволите сдѣлать Правительству, при коемъ Вы аккредитованы, совмѣстно съ Вашимъ Австро-Венгерскимъ Сотоварищемъ, заявленіе, согласно нижеслѣдующему тексту, принятому всѣми Великими Державами.

Державы заявятъ Балканскимъ Государствамъ и Турціи: 1) что онѣ энергично порицаютъ всякое дѣйствіе, могущее вызвать нарушеніе мира, 2) что если тѣмъ не менѣе возникнетъ война между Портой и Балканскими Государствами, то Державы не допустятъ по окончаніи конфликта никакихъ измѣненій настоящаго территоріальнаго status quo на Балканахъ; что, опираясь на 23 ст. Берлинскаго трактата и руководясь интересами христіанскаго населенія, Державы возьмутъ въ свои руки осуществленіе реформъ въ Европейской Турціи, при чемъ

эти реформы не должны затрагивать неприкосновенности территоріи Турецкой Имперіи. Само собой разумѣется, что это заявленіе оставляетъ Державамъ полную свободу для дальнѣйшаго совмѣстнаго обсужденія реформъ.

(Подп.) *Сазоновъ*.

22.

Посланникъ въ Софіи.

26 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Правительство еще не дало отвѣта на русско-австрійскій шагъ. Правительственное Сообщеніе иностраннымъ газетамъ гласитъ, что Правительство не усмотрѣло въ заявленіи двухъ Посланниковъ „ни точныхъ указаній на предлагаемыя Турціи реформы, ни гарантій въ ихъ осуществленіи", но что до принятія рѣшенія оно обмѣняется взглядами съ Бѣлградомъ и Аѳинами. Я полагаю, что отвѣтъ г. Гешова будетъ неудовлетворительный, и что вскорѣ послѣдуетъ объявленіе войны.

(Подп.) *Неклюдовъ*.

23.

Посланникъ въ Цетинье.

26 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Черногорцы начали военныя дѣйствія, открывъ сегодня утромъ артиллерійскій огонь противъ Тузи на пути къ Скутари.

(Подп.) *А. Гирсъ*.

24.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Управляющему Министерствомъ и Посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ.

Парижъ, 24 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Британское Правительство предлагаетъ, чтобы Державы сдѣлали Портѣ идентичное представленіе слѣдующаго характера.

Пять Державъ заявляютъ Портѣ, что онѣ принимаютъ къ свѣдѣнію оффиціально возвѣщенное Турецкимъ Правительствомъ намѣреніе ввести реформы, и что онѣ немедленно приступятъ съ Портой къ обсужденію, въ духѣ ст. 23 Берлинскаго трактата и закона 1880 года, потребныхъ въ управленіи Европейской Турціей реформъ и необходимыхъ для ихъ осуществленія мѣръ, при чемъ эти реформы не должны нарушить территоріальной неприкосновенности Турецкой Имперіи.

Пуанкарэ и я считаемъ эту формулу подходящей и думаемъ, что выступленіе Державъ въ Константинополѣ должно имѣть мѣсто какъ можно скорѣе.

(Подп.) *Сазоновъ.*

25.

Посолъ въ Константинополѣ.

27 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Сегодня я и четыре остальныхъ Посла редактировали коллективную ноту согласно формулѣ, указанной въ Вашей телеграммѣ отъ 24 сентября, и передали ее Турецкому Правительству.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

26.

Посолъ въ Константинополѣ.

30 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Въ разговорѣ со мной о коллективной нотѣ Державъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сѣтовалъ, что мы ставимъ Правительство, расположенное къ реформамъ, въ унизительное положеніе допустить европейскій контроль надъ ними. Я возразилъ на это, что Европа предлагаетъ Турціи свое сотрудничество въ этомъ вопросѣ и отъ дальнѣйшаго образа дѣйствій Порты будетъ зависѣть, чтобы это сотрудничество не приняло характера принужденія. Въ интересахъ Турціи, добавилъ я, отвѣтить намъ, что, искренно желая реформъ, она принимаетъ наше сотрудничество.

(Подп.) *М Гирсъ.*

27.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 28 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Вчера я заявилъ Турецкому Послу, что интересы нашей торговли на Черномъ морѣ дѣлаютъ для насъ крайне нежелательнымъ перенесеніе военныхъ дѣйствій въ бассейнъ Чернаго моря, и что я обращаю на это серьезное вниманіе Турецкаго Правительства, ибо въ противномъ случаѣ мы могли бы быть вынуждены принять мѣры для огражденія этихъ интересовъ, сообразно обстоятельствамъ.

(Подп.) *Нератовъ.*

28.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

30 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Въ отвѣтъ на коллективную ноту Державъ [1]) Сербское Правительство отвѣтило нотой, содержаніе которой вкратцѣ слѣдующее [2]):

Ознакомившись съ выступленіемъ шести Державъ, которыя передали Сербіи заявленіе чрезъ посредство Австро-Венгріи и Россіи, и обмѣнявшись взглядами съ Правительствами другихъ Балканскихъ Государствъ, Сербское Правительство выражаетъ шести Державамъ свою благодарность за заботу о населеніи Европейской Турціи и за обѣщаніе взять въ свои руки реформы на основаніи 23 статьи Берлинскаго трактата. Тѣмъ не менѣе Сербское Правительство полагаетъ, въ согласіи съ Болгарскимъ и Греческимъ Правительствами, что послѣ цѣлаго ряда торже-

---

[1]) См. телеграмму Министра Ин. Д. отъ 24 сентября 1912 г. № 21.

[2]) Такіе же отвѣты были даны Болгарскимъ и Греческимъ Правительствами.

ственныхъ обѣщаній, данныхъ Турціей и закрѣпленныхъ международными договорами, было бы жестоко не стараться обезпечить въ пользу христіанскаго населенія Европейской Турціи радикальныхъ и окончательныхъ реформъ для улучшенія его жалкой участи. Поэтому Балканскія Державы сочли долгомъ обратиться непосредственно къ Е. В. Султану, указывая на начала, которыя должны быть положены въ основаніе реформъ, и на гарантіи, которыми должно быть обезпечено ихъ осуществленіе. Балканскія Государства увѣрены, что если Турецкое Правительство вступитъ на этотъ путь, то порядокъ и спокойствіе установятся въ Европейской Турціи и между ними и Турціей утвердится прочный миръ.

Къ этой нотѣ приложена объяснительная записка слѣдующаго содержанія:

Болгарія, Греція и Сербія полагаютъ, что слѣдующія начала должны быть положены въ основаніе реформы: 1) Подтвержденіе національной автономіи народностей Имперіи. 2) Пропорціональное представительство въ турецкомъ парламентѣ каждой національности. 3) Открытіе христіанамъ доступа ко всѣмъ должностямъ въ населенныхъ христіанами областяхъ. 4) Признаніе школъ христіанскихъ общинъ наравнѣ съ турецкими школами. 5) Обязательство со стороны Высокой Порты не стараться измѣнить этническій характеръ областей Турецкой Имперіи, переселяя туда мусульманъ. 6) Наборъ христіанъ для военной службы—по областямъ и при условіи христіанскихъ кадровъ; до образованія этихъ кадровъ — отсрочка набора. 7) Реорганизація жандармеріи въ Европейской Турціи по вилайетамъ подъ дѣйствительнымъ руководствомъ швейцарскихъ или бельгійскихъ инструкторовъ. 8) Назначеніе въ вилайеты, въ коихъ есть и христіанское населеніе, европейскихъ генералъ-губернаторовъ изъ швейцарцевъ или бельгійцевъ, при чемъ Великія Державы должны одобрить ихъ выборъ и при нихъ должны состоять выборные Генеральные Совѣты. 9) Утвержденіе при Великомъ Визиратѣ Высшаго Суда, составленнаго изъ христіанъ и мусульманъ поровну, для наблюденія за введеніемъ этихъ реформъ. Послы Великихъ Державъ и Посланники Балканскихъ Государствъ будутъ имѣть задачей наблюдать за дѣятельностью этихъ Совѣтовъ.

(Подп.) *Гартвигъ.*

29.

Посолъ въ Константинополѣ.

1 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Турецкое Правительство сообщило намъ отрицательный отвѣтъ на коллективную ноту. Оно, видимо, выжидаетъ образа дѣйствій Балканскихъ Государствъ. Въ отвѣтной нотѣ Порта заявляетъ, что внесетъ на утвержденіе Палатъ законъ о вилайетахъ 1880 года, но что онъ будетъ введенъ безъ вмѣшательства Державъ.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

30.

Посолъ въ Константинополѣ.

1 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Согласно телеграммѣ Управляющаго Консульствомъ въ Битоли, Сербскій и Болгарскій консула тамъ получили приказъ о выѣздѣ и передали г. Кохманскому свои архивы и защиту сербскихъ и болгарскихъ подданныхъ.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

31.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

3 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Оффиціально объявлено о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Греціей и Турціей.

(Подп.) *Демидовъ.*

32.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Парижѣ.

28 сентября 1912 г.

(Телеграмма).

Мы считали бы желательнымъ поставить теперь же на обсужденіе вопросъ о вмѣшательствѣ Державъ съ цѣлью прекратить войну, послѣ первыхъ рѣшительныхъ дѣйствій борющихся сторонъ. Конечно, отъ характера, который примутъ военныя дѣйствія, и отъ степени успѣха той или другой стороны, будетъ зависѣть достиженіе возможныхъ результатовъ въ опредѣленіи основаній вмѣшательства. Полагаемъ, однако, что затяжной характеръ войны едва-ли соотвѣтствовалъ бы интересамъ Балканскихъ Государствъ, въ виду ограниченности ихъ рессурсовъ.

Представлялось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ, если бы Франція приняла на себя продолженіе начатаго дѣла объединенія Европейскихъ Державъ. Чѣмъ раньше будетъ остановлена война, пока не истощатся рессурсы обѣихъ сторонъ, тѣмъ меньше затрудненій будетъ въ пріисканіи компромисса между разнорѣчивыми интересами.

(Подп.) *Сазоновъ.*

33.

Посолъ въ Парижѣ.

2 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Согласно предварительному соглашенію Франціи съ Петербургскимъ и Лондонскимъ Кабинетами, г. Пуанкарэ телеграфировалъ циркулярно Французскимъ Представителямъ при Великихъ Державахъ, поручая имъ теперь же подготовить медіацію Державъ между Портою и Балканскими Государствами, каковая медіація должна состояться тотчасъ послѣ того, какъ первыя вооруженныя столкновенія охладятъ пылъ противниковъ.

(Подп.) *Извольскій.*

34.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 5 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Я заявилъ Турецкому Послу, что наши торговые интересы въ Черномъ морѣ дѣлаютъ для насъ крайне нежелательнымъ перенесеніе военныхъ дѣйствій въ бассейнъ этого моря и что я обращаю на это обстоятельство самое серьезное вниманіе Порты.

Одновременно, я указалъ Турханъ Пашѣ, что въ настоящее время, съ прекращеніемъ войны съ Италіей, турки не имѣли бы никакого основанія принимать какія-либо стѣснительныя мѣры для прохода торговыхъ судовъ черезъ Проливы.

Въ Вашихъ объясненіяхъ съ турецкими министрами вы могли бы вновь подчеркнуть серьезность положенія, которая создалась бы для насъ, въ случаѣ если бы наша торговля въ Черномъ морѣ и экспортъ вновь терпѣли бы громадные убытки. Правительству и безъ того не легко сдерживать натискъ общественнаго мнѣнія противъ той полной миролюбія позиціи, которую мы занимаемъ. Полагаемъ, что наши усилія должны быть по достоинству оцѣнены въ Константинополѣ и найти поддержку во внимательномъ отношеніи къ законнымъ интересамъ Россіи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

35.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 9 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Какъ вы сообщали, Порта заявила намъ, что Турція будетъ строго придерживаться международнаго права и не допуститъ ничего несогласнаго съ нимъ. Но это заявленіе не согласуется съ первыми распоряженіями Порты, еще до начала войны за-

державшей греческія суда и уступившей въ этомъ вопросѣ лишь энергичному давленію.

Благоволите вновь обратить вниманіе Порты на настоятельную необходимость для насъ получить обезпеченіе свободнаго прохода черезъ проливы нашихъ грузовъ, указавъ на серьезный характеръ послѣдствій, къ которымъ могли бы привести затрудненія въ этомъ вопросѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

36.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.

(Циркулярное письмо Россійскимъ представителямъ за границей).

С.-Петербургъ, 18 октября 1912 г.

Освѣщеніе занятой нами позиціи, въ особенности въ Балканскихъ странахъ, представляется намъ по условіямъ момента своевременнымъ.

Съ начала обостренія кризиса на Балканахъ для Императорскаго Министерства съ несомнѣнною ясностью представились слѣдующія два обстоятельства:

1) война на Балканахъ почти неизбѣжна, и

2) исчерпывая всѣ средства мирнаго воздѣйствія, необходимо одновременно принять всѣ мѣры для локализаціи войны.

Достиженіе обѣихъ цѣлей можно было обезпечить только установленіемъ прямого контакта съ Вѣнскимъ Кабинетомъ.

Согласившись выступить отъ лица всѣхъ Державъ совмѣстно съ Австріею въ Балканскихъ столицахъ съ заявленіемъ о ненарушимости территоріальнаго „status quo", мы преслѣдовали при этомъ только одну цѣль — этимъ заявленіемъ связать до извѣстной степени тѣ Державы, которыя на это заявленіе согласились. Указаннымъ выше шагомъ опасность выступленій отдѣльныхъ Державъ была нами предотвращена, и сѣтованіе балканскихъ политиковъ на Россію, оказавшую имъ въ данномъ случаѣ величайшую услугу, на какую они могли разсчитывать, свидѣтельствуетъ лишь о близорукости, или же объ увлеченіи, при которомъ временно исключается спокойная разсудительность. Впрочемъ, указанное настроеніе не могло насъ особенно задѣть, ибо мы знали, что время и вѣрный расчетъ окажутся въ нашу пользу.

Что касается отношенія Румыніи къ балканской войнѣ, то воспоминаніе о нашемъ братствѣ по оружію въ 1877—78 гг. и наше всегдашнее дружеское отношеніе, особенно ярко выразившееся въ Высочайшемъ пожалованіи Его Величеству Королю Карлу званія Фельдмаршала Русской Арміи, естественно внушали Румыніи чувства довѣрія и дружбы къ Россіи, и Румынія доказала ихъ, отказавшись отъ вмѣшательства въ войну.

Переходя къ оцѣнкѣ значенія, которое въ настоящее время можно придавать заявленію о неприкосновенности территоріальнаго „status quo", мы считаемъ нужнымъ обратить Ваше вниманіе прежде всего на нижеслѣдующія соображенія.

Заявленіе это было, какъ извѣстно, неразрывно связано съ другимъ, а именно, что Державы возьмутъ въ руки осуществленіе реформъ. Кто же помѣшалъ имъ осуществить послѣднюю задачу? Балканскія Государства? — Нѣтъ, они просили только точнѣе выяснить значеніе гарантій, заключающихся въ упомянутой формулѣ. — Совершенно наоборотъ, Турція, къ которой Державы обратились съ гораздо менѣе категорическимъ заявленіемъ, отвѣтила, что иностраннаго вмѣшательства она не допуститъ, и что сама проведетъ нужныя реформы. Такимъ образомъ, разъ вторая часть формулы,—осуществленіе Державами реформъ, — отпала и при томъ по винѣ Турціи, то тѣмъ самымъ въ нашихъ глазахъ лишается всякой силы первая часть,—заявленіе о неприкосновенности территоріальнаго „status quo". Во всякомъ случаѣ не мы будемъ создавать Балканскимъ Государствамъ препятствія въ этомъ отношеніи.

Если такимъ образомъ вопросъ о „status quo" не имѣетъ въ нашихъ глазахъ незыблемаго принципіальнаго значенія, то мы съ тѣмъ большею силою настаиваемъ, чтобы, въ случаѣ его нарушенія, были соблюдены слѣдующія основныя начала:

1) незаинтересованность Великихъ Державъ въ территоріальныхъ приращеніяхъ и

2) принципъ равновѣсія компенсацій между Балканскими Государствами на основѣ тѣхъ уговоровъ, которые предшествовали ихъ объединенію.

(Подп.) *Сазоновъ.*

37.

Посолъ въ Парижѣ.

18 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Г. Пуанкарэ предлагаетъ Великимъ Державамъ медіацію между воюющими на основаніи слѣдующей формулы о незаинтересованности:

Признавая, что приближается моментъ возможной медіаціи между воюющими сторонами на Балканскомъ полуостровѣ и озабочиваясь прежде всего сохраненіемъ мира въ Европѣ, Державы заявляютъ, что онѣ приступятъ къ этой общей задачѣ въ духѣ полной незаинтересованности.

(Подп.) *Извольскій.*

38.

Посолъ въ Вѣнѣ.

18 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Согласно сообщенію Французскаго посла онъ передалъ Австрійскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ предложеніе о медіаціи на основаніи объявленія Великими Державами ихъ незаинтересованности и прибавилъ, что Россія и Англія дали Франціи на это свое согласіе. Австрійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ призналъ медіацію своевременною, но отказался принять формулу о незаинтересованности.

(Подп.) *Н. Гирсъ.*

39.

Посолъ въ Парижѣ.

23 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Согласно сообщенію министра-президента графъ Берхтольдъ отвѣтилъ ему на его послѣднее предложеніе, что Австро-Венгерское Правительство, въ согласіи съ кабинетами Берлин-

скимъ и Римскимъ, признаетъ пользу медіаціи Великихъ Державъ между воюющими въ цѣляхъ поддержанія европейскаго мира, но считаетъ, что къ вопросу о медіаціи можно будетъ приступить только, когда одна изъ воюющихъ сторонъ сама обратится съ просьбой объ оной.

(Подп.) *Извольскій.*

40.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ циркулярно Россійскимъ Представителямъ за границей.

С.-Петербургъ, 20 октября 1912 г.

(Телеграмма).

По нашему мнѣнію вмѣшательство Державъ въ войну, дабы быть успѣшнымъ, должно быть безотлагательно.

Завоеванная союзниками часть Европейской Турціи, на нашъ взглядъ, подлежитъ на правахъ фактическаго завладѣнія полюбовному раздѣлу между союзниками. Только такимъ путемъ можно обезпечить прочный миръ на Балканахъ и упростить процедуру медіаціи.

Мы считаемъ, однако, долгомъ оговорить, что Аѳонъ долженъ, по нашему мнѣнію, сохранить нынѣшнее фактически независимое бытіе съ духовнымъ подчиненіемъ власти Вселенскаго Патріарха.

(Подп.) *Сазоновъ.*

41.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Парижѣ. Сообщается въ Лондонъ и Константинополь.

С.-Петербургъ, 22 октября 1912 года.

Согласно заявленію турецкаго Посла, его Правительство обращается съ настоятельной просьбой о медіаціи съ цѣлью остановить союзниковъ отъ занятія Константинополя.

Не входя въ разсмотрѣніе явно непріемлемыхъ условій, кои выдвигаются Турціей, я сказалъ Турхану Пашѣ, что нельзя въ настоящую минуту серьезно говорить о возможности удержать неприкосновенность территоріальнаго „status quo“,

и что я полагалъ бы, что турки могутъ разсчитывать на успѣхъ своей просьбы о медіаціи только въ томъ случаѣ, если, не опредѣляя ея условій, обратятся къ Державамъ, заранѣе подчиняясь рѣшенію, которое будетъ ими принято.

(Подп.) *Сазоновъ*.

42.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 24 октября 1912 г.

Съ нашей стороны не встрѣчается препятствій къ возможному присоединенію къ Болгаріи Адріанополя.

(Подп.) *Сазоновъ*.

43.

Генеральный Консулъ въ Ускюбѣ.

25 октября 1912 г.

(Донесеніе).

Еще до начала войны мнѣ удалось своевременно удалить ввѣренныхъ мнѣ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ, черногорскихъ и греческихъ подданныхъ, за исключеніемъ немногихъ оставшихся, къ безопасности коихъ мною были приняты мѣры. Я счастливъ донести, что жизнь всѣхъ ихъ была сохранена въ Ускюбѣ. Я употребилъ всѣ усилія для спасенія турецкоподданныхъ: сербовъ, болгаръ и грековъ; при этомъ турецкій вали Галибъ Паша всегда относился внимательно къ заявленіямъ Консульства, оказывая все зависящее отъ него содѣйствіе. Къ сожалѣнію послѣ объявленія войны роль его была ограничена дѣйствіемъ военныхъ властей, вооружившихъ поголовно все мусульманское населеніе, и опасность для христіанъ возростала съ каждымъ днемъ. Участь ихъ и Консульствъ въ Ускюбѣ всецѣло зависѣла отъ успѣха сербскаго оружія и быстроты дѣйствія сербскихъ войскъ. Въ то же время турецкія газеты и телеграммы сообщали лишь ложныя данныя объ успѣхахъ турокъ.

11-го октября въ день побѣды подъ Кумановымъ въ городѣ стали съ утра распространяться слухи, что дѣло турецкихъ войскъ проиграно. Въ Консульство хлынули мусульмане и христіане искать спасенія. Я устроилъ подъ моей охраной два дома: одинъ для мусульманскихъ семей, другой для христіанскихъ, ибо Консульство не могло вмѣстить эту толпу христіанъ, албанцевъ и турокъ.

Въ Консульство стали приходить разные видные мусульмане, заявляя, что они не хотятъ, чтобы войска защищали Ускюбъ, ибо тогда онъ будетъ разрушенъ бомбардировкой и жители будутъ перебиты. Я предложилъ имъ сдать городъ безъ боя, заявивъ, что ручаюсь за безопасность жизни женщинъ и дѣтей. Было собрано совѣщаніе изъ 150 представителей мусульманъ, которые выбрали комиссію, уполномочивъ говорить отъ имени города. Въ 9 часовъ вечера въ Императорскомъ Консульствѣ собрались: вали, консульскій корпусъ, городской голова Решидъ-Бей и уполномоченные мусульмане. Было рѣшено, что городъ будетъ просить командующаго войсками Фетхи Пашу вывести войска изъ города, чтобы спасти его отъ разрушенія. Вали и мусульмане отправились въ 12 часовъ ночи на телеграфъ просить Константинополь о запрещеніи Фетхи Пашѣ сражаться въ Ускюбѣ, переполненномъ мусульманскими женщинами и дѣтьми, бѣжавшими изъ Приштины, Куманова и другихъ мѣстъ. Отвѣта отъ Порты не было.

12-го утромъ мнѣ сообщили, что въ тюрьмѣ есть нѣсколько сотъ христіанъ, которымъ два дня не даютъ ѣсть. Когда я подъѣхалъ къ тюрьмѣ, тамъ начался бунтъ, и раздавались выстрѣлы. Я бросился къ начальнику жандармовъ и потребовалъ, чтобы меня допустили въ тюрьму. Онъ далъ согласіе. Мое прибытіе успокоило заключенныхъ, ломившихся въ рѣшетки. Смотритель тюрьмы сказалъ мнѣ, что онъ два дня не можетъ добыть хлѣба, потому что все забрали для войскъ. Я заявилъ, что въ такомъ случаѣ арестанты должны быть освобождены. Вали по телефону далъ согласіе. Я особенно настаивалъ потому, что съ начала войны начались массовые аресты православнаго населенія, и Митрополитъ просилъ моей защиты. Такъ какъ площадь передъ тюрьмой и узкая улица къ Вардару были загромождены пѣхотой, кавалеріей, артиллеріей и вооруженными башибузуками, бѣжавшими изъ Куманова, то смотритель тюрьмы сказалъ мнѣ, что выпущенные христіане могутъ быть тутъ же перерѣзаны. Поэтому мы выпустили сначала мусульманъ, а потомъ христіанъ, которыхъ жандармы съ

ружьями провожали до Русскаго Консульства, гдѣ ихъ отпустили на свободу. Сотни христіанъ, когда открылись двери ихъ заточенія, бросились цѣловать мои руки, благословляя Имя Русскаго Царя. Между заключенными были священники и видные представители болгарскаго и сербскаго населенія. Я поѣхалъ домой, но не могъ пробраться сквозь войска и пошелъ пѣшкомъ. Немного спустя, ко мнѣ вошелъ вали и сказалъ, что Фетхи Паша бѣжалъ изъ города, что его собственный экипажъ у него отняли, и просилъ содѣйствія выѣхать изъ Ускюба въ Калканделенъ. Мой экипажъ стоялъ у дверей. Я предложилъ его вали, который сѣлъ туда съ секретаремъ и полицейскимъ. Едва онъ отъѣхалъ нѣсколько домовъ, отдѣляющихъ Консульство отъ моста, какъ загремѣли ружейные выстрѣлы. Я приказалъ кавасамъ заряжать ружья и вышелъ на улицу. Подъѣхалъ мой экипажъ, залитый кровью. Оказалось, что солдатъ-албанецъ стрѣлялъ въ вали. Секретарь вали былъ убитъ наповалъ: моему кучеру прострѣлили руку; вали остался невредимымъ и черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ Консульство. Эти выстрѣлы вызвали ужасную панику. Кто-то крикнулъ: „Гяуръ геліоръ“ (пришли невѣрные). Войска, шедшія по улицѣ, бросились бѣжать. Артиллеристы бросились рубить постромки отъ орудій и зарядныхъ ящиковъ и въ бѣшеной скачкѣ искали спасенія. 18 гаубицъ было брошено на улицахъ, и черезъ нѣсколько минутъ ни одного турецкаго солдата не было видно въ Ускюбѣ; не успѣвшіе бѣжать попрятались въ домахъ. Одинъ офицеръ прибѣжалъ въ Консульство и лишился чувствъ отъ волненій. И эти люди наканунѣ еще съ большимъ мужествомъ сражались при Кумановѣ. Но двухдневный неудачный бой подъ страшнымъ огнемъ французскихъ пушекъ и пулеметовъ сломилъ ихъ моральныя силы.

Вали остатокъ дня провелъ у меня. Вечеромъ никто не хотѣлъ вести его на вокзалъ, боясь быть убитымъ. Мнѣ пришлось лично проводить его пѣшкомъ до вокзала, гдѣ онъ сѣлъ въ поѣздъ, отходившій въ Салоники. Въ тотъ же день я предложилъ турецкимъ делегатамъ ѣхать въ сербскую армію. Они согласились. Но 13-го утромъ заявили, что безъ меня не поѣдутъ, боясь сербовъ и фанатичныхъ турокъ въ городѣ. Остальные три Консула тоже рѣшили ѣхать со мною, и мы выѣхали вмѣстѣ около 9 часовъ утра съ Решидъ Беемъ городскимъ головой. Впереди ѣхалъ верховой съ бѣлымъ флагомъ. Мои кавасы всѣ хотѣли ѣхать со мной, чтобы защищать меня, ибо были увѣрены, что фанатики будутъ стрѣлять въ

насъ и не дадутъ сдать города. Я взялъ двухъ, а двухъ оставилъ для охраны Консульства. Мы проѣхали Ускюбъ благополучно и направились по Кумановскому шоссе. Когда мы доѣхали до горъ, верстахъ въ 10 — 12, и поднялись на первый отрогъ, мы увидѣли на вершинѣ горы сербовъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы были окружены сербской кавалеріей. Мы увидѣли нѣсколько офицеровъ и между ними генерала Гойковича, начальника дивизіи. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что Ускюбъ сдается безъ боя. Намъ сказали, что Наслѣдникъ здѣсь и желаетъ насъ видѣть. Немного спустя подъѣхалъ Королевичъ Александръ. Я сказалъ, что Ускюбъ сдается Его Королевскому Высочеству, и просилъ о покровительствѣ мусульманскимъ женщинамъ и дѣтямъ. Королевичъ любезно отвѣтилъ, что онъ очень радъ познакомиться съ Русскимъ Консуломъ, благодарилъ за радостное извѣстіе и обѣщалъ охранять мусульманское населеніе. Я представилъ Консуловъ и турецкаго городского голову. Его Высочество привѣтливо говорилъ съ ними. Французскому Консулу онъ сказалъ, что французскія пушки, купленныя Сербіей, оказались выше всякихъ похвалъ. Королевичъ сѣлъ на коня, предложивъ намъ свой автомобиль. Войска двинулись въ боевомъ порядкѣ на Ускюбъ, привѣтствуя Наслѣдника, окруженнаго штабомъ. Тысячи народа бѣжали по полю навстрѣчу. Они кричали: „Живіо Сербія", „Живіо Балканскій Союзъ" и при видѣ Консуловъ: „Живіо Россія". Восторгъ народа, освобожденнаго послѣ 500 лѣтъ мусульманскаго ига, не имѣлъ границъ. Многіе прямо обезумѣли отъ радости. Прибывъ въ Ускюбъ, я былъ принятъ Королевичемъ, который поручилъ мнѣ телеграфировать нашему Посланнику въ Бѣлградѣ, что полкъ имени ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА первый вошелъ въ Ускюбъ.

(Подп.) *Калмыковъ.*

44.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Парижѣ. Сообщается въ Лондонъ, Вѣну, Берлинъ.

С.-Петербургъ, 23 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Австрійскій посолъ заявилъ мнѣ, что его Правительство исключаетъ мысль о территоріальныхъ компенсаціяхъ для се-

бя. На мой вопросъ — почему въ такомъ случаѣ Вѣнскій Кабинетъ не примкнулъ къ французской формулѣ о незаинтересованности, графъ Турнъ отвѣтилъ, что въ ней не значится, что незаинтересованность касается только территоріальныхъ пріобрѣтеній.

Съ своей стороны я указалъ графу Турну на необходимость считаться съ жизненнымъ для Сербіи интересомъ выхода къ Адріатическому морю и на то, что въ интересахъ добраго сосѣдства съ нею Австрія не должна бы, казалось, оказывать сопротивленіе законному удовлетворенію ея желанія.

(Подп.) *Сазоновъ.*

45.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Бѣлградѣ. Сообщается въ Парижъ и Лондонъ.

С.-Петербургъ, 27 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Направленіе, принятое за послѣдніе дни вопросомъ о выходѣ Сербіи къ Адріатическому морю, не можетъ не внушать намъ серьезныхъ опасеній.

Мы готовы теперь, какъ и раньше, оказать Сербіи самую дѣятельную дипломатическую поддержку вмѣстѣ съ Франціей и Англіей. Но, по имѣющимся у насъ вѣскимъ даннымъ, Германія и Италія готовы вмѣстѣ съ Австріей воспротивиться территоріальному приращенію Сербіи на побережьи Адріатическаго моря.

Въ вопросѣ о выходѣ Сербіи къ Адріатическому морю мы различаемъ цѣли и средства. Цѣль—возможно большее обезпеченіе экономической независимости этого Государства, средство — это выходъ къ Адріатическому морю путемъ ли территоріальнаго пріобрѣтенія на побережьи или же обезпеченія сообщенія съ тѣмъ или инымъ портомъ желѣзною дорогою.

Уступка Сербіи въ вопросѣ пріобрѣтенія въ собственность Адріатическаго порта дастъ намъ возможность настаивать на другихъ для нея выгодахъ.

Мы полагаемъ, что Сербія, которая выйдетъ изъ короткой войны съ такими пріобрѣтеніями, о коихъ едва-ли могла меч-

тать, должна понять, что слишкомъ большими притязаніями она только скомпрометтируетъ достиженіе и этихъ результатовъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

46.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ.

С.-Петербургъ, 27 октября 1912 г.

Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ Представителей Державъ Тройственнаго Союза по вопросу о выходѣ Сербіи къ Адріатическому морю я указалъ моему собесѣднику на возможность компромиснаго рѣшенія, обезпечивающаго интересы Сербіи, и въ то же время предостерегъ отъ возможности категорическаго выступленія Державъ Тройственнаго Союза съ какимъ-либо солидарнымъ заявленіемъ о совмѣстномъ рѣшеніи, подлежащемъ принятію, ибо подобное выступленіе имѣло бы лишь одинъ результатъ—войну.

(Подп.) *Сазоновъ.*

47.

Посолъ въ Лондонѣ.

11 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

По моему мнѣнію, наибольшее, чего можно бы достигнуть въ пользу Сербіи въ вопросѣ о выходѣ къ Адріатическому морю—это нейтрализованный портъ на территоріи автономной Албаніи.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

48.

Посолъ въ Парижѣ.

12 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Здѣшній кабинетъ получилъ отъ Австрійскаго Посла оффиціальное сообщеніе, что, если Балканскія Государства заключатъ нынѣ миръ съ Турціей, то Австро-Венгрія не признаетъ окончательнымъ таковой договоръ.

(Подп.) *Извольскій.*

49.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Парижѣ.

С.-Петербургъ, 12 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

По нашему мнѣнію, наступилъ моментъ для поднятія вопроса о конференціи, мысль о которой внесетъ нѣкоторое успокоеніе въ общественное мнѣніе разныхъ странъ, нынѣ крайне возбужденное слухами о грозящемъ столкновеніи между Великими Державами. Мы полагали бы, что, не предрѣшая программы конференціи, можно было бы теперь приступить къ предварительному обмѣну мнѣній по этому вопросу. Въ виду неудобствъ, представляемыхъ для этого сношеніями по телеграфу, можетъ быть, было бы желательно возложить этотъ обмѣнъ мнѣній на Пословъ Великихъ Державъ при участіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ. На этихъ совѣщаніяхъ могли бы обсуждаться вопросы, вызывающіе разногласія, и изыскиваться способы ихъ разрѣшенія—какъ проектъ ликвидаціи всего Балканскаго кризиса.

(Подп.) *Сазоновъ.*

50.

Посланникъ въ Цетинье.

19 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Австрійскій Посланникъ, отъ имени своего Правительства, предупредилъ Короля Николая, что Скутари не можетъ остаться

за Черногоріей, если и будетъ взятъ, такъ какъ находится въ той части Албаніи, которая заселена исключительно албанцами-католиками.

(Подп.) *А. Гирсъ.*

51.

Посланникъ въ Софіи.

21 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Вчера вечеромъ въ Чаталджѣ подписанъ протоколъ о перемиріи на слѣдующихъ условіяхъ:

1) арміи воюющихъ сторонъ остаются на занимаемыхъ ими позиціяхъ, 2) осажденныя крѣпости не будутъ снабжаться провіантомъ, 3) снабженіе болгарскихъ войскъ провіантомъ будетъ производиться по Черному морю, а также черезъ Адріанополь черезъ десять дней послѣ заключенія перемирія, 4) переговоры о мирѣ начнутся въ Лондонѣ 30 ноября.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

52.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 25 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Мы не можемъ допустить перехода Аѳона, имѣющаго значеніе одного изъ главныхъ центровъ для всего православнаго міра, въ руки одной Державы, а потому считали бы лучшимъ рѣшеніемъ вопроса нейтрализацію Аѳона съ сохраненіемъ прежняго его подчиненія духовному главенству Вселенскаго Патріарха.

(Подп.) *Сазоновъ.*

53.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

С.-Петербургъ, 26 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Такъ какъ совѣщаніе Пословъ будетъ имѣть характеръ предварительнаго согласованія взглядовъ Великихъ Державъ на результаты ликвидаціи войны, полагаемъ, что допущеніе представителя Румыніи возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы, подлежащіе обсужденію, будутъ затрогивать интересы Румыніи. Представитель Румыніи можетъ быть приглашаемъ въ этихъ случаяхъ по общему рѣшенію Пословъ для дачи объясненій и выраженія своихъ пожеланій.

(Подп.) *Сазоновъ*.

54.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 26 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Считаемъ нужнымъ теперь же приступить къ обмѣну мнѣній съ Парижскимъ и Лондонскимъ Кабинетами для возможно болѣе полнаго согласованія взглядовъ на вопросы, которые будутъ обсуждаться въ предполагаемомъ совѣщаніи Пословъ. Въ числѣ ихъ на первую очередь по важности выступаетъ вопросъ объ Албаніи и выходѣ къ Адріатическому морю.

Какъ Вамъ извѣстно, основная наша задача—обезпечить политическую и экономическую эмансипацію Сербіи.

Албанія, на нашъ взглядъ, должна быть образована какъ автономная провинція подъ суверенитетомъ Султана, съ правомъ Турціи содержать въ ней ограниченное число войскъ.

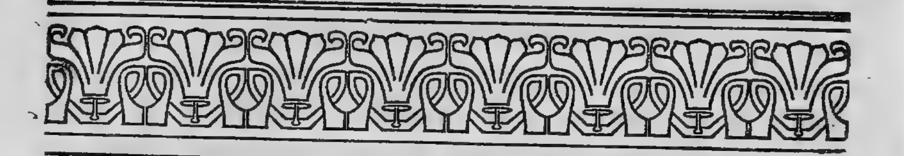
Общіе принципы, установленіе коихъ насъ интересуетъ, заключаются въ обезпеченіи нейтрализаціи Албаніи и ея побережья, въ смыслѣ отрицанія права какой-либо Державы на

установленіе тамъ исключительнаго преобладанія. За Сербіею должно быть признано право свободнаго сообщенія съ моремъ черезъ Албанскую территорію по тѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, которыя будутъ соединять Сербію съ Албанскими портами. Свобода передвиженія должна быть признана и за военными грузами Сербіи. Смычка сербскихъ желѣзныхъ дорогъ съ албанскими портами, которая можетъ быть осуществлена международными синдикатами, должна быть обставлена всѣми гарантіями, необходимыми для обезпеченія безопасности и правильнаго функціонированія желѣзнодорожнаго сообщенія черезъ Албанію.

(Подп.) *Сазоновъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Н. И. Пирогова къ невѣстѣ.

(Посвящается памяти Владиміра Николаевича Пирогова).

Свой знаменитый „Дневникъ стараго врача", опубликованный въ „Русской Старинѣ" (1884—1887 гг.), Н. И. Пироговъ, къ великому сожалѣнію, успѣлъ довести только до 1842 г. [1]). Очень подробно остановившись въ этой автобіографіи на изображеніи своихъ дѣтскихъ и юношескихъ

[1]) Отдѣльнымъ изданіемъ вышелъ въ свѣтъ нѣсколько разъ. Послѣднее изданіе—„Пироговскаго т-ва", 1910 г.—съ примѣчаніями и подъ ред. д-ра Ю. Г. Малиса, дополненное главой о политическихъ взглядахъ автора. Въ „Рус. Старинѣ", кромѣ „Дневника", были напечатаны еще слѣдующія произведенія Пирогова: Письмо къ К. К. Зейдлицу изъ Севастополя,—1885, авг. (вошло въ отд. изд. „Севастопольскихъ писемъ", 1907); сообщеніе пермскому земству объ организаціи медиц. помощи населенію, 1886, ноябрь; о преобразованіи Одесскаго Лицея въ университетъ, 1887, декабрь; объ открытіи каѳедръ географіи при университетахъ, 1887, ноябрь (оба включены въ собр. сочин. П., изд. 1914 г.); письмо къ іеромонаху Веніамину о Крестовоздвиженской общинѣ, 1891, іюль; письмо къ Е. П. Ковалевскому о цензурѣ, изъ Одессы, 1898, февр. (включено въ собр. соч., 1914); письмо къ Н. А. Корфу—1895, янв. Изъ статей о Пироговѣ, помѣщенныхъ въ „Р. Ст.", отмѣчу главнѣйшія: очерки Л. В. Бертенсона—1881, мартъ; 1882, дек.; 1885, янв.; Н. П. Розановъ—1881, іюль (метрич. выписи); къ юбилею 1881 года—1881, сент.; А. Л. Колянковскій (объ одесскомъ періодѣ)—1883, дек.; о послѣднихъ дняхъ жизни—1884, окт.; А. Добровъ (объ одесск. періодѣ)—1885, іюнь; письмо К. К. Зейдлица къ Пирогову—1885, сент.; Л. Змѣевъ—біограф. оч. и библіографія—1886, сент.; Л. Малининъ (о посѣщеніи П. Моск. универс.; приводится его рѣчь, включенная въ собр. соч. 1914 г.)—1886, ноябрь; С. Н. Кулябка (воспом. о кіевск. періодѣ)—1892, сент.; Б. Юзефовичъ (о кіевск. періодѣ)—1895, окт.; Н. П. Кудрявцевъ (метрич. выписки)—1910, дек.; А. Андріашевъ (о кіевскомъ періодѣ)—воспоминанія, напечатанныя въ теченіе 1911 и 1912 гг. Подробная библіографія у А. И. Шингарева въ біографіи Пирогова, въ Альбомѣ „Н. И. Пироговъ и его наслѣдіе—Пироговскіе съѣзды" и у А. Г. Фомина въ сборникѣ о Пироговѣ, изд. газ. „Шк. и Жизнь". Спб. 1911.

годовъ, давъ весьма яркую и обстоятельную картину годовъ своего ученія въ Москвѣ, и особенно, въ Дерптѣ и за границей, успѣвъ затѣмъ коснуться лишь въ незначительной степени своей профессорской дѣятельности и весьма подробно развивъ въ „Дневникѣ“ философскіе, религіозные и отчасти политическіе взгляды, — Н. И. Пироговъ едва лишь перешелъ къ изображенію своихъ зрѣлыхъ годовъ, едва лишь успѣлъ дать вступленіе къ изображенію зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни, столь грандіозной по результатамъ и по животворному вліянію на русскую общественность, какъ смерть вырвала карандашъ изъ одряхлѣвшей руки великаго человѣка.

Вскорѣ послѣ смерти Н. И. Пирогова въ печати стали появляться статьи и воспоминанія лицъ, имѣвшихъ счастье близко знать великаго хирурга и общественнаго дѣятеля въ различные періоды его жизни. Среди нихъ имѣются матеріалы, относящіеся къ дерптскому періоду жизни Пирогова, къ поѣздкѣ его на Кавказъ (1848), къ дѣятельности въ Севастополѣ (1855—1856), къ административно-педагогической дѣятельности въ Одессѣ и Кіевѣ (1856—1861), къ заграничному періоду дѣятельности (1862—1866), къ работѣ во время русско-турецкой войны и нѣкоторыя (крайне противорѣчивыя и случайныя) свѣдѣнія о жизни въ деревнѣ.

Но тотъ моментъ жизни, который только успѣлъ затронуть Н. И. Пироговъ на послѣднихъ страницахъ своего „Дневника“, такъ и остался необрисованнымъ. И тѣмъ ощутительнѣе былъ этотъ пробѣлъ въ Пироговской литературѣ, что онъ относится къ интимной жизни знаменитаго общественнаго дѣятеля и ничѣмъ, кромѣ свидѣтельствъ лицъ, близкихъ къ нему при его жизни, да подлинныхъ показаній самого Н. И. Пирогова,—не могъ быть восполненъ.

Такимъ образомъ, мы ничего почти не знали о женитьбѣ Н. И. Пирогова, объ его отношеніи къ семейной жизни, къ вопросамъ любви и т. п. Самъ Пироговъ разсказалъ въ „Дневникѣ“ о своемъ сватовствѣ къ Ек. Дм. Березиной, впослѣдствіи его первой женѣ, и на моментѣ, предшествовавшемъ свадьбѣ, обрывается его автобіографія, при чемъ въ ней ничего не говорится о чувствахъ, которыя испытывалъ уже въ то время европейски-извѣстный 32-лѣтній ученый къ своей молоденькой невѣстѣ.

Впослѣдствіи, въ воспоминаніяхъ объ Ос. Ив. Сенковскомъ (Брамбеусъ), Е. Н. Ахматова удѣлила въ „Русской Старинѣ“ (1890, авг.) двѣ-три страницы изображенію (довольно бѣглому)

семейной жизни Н. И. Пирогова. Вполнѣ, повидимому, безпристрастное, свидѣтельство Е. Н. Ахматовой даетъ очень цѣнные штрихи для характеристики Пирогова въ отношеніи интересующаго насъ вопроса. Но все это, конечно, очень кратко изложено и требовало сопоставленія съ другими документами. А ихъ не было, если не считать четырехъ писемъ Пирогова къ Е. Н. Огонь-Догановской, опубликованныхъ въ 1899 г. С. А. Рачинскимъ и включенныхъ теперь въ собраніе сочиненій Пирогова. И эти письма немного разъясняли соотвѣтственную главу въ жизнеописаніи знаменитаго хирурга и педагога, потому что относились къ предсвадебному моменту 1842 г. да къ смерти первой жены автора.

Лѣтъ десять назадъ сынъ Н. И. Пирогова, бывшій профессоръ Новороссійскаго университета Владимиръ Николаевичъ Пироговъ [1]) показывалъ мнѣ переплетенный томикъ писемъ его отца къ Александрѣ Антоновнѣ Бистромъ (впослѣдствіи второй женѣ Н. И. Пирогова), добавивъ, что письма эти представляютъ большой интересъ для характеристики религіозно-философскихъ воззрѣній Н. И., но что опубликованіе ихъ онъ считаетъ пока преждевременнымъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Вл. Ник. Пироговъ, перемѣнившій уже свой взглядъ на этотъ предметъ, въ разговорѣ по поводу писемъ къ А. А. Бистромъ заявилъ мнѣ, что они исчезли и что онъ подозрѣваетъ похищеніе ихъ въ гостиницѣ, гдѣ онъ временно проживалъ тогда, въ виду того, что томикъ писемъ лежалъ въ исчезнувшемъ дорогомъ сафьяновомъ портфелѣ.

Предпринятые нами розыски оказались безрезультатными. Приходилось считаться съ фактомъ утраты очень важнаго для біографіи Пирогова матеріала, тѣмъ болѣе, что въ слѣдовавшихъ послѣ того времени частыхъ переѣздахъ В. Н. Пирогова письма могли уже, дѣйствительно, затеряться, такъ какъ нѣкоторые ящики съ вещами В. Н. и его книгами, вслѣдствіе ихъ громоздкости, оставлялись имъ на храненіе у случайныхъ лицъ. Наконецъ, В. Н. Пироговъ обосновался нѣсколько прочнѣе въ Марселѣ и выписалъ туда свои книги, среди которыхъ находились и предметы, имѣющіе отношеніе къ памяти его великаго отца. Когда В. Н. сообщилъ мнѣ объ этомъ, я напомнилъ ему о письмахъ къ А. А. Бистромъ, съ пропажей которыхъ трудно мириться всякому, интересующемуся жизнью и дѣятель-

---

[1]) Вл. Ник. Пироговъ родился 5 января 1846 г., умеръ (въ Марселѣ) 23 мая 1914 г.

ностью Н. И. Пирогова, и указалъ на возможность нахожденія ихъ среди многочисленныхъ книгъ, брошюръ и газетныхъ вырѣзокъ о Николаѣ Ивановичѣ.

Въ письмѣ отъ 11 декабря 1914 г. В. Н. Пироговъ, сообщая мнѣ, что онъ разобралъ уже значительную часть доставленныхъ ему изъ Россіи ящиковъ, писалъ: „Письма едва-ли найдутся". Но уже черезъ 2 дня онъ спѣшилъ извѣстить меня, что вскрылъ послѣдніе ящики, при чемъ результаты получились слѣдующіе:

„Несомнѣнно и писемъ недостаетъ (кромѣ многихъ фотографій, книгъ и другихъ предметовъ Н. И.),—но могу Васъ *обрадовать*—самыя интересныя, которыя я считалъ украденными, *нашлись*—переплетенныя. Въ этой книжкѣ я почему-то помѣстилъ и письма родственниковъ Александры Антоновны ей и др... Несомнѣнно, крупную цѣнность представляютъ 15 писемъ невѣсты, весной 1850 г.; въ нихъ можно видѣть, я думаю, въ значительной степени подъ вліяніемъ живописца Моллера (представителя вмѣстѣ съ генеральшей Козенъ и др. очень возвышенныхъ стремленій тогдашней нѣмецкой интеллигенціи въ С.-Петербургѣ), поворотъ покойнаго versus болѣе идеалистическаго направленія; они *очень важны* для характеристики духовной жизни покойнаго. Какъ увидите, прибавлено много писемъ мнѣ (и брату) не безъ репримандовъ и съ напутствіемъ на занятія наукою. Затѣмъ, кромѣ писемъ Гигинботома, Бунге, интересны письма, относящіяся къ придворнымъ отношеніямъ, въ особенности къ приглашенію послѣдовать за Государемъ къ больному Наслѣднику"... [1]). Далѣе Вл. Ник. сообщаетъ о другой находкѣ—„это изящно-переплетенная съ золотымъ ободкомъ и литерами (тетрадь), преподнесенная покойнымъ въ 1824-мъ году къ празднику его отца. Содержитъ стихотворенія, частью другихъ, частью свои... Они очень характерны для будущаго таланта"...

Затѣмъ В. Н. Пироговъ повторяетъ, нѣсколько разъ, въ этомъ и другихъ письмахъ ко мнѣ о своемъ непремѣнномъ желаніи, чтобы письма его отца къ невѣстѣ и другія были, по возможности, немедленно напечатаны. Послѣ нѣкоторой переписки съ В. Н. мнѣ удалось, благодаря содѣйствію глубокоуважаемыхъ С. Ф. Ольденбурга, А. А. Шахматова и Б. Л. Модзалевскаго, устроить такъ, что подлинники писемъ поступаютъ въ рукописное отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ съ

---

[1]) Н. И. Пироговъ лечилъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

тѣмъ, что, согласно желанію В. Н., я опубликовываю самыя письма и присоединяю ихъ къ редактируемому мною собранію публицистическихъ статей Н. И. Пирогова.

Получивъ въ свое распоряженіе эти письма [1]) и разсмотрѣвъ ихъ (благодаря любезности глубокоуважаемаго В. И. Срезневскаго это удалось мнѣ сдѣлать въ условіяхъ наиболѣе удобныхъ для работы), я увидѣлъ, что они представляютъ собою матеріалъ для характеристики Пирогова въ періоды, которые были наименѣе или почти совсѣмъ не освѣщены въ его біографіяхъ—для времени, предшествовавшаго его поступленію въ университетъ, и для времени, за которымъ почти непосредственно началась его общественная дѣятельность.

Что касается содержанія этихъ документовъ по существу, то въ нихъ мы находимъ самый разнообразный матеріалъ для характеристики великаго ученаго и дѣятеля съ совершенно новыхъ сторонъ и для освѣщенія тѣхъ сторонъ его дѣятельности, которыя имѣютъ особенно большое значеніе въ исторіи русской общественности.

Предлагаемыя здѣсь письма Н. И. Пирогова къ А. А. Бистромъ составляютъ незначительную по объему часть всего собранія, но представляютъ собою цѣльную по содержанію группу, посвященную вопросамъ религіозно-философскимъ, вопросу о бракѣ, объ отношеніи дѣтей къ родителямъ, о семейной жизни и, что интереснѣе всего, по абсолютной новизнѣ матеріала, изображенію любви Пирогова къ его второй невѣстѣ (женѣ). Разнообразныя и богатыя по содержанію, эти письма вносятъ много данныхъ въ біографію знаменитаго хирурга и являются цѣннымъ вкладомъ въ литературу матеріаловъ для жизнеописанія Николая Ивановича Пирогова.

Дѣлая къ публикуемому мною тексту самыя незначительныя по размѣру, необходимыя для поясненія ихъ содержанія, примѣчанія, отмѣчу особенность правописанія Пирогова въ этихъ письмахъ. Помимо случайныхъ отступленій отъ обще-

---

[1]) Важность и своевременность предпринятыхъ шаговъ по возвращенію на родину великаго дѣятеля его писемъ доказывается тѣмъ, что вскорѣ послѣ этого и незадолго до начала европейской войны В. Н. Пироговъ скончался въ Марселѣ и всѣ оставшіяся послѣ него вещи застряли тамъ, при чемъ ближайшимъ родственникамъ его неизвѣстно даже, что именно и у кого осталось, а письма—самое цѣнное изъ этого наслѣдства—избѣгли случайностей военнаго времени и сохранены для потомства.

принятой орѳографіи, Н. И. почти всегда, и въ этихъ письмахъ, а также въ позднѣйшихъ письмахъ и статьяхъ, пишетъ слова „счастье", „присутствіе", „чувство" и производныя отъ нихъ такъ: „щастье", „присудствіе", „чуство". Однако, изрѣдка встрѣчается и обычное правописаніе.

С. Штрайхъ.

I.

Четвергъ, 16 марта (1850 г.). Утро.

Незабвенные два дня въ моей жизни!—Я нахожусь у одра умирающей матери [1]). Третьягодни она призвала меня, сестеръ, внучковъ [2]) и тебя заочно, благословила насъ, молила Бога о моемъ щастьи, молила Бога о тебѣ, благодарила меня, подняла глаза къ небу и прерывистымъ, но твердымъ голосомъ, выго-

---

[1]) Мать Н. И. Пирогова—Елизавета Ивановна, родилась, приблизительно, въ 1776 г., скончалась 16 марта 1850 г. (см. ниже) В. Н. Пироговъ въ письмѣ къ А. И. Шингареву, говоритъ, что его бабушка была урожденная Лукутина (А. И. Шингаревъ, „Жизнь и дѣятельность Н. И. Пирогова" въ альбомѣ „Н. И. Пироговъ и его наслѣдіе—Пироговскіе съѣзды", Спб. 1911, стр. 4), но подтвержденія этого указанія нѣтъ въ литературѣ. Возможно, что В. Н., по памяти, смѣшалъ фамилію воспріемника его знаменитаго отца, Лукутина, съ фамиліей дѣда. Ибо въ такомъ случаѣ Пироговъ не могъ бы мечтать о женитьбѣ на молоденькой дочери Лукутина, о любви къ которой онъ говоритъ въ „Дневникѣ". Въ „дневникѣ стараго врача" Пироговъ говоритъ о своемъ дядѣ по матери, фамилія котораго была Новиковъ (изд. 1910 г., стр. 470). П. И. Бартеневъ говоритъ о еврейскомъ происхожденіи матери Н. И. Пирогова („Русск. Арх." 1910, XII), не подтверждая этого заявленія никакими данными. Объ этомъ—моя замѣтка, съ указаніемъ литературы предмета, въ „Нов. Восх." № 24 за 1914 г.

[2]) Н. И. Пироговъ былъ женатъ дважды. Въ первый разъ онъ женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Березиной (11 ноября 1842 г.), которая была близкой подругой дочери его учителя и предшественника по дерптской каѳедрѣ И. Б. Мойера, Екатерины Ивановны, къ которой Пироговъ также сватался одно время и при посредствѣ которой онъ съ Березиной познакомился. Е. Д. Пирогова умерла въ началѣ 1846 г. отъ болѣзни, развившейся во время рожденія второго сына—Владиміра. О Е. Д. Пироговой—см. письма Н. И. Пирогова къ Е. Н. Огонь-Догановской (Сочиненія т. I, подъ ред. С. Штрайха, изд. 1914 г.), послѣднія страницы „Дневника стараго врача" (изд. подъ ред. Ю. Г. Малиса, 1910 г.) и любопытнѣйшія, очень интересныя для характеристики самого Пирогова, страницы въ воспоминаніяхъ Е. Н. Ахматовой о Сенковскомъ—„Русская Старина", 1890, августъ. Отъ брака съ Березиной Пироговъ имѣлъ двухъ сыновей: Николая (родился 7 ноября 1843 г., умеръ въ 1891 г.) и Владиміра (родился 5 января 1846 г., умеръ 23 мая 1914 г.).

варивая каждое слово отдѣльно, произнесла: Отче нашъ.—Комната въ эту минуту освѣтилась лучами заходящаго солнца. Я любилъ въ эту минуту мою мать такъ, какъ я любилъ ее, бывши ребенкомъ; всѣ воспоминанія дѣтства, ея заботы обо мнѣ, все, все живо возобновилось въ моей памяти. Я молился, чтобы Всевышній облекъ въ безсмертіе ея духъ, оставляющій хилое тѣло.

Вотъ уже два дня, какъ продолжается медленная агонія; отъ времени до времени она впадаетъ въ бредъ, но пробуждаясь узнаетъ всѣхъ, спрашиваетъ меня, долго ли ей еще осталося терпѣть предсмертныя муки, шепчетъ тихонько молитву и, сложивъ руки на груди, снова впадаетъ въ полубезчуственное состояніе. Вчера она соборовалась. Я въ первый разъ присутствовалъ при этой церемоніи. Съ твердостью, даже ни разу не охнувъ, она приняла мvропомазаніе.

Нѣтъ, неземныя узы соединяютъ мать съ сыномъ и дочерью.—Кровь матери течетъ въ жилахъ дѣтей; и этого бы уже довольно было сдѣлать узы, ихъ соединяющія, неразравными; но вмѣстѣ съ этимъ еще что-то несравненно тончайшее, перешедшее къ намъ вмѣстѣ съ мыслью и чувствомъ изъ-за предѣловъ другаго міра, переносится отъ матери и отъ отца черезъ мать къ дѣтямъ...

4½ пополудни.

Ее уже нѣтъ на свѣтѣ. Я только-что теперь принялъ послѣдній вздохъ ея и пишу тебѣ, чтобъ съ тобою раздѣлить грусть души. Вотъ оставило меня и еще одно существо, которое я любилъ. Для чего тебя нѣтъ со мною? Ты облегчила бы мои слезы, которыя такъ и льются о потерѣ невозвратной. Молись со мною, чтобы душа усопшей, испытанная въ земныхъ страданіяхъ, насладилась миромъ вѣчной жизни! Еще въ эту ночь, когда я сидѣлъ у изголовья страдалицы, она, забывая свои муки, думала о спокойствіи сына и посылала меня, благословивъ, уснуть и отдохнуть.

Знаешь ли, что во время болѣзни моей матушки, я научился любить тебя еще болѣе, вспоминая безпрестанно о тебѣ и представляя, что и ты будешь такою же нѣжною матерью къ нашимъ дѣтямъ. Какъ будто матушка изъ любви ко мнѣ и дѣтямъ и жила только, ожидая, пока я рѣшу ихъ участь; только тогда она закрыла, благословивъ и насъ и дѣтей, глаза свои. Какъ я благодарю моего Бога, что смерть ея случилась не въ моемъ

отсутствіи. И горько; но и отрадно закрыть самому глаза умирающей матери, принять ее послѣднее благословеніе, подвести подъ него своихъ дѣтей, принять послѣдній вздохъ ея и дать ей послѣдній поцѣлуй!

II.

17 марта. Утро.

Ахъ, милая Саша, какъ я чувствую, что тебя, именно тебя, не достаетъ мнѣ теперь. Какъ бы мнѣ хотѣлось въ эту минуту поцѣловать тебя. Поцѣлуй твой имѣетъ успокаивающее дѣйствіе на меня, въ которомъ такъ теперь нуждается душа моя. Такъ радость перемѣшена съ горемъ на свѣтѣ; странная участь: въ моей первой женитьбѣ, не задолго предъ нашею свадьбою умерла мать моей жены [1]), во второй моя мать. Одно еще, что меня утѣшаетъ: это то, что моя мать умерла прежде меня; я всегда для нее же молилъ Бога, чтобы ей, видѣвшей смерть тринадцати дѣтей, не пришлось видѣть и смерть того, на котораго она полагала всю свою надежду.

Я смотрю опять на твой дагеротипъ и опять твое черное платье наводитъ меня невольно на одну мысль. Мад. Глазенапъ [2]), которая иногда словами выражаетъ, не думая и не-

---

[1]) Екатерина Николаевна Березина, урожденная графиня Татищева— была мученицей семейной жизни и много выстрадала отъ своего мужа, проигравшаго въ карты и вообще „просадившаго" огромное состояніе. Нѣсколько теплыхъ строкъ посвящаетъ ей Пироговъ въ послѣднихъ страницахъ своего „Дневника".

[2]) Эмилія Амосовна Глазенапъ, дочь морского министра А. Ф. Моллера, жена Б. А. Глазенапа, впослѣдствіи Николаевскаго военнаго губернатора,—пріятельница Пирогова, который познакомился съ нею въ Ревелѣ, куда онъ пріѣзжалъ много лѣтъ подрядъ на купанья. О ней читаемъ въ „Дневникѣ стараго врача": „Прибывъ вмѣстѣ съ больнымъ еще братомъ (Ѳедоръ Амосовичъ Моллеръ, художникъ, ревельскій пріятель Пирогова, лечился у Н. И.) въ Ревель, Эмилія Амосовна хотѣла полечить и себя отъ несносной истерической тоски (въ которую она впала послѣ смерти отца); мужъ капитанъ-лейтенантъ Богданъ Александровичъ Глазенапъ, былъ гдѣ-то при флотѣ за границею. Я ей посовѣтовалъ морскія купанья и какъ можно болѣе движенія на чистомъ воздухѣ. А между пріѣзжими я считался знатокомъ по части ревельскихъ прогулокъ и дѣйствительно, я исходилъ пѣшкомъ всѣ ближнія окрестности и зналъ всѣ хотя сколько-нибудь живописныя мѣста... Прогулки (вмѣстѣ съ Пироговымъ, Моллеромъ и Н. Ф. Здекауеромъ) приносили очевидную пользу, а между тѣмъ ревельскіе и петербургскіе сплетники и сплетницы подсмѣивались надъ нашими прогулками, называя ихъ, въ насмѣшку, „ботаническими экскурсіями доктора Пирогова и m-me Глазенапъ". Это глупое хихиканье дошло и до двора. Въ то время проѣзжала черезъ

произвольно, впечатлѣнія, если онѣ живо и сильно на нее подѣйствовали, сказала мнѣ вдругъ, взглянувъ на твой портретъ: „для чего же въ черномъ платьѣ"? И только при этихъ словахъ я вспомнилъ, что ты была точно одѣта въ черномъ, такъ я мало обращалъ вниманія на твою наружность.

У меня нѣтъ предразсудковъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ мелочныхъ; но нѣкоторыя вещи съ малолѣтства еще дѣлаютъ на меня иногда такое непріятное, грустное впечатлѣніе, особливо если другіе обратятъ на нихъ мое вниманіе. Такъ и въ этомъ случаѣ, мнѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то досадно, для чего моя невѣста была одѣта въ черное.

И знаешь ли, то же случилось съ моей съ первой женой. Будучи невѣстой, она однажды одѣла черное платье; мнѣ сначала понравилось, потому что платье было ей къ лицу; вдругъ одна дама изъ ея знакомыхъ, увидавъ ее, сказала: „Развѣ невѣста носитъ черное платье"? эти слова также какъ-то грустно отозвались въ моей душѣ, я замолчалъ, но впечатлѣніе какъ теперь помню.

Вотъ объясняй всѣ капризы человѣческой души. Я зналъ одного человѣка, который не принималъ ничего, не вѣрилъ ничему, былъ самый восторженный послѣдователь французскихъ энциклопедистовъ; но крестился, когда зѣвалъ, и никогда не хотѣлъ надѣвать сапогъ сначала на лѣвую ногу. Такъ все перемѣшано безъ послѣдовательности, безъ порядка въ омутѣ души. Тѣ впечатлѣнія, которыя дѣйствовали на насъ въ дѣтствѣ, которыя родились въ насъ отъ нашептыванія нашихъ нянекъ, нашихъ матерей и бабушекъ, неизгладимы.

Всѣ предразсудки, всѣ пошлости и глупости, которыми такъ обиленъ человѣческій родъ, основаны на врожденномъ его расположеніи къ предразсудкамъ, пошлостямъ и глупостямъ; конечная причина и сущность вещей скрыты отъ него за непроницаемой завѣсой, онъ можетъ только догадываться, предчувствовать и только не многое постигать дѣйствительно своимъ

Ревель Великая Княгиня Ольга Николаевна. Встрѣтивъ Богдана Александровича на пароходѣ, она обратилась съ усмѣшкою къ нему и спрашивала: слышалъ ли онъ, что его жена занимается ботаническими экскурсіями съ докторомъ Пироговымъ? Хорошо, что Б. А. зналъ отлично нравы и обычаи жены, и потому, нисколько не сконфузясь, отвѣчалъ какою-то шуткою. Семейство Глазенапъ (мужъ и жена) оставались долго нашими добрыми пріятелями"... („Дневникъ", изд. 1910 г., стр. 580—581; исправлено по подлинной рукописи Пирогова, хранящейся въ музеѣ его имени въ Петроградѣ).

умомъ, ему кажется, что онъ окруженъ міромъ чудесъ и даже, чѣмъ больше онъ думаетъ о томъ, что его окружаетъ, чѣмъ болѣе онъ углубляется въ окружающее, тѣмъ болѣе онъ удивляется, тѣмъ болѣе онъ *не знаетъ*.

Человѣку въ грубой его, первоначальной, дикости чуднымъ, непостижимымъ и страннымъ кажется только то, что рѣдко встрѣчается, что онъ не всякой день видитъ и слышитъ и что дѣйствуетъ сильно сотрясая его чувства; для человѣка мыслящаго и вникающаго въ причину вещей чудно и непостижимо дѣлается уже и то, что онъ видитъ ежедневно, но о чемъ ему прежде никогда и въ голову не приходило подумать; зерно, которое онъ скроетъ въ землю и которое пуститъ отростокъ, превращается въ листъ и цвѣтокъ; ребенокъ, который у него родится и выростаетъ предъ его глазами...

Все, все чудо, потому что, въ сущности, причина всего этого для него не объяснима также, какъ необъяснимо все твореніе, вся вселенная. Удивительно ли послѣ этого, что онъ исполненъ предразсудковъ и непослѣдовательностей, что онъ вѣритъ въ пошлости, что онъ просто глупъ? Въ логикѣ, которой ты, слава Богу, не училась, которую и я только знаю по слухамъ, принимаются три софизма, отъ которыхъ она предостерегаетъ, запрещая имъ слѣдовать. Это:

1) *ante hoc, ergo propter hoc* (*avant* cela, ainsi *pour* cela).
2) *post hoc, ergo propter hoc* (*après* cela, ainsi *pour* cela).
3) *cum hoc, ergo propter hoc* (*avec* cela, ainsi *pour* cela).

17 марта. Вечеръ.

Несмотря, однако же, на всѣ предостереженія логикѣ, человѣческій родъ безпрестанно слѣдуетъ въ своихъ сужденіяхъ этимъ тремъ софизмамъ; если онъ видитъ на примѣрѣ, что одно происшествіе слѣдуетъ непосредственно за другимъ, онъ сейчасъ, не разбираясь, предписываетъ причину второго происшествія первому. Такъ простой народъ и многіе даже изъ образованныхъ предписываютъ такъ называемымъ примѣтамъ причину происшествій, которымъ они предшествовали. Многіе, будучи вполнѣ увѣрены, что три зажженныя свѣчки на столѣ означаютъ смерть кого-нибудь изъ присутствующихъ, тщательно избѣгаютъ ставить три зажженныхъ свѣчки на столѣ и т. п.

Мы всѣ живемъ въ одномъ только будущемъ. Прошедшее и настоящее для насъ имѣетъ только потому цѣну, что оно намъ служитъ средствомъ жить въ будущемъ; поэтому есте-

ственно, что мы стремися такъ устроить наше настоящее и прошедшее, чтобы оно могло служить намъ для нашего будущаго; поэтому, естественно, что въ настоящемъ и прошедшемъ мы ищемъ знаковъ, которые бы намъ могли служить (средствомъ?) проникнуть въ неизвѣстное, но для насъ необходимое, будущее. Томимые этою безпокойною неизвѣстностью, блуждающіе съ завязанными глазами, мы ощупью ходимъ въ потемкахъ и, занятые нашею главною цѣлью, вездѣ отыскиваемъ и вездѣ стараемся видѣть признаки, которые бы могли намъ служить руководствомъ, вездѣ хотимъ найти связь между тѣмъ, что есть и было, и тѣмъ, что будетъ.

Въ этомъ стремленіи, какъ всегда и вездѣ, вслѣдствіе нашего несовершенства, мы вдаемся въ двѣ крайности; мы дѣлаемся или черезъ-чуръ легковѣрными, или черезъ-чуръ маловѣрными. Пугливые, робкіе по природѣ, съ умомъ, ограниченнымъ и необразованнымъ, съ воображеніемъ дѣтскимъ, нѣкоторые изъ насъ не только видятъ во всемъ ихъ окружающемъ примѣты, указующія будущее, но даже, вдаваясь безпрестанно въ три запрещенные здравымъ смысломъ софизма, находятъ причинную связь между этими примѣтами и тѣмъ, что должно случиться; они увѣрены, что, устраняя эти примѣты, этимъ предостерегутъ себя и отъ слѣдствій, которыя они предвѣщали.

Другіе, одаренные умомъ положительнымъ, воображеніемъ менѣе пылкимъ, болѣе просвѣщенные образованіемъ и опытомъ, отвергаютъ вездѣ и во всемъ связь между признаками въ настоящемъ и будущемъ, какъ скоро не въ состояніи бываютъ постигнуть здравымъ умомъ этой связи. Первые боятся и сомнѣваются; вторые смѣются надъ первыми и гордятся своею самоувѣренностью. Трудно найдти juste milieu. Видѣть во всемъ связь между случившимся и тѣмъ, что должно случиться, безумно и точно смѣшно; но отвергать вездѣ эту связь, если мы ее только не можемъ доказать логически, — дерзко и самонадѣянно.

И у животнаго, и у человѣка есть предчувствія, это неоспоримый фактъ; человѣкъ, *безсознательно* тревожимый тѣмъ или другимъ предчуствіемъ, даже, если оно и не выражено до такой степени, чтобы онъ могъ ясно замѣтить его существованіе въ себѣ, нерѣдко вдругъ поражается самымъ незначительнымъ событіемъ въ окружающемъ его мірѣ. Это событіе вдругъ пробуждаетъ въ немъ предчуствіе, дѣлая его сознательнымъ. Звуки и слова, цвѣты и фигуры искони принадлежали къ

предметамъ, пробуждающимъ скрывающіяся въ насъ предчувствія. Вотъ почему иногда одно слово, сказанное другимъ невзначай, безъ всякаго умысла, случайно въ разговорѣ, вдругъ заставляетъ насъ призадуматься, пробуждая въ насъ какое-то предчувствіе. Особливо въ извѣстное время жизни, въ извѣстномъ расположеніи духа, мы бываемъ расположены и къ предчувствіямъ, и именно когда мы готовимся къ чему-нибудь.

18 марта. Утро.

Въ опасности жизни, въ болѣзняхъ это состояніе духа иногда доходитъ до настоящаго предвидѣнія. Я никогда не оперирую труднаго больнаго изъ простыхъ людей, когда онъ не скоро соглашается на операцію, говоря, что онъ умретъ; я почти всегда видѣлъ, что предвѣщанія ихъ сбывались.

Нѣтъ сомнѣнія, разсматривая все, что я сказалъ, въ смыслѣ христіанскаго ученія, мы найдемъ, что многое въ примѣрахъ и т. п. противно этому ученію, повелѣвающему намъ твердо вѣрить и уповать, не заботясь слишкомъ о будущемъ. „Да будетъ Воля Твоя"—вотъ основа христіанскаго взгляда на будущее. Всѣ мірскія заботы, вся горечь жизни, все неизвѣстное, что такъ страшитъ насъ въ будущемъ, все исчезаетъ въ утѣшительномъ: „Да будетъ Воля Твоя". Но, чтобы чувствовать все утѣшительное, заключающееся въ этой мысли, нужно, чтобы она была не на устахъ, а въ сердцѣ;—а этого не легко достигнуть; это верхъ вѣры и упованія.

Вотъ и второе твое письмо (отъ 13 марта изъ Москвы) я получилъ. Не показываетъ ли оно, что тяжка и временная разлука съ тѣмъ, что любишь, что преодолѣть тягость и этой разлуки нужна уже борьба; такъ трудно достается намъ утѣшеніе въ „Да будетъ Воля Твоя",—а разлука навсегда? а потеря того, къ чему былъ привязанъ на землѣ узами крови, чуства, привычки? — о, это перенести мужественно, не бывши эгоистомъ, безъ помощи демона души, и произнеся твердымъ голосомъ: „Да будетъ Воля Твоя" — для этого нужно, чтобы сначала Эта Воля Высшая осѣнила насъ своею вдохновенною силою.

Если бы еще мы понимали ученіе евангелическое такъ, что нужно отдаться совершенно на произволъ, произнося: „Да будетъ Воля Твоя"—но нѣтъ, мы должны бороться, мы должны подвергать себя вліянію тысячи и тысячи обстоятельствъ съ намѣреніемъ, съ извѣстною цѣлью, стремиться осуществлять

ту или другую мысль и, неувѣренные въ успѣхѣ, произносить: „Да будетъ Воля Твоя“.

Человѣкъ такъ скоро начиналъ жить въ обществѣ, какъ скоро запутывался въ извилистомъ лабиринтѣ общественной жизни и прибавилъ къ трудностямъ борьбы съ элементами еще борьбу со всѣми непредвидѣнными слѣдствіями сооруженнаго имъ самимъ общества; короче: какъ скоро человѣкъ начиналъ глубже чуствовать свою слабость и тревожнымъ взглядомъ смотрѣть въ будущее, такъ въ немъ обнаружилась и потребность искать связей между собою и Верховнымъ началомъ, существованіе котораго открыли ему его чуства и умъ. Это исканіе было первымъ его сознаніемъ своей слабости. Воображеніе въ мірѣ языческомъ, у грековъ и римлянъ, изобрѣтало боговъ и богинь, безпрестанно вступающихся въ человѣческія дѣла, раздѣляющихъ и труды, и наслажденія человѣка. У славянъ оно породило дуализмъ божества: два начала: доброе и злое, борющіяся между собою и своимъ вліяніемъ опредѣляющія судьбу человѣка.

Вѣтхой завѣтъ принималъ также, что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, Богъ говорилъ съ избраннымъ народомъ его языкомъ, писалъ ему самъ скрижали завѣта. Въ мірѣ христіанскомъ божество, принявъ образъ человѣка, сообщило ему чрезъ Откровеніе связь, существующую между нимъ и Собою. Короче, человѣкъ всегда и вездѣ чуствовалъ, что для него необходима эта связь, онъ искалъ всегда въ этой связи опоры для своихъ слабостей, утѣшенія для своихъ скорбей, награды для своихъ добродѣтелей.

И такъ, человѣчеству необходима связь съ Божествомъ; ему необходима Вѣра въ эту связь; безъ нее оно жалко, безутѣшно, оно безъ нее несчастнѣе другихъ животныхъ, потому что оно мыслитъ, потому что оно сильнѣе чуствуетъ ошибку. И можетъ ли быть, чтобы Богъ, надѣливъ человѣка способностью возвышаться порывомъ воображенія и мысли до Него, углубляться въ самого себя, видѣть и живо чуствовать свою безпомощность, свою ничтожность, оставилъ бы на произволъ, предоставляя во всемъ заботиться самому о себѣ? Если, съ одной стороны, уму, знакомому хотя нѣсколько съ порядкомъ Вселенной, трудно представить величіе Творца, унижающееся до человѣческихъ заботъ, то, съ другой стороны, также трудно представить Властелина и Творца Вселенной жестокимъ и немилосердымъ.

Но мы всегда будемъ теряться въ нашихъ предположеніяхъ и несообразностяхъ, покуда мы будемъ, не отъучимся, примѣнять нашу человѣческую натуру къ Творцу. О мудрости, о милосердіи, о правосудіи мы не имѣемъ и не можемъ имѣть другаго представленія, какъ нашего, слабаго, не совершеннаго, человѣческаго. Его мудрость, Его милосердіе, Его правосудіе— другіе; между Нимъ и нами есть для насъ непостижимая связь, Его Воля осѣняетъ насъ, Его благодать проявляется иногда между нашимъ ничтожествомъ и утѣшаетъ насъ, наставляя вѣрить въ неразрывную связь между нами и Его Божественною Волею. Этой Вѣрою мы должны укрѣплять себя, нѣтъ другаго спасенія. Но и вѣру Онъ же посылаетъ чрезъ вдохновеніе.

О святое вдохновеніе! Озаряй меня чаще, чаще твоимъ благодатнымъ утѣшительнымъ миромъ; поселяй чаще спокойствіе въ душѣ, изгоняй страхъ и сомнѣніе, утѣшай упованіемъ, облегчай любовью. Вспомни, милая подруга жизни, вспомни, что твое призваніе есть также утѣшать твоего друга, утѣшай же его, оживляя вдохновеніемъ его душу. Онъ предложилъ тебѣ руку въ минуты вдохновенія, онъ искалъ въ тебѣ сочувствія, чтобъ отдохнуть на твоей груди, въ которой онъ мнилъ найдти источникъ вдохновенія, — не обмани его надеждъ; пусть сдѣлаетъ тебя Твоя Вѣра и твоя любовь поэтомъ...

19 марта. Утро. Воскресенье.

Сегодня погребеніе тѣла моей матери. Я сожалѣю о томъ, кто не присутствовалъ при смерти своей матери, кто былъ еще ребенкомъ и не понималъ, и кто умеръ прежде своей матери. Я много разъ видѣлъ на свѣтѣ, какъ люди умирали, видѣлъ смерть женщины, которую любилъ; но ничего не видалъ выше, ничего не чуствовалъ глубже, какъ смерть матери. Я тебѣ писалъ въ одномъ письмѣ, что я себѣ дѣлаю упреки, почему болѣзнь ея не возбуждаетъ во мнѣ такъ сильнаго участія, какъ я желалъ бы этого [1]). Но, какъ скоро болѣзнь ея усилилась,

---

[1]) Въ письмѣ отъ 11 марта читаемъ: „Мнѣ досадно, для чего я не такъ грущу, не столько принимаю участія въ болѣзни моей дряхлой матери, которую я когда-то такъ нѣжно, такъ горячо любилъ. Для чего, я думаю, лѣта ослабляютъ такъ эту самую святую; самую безпристрастную, самую чистую любовь сына къ матери? Если бы это была моя жена, я бы, вѣрно, не спалъ ночи и проводилъ бы ихъ у ея постели, наблюдая за каждымъ вздохомъ больной. Вотъ и насъ на старости ждетъ такая же участь“... Подробнѣе см. „Русск. Школа“, 1914, ноябрь, стр. 7—8 и дальше.

какъ скоро я увидалъ, что уже нѣтъ надежды ей выздоровѣть, то я такъ началъ любить ее, какъ любилъ еще бывши ребенкомъ.

Кто же, кромѣ матери, умирая, въ мукахъ агоніи, забудетъ о своихъ страданіяхъ и, молясь, будетъ думать только о щастіи своихъ дѣтей? Оставаясь почти до послѣдней минуты въ полномъ сознаніи, она завѣщала сестрѣ, когда ты пріѣдешь въ мой домъ, благословить тебя вмѣсто ее и принять тебя съ хлѣбомъ и солью, нѣсколько разъ повторяя, зачѣмъ нѣтъ теперь здѣсь Александры Антоновны, какъ бы мнѣ хотѣлось благословить ее.

Потомъ она мнѣ сказала: „вѣдь, ты меня самъ похоронишь, любезный другъ, не правда ли“? Опредѣлила какого священника позвать, въ чемъ ее положить въ гробъ. Въ предсмертныхъ мукахъ, она шептала: „Господи, прости мои прегрѣшенія“, возводя глаза на небо, и еще за нѣсколько минутъ до послѣдняго вздоха, хотѣла перекреститься, устремивъ взоръ на икону Божьей Матери, которая стояла предъ нею; она приподняла руку ко лбу, но не имѣла уже силъ окончить крестное знаменіе и я долженъ былъ ей помочь это сдѣлать, взявъ ее руку въ мою.

Когда послѣдніе вздохи начали вылетать изъ стѣсненной груди и голосъ замеръ, мы съ сестрой [1]) стали на колѣни, держали ее охолодѣвшія руки и я закрылъ ей глаза, принявъ прощальнымъ поцѣлуемъ послѣдній вздохъ ея. Миръ праху твоему, испытанная горемъ, мать!

Люби твою мать, Александрина, несмотря ни на что, ни на различіе взглядовъ, ни на разность воспитанія, люби ее и тогда, если бы она тебя не любила, любя и уважая мать, ты будешь сама достойною матерью, сама будешь вправѣ требовать любви и уваженія отъ твоихъ дѣтей.

Мнѣ всегда было какъ-то грустно, когда покойная мать хмурилась или была нерасположена, это чуство осталось у меня съ дѣтскихъ лѣтъ. Надобно все, все сдѣлать, что въ нашихъ силахъ, чтобы не потерять любви и уваженія къ родителямъ... Дай Богъ, чтобъ наши дѣти имѣли къ намъ такія же чуства, какія я питалъ къ моей матери...

---

[1]) Старшая сестра Пирогова, Анна Ивановна, не вышедшая замужъ, еще долго жила у него. Въ послѣдніе годы жизни у нея развилось тихое помѣшательство. Умерла она въ преклонныхъ годахъ въ домѣ своего знаменитаго брата.

Къ чему этицеремоніи, совершающіяся надъ трупомъ, назначеннымъ для гніенія?

Я считаю это остаткомъ язычества, перешедшимъ вмѣстѣ съ другими обрядами въ христіанство. Это почитаніе полуразрушенной храмины, въ которой виталъ нашъ духъ, сообразно ли съ ученіемъ христіанскимъ, пренебрегающимъ матеріей даже оживленной духомъ.—Бальзамированіе, погребеніе, сохраненіе въ урнахъ,—отвращеніе и страхъ въ народѣ отъ вскрытія тѣлъ,—все это остатки языческаго міра, который ничего не зналъ выше матеріи. Евангеліе говоритъ о воскресеньи тѣла, но какого тѣла?—проникнутаго духомъ божества.

Я тебѣ писалъ уже однажды и теперь повторяю: нельзя всѣмъ имѣть одну и ту же религію. Тотъ, кто знаетъ только о существованіи земли, кто и о землѣ-то имѣетъ самыя скудныя и самыя сбивчивыя понятія, кто никогда не разсуждалъ, что такое матерія; тотъ, разумѣется, можетъ имѣть самую простую, дѣтскую вѣру и ему не трудно во все вѣрить, потому что у него нѣтъ въ головѣ достаточнаго матеріала, который, обогащая умъ различными, реальными свѣдѣніями, вмѣстѣ приноситъ съ собой и сомнѣнія; тому не трудно повѣрить, что Богъ только и заботится что о землѣ, для нее останавливаетъ солнце, ее животворитъ Своею благодатію; но кто знаетъ, что земля играетъ самую незначительную роль въ громадѣ Вселенной, между другими безчисленными мірами; тому нельзя такъ думать о Богѣ; для того Величіе Творца дѣлается болѣе недостижимымъ и у того-то, именно, нарождается сомнѣніе, можетъ ли существовать между человѣкомъ, обитателемъ ничтожной планеты, и Творцомъ Вселенной та неразрывная связь, въ которую вѣрить такъ утѣшительно для человѣка.

Что же? Неужели для этого утѣшенія, для непоколебимости вѣры, нужно не учиться, нужно не дѣлать никакого употребленія изъ ума—дара Творца и быть безсмысленнымъ зрителемъ Его Величія въ кругу Вселенной. Нѣтъ, нужно и знать, и учиться, и вѣрить;—это не легко. Ты видишь, какъ несправедлива нетерпимость поповъ и піетистовъ, которые возстаютъ противъ сомнѣній, не постигая ихъ источника, которые думаютъ, что осужденіемъ и угрозою они могутъ искупать сомнѣніе; они его только вооружаютъ и разжигаютъ. Лишь бы главныя основы религіи не были потрясены сомнѣніемъ, а все прочее—различіе взглядовъ на эти основы, различіе объясненій оставь каждому для себя и не требуй, чтобы посвятившій всю жизнь свою на изученіе законовъ матеріи и Вселенной могъ имѣть одни и тѣ

же религіозные взгляды съ человѣкомъ, который ограничился однимъ поверхностнымъ обзоромъ того, что у него лежитъ подъ носомъ, да и то съ одною практическою цѣлью—доставить себѣ изъ этого обзора насущный хлѣбъ.

Tolerance et indulgence!—Осуждая и преслѣдуя другихъ за ихъ образъ воззрѣнія на предметы, различный отъ нашего,—думая, что только при нашемъ образѣ воззрѣнія можно спастись,—не превращаемся ли мы въ тѣхъ же книжниковъ и фарисеевъ, которые гнали и распяли Искупителя, потому что Онъ благовѣтствовалъ другое и отличное отъ того, что стояло въ ихнихъ вѣтхихъ книгахъ и что такъ крѣпко привилось ихъ ограниченному одностороннему уму?

По моему крайнему разумѣнію и въ этомъ состоитъ величіе Откровенія, что оно, открывая намъ идеалъ, къ которому мы всѣ должны стремиться, наставляя насъ въ простыхъ, практическихъ, но высокихъ истинахъ, предоставляетъ *врожденнымъ предчуствіямъ и уму* каждаго изъ насъ объяснять сокровенную для насъ сущность Идеала и истинъ по собственнымъ своимъ убѣжденіямъ. Одинъ думаетъ, что онъ воскреснетъ какъ онъ есть, въ своемъ тѣлѣ, чтобы жариться въ печкѣ или гулять въ саду. Другой, постигая другимъ образомъ матерію, вѣритъ и въ другое безсмертіе. Разрушать убѣжденія перваго, не образовавъ его ума достаточными свѣдѣніями, жестоко и несправедливо; но несправедливо и упрекать въ невѣріи другого; сначала нужно поставить себя на мѣсто каждаго изъ нихъ и тогда судить ихъ, если кто хочетъ взять на себя обязанность судіи.

Вы, женщины, въ этомъ отношеніи щастливѣе, можетъ быть, насъ; вы рѣдко употребляете вашъ умъ на удовлетвореніе любознанія, само любознаніе не тревожитъ васъ, то, что дѣлается внѣ вашего семейнаго круга, васъ мало интересуетъ. Чуствуете ли вы, что бьется сердце, вамъ не приходитъ въ голову узнать, какъ оно бьется, „лишь бы билось для любви“ думаете вы, а прочее вамъ знать не нужно. Видите ли красивый цвѣтокъ, слышите ли звучное пѣніе птицы,—вы наслаждаетесь цвѣткомъ и пѣніемъ и не хотите знать, какое звено составляютъ цвѣты и птица, которыя вамъ приносятъ наслажденіе, въ необозримой цѣпи творенія. Освѣщена ли весенняя ночь луннымъ свѣтомъ — вы знаете только, что при немъ мечтается такъ сладко, такъ отрадно,—а отъ чего это луна свѣтитъ не такъ, какъ солнце,—вамъ до этого также дѣла нѣтъ.

Понятно, что при такомъ воззрѣніи на предметы, при этомъ врожденномъ недостаткѣ любознанія, при этой ограниченности

цѣли бытія вамъ не трудно и вѣрить, и уповать, и любить.— Вы съ отвращеніемъ и ужасомъ смотрите, какъ на святотатство, *на сомнѣніе*, слѣдующее за любознаніемъ: вы находка для всѣхъ возможныхъ поповъ; имъ не трудно привлечь васъ на сторону, если они только съумѣютъ подѣйствовать на ваше чуство и воображеніе. Вникать и анализировать—не ваше дѣло. Однажды захвативъ въ руки вашу довѣренность, всякой шарлатанъ можетъ изъ васъ сдѣлать все, что хочешь, убѣдить васъ въ чемъ ему угодно.

Евгенію Федоровну Нильсенъ [1]) убѣдилъ, что книгу „die Stunden der Andacht" не должно читать [2]), потому что она не слѣдуетъ его религіознымъ убѣжденіямъ и она ее не читаетъ. „Почему же вы ее не хотите читать"? Отвѣтъ: „Потому, что она заключаетъ въ себѣ только одну мораль". Вотъ логика. Въ письмѣ, которое я къ тебѣ буду писать завтра, въ день твоего рожденія, я переведу изъ этой книги нѣсколько мѣстъ о супружествѣ,—суди сама, достойна ли эта мораль такого осуж-

---

[1]) Генеральша Е. Ѳ. Козенъ, родственница А. А. Бистромъ. Нильсенъ—проповѣдникъ, выступавшій въ Петербургѣ въ началѣ 40-хъ годовъ. А. А. Бистромъ настояла, по убѣжденію Е. Ѳ. Козенъ, чтобы Н. И. Пироговъ пошелъ послушать этого проповѣдника, и вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ письмѣ великаго хирурга къ невѣстѣ (отъ 12 марта). „Сегодня я исполнилъ твое желаніе и слушалъ проповѣдь Нильсена, которая продолжалась около 2 часовъ... Крикливая, пронзительнымъ голосомъ произнесенная и нерѣдко прерывистая, рѣчь проповѣдника не оживляла и не успокаивала душу. Ни въ этой рѣчи, ни въ мимикѣ не было того величаваго спокойствія, которое я привыкъ воображать въ апостольской проповѣди"... Подробнѣе въ упомянутомъ письмѣ въ „Р. Шк.", 1914 г. ноябрь.

[2]) H. Zschokke. Stunden der Andacht zur Beförderung wahren Christenthums und häuslichen Goffesberehrung. 10 Bände,—книга, выдержавшая множество изданій и особенно распространенная въ 40—50 годахъ прошлаго столѣтія. Посылая невѣстѣ эту книгу, Пироговъ особенно рекомендовалъ ей внимательно читать ее и писалъ (12 апрѣля): „Посылаю тебѣ, милая моя, несравненная Саша, для дня твоего Ангела Stunden der Andacht—полное;—читай, ты вѣрно найдешь наслажденіе; я бы ничего лучшаго не желалъ, какъ того, чтобы и дѣти наши жили и были воспитаны по правиламъ, содержащимся въ этой книгѣ, и я, ей Богу, не понимаю, какъ наша добрая Женни (Е. Ѳ. Козенъ) могла до такой степени быть ослѣплена парадоксами піэтизма Нильсена, чтобы сказать безсмыслицу: „я не хочу читать эту книгу, потому что она содержитъ только одну мораль". Это въ моихъ глазахъ просто преступленіе. „А въ письмѣ отъ 22 апрѣля, приведя обширную выдержку изъ этой книги по вопросу о добродѣтели, нѣсколько разъ отмѣчаетъ въ скобкахъ: „самая вѣрная картина моя", „это былъ и по временамъ еще есть я" и т. п.

денія, чтобы ее не читать. О родъ людской! Какъ не запоешь послѣ этого канату Третьяковскаго:

Когда бы мнѣ сто устъ и столько жь языковъ,
столь сильный гласъ былъ данъ, желѣзо сколько сильно,
я и тогда бъ всѣхъ глупостей родовъ,
не могъ исчислать вамъ обильно.

Не говори и не пиши никогда, моя Саша, ничего, не подумавъ прежде, а если ты увѣрена, что и подумавъ не можешь о чемъ-нибудь сказать чего-нибудь дѣльнаго, то лучше смолчи.

2 часа пополудни. Воскресеніе. 19 марта.

Сегодня я схоронилъ мою мать;—завтра день твоего рожденія. Не значитъ ли это, что ты опредѣлена мнѣ замѣнить мою мать? Да, жена можетъ быть матерью мужа. Есть чуства въ моемъ сердцѣ, которыя нужно согрѣть, беречь и холить, за которыми нужно ухаживать, какъ за груднымъ младенцемъ, ихъ лелѣять, кормить грудью. Кто же можетъ лучше это сдѣлать, какъ не жена? На ней лежитъ святая обязанность отыскать эти чуства, родить ихъ на свѣтъ, призрѣть и воспитать, какъ родила меня самого на свѣтъ мать, вскормила и воспитала.

Замѣни же мнѣ то, чѣмъ была мнѣ мать моя, когда я былъ ребенкомъ. Видѣть въ мужѣ отца, видѣть въ женѣ мать для нашего нравственнаго быта,—это идеалъ въ супружеской жизни. Но сколько нужно для этого нравственной силы, сколько чуства, сколько ума, и—сколько Высшей благодати! Боже мой! если я подумаю, что, можетъ быть, все, что я пишу къ тебѣ,—несбыточныя вещи, взгляды, чуства, не факты. Кто болѣе меня былъ обманутъ мечтою, я мечталъ полжизни—кто лучше меня знаетъ, что существенность и идеализмъ не клеются вмѣстѣ на землѣ? Ты любишь въ первой разъ, тебѣ такъ легко увлечься, тебѣ кажется все возможнымъ съ твоею любовью,—а я знаю, какова существенность, я знаю, что управляетъ человѣкомъ какъ бы не возносился въ часы вдохновенія.—Но „да будетъ Воля Твоя“.

Мой Коля сегодня что-то поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Когда я ему сказалъ, что бабушка заснула вѣчнымъ сномъ, онъ отвѣтилъ „мы всѣ, вѣдь, заснемъ вѣчнымъ сномъ. И старички, и дѣтки также засыпаютъ“. О, храни Господь тебя, мое дитя... Но, „да будетъ Воля Твоя“. Повторяй, повторяй мнѣ чаще, милая Саша, это святое слово. Но вотъ 12 часовъ полуночи; наступаетъ день твоего рожденія, буду говорить о тебѣ.

1-й часъ пополуночи. 20 марта.

Первый часъ дня рожденія моей невѣсты, моей Саши.

Твой портретъ стоитъ предо мною. Я смотрю на тебя и хочу прочесть въ твоихъ глазахъ то, что я читалъ въ нихъ, когда мы сиживали вмѣстѣ.

Не забудь, что это третье письмо, которое я тебѣ посылаю. Два я послалъ: одно отъ 11 марта, другое отъ 14 марта, на имя твоей сестры въ Москву. Записанъ каждый день; мнѣ не хотѣлось бы, чтобы они были затеряны. Потребуй ихъ непремѣнно изъ Москвы, если ты ихъ еще не получила въ Москвѣ. Мои два Дагерротипа отосланы въ Калугу 13 марта.—Въ послѣднемъ письмѣ, которое, я думалъ, ты получишь въ день твоего рожденія, я уже поздравилъ тебя.

Тебя поздравляютъ и дѣти и сестра. Сегодня 10 часовъ вечера, Козенъ, Витгенштейнъ, Глазенапъ (Б. А. и Э. А.) и д-ръ Дзекауеръ [1]) будутъ у меня пить за твое здоровье предъ твоимъ портретомъ.—Вчера вечеромъ у меня были Евг. Ѳед. Козенъ и Витгенштейнъ. Я люблю открывать слабости въ тѣхъ, кого люблю, и потому все, что я тебѣ писалъ о твоей кузинѣ, тебѣ должно служить доказательствомъ, что я ее люблю. Это много, потому что я люблю не многихъ. Можетъ быть, ты скажешь; „а развѣ не велѣно любить ближнихъ, какъ самого себя"? но, къ сожалѣнію, я не люблю самого себя и потому мнѣ немногаго стоитъ любить другихъ больше себя. Несравненно труднѣе заботиться о другихъ, какъ о самомъ себѣ; и, не любя себя, я о себѣ забочусь и забочусь болѣе, чѣмъ сколько нужно, потому что еще не умѣю всегда одушевлять себя благодатнымъ призваніемъ: „да будетъ Воля Твоя".

Бракъ соединяетъ двѣ участи въ одну. На землѣ нѣтъ узовъ, которые бы соединяли тѣснѣе два существа.

„Отецъ Милосердый! Ты видишь мое сердце, на колѣняхъ, въ этотъ часъ, молю Тебя,—Тебѣ, Сердцевѣдцу, открыто, чистосердечна ли моя молитва,—имѣю ли я другое помышленіе, какъ о той, о которой молюсь Тебѣ. Дай мнѣ крѣпости и силы сдѣлать ее щастіе на землѣ,—но такое, которое не переставало бы быть для нее щастіемъ и въ жизни вѣчной. Ты видишь, не о себѣ я теперь думаю, не о себѣ забочусь. Если мнѣ не суждено служить ей орудіемъ этого щастія,—то разрушь теперь же

---

[1]) Витгенштейнъ -одинъ изъ сыновей фельдмаршала, дерптскій пріятель Пирогова; Глазенапы о нихъ см. выше; Дзекауеръ—извѣстный профессоръ, другъ и ученикъ Пирогова, Николай Ѳедоровичъ Здекауеръ.

нашъ союзъ, пока онъ не заключенъ навѣки;—какъ тяжко бы мнѣ не было это пожертвованіе, я съ готовностію,—Ты видишь это, Ты читаешь это въ моемъ сердцѣ,—принесу любовь; нужно ли для этого принесть на жертву земную жизнь мою? возьми ее;—но сдѣлай щастливою ту, за которую молюсь Тебѣ.—Если я увлекался и былъ въ заблужденіи, думая, что то былъ Твой благой Промыселъ, который сблизилъ насъ, который руководилъ меня въ избраніи; то уничтожь заблужденіе, Податель благъ,—я раскаюсь, на колѣняхъ буду умолять ее, чтобы она забыла меня—и была бы щастлива; она, одна она, теперь предметъ моей молитвы; ей покуда еще не необходимо мое щастіе; но для меня ее—уже сдѣлалось цѣлью, моимъ долгомъ, моею жизнью. Она уже чуствуетъ, что могла бы составить мое,—я не увѣренъ, могу ли составить ее, и, въ этомъ сомнѣніи, прибѣгаю къ Тебѣ, Милосердый и Правосудный,—рѣши, накажи меня, если это нужно по Твоему Промыслу, уничтожь,—но спаси ее и дай мнѣ только одно благо—и погибая, быть увѣрену, что это нужно для ея щастія".

Вотъ моя молитва, которую я произносилъ въ душѣ, стоя на колѣняхъ, закрывъ лице руками, въ первомъ часу 20 марта. Ты не поймешь, по твоей неопытности, можетъ быть, какъ эта молитва для меня нужна была. Ты еще не можешь чуствовать, какая на мнѣ предъ моею совѣстью, предъ Богомъ, лежитъ отвѣтственность, что я предложилъ тебѣ союзъ, что я завлекъ тебя. Въ минуты предложенія я болѣе заботился о себѣ и о дѣтяхъ [1]), и, озабоченный, не вникъ довольно, могу ли я составить твое щастіе, и уже потомъ мнѣ начало открываться, что многаго, многаго не достаетъ для этого; но ты твоимъ присутствіемъ меня увлекала и я забывалъ вникать глубже въ этотъ вопросъ.

А теперь, я сужу себя безпристрастно и строго и видя, что сомнѣваюсь, обратился съ молитвою къ Творцу и молился,—Богъ видитъ,—только объ одной тебѣ. Ты молись также, чтобы Воля Высшая наставила меня, какъ поступить, когда я такъ колеблюсь.

---

[1]) О надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на А. А. Бистромъ въ качествѣ мачехи его двухъ сыновей, Пироговъ говоритъ въ письмѣ отъ 12 апрѣля. Тамъ же говорится о задачахъ матери-воспитательницы. Сомнѣнія, охватившія Пирогова въ связи съ его второй женитьбой, въ смыслѣ отношенія мачехи къ дѣтямъ отъ первой жены, а также взглядъ его на обязанности мачехи,—нашли отраженіе въ его трехъ стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ во II томѣ собранія сочиненій, изд. 1910 г.

И такъ, „да будетъ Воля Твоя“. Мнѣ ничего теперь болѣе не остается послѣ этой молитвы. Посылаю тебѣ книгу, которую наша добрая кузина не хочетъ читать [1]). Прочти главы, замѣченныя мною бумажками, и, я увѣренъ, ты ихъ прочтешь не безъ пользы. Послѣ напишешь мнѣ о результатѣ.

Пиши мнѣ письма въ такомъ же родѣ. Записывай каждый день, какъ мы уговорились, пусть я буду рѣже получать, но заразъ нѣсколько дней, и любя, и чуствуя, старайся собирать твои мысли,—что жизнь безъ мысли? Съ нынѣшняго дня ты уже должна приготовляться, безъ меня собравшись съ мыслями, ты можешь безпристрастнѣе разсмотрѣть и обдумать все, что я тебѣ написалъ обо мнѣ самомъ и о тебѣ. Учись, учись, учись и молись.

2 часа ночи.

Сейчасъ только отправились Глазенапы и Дздекауеръ отъ меня Евг. Фед. и Витг. уѣхали уже прежде. Два твои портреты были поставлены на столѣ въ моемъ кабинетѣ между 2 свѣчами, твоя гипсовая ручка стояла возлѣ. Мы пили за твое здоровье предъ твоимъ портретомъ, а дѣти спали, раскинувшись въ своихъ постелькахъ, глубокимъ уже сномъ. Сохрани тебя Провидѣніе на долгіе лѣта. Дай Богъ тебѣ не знать моихъ горестей и быть щастливѣе меня,—если не наружно, то внутренно,—вотъ мое желаніе. Прости меня,—но въ эту минуту мнѣ хотѣлось бы, какъ то, лучше не знать тебя,—я опять начинаю себѣ дѣлать упреки, что я виноватъ, что я завлекъ тебя, пробудилъ въ тебѣ любовь, которой не стою, которую врядъ ли могу осуществить такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось ее осуществить... Но... Тсъ... „Да будетъ Воля Твоя“.

21 марта. Утро.

Старшая моя сестра и безъ того уже растроена духомъ, послѣ смерти матери погрузилась въ страшную апатію, и я сегодня не могъ безъ слезъ смотрѣть на несчастную; для нее смерть была бы благодѣяніемъ. Грустно. Поклонись всѣмъ твоимъ. Однажды навсегда, если я иногда и не напишу этого на бумагѣ, но ты можешь ихъ увѣрить, что близкіе моей Александрины останутся всегда близкими и моему сердцу [2]).

---

[1]) Stunden der Andacht; объ этомъ см. выше.

[2]) Н. И. Пироговъ почти никогда не подписывалъ своихъ писемъ къ невѣстѣ и женѣ. См. также „Севастопольскія письма“, изд. 1907 г., подъ ред. д-ра Ю. Г. Малиса.

III.

Александринѣ, писанное въ день ея рожденія [1]).

22 марта. Утро.

Вотъ уже посылаю четвертое письмо.
Одно отъ 11-го марта въ 4 листа
Другое отъ 15-го марта 5 листовъ.
Третье отъ 21-го марта въ 5 листовъ
Теперь четвертое съ посылкою.
Сверхъ того послалъ 2 дагеротипа.
А отъ тебя: письмо изъ Зайцева,
письмо изъ Москвы,

но не лучше того, которое получалъ изъ Зайцева, т.-е. того же содержанія и того же объема. Слѣдовательно, одно. Я послалъ 2 письма, застраховавъ: одно въ Москву, на имя твоей сестры, потому что я не имѣю ни малѣйшей довѣренности къ московскимъ почталіонамъ; а другое въ Калугу, потому что и этотъ градъ, несмотря на его всемірную знаменитость въ изготовленіи тѣста, не вселяетъ во мнѣ еще никакого довѣрія къ почтамтскимъ его чиновникамъ.

Изъ малой твоей наклонности къ сочиненію писемъ, и изъ содержанія двухъ твоихъ писемъ я нѣкоторымъ образомъ вправѣ заключить, что ты принадлежишь къ одному изъ 2-хъ классовъ говорящихъ и мыслящихъ существъ, только не берусь рѣшить еще, къ которому изъ двухъ. Надобно тебѣ знать, что я раздѣляю, въ этомъ отношеніи, людей на четыре разряда:

1-й рязрядъ составляютъ люди, которые говорятъ и пишутъ *много и хорошо.*

Къ 2-му разряду принадлежатъ люди, которые говорятъ и пишутъ *мало и хорошо.*

3-й разрядъ содержитъ въ себѣ людей, говорящихъ и пишущихъ *много и худо*; а

4-й разрядъ—говорящихъ и пишущихъ *мало и худо.*

Очевидно, ты принадлежишь, судя по замѣчательному свойству и малочисленности твоихъ писемъ, или къ 2-му или же къ 4-му разряду; но рѣшить именно, къ которому изъ 2-хъ, у меня не достаетъ ни достаточнаго остроумія, ни безпристрастія,

---

[1]) Не въ примѣръ другимъ письмамъ, гдѣ Пироговъ заполняетъ каждый клочекъ бумаги, это обращеніе написано на отдѣльномъ листкѣ, оборотъ котораго оставленъ чистымъ.

и потому предоставляю рѣшеніе этого важнаго вопроса знающимъ дѣло болѣе меня и отчасти самой тебѣ, надѣясь, что ты къ себѣ будешь, все-таки, въ качествѣ моей будущей жены, безпристрастнѣе, нежели я, въ качествѣ *щастливаго* жениха, какъ выражаются нѣмцы, для которыхъ всякой женихъ долженъ быть уже непремѣнно щастливъ.

Что касается до меня, то я, безъ всякаго сомнѣнія, также принадлежу къ одному изъ 2 классовъ; природа, не обращая ни малѣйшаго вниманія на сочуствіе нашихъ душъ, никакъ не хотѣла помѣстить насъ въ одномъ и томъ же разрядѣ и столкнула меня, какъ это кажется, судя по моимъ письмамъ, въ 3-й разрядъ. Жаль только, что она была не такъ милостива, какъ наше прозорливое Правительство и не учредило никакой пожизненной пенсіи при этихъ разрядахъ, какъ это учредило наше Правительство, раздѣливъ раненныхъ на различные разряды.

Принявъ это раздѣленіе всѣхъ говорящихъ и пишущихъ на 4 класса, я принимаю еще и другое, не менѣе важное въ практическомъ отношеніи, а именно: то, которое уже тебѣ отчасти извѣстно изъ моихъ писемъ изъ Италіи: [1]) на 3 класса: разбойниковъ, воровъ и мошенниковъ.

Это раздѣленіе, соотвѣтствующее, по моему мнѣнію, вполнѣ 3-мъ періодамъ развитія каждой націи, находитъ свое приложеніе и къ развитію различныхъ классовъ въ каждой націи. Такимъ образомъ, въ нашемъ любезномъ отечествѣ, мы могли бы, нисколько не нарушая логической точности, отнести огромный классъ людей, весьма прилично одѣтыхъ для защищенія собственной своей особы и убійственно вооруженныхъ для нападенія на другихъ, къ первому классу: къ этому благородному классу можно бы было, по всей справедливости, отнести еще и коммисаріатскихъ чиновниковъ и смотрителей военныхъ госпиталей, если бы эти господа, по собственному своему влеченію, не избирали для себя втораго класса.

Что же касается до врачей, гомеопатовъ, магнетизоровъ, чиновниковъ юстиціи, почтамтскаго вѣдомства и другихъ шарлатановъ; то они искони, во всѣхъ Европейскихъ и даже Азіатскихъ націяхъ, вездѣ и всегда причислялись къ третьему или же занимали благоразумную средину между вторымъ и третьимъ. Само по себѣ разумѣется, что дамы, у насъ

---

[1]) Эти письма, повидимому, не сохранились. Въ литературѣ о нихъ нѣтъ никакихъ указаній.

еще не совершенно эманципированныя, не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ этихъ 3-хъ разрядовъ, даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ пользуются щастливою привилегіею супругъ и невѣстъ особъ, размѣщенныхъ въ этихъ разрядахъ.

Но, за то, у меня есть еще одно раздѣленіе, которое имѣетъ ту неоспоримую выгоду предъ двумя сказанными, что и дамы могутъ быть удобно въ нихъ помѣщены; а именно: во-первыхъ, на умалишенныхъ (т.-е. отъ роду), на съумасшедшихъ (случайно или насильно) и помѣшанныхъ. Можетъ быть, ты мнѣ возразишь, почему я во всѣхъ трехъ моихъ раздѣленіяхъ не допустилъ еще одного класса: людей, соблюдающихъ благоразумную средину или, выражаясь съ китайцами: укоренившихся на срединѣ. Но, я тебѣ отвѣчу на это, что благоразумная средина есть, во-первыхъ, совсѣмъ не наше, отечественное изобрѣтеніе; а чистое подражаніе французскому juste milieu, и мнѣ, какъ истому славянину, совсѣмъ неприлично слѣдовать иноземному взгляду на вещи; а во-вторыхъ, и у самыхъ французовъ, изобрѣтенная ими juste milieu есть чистая химера, утопія, идеалъ, никогда не достигаемый и никогда не достижимый;—слѣдовательно, въ практической жизни онъ не имѣетъ ни малѣйшаго приложенія, и люди, занимающіеся достиженіемъ этой химеры, также относятся или къ съумасшедшимъ или помѣшаннымъ.

Практическая же выгода этого раздѣленія очевидна. Принявъ его, мы дѣлаемся гораздо снисходительнѣе въ нашихъ сужденіяхъ о другихъ, гораздо легче будемъ извинять ихъ поступки, которые безъ того намъ кажутся иногда умышленными преступленіями, злыми пороками, и Богъ знаетъ какими злодѣйствами. Ничего не бывало—это просто однѣ помѣшательства ума. Въ судебной медицинѣ самое трудное дѣло рѣшить: находится ли человѣкъ въ здравомъ умѣ или помѣшанъ? И, если мы посмотримъ на нашу собственную жизнь, то сколько найдемъ въ ней поступковъ и дѣйствій, которыхъ мы не могли бы сдѣлать, бывши въ здравомъ умѣ!

Наша добродѣтельная кузина до сихъ поръ плачетъ и томится, думая, что она должна несть тяжелый крестъ, терзаемая поступками ея матери. Я, съ моей стороны, преспокойно отношу, какъ мать, такъ и дочь къ третьему классу моего послѣдняго раздѣленія; первую потому, что она не терпитъ, а вторую потому, что она терпитъ. Первую, потому что она безпрестанно сбирается въ Ревель, и не уѣзжаетъ, укладываетъ въ сундуки какія-то порожнія банки, не даетъ завтракать Витгенштейну, жалуется на постоянную боль въ лѣвомъ боку, отпарываетъ

кружева отъ рукавовъ у ночныхъ рубашекъ старшей своей дочери и увѣряетъ Евгенію Петровну, что ей уже 55 лѣтъ, что она очень гадка собою и ей никакъ не годится выходить замужъ. Вторую, потому что она думаетъ, что совершаетъ весьма богоугодное дѣло, ложась рано спать по приказанію матери, когда ей хочется еще слушать любезности Николая Петровича, одѣвается и кушаетъ такъ, какъ приказываетъ мать, слушаетъ съ удовольствіемъ проповѣди Нильсена и не читаетъ die Stunden der Andacht.

Изъ-за чего хлопочутъ обѣ? Одной не хочется, чтобы дочь вышла замужъ, и непремѣнно хочется имѣть въ рукахъ всѣ ключи отъ шкаповъ. Другая хочетъ выйти замужъ, хочетъ сама хозяйничать, хочетъ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ вся родня считала ее послушною и примѣрною дочерью и хочетъ увѣрить себя, что она въ угожденіе Богу несетъ крестъ. Я въ обѣихъ ихъ ничего не вижу худого и злого. Просто, мономанія.

Ей Богу, чрезвычайно отрадный, утѣшительный взглядъ; принявъ его нельзя серіозно сердиться ни на людей, ни на себя. Я съ этимъ взглядомъ сержусь только иногда, въ припадкахъ сумасшествія, которымъ я такъ же часто, какъ и всѣ другіе, подверженъ. Когда припадокъ пройдетъ, а онъ у меня, слава Богу, рѣдко продолжается нѣсколько часовъ, то я опять спокоенъ. При томъ, это совсѣмъ не худо, что люди не постоянно находятся въ здравомъ умѣ. Была бы ужасная монотонность; все было бы расчитано, размѣрено и взвѣшено. То ли дѣло теперь? Чудесное разнообразіе!

Здравый смыслъ говоритъ: владѣй и управляй собою, чтобы давать себѣ отчетъ въ поступкахъ и не вовлечься въ непослѣдовательность. Одна непослѣдовательность, говоритъ онъ, влечетъ за собою другую, и конца нѣтъ; взошедъ разъ въ этотъ лабиринтъ изъ него никогда не выпутаешься, будешь послѣ раскаиваться, но поздно. Но, къ счастію для разнообразія житейской сцены, этого никто не слушаетъ: умалишенные этого ничего не понимаютъ, потому что и себя не понимаютъ; сумасшедшіе слыхали когда-то про это, но, потерявъ умъ, потеряли и волю; а помѣшанные думаютъ, что слѣдуютъ этому правилу и даже кажется, что иногда дѣйствительно ему слѣдуютъ; но поступаютъ совсѣмъ иначе. И поэтому, все идетъ прекрасно, какъ нельзя лучше.

Было ли бы еще всегда хорошо, если бы всѣ принадлежали къ послѣдователямъ здраваго смысла,—это вопросъ; потому что это еще не доказано и никогда не будетъ доказано опытомъ. Но, что теперь, дѣйствуя въ качествѣ этихъ трехъ благо-

мыслящихъ классовъ, мы дѣйствуемъ очень часто прекрасно,— это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Напримѣръ, здравый смыслъ, если бы его слушались, вѣрно бы запретилъ, по крайней мѣрѣ, большей половинѣ изъ насъ жениться и замужъ выходить, толкуя, что не нужно увлекаться, нужно владѣть собою, взвѣшивать и взмѣривать обстоятельства, вникать во всѣ подробности и проч. и проч. и проч., а мы въ качествѣ умалишенныхъ, сумасшедшихъ и помѣшанныхъ женимся и выходимъ замужъ,—и очень хорошо дѣлаемъ; во-первыхъ, потому что это принято такъ другими умалишенными, сумасшедшими и помѣшанными; во-вторыхъ, что это намъ кажется очень весело, а въ третьихъ, потому что о слѣдствіяхъ мы считаемъ вовсе лишнимъ заботиться;—онѣ приходятъ и безъ насъ, сами по себѣ; при томъ же у насъ есть и самое надежное средство, если не избѣгнуть этихъ слѣдствій, которыя намъ иногда дѣйствительно не нравятся, то, по крайней мѣрѣ, утѣшить себя и опять развеселиться, когда онѣ придутъ;—это сказать, что онѣ пришли совсѣмъ не отъ насъ, а отъ судьбы; а такъ какъ судьба выше здраваго смысла и, распоряжаясь, совсѣмъ его знать не хочетъ, то, очевидно, что здраваго смысла намъ также совсѣмъ знать не нужно.

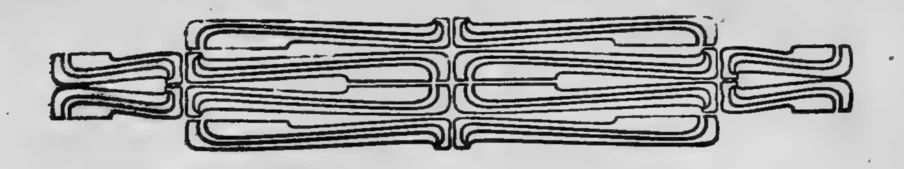
Оно и весело, и спокойно. Мало ли чего бы не захотѣлъ здравый смыслъ, если бы мы его избаловали и стали слушаться. Онъ пожалуй бы неженатому сказалъ: ну, почему тебѣ жениться, вѣдь, тебѣ и такъ живется, будетъ ли лучше, когда женишься, это вопросъ; а къ чему мѣнять сносное извѣстное, на неизвѣстное;—тоже бы сказалъ и не замужней, къ чему навлекать на себя новыя заботы и желать испытать то, о чемъ ты не имѣешь еще ни малѣйшаго понятія, ну что, если разочаруешься?—Но мы женимся и выходимъ замужъ, потому что въ качествѣ умалишенныхъ мы не знали, не знаемъ и знать не хочемъ, что дѣлалось и дѣлается вокругъ насъ, а сами дѣлаемъ все такъ, какъ это дѣлаютъ автоматы, въ качествѣ сумасшедшихъ мы поступаемъ съ сознаніемъ, но только не съ сознаніемъ здраваго смысла, а въ качествѣ помѣшанныхъ... Ну да объ этомъ слишкомъ долго разсказывать.

Будь весела и здорова, моя душа. Не забудь каждый разъ поклониться и поцѣловать и батюшку и матушку и сестеръ отъ меня. Не забывай меня.

Окончено вечеромъ 22 марта.

На почту отослано 23 марта. Это 4-е письмо.

Сообщилъ **С. Штрайхъ.**

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXXVI [1]).

Бурное состояніе моря задержало нашъ отъѣздъ изъ Константинополя. Босфорскія волны грозно шумѣли и ревѣли, какъ бы отвѣчая настроенію, царившему въ политическихъ сферахъ. Движеніе софтъ не прекращалось: отъ зори до зори они бѣгали по улицамъ, размахивая флагами и призывая толпу къ оружію. Но, симулируя правило международной вѣжливости, полиція загоняла ихъ въ казармы черезъ одни ворота, а въ другія немедленно выпускала на свободу и арестованные являлись опять передъ фасадомъ нашего посольскаго дворца.

Въ одинъ изъ такихъ дней мы зашли въ банкирскую контору, чтобы размѣнять акціи. Публика, ожидавшая очереди, вела между собой разговоръ на тему, которой пользовались также и карагезы для своихъ балагановъ, а именно, что генералъ Игнатьевъ собирался какимъ-то фантастическимъ образомъ, съ помощью какихъ-то невѣдомыхъ, волшебныхъ силъ захватить Босфоръ и Дарданеллы. Эта легенда, созданная тогда мусульманскимъ духовенствомъ, принялась на вѣру безъ критики и размышленій даже со стороны левантинскаго общества торговыхъ кварталовъ Галата и греческаго Фанара. Послѣдніе, т.-е. наши „воспріемники отъ купели“, оттоманскіе греки, лѣзли, какъ говорится, на стѣну въ защиту своихъ историческихъ правъ на древнюю Византію.

— Не Россія, а мы, эллины, наслѣдники Палеологовъ, утвердимъ св. Крестъ на Ая - Софіи,—горячился какой-то брюнетъ,

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1915 г.

возражая своему оппоненту безразличнаго левантинскаго типа,— она не осмѣлится и коснуться хотя бы однимъ пальцемъ дѣтища Юстиніана! Пусть лучше турки владѣютъ имъ, чѣмъ тѣ, которыхъ мы вывели на свѣтъ Божій изъ тьмы языческой...

— Защитница славянъ!—въ тонѣ убійственной ироніи добавилъ его собесѣдникъ и громко расхохотался.

— Ну, чего лѣзетъ туда, гдѣ и безъ нея управились бы съ проклятыми болгарами!—замѣтилъ другой, также одинъ изъ нашихъ духовныхъ отцовъ при св. Крещеніи, — не долго ждать: подростетъ „Константинусъ“ [1]), а тамъ видно будетъ!..

-- Хорошо сказано!—подтвердилъ брюнетъ, набивая карманы золотомъ и удаляясь изъ конторы.

— А пока что, западныя державы не позволятъ его московскому превосходительству распоряжаться чужимъ добромъ,— закончилъ его мысль какой-то еще грекъ, по всѣмъ признакамъ уроженецъ Аѳинъ.

Вдругъ стали доноситься черезъ открытыя на главную Перскую улицу окна звуки шумной манифестаціи стамбульской молодежи: барабанная дробь, свистъ дудокъ и крики: „Да здравствуетъ Англія и Австрія, наши друзья! Смерть нечестивой Московіи“! и мимо насъ продефилировали софты, возбужденные, пылая жаждой мести, заряженные какъ бы электрическимъ токомъ.

За толпой двигалась конная стража, направляя ее въ казармы Топхане.

— Ахъ, бѣдныя дѣти!—сказалъ кто-то изъ публики,—и за что лишаютъ ихъ свободы? Ну, спѣли бы серенаду на дудкахъ подъ окнами этого страшнаго генерала—только и всего!..

— Не безпокойтесь, — отвѣтили ему,—за такія дѣла, чтобы досадить московь-гяурамъ, не станутъ мучить людей по тюрьмамъ: если въ однѣ двери и загонятъ, то въ другія они уйдутъ сами, когда имъ будетъ угодно...

— Такъ для чего же ихъ ведутъ сейчасъ туда?—спрашивали нѣкоторые.

— А это не что иное, какъ *знакъ вниманія* со стороны его величества Абдулъ-Гамида по отношенію къ генералу Игнатьеву,—объяснилъ намъ какой-то солиднаго вида господинъ, принадлежавшій, вѣроятно, къ финансовой аристократіи европейской Перы.

---

[1]) Нынѣ царствующій король Греціи, съ именемъ котораго была тогда связана легенда, что именно онъ сниметъ полумѣсяцъ съ Ая-Софіи.

Тѣмъ временемъ мой дядя вернулся изъ кабинета директора банка, гдѣ онъ благополучно устроилъ дѣло на случай паденія курса, и мы ушли изъ конторы.

— Дядя!—спрашивала я, передавая ему свои мысли и впечатлѣнія, которыя мучили меня въ пріемной банка, — за что насъ такъ ненавидятъ всѣ? Именно всѣ, даже христіане, греки, напримѣръ, и другіе?! Какъ это ужасно!..

— Ничего здѣсь нѣтъ ужаснаго,—говорилъ онъ съ доброй, грустной улыбкой, — ненавидятъ насъ за то, что боятся нашей необъятной, богатырской силы: они уже начинаютъ дряхлѣть, а мы еще молоды и передъ нами лежитъ будущее въ лучезарныхъ перспективахъ — вотъ за что завидуютъ намъ и ненавидятъ насъ. Такъ и въ повседневной жизни человѣка: кто счастливъ, напримѣръ, или богатъ, красивъ, уменъ, силенъ, у того и больше враговъ—поняла?..

Совершенно неожиданно явился къ намъ въ отель съ визитомъ Мидхатъ-паша.

— Ахъ, милые, старые друзья! Какъ я радъ, безконечно радъ видѣть васъ!—торопливо говорилъ знаменитый вельможа, обмѣниваясь съ нами рукопожатіемъ и добрыми пожеланіями. Но въ тонѣ его голоса я сразу уловила ноту, а затѣмъ еще и другую, которыя звенѣли слишкомъ печально для тріумфатора, игравшаго судьбами Оттоманской имперіи. Впрочемъ, это не замедлило обнаружиться само по себѣ:

— Если позволите,—съ горькой ироніей спросилъ онъ, развертывая листъ какой-то газеты,—я вамъ прочту отсюда чрезвычайно даже интересную вещь, а тогда судите меня и людей, какъ знаете...

Мы, конечно, отвѣтили согласіемъ.

Въ передовой статьѣ органа Константинопольской биржи авторъ, не стѣсняясь полномочіями, возвѣщалъ отъ имени Мидхатъ-паши, что якобы уже было рѣшено призывать къ управленію государственной машиной только мѣстныхъ уроженцевъ изъ восточныхъ христіанъ, а также евреевъ, какъ болѣе культурныхъ, чѣмъ завоеватели — османы. Намѣчены были даже будущіе министры и дѣятели изъ грековъ, армянъ по преимуществу; но въ этомъ спискѣ не оказалось ни одного турецкаго имени за исключеніемъ самого Мидхата на великовизирскомъ креслѣ.

— Ну, что вы скажете на это?! — Каково нахальство! — съ негодованіемъ воскликнулъ авторъ конституціи.

— Скажу, — отвѣтилъ дядя, — что вамъ ничего другого не остается, какъ исполнить то, что вы наобѣщали этимъ господамъ.

— Ничего подобнаго и не могло быть!—горячо возражалъ либеральный сановникъ,—ну, развѣ не права французская пословица: „si on lui donne long comme le doigt“...

— А по-русски это еще пикантнѣе будетъ, — не давая ему времени договорить, расхохотался дядя и перевелъ на турецкій языкъ: „посади свинью за столъ“...

Мидхатъ чуть не задохнулся въ припадкѣ необычайной веселости:

— Какъ? какъ?—повторялъ онъ, смахивая градомъ катившіяся слезы и записывая въ памятную книжку нашу русскую прибаутку.

— Неужели они воображаютъ, — мѣняя тонъ, заговорилъ убѣжденный поклонникъ европейской цивилизаціи, — что мы ради ихъ прекрасныхъ глазъ вздернемъ сами себя на висѣлицу, чтобы дать этимъ піявкамъ нашей бѣдной, ограбленной, несчастной родины министерскіе портфели и оклады?

— „Піявки“?—спросилъ дядя,—а для кого собственно вы пишете конституцію?

Этотъ намекъ попалъ въ цѣль.

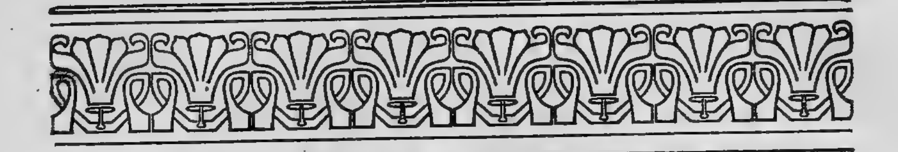
Долгъ гостепріимства заставилъ мою тетушку направить разговоръ по другому руслу, и, такимъ образомъ, все обошлось, какъ нельзя лучше.

Затѣмъ, мы видѣлись съ нимъ въ другой обстановкѣ, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ.

Е. А. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года [1]).

(Переводъ съ французской рукописи Н. А. Бѣловой).

Петербургъ, $\frac{\text{2 февраля}}{\text{22 января}}$ 1762.

Дубликатъ черезъ сѣверъ.

Въ прошлую субботу я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства, отъ 2-го января.

(Писано шифромъ). Г. Приссе сказалъ мнѣ, секретно, что онъ бесѣдовалъ по поводу нашего дѣла съ гг. Мерси и Бретейлемъ, и они признались ему, что медлительность и двусмысленное поведеніе ихъ дворовъ по отношенію къ намъ объясняются увѣренностью ихъ дворовъ и самихъ посланниковъ въ томъ, что никакими возможными способами нельзя достичь успѣха въ нашемъ дѣлѣ; по словамъ г. Приссе, и теперь г. Бретейль, повидимому, искренно думаетъ, будучи увѣреннымъ въ безсиліи своего и вѣнскаго двора что-либо сдѣлать и предполагая, что его величество не допуститъ участія Англіи, что мирными переговорами мы уже ничего не достигнемъ и что жестокая необходимость заставитъ насъ рѣшить дѣло силою оружія.

Теперь утверждаютъ, что наборъ войскъ въ Голштиніи, на который разсчитывалъ императоръ, не можетъ совершиться такъ скоро и что, тѣмъ временемъ, туда будетъ отправленъ корпусъ Румянцева. За достовѣрность этого извѣстія я не ручаюсь; возможно, что это одинъ изъ тѣхъ городскихъ слуховъ, которые приходится здѣсь слышать ежедневно. Вѣрно то, что сюда все время ждутъ генерала Румянцева, съ подробнымъ

---

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1915 г.

рапортомъ о состояніи его войскъ (также, быть можетъ, для того, чтобы узнать—могутъ ли они быть отправлены въ дѣло въ теченіе этой зимы) и что императоръ, получивъ отъ генерала Румянцева всѣ свѣдѣнія, предполагаетъ тотчасъ же отправить его обратно къ его корпусу, расположенному въ Помераніи. Весьма многіе вельможи, а также простые, малообразованные люди, съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ императоромъ голштинскій герцогъ, смотрятъ на Голштинію, какъ на русскую губернію; теперь императоръ уже собирается выкупить у города Гамбурга земли, заложенныя имъ за очень большую цѣну. Меня увѣряютъ, что Гамбургъ уже освѣдомленъ объ этомъ рѣшеніи императора и что не только туда отправлены необходимыя для этого средства, но даже и въ Голштинію неоднократно посылались весьма значительныя суммы денегъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что казна императора быстро таетъ, настолько,—что деньги становятся рѣдкими. Уже прекращена уплата долговъ императора и покойной императрицы частнымъ лицамъ, несмотря на то, что, взойдя на престолъ, императоръ объявилъ о своемъ желаніи ихъ уплатить. Изъ этого обстоятельства я заключаю, что въ деньгахъ нѣтъ прежняго изобилія.

Недѣлю тому назадъ между императоромъ и его возлюбленной произошла крупная ссора. Не зная точно причины ихъ размолвки, мнѣ тѣмъ не менѣе хорошо извѣстно, что императоръ такъ сильно разгнѣвался на Воронцову, что не только осыпалъ ее бранью и грозилъ прогнать, какъ презрѣнную женщину (comme une gueuse), но и потребовалъ, чтобы она возвратила ему всѣ полученныя отъ него драгоцѣнности. Исполнивъ приказаніе государя и упавъ, рыдая, передъ нимъ на колѣни, Воронцова тронула, наконецъ, его сердце, и онъ отдалъ ей ея брилліанты и помирился съ нею, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы впредь она была осмотрительнѣе и сообразовалась съ его желаніями. Мнѣ особенно было бы любопытно узнать причину ихъ ссоры потому, что о ревности въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи: не говоря уже о томъ, что любовная связь съ фавориткой императора представляется дѣломъ весьма опаснымъ,—самая ея наружность ставитъ ее внѣ опасности какихъ бы то ни было домогательствъ. По общему убѣжденію, изъ всѣхъ придворныхъ дамъ она самая безобразная и, быть можетъ, самая непріятная. Я говорю объ этомъ только для того, чтобы указать на странности этого государя, проявляющіяся даже въ его вкусахъ и страстяхъ. Нѣтъ никого, кто бы не удивлялся его страсти.

На дняхъ двумъ гвардейскимъ офицерамъ сильно досталось отъ императора за то, что они явились ко двору въ траурныхъ одѣяніяхъ; онъ угрожалъ имъ разжалованіемъ, а также всякому офицеру, который позволилъ бы себѣ какое-либо отклоненіе отъ формы. Онъ также чрезвычайно былъ недоволенъ гетманомъ, который въ качествѣ подполковника гвардейскаго полка не сдѣлалъ надлежащимъ образомъ салютъ эспонтономъ.

Я забылъ сообщить, что у г. Вольфа, по голштинскимъ дѣламъ, есть секретарь, по фамиліи нѣкто Экъ [1]); это человѣкъ продажный, и я думаю, что за триста-четыреста рублей въ годъ можно было бы имъ заручиться и знать все, что происходитъ въ этомъ учрежденіи, въ особенности, если, при первомъ знакомствѣ, ему вручить какой-либо цѣнный подарокъ. Трудно разсчитывать на то, чтобы Берингшольдъ сюда возвратился: онъ знаетъ, что онъ не любимъ своимъ повелителемъ и что его заподозрѣваютъ въ сношеніяхъ съ нами; Берингшольдъ отсутствуетъ уже семь мѣсяцевъ, скитаясь то въ Пруссіи, то въ Помераніи, то въ Данцигѣ.

Указъ, которымъ императоръ объявляетъ дворянство такимъ же свободнымъ, какъ и дворянство Ливоніи, производитъ впечатлѣніе акта большой важности, но на самомъ дѣлѣ имѣетъ мало значенія: страна будетъ по-прежнему пребывать въ рабствѣ, и въ рукахъ государства всегда найдутся способы помѣшать людямъ, имѣющимъ большое состояніе, покинуть страну, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдствіемъ этого указа будетъ то, что многіе, недовольные своей судьбой, небогатые офицеры отправятся искать счастья въ другія страны и найдутъ себѣ тамъ лучшую судьбу.

Меня увѣряютъ, что, будто бы, г. Поссе за двѣ недѣли до смерти императрицы, заявилъ, что, если союзники не поддержатъ денежными субсидіями его двора, то Швеція будетъ вынуждена, вслѣдствіе своего безсилія, прекратить войну и отозвать свои войска. *(Конецъ шифра).*

Тѣло царя Грузіи, умершаго здѣсь недавно, будетъ перевезено, подъ эскортомъ его двора, безъ особой торжественности, но съ соблюденіемъ достоинства,—на его родину, находящуюся на границѣ съ Персіей. Его величество лишній разъ доказалъ свою щедрость и великодушіе, отправивъ вдовѣ грузинскаго царя въ подарокъ 5 тысячъ рублей серебромъ и дорогихъ тка-

---

[1]) Матвѣй Матвѣевичъ Экъ, впослѣдствіи С.-Петербургскій почтъ-директоръ.

ней такой же стоимости. Его величество еще другимъ поступкомъ доказалъ величіе своей души,—отправивъ приказъ о возвращеніи изъ ссылки стараго знаменитаго фельдмаршала Миниха, уже 20 лѣтъ находящагося въ ссылкѣ въ Пелыми—на границѣ Китая,—а также его сына, бывшаго гофмейстера—изъ Вологды.

Въ прошлую субботу его величество оказалъ честь оберъ-полицеймейстеру Корфу, отужинавъ у него; вчера камергеръ графъ Строгоновъ имѣлъ честь угощать его величество у себя обѣдомъ.

Похороны графа Петра Шувалова,—весьма торжественно и со всевозможными воинскими почестями, — состоялись вчера утромъ; говорятъ, что похороны стоили его семьѣ болѣе 50 тысячъ рублей.

Съ минуты на минуту ожидаютъ пріѣзда принца Георга Голштинскаго. На дняхъ императрица послала принцессѣ,—его супругѣ,—орденъ св. Екатерины.

Англійскій посланникъ, третьяго дня, получилъ отъ своего двора депешу — отъ 5-го января—въ которой его увѣдомляютъ о разрывѣ сношеній между Англіей и Испаніей, приславъ, одновременно, объявленіе Англіей войны и копію записки, поданной графомъ Фуэнтезомъ [1]) графу Эгремонту [2]) и отвѣта на нее графа Эгремонта.

Въ воскресенье, въ 10 час. утра,—саксонскій резидентъ имѣлъ честь вручить, въ собственныя руки императора, свои вѣрительныя грамоты; онъ былъ введенъ въ покои его величества не оберъ-церемоніймейстеромъ, какъ обыкновенно, а оберъ-камергеромъ; ему было сказано также оберъ-камергеромъ не обращаться къ государю съ рѣчью. Проходя мимо, не останавливаясь и не говоря ни слова, императоръ принялъ отъ него вышеназванныя грамоты; такимъ образомъ на подобный пріемъ нельзя смотрѣть, какъ на аудіенцію, въ которой, впрочемъ, здѣшній дворъ отказываетъ резидентамъ.

Похороны покойной императрицы назначены на 5-е февраля стараго стиля.

Изъ предосторожности, прилагаю копію, врученной мнѣ г. Брокдорфомъ, ноты, о которой я говорилъ въ своемъ донесеніи отъ 15—26 января.

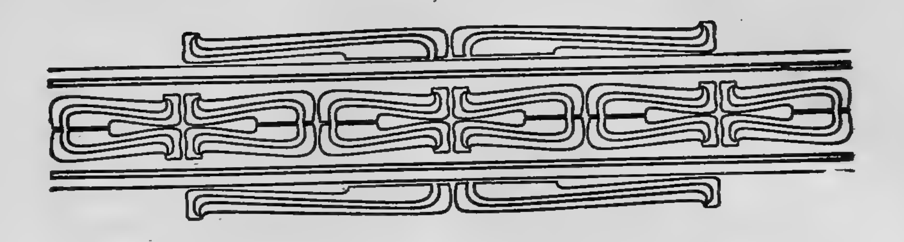
Гакстгаузенъ.

Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**

---

[1]) Испанскій посланникъ въ Лондонѣ.

[2]) Charles Wyndham of Egremont, secretary of stats † 1763.

Изъ записокъ 1877—78 г.г.[1]).

После отъезда Государя изъ дѣйствующей арміи Вел. Кн. Главнокомандующій оставался еще недѣли три въ Боготѣ, при чемъ отдалъ по главной квартирѣ распоряженіе—готовиться къ выступленію впередъ; предстояло двинуться сначала въ малые Балканы, а потомъ и за Балканы.

7-го или 8-го декабря пріѣхалъ къ Его Высочеству свиты генералъ графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ, незадолго передъ войной сдавшій въ Варшавѣ командованіе л.-гв. Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ принцу Альберту Саксенъ-Альтенбургскому. Великій Князь очень обрадовался пріѣзду бывшаго своего адъютанта, съ которымъ неразлучно провелъ юные годы службы вообще и первые годы командованія Петербургскимъ военнымъ округомъ. Съ удовольствіемъ слушая его разсказы о томъ, что происходило въ Петербургѣ, Великій Князь какъ бы отдохнулъ отъ своихъ трудовъ и заботъ. Гр. Олсуфьевъ, между прочимъ, сообщилъ, что въ столицѣ встрѣчено было съ общей симпатіей предстоявшее возведеніе предсѣдателя комитета министровъ ген.-адъют. Игнатьева—Павла Николаевича, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство. Великій Князь, конечно, отъ Государя зналъ, что предстояло изданіе акта награжденія сподвижниковъ Императора Александра I и что указъ объ этомъ ожидался 12 декабря,—въ день исполнявшагося столѣтія со дня рожденія Царя Благословеннаго.

— Можно вполнѣ порадоваться за этого достойнаго старика,—сказалъ Великій Князь; не менѣе того, я считаю заслужившимъ

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

эту высокую награду Николая Павловича Игнатьева; онъ много и усердно потрудился за время бытности своей посломъ въ Царьградѣ; Россія много ему обязана; неустанной работой своей онъ помогъ ей въ дѣлѣ борьбы съ державами, одолѣвавшими ее и мѣшавшими ей свободно вести безкорыстную защиту братьевъ славянъ. Кто, однако, не мѣшалъ ей, кто только не притѣснялъ въ этомъ ее; надо только Игнатьева послушать, какъ довелось послушать намъ за время нашего путешествія по востоку; ужасно было узнать, что едва-ли не больше всего свои же высшіе представители министерства иностранныхъ дѣлъ, находя нужнымъ вторить иностранной дипломатіи, ставили ему палки въ колеса, какъ послу, дѣйствовавшему добросовѣстно и съ достоинствомъ выполнявшему точно волю своего повелителя. Къ сожалѣнію, Государь больше вѣритъ имъ, чѣмъ ему, а если бы они сами—князь Горчаковъ, да и примкнувшій теперь къ числу нашихъ дипломатовъ гр. Петръ Андреевичъ Шуваловъ, понимали всю пагубность своихъ дѣйствій! Чего еще тутъ можно ожидать съ ихъ стороны при предстоящихъ переговорахъ о заключеніи мира, что тутъ будетъ,—предадутъ насъ свои же и прямо дадутъ обойти. Старикъ Горчаковъ пренесносный и преупорный человѣкъ; когда-нибудь Государю придется раскаяться въ томъ, что оказываетъ ему безграничное довѣріе, но будетъ поздно; тогда локтя не укусить.

Среди послѣднихъ дней пребыванія въ Боготѣ было получено извѣстіе о томъ, что второй столичный городъ Турціи—Адріанополь заняли наши войска, дѣйствовавшія въ лихомъ набѣгѣ съ генералами Струковымъ и Скобелевымъ—отцомъ Дм. Ив. во главѣ. Великій Князь, получивъ извѣстіе объ этой новой удачѣ, доставшейся на долю частей его арміи, и узнавъ о составѣ войскъ, участвовавшихъ въ томъ лихомъ дѣлѣ, отправилъ Государю Императору краткое донесеніе, въ которомъ между прочимъ писалъ: „уланы и драгуны, носящіе названія двухъ россійскихъ столицъ, послѣ лихого боя, овладѣли второй столицей Оттоманской имперіи — Адріанополемъ, который, со своимъ округомъ, вошелъ теперь въ раіонъ территорій, занятыхъ войсками Вашего Императорскаго Величества.

Снявшись во второй половинѣ декабря съ мѣста стоянки главной квартиры изъ Богота, Великій Князь со штабомъ, направился предмѣстьями Плевны и проѣхалъ черезъ Ловчу, Сельвію, Габрово, Шипку на Казанлыкъ. Здѣсь пришлось пробыть

недѣли двѣ, встрѣтить новый 1878 годъ и принять чрезвычайныхъ пословъ изъ Константинополя—Сервера-пашу и Намыка-пашу, прибывшихъ съ сонмомъ дипломатовъ, дабы отъ имени султана начать съ нами переговоры о мирѣ; затѣмъ, двинувшись на Эски-Загру, Эни-Загру, Германлы, Семенлы и Мустафа-паши—Великій Князь 14 января съ главной квартирой въѣхалъ въ Адріанополь, гдѣ остановился въ конакѣ[1]). Городъ, остававшійся въ послѣднее время почти пустымъ, сразу оживился и принялъ крайне торжественный видъ. Паши изъ Казанлыка прибыли съ посольствами своими вслѣдъ за главной квартирой; наводняя собою городъ, они смѣшались съ массой нашихъ высшихъ военныхъ начальниковъ, прибывшихъ въ то же время туда. Тутъ были генералы—командиры частей арміи:—Гурко, Радецкій, Криденеръ, Дандевиль, гр. Шуваловъ, Скобелевъ, Крокъ со своими штабами, а также съ составомъ штабовъ дивизій и другихъ отдѣльныхъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и стрѣлковыхъ войсковыхъ частей, составлявшихъ грозную дѣйствующую армію, которая имѣла назначеніе и стремленіе подобраться къ столицѣ Турціи.

Появившаяся сразу, вслѣдствіе установившейся въ два-три дня на смѣну жестокимъ морозамъ, весенней погоды, распутица была причиной того, что обозъ, двигавшійся отъ Богота, застрялъ въ полномъ, получившемся на этомъ трактѣ, турецкомъ бездорожьѣ. Достаточно вспомнить, что изъ повозокъ Великаго Князя двѣ попали въ трясинное болото; при чемъ главной квартирѣ пришлось ихъ обогнать на полпути;—изъ всего этого въ Адріанополѣ вышла большая и тяжелая непріятность.

Хозяйственною частью Главнокомандующаго завѣдывалъ состоявшій при Его Высочествѣ его бывшій адъютантъ, памятный всѣмъ деликатный, воспитанный, крайне одолжительный генералъ Александръ Александровичъ Галлъ. Передъ самымъ выступленіемъ изъ Богота, онъ вдругъ захворалъ и испросилъ у Великаго Князя разрѣшеніе уѣхать въ Букарестъ къ врачамъ; завѣдываніе же хозяйствомъ, на время предстоявшаго ускореннаго путешествія главной квартиры, передать кому-либо изъ адъютантовъ или ординарцевъ, тѣмъ болѣе, что ему было необходимо заняться въ столицѣ Румыніи приведеніемъ въ порядокъ мелочей хозяйства главной квартиры.

---

[1]) Домъ присутственныхъ мѣстъ.

Выборъ палъ почему то на меня, и мнѣ было поручено принять это хозяйство. Вообще исполненіе какой бы то ни было обязанности лица, приближеннаго къ такому человѣку, какимъ былъ Великій Князь, считалось несомнѣнно за большое счастье; но доставшееся мнѣ дѣло заставило меня испытать всѣ муки большихъ затрудненій, кои на этотъ разъ соединились съ нимъ. Во мнѣ не могло найтись ни опытности, ни сноровки къ тому, чтобы справиться съ этой, вовсе незнакомой мнѣ должностью; она представлялась сама по себѣ вообще не простою, осложненіе же, вызванное суетой ускореннаго марша, сильно дало себя знать.

Правда, и при Галлѣ, а тѣмъ болѣе при мнѣ, все въ ней болѣе сложное, несомнѣнно должно было оставаться на обязанности испытанной, давно привыкшей къ этому дѣлу прислуги Двора Его Высочества; но невѣроятнымъ хаосомъ быстраго передвиженія при испорченныхъ въ конецъ дорогахъ и среди столпленія двигавшихся въ перебой громадныхъ массъ войскъ,— дѣло совершенно неожиданно было приведено къ невѣроятному, крайне печальному, анекдотичному исходу. Нельзя повѣрить, что въ первый день пребыванія нашего въ Адріанополѣ, вышелъ распорядокъ такой, при которомъ Великій Князь оказался не только безъ всякой возможности предложить обычную хлѣбъ-соль свою всѣмъ состоявшимъ при немъ и разъ навсегда, еще съ Плоештъ и даже съ Кишенева, получившимъ приглашеніе къ ежедневному столу Великаго Князя,—но и самъ онъ лично остался безъ обѣда, такъ какъ обоза сколько-нибудь похожаго на что-либо порядочное, необходимое для устройства походной кухни и для приготовленія кушаній, не оказалось возможнымъ собрать. Обозъ можно было надѣяться получить съ пути развѣ лишь послѣ полуночи, а потому лично мнѣ пришлось пережить очень горькія минуты.

Случилось, что однимъ изъ первыхъ узналъ о постигшемъ меня горѣ прибывшій въ Адріанополь наканунѣ прибытія Великаго Князя командиръ 8-го армейскаго корпуса—добрѣйшій, славный, незабвенный шипкинскій герой Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій, съ которымъ я имѣлъ случай хорошо познакомиться на Дунаѣ во время его операцій по подготовкѣ съ М. И. Драгомировымъ переправы.

— Знаете что, не задумываясь и совершенно просто, по-кавказски, подошелъ онъ къ разрѣшенію этой сложной задачи,— у меня у самого эти дни стола нѣтъ, но у командира 15-го стрѣлковаго батальона, моего давняго пріятеля—подполковника Беклемишева, всегда и неизмѣнно имѣется въ отношеніи продоволь-

ствія, полная чаша. Можно подать Великому Князю простой, хорошій, а главное здоровый обѣдъ.

Послѣ того, какъ миновало самое тяжелое, т.-е. доложили Его Высочеству о случившейся бѣдѣ, пришлось къ этому добавить докладъ о добромъ, симпатичномъ предложеніи старыхъ кавказцевъ; Великій Князь принялъ его такъ же просто, какъ оно было сдѣлано, и вслѣдъ затѣмъ, съ нѣкоторымъ запозданіемъ, т.-е. уже въ шестомъ часу вечера, — вмѣсто обычнаго ранняго часа великокняжескаго стола, въ зданіи адріанопольскаго конака Его Высочеству былъ поданъ обѣдъ, надо полагать, самый простой изъ подававшихся ему когда-либо въ его жизни. У Петра Александровича Беклемишева нашлись роскошныя щи, чудная гречневая каша, а на жаркое курица. Великому Князю, подъ наблюденіемъ лейбъ-медика, вмѣсто щей, поданъ былъ прекрасный крѣпкій куриный бульонъ. Къ обѣду можно было пригласить лишь немногихъ, а потому обѣдали только, — кромѣ Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, генералы: Непокойчицкій, графъ Н. П. Игнатьевъ, Радецкій, лейбъ-медикъ Александръ Леонтьевичъ Обермиллеръ, полковники Скалонъ, Газенкампфъ и еще два-три приближенныхъ. Великій Князь требовалъ, чтобы, выручившій его, радушный „хозяинъ обѣда“ непремѣнно былъ бы при этомъ, а потому въ самомъ началѣ,—когда садились за столъ, Его Высочество обратился къ Радецкому съ вопросомъ: — гдѣ же гостепріимный хозяинъ, угощающій насъ?

— Онъ проситъ у Вашего Высочества разрѣшенія дозволить ему остаться на бивакѣ при своихъ гостяхъ, которыхъ онъ именно на сегодня позвалъ массу, отвѣтилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Послѣ обѣда Великій Князь сказалъ Ѳ. Ѳ. Радецкому, — а во всякомъ случаѣ все-таки мнѣ его покажите послѣ, я хочу лично высказать ему благодарность,—шуточное ли это дѣло,— внезапно накормить, оставшагося безъ обѣда, Главнокомандующаго, да еще привыкшаго при своемъ столѣ усердно капризничать!

Во все время этой бѣды Великій Князь оставался совершенно ровно спокойнымъ, веселымъ; сохранивъ весь, свойственный ему, юморъ, — онъ по обыкновенію, много шутилъ; всѣ мы понимали, что сколь ни казался этотъ случай мелочнымъ,—несомнѣнно требовалось очень много со стороны Великаго Князя особой снисходительности для того, чтобы онъ могъ не показать по поводу его даже тѣни неудовольствія.

Наше положеніе было тяжелое; на обязанности нашей лежало ни на минуту не забывать, въ какой степени желудокъ Ве-

ликаго Князя требовалъ осторожности, такъ какъ, въ сущности, прошло очень немного времени послѣ перенесенія Его Высочествомъ обезсилившей его въ конецъ страшной болѣзни—(заворотъ кишекъ). Заказать обѣдъ можно было въ любомъ изъ раскинувшихся по Адріанополю ресторановъ, но кто могъ бы посмѣть допустить мысль сдѣлать это; чѣмъ тамошніе армяне, греки, турки и даже европейцы-маркитанты накормили бы; Великому Князю была предписана строжайшая діэта; уже и безъ того порядокъ довольствія нарушался тѣмъ, что пришлось пропустить обычное время принятія пищи и если уже это, по необходимости, должно было произойти, то надо было позаботиться о доставленіи свѣжей, идеально здоровой пищи.

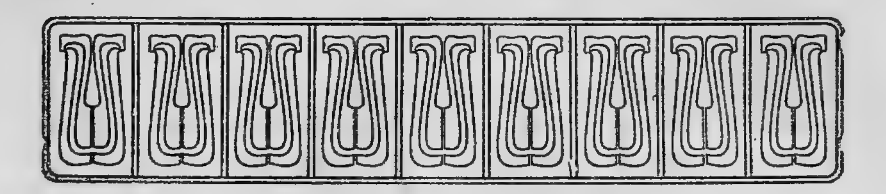
Вообще можно безконечное число разъ повторить: вотъ какимъ ужаснымъ несчастьемъ разрѣшилось для меня подвернувшееся такъ некстати пребываніе „въ гофмаршальской должности“ во время быстраго передвиженія главной квартиры, а затѣмъ можно себѣ представить, въ какой степени надо было оцѣнить услугу Ѳ. Ѳ. Радецкаго и его пріятеля П. А. Беклемишева.

Всегда веселый, имѣвшій вообще привычку подшучивать А. Л. Обермиллеръ, можно сказать, совершенно подѣломъ, вздумалъ надо мной по поводу стрясшейся бѣды подтрунить въ присутствіи Великаго Князя: „а что, Андреевскій, сказалъ онъ, видно, гофмаршальская-то часть не свой братъ“! поэтому я оставилъ замѣчаніе безъ вниманія. Мнѣ это показалось заслуженнымъ, а Великій Князь, принявъ серьезный видъ, поторопился за меня заступиться: что же, Александръ Леонтьевичъ, если бы онъ такъ промахнулся въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ,—стоило бы говорить объ этомъ; но вѣдь въ своихъ служебныхъ дѣлахъ онъ такъ не проваливался; кто не знаетъ, какъ онъ все время несетъ свою службу!

Послѣ этихъ словъ, къ немалому удивленію окружавшихъ, присутствовавшій при этомъ гр. Ник. Павл. Игнатьевъ, взглянувъ ободряюще на меня, сказалъ: „я могъ бы это, Ваше Высочество, и со стороны подтвердить“. На лицѣ Великаго Князя появилась добрая улыбка, и онъ сказалъ: „ну, вотъ Александръ Леонтьевичъ, послушайте-ка постороннюю оцѣнку службы нашихъ молодыхъ людей“.

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Власть прошлаго[1]).

Въ первые годы замужества Наташа почти совершенно забросила музыку. И не до того ей было; и какое-то непонятное чувство все удерживало ее. Ей всегда почему-то казалось, что, когда она садилась за свой Бехштейнъ—она измѣняла Андрею. Она даже старалась замѣчать, не ревнуетъ ли ее Андрей Александровичъ къ музыкѣ, но вскорѣ она убѣдилась, что ничего подобнаго и въ помыслахъ даже не было у ея мужа. Но любовь къ музыкѣ не покидала ее, и вотъ, когда Коля подросъ, когда присутствіе ея около него не было необходимо ежеминутно—она снова увлеклась этимъ любимымъ занятіемъ. Играла она всегда по вечерамъ, большей частью, когда Коля уже спалъ. Простившись съ нимъ, перекрестивши его и подождавъ немного, когда мальчикъ начиналъ засыпать, она тихонько выходила изъ комнаты и шла въ гостиную, гдѣ стоялъ рояль. Квартира была очень большая; она знала, что своей игрой она не можетъ тревожить сонъ ребенка, и потому спокойно отдавалась этому удовольствію.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ съ ней произошелъ странный необъяснимый случай. Войдя въ гостиную и притворивъ за собою дверь, она зажгла свѣчи на роялѣ, взглянула на часы и сѣла играть. Андрея Александровича дома не было; няня сидѣла въ дѣтской, а прислуга (они держали одну кухарку) была у себя на кухнѣ. Удивительно странное чувство овладѣло ею; когда она еще только входила въ полутемную комнату, она ясно почувствовала присутствіе кого-то; ей сразу сдѣлалось жутко; но она въ душѣ посмѣялась надъ собою, приписала все это разстроеннымъ нервамъ и спокойно сѣла за рояль. Не

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1915 г.

успѣла она сыграть нѣсколько страницъ, какъ необъяснимый трепетъ охватилъ ее всю; кто-то стоялъ за ней, за ея стуломъ, ей даже показалось, что этотъ кто-то наклонился къ ней; давно забытый, знакомый голосъ прошепталъ ея имя. Она вскочила и чуть не съ крикомъ бросилась изъ гостиной. Въ столовой ее встрѣтила няня, выбѣжавшая на шумъ.

— Барыня, матушка! Что съ вами? Гляньте, какъ мѣлъ бѣлыя!..

— Такъ! испугалась чего-то! Теперь ничего! и она вся трясясь, какъ въ лихорадкѣ, опустилась на стулъ около двери и нервно дышала.

Послѣ этого она долго не могла рѣшиться подойти къ роялю, а черезъ нѣкоторое время она узнала отъ A nnette Барановой, что Александръ Сергѣевичъ умеръ отъ воспаленія въ легкихъ.

Вспоминая тогда,-то, что съ ней произошло, и сопоставляя это со днемъ его кончины, она разсчитала, что это случилось нѣсколько дней послѣ его смерти. Суевѣрный страхъ овладѣлъ ею. „Онъ приходилъ проститься со мною!" подумала она.

Яркимъ пламенемъ вспыхнули всѣ воспоминанія. Давно прошедшія картины юности предстали передъ ея духовными очами. Но тотчасъ же все и потухло.

Потухло на долго, навсегда!..

Колѣ девять лѣтъ. Наташа готовитъ его къ поступленію въ первый классъ корпуса. Коля будетъ военный. Конечно, не о такой карьерѣ для него мечтала она; но выбора нѣтъ. Онъ будетъ воспитываться на казенный счетъ; отдавать же въ высшее учебное заведеніе—средствъ нѣтъ. Денегъ едва-едва хватаетъ на жизнь. Да, собственно говоря, и не хватаетъ; потому что послѣдніе пять—шесть дней до 20-го числа, т.-е. до получки жалованья, кое-какъ перебиваются; берутъ въ долгъ у мясника; въ долгъ—въ лавкѣ. Наташа не особенно горюетъ. Лишь бы было чѣмъ накормить Колю и Андрея; о себѣ она не думаетъ. Бѣлье становится плохо; платья тоже износились; да это—не важность—вѣдь она нигдѣ не бываетъ. Вотъ жаль, шуба поистаскалась, такъ что немного совѣстно надѣвать; ну да и въ пальто можно, когда не очень холодно. О своемъ туалетѣ она никогда особенно не заботилась. Сколько разъ приходилось ей выслушивать выговоры отъ Елены Ивановны за неряшливость по этой части.

— Помилуй, душечка, у тебя даже нѣтъ приличнаго платья, чтобы съ мужемъ въ театръ съѣздить!

Теперь Елена Ивановна молчитъ и не надоѣдаетъ ей больше съ этими замѣчаніями. И Наташа очень рада! Въ театръ она больше не ѣздитъ. Ея міръ—это дѣтская! Выѣзды ея ограничиваются поѣздками въ лавки, чтобы купить Колѣ или новую книгу или дешевенькой матеріи на костюмъ. И тогда ей рѣшительно все равно, что рукава у ея пальто не такіе широкіе, какъ теперь носятъ, и что бантъ на шляпѣ давно обратился въ безформенную лепешку!

Вотъ наконецъ то Андрей Александровичъ смогъ ей дать нѣсколько рублей на ея личные расходы. Она ужасно рада и летитъ въ городъ. Какъ бы только ухитриться, чтобы, купивъ все нужное, оставить копѣекъ тридцать—сорокъ на баловство для ея мальчугана! Ему давно хочется ящикъ съ красками и переводныя картинки. И какое счастье, если она сможетъ сдѣлать эту комбинацію! Въ какомъ волненіи трясется она на дешевомъ извозчикѣ домой! Какъ долгъ путь! Вѣдь она уже часа четыре, какъ выѣхала изъ дому! Что-то Коля? Не выбѣгалъ ли въ кухню, когда тамъ отворена дверь на дворъ? Не забыла ли Аннушка запереть форточку въ дѣтской? Она такая вѣтренница. Господи, какъ тихо плетется извозчикъ! Голубчикъ, подгони немного, я тебѣ прибавлю.—Но вотъ пріѣхали! Она бѣжитъ дворомъ, коридоромъ, отворяетъ дверь, звонка не было; дверь запиралась только на ночь; жили самымъ патріархальнымъ образомъ. Изъ комнатъ доносится звонкій голосъ и веселый смѣхъ. Слава Богу! здоровъ, веселъ...

— Не лѣзь въ переднюю, уходи, я холодная! и она машетъ ему руками.

Хорошенькая головенка просунулась въ дверь и съ любопытствомъ старается разсмотрѣть свертки на подзеркальникѣ.

— Мамочка! а привезла, что обѣщала? кричитъ онъ.

— Все, все привезла, радость моя! Сейчасъ обогрѣюсь и приду...

Лѣтомъ они нанимали недорогую дачку на одной изъ подмосковныхъ станцій и жили тамъ. Какое это было хорошее, счастливое время для Коли! Цѣлыми днями онъ гулялъ, бѣгалъ, игралъ съ товарищами, купался въ рѣкѣ. Андрей Александровичъ научилъ его плавать. Съ замираньемъ сердца отпускала его Наташа съ отцомъ купаться, но всегда гордилась и радовалась, когда Андрей Александровичъ разсказывалъ про его

ловкость и смѣлость. Какъ она любила гулять съ нимъ! Уйдутъ, бывало, въ лѣсъ; ищутъ ягоды, грибы, а то усталые присядутъ на мохъ, гдѣ-нибудь въ тѣни, и тутъ начинаются самые интересные разговоры. „Отчего" и „почему" такъ и сыплются съ губокъ любопытнаго мальчика; и на все-то нужно дать отвѣтъ. Наташа такъ рада, что можетъ удовлетворить его, и въ разсказахъ своихъ идетъ даже дальше его вопросовъ; незамѣтно въ продолженіе этихъ разговоровъ мальчикъ знакомится съ зоологіей, ботаникой, минералогіей, астрономіей и другими науками.

А вотъ и августъ мѣсяцъ подошелъ, а съ нимъ и экзамены въ корпусѣ. Андрей Александровичъ съ Колей уѣхали съ самымъ раннимъ поѣздомъ въ Москву. Съ какимъ страхомъ и трепетамъ благословила Наташа своего ненагляднаго мальчугана. Какъ потерянная ходитъ она изъ угла въ уголъ цѣлый день, не въ силахъ приняться за какое-нибудь дѣло! Подходитъ время поѣзда, съ которымъ они должны вернуться; заставляя себя нарочно идти тихо, она подходитъ къ платформѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда изъ вагона выходитъ Андрей Александровичъ, а за нимъ въ форменной фуражкѣ и шинели маленькій кадетикъ. Господи! онъ ли это? Она едва узнаетъ его. Завидя мать, онъ бросается къ ней на шею. А она, сдерживая слезы, покрываетъ его поцѣлуями.

— Ну, поздравляю съ новоиспеченнымъ кадетомъ, Наташа! говоритъ Андрей Александровичъ, въ свою очередь цѣлуя жену. Экзаменъ выдержалъ молодцомъ; принятъ на казенный счетъ!

Вечеромъ, когда Коля ложится спать, Наташа приходитъ къ нему въ комнату, и они оба подробно разглядываютъ казенное одѣяніе. Колю прельщаютъ блестящія пуговицы и галунъ на мундирѣ.

Наташа съ болью въ сердцѣ щупаетъ грубое сукно, грубое бѣлье и съ ужасомъ думаетъ, какъ все это будетъ тереть нѣжное тѣльце и стѣснять его движенія. Но, конечно, она старается скрыть свои ощущенія и съ полнымъ вниманіемъ слушаетъ разсказы обо всѣхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ за сегодняшній день.

— Главное, мамочка, хорошо то, что насъ будетъ много, много мальчиковъ! Можно во все играть.

Она утвердительно киваетъ головой, а на сердцѣ тяжело и грустно. Такое чувство, какъ будто его отняли у нея; какъ будто онъ ей менѣе принадлежитъ.

Коля учился хорошо; всѣ семь лѣтъ корпуснаго ученія онъ переходилъ изъ класса въ классъ съ похвальными листами и наградами. На этотъ счетъ Наташа была спокойна. Вотъ въ отношеніи поведенія этотъ пунктъ оставлялъ желать лучшаго. Рѣзвый, живой мальчикъ никакъ не могъ помириться съ военной дисциплиной; и воспитателямъ, и преподавателямъ было чрезвычайно трудно заставить его войти въ условныя рамки корпусной жизни.

„Учится отлично, ведетъ себя неудовлетворительно, возбуждаетъ товарищей и производитъ безпорядокъ въ классѣ".

Наталья Николаевна читаетъ аттестацію и волнуется.

— Количка! что же это такое? грустно спрашивала она сына.

— Мамочка, посуди сама! Этотъ мерзавецъ Извольцевъ опять вляпалъ единицу Кульчевскому! За что? Онъ отвѣчалъ довольно хорошо. Ну, я конечно протестовалъ, а за мною и весь классъ загалдѣлъ...

— Да твое ли это дѣло? Ну, какое ты имѣешь право протестовать?

— Какъ! я не имѣю права заступиться за товарища? Да это мой долгъ, моя святая обязанность!

— Твой долгъ, твоя обязанность вести себя хорошо, не огорчать меня и папу...

— Мамочка! Ты не понимаешь, не знаешь, что такое товарищество... оно обязываетъ...

Въ другой разъ, вечеромъ Наташа сидѣла и работала у себя въ комнатѣ. Вдругъ раздаются быстрые шаги, и входитъ Коля. Лицо исцарапано, волосы всклокочены, парусиновая рубашка изорвана.

Наташа такъ и ахнула.

— Ты, мамочка, не пугайся, что я въ такомъ видѣ! Это ничего! сейчасъ приведемъ себя въ порядокъ.

Наташа продолжаетъ вопросительно смотрѣть и ждать объясненія.

— Это, видишь, нашъ классъ шелъ на седьмой! Ну, и потрепали малость другъ друга!

— Что же воспитатели? Гдѣ же они-то были?

— Фью! вотъ спрашиваешь! Да что же они могутъ?

— Что же теперь вамъ за это будетъ?

Коля почесалъ въ затылкѣ.

— Будетъ-то здорово! Пришелъ ротный и объявилъ: субботу и воскресенье—безъ отпуска; всѣ будемъ сидѣть въ классахъ; да еще, можетъ быть, и не одно воскресенье!

— Какъ, и ты тоже? Вѣдь мы собирались къ бабушкѣ обѣдать!..

— Нѣтъ, ужъ ты поѣдешь одна; я посижу съ товарищами.

И Наташа знала, что просить о прощеніи не стоитъ; такъ какъ все равно Коля не захочетъ избѣгнуть общаго наказанія.

Какъ ни любила Наташа своего мальчугана, но всегда была къ нему безпристрастна и, когда слѣдовало, всегда журила его. Но часто приходилось ей возмущаться далеко не педагогическими поступками воспитателей и учителей. И по этому поводу у нея были частыя столкновенія съ Андреемъ Александровичемъ. Онъ, какъ человѣкъ военный, требовалъ вездѣ дисциплины.

— Не разсуждай, не твое дѣло! Такъ приказано — такъ и дѣлай, говорилъ онъ сыну. Воспитатель не можетъ быть не правъ!

Наташа возставала противъ этого. Говорить такъ—значило лгать противъ своихъ убѣжденій. И значитъ — лгать. Многіе думаютъ, что дѣти еще не могутъ разобраться въ томъ, что справедливо и что—нѣтъ. И это громадная ошибка. Дѣти отлично все понимаютъ.

И Наташа соображала, что, если она будетъ доказывать сыну, что воспитатель *правъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ завѣдомо *не правъ*—то сынъ перестанетъ питать къ ней довѣріе. Она поступала иначе; она обсуждала съ сыномъ всякій поступокъ воспитателя и, если были такіе поступки, которые вопіяли противъ справедливости и здраваго разсудка (съ прискорбіемъ нужно сознаться, что это случалось не рѣдко) — она не старалась доказывать сыну, что воспитатель правъ; нѣтъ, она только говорила ему, что разъ отъ него этого требуютъ, то нужно подчиниться, что онъ въ военномъ заведеніи и долженъ покориться военной дисциплинѣ.—Результатомъ этихъ воззрѣній было то, что Коля несъ къ матери всѣ свои огорченія, всѣ свои неудачи и откровенно разсказывалъ всѣ свои столкновенія съ корпуснымъ начальствомъ. И уже въ одномъ Наташа могла быть увѣрена и спокойна—Коля никогда не лгалъ.

У Коли было много товарищей; многихъ изъ нихъ онъ таскалъ къ себѣ домой. Все это, большей частью, были сироты, или такіе, родители которыхъ жили гдѣ-нибудь далеко. Радушно

и ласково принимала ихъ Наташа, заботилась о нихъ, баловала ихъ. Ей всегда думалось: какой ужасъ для родителей сознавать и чувствовать, что ребенокъ ихъ такъ далеко отъ нихъ! Кто-то его приголубитъ, кто-то приласкаетъ? И вотъ она голубила и ласкала этихъ малышей, выброшенныхъ изъ родного гнѣзда, заброшенныхъ судьбою на чужую сторону. Были между ними и хорошіе, благодарные; были и эгоисты, безсердечные. Первыхъ было больше. Сколько между ними такихъ, которые и теперь, уже взрослые, не забыли ея ласкъ, ея заботъ и относятся къ ней, какъ къ родной матери!

Въ 1901 году Коля кончилъ корпусъ. Сколько волненій во время выпускныхъ экзаменовъ пережили и мать, и сынъ! Какъ она страдала и мучилась за него, когда ему приходилось сидѣть поздно по ночамъ и заниматься, когда онъ на другой день уходилъ въ корпусъ блѣдный, взволнованный, а она бѣжала въ ближайшую церковь или часовню и молилась, молилась безъ конца.

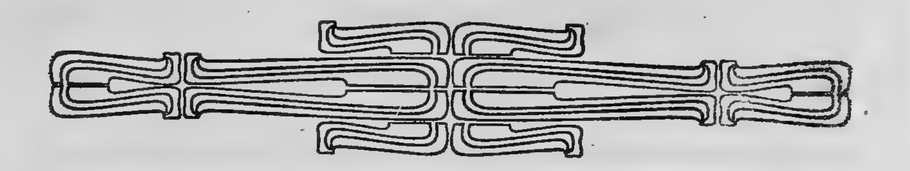
Какое счастье, когда онъ прибѣгалъ радостный, торжествующій и объявлялъ, что получилъ высшій баллъ!

Съ какою гордостью и любовью смотрѣла она на него!

Сообщ. **М. С.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II по матеріаламъ Законодательной комиссіи 1767 года [1]).

IV.

Ратуя за организацію сословной школы, русское общество, середины XVIII вѣка, и его представители въ законодательной комиссіи 1767 года не могли, конечно, обойти молчаніемъ вопроса о содержаніи ея. Вѣдь безъ денежныхъ средствъ эта школа существовать не могла, и всѣ толки о ней были бы своего рода Pia desideria, если бы одновременно не былъ выдвинутъ вопросъ о томъ, за чей счетъ эта школа будетъ оборудована. Почти каждая сословная группа, представленная въ комиссіи, высказала по этому вопросу свои соображенія. При этомъ чрезвычайно интереснымъ является то обстоятельство, что наибольшую умѣренность въ этомъ отношеніи проявили горожане и духовенство, а изъ среды дворянъ выдвинуты были такія предложенія, которыя даже представителей отъ этого же сословія поразили своей беззастѣнчивостью и явной нецѣлесообразностью. Хотя школа, о которой ходатайствовало общество начала царствованія Екатерины II, носила сословный отпечатокъ, но на содержаніе ея должны были идти не только сословныя, но и казенныя средства. По этому вопросу было высказано много мнѣній, и самое разнообразіе точекъ зрѣній обнаруживаетъ намъ, въ какомъ хаотическомъ состояніи находился этотъ вопросъ на порогѣ законодательной дѣятельности Екатерины II. Начнемъ нашъ обзоръ съ предложеній горожанъ и духовенства и затѣмъ уже перейдемъ къ анализу то-

[1]) См. „Русск. Стар.“ апрѣль 1915 г.

го, что говорили по этому вопросу дворянскіе избиратели и ихъ депутаты.

Жители обѣихъ столицъ и города Шлиссельбурга ходатайствовали о томъ, чтобы вымороченныя мѣщанскія имѣнія не подлежали конфискаціи на „гошпитали", какъ то было опредѣлено закономъ, а употреблены бъ были „на содержаніе городскихъ училищъ, сиротъ и иныхъ общихъ потребностей городскихъ [1])". На-ряду съ вымороченными имѣніями нѣкоторые изъ городскихъ избирателей предлагали содержать школы на средства, получаемыя городомъ съ какихъ-нибудь угодій или другихъ доходныхъ статей. Такъ жители Соликамска предполагали опредѣлить на содержаніе школъ для малолѣтнихъ, сиропитательныхъ домовъ и госпиталей для больныхъ половину чистаго дохода съ соляныхъ промысловъ, которые издавна принадлежали городу, но за послѣднее время были незаконно присвоены себѣ заводчикомъ Демидовымъ. Но въ большинствѣ городскихъ наказовъ красной нитью проходитъ та мысль, что купеческія школы слѣдуетъ содержать на городскія средства. Такъ вязьмичи въ своемъ наказѣ предлагаютъ „изъ гражданскихъ доходовъ и экономіи содержать при магистратахъ и ратушахъ школы [2])", а вологжане ставятъ вопросъ еще шире. Они настаиваютъ на томъ, чтобы „бѣдныхъ купецкихъ малолѣтнихъ сиротъ... по общему магистрата съ купечествомъ разсмотрѣнію, по благопристойности, кто къ чему будетъ способенъ, обучать хоша и не по ихъ желанію, но по истинному объ ихъ испопеченію, кто къ чему способенъ, разсмотрѣніемъ на возможномъ хлѣбомъ и платьемъ удовольствіи отъ коликихъ и до каковыхъ лѣтъ [3])". Избиратели города Архангельска, которые болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, удѣлили вниманія школѣ и просвѣщенію, не разъ возвращаются въ своемъ наказѣ къ вопросу объ изысканіи средствъ на содержаніе учебныхъ заведеній. Они прежде всего предлагаютъ установить для школьныхъ учителей „таксу за ученіе по времени" и состоянію числа учащихся „дабы оные учители единственному дѣлу прилежали и за недостаткомъ содержанія въ другіе промыслы не входили [4])". Но это вознагражденіе было довольно умѣреннымъ, такъ какъ учителямъ разрѣшалось дополнять его „положеннымъ съ достаточныхъ учениковъ платежемъ". Началь-

[1]) Ibid., т. 107, стр. 225. Ср. Ibid. т. 107, стр. 238 и т. 93, стр. 133.
[2]) Ibid., т. 134, стр. 105.
[3]) Ibid. т. 123, стр. 431.
[4]) Ibid. т. 123, стр. 480—481.

ники же, или ректоры учебныхъ заведеній должны были получать „довольное жалованье“ [1]). Нѣсколько особнякомъ стоитъ мнѣніе купечества Бѣжецкаго Верха, которое возбуждало ходатайство объ открытіи семинаріи „съ опредѣленіемъ учителя съ книгами на казенномъ, а обучающихся дѣтей на собственномъ ихъ коштѣ“ [2]). Таковы были предложенія городскихъ избирателей.

Въ самой комиссіи депутаты въ своихъ рѣчахъ не разъ останавливались на вопросѣ объ изысканіи источниковъ для содержанія городскихъ учебныхъ заведеній. Такъ въ 30 засѣданіи 28 сентября 1767 года депутатъ любимскаго дворянства, Толмачевъ, настаивалъ на учрежденіи для мѣщанъ училищъ: „для сего въ небольшихъ городахъ опредѣлить учителей изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ или изъ приказныхъ по способности съ пожалованіемъ отъ магистрата“ [3]). Позднѣе во время обсужденія мѣръ для предупрежденія чуть ли не поголовнаго бѣгства населенія депутатомъ отъ города Юрьева-Повольскаго, Неустроевымъ, затронутъ былъ вопросъ объ источникахъ для содержанія городскихъ купеческихъ и мѣщанскихъ училищъ. 29 апрѣля 1768 года въ 118 засѣданіи большой комиссіи онъ внесъ предложеніе, чтобы взимаемый за держаніе бѣглыхъ какъ крестьянъ, такъ и лицъ городского состоянія, штрафъ въ размѣрѣ 50 рублей за мѣсяцъ, шелъ на строеніе школъ въ городахъ и на содержаніе малолѣтнихъ купеческихъ дѣтей для обученія ихъ грамотѣ, письму и ариѳметикѣ [4]).

Вопросъ о содержаніи духовныхъ школъ въ комиссіи не подымался, вѣроятно, потому, что духовенство было въ ней представлено однимъ депутатомъ отъ св. Синода, но за то въ тѣхъ пунктахъ, которые приложены были къ синодальному наказу, мы не разъ встрѣчаемъ мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ, высказанныя по этому поводу. Хотя въ черниговской епархіи производился особый сборъ на содержаніе учрежденнаго въ Черниговѣ еще въ 1700 году коллегіума, но суммы, получаемыя этимъ путемъ, были весьма ничтожны. Зданія, въ которыхъ помѣщался коллегіумъ, „въ крайнее пришли обветшаніе“, а „прокормленія не имѣющихъ учениковъ пищею и дровами совершенно удовольствовать не можно“ [5]). Въ виду

---

[1]) Ibid. т. 123, стр. 480—481.
[2]) Ibid., т. 107, стр. 50.
[3]) Ibid. т. VIII, стр. 36.
[4]) Idid., т. 107, стр. 537.
[5]) Ibid., т. 43, стр. 99.

этого черниговскій архіерей со всѣмъ духовенствомъ „всенижайше“ просилъ о правительственной субсидіи коллегіуму и о томъ, чтобы „учители на пристойномъ государственномъ коштѣ содержаны были“ [1]). Другой малороссійскій епархіальный владыка, кіевскій митрополитъ, возбуждалъ ходатайство о возстановленіи денежныхъ сборовъ съ вѣнечныхъ памятей, отмѣненныхъ указомъ 1765 года. Оказывается, что въ прежнее время значительная часть этихъ сборовъ шла „на возобновленіе каменныхъ школъ“ въ академіи „и при нихъ студентской церкви и на консоляцію или снабдѣніе учителямъ, а особливо на строеніе и исправленіе для безпомощныхъ студентовъ жиллей, называемыхъ бурса, и на вспомоществованіе тѣмъ студентамъ въ ихъ нуждахъ“ [2]). Такимъ образомъ, духовная школа должна была преимущественно содержаться на спеціальные сборы церковнаго характера. Но безъ казенной поддержки она все-жъ, повидимому, обойтись не могла. Такъ кіевскій митрополитъ ходатайствовалъ объ отпускѣ на содержаніе академіи казенныхъ суммъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ же размѣрѣ, какъ и на Московскую славяно-греко-латинскую академію [3]).

Но совершенно въ иномъ положеніи находилась дворянская школа. Правда, среди дворянъ раздавались голоса за то, чтобы содержать ее на чисто сословныя средства, но на-ряду съ ними и, пожалуй, чаще и громче высказывалась та точка зрѣнія, что эти сословныя школы должны существовать на казенный счетъ. „Потребный на заведеніе и на содержаніе сихъ учрежденій вѣчный капиталъ“, говорятъ московскіе дворяне—„охотно согласится дворянство расположить между собой и на себя, по мѣрѣ своихъ твердыхъ имѣній, съ присовокупленіемъ особливаго повсегоднаго платежа опредѣляемой суммы за тѣхъ дѣтей, кои въ тѣ новыя мѣста отдаваемы будутъ“ [4]). Каширское дворянство въ своемъ наказѣ предлагаетъ содержать школы, учреждаемыя для дворянскихъ дѣтей, на средства, собираемыя изъ дворянскихъ доходовъ „по числу мужеска пола душъ, считая съ каждой по три копѣйки“ [5]); при чемъ свой проектъ оно мотивируетъ тѣмъ, что дворянство всегда наблюдаетъ „Ея Императорскаго Величества интересъ“ и ревнуетъ „ко общей всего отечества пользѣ и спокойствію“ [6]). Но костромскіе дво-

[1]) Ibid., т. 43, стр. 99.
[2]) Ibid., т. 43, стр. 521.
[3]) Ibid., т. 43, стр. 92.
[4]) Ibid., т. IV, стр. 231.
[5]) и [6]) Ibid., т. VIII, стр. 485.

ряне рѣзко расходятся въ этомъ пунктѣ и съ москвичами, и съ каширцами. „Что-бъ тѣ школы", заявляютъ они въ своемъ наказѣ — „нужнымъ содержаніемъ изъ материнской щедроты изъ казны, или иначе, откуда заблагоразсуждено будетъ, снабдѣваемы были [1])". Точку зрѣнія костромского дворянства раздѣляли, какъ видно изъ наказовъ, очень многія дворянскія общества. Такъ о школахъ „на государственномъ содержаніи" говорятъ калужскіе дворяне [2]). Объ училищахъ на казенномъ содержаніи „изъ Высочайшей Ея Величества щедрой милости" ходатайствуютъ верейскіе дворяне [3]). Объ училищахъ „на казенномъ коштѣ съ пристойнымъ числомъ учителей", пишутъ въ своемъ наказѣ тверскіе дворяне; а тульскіе возбуждаютъ ходатайство о казенномъ жалованьи учителямъ и о снабженіи проектируемыхъ ими гимназій книгами за казенный счетъ [4]). Ахтырскіе же дворяне вносятъ въ свой наказъ предложеніе такого рода: „а для учителей и содержанія училищнаго дому опредѣлить надлежащую сумму изъ собираемыхъ въ здѣшней губерніи неокладныхъ доходовъ съ каковыхъ заблагоразсужено будетъ сборовъ [5])". Черниговское шляхетство, ссылаясь на узаконенія Екатерины II о способѣ содержанія воспитательныхъ домовъ въ Россіи, ходатайствуетъ объ учрежденіи въ Малороссіи Государственнаго Дворянскаго Банка и о томъ, чтобы на основаніи этихъ узаконеній „проценты Банка сего всемилостивѣйше пожалованы были въ помощь на содержаніе воспиталищъ и училищъ, яко благое и полезное всей Имперіи дѣло [6])". „Тогда бы", восклицаютъ съ паѳосомъ черниговскіе дворяне, „шляхетство восчувствовало бы еще болѣе матернюю Ея Величества безприкладную щедроту". Весьма рѣшительную мѣру проектируетъ малороссійская коллегія, въ наказѣ которой можно видѣть какъ бы отзвукъ пропозицій Ѳеодора Салтыкова, представленныхъ имъ еще въ 1715 году Петру Великому. „Для воспитанія и ученія обоего пола благородныхъ и для тако-же обоего пола сирыхъ", говорится въ этомъ наказѣ—„по одному монастырю мужескому и дѣвичьему обратить, кажется, точно опредѣлить ихъ на дѣло богоугодное и хри-

[1]) Ibid., т. IV, стр. 246.
[2]) Ibid., т. 14, стр. 327.
[3]) Ibid., т. 4, стр. 381.
[4]) Ibid., т. 4, стр. 289 и 405.
[5]) Ibid., т. 68, стр. 257.
[6]) Ibid.

стіанолюбное [1]. Съ довольно своеобразнымъ предложеніемъ выступаютъ дворяне трехъ уѣздовъ Московской губерніи—Серпуховскаго, Тарусскаго и Оболенскаго. Содержать школы и сиропитательные дома они проектируютъ на денежные штрафы, взимаемые съ земскихъ судей и комиссаровъ за нерадѣніе по службѣ, и съ дворянъ, которые или „земскому судьѣ и комиссарамъ въ чемъ послушны не будутъ", или „неправое челобитье имѣли на нихъ [2]". Такъ разнообразны были предложенія по интересующему насъ вопросу, выдвинутыя изъ среды дворянскихъ избирателей 1767 года.

Въ самой комиссіи вскорѣ послѣ ея открытія загорѣлась довольно интересная полемика между кашинскимъ дворянскимъ депутатомъ, Кожинымъ, и графомъ Строгановымъ, представителемъ отъ дворянъ Серпейскаго уѣзда. По мнѣнію Кожина „для поддержанія дворянскаго достоинства" надлежитъ ходатайствовать объ учрежденіи новаго кадетскаго корпуса. На его содержаніе онъ полагалъ возможнымъ установить сборъ со всего населенія Имперіи. Въ виду отяготительности сборовъ, положенныхъ на землю и на души, Кожинъ проектируетъ содержать корпусъ на однажды сдѣланное всѣми пожертвованіе. Наиболѣе подходящей формой такого пожертвованія можетъ быть, по его словамъ, сборъ со всѣхъ вступающихъ въ бракъ [3]. Правда, онъ былъ только-что отмѣненъ по повелѣнію Императрицы, но Кожинъ предлагалъ ходатайствовать о его возстановленіи. Однако, въ томъ же самомъ засѣданіи 19-го сентября 1767 года предложеніе Кожина нашло себѣ отпоръ. Ему возражалъ графъ Строгановъ, къ мнѣнію котораго присоединились депутаты отъ Перемышльскаго, Серпуховскаго и Рязан-

---

[1]) Ibid., т. 43, стр. 230.

[2]) Ibid., т. 4, стр. 360.

[3]) Ibid., т. IV, стр. 172—173. Примѣчаніе. Въ виду своеобразія того предложенія, съ которымъ выступилъ Кожинъ, не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ его проекта. Для различныхъ сословій и общественныхъ группъ этотъ свадебный налогъ устанавливался по дифференціальной расцѣнкѣ. „Всякаго чина люди, не имѣющіе благородства, какъ-то: солдаты, унтеръ-офицеры, дворовые люди и помѣщичьи крестьяне, церковные служители и купцы 3-й гильдіи при вступленіи въ бракъ должны были уплачивать 50 коп., купцы 1-й и 2-й гильдій — по 1 рублю. Всѣ же благородные, владѣющіе вотчинами, уплачиваютъ съ 100 душъ по 2 рубля, а тѣ, у которыхъ менѣе 100 душъ — отъ 10 душъ платятъ по 1 руб., не имѣющіе же за собой недвижимаго имѣнія, но служащіе на жалованіи съ каждыхъ 100 руб., получаемаго содержанія, платятъ по 1 рублю. Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходила изобрѣтательность дворянскихъ прожекторовъ середины XVIII вѣка.

скаго дворянства—Нарышкинъ, князь Волконскій и Реткинъ. Налогъ, предлагаемый Кожинымъ, по словамъ графа Строганова, 1) вреденъ, такъ какъ „сдѣлаетъ вступающимъ въ бракъ отягощеніе, а черезъ то будетъ препятствовать размноженію въ государствѣ народа" и 2) несправедливъ, потому что „всякій налогъ на общество долженъ служить въ пользу всего того общества, а не одной его части". Со своей стороны графъ Строгановъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы каждый дворянинъ, имѣющій крестьянъ не болѣе 200 душъ, уплачивалъ ежегодно опредѣленную сумму на содержаніе предполагаемаго Кожинымъ кадетскаго корпуса [1]). Вообще въ глазахъ многихъ депутатовъ вопросъ о томъ, на какія средства будутъ содержаться проектируемыя учебныя заведенія, игралъ превалирующую роль въ дѣлѣ правильной постановки народнаго образованія. „Паче же всего изыскать средства, откуда сумму денегъ назначить", говорилъ, между прочимъ, въ 165 засѣданіи большой комиссіи воронежскій депутатъ, дворянинъ Титовъ— „чтобъ безъ тягости казнѣ и дворянамъ, а безъ того оныя заведенія не будутъ [2])".

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о матеріальной сторонѣ въ дѣлѣ организаціи сельской школы, поскольку этого вопроса касаются наказы и пренія большой комиссіи. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ пунктахъ, приложенныхъ къ синодальному наказу, приходское духовенство за обученіе крестьянскихъ дѣтей должно было получать вознагражденіе непосредственно отъ самихъ крестьянъ. Крестьяне могли или убирать безвозмездно находящіяся при церквахъ пашенныя земли и угодія, или давать своему приходскому духовенству какіе-нибудь припасы. „А для поощренья священниковъ и причетниковъ къ прилежному крестьянскихъ дѣтей обученію", говоритъ архіепископъ Гавріилъ — „не соблаговолено ли будетъ за обученіе каждаго крестьянскаго сына отцамъ ихъ платить учителю хлѣбомъ, поскольку соблаговолено будетъ, или и за то обученіе удовольствовать ихъ въ генеральномъ положеніи руги [3])". По предположенію же епископа Аѳанасія плата за обученіе могла идти или отъ родителей учащихся и носить такимъ образомъ чисто индивидуальный характеръ, или она должна была войти въ общую приходскую ругу и уплачиваться заразъ въ видѣ добавленія къ тѣмъ доходамъ, кото-

---

[1]) Ibid., т. 4, стр. 175.
[2]) Ibid., т. 32, стр. 299.
[3]) Ibid., т. 43, стр. 422.

рые получало приходское духовенство за отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей. По мнѣнію же крапивинскихъ дворянъ обученіе крестьянскихъ дѣтей должно было происходить за счетъ родителей учащихся. Въ комиссіи по вопросу о содержаніи крестьянскихъ училищъ говорилъ только одинъ Жеребцовъ, когда онъ въ своей рѣчи 15-го мая 1768 года указывалъ на проявляющуюся почти повсюду потребность въ образованіи. Онъ подробно при этомъ остановился на матеріальной сторонѣ вопроса, предусмотрительно стараясь разрѣшить всѣ затрудненія, могущія возникнуть при осуществленіи на практикѣ его предложенія. „А для содержанія того ученія", говорилъ онъ—„подлежитъ учредить въ знатныхъ селеніяхъ, чтобы при тѣхъ селахъ для пропитанія ихъ, новыхъ студентовъ, и торги могли быть; а ежели тѣ служилые люди имѣютъ селенія свои малыми людьми, то для правленія того ученія приложить къ нимъ государственныхъ крестьянъ, дабы каждое правленіе было тысячи по три или по четыре мужеска пола душъ". Что же касается жалованья, какъ учителямъ, такъ и ученикамъ и суммъ, опредѣляемыхъ на пріобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій, то Жеребцовъ не устанавливалъ ихъ размѣра, а полагалъ, что все это будетъ зависѣть отъ того „какъ соблаговолитъ наша попечительница и благопочтенное собраніе гг. депутатовъ [1]).

Шестидесятые годы XVIII вѣка вообще являются чрезвычайно важнымъ моментомъ въ исторіи русской школы. Впервые въ это время правительство обратило вниманіе на организацію женскаго образованія, и иниціатива въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, принадлежала Екатеринѣ II. Но не надо думать, что починъ Императрицы въ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній являлся чѣмъ-то оторваннымъ отъ жизни. Потребность въ женскихъ школахъ въ достаточной степени ощущалась, какъ въ центральныхъ мѣстностяхъ, такъ и на окраинѣ. Поэтому вполнѣ понятно, что и въ комиссіи 1767 года вопросъ объ организаціи женскаго образованія былъ затронутъ, какъ со стороны избирателей, такъ и со стороны самихъ депутатовъ.

Интересно при этомъ отмѣтить, что изъ числа избирателей этотъ вопросъ затрагивали только дворяне, а въ комиссіонныхъ преніяхъ онъ былъ поднятъ однимъ изъ городскихъ представителей. Не считая столицы, о женскомъ образованіи говорятъ

---

[1]) Ibid. т. 32, стр. 398.

лишь черниговскіе и переяславскіе дворяне [1]), а депутатъ, о которомъ только-что было упомянуто, представлялъ интересы жителей города Енисейска. Такимъ образомъ окраины Россіи въ этомъ вопросѣ значительно опередили центральныя, чисто-великорусскія области. По мнѣнію переяславскаго дворянства, по городамъ должны быть учреждены особые воспитательные дома „для благородныхъ дѣвицъ на казенномъ коштѣ“ [2]). Объ учрежденіи въ Москвѣ „двухъ мѣстъ для воспитанія дворянскихъ дѣвицъ, въ первомъ—малолѣтнихъ, а во второмъ взрослыхъ“, ходатайствуютъ московскіе дворяне, при чемъ свою просьбу они мотивируютъ тѣмъ, „чтобы къ московскому и ближнему внутреннихъ провинцій дворянству такая же Высочайшая милость показана была, какая уже въ Санктпетербургѣ дѣйствительные плоды приносить начинаетъ“ [3]). Такимъ образомъ идеальнымъ типомъ женскихъ школъ были закрытыя учебныя заведенія, въ родѣ Петербургскаго Смольнаго института. Если москвичи и переяславцы отстаивали и для женщинъ школу чисто сословнаго характера, то другіе избиратели подымали вопросъ объ обученіи женщинъ, руководствуясь не узко-сословными соображеніями, а становясь на общегосударственную точку зрѣнія. „Женскій полъ оставленъ безъ надлежащаго призрѣнія и ученія“ [4]), жалуется въ своемъ наказѣ черниговское шляхетство, и однимъ изъ средствъ къ поднятію культурнаго уровня общества являются женскія учебныя заведенія. „А какъ женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи, то и для нихъ“, по его словамъ—„гдѣ покажется за благо завести особливый домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго“ [5]). Съ еще болѣе рѣшительнымъ предложеніемъ выступаетъ енисейскій депутатъ Самойловичъ. Онъ проектировалъ вмѣнить опекунамъ въ обязанность оставшихся сиротъ женскаго пола „отдавать въ порядочные домы, гдѣ бы ихъ обучали закону Божію и приличествующимъ ихъ полу рукодѣліямъ“ [6]). Въ этихъ заявле-

---

[1]) Изъ городскихъ наказовъ только въ одномъ архангелогородскомъ имѣется косвенное указаніе на необходимость давать образованіе и женщинамъ, когда составители его съ грустью отмѣчаютъ, что купеческія дѣти „неучеными остаются, особливо жъ—женскій полъ“. Ibid. т. 123, стр. 464.

[2]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ, стр. 41.

[3]) Сб. Р. И. О. т. IV, стр. 231.

[4]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ, стр. 13—14.

[5]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ, стр. 13—14.

[6]) Сб. Р. И. О. т. VIII, стр. 161.

ніяхъ на первомъ планѣ стоятъ интересы обще-государственнаго порядка, и женщинѣ предлагается давать образованіе, свойственное ея полу, безъ различія ея сословнаго происхожденія. Слѣдовательно, то, что дѣлала Екатерина въ Петербургѣ, находило себѣ извѣстный откликъ и въ провинціи, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ вопросъ о женской школѣ въ нѣкоторой степени назрѣлъ, и гдѣ въ образованной женщинѣ видѣли своего рода факторъ умственнаго и нравственнаго прогресса страны.

На-ряду съ запросами на среднее образованіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во время производства выборовъ поставленъ былъ вопросъ и объ учрежденіи высшихъ учебныхъ заведеній. Конечно, громадное большинство русскаго общества середины XVIII вѣка о высшемъ образованіи и не думало, но въ тѣхъ районахъ, гдѣ культурный уровень былъ значительно выше средняго, потребность въ высшей школѣ ощущалась довольно настоятельно.

Такъ въ цѣломъ рядѣ малороссійскихъ наказовъ встрѣчаются просьбы объ учрежденіи университетовъ и академій. Переяславское шляхетство, отмѣчая въ своемъ наказѣ правительственныя заботы о насажденіи образованія въ странѣ, говоритъ о томъ, что „Ея Императорское Величество, яко премудрая матерь... соизволила въ разныхъ мѣстахъ своего государства завесть училища и учредить университеты на коштѣ государственномъ, для пользы юношества въ просвѣщеніи ихъ разума и достиженія разныхъ наукъ", и при этомъ сѣтуетъ на то, что „Малая Россія сего счастья въ полученіи еще не имѣетъ" [1]). Поэтому оно возложило на своего депутата обязанность всеподданнѣйше просить объ „учрежденіи въ Малой Россіи на коштѣ казенномъ изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ университета въ городѣ Переяславлѣ [2]). Объ основаніи „въ приличномъ мѣстѣ" университета или академіи ходатайствуютъ также глуховскіе и черниговскіе дворяне, при чемъ первые—желаютъ имѣть университетъ „ради свободныхъ нужнѣйшихъ наукъ" [3]); а по мнѣнію вторыхъ—высшая школа нужна „особо же для ученія высшимъ наукамъ и распространенія воспитаній, которыми ученые люди государственной и общественной каждаго пользѣ, въ домостроительствѣ и въ прочемъ, жизни человѣческой нужномъ, служить могутъ" [4]). Нельзя не подмѣтить въ этой аргументаціи сильной струи западнаго вліянія, которое шло, по всему вѣроятію, изъ сосѣдней Рѣчи Посполитой. Воз-

---

[1]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ, стр. 40.

[2]) Ibid., стр. 40.

[3]) и [4]) Ibid., стр. 6 и 14.

буждая ходатайство объ учрежденіи высшей школы въ Малой Россіи, украинское шляхетство указывало на громадное общегосударственное значеніе этого новаго культурнаго начинанія. „Сіе Высочайшее благопризрѣніе", читаемъ въ Переяславскомъ наказѣ, „имѣетъ служить къ безсмертной славѣ благодарности нашей и потомствъ нашихъ Ея Императорскому Величеству, Отечеству-жъ Россійскому къ приращенію истинной пользы и чести" [1]). Если малороссійское шляхетство чуть не повсемѣстно хотѣло имѣть у себя на Украйнѣ университеты, признавая ихъ важное гуманизирующее значеніе для всего общества, то великорусскіе дворяне нигдѣ въ своихъ наказахъ не высказывали подобнаго рода пожеланій. Только въ одномъ Орловскомъ уѣздѣ дворянство, говоря о широкомъ распространеніи въ народѣ различнаго рода болѣзней, просило „умножить медицинскіе университеты, гдѣ опредѣлить повелѣть довольное число молодыхъ людей, какъ своихъ природныхъ, такъ и малороссіанъ" [2]). Но въ этихъ словахъ ясно проглядываетъ строго практическая утилитарная точка зрѣнія, въ противоположность тому свѣтлому и возвышенному взгляду на знаніе вообще, которымъ обвѣяны почти всѣ малороссійскіе наказы.

V.

Наказы избирателей въ моментъ выборовъ 1767 года и заявленія депутатовъ во время преній въ Большой комиссіи не могли, конечно, пройти безслѣдно. Они должны были оказать неизбѣжно извѣстное вліяніе на членовъ тѣхъ малыхъ комиссій, которымъ поручено было составленіе проектовъ правъ различныхъ сословій. А въ эти проекты, какъ извѣстно, и отлились законодательные итоги Екатерининской комиссіи. Такимъ образомъ, чтобы уяснить себѣ, каковы были отклики на культурные запросы русскаго общества въ моментъ избирательной— кампаніи 1767 года, мы должны заглянуть въ эти проекты, сосредоточивъ свое вниманіе на тѣхъ ихъ отдѣлахъ и статьяхъ, которые говорятъ о школѣ и просвѣщеніи.

Проектъ правамъ благородныхъ, который, какъ извѣстно, не только былъ составленъ комиссіей о государственныхъ родахъ,

---

[1]) Наказъ малороссійскимъ депутатамъ, стр. 40.
[2]) Сб. Р. И. О., т. 68, стр. 525—526.

но даже подвергся обсужденію въ Большомъ собраніи, идя на встрѣчу многочисленнымъ заявленіямъ и избирателей, и депутатовъ, устанавливаетъ такое общее положеніе чисто нормативнаго характера: „Позволяется благороднымъ каждаго уѣзда, провинціи и губерніи заводить училища для дѣтей своихъ обоего пола" [1]). Права средняго рода жителей, подъ которыми, какъ извѣстно, подразумѣвали городскую торговопромышленную буржуазію, также были облечены въ форму отдѣльнаго законопроекта. Составленіе его было поручено кн. М. М. Щербатову, среди бумагъ котораго онъ и былъ найденъ. Въ заключительной части этого проекта въ слѣдующихъ выраженіяхъ говорится объ организаціи школьнаго дѣла въ городахъ: „Разсуждая, колико просвѣщеніе разума человѣческаго склоняетъ его сердце ко всякой добродѣтели и ко всему, что можетъ полезно отечеству быть, то учрежденіе школъ для мѣщанства, гдѣ бы дѣти оныхъ нужнымъ наукамъ учились и въ благонравіи преуспѣвали, за необходимо принадлежащее къ правамъ средняго рода людей почитаетъ" [2]). Эта статья носитъ явно декларативный характеръ, вѣроятно, потому, что мы имѣемъ дѣло не съ окончательной редакціей законопроекта, а лишь съ первоначальнымъ его текстомъ, принадлежащимъ перу кн. Щербатова. Проектъ правамъ третьяго или нижняго рода государственныхъ жителей дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: въ первоначальной, болѣе пространной, и окончательной, значительно болѣе краткой. Первоначальный или предварительный проектъ, составленный барономъ Унгернъ-Стернбергомъ, довольно много вниманія удѣляетъ вопросу о сельской школѣ.

Въ I составѣ его „о правахъ государственныхъ крестьянъ" читаемъ: „они имѣютъ право заводить публичныя училища для обученія своихъ дѣтей" [3]). II составъ его говоритъ о правахъ вольныхъ крестьянъ, которые, какъ видно изъ пар. 15, посредствомъ образованія могутъ даже переходить въ высшее общественное состояніе. „Они могутъ учредить училища для воспитанія своихъ дѣтей и отдавать ихъ для обученія наукамъ, купечеству или ремеслу, черезъ что обучившіеся наукамъ или выучившіе купечеству или ремеслу, само собой въ средній родъ вступаютъ" [4]). Наконецъ, въ III составѣ, который посвященъ

[1]) Ibid., т. 32, стр. 585. Проектъ правамъ благородныхъ. Ст. 42.
[2]) Щербатовъ, сочиненія, т. 1, стр. 149.
[3]) Сб. Р. И. О., т. 36, стр. 251.
[4]) Ibid., т. 36, стр. 256.

„правамъ крѣпостныхъ", о школахъ говорится въ 2-хъ параграфахъ. Въ первомъ изъ нихъ—45-мъ, читаемъ: „съ дозволенія и подъ присмотромъ помѣщика могутъ они въ пользу и для воспитанія своихъ дѣтей завесть училища во всѣхъ деревняхъ"; а вторымъ—46-мъ, на старшинъ возлагалась, между прочимъ, обязанность наблюдать, чтобы крестьяне „дѣтей обучали въ учрежденныхъ училищахъ" [1]).

Что же касается окончательной редакціи, подписанной всѣми членами комиссіи о государственныхъ родахъ, то во II главѣ ея „о правѣ ихъ личномъ" устанавливается слѣдующее общее положеніе: „они могутъ по учрежденію заводить училища для обученія дѣтей своихъ, а крѣпостные—съ позволенія своихъ помѣщиковъ" [2]). Не забыты были въ законодательной комиссіи о государственныхъ родахъ и казачьи войска. Ихъ права сведены были въ отдѣльномъ проектѣ, въ III-ей главѣ котораго имѣется, между прочимъ, одинъ параграфъ, касающійся устройства школъ среди казачьихъ войскъ. „Оные козаки", читаемъ мы въ немъ—„имѣютъ право въ селеніяхъ своихъ для обученія дѣтей своихъ на установленныхъ учрежденіяхъ заводить школы" [3]).

Всѣ эти статьи и параграфы въ достаточной мѣрѣ, по нашему мнѣнію, доказываютъ, что въ законодательной дѣятельности комиссіи 1767 года не забыто было и народное образованіе. Очевидно, тѣ культурные запросы, которые выдвинуты были со всѣхъ сторонъ и во время избирательной кампаніи, и въ разгаръ преній по тѣмъ или другимъ вопросамъ, возбужденнымъ въ Большомъ собраніи, имѣли громадное общественное значеніе. Если о школѣ и просвѣщеніи говорятъ лишь немногіе наказы и небольшое число депутатовъ, то мы этимъ смущаться не должны, разъ во всѣхъ изученныхъ нами законопроектахъ школьному законодательству отводится много вниманія. Очевидно, самъ вопросъ настолько могъ считаться назрѣвшимъ, что его ни въ коемъ случаѣ нельзя было снять съ очереди. Но изъ законодательныхъ предположеній частныхъ комиссій только самая ничтожная часть была проведена въ жизнь, что не могло не замедлить дальнѣйшаго культурнаго

---

[1]) Ibid., т. 36, стр. 269.

[2]) Ibid., т. 36, стр. 276.

[3]) Ibid., т. 36, стр. 238.

роста страны. Слова же Императрицы, помѣщенныя ею въ концѣ Большого наказа:—„Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на земли: намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго Я дожить не желаю“ [1])—оказались лишь красивымъ жестомъ, лишеннымъ всякаго реальнаго содержанія.

В. Бочкаревъ.

Москва, 8-го іюня 1914 года.

[1]) Наказъ Императрицы Екатерины II. Ст. 520.

Императоръ Александръ I-й и Родіонъ Александровичъ Кошелевъ [1]).

Въ числѣ лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ Императора Александра Павловича и имѣвшихъ на него большое вліяніе, однимъ изъ первыхъ былъ извѣстный мистикъ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ. „Къ сожалѣнію", какъ говоритъ біографъ Императора Александра I-го, Великій Князь Николай Михаиловичъ, „въ нашей литературѣ сохранилось мало свѣдѣній о Кошелевѣ, о его характерѣ, о его частной жизни и дѣятельности".

Краткія данныя его біографіи сводятся къ слѣдующему: „Р. А. Кошелевъ родился въ 1749 году, былъ записанъ десяти лѣтъ въ конную гвардію, произведенъ въ 1769 году въ корнеты, въ 1779 году назначенъ адъютантомъ (къ кому неизвѣстно), потомъ изъ ротмистровъ пожалованъ, при Павлѣ, въ камергеры и назначенъ 26 ноября 1796 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Копенгагенъ; отъ этой должности вскорѣ уволенъ и вышелъ въ отставку. Много путешествовалъ по Европѣ, познакомился съ Юнгъ-Штиллингомъ, съ Сенъ-Мартеномъ, Эккартстгаузеномъ, Сведенборгомъ, Лафатеромъ и друг. и поддерживалъ съ ними, по возвращеніи въ Россію, оживленную переписку.

„Кошелевъ былъ женатъ на сестрѣ мистика С. И. Плещеева и вступилъ подъ его вліяніемъ въ масонство; былъ пріятелемъ А. Ѳ. Лабзина, издателя „Сіонскаго Вѣстника". При воцареніи Александра I-го онъ сталъ дѣятельнымъ членомъ Библейскаго общества, былъ однимъ изъ его основателей и вице-

[1]) Великій Князь Николай Михаиловичъ. Императоръ Александръ I. Спб. 1912 г.

президентовъ; вскорѣ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи прошеній; 1-го января 1810 года назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, позднѣе оберъ-гофмейстеромъ".

„Въ 1811 году Кошелевъ познакомился съ княземъ А. Н. Голицынымъ въ Совѣтѣ и сблизился съ нимъ послѣ одной произнесенной имъ рѣчи о защитѣ христіанства и православія въ отвѣтъ на рѣчь Сперанскаго, когда большинство Совѣта высказалось противъ Голицына. Послѣ засѣданія Кошелевъ подошелъ къ князю и сказалъ ему:

„Почтенный князь, вы такъ превосходно защищали православное христіанство, такое раскрыли чистое ревнованіе вашего сердца, что мнѣ было бы очень пріятно покороче съ вами познакомиться; мало того, мнѣ бы даже хотѣлось заслужить ваши пріязнь и дружбу".

Съ тѣхъ поръ князь Голицынъ сталъ часто бывать у Кошелева, подружился съ нимъ и сильно подпалъ подъ его вліяніе. Государь, близкія отношенія коего къ князю Голицыну извѣстны, часто проводилъ свободное отъ занятій время съ нимъ и съ Кошелевымъ, и они бесѣдовали, втроемъ, на религіозныя темы, которыми съ теченіемъ времени Императоръ все болѣе и болѣе интересовался.

Кошелевъ посѣщалъ кружокъ избранныхъ лицъ, занимавшихъ по большей части видное положеніе, которыя собирались у Екатерины Филипповны Татариновой, жившей въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ происходили бесѣды на религіозныя темы, чтеніе священнаго писанія, пѣніе кантатъ и т. п., и подробно сообщалъ Императору Александру о происходившемъ на этихъ собраніяхъ, которыми Государь очень интересовался.

На почвѣ этихъ религіозныхъ бесѣдъ, этого исканія истины возникли и упрочились отношенія Кошелева къ Александру Павловичу; современники, или весьма немногіе изъ нихъ и не подозрѣвали объ ихъ частыхъ свиданіяхъ и перепискѣ. Кое-что изъ писемъ и записокъ Государя къ Родіону Александровичу, равно какъ и нѣкоторыя письма самого Кошелева къ Александру I, сохранились и напечатаны впервые въ приложеніяхъ къ труду Великаго Князя Николая Михаиловича: „Императоръ Александръ I-й".

Этихъ любопытныхъ документовъ сохранилось весьма немного; но все же рядъ записокъ Императора Александра къ Р. А. Кошелеву за разные годы, начиная съ 1811 года, свидѣтельствуетъ о томъ, что Кошелевъ пользовался весьма милостивымъ отношеніемъ Монарха и что со стороны Александра

Павловича потребность обмѣниваться съ нимъ мыслями была настолько велика и такъ вошла въ привычку Государя, что нерѣдко въ письмахъ къ Голицыну Государь приказывалъ ему передать ихъ на прочтеніе и Кошелеву, и выражалъ желаніе знать его мнѣніе.

Записочки Императора и отвѣтныя письма Кошелева писаны на французскомъ языкѣ; вполнѣ дружественный, откровенный тонъ записочекъ Государя и интимный характеръ затрогиваемыхъ имъ иной разъ вопросовъ говорятъ объ его откровенности съ Родіономъ Александровичемъ, по крайней мѣрѣ, въ первые годы ихъ сближенія.

Въ мартѣ 1811 года, на Страстной недѣлѣ Государь пишетъ Кошелеву:

„Благодарю васъ за выраженныя чувства и, какъ вы, я тоже возлагаю всю мою надежду на Промыселъ Божественнаго Существа. Когда увидимся, поговоримъ съ вами о содержаніи присланныхъ мнѣ вами отдѣльныхъ листовъ“...

25-го января 1813 года, изъ Плоцка, Александръ пишетъ: „...Какъ мнѣ пріятно узнать, что вы меня поняли. Моя вѣра чиста и ревностна. Съ каждымъ днемъ эта вѣра во мнѣ растетъ и крѣпнетъ, давая такого рода наслажденіе, которое было невѣдомо для меня. Но не думайте, что она зародилась послѣднее время: я уже нѣсколько лѣтъ искалъ этого пути. Чтеніе священнаго писанія, которое я зналъ весьма поверхностно, было для меня большимъ благомъ. То рвеніе, которое я испытываю, происходитъ отъ добросовѣстнаго исполненія завѣтной воли нашего Спасителя...

Отъ 25 апрѣля 1813 года, изъ Дрездена: „Глубокое спасибо за присылку чудной книги, которую я прочитываю съ жадностью. Я молю Создателя, чтобы это чтеніе сдѣлало меня болѣе достойнымъ ко всѣмъ милостямъ Провидѣнія“.

Наконецъ, 13 декабря 1815 года: „Прочелъ ваше письмо съ глубокимъ волненіемъ и спѣшу благодарить васъ за выраженныя чувства. Я обязанъ вамъ многимъ, потому именно, что вы меня навели на тотъ путь, по которому я теперь слѣдую убѣжденно, что привело къ достигнутому успѣху затѣяннаго дѣла при содѣйствіи Всевышняго. Но то, что еще осталось мнѣ сотворить для родины, вѣроятно, гораздо труднѣе достижимо, но это меня не пугаетъ, ибо, при помощи нашего Спасителя, я теперь считаю все возможнымъ и полагаюсь вполнѣ на Него“...

7 января 1818 г изъ Москвы Государь писалъ... „Теперь нѣсколько словъ по поводу пріѣзда въ Петербургъ М. А. Нарышкиной. Надѣюсь, что вы слишкомъ хорошо освѣдомлены о моемъ душевномъ состояніи, чтобы безпокоиться на мой счетъ. Скажу вамъ больше, если я еще считалъ бы себя свѣтскимъ человѣкомъ, то, право, здѣсь нѣтъ заслуги остаться равнодушнымъ къ особѣ, послѣ всего того, что она сотворила [1]".

Сохранилось еще нѣсколько коротенькихъ записокъ Государя, въ которыхъ онъ либо выражаетъ Кошелеву свое сожалѣніе по поводу того, что, занятый болѣе важными дѣлами, онъ не имѣетъ возможности бесѣдовать съ нимъ, либо назначаетъ ему часъ для свиданія.

Изъ двухъ болѣе длинныхъ писемъ отъ 19 и 26 марта 1818 г. изъ Варшавы, куда Государь прибылъ для открытія польскаго сейма, видно, насколько Государь дорожилъ мнѣніемъ Кошелева: тотчасъ по окончаніи торжества онъ поспѣшилъ сообщить Родіону Александровичу текстъ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи сейма, которой онъ придавалъ большое значеніе и о которой отзывъ Кошелева онъ хотѣлъ знать.

„Я испытываю потребность побесѣдовать нѣсколько минутъ съ вами и сообщить вамъ вкратцѣ о моемъ пребываніи въ Варшавѣ", писалъ Императоръ Кошелеву 19 марта. „Благодареніе нашему Божественному Спасителю, столь многомилостивому ко всѣмъ тѣмъ, кто къ Нему прибѣгаетъ отъ всего сердца, я пользуюсь тутъ гораздо большимъ спокойствіемъ, нежели въ Москвѣ и въ Петербургѣ... Господь сподобилъ меня распредѣлить время такъ, что послѣ обѣда я болѣе не выхожу и вечеромъ имѣю нѣсколько часовъ въ моемъ полномъ распоряженіи, кои я употребляю, разумѣется, на мое излюбленное чтеніе. Въ настоящее время я читаю „la Philosophie Chrétienne". По милости Божіей столь важное открытіе сейма прошло великолѣпно. Настроеніе умовъ превосходно; я радъ, что я выполнилъ въ отношеніи этого народа все то, что Спаситель вложилъ въ мое сердце. Посылаю вамъ рѣчь, произнесенную мною при открытіи сейма. Это одна изъ тѣхъ работъ, которую при моей неопытности и въ сознаніи трудности какъ моего положенія, такъ и того, что мнѣ предстояло произнести съ высоты Престола, впервые передъ лицомъ всей Европы, не легко было составить, но я обратился съ горячей мольбою къ Божественному Спасителю, Онъ услышалъ меня и дозволилъ, чтобы изъ-

---

[1]) Государь убѣдился въ ея невѣрности.

подъ моего пера вылилось то, что вы прочтете ниже, за весьма немногими поправками въ слогѣ, которыя я предоставилъ сдѣлать болѣе краснорѣчивымъ, нежели я. Вообще, все это засѣданіе было по истинѣ торжественно и трогательно по чувствамъ, имъ вызваннымъ. Не вхожу въ обсужденіе подробностей хода моихъ мыслей при составленіи рѣчи; сердце подскажетъ ихъ вамъ при внимательномъ чтеніи. И когда подумаешь, что Россія обращается съ этими словами къ тѣмъ, кого считали самыми злѣйшими нашими врагами, и, что съ высоты польскаго престола въ Варшавѣ говорятъ о принципахъ нашего Божественнаго законодателя и о христіанской морали, какъ не воспылать самой горячей благодарностью къ Нему! Я чувствую ее до глубины души, дорогой Родіонъ Александровичъ, и вы своимъ христіанскимъ сердцемъ почувствуете ее также какъ я. Вообще, послѣ нашей послѣдней бесѣды у васъ, я не умѣю достаточно выразить вамъ, до чего усилилось чувство нѣжнѣйшей моей дружбы къ вамъ и насколько въ тѣ мгновенія, когда я повергаю себя къ стопамъ нашего Божественнаго учителя, наше единеніе съ вами стало еще болѣе тѣснымъ".

Узнавъ Кошелева ближе, убѣдясь въ его преданности и готовности служить ему вѣрою и правдою, Императоръ, несмотря на то, что Родіонъ Алексадровичъ никакихъ служебныхъ отношеній не имѣлъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, поручилъ ему, въ 1811 году, вести переписку и сноситься отъ его имени, помимо канцлера, графа Румянцева, съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Густавомъ Оттоновичъ Штакельбергомъ и съ австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ Сенъ-Жюльеномъ.

Это входило въ особенную систему, усвоенную себѣ Императоромъ Александромъ Павловичемъ; онъ очень интересовался дѣлами внѣшней политики, входилъ во всѣ ея мелочи и, чтобы быть лучше освѣдомленнымъ, прибѣгнулъ къ своеобразному способу получать интересовавшія его свѣдѣнія помимо канцлера черезъ нѣкоторыхъ лицъ, пользовавшихся его особымъ довѣріемъ, съ которыми онъ самъ сносился письменно.

Сноситься такимъ образомъ съ Кошелевымъ было особенно удобно, такъ какъ Родіонъ Александровичъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и его частыя посѣщенія Императора и пересылка корреспонденціи могли быть не такъ замѣтны для постороннихъ лицъ.

Кромѣ переписки съ австрійскими дипломатами Кошелевъ вѣдалъ также испанскими дѣлами и велъ объ нихъ переписку

съ Зее де-Бермуденъ, испанцемъ, который часто бывалъ въ Петербургѣ и былъ представителемъ интересовъ короля Фердинанда VIII.

Съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Штакельбергомъ, Кошелева связывала дружба на почвѣ масонства; „въ нѣкоторыхъ письмахъ графа говорится о какихъ-то личностяхъ съ подставными фамиліями, которыя опредѣлить не удалось, но по смыслу дѣло идетъ о масонахъ, и въ связи съ ними о политикѣ".

Любопытно, что Кошелевъ и Румянцевъ, работавшіе каждый въ отдѣльности съ Императоромъ, были совершенно противоположныхъ взглядовъ и политическихъ симпатій; Кошелевъ былъ сторонникъ сближенія съ Австріей, только и мечталъ о коалиціи противъ Франціи, совѣтовалъ не нарушать мира съ Турціей; Румянцевъ былъ приверженцемъ Франціи, Императоръ Александръ не открывалъ ни тому, ни другому всѣхъ своихъ мыслей и плановъ и, выслушивая мнѣнія своихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ совѣтниковъ, принималъ рѣшенія самостоятельно, былъ „своимъ собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ", а канцлеру предоставлялъ только вести сношенія съ представителями иностранныхъ державъ.

Писемъ Кошелева, по которымъ можно было бы судить о томъ, насколько онъ былъ на высотѣ присвоенной ему роли дипломата, не сохранилось, но графъ Сенъ-Жюльенъ, съ которымъ онъ велъ переговоры въ Петербургѣ, характеризуетъ его въ своихъ донесеніяхъ Меттерниху какъ не особенно глубокаго политика; у него нѣтъ хитрости, необходимой для „политическаго дѣятеля", пишетъ графъ, „онъ не краснорѣчивъ, *довольно разсѣянъ*, „не можетъ сосредоточиться; его часто приходится наводить на сущность вопроса", но это человѣкъ, искренно желающій блага своей родинѣ, очень усердный, осторожный и сдержанный; онъ въ восторгѣ отъ того, что его другъ Штакельбергъ пользуется благосклонностью нашего двора, и видитъ одно спасеніе для Россіи въ сближеніи съ Австріей, которое онъ всегда будетъ пропагандировать, хотя бы цѣною всевозможныхъ жертвъ. Онъ увѣренъ въ нашей честности, и всякое заявленіе нашего кабинета для него свято; онъ ненавидитъ Францію и ея политику, во всемъ полагается на волю Провидѣнія, которое „всегда на сторонѣ праваго дѣла"; онъ англоманъ постолько, посколько торговля и субсидіи Великобританіи могутъ быть полезны Россіи".

Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ графъ де-Сенъ-

Жюльенъ подтверждаетъ мнѣніе о Кошелевѣ, сложившееся у него подъ первымъ впечатлѣніемъ. „Это человѣкъ мало способный", говоритъ австрійскій повѣренный въ дѣлахъ, „онъ не умѣетъ уклониться отъ обсужденія нежелательнаго для него вопроса, не обладаетъ даромъ вызвать собесѣдника на откровенность и не умѣетъ вывѣдать нужную для него тайну. Онъ теряетъ иногда нить разговора, слишкомъ вдается въ мелочи, кичится довѣріемъ, которое ему оказываетъ Монархъ, и не умѣетъ скрыть тщеславнаго удовольствія по поводу того, что ему довѣряютъ тайны, неизвѣстныя его сопернику, графу Румянцеву".

„Это просто-на-просто добрякъ, преданный своему Монарху, который уважаетъ его какъ честнаго человѣка",—резюмируетъ свои впечатлѣнія графъ де-Сенъ-Жюльенъ: „Надобно, однако, отдать ему справедливость, онъ ни разу не сказалъ мнѣ чего-либо отъ имени своего Монарха, чего не подтвердилъ бы мнѣ рано или поздно самъ Императоръ".

Интересно знать, какъ смотрѣлъ на Кошелева самъ Императоръ? Судя по отдѣльнымъ фразамъ и намекамъ, разсѣяннымъ въ письмахъ, можно догадываться, что хотя онъ признавалъ авторитетъ Кошелева въ вопросахъ религіи и нравственныхъ правилъ и подчинялся въ этомъ отношеніи его вліянію, но что касалось политики, Александръ I-й сохранялъ самостоятельность сужденій и относился довольно нервно къ критикѣ его мѣропріятій. Онъ считалъ Кошелева человѣкомъ честнымъ, вѣрилъ въ его безусловную преданность, вполнѣ полагался на его скромность, тѣмъ болѣе, что Кошелевъ велъ весьма уединенный образъ жизни и мало съ кѣмъ видѣлся, но повѣрялъ ему только то, что ему положительно нужно было знать для веденія порученныхъ ему дѣлъ—не болѣе. Кошелевъ это понималъ и называлъ себя „орудіемъ его (Императора) воли".

Когда отношенія съ Франціей ухудшились и можно было ожидать разрыва съ Наполеономъ, Александру важно было выяснить, какое положеніе займетъ въ случаѣ войны Австрія; не имѣлъ возможности часто бесѣдовать съ австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, графомъ де-Сенъ-Жюльеномъ, чтобы не вызвать нежелательныхъ толковъ, Государь, зная политическія симпатіи Кошелева — поручилъ ему вести съ нимъ дѣловые переговоры; онъ полагалъ, что де-Сенъ-Жюльену даны были обширныя инструкціи, и сомнѣвался въ томъ, чтобы Румянцеву, не внушавшему довѣрія австрійскому кабинету, удалось что-либо у него вывѣдать.

Кошелевъ поставилъ себѣ цѣлью „быть скорѣе полезнымъ, нежели пріятнымъ, ежели нельзя совмѣстить то и другое", какъ онъ писалъ однажды Императору, и согласно съ этимъ старался повліять на Александра I-го въ опредѣленномъ смыслѣ, хотѣлъ расположить его въ пользу союза съ Австріей и дѣлалъ не встрѣчавшія никакого поощренія попытки высказать Государю все то, что онъ считалъ политически необходимымъ.

Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 24 іюня 1811 года, онъ обращалъ вниманіе Государя „на необходимость держаться въ политикѣ извѣстной системы, чего онъ до сихъ поръ не видѣлъ"; на „необходимость постояннаго обсужденія политическихъ вопросовъ, во избѣжаніе несогласованныхъ дѣйствій, что могло быть вредно въ моментъ развитія надвигающихся важныхъ событій", на „необходимость воспользоваться драгоцѣннымъ временемъ для установленія будущаго плана дѣйствій и политическихъ союзовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ интересамъ"...

Излагая эти мысли, „какъ ему повелѣвала совѣсть", Кошелевъ выражалъ опасеніе, пойметъ ли Государь чистоту намѣреній, побудившихъ его высказать свой взглядъ, и высказывалъ единственное желаніе, чтобы „Государь вышелъ съ честью изъ ложнаго положенія, въ какое его поставилъ рядъ прискорбныхъ событій и ошибочныхъ расчетовъ".

Поставленный въ положеніе какъ бы антагониста канцлера, Кошелевъ не всегда умѣлъ держать себя такъ, какъ повелѣвало щекотливое положеніе негласнаго совѣтника Императора; и позволялъ себѣ иногда высказывать о немъ весьма рѣзкія сужденія, выраженныя при томъ въ довольно грубой формѣ. Указывалъ Императору на то, что канцлеръ не пользовался довѣріемъ кабинетовъ за исключеніемъ одного Тюильрійскаго, Р. А. писалъ:

„Такое необычайное положеніе вещей весьма прискорбно и очень затрудняетъ переговоры первостепенной важности".

Чувствуя однако, что нападки на гр. Румянцева могли имѣть оттѣнокъ чего-то личнаго, Кошелевъ спѣшитъ прибавить, что онъ „не только не стремится быть преемникомъ графа Румянцева, и что если бы даже ему было предложено стать во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, то онъ отказался бы отъ этого, не чувствуя въ себѣ ни смѣлости, ни способности, взять на себя столь трудную задачу".

Ничего подобнаго не приходило Императору въ мысли.

Въ своихъ нападкахъ на канцлера Кошелевъ перешелъ границы допустимаго и заслужилъ однажды рѣзкую отповѣдь со стороны Императора.

„Когда обнаглѣвшій министръ упорствуетъ въ своемъ намѣреніи провести дѣло несуразное съ дипломатической точки зрѣнія и неприличное съ точки зрѣнія политической, и вопреки одобренію монарха позволяетъ себѣ внести дѣло на обсужденіе общаго собранія Совѣта, помимо департамента политической экономіи, когда онъ настаиваетъ на своемъ дотого, что вслѣдъ за чтеніемъ его проекта, ему удается огласить рескриптъ, заготовленный умышленно противъ воли монарха, что къ сожалѣнію не ускользнуло отъ вниманія всѣхъ членовъ Совѣта, что долженъ дѣлать человѣкъ глубоко преданный отечеству, свято исполняющій свой долгъ, ревниво оберегающій славу монарха, который, служа ему, ведетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ непрестанную борьбу ради достиженія благопріятныхъ результатовъ и улучшенія тяжелаго и ложнаго положенія, въ какое поставлена наша политика рядомъ злополучныхъ событій, и невѣроятныхъ шаговъ? Повергая этотъ вопросъ къ подножію Престола, я осмѣливаюсь повергнуть его на справедливое возрѣніе Вашего Величества.

„Я руководствовался всегда патріотическими побужденіями, кои не вредятъ дѣлу, и полагаю, что въ этомъ отношеніи я не нуждаюсь ни въ какихъ гарантіяхъ передъ лицомъ Вашего Величества. Поэтому я не скрою отъ Вашего Величества, что третьяго дня, выходя изъ Совѣта, движимый Божественнымъ Промысломъ, я былъ готовъ принять самыя крайнія рѣшенія".

„Не скрою отъ васъ, отвѣчалъ ему Императоръ, что содержаніе вашей записки и тѣ выраженія, въ какихъ вы отзываетесь о канцлерѣ, крайне удивили меня... Вы жестоко ошибаетесь, полагая, что въ Совѣтъ можетъ быть внесено какое-либо дѣло, не соотвѣтствующее моимъ намѣреніямъ. Позвольте вамъ замѣтить, что я не могу, во сколько-нибудь важномъ дѣлѣ, руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ однимъ вашимъ мнѣніемъ; для меня можетъ иногда быть важно подвергнуть вопросъ обсужденію; вообще, я уже неоднократно имѣлъ удовольствіе высказать вамъ, что я намѣренъ руководствоваться въ своихъ поступкахъ единственно моимъ собственнымъ мнѣніемъ, а не мнѣніемъ другихъ лицъ, вы же, какъ и прочіе, благоволите сообразоваться съ этимъ".

Твердо и рѣшительно заявленная воля Государя и высказанное имъ неудовольствіе глубоко огорчили Кошелева; онъ

поспѣшилъ заявить о своей готовности подчиниться волѣ Государя, которая всегда была для него священна; но нѣсколько времени спустя онъ просилъ объ увольненіи его въ отставку, приложивъ къ письму нижеслѣдующее прошеніе:

„Всемилостивѣйшій Государь! Домашнія обстоятельства, требующія въ крайне умѣренномъ состояніи моемъ большого поправленія, а болѣе еще разстроенное здоровье, принуждаютъ меня повергнуть себя къ престолу и всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просить о Высочайшей, и въ настоящемъ положеніи моемъ и единственной, милости всемилостивѣйше уволить меня отъ службы.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь и проч.“

Отставка Кошелева принята не была, онъ продолжалъ нести обязанности довѣреннаго лица.

Весьма естественно, что близость Кошелева къ Государю, частая между ними переписка и постоянныя совѣщанія съ иностранными дипломатами возбудили неудовольствіе и зависть близкихъ ко двору лицъ, которыя не могли объ этомъ не знать.

Вообще говоря, „противъ дѣйствій и помышленій русскихъ мистиковъ, стоявшихъ у власти и имѣвшихъ вліяніе на Государя, ожесточало многихъ отсутствіе и невозможность критики ихъ дѣйствій, такъ какъ цензура была сосредоточена въ тѣхъ же рукахъ князя Голицына и его сотрудниковъ и единомышленниковъ“.

Кошелевъ предвидѣлъ, что онъ станетъ объектомъ происковъ и интригъ. Въ чемъ обвиняли Кошелева его завистники, какого рода были „навѣты“, жертвою которыхъ онъ сдѣлался, изъ писемъ не видно, но онъ все чаще и чаще сталъ жаловаться на нихъ Государю и „повергая себя къ стопамъ Его Величества“ и „къ подножію его престола“, указывалъ на трудность нести при этихъ условіяхъ свои обязанности и просилъ „освободить его хотя бы отъ нѣкоторыхъ должностей или уволить его совсѣмъ въ отставку, „въ томъ и другомъ случаѣ оказавъ ему для пользы службы какой-либо знакъ благоволенія, „дабы въ глазахъ кабинетовъ и лицъ, удостоивающихъ его своимъ довѣріемъ, его увольненіе не носило характера опалы“.

„По тому, что я дѣлалъ, говорилъ и писалъ, я могъ иной разъ быть непріятенъ, но я не могу думать, чтобы я въ чемъ-либо провинился“—такъ заканчивается одно изъ писемъ Кошелева.

„Подвергаясь тайнымъ кознямъ, въ которыхъ я не могу разобраться, я предпочитаю откровенно сказать объ этомъ В. В., писалъ Кошелевъ другой разъ. Бывъ принципіально чуждъ

всему, что напоминаетъ хоть тѣнь интриги, я чувствую себя столь чистымъ въ своихъ намѣреніяхъ и могущимъ разстроить всѣ недоброжелательныя козни, что передъ лицомъ Владыки Небеснаго я почитаю себя обязаннымъ все разъяснить и обѣлить себя передъ Владыкою земнымъ"...

Изъ переписки не видно, какъ отнесся къ обвиненіямъ Кошелева Императоръ; какъ бы то ни было, его аудіенціи стали рѣже, проходило два и болѣе мѣсяца, что онъ не могъ получить просимаго имъ свиданія и, не имѣя руководящихъ указаній, затруднялся вести возложенные на него переговоры. Надобно конечно принять во вниманіе и то обстоятельство, что Императоръ былъ въ это время поглощенъ назрѣвавшимъ конфликтомъ съ Наполеономъ.

Государь однако не лишилъ Р. А. Кошелева своего довѣрія; въ 1812 году ему было поручено, совмѣстно съ нѣкоторыми другими лицами, разсмотрѣть бумаги Сперанскаго, и въ томъ же году онъ былъ уволенъ, наконецъ, отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ въ видѣ пенсіи получаемаго имъ оклада. Съ тѣхъ поръ его зрѣніе, на которое онъ давно жаловался, стало сильно слабѣть, и Кошелевъ предался исключительно мистицизму, пропагандируя свои идеи въ петербургскомъ обществѣ.

Но и нѣсколько лѣтъ спустя Александръ Павловичъ помнилъ о Кошелевѣ и интересовался его мнѣніямъ.

Будучи на конгрессѣ въ Лайбахѣ, взволнованный и напуганный революціонными волненіями, вспыхнувшими въ Италіи, и извѣстіями о тайныхъ обществахъ, распространившихся по всей Европѣ, Александръ Павловичъ писалъ князю А. Н. Голицыну [1]):

„Изъ писемъ вашихъ и Кошелевскихъ порученій я усматриваю критику той политической системы, какой я нынче придерживаюсь... ваше порицаніе можетъ быть объяснено развѣ только страхомъ и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будетъ имѣть успѣха. Но когда внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что это твореніе врага, то опасеніе за разрѣшеніе игры со зломъ не умѣстно. Не есть ли это долгъ христіанина бороться противъ врага и его дьявольскаго творенія всѣми тѣми средствами, которыя даны намъ Божьимъ Промысломъ?.. Не писалъ ли мнѣ неоднократно Кошелевъ въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ, что надо мнѣ бороться до конца? Теперь мы находимся приблизительно въ такомъ же положеніи, а я

---

[1]) Письмо очень длинное; Императоръ, занятый конгресомъ, писалъ его понемногу въ теченіе цѣлой недѣли, съ 8 по 15 февраля 1821 года.

вамъ говорю, что въ еще болѣе опасномъ, потому что тогда борьба велась противъ разрушительнаго деспотизма Наполеона, а настоящія доктрины куда болѣе могуче дѣйствуютъ на толпу, чѣмъ то военное иго, которымъ онъ держалъ ее въ рукахъ".

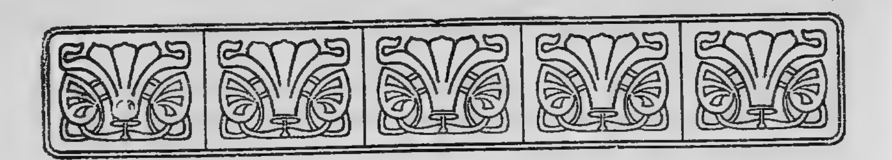
Кошелевъ скончался въ 1827 году, 78 лѣтъ.

Узнавъ о его кончинѣ, извѣстный ханжа, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій записалъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я сижу въ глубинѣ безмолвія и уединенія и молю Господа, да изведетъ во свое время на дѣло свое человѣка Божія подкопамъ взорвати дно глубинъ сатанинскихъ, содѣянныхъ въ тайныхъ вертепахъ—тайныхъ обществъ вольтеріанцевъ, франкмасоновъ, мартинистовъ, и сокрушитъ главу седмяглаваго змія треклятаго иллюминатства, его же жрецъ или магъ недавно, въ день святого Георгія, двадесятъ шестого дня Ноемврія, позванъ на судъ къ Господу".

„Очевидно", говоритъ Великій Князь Николай Михаиловичъ, „пронырливый архимандритъ и всегдашній другъ Аракчеева отлично сознавалъ, что со сцены сошелъ человѣкъ, который долгое время, совмѣстно съ княземъ Голицынымъ, Лабзинымъ и многими другими, былъ бѣльмомъ въ глазу у Фотія въ Александровскія времена".

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

X [1]).

Назначеніе барона Штиглица управляющимъ государственнымъ банкомъ и Е. И. Ламанскаго товарищемъ управляющаго.—Характеристика барона Штиглица.—Дѣятельность Е. И. Ламанскаго по организаціи внутренняго распорядка въ государственномъ банкѣ и по усовершенствованію техники его операцій.—Отношеніе высшихъ государственныхъ установленій къ реформамъ въ банковомъ производствѣ. — Генералъ-адъютантъ Чевкинъ.—М. Х. Рейтернъ.

Въ началѣ іюля 1860 года преобразованный изъ коммерческаго государственный банкъ открылъ свои операціи.

Еще въ періодъ разработки устава банка передъ высшимъ финансовымъ управленіемъ возникъ вопросъ: кого поставить во главѣ преобразуемаго банка. Являясь въ печати поборникомъ учрежденія акціонернаго банка съ правомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, лично я естественно придерживался взгляда о необходимости назначенія на должность управляющаго такого банка опытнаго банкира, который былъ бы главнымъ руководителемъ задуманнаго нами центральнаго кредитнаго учрежденія. Кандидатъ на этотъ постъ въ моихъ глазахъ намѣчался самъ собою.

Дѣло въ томъ, что съ переходомъ управленія министерствомъ финансовъ отъ Брока къ Княжевичу и съ назначеніемъ Гагемейстера на должность директора кредитной канцеляріи на петербургской биржѣ возникли слѣдующія обстоятельства. Банкирскій домъ барона Штиглица, бывшаго въ то время единственнымъ и исключительнымъ банкиромъ русскаго правительства, давно уже возбуждалъ къ себѣ зависть со стороны дру-

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1915 г.

гихъ болѣе второстепенныхъ банкирскихъ домовъ. Пылкій по характеру Гагемейстеръ, не выносившій несправедливости такого положенія дѣлъ, желалъ уничтожить монополію барона Штиглица созданіемъ въ противовѣсъ ему другого могущественнаго банкирскаго дома. Въ то время обращала на себя вниманіе банкирская фирма Капгера, переселившагося незадолго передъ тѣмъ изъ Гамбурга. Домъ этотъ, хотя и имѣлъ за собою репутацію сомнительнаго свойства, такъ какъ испыталъ, во время своей дѣятельности за границею, нѣсколько банкротствъ, по которымъ, впрочемъ, расплатился, тѣмъ не менѣе являлся для Гагемейстера возможнымъ соперникомъ Штиглица. Помимо Штиглица правительство обратилось въ первый разъ къ Капгеру съ порученіемъ заключить въ Лондонѣ заемъ за счетъ русскаго правительства. Попытка эта, къ сожалѣнію, не сопровождалась ожидаемымъ успѣхомъ, но съ своей стороны баронъ Штиглицъ, видя какъ бы принятое правительствомъ рѣшеніе оставлять его въ сторонѣ, уже задумалъ планъ о прекращеніи своихъ дѣлъ въ Петербургѣ и даже о совершенномъ выселеніи за границу. Такимъ образомъ, въ моментъ реформы государственнаго банка баронъ Штиглицъ былъ, такъ сказать, наканунѣ отъѣзда изъ Россіи. Связанный дружбою и давнишними отношеніями съ бывшимъ государственнымъ канцлеромъ Нессельроде и выступавшимъ уже тогда кандидатомъ въ министры финансовъ Рейтерномъ, онъ, по моему мнѣнію, естественно представлялъ изъ себя наиболѣе удобное лицо для того, чтобы занять вновь открывшуюся должность управляющаго государственнымъ банкомъ.

Я сообщилъ о своихъ предположеніяхъ Рейтерну, который вполнѣ одобрилъ мою мысль и рѣшился дѣйствовать для приведенія ея въ исполненіе. Какъ ни трудно было уговорить барона Штиглица, Рейтернъ, благодаря связямъ съ Нессельроде, достигъ общежелаемой цѣли. Старикъ Нессельроде устроилъ у себя на Каменномъ острову (это было лѣтомъ) обѣдъ, на который пригласилъ Рейтерна, Гагемейстера и меня для совокупнаго убѣжденія барона Штиглица занять новообразуемое мѣсто управляющаго государственнымъ банкомъ. Онъ сперва было отказывался, но когда ему сообщили, что товарищемъ управляющаго предполагается назначить меня съ порученіемъ мнѣ ближайшаго завѣдыванія администраціею банка и операціями и что такимъ образомъ на немъ будетъ лежать лишь главное руководство дѣятельностью новаго кредитнаго учрежденія, баронъ Штиглицъ принялъ условно сдѣланное нами предложеніе. Прин-

ципіальнымъ согласіемъ Штиглица достигнута была первая часть нашей задачи. Предстояло преодолѣть главное затрудненіе: склонить къ осуществленію нашего предположенія самого министра финансовъ—А. М. Княжевича, побудивъ его обратиться съ соотвѣтствующею просьбою непосредственно къ Штиглицу. За устройство этого дѣла взялся я и на другой же день при свиданіи съ министромъ финансовъ убѣдилъ его написать барону Штиглицу письмо съ просьбою вступить въ управленіе государственнымъ банкомъ совмѣстно со мною.

Баронъ Штиглицъ не былъ такъ плохъ и глупъ, какъ многіе объ этомъ говорили; но онъ отличался чрезвычайно узкимъ горизонтомъ и носилъ слѣды дурного коммерческаго воспитанія. Вступивъ въ управленіе банкомъ, онъ относился съ полнымъ сознаніемъ долга и добросовѣстностью къ принятымъ на себя обязанностямъ. При этомъ завѣдываніе всѣми внутренними распорядками банка онъ предоставилъ мнѣ и не вмѣшивался ни въ назначеніе лицъ, ни въ форму книгъ, счетовъ и т. д. Отношенія между мною и барономъ Штиглицемъ были самыя хорошія и вполнѣ любезныя, несмотря на разныя интриги чиновниковъ, которые безуспѣшно пытались раздѣлить насъ.

Дѣятельность моя по введенію новыхъ пріемовъ въ производство банковыхъ операцій, начатая еще въ бытность мою старшимъ директоромъ коммерческаго банка, продолжалась и по преобразованіи послѣдняго въ государственный банкъ. О прямомъ противодѣйствіи моимъ мѣропріятіямъ со стороны подчиненныхъ мнѣ банковыхъ служащихъ не могло быть, конечно, и рѣчи, но все же мнѣ приходилось выдерживать борьбу съ установившеюся въ теченіе долгихъ лѣтъ рутиною.

Такъ однажды, когда изъ казначейства поступило въ одинъ пріемъ до двухъ милліоновъ рублей, старикъ кассиръ Иванъ Ивановичъ Жуковъ, прослужившій въ коммерческомъ банкѣ 50 лѣтъ, говоритъ мнѣ: „Ваше превосходительство, нельзя принять въ одинъ день такой суммы". Я ему спокойно отвѣтилъ: „Пожалуйста никогда мнѣ этого не говорите; сколько бы вамъ ни принесли денегъ—20, 30, 200 милліоновъ — вы все должны принять. Если у васъ не хватаетъ счетчиковъ, увеличьте ихъ составъ".

Даже такая обычная операція, какъ учетъ векселей, встрѣчала на первыхъ порахъ большія затрудненія. Ни одинъ изъ директоровъ банка понятія не имѣлъ о томъ, что такое вексселя, какія они даютъ права и возлагаютъ обязанности. Прежде среди купечества нерѣдко считалось стыдомъ пойти въ ком-

мерческій банкъ; многіе купцы, покупая товаръ подъ векселя, ставили условіемъ, чтобы векселя не предъявлялись въ банкъ къ учету. Самый учетъ векселей въ коммерческомъ банкѣ носилъ чисто формальный характеръ. Размѣры вексельнаго кредита были заранѣе установлены въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой гильдіи, при чемъ купцы 1-й гильдіи пользовались кредитомъ до 50 тыс. руб., 2-й гильдіи— до 30 тыс. руб. и 3-й — до 15 тыс. руб. Обычно векселя представлялись въ банкъ особыми маклерами и безпрекословно принимались къ учету директорами банка, которые не давали себѣ даже труда оцѣнить внутреннее достоинство векселя, подписей на немъ и т. д. Получая за свое посредничество огромныя деньги, маклера естественно стремились отблагодарить администрацію банка и, по обычаю, ежегодно на Казанскую Божью Матерь (22 октября) устраивали обѣдъ для высшихъ чиновниковъ министерства финансовъ. Такимъ образомъ, изъ своей прибыли, достигавшей, быть можетъ, 80 тыс. руб. въ годъ, они расходовали тысячъ около 10 на обѣдъ, который удостоивали своимъ присутствіемъ и самъ Княжевичъ и директора. Обѣды эти были мною отмѣнены; при мнѣ состоялся только одинъ такой обѣдъ. Какъ только я началъ свою дѣятельность въ банкѣ, первая бумага была послана маклерамъ съ увѣдомленіемъ, чтобы они больше не приходили въ банкъ, который началъ принимать къ учету векселя непосредственно отъ ихъ обладателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было циркулярно объявлено, что всѣ желающіе имѣть дѣло съ банкомъ по учету векселей, должны обращаться въ правленіе банка къ управляющему и представлять рекомендацію двухъ извѣстныхъ лицъ. И всѣ купцы начали съ тѣхъ поръ, минуя посредниковъ, прямо обращаться къ услугамъ банка.

Чековая операція была вовсе незнакома коммерческому банку; многіе находили, что такой способъ расплаты совершенно невозможенъ. Тѣмъ не менѣе введенное мною, по образцу иностранныхъ банковъ, чековое обращеніе прочно привилось и распространилось въ нашемъ торгово-промышленномъ обиходѣ.

Въ отношеніи снабженія отдѣльныхъ учрежденій государственнаго банка кредитными билетами мною была изобрѣтена нигдѣ въ то время не извѣстная система. Въ каждомъ учрежденіи банка, кромѣ оборотной кассы, установлены были особые бумажные запасы. Благодаря этому, усиленіе нуждающагося въ кредитныхъ билетахъ учрежденія банка за счетъ изобилующаго этими билетами учрежденія могло быть осуществлено безъ

пересылки билетовъ изъ одной кассы въ другую. Такъ, напримѣръ, если въ Одессѣ необходимо подкрѣпить кассу на 20 милліоновъ руб. кредитныхъ билетовъ и если въ то же время въ Москвѣ наличность кассы можетъ быть сокращена на тѣ же 20 милл. руб., то управляющему банкомъ достаточно сдѣлать распоряженіе по телеграфу, чтобы въ первомъ изъ этихъ городовъ необходимая сумма была переведена изъ запасовъ въ оборотную кассу, а, во второмъ, напротивъ, та же сумма была бы обращена изъ оборотной кассы въ запасъ. Пока кредитные билеты лежатъ въ запасѣ, они не являются деньгами и, слѣдовательно, приведенная операція, устраняя необходимость перевозки кредитныхъ билетовъ изъ одной банковой кассы въ другую, въ то же время не измѣняетъ общаго количества находящихся въ обращеніи денежныхъ знаковъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что отдѣльнымъ банковымъ учрежденіямъ ввѣряется храненіе значительныхъ суммъ кредитныхъ билетовъ, которыми они въ состояніи воспользоваться по своему усмотрѣнію безъ прямого распоряженія управляющаго. Однако, возможность подобнаго рода случаевъ предупреждается наличностью строгаго контроля. Прежде всего, запасы кредитныхъ билетовъ могутъ быть вскрыты не иначе, какъ управляющимъ соотвѣтствующаго банковаго учрежденія совмѣстно съ кассиромъ и контролеромъ. Затѣмъ, всѣмъ находящимся въ запасѣ билетамъ, которые большею частью новые и хранятся въ пачкахъ, всегда извѣстенъ счетъ. Наконецъ, управляющій банкомъ можетъ въ любое время сдѣлать распоряженіе по телеграфу о повѣркѣ кассы и запасовъ полнымъ составомъ служащихъ даннаго учрежденія, начиная съ младшихъ чиновъ. При такой повѣркѣ всякая неправильность кѣмъ-нибудь да будетъ обнаружена.

Самый порядокъ выпуска кредитыхъ билетовъ претерпѣлъ существенныя измѣненія. Въ прежнее время бумажные денежные знаки выпускались экспедиціею кредитныхъ билетовъ, подчиненною непосредственно министру финансовъ, при чемъ находившіеся въ народномъ обращеніи кредитные билеты не имѣли никакого соотношенія съ балансомъ коммерческаго банка. Съ учрежденіемъ же государственнаго банка экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ была присоединена къ банку, на который перешли вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ ея обязанности по выпуску и обмѣну кредитныхъ билетовъ. Практическое послѣдствіе этой мѣры заключалось въ томъ, что выпуски кредитныхъ билетовъ для надобностей казны должны были про-

изводиться не государственнымъ казначействомъ, а государственнымъ банкомъ, заносившимъ соотвѣтствующую сумму долгомъ государственнаго казначейства. Министерство финансовъ становилось какъ бы заинтересованнымъ въ скорѣйшемъ погашеніи выпущенныхъ для государственныхъ надобностей кредитныхъ билетовъ, дабы уменьшить свой долгъ государственному банку.

Одновременно съ этимъ предоставленная банку привилегія хранить на текущемъ счету всѣ наличныя свободныя суммы государственнаго казначейства значительно облегчила переводъ денежныхъ средствъ изъ одного казначейства въ другое, устранивъ необходимость широко прежде примѣнявшейся пересылки кредитныхъ билетовъ на подводахъ.

Я первый ввелъ въ банкѣ систему единства кассы, давшую толчекъ къ осуществленію соотвѣтствующаго преобразованія въ области нашего государственнаго хозяйства.

Всѣ инструкціи по банковымъ операціямъ и дѣлопроизводству были собственноручно мною написаны. Счетоводство и книги я завелъ такія же, какъ во французскомъ банкѣ (двойная бухгалтерія, балансъ и т. д.).

Организація низшихъ служащихъ банка (счетчиковъ и др. была мною поставлена на артельныя начала и, такимъ образомъ, банковская администрація освобождена была отъ необходимости выбирать людей для замѣщенія многихъ сотенъ второстепенныхъ, но тѣмъ не менѣе требующихъ безусловной честности и добросовѣстности должностей, такъ какъ артельщики, отвѣчая другъ за друга, сами принимаютъ въ свою среду новыхъ членовъ.

Словомъ, пришлось вводить въ банкѣ, въ 60-хъ годахъ, европейскіе нравы.

На-ряду съ проводимыми реформами необходимо было энергично упразднять различные, усвоенные въ прежнее время, обычаи, налагавшіе тѣнь на служащихъ въ банкѣ. Какъ извѣстно, размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото не былъ окончательно пріостановленъ послѣ войны; въ отдѣльныхъ случаяхъ по мѣрѣ надобности и отчасти въ зависимости отъ усмотрѣнія кассировъ, кредитные билеты обмѣнивались на золото. За эту-то услугу и приносилась обычно благодарность кассиру и его помощнику въ видѣ присылаемыхъ къ празднику подарковъ. Самъ баронъ Штиглицъ за два года передъ своимъ вступленіемъ въ управленіе государственнымъ банкомъ подарилъ кассиру карету. Короче сказать, это была общая привычка, отъ которой надо было отучить.

Справедливость требуетъ при этомъ отмѣтить, что всѣ проводившіяся въ банкѣ преобразованія встрѣчали сочувствіе со стороны высшихъ государственныхъ установленій. Даже такой человѣкъ, какъ генералъ-адъютантъ Чевкинъ, предсѣдатель департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта и членъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, не вмѣшивался въ дѣла банка. Несмотря на свой формализмъ и тяжелый вообще характеръ, Чевкинъ, знавшій меня хорошо по географическому обществу, довѣрялся мнѣ въ моихъ начинаніяхъ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Чевкинъ отличался чрезвычайною мелочностью. Такъ разсказывали, что когда главное общество желѣзныхъ дорогъ назначило главнымъ производителемъ работъ по постройкѣ желѣзнодорожныхъ линій Колиньона съ присвоеніемъ ему званія генералъ-аншефа, Чевкинъ былъ этимъ крайне недоволенъ, находя, что названіе это подрываетъ его авторитетъ, какъ главнаго начальника путейскаго вѣдомства. Недаромъ Перейра, имѣвшій массу непріятностей съ Чевкинымъ по образованію того же главнаго общества, говорилъ мнѣ съ досадою, что турецкій султанъ обладаетъ Босфоромъ, а Русскій Императоръ, къ сожалѣнію, Босфортомъ (Чевкинъ былъ горбатъ).

Въ 1867 году, послѣ оставленія банка барономъ Штиглицемъ я былъ назначенъ управляющимъ государственнымъ банкомъ и состоялъ въ этой должности до середины 1881 года. Такимъ образомъ, большая часть моей службы въ банкѣ совпала съ временемъ пребыванія во главѣ министерства финансовъ М. Х. Рейтерна. Отношенія между мною и этимъ просвѣщеннымъ министромъ были всегда самыя хорошія. Отличаясь нѣкоторымъ упрямствомъ, Рейтернъ имѣлъ за собою и крупныя нравственныя качества; изъ нихъ я особенно цѣнилъ одно: убѣдившись въ достоинствѣ человѣка, онъ становился на рѣдкость вѣрнымъ другомъ. Въ доказательство искренности нашихъ отношеній съ Рейтерномъ я приведу случай, имѣвшій мѣсто въ 1863 году, тотчасъ по прекращеніи открытаго въ 1862 году размѣна на золото кредитныхъ билетовъ. Въ это время для исправленія пошатнувшагося вексельнаго курса начались разныя биржевыя махинаціи, неизвѣстныя банку и осуществлявшіяся при посредствѣ предсѣдателя Петербургскаго биржевого комитета Брандта. Этотъ послѣдній, возмечтавъ, повидимому, что онъ можетъ управлять даже дѣлами государственнаго банка, пріѣзжаетъ какъ-то ко мнѣ и заявляетъ: „Я хочу съ вами переговорить. Вы должны свободнѣе производить учетъ;

я вамъ скажу, кому слѣдуетъ давать деньги и кому не слѣдуетъ". Я ему на это отвѣтилъ: „Убирайтесь къ чорту. Дѣлайте сами, что хотите, а въ банкѣ хозяинъ я". Онъ тогда отправился къ министру финансовъ, а я написалъ Рейтерну, что или я отвѣчаю за веденіе банковскихъ операцій, или пусть онъ поручитъ завѣдываніе ими Брандту, а я дѣлать того, что хочетъ Брантъ, не желаю. Министръ сейчасъ же просилъ меня пріѣхать къ себѣ; въ происшедшемъ между нами разговорѣ я, между прочимъ, сказалъ: „въ банкѣ я считаю себя хозяиномъ; вы ваши вексельныя операціи ведите какъ хотите, а за дѣятельность банка я ручаюсь и никому постороннему не позволю входить въ мои распоряженія". Рейтернъ меня ласково успокоилъ и вполнѣ согласился съ моимъ взглядомъ на нежелательность какого бы то ни было посторонняго вмѣшательства въ дѣла банка. Инцидентъ этотъ былъ, такимъ образомъ, благополучно исчерпанъ.

XI.

Дѣятельность государственнаго банка въ первые два года его существованія.—Выпускъ 4% металлическихъ билетовъ.—Взглядъ барона Штиглица на эти билеты.—Паденіе курса кредитнаго рубля и мѣры къ предотвращенію отлива размѣнной монеты за границу.—Чеканка серебряной монеты 72 пробы во Франціи.—Недостаточность произведеннаго въ 1860 году пониженія цѣнности размѣнной монеты.—Предложеніе проф. Н. Х. Бунге о выпускѣ мелкихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ.—Проектъ Е. И. Ламанскаго о пониженіи стоимости размѣнной монеты до 50% нарицательной ея цѣны.—Операціи барона Штиглица по поддержанію курса кредитнаго рубля.

Съ учрежденіемъ государственнаго банка, на него перешла обязанность по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Нѣкоторое упрощеніе въ это дѣло внесено было произведеннымъ въ 1860 году разборомъ спеціальныхъ капиталовъ отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденій. Какъ извѣстно, при Императорѣ Николая Павловичѣ, каждое вѣдомство располагало многочисленными капиталами и доходами, которые, за покрытіемъ упадавшихъ на нихъ расходовъ, передавались, обычно, на храненіе, въ видѣ вкладовъ, въ государственныя кредитныя установленія. Происхожденіе большинства вкладовъ этого рода носило характеръ явныхъ злоупотребленій: всѣ остатки отъ кредитовъ по какому-либо учрежденію не возвращались въ концѣ года въ государственное казначейства, а обращались какъ бы въ собственность этого учрежденія. Такъ постепенно образовались вклады: на диспозицію того или другого мини-

стра, на устройство парка военнаго министра и т. д. Преобразователь нашей смѣтной, кассовой и ревизіонной системы В. А. Татариновъ первый обратилъ вниманіе на ненормальность подобныхъ порядковъ, и засѣдавшая подъ его предсѣдательствомъ комиссія, въ которую былъ приглашенъ и я, установила для государственныхъ доходовъ и расходовъ примѣненную уже ранѣе къ операціямъ государственнаго банка систему единства кассы. При дѣйствіи этой системы, всѣ государственные доходы, по какому бы вѣдомству они ни поступали, должны были обращаться въ общіе рессурсы государственнаго казначейства съ покрытіемъ за счетъ средствъ послѣдняго и всѣхъ возникавшихъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ расходовъ. Засимъ, комиссія потребовала отъ всѣхъ административныхъ мѣстъ подробные списки ихъ капиталовъ вмѣстѣ съ вкладными билетами и тѣ вклады, которые составились изъ бюджетныхъ средствъ, просто обратила въ рессурсы казны, уничтоживъ соотвѣтствующіе билеты. Такимъ образомъ, оказалось возможнымъ погасить на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей долгъ государственному банку.

При всемъ томъ, ликвидація прежнихъ кредитныхъ установленій являлась тяжелымъ бременемъ для государственнаго банка. Хотя, согласно уставу банка, расходы по этой операціи, не покрывавшіеся поступленіями платежей отъ заемщиковъ прежнихъ кредитныхъ установленій, должны были ложиться на средства государственнаго казначейства, однако послѣднее не предоставляло банку какихъ-либо дополнительныхъ сверхъ означенныхъ поступленій рессурсовъ. А такъ какъ сумма платежей по ссудамъ оказывалась первое время недостаточною для удовлетворенія продолжавшагося востребованія вкладовъ, то банку приходилось самому изыскивать источники для производства расходовъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій.

На-ряду съ этимъ на государственный банкъ пала обязанность по выдачѣ выкупныхъ бумагъ помѣщикамъ за отходившую отъ нихъ къ крестьянамъ землю. Выкупныя свидѣтельства не имѣли на биржѣ обширнаго хода, и разумѣется спекулянты пользовались этимъ, предлагая за 5% свидѣтельства несоразмѣрную съ ихъ доходностью цѣну. Но помѣщики, стремившіеся обратить процентныя бумаги въ наличныя деньги, обращались къ продажѣ ихъ, не останавливаясь ни предъ какою цѣной. Въ виду этого, государственный банкъ съ цѣлью удержать нѣсколько цѣну выкупныхъ свидѣтельствъ, предоставлялъ

каждому, приступившему къ выкупу, помѣщику, если ему причиталось получить, за переводомъ долга прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ, выкупную сумму, обращать часть ея въ наличныя деньги не по биржевой цѣнѣ, а по номинальной. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи помѣщики получили огромную льготу за счетъ государственнаго банка.

При объясненныхъ условіяхъ операціи государственнаго банка были крайне затруднены въ своемъ развитіи. Тѣ кредитные билеты, которые пришли къ нему на помощь изъ государственнаго казначейства, были обращены на уплату долга казны государственному банку, который и послѣ того не могъ дѣйствовать съ необходимою широтою. На развитіе потребностей торговли кассы банка были постоянно недостаточны. Поэтому, для возможнаго расширенія банковыхъ операцій, управляющій банкомъ баронъ Штиглицъ придумалъ особый рессурсъ. Дабы не прибѣгать къ выпуску новыхъ кредитныхъ билетовъ за счетъ казначейства и не требовать отъ него новыхъ бумагъ, которыя, можетъ быть, встрѣтили бы препятствіе къ реализаціи, въ виду появленія уже въ то время на рынкѣ акцій нѣкоторыхъ крупныхъ предпріятій, какъ, напримѣръ, главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, Риго-Динабургской жел. дор., Черноморскаго общества пароходства и торговли и другихъ частныхъ обществъ, управляющій банкомъ пришелъ къ мысли выпустить, для усиленія его средствъ, 4% металлическіе билеты, которые должны были имѣть хожденіе, какъ наличныя деньги, наравнѣ съ кредитными билетами, и подлежали пріему: между частными лицами—въ уплату по долгамъ и обязательствамъ, въ казну—по платежамъ государственныхъ сборовъ и податей и, наконецъ, въ государственномъ банкѣ—въ уплату по ссудамъ и по учету векселей. Билеты эти, выпускавшіеся серіями и выдававшіеся банкомъ за наличныя деньги или кредитные билеты, были трехсотрублеваго достоинства и приносили 4% въ годъ, которые засчитывались по днямъ за каждый мѣсяцъ, при чемъ платежъ процентовъ и погашеніе билетовъ по тиражу производились въ металлической валютѣ, но до срока оплаты купоны засчитывались по цѣнѣ кредитнаго рубля. Однимъ словомъ, это были тѣ же кредитные билеты, приносившіе, однако, проценты и размѣнные на золото въ срокъ. Первое время металлическіе билеты доставляли банку наличныя деньги. Многіе охотно покупали ихъ, такъ какъ въ ту пору, когда размѣнъ былъ уже совершенно пріостановленъ, 4% билеты представляли собою извѣстное удобство для лицъ, кото-

рыя могли продержать ихъ до погашенія или до полученія процентовъ въ опредѣленный срокъ. Билеты эти являлись бумажными знаками, способными ходить за границею. Иностранные капиталисты охотно брали ихъ, выжидая наступленія какъ срокомъ оплаты купоновъ, такъ и погашенія билетовъ для полученія процентовъ и капитала золотомъ. Къ тому же погашеніе 4% билетовъ совершалось въ 41 годъ, т.-е. въ довольно краткій для займовъ срокъ, при чемъ, по мѣрѣ паденія курса, билеты приносили не 4%, а гораздо болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 4% билеты имѣли и свои недостатки; такъ, въ частности, при возникновеніи на рынкѣ требованій на наличныя деньги металлическіе билеты могли снова поступить въ кассы банка и, слѣдовательно, лишить банкъ необходимыхъ для исполненія его обязательствъ кредитныхъ билетовъ. Металлическихъ билетовъ было выпущено сначала на 48 милл. руб.

Устанавливая 4%-ные банковые металлическіе билеты, баронъ Штиглицъ разсчитывалъ постепенно замѣнить ими всѣ находящіеся въ обращеніи кредитные билеты, при чемъ мысль эта совпадала съ тѣмъ планомъ, который имѣла въ виду банковская комиссія 1859 года. Предположеніе Штиглица, однако, не осуществилось. Государство въ каждомъ новомъ финансовомъ средствѣ видѣло свой рессурсъ. Оно вносило эти 4% билеты въ уплату своего долга, тогда какъ это не входило конечно ни въ цѣли комиссіи, ни въ разсчеты покойнаго управляющаго государственнымъ банкомъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить того различнаго отношенія, которое проявлялъ баронъ Штиглицъ къ кредитнымъ билетамъ и къ 4%-нымъ металлическимъ билетамъ. Вскорѣ послѣ образованія государственнаго банка произошла перемѣна формы кредитныхъ билетовъ. Штиглицъ ни за что не хотѣлъ дать своей подписи на новыхъ кредитныхъ билетахъ и, такимъ образомъ, всѣ они вышли за моею подписью. Я объясняю это деликатностью банкира, который считалъ, что тамъ, гдѣ онъ далъ свою подпись, содержаніе, предшествующее подписи, должно соотвѣтствовать истинѣ, а потому подписать на неразмѣнныхъ кредитныхъ билетахъ обязательство уплатить ихъ звонкою монетою или золотомъ, было для него неудобнымъ. Напротивъ того, давать свою подпись на 4%-ныхъ банковыхъ билетахъ баронъ Штиглицъ не затруднялся.

Съ открытіемъ государственнаго банка всякіе исключительные размѣны кредитныхъ билетовъ на золото или вообще на звонкую монету были прекращены: ни казенныя мѣста, ни частныя лица не имѣли права получать золота, даже въ видѣ

исключенія, которымъ пользовались въ предыдущее время по особому разрѣшенію министра финансовъ. Понятно, что совершенная пріостановка размѣна произвела свое вліяніе на денежное обращеніе: съ одной стороны, курсъ кредитныхъ билетовъ падалъ, а съ другой, вся звонкая монета, находившаяся еще въ публикѣ, постепенно и довольно быстро утекала за границу. Въ денежномъ обращеніи въ Россіи не только не осталось крупныхъ монетъ—золотыхъ и серебряныхъ, но началось движеніе за границу даже мелкой звонкой монеты. Обнаружившійся недостатокъ въ мелкой монетѣ побудилъ прибѣгнуть къ измѣненію ея пробы. Въ 1860 году правительство перешло къ чеканкѣ мелкой монеты, начиная съ двугривенныхъ, 72 пробы, вмѣсто принятой прежде $83^1/_3$ пробы, думая этимъ остановить вывозъ звонкой монеты за границу. Между тѣмъ, дальнѣйшее паденіе курса кредитнаго рубля показало вскорѣ недостаточность этой мѣры. На первыхъ же порахъ существованія государственнаго банка, при продолжавшемся паденіи курса рубля, оказалось, что и новая звонкая монета почти цѣликомъ перешла за границу, вслѣдствіе чего уже въ 1861 году у насъ сталъ ощущаться крайній недостатокъ размѣнныхъ денежныхъ знаковъ. Но какъ разъ въ это время случилось одно обстоятельство, которое помогло намъ выйти изъ затруднительнаго положенія, осложнявшагося, между прочимъ, невозможностью для нашего монетнаго двора быстро отчеканить большое количество мелкой звонкой монеты. Французскій банкъ обратился къ намъ съ просьбою предоставить ему на короткій срокъ около 8 милл. руб. золотомъ. Государственный банкъ, при отсутствіи у насъ тогда размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, нашелъ тѣмъ не менѣе удобнымъ и выгоднымъ согласиться на предложенную операцію и по желанію правительства передалъ французскому банку до 30 милл. франковъ все больше на короткій срокъ. При этомъ государственный банкъ могъ получить эти деньги обратно изъ-за границы либо золотомъ-либо серебромъ; золото тогда не играло еще такой роли, какъ нынѣ. Въ виду недостатка звонкой монеты, государственный банкъ рѣшилъ потребовать возврата долга серебромъ и перечеканить его во Франціи же въ русскую монету. О производствѣ этой работы сдѣланы были переговоры съ Парижскимъ и Страссбургскимъ монетными дворами, посланы были туда наши матрицы и подъ присмотромъ французскихъ монетныхъ дворовъ, французскаго контроля и представителей нашего монетнаго двора вся эта сумма—около 30 милл. франковъ, т.-е. до 9 милл. руб. сер.

была перечеканена и доставлена къ намъ. Такимъ способомъ былъ прекращенъ острый недостатокъ въ звонкой монетѣ, при чемъ самая чеканка ея во Франціи обошлась дешевле, чѣмъ стоила бы на нашемъ монетномъ дворѣ. Операція эта была затѣяна въ маѣ 1861 года и окончена къ октябрю того же года и представила собою единственный случай чеканки нашей монеты за границею; потомъ нашъ монетный дворъ сталъ продолжать чеканку у себя.

Объясненная мѣра удовлетворила рынокъ звонкою монетою только на первое время, такъ какъ, въ связи съ паденіемъ курса кредитнаго рубля, отливъ размѣнной монеты за границу не прекращался. Поэтому передъ банкомъ вскорѣ возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ пониженіи пробы размѣнной монеты. Для обсужденія этого вопроса образована была комиссія, въ составъ которой вошли: я, Н. Х. Бунге, представители монетнаго двора и горнаго вѣдомства. Бунге высказался въ этой комиссіи противъ дальнѣйшаго пониженія цѣнности размѣнной монеты въ виду невозможности заранѣе предвидѣть предѣла паденія курса кредитнаго рубля и указалъ на предпочтительность выпуска мелкихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ на подобіе Австріи или Италіи. Но проектъ Бунге, къ счастью, не былъ утвержденъ министромъ финансовъ, который остановился на моей мысли о пониженіи достоинства мелкой серебряной монеты до 48 пробы. Предположеніе это было приведено въ исполненіе, начиная съ 1867 года.

По вступленіи Россіи на путь бумажнаго (неразмѣннаго) денежнаго обращенія, рядомъ съ паденіемъ стоимости кредитнаго рубля, возникла опять старая система поддержанія курса его разными операціями на биржѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что даже во время существовавшаго въ царствованіе Императора Николая I размѣна кредитныхъ билетовъ, кредитный рубль по своей цѣнности не былъ равенъ металлическому рублю. Колебанія въ курсѣ постоянно продолжались, хотя и происходили въ тѣсныхъ предѣлахъ, опредѣлявшихся расходами на пересылку. Такъ, если мы посмотримъ на котировку того времени, то увидимъ, что кредитный рубль не всегда равнялся 100 коп. металломъ, а иногда понижался до 98 коп. металломъ. Поддержаніе курса кредитнаго рубля составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ правительства. Особенно обращалъ на это вниманіе покойный Императоръ Николай I, каждую пятницу спрашивавшій министра финансовъ о состояніи курса, при чемъ малѣйшее пониженіе его вызывало безпокойство. И министрамъ фи-

нансовъ приходилось постоянно чрезъ банкировъ и гофъ-маклеровъ играть на биржѣ, поддерживая курсъ разными операціями.

Когда былъ образованъ государственный банкъ, въ уставъ котораго трассировка иностранныхъ векселей не входила, эта операція была поручена, независимо отъ прочихъ операцій банка, лично его управляющему барону Штиглицу, какъ бывшему банкиру. Для исполненія указанной операціи въ число директоровъ банка баронъ Штиглицъ пригласилъ служившаго у него купца Эстерейха, на котораго возложена была вексельная операція съ предоставленіемъ приватнаго занятія иностранною курсовою операціею, подъ руководствомъ самого Штиглица. Операція эта, сосредоточившаяся въ особомъ отдѣленіи съ бланкомъ „Foreign office", была ведена отдѣльно отъ всѣхъ счетовъ государственнаго банка и находила себѣ отраженіе только въ балансѣ банка. Государственный банкъ не принималъ непосредственнаго участія въ трассированіи иностранныхъ векселей; это была частная операція барона Штиглица и Эстерейха, банкъ только уплачивалъ деньги по ихъ ордерамъ.

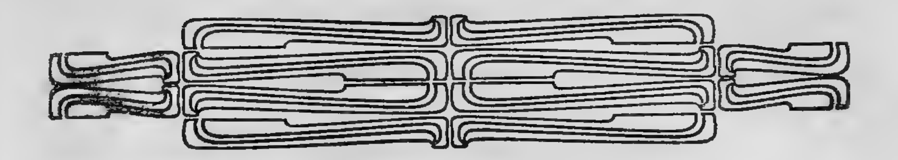
Между тѣмъ, подъ вліяніемъ выпуска акцій и облигацій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, возбужденнаго состоянія промышленности и усилившихся заказовъ за границею по морскому и военному вѣдомствамъ, наши платежи за границу значительно увеличились. Обстоятельство это, въ связи съ прекращеніемъ размѣна и постепеннымъ паденіемъ курса кредитнаго рубля, ставило иногда правительство въ крайне тяжелое положеніе. Отпускъ золота изъ Россіи былъ пріостановленъ, никакихъ мѣръ къ возстановленію цѣнности рубля не было предпринимаемо. Необходимость же перевода значительныхъ суммъ за границу въ соотвѣтствіи съ возростаніемъ иностранныхъ платежей государственнаго казначейства, налагала на государственный банкъ затрату значительныхъ суммъ на иностранныя банковскія операціи. При такихъ условіяхъ вновь придуманные барономъ Штиглицемъ 4%-ные металлическіе билеты имѣли главное значеніе для банковской иностранной операціи и явились способомъ къ открытію русскому правительству значительныхъ кредитовъ подъ обезпеченіе этихъ бумагъ. Такимъ образомъ, въ періодъ паденія курса министерство финансовъ постоянно производило операціи, которыми думало поддержать курсъ. Сущность этихъ операцій состояла въ томъ, что предъ наступленіемъ срочныхъ иностранныхъ платежей правительства по его обязательствамъ, государственный банкъ поднималъ искусственно курсъ, выдавая отъ себя

тратты на заграничныхъ банкировъ, дабы затѣмъ пріобрѣсти деньги для заграничныхъ выплатъ по болѣе дешевой цѣнѣ. Ошибка этой операціи, которая была впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, брошена, состояла въ томъ, что правительство продавало иностранныя деньги по разсчету на болѣе высокій, чѣмъ въ дѣйствительности, курсъ кредитнаго рубля и тѣмъ самымъ заставляло частныхъ лицъ продавать по той же цѣнѣ причитающіеся имъ за границею платежи. Такими мѣрами правительство налагало на себя какъ бы обязательство всегда защищать курсъ отъ паденія и останавливать переходъ денегъ за границу.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мои воспоминанія и размышленія[1]).

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

Когда мы были уже въ V классѣ, былъ случай ходатайства со стороны IV класса передъ директоромъ института объ удаленіи одного изъ ихъ товарищей Д. за многократные случаи кражи разныхъ мелочей и денегъ у товарищей. Директоръ взглянулъ на это дѣло снисходительнѣе учениковъ и объяснилъ имъ, что въ этомъ возрастѣ понятіе о моемъ и твоемъ не бываетъ еще такъ развито, какъ у взрослыхъ, и товарищъ нерѣдко беретъ какую-либо нужную ему въ данное время вещь у товарища, чтобы потомъ возвратить ее, а затѣмъ забываетъ объ этомъ, но что во всякомъ случаѣ дѣло будетъ разслѣдовано и не будетъ оставлено безъ взысканія.

Но я зашелъ уже слишкомъ далеко впередъ. Возвратясь послѣ постигшей меня невзгоды чрезъ двѣ слишкомъ недѣли въ институтъ, я былъ порадованъ тѣмъ, что Аполлонъ Малово пересталъ быть моимъ сосѣдомъ и сидѣлъ на противоположномъ концѣ класса чуть ли не одинъ на всей скамейкѣ, и я снова могъ хорошо учиться безъ всякой помѣхи. О моемъ злоключеніи никто изъ моихъ товарищей со мной не заговаривалъ, и я конечно не говорилъ, хотя вообще наказаніе розгами особенно при Ржевскомъ было столь обычно въ институтѣ, что рѣшительно никто не стыдился подвергаться ему: наказаніе это существовало для насъ и устрашало насъ только какъ боль, не болѣе. Считалось даже молодечествомъ храбро безъ всякихъ унизительныхъ просьбъ переносить его, особенно же безъ всякихъ криковъ и стоновъ.

---

1) См. „Русская Старина", апрѣль 1915 г.

Вскорѣ послѣ моего злоключенія былъ къ намъ назначенъ директоромъ экстраодинарный профессоръ политической экономіи въ Московскомъ университетѣ Александръ Ивановичъ Чивилевъ. Мы очень гордились тѣмъ, что это былъ профессоръ, да еще не ординарный какой-либо, а экстраординарный, и притомъ политической экономіи. Самъ онъ произвелъ на насъ очень хорошее впечатлѣніе своею фигурой, своею сдержанностью и благовоспитанностью и особенно тѣмъ, что наказанія за безуспѣшность ученья были имъ совсѣмъ отмѣнены; самъ онъ никогда не прибѣгалъ къ розгамъ, и впослѣдствіи, когда инспекторомъ былъ назначенъ Ронцевичъ, наказаніе это употреблялось въ рѣдкихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ исключеніе изъ правила. Но отмѣна наказаній за безуспѣшность ученія не выдержала пробы времени: ученіе начало приходить въ упадокъ, число лѣнтяевъ размножилось, и наказанія за плохое ученіе были возстановлены, но самымъ тяжкимъ изъ нихъ было оставленіе безъ отпуска домой.

Чивилева ученики такъ полюбили въ началѣ, что когда онъ вскорѣ послѣ своего назначенія опасно заболѣлъ, это было общее горе для учениковъ, и они служили молебны о скорѣйшемъ его выздоровленіи, выучили молитвы за болящихъ и ежедневно ихъ читали и утромъ и вечеромъ, вынимали просфоры за его здравіе и посылали ихъ къ нему. Впослѣдствіи ученики до нѣкоторой степени въ немъ разочаровались и находили, что онъ человѣкъ очень мало сердечный и будто бы очень мало нами интересовавшійся и занимавшійся и все сваливавшій съ себя на инспектора Ронцевича. Послѣдній былъ и очень умный, и въ сущности очень добрый человѣкъ и хорошій педагогъ, но очень вспыльчивый и при этомъ очень крикливый и бранчивый, что вызывало по временамъ отпоръ со стороны учениковъ старшихъ классовъ. Такъ, разъ въ дортуарѣ IV класса на одного изъ учениковъ Мевеса онъ крикнулъ „болванъ“, на что получилъ отъ него въ отвѣтъ: „Болванъ подъ парикомъ“, а Ронцевичъ какъ разъ носилъ парикъ. Мевесъ былъ за это высѣченъ тутъ же и при этомъ не пикнулъ, чѣмъ снискалъ съ нашей стороны большое уваженіе.

При Чивилевѣ и Ронцевичѣ дѣла въ институтѣ пошли вообще много лучше прежняго. Не мало содѣйствовало этому и то, что гр. С. Г. Строгоновъ послѣ катастрофы со Ржевскимъ сталъ чуть ли не каждый день бывать въ институтѣ въ различную пору дня, но болѣе всего въ урочное время, обходя классы и въ каждомъ оставаясь не менѣе получаса. При этомъ

онъ требовалъ, чтобы при немъ прежде всего спрашивали лучшихъ учениковъ, а затѣмъ, если оставалось время, одного или двоихъ изъ среднихъ и изъ самыхъ слабыхъ, и на урокахъ изъ иностранныхъ языковъ не позволялъ спрашивать незаданное и неприготовленное (à livre ouvert) и при этомъ всегда дѣлалъ замѣтки въ своей записной книжкѣ. Впослѣдствіи, когда я былъ на службѣ въ Петербургѣ и состоялъ дѣлопроизводителемъ Высочайше утвержденной комиссіи по преобразованію гимназій, въ которой предсѣдателемъ былъ гр. С. Г. Строгоновъ, онъ въ разговорѣ объ этихъ своихъ посѣщеніяхъ института и своихъ письменныхъ замѣткахъ разсказалъ мнѣ, что онъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ примѣру ганноверскаго министра народнаго просвѣщенія гр. Мюнхгаузена и посѣщалъ уроки не столько съ цѣлью контролировать учителей или направлять ихъ дѣятельность, сколько съ цѣлью знакомиться съ наиболѣе даровитыми и прилежными учениками, рекомендовать ихъ особенному вниманію учителей и начальства, всячески поощрять и поддерживать и слѣдя за ними со школьной скамьи и не упуская ихъ изъ виду и въ университетѣ, привлекать ихъ по возможности къ учебной службѣ въ среднихъ или и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и что такимъ образомъ ему удалось по одному историко-филологическому факультету подготовить для Московскаго университета такихъ профессоровъ, какъ С. М. Соловьевъ, М. Н. Катковъ, П. М. Леонтьевъ, Ѳ. И. Буслаевъ и отчасти П. Н. Кудрявцевъ, котораго онъ узналъ только въ университетѣ, такъ какъ онъ былъ воспитанникомъ семинаріи.

Я принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ своего класса съ самаго моего поступленія въ институтъ, и мнѣ приходилось почти всякій разъ отвѣчать при гр. Строгоновѣ, столько же по латинскому языку, сколько и по математикѣ, по русскому и обоимъ новымъ языкамъ. Въ этомъ отношеніи я самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнулъ опасенія, высказанныя моимъ отцомъ директору Краузе при отдачѣ меня въ институтъ, что я буду плохо учиться и не разъ оставаться на другой годъ въ томъ же классѣ. Этого со мною ни разу не случилось, тогда какъ братъ мой Дмитрій былъ въ первомъ же классѣ оставленъ на другой годъ изъ-за ариѳметики. Напротивъ, при переходѣ изъ I-го класса во II-ой я получилъ призъ I-ой степени книгу съ надписью: „За отличные успѣхи и благонравіе“, и точно также при переходѣ изъ II-го класса въ III-ій „за благонравіе и успѣхи въ наукахъ“. Книги эти до сихъ поръ у меня

хранятся; выборъ ихъ можетъ показаться случайнымъ, несоотвѣтственнымъ возрасту и степени развитія ученика. При переходѣ во II-ый классъ мнѣ дали прекрасное изданіе съ гравюрами: „Les Aventures de Télémaque, suivies des Aventures d'Aristonous par Fénélon, augmentées d'un vocabulaire de tous les termes d'histoire, de mythologie et de Géographie ancienne, employés dans ces deux ouvrages par Guésde. Paris. Hanriot. 1837 г., а при переходѣ въ III-ій классъ. Сочиненія К. Батюшкова Спб. 1834 г. въ двухъ частяхъ, вмѣстѣ переплетенныхъ.

Очевидно, что ни тою, ни другою изъ этихъ книгъ я не могъ тотчасъ же воспользоваться. Теперь подобные призы, сколько извѣстно, даются съ несравненно большимъ разборомъ и вниманіемъ къ возрасту, потребностямъ и наклонностямъ учениковъ. Въ послѣдующихъ классахъ я не разъ получалъ похвальные листы за свое ученіе и поведеніе. Учились мы очень много. Вставали во всякое время года въ 6 часовъ по звонку послѣ неоднократныхъ возгласовъ надзирателей, обходившихъ дортуары своихъ классовъ auf, auf, stehen Sie auf или levez vous, messieurs, levez vous—при чемъ болѣе энергичные и насильственные въ родѣ Шпангенберга стаскивали одѣяла со слишкомъ разоспавшихся учениковъ. Къ $^1/_2$ 7 часа мы всѣ должны были быть умыты и одѣты, быть у себя въ классѣ на большой репетиціи, продолжавшейся $1^3/_4$ часа, до четверти девятаго. Затѣмъ строились попарно въ ряды и мѣрнымъ шагомъ шли въ столовую пить чай или молоко (давалась большая кружка того или другого) съ особенно цѣнимою нами большой булкой бѣлаго хлѣба. Хорошіе ученики могли и на свой счетъ прикупать еще одну такую же или сдобную булку. Это была первая наша пища черезъ 3 часа послѣ нашего вставанья и послѣ усиленной для большинства работы въ эту первую главную репетицію. Затѣмъ смотря по времени года мы гуляли, бѣгали и играли или на нашемъ дворѣ, или въ своихъ рекреаціонныхъ залахъ. Въ 9-ть часовъ по звонку всѣ должны были быть на своемъ мѣстѣ въ своемъ классѣ. Съ 9-ти до 12-ти часовъ были два урока, каждый по полтора часа, съ промежуткомъ въ 10 или 15 минутъ. Затѣмъ, приведя себя въ должный порядокъ, мы строились въ ряды попарно и шли мѣрнымъ шагомъ въ столовую обѣдать. Здѣсь лучшіе по ученью ученики, записанные красными чернилами въ вывѣшенномъ въ каждомъ классѣ спискѣ учениковъ, получали къ супу пирожки съ говядиной. За обѣдомъ было 4 блюда съ пирожнымъ, за ужиномъ 2 блюда. Вообще кормили насъ по-казенному не дурно, въ случаѣ же

какихъ-либо изъяновъ, несмотря на всѣ строгости, сильно доставалось отъ насъ эконому, который предпочиталъ прикидываться глухимъ и проходя столовою на всѣ наши неблагопріятные для него возгласы всегда отвѣчалъ одно и то же: „Кушайте, кушайте на здоровье". На обѣдъ и слѣдующую большую рекреацію шло 2 часа съ 12 до 2-хъ. Затѣмъ была малая репетиція въ 3/4 часа, а въ 3 часа снова были два урока до 6-ти часовъ. Послѣ 6-ти часовъ намъ давали по булкѣ хлѣба и была малая рекреація до 7-ми часовъ. Въ 7 часовъ начиналась большая вечерняя репетиція, длившаяся 1 1/2 часа до 1/2 9-го часа, для маленькихъ довольно утомительная, потому что съ 8-ми часовъ уже сильно хотѣлось спать, а зоркіе надзиратели спать не давали и за такой несвоевременный сонъ взыскивали. Съ 1/2 9-го до 1/2 10-го были ужинъ, рекреація и общая молитва на сонъ грядущимъ, которую читалъ одинъ изъ учениковъ III класса въ младшемъ отдѣленіи и VI класса въ старшемъ. Въ 1/2 10-го часа мы шли на верхъ въ дортуаръ, раздѣвались и ложились спать. Такимъ образомъ на сонъ полагалось 8 часовъ, на мытье, одѣванье и раздѣванье 1 часъ, на уроки съ учителями 6 часовъ и на приготовленіе къ урокамъ 4 часа, всего на работу 10 часовъ и на пищу и рекреаціи 5 часовъ. Для обучавшихся греческому языку, начиная съ III класса, три раза въ недѣлю сокращалась большая рекреація на 3/4 часа и малая репетиція на столько же, и такимъ образомъ въ эти дни на ученье шло по 10 3/4 часа, а на пищу и рекреаціи по 4 3/4 часа. Тѣмъ не менѣе ни о какомъ переутомленіи и помину не было, самое слово это вовсе не было извѣстно; ученики пользовались цвѣтущимъ здоровьемъ и несмотря на суровый режимъ отличались жизнерадостнымъ настроеніемъ духа и впослѣдствіи оказывались бодрыми, энергическими и полезными работниками на различныхъ поприщахъ государственной и общественной службы, а многіе изъ нихъ достигали значительнаго долголѣтія: укажу для примѣра на графа Дмитрія Алексѣевича, на барона Артура Павловича Моренгейма, на Дмитрія Николаевича Батюшкова, да и на самого себя.

Объясняется это неуклонно нравственнымъ образомъ жизни воспитанниковъ института, хорошею вообще пищею, превосходнымъ помѣщеніемъ и всякаго рода гимнастическими и физическими упражненіями, а главное подвижными играми, по возможности, на чистомъ воздухѣ на институтскомъ дворѣ. Первые четыре года моего ученія прошли въ старомъ институтскомъ зданіи, выходившемъ главнымъ фасадомъ на Тверскую, съ двумя

по бокамъ куполами и боковыми флигелями, тянувшимися на большое пространство по Долгоруковскому и Газетному переулкамъ, а между ними простирался огромный дворъ, частью засаженный деревьями и со множествомъ всякаго рода приспособленій къ гимнастическимъ упражненіямъ, играмъ и забавамъ (качели, исполиновые шаги, шесты и лѣстницы для лазанья и т. д., въ зимнее время катки для катанья наونькахъ и высокія ледяныя горы). Послѣдніе два года я провелъ въ бывшемъ Пашковскомъ домѣ (нынѣ Публичный Румянцовскій музей), монументальномъ зданіи, одномъ изъ красивѣйшихъ въ Москвѣ, но далеко не столь удобномъ, какъ прежнее зданіе, съ рекреаціонными залами значительно меньшаго размѣра и съ дворомъ, который въ 3 или 4 раза былъ меньше прежняго институтскаго двора, безъ всякихъ деревьевъ и весь на солнцепекѣ; но и здѣсь было, гдѣ и въ лапту поиграть и въ бары, и въ перегонку, а зимою и на конькахъ покататься. На наше здоровье и физическое развитіе обращалось вообще большое вниманіе. Маршировкой насъ, правда, не занимали, ограничиваясь только требованіемъ и наблюденіемъ, чтобы мы мѣрнымъ шагомъ попарно по 3 раза въ день чрезъ весь институтъ ходили въ столовую и тѣмъ же порядкомъ уходили изъ нея; но зато въ старшемъ отдѣленіи насъ учили фехтованію, съ каковою цѣлью къ намъ приходили обыкновенно въ вечернюю рекреацію (отъ 6 до 7-ми часовъ) 4 мастера этого дѣла, и во главѣ ихъ необыкновенно высокій французъ Трейль, затѣмъ Пуаре, Агаѳоновъ и Ивановъ. Главнымъ образомъ насъ учили фехтованію на рапирахъ, и многіе изъ насъ достигали въ этомъ искусствѣ большой виртуозности. Къ числу первыхъ фехтовальщиковъ принадлежалъ мой братъ Василій, который могъ выдерживать assaut съ любымъ изъ нашихъ учителей фехтованья и уступалъ пальму первенства только нашему учителю латинскаго языка Фабриціусу, оказавшемуся, къ общему нашему удивленію и восторгу, такимъ мастеромъ этого дѣла, что предъ нимъ всѣ должны были преклониться. Я помню, какъ онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ на урокъ фехтованья и попемѣнно состязался съ каждымъ изъ учителей и каждаго изъ нихъ побѣждалъ. Особенный мастеръ былъ онъ вышибать изъ руки рапиру, и Трейль, какъ ни старался противостоять ему въ этомъ отношеніи, но все-таки оказывался въ концѣ концовъ обезоруженнымъ и очень сердился на Фабриціуса, говоря во всеуслышаніе, что это нечестный и недостойный способъ борьбы съ противникомъ, съ чѣмъ мы никакъ не могли согласиться,

находя, что это въ высшей степени эффектно и въ то же время великодушно обезоруживать такимъ образомъ противника и затѣмъ, какъ это дѣлалъ всегда Фабриціусъ, показать ему, что могъ бы его заколоть, но тотчасъ же обращался въ противоположную сторону. Послѣ своихъ побѣдъ Фабриціусъ сталъ настоящимъ героемъ, и никто изъ учителей фехтованья не рѣшался вступать съ нимъ въ assaut, а противопоставляли ему брата моего Василія, съ которымъ не легче было справляться, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ учителей, и который вскорѣ усвоилъ себѣ пріемъ выбивать рапиры изъ руки противника и нерѣдко съ большимъ успѣхомъ обезоруживалъ такимъ образомъ самого Фабриціуса, къ большому удовольствію Трейля и его коллегъ и всѣхъ насъ, зрителей. Достигъ Фабриціусъ такой виртуозности въ фехтованіи въ бытность свою студентомъ Дерптскаго университета.

Г. П. Данилевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Московскомъ дворянскомъ институтѣ восхваляетъ мое искусство кататься на конькахъ; но настоящимъ виртуозомъ въ этомъ дѣлѣ былъ не я, а братъ мой Василій, который и впослѣдствіи, будучи студентомъ Московскаго университета, изумлялъ москвичей, собиравшихся на Прѣсненскомъ пруду, тѣмъ, что скатывался съ тамошнихъ высокихъ ледяныхъ горъ не только на одной ногѣ, обращаясь лицомъ къ верху горы, но даже и въ первой позиціи, и взбѣгалъ на конькахъ на эти горы. Ледяныя горы на институтскомъ дворѣ часто изображали собою крѣпость, которую одни ученики защищали, а другіе брали приступомъ: дѣло начиналось съ обстрѣливанія другъ друга снѣжками, а затѣмъ нападающіе, которыхъ обыкновенно было вдвое больше противъ защищающихся, должны были по льду горы взобраться на ея вершину и оттуда спустить по льду же своихъ противниковъ. Игра эта была еще при мнѣ запрещена послѣ того, какъ разгорячившіеся нападающіе сбросили сверху горы на груду снѣга внизъ одного изъ вождей своихъ противниковъ: онъ, правда, не расшибся, но обнаружились нѣкоторые признаки сотрясенія мозга, которое впрочемъ прошло благополучно.

Водили насъ также гулять по улицамъ Москвы, чего мы, впрочемъ, не долюбливали; но любили ходить въ экзерцир-гаузъ и тамъ смотрѣть на ученье солдатъ. Это удовольствіе нерѣдко доставлялъ намъ надзиратель Бессеръ, который былъ самъ отставнымъ штабсъ-капитаномъ русской арміи и былъ вообще очень любимъ нами за свою доброту и кротость. Удовольствіе это отравлялось для насъ тѣмъ, что во время этихъ

ученій тутъ же происходила и расправа съ провинившимися рядовыми, которыхъ били шомполами отъ ружей и кулаками по лицу. Жестокое было то время и тяжкая солдатчина, длившаяся цѣлыхъ 25 лѣтъ!

Весною и раннею осенью въ воскресные и праздничные дни съ остававшимися въ институтѣ учениками предпринимались экскурсіи пѣшкомъ за городъ — въ Шелепиху, въ Марьину Рощу, въ Нескучное, на Воробьевы горы, при чемъ насъ учили ботанизировать и собирать окаменѣлости, и объ экскурсіяхъ этихъ, конечно, никакихъ криковъ тогда не было, какъ теперь; впрочемъ, къ великому счастью для нашего воспитанія, газеты нами тогда вовсе не занимались. Остававшіеся на лѣтнее вакаціонное время въ институтѣ проводили его на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ впослѣдствіи устроена была Земледѣльческая академія, преобразованная потомъ въ сельско-хозяйственный институтъ.

Одной изъ придуманныхъ для насъ подвижныхъ игръ, кажется, нельзя одобрить съ педагогической и даже съ гигіенической точки зрѣнія: это игра на билліардѣ. Движенія и упражненія для мускуловъ при этой игрѣ весьма однообразны и незначительны; билліардная комната была всегда переполнена зрителями и участниками въ игрѣ, слѣдовательно, имѣла недостаточно чистый воздухъ; игра хотя и велась не на деньги, что было запрещено, но сама по себѣ многихъ приводила въ азартъ, а главное, многіе къ ней настолько пристращались, что въ воскресные и праздничные дни тайкомъ посѣщали кофейни и трактиры, а впослѣдствіи уже студентами очень много проводили за ней времени въ знаменитыхъ студенческихъ трактирахъ—Британіи, Желѣзномъ и Печкина и играли уже на деньги.

Большого числа уроковъ даже въ самыхъ младшихъ классахъ никто тогда не опасался. Въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ по расписанію 1839 года, въ I классѣ было 23 урока въ недѣлю (= 34½ часа), а въ остальныхъ пяти по 24 урока (= 36 часамъ).

По этому расписанію преобладающимъ предметомъ ученія былъ у насъ латинскій языкъ. На него было назначено 24 полуторачасовыхъ урока, на отечественный языкъ — 17 уроковъ, на каждый изъ новыхъ иностранныхъ, а также и на математику по 16 уроковъ, на Законъ Божій—8 уроковъ, на исторію и на географію со статистикой въ отдѣльности по 9 уроковъ, на греческій языкъ 12 уроковъ и на физику съ космогра-

фіей — 3 урока. Греческій языкъ не былъ обязателенъ. Сами мы о цѣли этого ученья имѣли первоначально самое дикое понятіе. Я помню, я обратился къ старшему брату за совѣтомъ, учиться ли мнѣ греческому языку или не учиться. Самъ онъ ему не учился, но мнѣ совѣтовалъ учиться. Зачѣмъ? Въ гимназіяхъ, какъ я послѣ узналъ, на этотъ вопросъ былъ одинъ отвѣтъ: чтобы пріобрѣсти чинъ XIV класса и имѣть право поступить на гражданскую службу. Мы, какъ потомственные дворяне, этимъ правомъ пользовались уже по самому своему происхожденію, и чиномъ XIV класса не очень дорожили, такъ какъ и безъ того получили бы его черезъ годъ по окончаніи курса и поступленіи на службу и почти всѣ имѣли въ виду поступить въ университетъ. Мнѣ на мой вопросъ братъ Василій отвѣчалъ, что, обучаясь греческому языку, я облегчу себѣ поступленіе въ дипломатическую службу: очевидно, что и наши шестиклассники были очень плохими практиками и еще худшими цѣнителями общаго культурнаго, научнаго и педагогическаго значенія греческаго языка.

Нашимъ учителемъ греческаго языка былъ большой его знатокъ родомъ изъ Саксоніи Громанъ, весьма плохо знавшій русскій языкъ и въ своихъ объясненіяхъ съ нами постоянно прибѣгавшій къ помощи нѣмецкаго и латинскаго языковъ, а относительно правильности и изящества нашихъ переводовъ на русскій языкъ полагавшійся на насъ самихъ и предоставлявшій намъ прибирать самимъ наиболѣе подходящія слова и выраженія. Но этотъ недостатокъ искупался несбыкновенною его любовью и воодушевленіемъ къ своему предмету, что мало-по-малу передавалось и намъ. Гомера, когда мы дошли до него, онъ не читалъ, а распѣвалъ на подобіе древнихъ греческихъ рапсодовъ: такъ мы и прозвали его рапсодомъ, и сами съ необыкновеннымъ увлеченіемъ читали Гомера, нѣкоторыя элегическія и антологическія стихотворенія, трагедіи Софокла и Эврипида, а изъ прозаиковъ немного Ксенофонта, больше Плутарха и Геродота, Ѳукидида и Платона. Началъ онъ обучать насъ, написавъ на доскѣ басню Эзопа: „Волкъ въ овчарнѣ“ („Какой бы шумъ вы подняли, друзья, когда бы это сдѣлалъ я“), и тутъ же заставилъ насъ много разъ прочитать эту басню, заучить слова и ихъ значеніе въ той формѣ, въ какой они употреблены были въ баснѣ, и выучить всю басню наизусть, и затѣмъ то же самое продѣлалъ съ нѣкоторыми другими баснями въ началѣ I-й части христоматіи Якобса и съ нѣкоторыми стихотвореніями.

Научивъ насъ читать по-гречески и продолжая чтеніе связныхъ статеекъ христоматіи Якобса съ заучиваньемъ словъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ они попадались, съ значеніемъ, и самихъ статеекъ, Громанъ съ свойственною ему живостью и энергіей принялся наизусть разучивать съ нами въ классѣ коротенькую грамматику Шада (собственно этимологію или, лучше сказать, образцы склоненій и спряженій, на 3-хъ или 4-хъ печатныхъ листахъ). Помню, какъ теперь, какъ онъ скандировалъ формы повелительнаго наклоненія настоящаго времени, а мы за нимъ всѣ разомъ распѣвали изо всей мочи:

τύπτε—τυπτέτω,
τύπτετον—τυπτέτων,
τύπτετε—τυπτέτωσαν.

Уроки эти были очень веселые, оживленные и шумные. Нерѣдко къ намъ заглядывали надзиратели сосѣднихъ классовъ, гдѣ уже шла репетиція, и просили Громана, нельзя ли потише; потомъ уже догадались отвести намъ изолированное помѣщеніе, чуть ли не въ физическомъ кабинетѣ.

Переводовъ съ русскаго языка на греческій и какихъ бы то ни было письменныхъ упражненій въ греческомъ языкѣ и его грамматикѣ у насъ вовсе не было, и мы такъ и остались безъ умѣнья писать по-гречески скорописью. Греческаго синтаксиса систематически мы вовсе не проходили, а при случаѣ намъ объяснялись синтаксическіе обороты и особенности греческой рѣчи. Также не проходили вовсе метрики, а научались съ голоса, повторяя за Громаномъ, читать гекзаметры, пентаметры, ямбы и хореи. Основательныхъ и надежныхъ знаній въ греческомъ языкѣ при такомъ ничтожномъ числѣ уроковъ (12—18 часовъ), конечно, невозможно было намъ пріобрѣсти, и результатомъ было то, что мы до крайности затруднялись чтеніемъ Θукидида (рѣчей и общихъ очерковъ событій и разсужденій) и отчасти также чтеніемъ Платона, почти до неспособности съ ними справляться собственными силами. На насъ оправдывались слова, которыя вслѣдъ за Гр. Ив. Лапшинымъ любилъ повторять Иванъ Давыдовичъ Деляновъ: „Ars grammatica semper ulciscitur contemptorem sui". Громанъ очень хорошо это зналъ и понималъ и очень рекомендовалъ намъ въ свободное время пополнять наше грамматическое образованіе по обширной грамматикѣ Маттеи на нѣмецкомъ языкѣ, что мы отчасти и дѣлали. Но зато читали мы очень много и съ большимъ увлеченіемъ, особенно Гомера, Софокла и Эврипида, а

изъ прозаиковъ Геродота, и если не вынесли твердыхъ и надежныхъ грамматическихъ познаній по греческому языку, зато узнали высокую цѣну греческой литературы и высоко цѣнили занятія ею и ея языкомъ. Поступившимъ на историко-филологическій факультетъ и желавшимъ продолжать занятія греческимъ языкомъ для изученія классической филологіи, или сравнительнаго языковѣдѣнія, или исторіи, или философіи пришлось самимъ вновь проходить греческую грамматику отъ начала и до конца; но по крайней мѣрѣ мы имѣли для этого и довольно твердыя элементарныя познанія, и охоту.

Въ латинскомъ языкѣ на грамматику обращалось несравненно больше вниманія, и мы проходили ее довольно основательно сначала по Кошанскому, а потомъ по Цумпту (съ сокращеніями); но экстемпораліями или письменными переводами съ русскаго на латинскій, сколько мнѣ помнится, мы вовсе не занимались, устныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій мы очень не долюбливали, и они бывали у насъ очень рѣдко. Мы предпочитали имъ не только чтеніе авторовъ, но и изученіе грамматики Цумпта по приведеннымъ у него многочисленнымъ примѣрамъ на правила. Чтеніемъ же авторовъ мы очень увлекались, и вообще уроки какъ греческаго, такъ и латинскаго языковъ не только насъ не тяготили, но оставили по себѣ самое пріятное воспоминаніе, несмотря на то, что я и сверстники мои обучались и латинскому языку у преподавателей, которые, конечно, хуже знали по - русски, чѣмъ бывшіе впослѣдствіи учителя древнихъ языковъ изъ чеховъ и другихъ западныхъ славянъ: въ младшихъ двухъ классахъ училъ насъ Мессъ, о которомъ была уже рѣчь выше, а въ остальныхъ четырехъ Августъ Карловичъ Фабриціусъ, о которомъ было выше говорено, какъ о великомъ мастерѣ драться на рапирахъ. Въ другихъ классахъ въ то же время учили природные русскіе учителя, слывшіе за отличныхъ: такъ, братъ мой Василій учился сначала у извѣстнаго Якова Васильевича Смирнова, а потомъ у Петра Ивановича Пѣвницкаго. И Мессъ и Фабриціусъ оба были очень оживленными и энергическими преподавателями. Мессъ былъ настоящимъ человѣкомъ, чтобы заставить своихъ учениковъ твердо-на-твердо выучить склоненія и спряженія со всѣми уклоняющимися отъ правилъ именами и глаголами. Главнымъ образомъ, мы ему обязаны, что въ дальнѣйшемъ ученіи не встрѣчали никакихъ затрудненій со стороны латинской этимологіи и имѣли не малый запасъ словъ и всякаго рода назидательныхъ латинскихъ изреченій. Впро-

чемъ, у него же мы начали читать авторовъ, и первымъ изъ нихъ во II классѣ былъ Юстинъ (извѣстный эпитоматоръ Трога Помпея), котораго онъ предпочиталъ болѣе распространенному въ то время въ нашихъ гимназіяхъ Lhomond'у — De Viris illustribus urbis Romae. Юстинъ не очень насъ затруднялъ и нравился намъ своимъ легкимъ повѣствованіемъ о народахъ древняго Востока. Когда въ III классѣ уже у Фабриціуса мы приступили къ чтенію Корнелія Непота, то онъ затруднялъ насъ гораздо больше. Прочли мы его біографію Мильтіада, Өемистокла и Аристида, и въ слѣдующее полугодіе перешли къ Курцію Руфу De rebus gestis Alexandri magni, который показался намъ гораздо интереснѣе и Юстина, и Корнелія Непота. Попутно мы читали, не помню въ III или въ IV классѣ, басни Федра. Въ IV классѣ читали мы въ I полугодіе Цезаря, во второе полугодіе Саллюстія, который показался намъ гораздо интереснѣе Цезаря, и начали метаморфозы Овидія. Въ V классѣ читались рѣчи Цицерона противъ Катилины (прочли, помнится, только одную 1-ю рѣчь), pro Archia poëta, pro Murena и in Verrem de suppliciis, и въ 1-мъ полугодии метаморфозы Овидія, а во 2-мъ Энеиду Вергилія, вторую книгу; наконецъ, въ VI классѣ Тита Ливія книгу 39-ю и Цицерона de officiis, 4-ю книгу Энеиды и оды Горація. Читали мы очень много какъ то, что было нами подготовлено напередъ во время репетицій, такъ и то, что мы разбирали и переводили въ классѣ подъ руководствомъ и при помощи учителя, что естественно вызывалось самою продолжительностью уроковъ. Не мало также заучивалось наизусть разныхъ отрывковъ и изреченій. Результатомъ такого обильнаго чтенія латинскихъ авторовъ была и охота къ занятіямъ латинскимъ языкомъ, и навыкъ довольно легко справляться съ не особенно трудными латинскими текстами, а тѣ изъ насъ, которые поступили потомъ на историко-филологическій факультетъ, не встрѣчали никакого затрудненія слушать на латинскомъ языкѣ лекціи нашихъ филологовъ на первыхъ двухъ курсахъ: Клина, Шестакова и Меньшикова, а на III и IV курсахъ — Леонтьева и Гофмана, отвѣчать имъ и диспутировать съ ними по-латыни, и даже порядочно писать по-латыни.

Преподаваніе древнихъ языковъ, особенно же латинскаго, достигало такимъ образомъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ довольно удовлетворительныхъ результатовъ, благодаря, конечно, прежде всего знающимъ, умѣлымъ, вполнѣ преданнымъ своему дѣлу, воодушевленнымъ и энергическимъ учителямъ,

небольшому сравнительно числу учениковъ (едва-ли въ какомъ классѣ болѣе 30) [1]), очень строгому вообще режиму, продолжительнымъ репетиціямъ и быть можетъ также продолжительности каждаго урока, содѣйствовавшей большей сосредоточенности вниманія учениковъ, увеличивавшей вѣроятность для каждаго ученика быть спрошеннымъ если не въ каждый урокъ, то раза два въ недѣлю и чрезъ то побуждавшей лучше готовиться къ каждому уроку. Полуторачасовые уроки представляли для всѣхъ предметовъ одинаковое преимущество и сверхъ того давали возможность учиться подъ непосредственнымъ руководствомъ учителей по 6 часовъ въ день, занимаясь при этомъ всего лишь 4-мя предметами и имѣя надобность приготовляться по большей мѣрѣ лишь къ 4-мъ урокамъ; но по предметамъ болѣе труднымъ, какъ древніе языки и математика, они особенно пригожались, такъ какъ именно эти предметы требовали наиболѣе сосредоточеннаго вниманія.

Изъ общихъ мѣръ, возвышавшихъ успѣшность ученія по всѣмъ предметамъ, особенно же по древнимъ языкамъ, нельзя не упомянуть и о томъ, какъ были у насъ устроены переводные изъ класса въ классъ экзамены: 1) они производились послѣ лѣтней вакаціи; 2) они производились во всѣхъ классахъ по всѣмъ предметамъ въ одну недѣлю (съ 7 по 14 августа включительно), и 3) письменныя испытанія—собственно русское сочиненіе (не помню хорошо, были ли письменные переводы съ латинскаго или съ новыхъ иностранныхъ языковъ на русскій: полагаю, что ихъ не было) предшествовали устнымъ испытаніямъ. Не перечитать въ лѣтнюю вакацію всего прочитаннаго въ продолженіе года было рискованно, потому что экзаменъ происходилъ по билетамъ, въ которыхъ обозначались всѣ мѣста изъ прочитанныхъ авторовъ и которые располагались въ двухъ группахъ: одна для поэтовъ, другая для прозаиковъ. По древнимъ языкамъ намъ вмѣнялось въ обязанность перечитать къ экзаменамъ все то, что было прочитано изъ древнихъ авторовъ въ теченіе всего года, и умѣть каждое мѣсто объяснять этимологически и синтаксически и по его содержанію: особаго экзамена изъ грамматики не полагалось, но при чтеніи авторовъ постоянно приходилось справляться съ грамматикой. Такъ какъ, благодаря продолжительности каждаго

---

[1]) По положенію 1836 г. въ классѣ не допускалось болѣе 25-ти учениковъ, а по уставу 1845 г. не болѣе 30-ти учениковъ, при большемъ же числѣ учреждалось параллельное отдѣленіе.

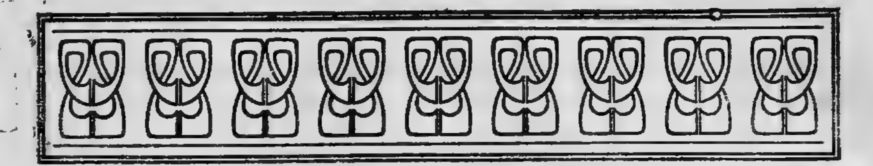
урока, мы много читали курсорно при помощи и подъ руководствомъ учителя и изъ каждаго автора прочитывали сравнительно очень много, то это перечитываніе въ вакаціонное время одного автора за другимъ, какъ то намъ усиленно рекомендовалось, приносило существенную пользу: мы вчитывались такимъ образомъ въ каждаго автора и усвоивали себѣ содержаніе всего прочитаннаго въ его цѣлости и совокупности. По всѣмъ другимъ предметамъ—по закону Божію, по географіи, по исторіи—повторяли весь годовой курсъ во всей его совокупности, обозрѣвая его со всѣхъ сторонъ, болѣе вникая въ него и болѣе заинтересовываясь имъ, чѣмъ когда мы проходили его по частямъ въ продолженіе всего года, рядомъ съ другими предметами. Такое самостоятельное, цѣлокупное повтореніе каждаго предмета одного за другимъ въ продолженіе вакаціоннаго времени должно было содѣйствовать и лучшему усвоенію каждаго предмета, и большей умственной сосредоточенности нашей, и развитію большей склонности и охоты къ самостоятельной умственной работѣ.

Я помню, съ какимъ удовольствіемъ я уединялся для этихъ занятій въ нашемъ тѣнистомъ саду, и съ какимъ усердіемъ я предавался имъ съ утра и до обѣда (обѣдали тогда рано, часа въ два), а нерѣдко и послѣ обѣда до вечерняго чаю или молока (въ 7 часовъ). Очень интересовалась этими моими занятіями сестра Надя и разспрашивала меня, что мною пройдено въ каждый день, и просила передавать ей содержаніе прочитаннаго мною изъ древнихъ авторовъ. Побуждалась она къ этому, кажется, только собственною любознательностью; но этотъ интересъ ея ко всѣмъ предметамъ очень оживлялъ всѣ мои занятія и дѣлалъ ихъ болѣе плодотворными.

Сообщ. **Левъ Георгіевскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XVIII [1]).

Неожиданные союзники.

Бороться съ укоренѣлыми англійскими предразсудками— во времена Биконсфильда—было вовсе не легко: требовалось даже исключительное мужество, чтобы отстаивать нѣкоторые русскіе взгляды и вѣрованія въ Англіи.

Тѣмъ не менѣе, среди самыхъ и даже либеральныхъ англичанъ появлялись иногда и люди, которые защищали даже драконовскія строгости, когда дѣло касалось ихъ собственныхъ колоній.

Такія противорѣчія были крайне любопытны.

Такъ, напримѣръ, лордъ Морлей открыто заявилъ себя ярымъ противникомъ конституціоннаго правленія въ Индіи.

Такъ 17 декабря 1908 г. онъ сказалъ въ Палатѣ лордовъ слѣдующее: „Если бы кто-нибудь попытался ввести представительное правленіе въ Индіи, или если бы теперешнія реформы направлены были къ подобному режиму тамъ, то я рѣшительно отказался бы отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, я лично противъ подобнаго управленія.

Если бъ я прожилъ даже двадцать разъ долѣе, чѣмъ я могу прожить, то конституція въ Индіи не входила бы въ мои планы“.

Лордъ Морлей предаетъ анаѳемѣ парламентское управленіе Азіи, а извѣстный писатель Фрудъ идетъ гораздо дальше; онъ распространяетъ это мнѣніе на весь міръ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

Всѣ же такія заявленія придавали бодрость Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Г-жу Новикову часто упрекали въ Англіи за ея твердую защиту самодержавія въ Россіи.

Она утверждала всегда, что волей-неволей приходится считаться въ особенностями каждой страны и не судить все огульно.

Откровенное мнѣніе лорда Морлея совпало съ ея собственнымъ.

Такого сильнаго союзника Ольга Алексѣевна не могла не цѣнить.

Особенно характерны слѣдующія слова этого талантливаго представителя либерализма въ Англіи:

„Я понимаю, что при скоромъ судопроизводствѣ"—говоритъ онъ, могутъ быть опасности и ошибки: я думаю, едва-ли кто-нибудь лучше меня знаетъ эти невыгодныя стороны, но есть случаи, когда правительство обязано допустить этотъ рискъ и уплатить эту цѣну, какъ бы высока она ни казалась.

„Это все равно, что война, вещь ненавистная сама по себѣ, однако самые большіе поклонники мира и нѣкоторые властители земли, имена которыхъ должны чтить съ благоговѣніемъ, какъ любители мира, отъ войны не отказываются. Вопросъ весь въ томъ, таково ли нынѣшнее положеніе въ Индіи, чтобы оправдать мѣры нашего правительства? Я не могу себѣ представить, чтобы, читая непреувеличенныя рѣчи и списокъ преступленій совершившихся и предполагаемыхъ, о которыхъ говорили въ Калькутѣ въ пятницу, кто-нибудь сомнѣвался въ необходимости ускореннаго судопроизводства.

„За границей склонны критиковать наше деспотичное законодательство, на основаніяхъ мнѣ непонятныхъ. Не наша вина, что мы должны прибѣгать къ нѣкоторымъ мѣрамъ. Мы должны защищать жизнь нашихъ офицеровъ, мы обязаны защищать мирныхъ и безвредныхъ жителей Индіи, какъ коренныхъ, такъ и европейцевъ одинаково отъ кровопролитнаго опустошенія. Мы глубоко сожалѣемъ объ этихъ мѣрахъ, но мы обязаны считаться съ дѣйствительностью и не правительство здѣсь, или въ Индіи создало эту обязанность.

„Нужно откровенно признаться въ этой необходимости.

„Я одобряю наши мѣры и буду всячески поддерживать нашихъ представителей въ Индіи".

Неудивительно, говоритъ Стэдъ, что г-жа Новикова была благодарна лорду Морлею. Ея неизмѣнное поборничество за Россію было причиной недружелюбнаго отношенія къ ней русскихъ революціонеровъ и людей, сочувствующихъ имъ. Между

послѣдними было нѣсколько ея прежнихъ друзей и союзниковъ въ Англіи въ борьбѣ противъ Турціи. Гладстонъ всегда относился съ строгой корректностью къ внутреннимъ дѣламъ Россіи. „Турція была подъ нашей опекой,—говорилъ онъ,—спасена отъ разрушенія британскимъ оружіемъ и существуетъ теперь лишь благодаря европейскому договору. Россія—независимая держава, и было бы неумѣстно англичанамъ вмѣшиваться въ ея домашнія дѣла, равно какъ, если бы русскіе захотѣли вмѣшаться въ неудовольствія Ирландіи. Нѣкоторые коллеги Гладстона были другого мнѣнія.

Въ Англіи не было болѣе смѣлаго борца за столь непопулярную идею о самодержавіи, какъ г-жа Новикова.

И она привлекла къ себѣ англичанъ именно своей отважностью, неоднократно повторялъ Стэдъ.

„Будь я англичанкой, я вѣроятно была бы либералкой, будь я американкой, я несомнѣнно была бы республиканкой, говорила она, но какъ русская, я вѣрю въ самодержавіе.

Оно было полезно Россіи, самодержавіе, безъ самодержца, или конституціонализмъ, доведенный до деспотизма массъ, съ примѣсью обмана насъ не привлекаетъ.

Мы вѣримъ нашему Государю, потому что мы обязаны самодержавію нашимъ существованіемъ, успѣхами цивилизаціи и освобожденіемъ болѣе сорока милліоновъ крѣпостныхъ по волѣ Царя, дѣло совершенное всего въ два года, комитетомъ, Имъ назначеннымъ.

Изстари славяне грѣшили наклонностью къ анархіи. Не будь этого, мы избѣжали бы междуусобныхъ войнъ, ужасовъ татарскаго ига и польскаго „не дозволимъ“, приведшаго Польшу къ раздѣлу.

Немного больше, чѣмъ столѣтіе, какъ замѣчаетъ извѣстный французскій писатель Рамбо, въ Россіи существовало не менѣе шестидесяти четырехъ удѣловъ, съ 235 соперничающихъ князей, несогласіе которыхъ было причиной восьмидесяти трехъ междуусобныхъ войнъ. Несчастная страна наша, потрясаемая этими непрерывными ссорами, сдѣлалась добычей всѣхъ своихъ сосѣдей. Одни половцы нападали на русскую землю сорокъ шесть разъ за это время. Возмездіе явилось въ нашествіи татаръ. Россію заполнила волна азіатскаго варварства и два столѣтія Россія, почти, не существовала. Во мракѣ и отчаяньи этихъ ужасныхъ столѣтій, русскіе поняли необходимость создать сильную центральную власть и слѣпо подчиниться ей. Послѣ того, какъ основано самодержавіе, татары были поко-

рены и Россія освобождена. Она вышла изъ татарскаго плѣна окровавленной и разбитой, но все же націей и государствомъ.

Въ Англіи просвѣщеніе началось снизу, народъ велъ, повелители слѣдовали, въ Россіи наоборотъ, Россія—Имперія деревень; огромныя пространства, безъ всякихъ путей сообщенія, препятствуютъ возможности скораго распространенія знанія. Государи настоящіе преобразователи Россіи, заключаетъ Рамбо.

Защищая самодержавіе, г-жа Новикова, выражала желаніе имѣть, какъ бывало встарь, Земскіе соборы.

Выражая свою полную преданность Императору Александру III этого замѣчательнаго и самоотверженнаго русскаго патріота, она говорила: Къ его всемогуществу желательно прибавить всевѣдѣнія. Въ нашей исторіи бывали случаи, когда такая освѣдомленность себя проявляла.

Земскій Соборъ былъ естественнымъ развитіемъ нашего политическаго роста. То были собранія представителей со всѣхъ концовъ Россіи съ духовенствомъ, иногда даже съ патріархомъ во главѣ.

Это было учрежденіе, не постоянное, какъ англійскій парламентъ, гдѣ люди обязаны говорить рѣчи, хотя часто они знаютъ, что сказать нечего и что едва-ли ихъ слушаютъ.

Этимъ учрежденіемъ, пожалуй, можно любоваться, но лишь съ литературной точки зрѣнія.

Конечно, при каждомъ человѣческомъ учрежденіи есть свои невыгодныя стороны.

Мы желали бы прежде всего, чтобы нашъ Государь сталъ ближе къ своему народу, и чтобъ онъ самъ видѣлъ наши нужды, наши недостатки, чтобъ онъ зналъ погрѣшности нѣкоторыхъ изъ его должностныхъ лицъ, ихъ небрежное отношеніе къ обязанностямъ. Эти послѣднія иногда боятся такой близости отношеній и всячески стараются скрывать факты, которые Императоръ могъ бы узнать.

Земскій Соборъ, составленный изъ высшаго духовенства, дворянъ и купцовъ, могъ бы служить этой цѣли даже теперь. Екатерина Великая поручила созванному ею представительному собранію написать новые законы.

Самодержавіе — оружіе, которому послѣ освобожденія крѣпостныхъ суждено сдѣлать еще много преобразованій.

Въ Англіи такъ мало извѣстно о Земскомъ Соборѣ, пишетъ Ольга Алексѣевна, что меня извинятъ за поясненіе того, какъ скромны были желанія русскаго національнаго общества. Слово

„Соборъ“ означаетъ собраніе, Земскій Соборъ есть собраніе людей, призываемыхъ изъ всего государства, въ то время, когда страна нуждалась въ откровенномъ и честномъ мнѣніи.

На дняхъ меня любезно посѣтилъ одинъ изъ членовъ англійскаго парламента. Онъ имѣлъ весьма важный видъ, монотонно и поучительно говорилъ о Россіи и о многихъ ея недостаткахъ, гдѣ онъ никогда даже не бывалъ.

Въ 1880 г. правительственныя власти считали Земскій Соборъ опасной поддержкой революціи въ Россіи.

Цензоръ даже запретилъ книгу г-жи Новиковой „Россія и Англія“ за главу о Земскомъ Соборѣ. А эта книга, недопускаемая въ Россіи въ теченіе 2-хъ лѣтъ, самая краснорѣчивая, по мнѣнію Стэда, самая патріотическая и самая существенная защита Россіи, какая когда-либо была написана, на какомъ бы то ни было языкѣ.

Ея запрещеніе вызвало много насмѣшекъ надъ русскимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Она вызвала удивленіе и похвалы извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и европейскихъ ученыхъ.

Девять лѣтъ спустя, Стэдъ издалъ сочиненіе: „Соединенные Штаты Европы“, написанное исключительно въ видахъ распространенія въ Европѣ предложенія Государя Императора собрать мирную конференцію о разоруженіяхъ, состоявшуюся въ Гаагѣ въ 1899 г.

Муравьевъ, котораго я посѣтилъ, говоритъ Стэдъ, въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, горячо меня благодарилъ за этотъ трудъ.

„Благодарю Васъ“, сказалъ я, улыбаясь, я не ожидалъ услышать это по двумъ причинамъ, первая: что я себѣ позволилъ критиковать политику г-на Муравьева, а вторая то, что я только-что получилъ извѣстіе, что книга конфискована цензоромъ на почтѣ.

Министръ пожалъ плечами, „о, эти цензоры. Что касается осужденія Вами моей политики, я могу сказать, что жалѣю, что Вы несогласны со мной, но чтобъ я сердился за это—никогда. Я Вамъ разскажу исторію, продолжалъ министръ, когда я былъ маленькимъ секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, мнѣ давали иногда порученіе развозить статьи для помѣщенія въ газетахъ. Вы, конечно, знаете, что это дѣло простое: столько-то франковъ на столъ и столько-то мѣста въ газетѣ на другой день. Объѣздивъ редакціи, я возвратился очень недовольный. Начальникъ мой спросилъ, что я дѣлалъ? Бро-

салъ русскія деньги и безъ всякой пользы, отвѣчалъ я. Почему, спросилъ тотъ? „Потому“, объяснялъ я, что статья, которую Вы послали меня отдать въ печать, полна такихъ похвалъ, что правительство Архангеловъ не заслужило бы большихъ. Каждый глупецъ, который ее прочтетъ, сейчасъ увидитъ, что это реклама, продиктованная и заплаченная столько-то за строку. Это ненужная трата русскихъ денегъ. Съ тѣхъ поръ я всегда помню правило: дѣлая салатъ, не забудьте объ уксусѣ, т. е. необходимо иногда допускать и слово упрека.

Къ сожалѣнію, русскіе цензоры не такъ благоразумно разсуждаютъ, только этимъ можно объяснить, что книга г-жи Новиковой два года не появлялась въ Россіи.

Когда графъ Игнатьевъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ заѣхалъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ Москвѣ; она ему сообщила инцидентъ съ цензоромъ; графъ разсердился на глупость своего подчиненнаго и послалъ тотчасъ же депешу въ Петербургъ разрѣшить продажу книги. Но политическія статьи не долговѣчны и трудно оживаютъ послѣ двухлѣтней ссылки.

„Ils vivent ce que vivent les rores. L'espace d'un matin“.

Ея защита Россіи была принята съ большимъ энтузіазмомъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было этого ожидать, напримѣръ, г. Emile de Lovelye, очень восхищался этимъ произведеніемъ. Онъ пишетъ:

12-го апрѣля 1879 г.

Защита самодержавія г-жи Новиковой необыкновенно краснорѣчива, писалъ онъ, кромѣ того, съ точки зрѣнія общепринятой, она удивительно обоснована. Русскіе Государи дали Россіи ея теперешнее значеніе и ввели въ нее западную культуру.

„Парламентская система едва-ли годилась бы для Россіи и, въ дѣйствительности, она приводитъ уже къ печальнымъ результатамъ на континентѣ.

Извѣстный историкъ Фрудъ не терялъ случая обращать вниманіе г-жи Новиковой на дурныя стороны конституцій. Вотъ, что онъ писалъ объ общихъ выборахъ въ Англіи 1880 года.

25-го апрѣля 1880 г.

„Трудно себѣ представить странныя перемѣны въ человѣческихъ мысляхъ. Газеты, шумѣвшія зимой противъ Гладстона, убѣждены теперь, что онъ лучшій въ мірѣ государственный человѣкъ. Чернь, бившая его окна, стремилась привѣтствовать его пріѣздъ въ Лондонъ и наполняла ежедневно Хар-

лей-стритъ, чтобъ только взглянуть на него. И такому народу дано управлять всей Великобританіей! Ихъ милые голоса, при нашей знаменитой конституціи, считаются уполномоченными вести политику великой страны. Конечно, я лично очень радъ, что Биконсфильдъ лишенъ возможности поджигать Европу, но кто можетъ довѣрять черни, кричащей сегодня одно, а завтра другое?

Онъ писалъ опять 7-го января 1881 г.

„Я предсказываю, что сессія будетъ безпомощная и безтолковая. Могутъ возстать ирландцы, хотя не думаю, чтобы они возмутились. Если это случится теперь, то дѣло будетъ все же не шуточное.

„У васъ, въ Россіи, много собственныхъ опасностей и заботъ. Не увеличивайте ихъ, не дѣлайте ихъ непреодолимыми введеніемъ конституціи. Одна партія какъ другая, также безсильна сдѣлать добро. Не идите по этому пути. Конституціонное правленіе надо ненавидѣть, бѣжать отъ него; идите мимо.

Фрудъ пишетъ: 23-го марта 1881 г.

„Пожалуйста напишите мнѣ объ ужасѣ, случившемся въ Петербургѣ. Я начинаю ненавидѣть весь этотъ либерализмъ, прогрессъ и развитіе. Апостолы свободы такъ же мало мнѣ по вкусу, какъ они были Гёте, и я былъ бы счастливъ, если бъ вашъ Императоръ заставилъ свой народъ понять, что спасеніе его не въ новыхъ идеяхъ, но въ старомъ, честномъ трудѣ“.

20-го февраля 1881 г.

„При парламентѣ никогда не избираются подходящіе люди въ начальники отдѣловъ, а всегда самые не подходящіе. Не знаю, что объ этомъ думаетъ вашъ другъ Аксаковъ, но пусть онъ вникнетъ въ дѣятельность англійскихъ учрежденій, въ настоящую минуту, пусть это будетъ предостереженіемъ для него, если онъ все еще склоненъ имъ подражать“.

31-го мая 1881 г.

„Я, лично, несмотря на биржу и на враждебныя статьи, все еще вѣрю въ Россію. Народъ вашъ вѣренъ, имѣетъ вѣру въ Бога и у васъ, пока, нѣтъ парламента, поэтому я думаю, что вы успѣваете, хотя я мало знаю о васъ, но моя вѣра въ ваше будущее сильна“.

Въ томъ же настроеніи онъ пишетъ 21-го декабря:

„Удивляюсь, почему Императоръ не перенесетъ столицу въ Москву, въ настоящій центръ Россіи; на-дняхъ былъ слухъ

опять о заговорѣ. Но я вѣрю въ Россію, я вѣрю, что она будетъ велика и гордо будетъ стоять тогда, когда мы, люди прошлаго, взлетимъ отъ внутренняго взрыва, причиненнаго парламентомъ. Но это только мои мысли, я близко знаю наше положеніе, но не знаю хорошо вашего".

Что возмущало Фруда — было его убѣжденіе, что проповѣдниками свободы въ России были англичане. Онъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Но ваша великая родина избавляется отъ своихъ бѣдъ. Я убѣжденъ, что вы особенно пострадали отъ переводовъ съ нашихъ англійскихъ политиковъ, какъ Джонъ Миль и друг., которыхъ Россія приняла за Евангеліе и была отравлена ими. Они плохіе авторитеты и очень вредные для такого воспріимчиваго народа, какъ русскій.

Возбужденіе, произведенное угрожающими рѣчами Скобелева, испугало Фруда. Онъ пишетъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Дорогой мой другъ. Я долженъ написать вамъ. Меня удивляетъ тонъ вашихъ славянскихъ друзей. Надѣюсь, ваше правительство будетъ мудрѣе ихъ".

„Россія можетъ сохранить свое высокое положеніе въ Европѣ и можетъ быть сильна и даже первенствующая, но при условіяхъ, что она сохранитъ спокойствіе и достоинство. Зажигательныя рѣчи военныхъ ораторовъ не болѣе приличный способъ дать знать о чувствахъ великой націи, чѣмъ вой газетъ, какъ это справедливо опредѣляетъ общественное мнѣніе. Вашъ другъ. Я вѣрилъ вамъ, русскимъ, потому, что считалъ васъ выше всего этого. Долженъ ли я заключить, что и вы начинаете дробиться на части, подобно всей Европѣ, и безпомощно стремитесь за волной чувствъ. Вашъ долгъ служить примѣромъ міру благоустроеннаго и твердаго управленія".

„Простите, дорогой другъ, мои сильныя выраженія, тысячи благоразумныхъ и образованныхъ людей думаютъ какъ я, а разумнымъ сужденіемъ безпристрастныхъ зрителей не слѣдуетъ пренебрегать".

Г-жа Новикова, говоритъ Стэдъ, никогда не желала мстить безумнымъ русскимъ революціонерамъ и если кто-нибудь изъ нихъ раскаивался, она спѣшила хлопотать о возстановленіи его въ число честныхъ гражданъ; однако тотъ долженъ былъ не только раскаяться, но и доказать на дѣлѣ свою искренность.

Готовность ея принять блуднаго сына, происходившая отъ ея доброты и жалости, нисколько не нарушила, а скорѣе укрѣпила преграду, отдѣляющую г-жу Новикову отъ группы рус-

скихъ нераскаявшихся изгнанниковъ, поселившихся въ Лондонѣ. Она все лелѣяла великодушную мечту: учредить своихъ агентовъ, обязанность которыхъ была бы находить искренно кающихся, введенныхъ въ заблужденіе революціонеровъ, могущихъ возвратиться на родину и сдѣлаться ей полезными. Г-жа Новикова была глубоко убѣждена, что міръ удивился бы тому количеству людей, которые сожалѣютъ о своемъ прошломъ и желаютъ возвратиться къ долгу.

Какой-то врагъ русскаго правительства сталъ посылать Ольгѣ Алексѣевнѣ въ 1893 году газету, подъ названіемъ „Свободная Россія", объявившую себя изданіемъ англійскаго общества „Русской Свободы". Предсѣдатель этого общества, г-нъ Ватсонъ, ставилъ цѣлью своего изданія попытку „уничтожить русское правительство", обезславленное имъ со всею изобрѣтательностью нигилиста.

Замѣтивъ направленіе газеты, г-жа Новикова бросала ее, не читая. Какъ-то разъ ей случилось взглянуть на заглавную страницу, на которой были крупно напечатаны имена членовъ Комитета друзей „Русской Свободы". Къ удивленію и отвращенію своему, она увидѣла имена двухъ членовъ кабинета Гладстона. Членъ парламента Акландъ, членъ парламента Шо-Лефивръ и Томасъ Бёртъ. Она тотчасъ же высказала Гладстону свое негодованіе.

Въ тотъ самый день, пріемъ у лэди Спенсеръ, г-жа Новикова встрѣтилась съ Гладстономъ. Съ обыкновенной своей живостью Ольга Алексѣевна напустилась на Гладстона съ выговоромъ. „Какой стыдъ, что два ваши министра участвуютъ въ журналѣ „Свободная Россія", органѣ революціонеровъ и самыхъ лютыхъ враговъ Россіи".

Гладстонъ отвѣчалъ, тоже съ живостью: „Это невозможно, совершенно невозможно. Докажите, иначе я не могу повѣрить".

„Хорошо, сказала г-жа Новикова, вы увидите доказательство, что я говорю".

На другой день она стала искать № газеты, но ее, видимо, уничтожили. Что дѣлать? Погода была ужасная: былъ сильнѣйшій туманъ и пронизывающій дождикъ, она не знала, гдѣ найти № „Свободной Россіи". Не долго думая, г-жа Новикова отправилась въ Сити и лишь съ величайшимъ трудомъ, наконецъ, она нашла нѣсколько №№ 1-го декабря 1893 года.

Возвратясь домой, она съ торжествомъ сѣла писать Гладстону.

5-го декабря 1893 г.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ. Изъ словъ вашихъ, вчера, у Спенсеровъ, я убѣдилась, что вамъ совершенно неизвѣстно все изданіе нигилистическаго органа „Свободная Россія“. Главные основатели этой газеты „Волховскій“ и „Степнякъ“ — настоящее имя послѣдняго очень извѣстно въ Россіи—„Кравчинскій“. Мнѣ приходитъ въ голову, что три члена вашего министерства могутъ и не подозрѣвать, что ихъ высоко почитаемыя имена появились въ такомъ дурномъ обществѣ. Прилагаю печатный экземпляръ въ подтвержденіе моихъ словъ. Искренній привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Ольга Новикова“.

Гладстонъ отвѣчалъ.

6-го декабря 1893 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я снесся съ Лефивромъ и посылаю вамъ выдержку изъ его отвѣта ко мнѣ. Долженъ сказать, что Томасъ Бёртъ, имя котораго находится въ спискѣ этого мало извѣстнаго общества, человѣкъ, по моему мнѣнію, совершенно не способный участвовать въ нигилистическихъ планахъ. Если же окажется очевиднымъ какое-нибудь отношеніе къ обществу, я продолжу свое разслѣдованіе и приму противъ этого должныя мѣры. Вѣрьте моей преданности. Гладстонъ“.

Вотъ подлинная выдержка изъ отвѣта министра Лефивра.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ. Одно время я подписывался на общество называемое „Друзья Русской Свободы“, но никогда не былъ членомъ его комитета, и ничего не имѣлъ общаго съ его дѣлами. Изъ бумагъ, присылаемыхъ мнѣ, я не имѣлъ повода предполагать, что онѣ революціонныя. Лефивръ“.

„Г-жа Новикова, въ отвѣтъ на это, послала Гладстону заглавный листъ газеты съ крупно напечатаннымъ спискомъ именъ. Гладстонъ отвѣчалъ.

8-го декабря 1893 г.

„Дорогая г-жа Новикова, — я передалъ вопросъ о „Свободной Россіи“.

„Очень благодаренъ вамъ за сообщеніе. Мнѣ кажется, что нашему министру не подобаетъ дѣлаться членомъ политическаго общества другихъ странъ. Лучше было бы ему заняться собственными дѣлами, которыхъ у насъ довольно, болѣе чѣмъ довольно“.

„Оба мои коллеги Лефивръ и Акландъ, повидимому, согласны въ этомъ со мной. Они отказали обществу въ своихъ именахъ и говорятъ, что забыли о принадлежности къ нему,

чему легко можно повѣрить, принявъ во вниманіе безчисленное количество частныхъ организацій у насъ".

„Я не думаю преслѣдовать г-на Бёртъ, развѣ въ томъ случаѣ, если вы это пожелаете, такъ какъ онъ не министръ и онъ такой прекрасный старикъ, что мнѣ не хочется его обезпокоить. Преданный вамъ Гладстонъ".

Такъ окончился инцидентъ, о которомъ судить можно очень различно, говоритъ Стэдъ, смотря, какова точка зрѣнія читателя. Что г-жа Новикова поступила правильно, это призналъ самъ Гладстонъ. Конечно, министры имѣютъ много преимуществъ, но они также имѣютъ и ограниченія и въ то время, когда имъ ввѣрено веденіе дѣлъ Имперіи, они не имѣютъ права вступать въ общество, котораго открытая цѣль уничтоженіе правительства дружеской державы, въ содѣйствіи съ которой они ведутъ международную политику, какъ было, напримѣръ, въ Европейскомъ концертѣ, въ международномъ третейскомъ судѣ и въ Гаагской конференціи.

Единственное письмо г-жи Новиковой, найденое мною, по поводу послѣднихъ событій въ Россіи, относится къ назначенію генерала Игнатьева министромъ внутреннихъ дѣлъ и его циркуляру.

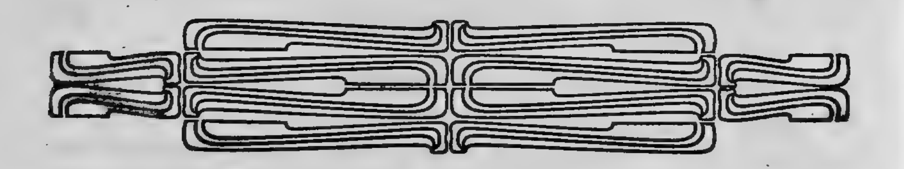
Москва, 19-го мая 1881 г.

Великое у насъ событіе, назначеніе генерала Игнатьева и его циркуляръ. Вѣроятно, телеграфъ уже сообщилъ всѣ его подробности заграничной печати. Теперь намъ нужнѣе всего національная политика для нашихъ внутреннихъ дѣлъ, т.-е. полный союзъ между Монархомъ и народомъ. Это жизненная потребность. Избави насъ Богъ отъ всякой мысли о партійности, консервативной ли, либеральной или всякой другой. Мы всѣ должны составить одну нераздѣльную партію національную. Будемъ либеральны въ нашемъ консерватизмѣ и консерваторами въ либерализмѣ, если это будетъ нужно для блага Россіи. Вмѣсто того, чтобы стыдиться принциповъ, которые въ дѣйствительности составляютъ нашу славу, будемъ держаться нашихъ особенностей, если Россія приняла христіанскую нравственность, пусть же она будетъ и основаніемъ нашей политики.

„Этому послѣднему желанію да скажутъ всѣ народы Аминь".

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1-го февраля. Петроградскому обывателю пришлось столкнуться съ Петроградскими попечительствами о бѣдныхъ.

Удивительными шагами шествуютъ многія попечительства Петрограда.

Такъ далеко ушло впередъ дѣло благотворенія и такъ всколыхнула его война. Пришлось ознакомиться ближе съ 7-мъ и 20-мъ попечительствами. Образцово устроено 7-е попечительство. Домъ, гдѣ помѣщается попечительство (уголъ Воздвиженской и Воронежской), положительно забитъ биткомъ благотворительными учрежденіямъ, чего только тутъ нѣтъ—тутъ и столовая съ прекрасной, *дешевой* и для многихъ безплатной пищей, тутъ же помѣщается масса мастерскихъ для изготовленія бѣлья, сапогъ и др., прачешная, ясли, безплатныя комнаты, дѣтскіе пріюты и такъ называемое у нихъ бюро труда. Послѣднее ведется очень разумно. Въ комнатѣ бюро толпится масса женщинъ, которымъ бюро труда пріискиваетъ соотвѣтственную работу; безпрерывно звонитъ телефонъ, ведутся надлежащія записи и нуждающіяся въ помощи выходятъ отсюда, получивъ ту работу, которую онѣ въ состояніи выполнить. Тутъ все дѣло ведутъ много барышень, энергичныхъ труженицъ, своего рода мирныхъ сестеръ милосердія—этими всѣми благотвореніями руководилъ съ замѣчательной энергій и разумомъ профессоръ Земацкій.

Въ 20 попечительствѣ на Выборгской (Ньюстадская, 13) пришлось встрѣтиться съ замѣчательнымъ общественнымъ дѣяте-

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ апрѣль 1915 г.

лемъ, замѣстителемъ предсѣдателя попечителя В. И. Андреевымъ. Трудно себѣ представить, сколько энергіи и сердца вкладываетъ въ это дѣло этотъ почтенный человѣкъ. Какъ онъ близокъ къ семьямъ призванныхъ на войну 20 попечительства, какъ онъ знаетъ всѣ ихъ нужды, какъ умѣетъ онъ быстро и своевременно помочь настоятельной, крайней, нуждѣ, какъ прозорливо распознаетъ тѣхъ, кто преувеличиваетъ свои нужды. Какая регистрація постоянно всему ведется:—его достойныя помощницы В. Н. Кропачева и Н. В. Сергѣева все точно записываютъ въ свои книжки и карточки. Каждому грошику ведется строгій учетъ. Все дѣло идетъ необыкновенно быстро, просто и жизненно.

Какіе чудные люди ума, сердца и таланта хранятся на матушкѣ Руси, только надо ихъ съумѣть привлечь къ дѣлу. В. И. Андреевъ явился добровольцемъ на этотъ общественный, безвозмездный, подвигъ.

Недавно въ Павловскомъ военномъ училищѣ Г. Левицкій докладывалъ о способѣ избавиться отъ тяжкихъ послѣдствій ранъ въ животѣ. Самымъ надежнымъ средствомъ онъ считаетъ полное отсутствіе передъ раненіемъ въ пищеварительныхъ органахъ какой-либо пищи и ея остатковъ. Этого состоянія внутренностей человѣческаго организма можно достигнуть пріемомъ вмѣсто обычной пищи жировыхъ веществъ, преимущественно масла, сала или прованскаго масла! Эти вещества цѣликомъ всасываются въ организмъ и не развиваютъ газовъ. Пораненіе при такомъ состояніи внутренностей по его мнѣнію неопасно, такъ какъ даетъ малую потерю крови, края раны быстро закрываются и заживаютъ.

Совѣтовалъ бы господамъ, утверждающимъ, что извѣстія о германскихъ звѣрствахъ преувеличены, съѣздить въ любой изъ госпиталей и попросить тамъ разрѣшенія присутствовать хотя при одной перевязкѣ раненнаго германской разрывной пулей. Утверждаю, что эти иллюзія прекратились бы сразу при одномъ видѣ этого ужаснаго зрѣлища, такъ страшно развороченнаго живого, человѣческаго, мяса.

Слышалъ, что при стрѣльбѣ австрійцевъ изъ укрѣпленій Перемышля разрывными пулями генералу Кусманеку властно и твердо было сообщено, что взятыхъ съ разрывными пулями австрійцевъ будутъ разстрѣливать. Австрійскій отвѣтъ хотя и

гласилъ, что за одного разстрѣляннаго австрійца будутъ разстрѣляно вдвое русскихъ, но стрѣльба разрывными пулями прекратилась.

Примѣръ назидательный для подражанія.

Особаго интереса заслуживаетъ общее настроеніе нашей арміи, сложившееся у каждаго изъ нашихъ сѣрыхъ героевъ во взглядѣ ихъ на позиціонную войну. Это настроеніе рельефно выразилось въ отвѣтѣ на вопросъ, предложенный одному изъ нашихъ чудобогатырей.

— Что, братецъ, усталъ?

— Такъ точно, усталъ, на мѣстѣ стоямши. Впередъ охота, чтобы, значитъ, до нѣмца скорѣй добраться.

Берлинскія газеты сообщаютъ, что кайзеръ посѣтилъ Ченстоховъ, а затѣмъ поѣхалъ въ Лодзь для смотра арміи Макензена; а 23 и 24 января онъ провелъ въ Ленчицѣ въ штабѣ Гинденбурга.

По словамъ „Berliner Tageblatt", нѣмецкія власти въ Лодзи, опасаясь покушенія на императора, приняли чрезвычайныя мѣры охраны. Во время пребыванія императора улицы какъ бы вымерли. Лавки были закрыты, всѣ окна заперты. Ни одно штатское лицо не могло показаться на улицѣ безъ особаго разрѣшенія. У всѣхъ дверей домовъ стояла стража. Отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ городѣ была возложена на городскую милицію.

Площадь, на которой состоялся смотръ, была окружена пулеметами, и надъ ней парилъ германскій аэропланъ,—все это изъ боязни внезапнаго нападенія русскихъ.

Послѣ богослуженія кайзеръ произнесъ горячую рѣчь, заявивъ, что Германія должна заставить своихъ враговъ заключить почетный миръ.

Сотрудникъ „Müncherer Neuste Nachrichten" Ганггоферъ посѣтилъ Германскую главную квартиру и бесѣдовалъ съ императоромъ Вильгельмомъ. Ганггоферъ говоритъ, что у кайзера появилась сѣдина на вискахъ, и что онъ замѣтно посѣдѣлъ.

Это подтвердилъ въ разговорѣ съ Гангферомъ и генералъ, часто посѣщающій императора. Генералъ этотъ сказалъ Гангоферу:

Въ послѣднее мое посѣщеніе главной квартиры видъ императора поразилъ меня: голова у него посѣдѣла, фигура сгорбилась. Все это, очевидно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Я наблюдáлъ за нимъ, когда онъ пилилъ дрова (онъ занимается здѣсь этимъ такъ же, какъ и въ Потсдамѣ), и былъ пораженъ его разсѣянностью и блуждающимъ взглядомъ.

Вильгельмъ передалъ Гангоферу: „Многіе называютъ насъ варварами, руководствуясь внѣшней шлифовкой, не понимая разницы между цивилизаціей и культурой. Англичане, конечно, очень цивилизованный народъ; это всегда замѣтно въ гостиной, но быть культурнымъ—значитъ обладать глубокой совѣстью и высокой нравственностью. Совѣсть и нравственность—достояніе моихъ нѣмцевъ. Говорятъ, что я стремлюсь къ міровому господству. Это чепуха. Но въ нравственности, прилежаніи и совѣсти нѣмцевъ заключается завоевательная сила, которая откроетъ имъ міръ“ [1]).

Какой запасъ нахальства и наглости надо имѣть, чтобы говорить о нравственности германцевъ въ настоящее время.

Во время недавняго разгрома турецкой арміи на Кавказѣ чудеса храбрости оказали наши пластуны. Разсказываютъ, что во время одного изъ этихъ боевъ генералъ Г. спокойно и не спѣша отдаетъ приказанія и никому и въ голову не придетъ мысль, что возможно наступать по находящейся впереди отвѣсной кручѣ. И вдругъ слышится его приказаніе: „Ну, кажется, пора двинуться впередъ“!

— Ваше п—ство! помилуйте, куда же тутъ двигаться?! Тутъ и птица не пролетитъ!

— Пластунъ, батюшка мой, не птица, а вездѣсущій духъ!— отвѣчаетъ генералъ.—Что вы мнѣ на птицу указываете!

И пластуны не только идутъ, но и берутъ такія кручи, гдѣ развѣ орлу подъ силу [2]).

По свѣдѣніямъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, новая австро-германская авантюра представляется въ слѣдующемъ

---

[1]) „Нов. Вр.“, № 13968 с. г.

[2]) „Нов. Вр.“, № 13963 сего года.

видѣ: изъ Восточной Пруссіи германцы наступаютъ, широкимъ фронтомъ, и весьма значительными силами. По этимъ свѣдѣніямъ фронтъ наступающихъ германскихъ силъ начинается на сѣверѣ у Юрбурга, затѣмъ ниспадаетъ къ югу до Лыка и Граева (въ 20 верстахъ отъ Оссовца), затѣмъ поворачиваетъ на юго-западъ къ Мышинцу и по Млавскому фронту доходитъ до Серпца.

Для Петроградскаго обывателя теперь совершенно ясно, что господинъ Гинденбургъ выкидываетъ значительныя силы на сообщенія Варшавы съ Петербургомъ, претъ на Оссовецъ, исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ завѣтную мечту кайзера и прусскаго юнкерства вытѣснить насъ изъ Восточной Пруссіи и освободить всю землю для весеннихъ посѣвовъ.

По подсчету на картѣ фронтъ наступающихъ прусскихъ силъ простираются до 350 верстъ. Откуда пруссаки набрали столько силъ, мы не знаемъ. Но, судя по свѣдѣніямъ отъ жителей Варшавскаго фронта, въ концѣ января о готовящемся отступленіи германцевъ въ этомъ раіонѣ, мы не можемъ не придти къ заключенію, что генералъ Гинденбургъ перевозилъ германцевъ съ Варшавскаго фронта на Прусскій, усиливъ ихъ какими-то новыми формированіями.

Наступившіе морозы окрыляютъ мечты Гинденбурга и кайзера, что имъ удастся быстро наступать по скованнымъ рѣкамъ и болотамъ въ русскіе предѣлы.

Въ этомъ наступленіи намъ кажется очень страннымъ одно обстоятельство. Въ одной изъ корреспонденцій изъ Восточной Пруссіи съ самаго начала германскаго наступленія мы прочли, что на восточномъ фронтѣ германцы не наступаютъ, а бѣгутъ по дорогамъ, при чемъ пѣхота оставляетъ далеко позади себя и артиллерію, и обозы. Выходитъ такъ, что они наступаютъ навѣрняка, зная наше расположеніе.

На Карпатахъ, по свѣдѣніямъ нашей главной квартиры, австро-германцы ведутъ энергичное наступленіе на всѣхъ перевалахъ.

Въ Буковинѣ у Надворной выдвигаются значительныя силы австрійцевъ. Выходитъ, что непріятель ломится по направленію къ Перемышлю, на Карпатахъ и энергично наступаетъ на насъ на флангахъ въ Буковинѣ и Восточной Пруссіи. По линіи непріятельскаго расположенія Юрбургъ отъ Надворной отстоитъ на 1.200 верстъ. Вотъ условія современныхъ боевыхъ операцій.

---

2 февраля.—Слышалъ, что съ выселеніемъ нѣмецкихъ колонистовъ изъ Царства Польскаго нѣмецкіе разъѣзды дѣйствуютъ очень плохо. Теперь уже нѣтъ блестящей шпіонской службы нѣмцевъ-колонистовъ, они не указываютъ германцамъ безопасной дороги, не даютъ имъ пріюта и не предупреждаютъ ихъ о передвиженіяхъ нашихъ войскъ. Маніемъ руки, выгнавшей колонистовъ нѣмцевъ — прекратилась успѣшная развѣдка прусской конницы. Можетъ быть, нѣмцы-колонисты, наполняющіе Россію внѣ приграничной сферы выселенія, и теперь, инымъ путемъ, ведутъ со своимъ фатерландомъ полезныя сношенія.

---

3 февраля.—Италіанская газета „Corriere della Sera“ приводитъ соображенія по поводу рѣчей въ Государственной Думѣ предсѣдателя совѣта министровъ и нашего министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ ясныхъ, опредѣленныхъ словахъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ относительно рѣшенія Россіи добиться свободнаго прохода черезъ Дарданеллы газета видитъ указаніе на то, что петроградскій кабинетъ въ настоящее время получилъ на это согласіе Англіи и что надежды Россіи добиться англо-русскаго соглашенія по всѣмъ вопросамъ, касающимся какъ Средиземнаго моря, такъ и Азіи, нынѣ вполнѣ осуществлены.

Въ раіонѣ Августова наши войска вели упорный бой съ превосходными силами нѣмцевъ, стремящимися охватить оба наши фланга. Отъ Граева на Оссовецъ продвигалась непріятельская колонна. На Карпатахъ отбиты австро-германскія атаки у Козювки и Вышкова. Въ Буковинѣ непріятель занялъ Надворную и переходитъ рѣку Серетъ.

---

4 февраля.—Членъ Государственнаго Совѣта князь А. Н. Лобановъ-Ростовскій, тщательно изучившій высоко правильный, талантливо и практично разработанный министромъ юстиціи Франціи Аристидомъ Бріаномъ законъ о секвестрѣ германскаго и австро-германскихъ имуществъ, внесъ подобное пожеланіе въ Государственный Совѣтъ для осуществленія его въ Россіи. Вотъ полный текстъ этого превосходнаго пожеланія, которому пламенно желаю полнѣйшаго осуществленія [1]):

---

[1]) „Веч. Вр.“ 4 февраля сего года.

„Принимая во вниманіе: 1) что въ виду изданнаго въ Германіи закона, разрѣшающаго двойное подданство, германскими подданными должны быть почитаемы также и тѣ бывшіе подданные Германіи, которые приняли русское подданство послѣ 1870 года. 2) что подданные Германіи являются собственниками въ предѣлахъ Россіи значительнаго количества недвижимыхъ имуществъ, въ томъ числѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. 3) что, какъ показалъ опытъ, на-ряду съ осуществленіемъ такового права собственности и прикрываясь послѣднимъ, эти подданные вражеской страны неуклонно въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ служили завоевательнымъ планамъ состоящей нынѣ въ войнѣ съ Россіей германской имперіи, при чемъ старались всѣми силами, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, даже самыхъ предосудительныхъ, вредить безопасности Россійской Имперіи, сохраняя враждебную пріютившему ихъ русскому народу обособленность, покрывъ русскую территорію сѣтью шпіонскихъ организацій и обращая доходы отъ принадлежащихъ имъ имуществъ на служеніе мечтамъ о германской гегемоніи, являющимся угрозой началамъ права и цивилизаціи. 4) что поэтому дальнѣйшее сохраненіе за подданными Германіи правъ на имущества, находящіяся въ Россіи, было бы равносильно ослабленію мощи послѣдней въ трудную переживаемую ею нынѣ минуту величайшаго напряженія духовныхъ и матеріальныхъ ея силъ. 5) что принятыя въ союзныхъ съ Россіей государствахъ мѣры секвестра имуществъ германскихъ подданныхъ необходимо безотлагательно примѣнить и въ Россіи, ибо всякое въ этомъ дѣлѣ промедленіе можетъ лишь поддержать противодѣйствіе непріятеля геройскимъ усиліямъ побѣдоносныхъ русской и союзныхъ армій въ дѣлѣ сокрушенія упорнаго, жестокаго и вѣроломнаго врага. 6) что кромѣ германскихъ подданныхъ должны быть ограничены на время войны въ имущественныхъ правахъ и подданные Австро-Венгріи, какъ воюющей съ Россіей державы; князь Лобановъ-Ростовскій высказываетъ пожеланіе, чтобы правительство въ ближайшемъ будущемъ озаботилось изданіемъ въ порядкѣ спѣшности и безотлагательнымъ примѣненіемъ мѣръ къ секвеструвсякихъ товаровъ, капиталовъ и вообще движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ занимающимся торговлей, промышленностью или земледѣліемъ въ Россіи подданнымъ Австро-Венгріи, за исключеніемъ лицъ славянскаго происхожденія, и Германіи, а также лицамъ, перешедшимъ изъ германскаго въ русское подданство послѣ изданія герман-

Автомобиль Ратко-Дмитріева.

скаго закона о двойномъ подданствѣ, хотя бы даже эти лица прекратили свои операціи со времени объявленія войны, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что вышесказанныя лица оперируютъ подъ личиной обществъ, дѣйствующихъ въ Россіи, или же прикрылись именемъ подданныхъ Россіи, союзныхъ или нейтральныхъ государствъ".

---

5 февраля.—Бои между Нѣманомъ и Вислой продолжались; наибольшаго упорства они достигли въ раіонѣ Августова и на путяхъ отъ Серпа къ Плонску. На Карпатахъ отбиты безпрерывныя атаки отъ Свидника, до Верхняго Сана, въ раіонахъ Козювки, Тухлы, Вышкова и Клаусы. Въ Буковинѣ наши отряды отошли за Прутъ.

Когда при встрѣчѣ нашего транспорта-заградителя „Прута" съ неизмѣримо сильнѣйшимъ врагомъ— крейсеромъ-дредномъ „Гебенъ" и сопровождавшими его миноносцами — на Черномъ морѣ рѣшено было затопить „Прутъ", чтобы судно не попало въ руки непріятеля, немедленно были открыты всѣ кингстоны, и вода хлынула въ трюмъ судна [1]). Но врагъ былъ слишкомъ близокъ. Явилась опасность, что онъ можетъ захватить корабль прежде, чѣмъ онъ успѣетъ затонуть. Нужно было ускорить погруженіе судна или привести его въ полную негодность.

Минный офицеръ А. В. Рогускій, спеціалистъ по устройству взрывовъ, рѣшилъ исполнить свой послѣдній долгъ по отношенію къ родному кораблю.

Въ это время команда, получившая разрѣшеніе отъ начальства спасаться, столпилась около трапа на верхней палубѣ. Лейтенантъ Рогускій подошелъ къ матросамъ и обратился къ нимъ, главнымъ образомъ имѣя въ виду своихъ подручныхъ— минеровъ.

— Кто не хочетъ спасаться, пойдемъ со мной взрывать корабль.

Когда открытъ былъ пороховой складъ, лейтенантъ Рогускій моментально спустился туда и оттуда сказалъ своимъ помощникамъ:

— Ну, теперь уходите!

---

[1]) „Русское Слово" 5 февраля сего года.

Послѣдніе изъ команды, не нашедшіе себѣ мѣста въ шлюпкахъ, бросились на койкахъ въ воду. На „Прутѣ" остались: на верхнемъ мостикѣ — іеромонахъ Антоній, старецъ, молившійся о спасеніи своихъ духовныхъ чадъ, и въ трюмѣ, въ пороховомъ погребѣ, — молодой минный офицеръ лейтенантъ Рогускій, который цѣной своей жизни рѣшилъ спасти честь своего корабля подъ Андреевскимъ флагомъ.

Прошло нѣсколько минутъ, — и въ трюмѣ „Прута" раздался взрывъ. Это доблестно погибъ лейтенантъ А. В. Рогускій, не пожалѣвшій своей молодой жизни во славу родного русскаго флота.

Команда, бывшая уже на водѣ, послѣ взрыва огласила морской просторъ громовымъ „ура" въ память своего героя-товарища.

---

6 февраля. — Изъ Голландіи сообщаютъ, что въ Германіи призваны на службу тѣ изъ ландштурмистовъ, которые ранѣе были освобождены по болѣзни.

У Оссовца и Ломжи бои развиваются. Въ Карпатахъ у Стропки, Ясіонки, Завадки, Вышкова отбиты упорныя атаки, веденныя въ густыхъ строяхъ. У Воли Миховой лихимъ штыковымъ ударомъ захвачена высота, у Завадки взятъ мостъ, а у Вышкова 2.000 плѣнныхъ и 6 пулеметовъ.

---

7 февраля.—Бои велись на правыхъ берегахъ Бобра и Нарева, въ раіонѣ Оссовца, на путяхъ къ Ломжѣ, Остроленкѣ, Праснышу и Плонску. На Карпатахъ отбиты атаки у Ясіонки, Стропко, Мезолаборча, Тухлы, Вышкова и Анчува. Подъ Перемышлемъ отражены двѣ вылазки.

Никогда еще столица Швеціи не „уничтожала" столько русской икры, какъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1914 года [1]).

Насколько помнятъ стокгольмскіе коммерсанты, самый большой годовой ввозъ русской икры въ скромную столицу Швеціи не достигалъ 20 тысячъ пудовъ, и вдругъ въ два мѣсяца

---

[1]) „Бирж. Вѣд." 7 февраля с. г.

на маленькій стокгольмскій рынокъ выбрасываютъ наши русскіе патріоты 74 тысячи пудовъ.

Дѣлается вполнѣ понятнымъ повышеніе цѣны на икру въ Петроградѣ къ новому 1915 году на 15% и къ масленицѣ еще на 10%. И въ то время, какъ изъ Россіи вывозили въ Швецію икру по цѣнѣ отъ 5 кронъ 50 оръ, въ Гамбургъ привозили ее по 8—10 марокъ за фунтъ. Нечего и говорить, шведскіе коммерсанты на 74 тысячахъ пудовъ положили себѣ въ карманъ не одну сотню тысячъ германскихъ марокъ, давъ возможность кайзеру въ день его рожденія полакомиться русской икоркой.

Въ обществѣ изученія черноморскаго побережья В. П. Вишневскій дѣлалъ интересный докладъ [1]). Въ Германіи пришлось увидѣть карту Черноморскаго побережья послѣдняго изданія, составленную настолько детально, что она превосходитъ всѣ наши даже секретныя карты генеральнаго штаба. Заинтересовавшись происхожденіемъ этой карты, докладчику удалось узнать, что составлена эта карта по даннымъ съ натуры всего года два-три назадъ спеціально командированными свѣдущими людьми, пріѣхавшими на побережье подъ видомъ экскурсантовъ.

Жители хорошо помнятъ пребываніе этой экскурсіи у насъ на побережьѣ, которая совершала путешествіе по краю, на своемъ пароходѣ и пользовалась самымъ радушнымъ пріемомъ по всему краю, особенно въ Гаграхъ, гдѣ въ честь пріѣзда нѣмцевъ - туристовъ, интересующихся побережьемъ Кавказа, былъ устроенъ цѣлый праздникъ. Оказывается, что эти туристы сняли особыми фотограметрическими апаратами все наше побережье, для чего на пароходѣ подходили къ берегу во всѣхъ нужныхъ мѣстахъ, какъ напр. у устьевъ рѣкъ, долинъ, мысовъ и пр. и съ парохода и съ берега творили за нашу хлѣбъ-соль свое гнусное дѣло шпіонажа.

Въ общемъ собраніи Окраиннаго общества г. Петровъ дѣлалъ сообщеніе [2]) о нѣмецкихъ колоніяхъ на югѣ Россіи и о ихъ отношеніи къ фатерланду.

Въ яркихъ краскахъ показалъ докладчикъ, что колонисты ничему не научили русскихъ сосѣдей, напротивъ, всегда держались въ сторонѣ отъ нихъ, относились презрительно къ нимъ,

---

[1]) „Веч. Вр.“ 7 февраля сего года.
[2]) „Нов. Вр.“ 7 февраля сего года.

и всякія попытки ограничить ихъ со стороны нѣкоторыхъ русскихъ администраторовъ встрѣчались недружелюбно въ петербургскихъ сферахъ. Если до 70-хъ годовъ, до французской войны, колонисты, только оказавшись русскими, богатѣли, одаряемые русскимъ правительствомъ и землею, и кредитомъ, и такими льготами, какія не снились русскимъ подданнымъ, хозяевамъ своей земли, то съ 70-хъ годовъ эти колонисты уже явились исполнителями задуманной Германіей программы овладѣнія Россіей, и уже не просто богатѣли на русскій счетъ, а служили къ подрыву благосостоянія русскихъ хозяевъ. По отчетамъ земствъ и документальнымъ даннымъ выяснилось, что вездѣ, гдѣ живутъ колонисты, бѣднѣетъ русское населеніе; вредны колонисты всѣ—нѣмцы и русскіе подданные,—ибо они всегда тяготѣли къ Германіи и со времени учрежденія двойного подданства Германіей превратились только въ русскихъ шпіоновъ.

Изъ Берлина шло моральное давленіе и экономическое—Германія учредила банки и разные ферейны для помощи колонистамъ въ скупкѣ русскихъ земель для устройства шпіонажа. Даже передъ войной пресловутый графъ Пурталесъ энергично протестовалъ противъ частичной отмѣны привилегій нѣмецкихъ колонистовъ. Наконецъ нѣмцы сбросили маску и въ своихъ печатныхъ брошюрахъ и книгахъ уже прямо указывали (Рейкингъ) на пользу для Германіи ея колоній и наставляли, какъ надо хитростью или силою вытѣснять русскихъ и увеличивать нѣмецкое землевладѣніе. Указывали, что Россія должна служить нѣмецкою колоніею, что отъ нея нужно отнять и Прибалтійскій край, и Волынь, и Крымъ, а изъ Малороссіи сдѣлать особое государство со столицею въ Кіевѣ и подъ протекторатомъ Австріи.

Германскіе плѣнные, взятые на Варшавскомъ фронтѣ, разсказывали, что германскіе солдаты пищу получаютъ сносную, но сильно зябнутъ отъ холода, не имѣя теплаго платья. У многихъ отъ холода отморожены пальцы на рукахъ и ногахъ. Что же касается спиртныхъ напитковъ, ихъ въ большомъ количествѣ истребляютъ германскіе офицеры. Нѣмцы забрали въ армію всѣхъ почти мужчинъ, не исключая даже больныхъ, которые по болѣзни были въ свое время освобождены отъ воинской повинности. Одинъ изъ плѣнныхъ больной ногами, былъ освобожденъ отъ воинской повинности и ни одного дня не служилъ — теперь же нѣмцы его взяли.

Одинъ изъ плѣнныхъ видѣлъ, какъ германцы издѣвались надъ нашимъ полковымъ священникомъ.

Германскій лейтенантъ сорвалъ крестъ съ цѣпью съ шеи нашего священника, бросилъ его на землю, плюнулъ и всей пятерней вцѣпился въ бороду батюшкѣ, сдѣлавшему движеніе, чтобы поднять съ земли поруганный символъ жертвы Спасителя.

Въ Германіи никто не вѣритъ, что Вильгельмъ согласился на водвореніе саксонской династии въ Польшѣ. Кайзеръ очень не долюбливаетъ саксонскаго короля Фридриха-Августа. Онъ пустилъ про него крылатое слово, извѣстное всей Германіи. Онъ болѣе Августъ (намекъ на Августа въ циркѣ), чѣмъ Фридрихъ,—сказалъ онъ про саксонскаго короля, разсердившись за его петроградскій визитъ за мѣсяцъ до войны. Саксонскій король желалъ ѣхать въ Петроградъ моремъ и попросилъ Вильгельма дать ему нѣсколько крейсеровъ для сопровожденія. Кайзеръ рѣзко отказалъ. „Если бы каждый изъ моихъ королей вздумалъ разъѣзжать съ эскадрой, мнѣ пришлось бы зарыть Кильскій каналъ. Для Августа и поѣзда довольно". Согласіе его на коронацію въ Варшавѣ Фридриха-Августа поэтому болѣе чѣмъ сомнительно; „Neu-Preussen" кайзеръ хочетъ пріобрѣсти для себя.

8—15 февраля. За этотъ періодъ времени военныя операціи слагались такимъ образомъ: на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ непріятель наступалъ въ значительныхъ силахъ изъ Буковины въ Восточную Галицію, овладѣлъ Станиславовомъ, и къ западу отъ него происходили упорные бои, на путяхъ къ Долинѣ и Галичу, на рр. Чечвѣ и Вороны и у Разнатова, при чемъ нами взяты въ плѣнъ до 71 тыс., къ 15 февраля въ Восточной Галиціи противникъ перешелъ къ оборонѣ.

За это время шли яростныя атаки австро-германцевъ на Карпатахъ въ раіонахъ Мезолаборча, Лупково, Смольника, Козювки, Завадки, Рожанки, Синечува. Непріятель доходилъ въ иныхъ мѣстахъ до 50 шаговъ, но отбивался огнемъ и контръ-атаками, при чемъ непріятель понесъ громадныя потери. У Завадки нами захвачены 3 ряда германскихъ окоповъ, къ которымъ вели почти отвѣсные склоны.

Кромѣ борьбы на Карпатахъ съ превосходными въ силахъ австро-германскими и германскими войсками, съ ихъ изощренной техникой, нашимъ доблестнымъ чудо-богатырямъ при-

шлось преодолѣвать трудности горной войны и суровую зиму на Карпатахъ.

Исторія выяснитъ впослѣдствіи, какія это были дивныя дѣянія.

Корреспондентъ „Новаго Времени" А. Ксюнинъ въ своемъ интересномъ описаніи 10-го февраля накидываетъ такую картину дѣяній сѣрыхъ чудо-богатырей:

„Солдаты, никогда въ жизни не видавшіе горъ, быстро освоились съ новой обстановкой и когда ихъ вели въ атаку, для нихъ не существовало ни горъ, ни крутыхъ спусковъ, ни тяжелыхъ подъемовъ подъ обстрѣломъ врага,—они видѣли передъ собой только непріятеля и безстрашно шли впередъ.

— Достойные потомки Суворова, передъ ними надо преклоняться,—говорилъ про своихъ солдатъ популярный на южномъ фронтѣ полководецъ.

Солдаты стоятъ своего начальника, а начальникъ стоитъ своихъ солдатъ.

На одной изъ остановокъ мнѣ разсказывали:

— Вчера командующій ѣздилъ со штабомъ на позиціи, ихъ обстрѣляли, но вреда, слава Богу, не причинили.

Среди солдатъ установилась твердая вѣра, что *посѣщеніе генерала приноситъ счастье.*

— Его пріѣздъ всегда сулитъ намъ успѣхъ, и часто бываетъ, что при его появленіи австрійцы даже прекращаютъ пальбу...

Генерала видятъ повсюду, и на батареяхъ, и въ окопахъ, и, безстрашнымъ, верхомъ на лошади въ передовыхъ линіяхъ. Послѣ взятія города, онъ появляется первымъ, а въ трудныя минуты личнымъ мужествомъ подаетъ примѣръ. Зато и духъ въ карпатскихъ войскахъ поразительный. Глядишь, и не вѣришь, будто воскресли славныя героическія времена Суворова и тѣнь великаго полководца перенеслась съ Альпійскихъ вершинъ въ снѣговыя Карпаты.

* * *

Недѣли три назадъ на подмогу австрійцамъ въ Карпаты пришли нѣмцы. Продвигая свои дивизіи къ югу, они распространяли слухъ, что идутъ на сербскій фронтъ, а когда собрались въ Венгріи, двинулись не на югъ, а на востокъ и сѣверовостокъ.

— Мы не были застигнуты врасплохъ,—говорилъ сражающійся въ Карпатахъ генералъ, — и сразу перешли въ наступ-

леніе. Германцы вначалѣ пустились довольно бойко, но мы ихъ расщелкали въ два дня, и послѣ этого они присмирѣли, рѣшивъ, вѣроятно, что они нисколько не лучше своихъ союзниковъ".

На прилагаемой фотографіи представленъ автомобиль Ратко-Дмитріева, загрузшій въ снѣгу Карпатъ. Пассажиры автомобиля вышли, а войска откапываютъ изъ снѣга экипажъ любимаго полководца.

На Варшавскомъ фронтѣ за указанное выше время противникъ производилъ энергичныя атаки на Фольваркъ, Могелы и Болимовъ. Атаки эти отбиты со страшнымъ урономъ.

Самыя интересныя операціи произошли на восточно-прусскомъ фронтѣ. По даннымъ нашей главной квартиры, нѣмецкимъ источникамъ и нашимъ корреспонденціямъ, дѣйствія эти представляются теперь въ такомъ видѣ.

Нѣмцы давно уже мечтали о зимнемъ походѣ для освобожденія Восточной Пруссіи. Они снабдили войска теплой одеждой. Заготовили тысячи саней и сотни тысячъ полозьевъ. Расположеніе парка этой заготовки прилагается на воспроизведенной съ него фотографіи.

Германцы перекатили все, что могли, въ Восточную Пруссію: и новыя формированія, и части съ западнаго и Варшавскаго фронта, и сформировали громадныя силы для вытѣсненія нашей 10 арміи, и для дѣйствія наши сообщенія Варшава—Петербургъ.

Командованія этой арміей поручены были: генералу фонъ-Бюлову, лѣвымъ флангомъ Эйхгорну, и правымъ Фалку и Лидману.

Ожидали только благопріятной погоды, мороза и снѣга, чтобы можно было безпрепятственно двигаться по болотистымъ мѣстамъ и по льду переходить рѣки.

Относительно погоды и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ счастье благопріятствовало нѣмцамъ.

Съ половины января погода рѣзко повернула на зиму. Подули холодные вѣтры, закрутило снѣгомъ, рѣченки стали покрываться льдомъ. Водныя преграды между нами и непріятелемъ начали пропадать. Приходилось думать объ искусственномъ устраненіи ледяныхъ мостовъ на рѣчкахъ передъ линіями окоповъ.

Прошло еще нѣсколько дней, и дохнуло совсѣмъ зимою. Подулъ ледяной вѣтеръ, повалилъ снѣгъ. Три дня крутила метель. Снѣжная пелена совершенно закутала наши окопы.

Всѣ эти причины предоставили германцамъ полную возможность вести въ превосходныхъ силахъ противъ нашей 10 арміи самое энергичное наступленіе, съ конца января до первыхъ чиселъ февраля. Сначала германцы демонстративно двинулись на правомъ берегу Вислы на Плоцкъ-Раціонжъ.

Удержанные на этой линіи нашими войсками, нѣмцы пустили массами, двинули оба фланга арміи Бюлова. Слѣва на Тильзитъ, мимо Пилькалена, Сталупенена, Маргграбова на Рачки, и на правомъ флангѣ на Бялу, Шучинъ къ Ломжѣ и на своемъ правомъ флангѣ отъ Летцена, Лыка на Граево къ Оссовцу. Наши войска праваго фланга стали отходить на Ковну и къ Нѣману, а лѣвый флангъ позадержался упорнымъ боемъ въ августовскихъ лѣсахъ и людямъ 20 корпуса пришлось пробиваться черезъ главныя силы Бюлова, стремившагося обойти ихъ съ праваго фланга.

Полумилліонная армія нѣмцевъ, какъ будто зная наше расположеніе, шла налегкѣ и чрезвычайно быстро. Наши летчики съ удивленіемъ доносили: „на десятки верстъ сзади нѣтъ обозовъ. Нѣтъ близко нѣмецкой артиллеріи". Вотъ какъ описываетъ это наступленіе германцевъ изъ Восточной Пруссіи одинъ изъ нашихъ талантливыхъ корреспондентовъ [1]) г. Петровъ:

„На третій день непрерывной мятели поперли густыя колонны нѣмцевъ. За снѣжною пеленою наши замѣтили нѣмецкую тучу только уже на линіи нашихъ секретовъ.

— Нѣмецъ поднялся,—доносила сторожевая охрана.—Прутъ густо. Галдятъ. Знать, пьяные.

Наши сготовились и встрѣтили нѣмцевъ залпами. Подпускали ряды ихъ близко и косили пулеметами. Нѣмцы съ пьяными криками шли и шли. Одни падали, за ними вставали другіе и бѣжали впередъ. Падала эта волна,—на смѣну ей катилась другая. Была бойня, а не бой, но нѣмцы шли и шли.

— Сколько ихъ? Откуда?.. Будетъ ли конецъ? — дивились наши.

Пулеметы накалились; до кожуховъ нельзя было дотронуться. У солдатъ руки уставали стрѣлять, а нѣмцы ломили и ломили стѣною. Положили не батальонъ и не одинъ, можетъ быть, полкъ, но все такъ же упорно шли и шли. Насѣдали и насѣдали. Наконецъ, наши пулеметы раскалились отъ непрерывной стрѣльбы дотого, что выкипѣла вся вода въ кожухахъ, и стволы стали плавиться, перестали служить. Остались одни ружья, а силы

---

[1]) „Рус. Сл." февраль, с. г.

Наши враги:

защитниковъ таяли. Нѣмцы также, вѣдь, палили. Нашихъ не осталось и половины, а нѣмецкія волны катились и катились. Кто-то сзади донесъ, что нѣмцы обходятъ нашихъ и съ тыла, слѣва, вокругъ озера. Пришлось отходить, а снѣгу за окопами сугробы, — не пройти. Люди стали тонуть въ снѣгу, а нѣмцы чуть не слѣдомъ такъ сплошными стѣнами и валятъ, и валятъ. Никакими штыками не отмахнешься. На ружья тоже падали надежды, того и гляди, выйдутъ патроны. Кто, изнеможенный барахтаньемъ въ снѣгу, падалъ, нѣмцы стѣною накатывались на тѣхъ. Молча кололи и по протоптанной уже русскими полосѣ перли и перли впередъ. Это былъ живой приливъ, который, какъ и приливъ морской, нельзя было никакъ остановить тоненькою перегородкою отдѣльныхъ батальоновъ.

Снѣжная многодневная метель, какъ время нападенія на нашу тонкую линію въ Пруссіи, была выбрана нѣмцами какъ нельзя удачнѣе. Дороги занесло мѣстами на сажень. Случалось, застрянетъ возъ, — его за ночь заметало съ лошадью доверху. Погребало подъ снѣгомъ. Вмѣсто дорогъ, позади насъ встала снѣжная стѣна. Къ этой стѣнѣ нѣмецкіе корпуса и приперли наши полки, а нѣмецкія дивизіи прижали наши баталіоны и роты.

Мало того: толстые, саженные пласты снѣга уничтожили за нашими отрядами заготовленныя ранѣе сильныя укрѣпленія. Но что значили всѣ эти окопы, — двойные, тройные и даже пятерные, — когда ихъ на аршинъ, на два, а то и на сажень замело поверхъ ровной земли? Что окопы, что не окопы,—все равно: вездѣ топкая снѣжная гладь.

И по такой сплошной снѣжной пеленѣ приходилось отступать разрозненнымъ частямъ подъ напоромъ живого снѣжнаго тяжеловѣснаго катка. Сбираться даже вмѣстѣ было трудно. Всѣ дороги замело. Крутило, слѣпило глаза и во время отхода.

И трудно ужъ тутъ, почти невозможно стало дѣлать что-нибудь извѣстнымъ. Все перемѣшалось. Нѣмцы обскакивали нашихъ, наши забирали ихъ въ плѣнъ. Потомъ сбоку оказывались впереди новыя нѣмецкія силы. Онѣ захватывали нашихъ. Свои и чужіе, пѣхота и конница переслоились и перепутались. А метель крутила и крутила. Слѣпила глаза, не давала дышать. Пронзительный вѣтеръ леденилъ каждую клѣточку тѣла. Хотѣлось отогрѣться, ѣсть, отдохнуть, спать, — некогда и негдѣ. Нѣмецкая саранча ползетъ и ползетъ справа, слѣва, давитъ и тѣснитъ сзади. Голодно и холодно ей, но ея много. Отстанутъ одни ряды,—ихъ замѣняютъ другіе. Устали,

сморились, свалились и даже мерзнутъ эти, — на смѣну имъ новыя сотни и тысячи, а нашимъ—надежда лишь на себя. Чуть отстали,—саранча настигнетъ...

Когда видишь, слушаешь сдѣлавшихъ это отступленіе и видишь ихъ спокойствіе, то еще сильнѣе, чѣмъ даже послѣ побѣды ихъ, начинаешь чтить ихъ:

— Какое это золото—люди! Какой исключительной цѣнности боевой матеріалъ!“

Наши войска 10 арміи отошли къ Нѣману, и наступленіе нѣмцевъ на востокъ пріостановилось. Дѣйствія ихъ стали развиваться въ южномъ направленіи по путямъ на Оссовецъ, Ломжу, Остроленку и Праснышъ.

Прикатившій къ Летцену кайзеръ отправился въ очищенный нами Лыкъ, произнесъ рѣчь передъ войсками, отправилъ высокопарныя телеграммы объ очищеніи русскими Восточной Пруссіи и написалъ хвастливый рескриптъ Гинденбургу и его начальнику штаба и укатилъ неизвѣстно куда.

Тѣмъ временемъ подошли наши войска и стали наступать отъ Гродны, Оссовца, Ломжи, Остроленки и на Праснышъ. Пошли встрѣчные бои съ перемѣннымъ успѣхомъ. Нѣмцы стали наваливаться на Праснышъ, который переходилъ изъ рукъ въ руки. Здѣсь громадную услугу оказали бронированные пулеметы, и здѣсь палъ смертью героя доблестный водитель этихъ пулеметовъ, штабсъ-капитанъ Пав. Васил. Гурдовъ.

Къ Праснышу подошли наши подкрѣпленія, и къ 15 февраля мы разбили 3 корпуса нѣмцевъ наголову и захватили 10.000 плѣнныхъ.

Наступилъ переломъ въ Восточно-Прусской кампаніи.

Нѣмцы перешли къ оборонѣ.

По поводу германскихъ наступательныхъ авантюръ у насъ въ арміи сложилось такое мнѣніе:

Да, врагъ упорный, врагъ мужества несомнѣннаго, врагъ силы большой, непріятель, требующій напряженной борьбы, и котораго легко не сломишь, который, можетъ быть, и не разъ еще насъ сильно толкапетъ плечомъ, но насъ-то ему никакъ и ни за что подъ себя не подмять. Пробовать можетъ, и будетъ пробовать еще по-разному, но мы-то и его, и себя уже испробовали: и изъ нѣмецкихъ пробъ серьезно-путнаго для нихъ не выйдетъ ничего.

Приводимъ интересныя выдержки [1]) изъ письма рядового 34-го пѣх. Ландв. полка Германа Мельгорса, взятаго въ плѣнъ въ Восточной Пруссіи.

„У русскихъ теперь должно быть другіе военноначальники, и съ русской артиллеріей справиться очень трудно, да и съ пѣхотой также. Передъ нами самыя отборныя русскія войска. Наши вновь прибывшіе офицеры далеко, далеко и еще разъ скажу, далеко не тѣ, что были у насъ въ началѣ войны. Въ окопахъ ихъ видишь очень рѣдко, но зато они сидятъ въ подвалѣ замка, гдѣ чувствуютъ себя въ безопасности. Мы дѣйствуемъ сами по себѣ—это позоръ для Германіи...

Вотъ уже восемь недѣль, что мы лежимъ въ сырую и холодную погоду, при снѣгѣ, морозѣ и дождѣ въ нашихъ окопахъ и не продвигаемся впередъ ни на шагъ; что это значитъ, я не знаю, но одно тебѣ скажу: наше здоровье совсѣмъ пошатнулось, и мы всѣ утомлены до послѣдней степени, это прямо ужасно. Въ нашихъ землянкахъ живутъ крысы, мыши и разныя насѣкомыя; что же касается нашего военнаго начальства, то имъ совершенно безразлично, съѣдятъ ли насъ вши или нѣтъ. Мы не смѣемъ заявить о болѣзни иначе, какъ при 40° жара; на остальное не обращается вниманія.

Господа офицеры въ нашей дивизіи, начиная съ генерала и кончая лейтенантомъ, всѣ больны нервами. Про такихъ господъ можно будетъ написать интересныя книги, что мы и сдѣлаемъ, только послѣ войны; большей части изъ нихъ должно было бы быть стыдно. Нашего теперяшняго способа веденія войны я не понимаю; русскіе могутъ дѣлать, что имъ угодно, наша артиллерія не стрѣляетъ. Я знаю, въ чемъ дѣло, но я не имѣю права этого сказать“.

Къ этому мы прибавимъ—совершенно понятно, почему ряд. Мельгорсъ не имѣетъ права сказать прямо, что германская артиллерія не стрѣляла по тому, что у ней не было тогда снарядовъ.

Недавно читалъ, что одинъ корреспондентъ очень удивляется дѣятельности германскаго лѣсного предпріятія „Вольфъ Германъ“, основавшагося въ имѣніи Стецкаго близъ м. Романово Волынск. губ., Новградъ-Волынскаго уѣзда. Предпріятіе обслуживалось германскими подданными, а дивные корабельные дубы и мачтовыя сосны шли въ Германію на постройку германскаго

---

[1]) „Нов. Вр.“, 14 фев. с. г.

флота. То же лицо не мало было удивлено отвѣтомъ одного изъ волынскихъ лѣсничихъ: „Да вѣдь и наше казенное лѣсничество продавало до войны лучшій корабельный и мачтовый лѣсъ германцамъ“ [1]).

Петроградскій обыватель нисколько не удивленъ этимъ сказаніямъ. Когда въ 1901 году во время поѣздки по Бѣлому морю ему пришлось указать, что почти вся лѣсная торговля на сѣверѣ захвачена германскими лѣсными предпріятіями, то на это никто не обратилъ вниманія.

По нашему скромному мнѣнію, деревянныя части германскаго флота созданы изъ русскаго лѣса.

Слышалъ, что гласный Московской думы Приваловъ внесъ въ Московскую городскую думу заявленіе о воспрещеніи германской транспортировочной конторѣ Гебгардъ и Гей заниматься вывозомъ продуктовъ черезъ нейтральныя страны въ Германію. За послѣднее время это общество очень расширило свои операціи и по всей Россіи, и это обстоятельство являлось одной изъ причинъ вздорожанія продуктовъ.

Интересныя событія свершаются въ нашей Гернгутерской колоніи въ Сарептѣ: черезъ каждые три года община выписываетъ себѣ старшину изъ Германіи изъ Бертельсдорфа. Не пора ли прекратить сію неумѣстную привилегію господъ сарептянъ [2]).

Лица, бывшія на Финляндскомъ вокзалѣ, разсказывали [3]), что всѣ площадки и пакгаузы завалены хлѣбнымъ и маслянымъ товарами, и что Калашниковской хлѣбной биржѣ предоставлено право грузить ежедневно по 40 вагоновъ.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отъ 13 февраля напечатанъ нижеслѣдующій списокъ инспекторовъ лѣчебныхъ заведеній Петрограда.

[1]) „Нов. Вр.“, 10 фев. с. г.
[2]) „Нов. Вр.“, 11 фев. с. г.
[3]) „Нов. Вр. 13 фев.

Главнымъ инспекторомъ:

Числящійся по Уссурійскому казачьему войску, состоящій при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ-лейтенантъ *Сѣчинъ.*

Инспекторами:

Числящійся по инженерному корпусу и по Уссурійскому казачьему войску, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, инженеръ-генералъ *Унтербергеръ.*

Числящійся по гвардейской пѣхотѣ, членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи *баронъ Меллеръ-Закомельскій.*

Отставной генералъ-отъ-инфантеріи *Нидермиллеръ.*

Отставной генералъ-отъ-инфантеріи *Дзичканецъ.*

Числящійся по армейской кавалеріи, состоящій при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Михаиловичѣ генералъ-лейтенантъ *фонъ-Брюммеръ.*

Генералъ для порученій при командирѣ Отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, генералъ-лейтенантъ *Чернушевичъ.*

Отставной генералъ-лейтенантъ *Фотенгауеръ.*

Отставной генералъ-лейтенантъ, шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества *Ольхинъ.*

Отставной генералъ-лейтенантъ, шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества *графъ Стакельбергъ.*

Отставной генералъ-лейтенантъ *Кюстеръ.*

Отставной вице-адмиралъ *Іессенъ.*

Отставной вице-адмиралъ *Хомутовъ.*

Числящійся по гвардейской кавалеріи, состоящій для порученій пятаго класса при главномъ управленіи государственнаго коннозаводства, генералъ-маіоръ *фонъ-Пистолькорсъ.*

Числящійся по армейской кавалеріи, причисленный къ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, генералъ-маіоръ *Авенаріусъ.*

Числящійся по полевой легкой артиллеріи, дѣлопроизводитель канцеляріи технической части Главнаго артиллерійскаго управленія, генералъ-маіоръ *Скрябинъ.*

Призванный на службу изъ запаса гвардейской пѣхоты, по Петроградскому уѣзду, генералъ-маіоръ *Любимовъ.*

Призванный на службу по государственному ополченію, камергеръ Двора Его Императорскаго Величества, отставной генералъ-маіоръ *баронъ Майдель.*

Отставной генералъ-маіоръ *баронъ Врангель.*

Оставной генералъ-маіоръ *Мейнардъ.*

Отставной генералъ-маіоръ *Багаевъ*.

Отставной генералъ-маіоръ *Волжинскій*.

Отставной контръ-адмиралъ *Абрамовъ*.

Отставной контръ-адмиралъ *Шведе*.

Призванный на службу по государственному ополченію, отставной полковникъ князь *Голицынъ*.

Призванный на службу по государственному ополченію, въ должности егермейстера Двора Его Императорскаго Величества, отставной полковникъ *Мятлевъ*.

Добровольно зачисленный на службу по государственному ополченію, отставной полковникъ *Болонинъ*.

Числящійся по полевой легкой артиллеріи, квартермистръ Константиновскаго артиллерійскаго училища, полковникъ *Комендантовъ*.

Добровольно зачисленный на службу по государственному ополченію, отставной полковникъ *фонъ-Риттергольмъ*.

Призванный на службу по государственному ополченію, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, отставной поручикъ *Шидловскій*.

При вторженіи въ Бельгію 4-го августа нов. ст. германцы обратились къ населенію съ воззваніемъ не сопротивляться германскимъ войскамъ. По словамъ „Figaro“, одному изъ бельгійскихъ химиковъ удалось изслѣдовать то воззваніе, при чемъ изслѣдованіе показало, что воззваніе напечатано, по крайней мѣрѣ, за полгода, до начала войны.

Удивительныя картины беззавѣтной удали нашего сѣраго чудо-богатыря приводятся въ массѣ корреспонденцій съ театра войны.

Приведемъ изъ нихъ двѣ во время зимней окопной войны, когда обѣ стороны сблизились на самое короткое разстояніе.

Во время одной изъ сильнѣйшихъ перестрѣлокъ въ нашемъ окопѣ зашла рѣчь о страшной силѣ огня. Одинъ изъ солдатъ настойчиво и продолжительно утверждалъ, что это ничего не значитъ:

— Ничего, что трещитъ!—Солдатъ видимо разошелся. Глаза засверкали, ноздри раздувались. — Богъ дастъ, такъ и подъ такимъ трескомъ цѣлъ будешь!

— Ну, только покажись! Сразу свалишься!

— Свалюсь?.. А вонъ нѣтъ!

Ерема крестится и вдругъ выпрыгиваетъ изъ окопа.

Солдаты остолбенѣли. Съ разинутыми ртами смотрятъ они на бѣгущаго по валу. Не замѣчаютъ, что сами повысунули свои буйныя головы изъ окоповъ, и что пули свистятъ мимо нихъ.

„Назадъ, будетъ“!—кричатъ и машутъ руками.

Смѣльчакъ бѣжитъ дальше. Пробѣжалъ еще и бухнулъ въ окопъ. Поднялся. Крестится.

„Ура“!—кричатъ солдаты и осматриваютъ его.

Цѣлехонекъ. Только лѣвый рукавъ шинели пробитъ пулею. Дырочка маленькая [1])“.

На другомъ фронтѣ въ окопахъ рисуется такая картина [2]).

„Солдатъ-сибирякъ забрался на самый конекъ крыши и давай драть себѣ солому въ окопъ. Нѣмцы открыли по немъ бѣшеную стрѣльбу, но онъ продолжалъ свою работу, пока взрывомъ тяжелаго снаряда его не сдунуло оттуда. Но и тогда онъ не убѣжалъ, а спрятавшись за избой, высунулъ голову изъ-за стѣны и, какъ мышь изъ норы, съ любопытствомъ сталъ смотрѣть въ сторону непріятеля. Рожа при этомъ у него была дотого комичная, что весь окопъ поднялся, чтобы посмотрѣть, посмѣяться и поострить надъ смѣльчакомъ. Офицерамъ съ трудомъ удалось угомонить солдатъ, хотя два человѣка сейчасъ же были ранены.

Прочелъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отчетъ доктора Жука о лѣченіи холеры по способу профессора Роджерса въ Калькуттѣ.

Вотъ, что онъ пишетъ:

„Вопреки распространенному у насъ убѣжденію, профессоръ Роджерсъ говоритъ, что для человѣка марганцево-кислый калій не ядовитъ и опредѣляетъ его суточный пріемъ въ 3 грама, т. е. 43 грана (да, вѣдь, хинину столько брать нельзя). Почтенный ученый иллюстрируетъ свое положеніе, приводя примѣръ молодого человѣка, который, съ цѣлью самоубійства, принялъ заразъ 15 грамъ (т. е. болѣе 210 гранъ) марганцево-кислаго калія и отдѣлался лишь легкой формой гастрита.

При лѣченіи холеры онъ давалъ пить растворъ отъ 0,08 до 0,12 грамъ на литръ воды, т. е. 12 на 1.000 марганцево-кислой извести. Кромѣ того, онъ давалъ пилюли изъ 0,12 марганцовой извести (4 грана) на каждую пилюлю съ примѣсью солода и каолина. Но, чтобы эти пилюли проходили чрезъ желудокъ

---

[1]) „Нов. Вр.“, 18 февраля сего года.

[2]) „Рус. Сл.“ 10 февраля сего года.

безъ измѣненія, а растворились только въ кишкахъ, онъ покрывалъ ихъ сандараковымъ лакомъ или кератиномъ. Больнымъ холерой предписывалось сначала по одной пилюлѣ, черезъ четверть часа, затѣмъ черезъ полчаса и т. д., уменьшая постепенно число пріемовъ въ теченіе трехъ дней, когда наступаетъ полное выздоровленіе. Подобное лѣченіе спасало 80% изъ всѣхъ заболѣвшихъ (не забывайте, что наблюденіе дѣлалось на родинѣ холеры), т. е. столько, сколько у насъ умираетъ въ разгаръ холеры.

И такъ, средство отъ холеры найдено. Оно чрезвычайно дешево, можетъ примѣняться людьми, совершенно незнакомыми съ медициной, а дешевизна дѣлаетъ его доступнымъ послѣднему бѣдняку. Къ тому же это самое дѣйствительное лѣкарство, оно уничтожаетъ не только причину заболѣванія (холернаго микроба), но и ея послѣдствія, нейтрализуя холеро-токсинъ. Оно уничтожаетъ заразу при полномъ ея развитіи, слѣдовательно, окажется еще болѣе дѣйствительнымъ въ самомъ началѣ зараженія. Такъ какъ въ нашихъ аптекарскихъ складахъ нѣтъ химически чистой марганцево-кислой извести, то можно употреблять чистый, кристаллическій марганцево-кислый калій, въ томъ же количествѣ. Разлагаясь въ желудкѣ, онъ даетъ чистый кислородъ, который убиваетъ микробы и обезвреживаетъ холеры-токсины; небольшое количество получаемаго при этомъ ѣдкаго калія принесетъ даже пользу, растворяясь въ слизь, которая обволакиваетъ холерную запятую, остающіеся же при этомъ бурые окислы марганца совершенно безвредны. Жидкій же слабо-фіолетовый растворъ можно употреблять въ лазаретахъ, давая его холернымъ въ подогрѣтомъ видѣ, такъ какъ при этомъ онъ теряетъ свой противный вкусъ.

Необходимо только предупредить воиновъ, что предлагаемое лѣкарство чрезвычайно эгоистично и должно приниматься въ чистомъ видѣ. Его можно запивать только водой, ни чаю, ни похлебки, ничего другого нельзя принимать послѣ пріема лѣкарства раньше, какъ черезъ полчаса, и брать, по возможности, на тощій желудокъ. Органическія вещества (пищевые продукты) оно разлагаетъ и теряетъ свою силу.

16 февраля. Нѣкоторые утверждаютъ, что нѣмецкая техника намъ страшна. Убѣжденъ въ полной мѣрѣ, что окончательную побѣду даетъ не техника, а духъ войска и разумъ народа. Въ этомъ отношеніи русскій стоитъ несравненно выше германцевъ. И не техника нѣмцевъ намъ опасна, а то, что у нихъ всякое дѣло спеціализируется по мелочамъ, и въ каждой мелочи яв-

Наши враги:
Фельдмаршалъ фонъ-Газелеръ и графъ Цепелинъ.

ляется чистота работы, точное и безупречное выполненіе всякой детали. Ихъ спеціалисты живутъ своимъ дѣломъ и любятъ его. Вотъ на это надлежитъ обратить у насъ самое серьезное вниманіе, завести надлежащія ремесленныя и техническія училища и школы, организовать ихъ теперь же, соотвѣтственно назрѣвающимъ потребностямъ народа, въ огражденіе въ будущемъ отъ наплыва нѣмецкихъ спеціалистовъ. Это самое неотложное въ ближайшемъ будущемъ и залогъ нашего будущаго матеріальнаго, торговаго и промышленнаго преуспѣянія. За это дѣло надо взяться всему русскому обществу, такъ какъ въ этой организаціи есть спасеніе отъ нѣмецкаго засилья.

Дешевый, долгосрочный кредитъ долженъ идти на помощь *только исключительно* русскимъ и торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Въ будущемъ въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ нѣмцу не должно быть выдано ни одной русской копѣйки, и все общество должно посредствомъ печати нести въ этомъ неумолимый контроль, особенно за нашими, домашними, нѣмецкими радѣтелями.

На всякое дѣло среди русскихъ найдутся всегда надлежащіе, талантливые люди.

Нагляднымъ доказательствомъ технической способности русскихъ людей въ настоящую войну явились бронированные автомобили съ пулеметами. Какія упованія возлагали нѣмцы на эти машины въ началѣ войны и какъ думали насъ ими запугать. И что же изъ этого вышло? Въ теченіе прошлой осени, маніемъ руки, возсоздались у насъ бронированные автомобили, такого совершеннаго устройства, о какомъ не мечталось ни нѣмцамъ, ни нашимъ западнымъ союзникамъ. Эти автомобили привезли на Варшавскій фронтъ, и во время пьяныхъ, массовыхъ, безумныхъ нѣмецкихъ атакъ подъ Лодзью въ ноябрѣ прошлаго года ихъ направили въ бой. Одухотворенные и управляемые штабсъ-капитаномъ Гурдовымъ и его блистательными сотрудниками, эти автомобили врѣзывались ночью въ толщу нѣмецкихъ наступающихъ колоннъ, мгновенно сметали ихъ своимъ страшнымъ огнемъ и обращали въ паническое бѣгство ошалѣвшіе, обезумѣвшіе печальные остатки тевтонскихъ полчищъ.

Нѣсколько разъ эти автомобили вырывали побѣду и на Варшавскомъ фронтѣ и впослѣдствіи подъ Праснышемъ.

Другой новинкой въ окопной войнѣ думали поразить насъ нѣмцы — это массовыми прожекторами, которыми они думали извести насъ темными ночами, боясь нашихъ удалыхъ ноч-

ныхъ атакъ, перевозя свои прожекторы, на автомобилѣ съ одного мѣста въ другое.

И тутъ русскій умъ блистательно справился съ техникой. Въ короткое время появились и у насъ массовые прожекторы, которые не только освѣщали своимъ огнемъ нѣмецкіе окопы по ночамъ и поле между нашими и нѣмецкими окопами, но они умѣло слѣпили непріятеля. Вотъ одна изъ такихъ боевыхъ сценъ:

„Когда послѣ тьмы вдругъ ярко сверкнетъ въ глаза сильный свѣтъ, глаза невольно жмурятся. Когда же они привыкнутъ къ свѣту, а тутъ освѣщающій лучъ вдругъ погаснетъ, то окружающая тьма становится еще непрогляднѣе.

Наши „фонарщики" не одинъ разъ такою игрою совсѣмъ закрутили и сбили съ толку шедшихъ въ ночную атаку нѣмцевъ. Цѣлый баталіонъ сталъ красться на наши позиціи. Наши „фонарщики" открыли нѣмцевъ. Тѣ, попавъ въ полосу яркаго свѣта, а, значитъ, и подъ обстрѣлъ, тотчасъ легли. Лучъ погасъ. Нѣмцы освоились во тьмѣ—и на ноги; фонарь ихъ снова по глазамъ. Тогда они отъ него чуть въ сторону; фонарь и тамъ съ ними „въ кошку и мышку": то потухнетъ, то ослѣпитъ. Нѣмцы крутились, вертѣлись, — фонарь не выпускаетъ ихъ изъ рукъ, а наши окопы въ промежутки свѣтлые вспрыснутъ да вспрыснутъ ихъ свинцомъ. Наконецъ, фонарь потухъ. Нѣмцы подождали, освоились съ потемками и видятъ: нужные имъ окопы уже близко. Они заторопились и, чтобы фонарь ихъ снова не захватилъ, съ громкимъ крикомъ кинулись на чуть примѣтные передъ ними окопы. Орутъ сильнѣе и сильнѣе: рады, что фонарь не свѣтитъ теперь имъ въ глаза. Добѣжали до окоповъ, — оттуда навстрѣчу ни выстрѣла: ждутъ, значитъ, въ штыки. Вскочили нѣмцы въ окопы и ошалѣли: въ окопахъ ни души.

— Бѣжали, что ли, русскіе?

Оглядѣлись нѣмцы и завыли отъ злости: окопы были ихъ собственные, а пока они, поднявшись во весь ростъ, бѣжали, освѣщенные сзади, въ атаку на свои окопы, русскіе здорово всыпали имъ въ спину".

Что же касается до нашей находчивости и умѣнья ошарашивать тяжелодумныхъ нѣмцевъ, то про это приходится слышать нескончаемое число разсказовъ, то они въ Карпатахъ пускаютъ съ горъ на непріятельскіе окопы массу саней съ

грузомъ изъ ручныхъ гранатъ, и эти гранаты разрываются въ нѣмецкихъ окопахъ, то искусно разрѣзываютъ проволочныя загражденія, то черезъ своихъ наблюдателей нещадно разстрѣливаютъ нѣмецкую артиллерію и окопы.

Окопы своихъ позицій нѣмцы ограждаютъ отъ непріятеля цѣлымъ рядомъ кольевъ, которые обвиваютъ густо проволокой. Вотъ одна изъ сценъ, какъ съ этой преградой поступали наши молодцы [1]).

„Наши охотники, нѣсколько десятковъ человѣкъ, какъ только стемнѣло, съ ножницами, пучками бечевокъ и съ котелками поползли изъ крайнихъ окоповъ къ ближайшимъ нѣмецкимъ загражденіямъ. Подползли и бережно, съ передышкою навязали на проволочныя загражденія котелки, а затѣмъ бечевки прикрѣпили къ проволокамъ и мотки отослали назадъ, въ свои окопы, а сами съ ножницами поползли много дальше, совсѣмъ въ другіе концы загражденій, и тамъ залегли у самой проволоки.

Когда вернувшіеся ползкомъ, осторожно разматывая бечевки, доставили мотки обратно въ окопы, тамъ начали „игру". Стали дергать веревки, тѣ качали проволоку, а на проволокѣ—котелки. Проволока поскрипывала, котелки глухо звякали; нѣмцы услышали глухіе звуки и рѣшили, что это крадутся русскіе, и принялись шпарить огнемъ заподозрѣнное мѣсто. Тогда наши, сидя спокойно у себя въ окопахъ, принялись кричать „ура",—совсѣмъ ночная атака. Нѣмцы пуще огонь,—наши замолчали: отошли-де. Такъ въ одномъ, другомъ, третьемъ мѣстѣ, а тѣмъ временемъ наши охотники, подъ шумъ боковой пальбы, по-настоящему рѣзали и рѣзали проволоку. Перерѣзали всѣ линіи загражденій и дали своимъ знать. Сюда и кинулась наша дѣйствительная атака. Молча. Сначала ползкомъ. Безъ звука до самыхъ нѣмецкихъ окоповъ".

---

19 февраля. Корреспондентъ „Русскаго Слова" г. Петровъ присутствовалъ при разговорѣ съ нашими военными одного германскаго полкового командира, взятаго въ плѣнъ въ ноябрѣ прошлаго года на Бзурѣ. Послѣ того какъ этого нѣмца напоили чаемъ, онъ разговорился по душѣ и разсказалъ о способѣ веденія войны нѣмцами [2]). „Мы рѣшили вести войну такъ, чтобы

---

[1]) „Русск. Слово" 15 февраля сего года.

[2]) „Рус. Сл." 19 февр. с. г.

вы послѣ войны десятки лѣтъ не могли отдышаться, чтобы вамъ на два—три поколѣнія хватило бы силъ только,—зализывать нанесенныя нами вамъ раны. Главное,—чтобы у васъ на цѣлое столѣтіе изъ рода въ родъ осталось страшное воспоминаніе объ этой войнѣ. Чтобы у васъ внуки и правнуки боялись нѣмцевъ. Чтобы у васъ дѣтей въ колыбеляхъ пугали нѣмцами. Чтобы у васъ отъ края и до края дрожали отъ одной мысли о возможности новой такой войны. Мы нашею войною хотимъ сдѣлать васъ миролюбивыми. Поэтому мы и воюемъ не съ полками лишь, окопами вашими и пушками,—мы еще безпощаднѣе громимъ ваши фабрики, заводы, мельницы и города, топчемъ ваши поля, уничтожаемъ ваши лѣса. Абиссинцы обезпложиваютъ плѣнныхъ, чтобы они не могли дать новаго поколѣнія. Мы обезпложиваемъ, кастрируемъ враждебныя намъ страны экономически".

Наши кавказскія войска заняли турецкій городъ Хопу, одинъ изъ главныхъ пунктовъ, черезъ который турки двигались въ Зачорохскій край, при чемъ намъ черноморскій флотъ оказалъ громадное содѣйствіе, ведя очередную перекидную стрѣльбу черезъ горы орудіями крупныхъ калибровъ.

Въ одномъ изъ боевъ въ Восточной Пруссіи унтеръ-офицеръ Абрамовъ, вызвавшійся вынести раненнаго офицера, былъ убитъ. Затѣмъ произошло нижеприведенное событіе [1]).

„Командиръ эскадрона, въ которомъ служилъ Абрамовъ, сказалъ:

— Абрамовъ— герой. Жаль будетъ, если его тѣло останется непогребеннымъ. Надо какъ-нибудь добыть сюда и похоронить.

Вызвались охотники. Они надумали взять съ собою салазки. Доползли, взвалили тѣло на санки и такъ же ползкомъ обратно. До свѣта вырыли яму въ сторонѣ, на кладбищѣ, гдѣ были пѣхотные окопы, и закопали. Наутро полковникъ жалѣлъ:

— Священника нѣтъ: отпѣть бы хорошо такого человѣка.

Только сказалъ, глянулъ въ окно: подъ самымъ почти домомъ, запорошенный снѣгомъ, идетъ монахъ.

— Что я, схожу съ ума?—тревожно подумалъ полковникъ.

---

[1]) „Рус. Сл." 20 февр. с. г.

Полковникъ протеръ себѣ глаза,—монахъ не исчезалъ. Шагахъ въ ста упалъ снарядъ; разорвался, а монахъ спокойно шелъ, даже не повернулъ головы въ сторону разрыва. Полковникъ спрашиваетъ вѣстового:

— Видишь монаха?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Проси его ко мнѣ.

Монахъ вошелъ въ тѣсную избу бѣдной польской семьи, гдѣ въ одной комнатѣ ютились хозяева, а въ другой—три офицера. Поздоровались.

— Откуда вы, батюшка?

— Изъ Сталлупенена.

— Какимъ способомъ?

— А апостольскимъ: пѣшкомъ. Прослышалъ, что здѣсь бои, и что люди пришли сюда издали, я и подумалъ: можетъ-быть, погожусь имъ.

Офицеръ взялъ карту, разспросилъ монаха, какъ и гдѣ онъ шелъ. Оказалось, монахъ прошелъ сюда за полторы сутокъ почти 50 верстъ.

Полковникъ передалъ ему свою просьбу:

— Хорошо бы отпѣть Абрамова.

— Конечно,—согласился монахъ.

— Нельзя, доложилъ вошедшій съ улицы офицеръ. — Нѣмцы, должнобыть, готовятъ атаку на кладбище: такъ и сыплютъ снарядами. Скосили много деревьевъ, поломали чуть не всѣ кресты, разворотили нѣсколько могилъ.

— Я пойду,—твердо заявилъ монахъ.—Только какъ я найду могилу нашего героя?

— Это просто, — объяснилъ молодой офицеръ: — она одна свѣжая, только-что засыпанная; ее еще и снѣгомъ не успѣло занести, а мѣсто ея—сразу за выходомъ въ ограду, направо.

Узнали солдаты,—вызвалось нѣсколько человѣкъ итти пѣть.

— Только не толпою итти,—вразсыпную,—разрѣшилъ полковникъ.

Минутъ черезъ десять-пятнадцать съ кладбища донеслось панихидное пѣніе. Словъ было не разобрать, но мягкіе, нѣжные, такіе скорбные звуки тихо стлались по полю. И, казалось, не рыдаетъ, не стонетъ, а большою и чистою скорбью глубоко вздыхаетъ большое страждущее сердце. Снаряды — какъ оборвало, оруційная стрѣльба по кладбищу смолкла: нѣмцы пошли на наши окопы передъ кладбищемъ въ атаку. По кладбищу между деревьями изрѣдка только запѣли шальныя пули:

— Пі-и-ю-ю, пі-и-ю-ю, пі-и-ю-ю!

Солдаты укрылись каждый за свое дерево. Одинъ монахъ какъ стоялъ на открытомъ мѣстѣ у могилы, такъ и остался. Вперилъ глаза въ нависшее снѣжными тучами небо и старческимъ теноркомъ не столько пѣлъ, сколько говорилъ:

— Плачу и рыдаю, егда вспоминаю смерть и вижу во гробѣхъ безславну и безобразну, по образу Божію созданну красоту...

А впереди кладбища, не смолкая, трещали ружья, такалъ пулеметъ. То вспыхивалъ ревъ, то обрывался. Смѣнялся кликомъ „ура". И опять пальба и пальба.

Кончилась панихида. Солдаты, словно въ атаку, перебѣжкою катились снѣжнымъ полемъ къ окопамъ у избы, а монахъ, перекрестивъ ихъ вслѣдъ большимъ крестомъ, пошелъ вдоль кладбища къ линіи главнаго боя. Нѣмецкая атака тамъ была отбита, и нѣмцы, озлобленные, пуще посыпали по окопамъ и по кладбищу снаряды. Снаряды рвались впереди, справа и позади монаха, а онъ, высокій, старчески сутулый, шелъ и шелъ.

— Куда онъ?—дивились офицеры въ избѣ.—Его убьетъ такъ... Ребята, крикни его кто-нибудь, зови сюда!..

Вскочили, кричатъ, машутъ.

— Батюшка, сюда, сюда!.. Тамъ, за кладбищемъ, опасно,—открытое мѣсто... Стрѣляютъ...

Монахъ остановился, прислушался. Уловилъ слова, снова перекрестилъ издали и такъ же твердо пошелъ дальше. Снаряды вокругъ него такъ и рвались, а онъ шелъ и шелъ. Солдаты и офицеры провожали его глазами, какъ зачарованные, и только шептали:

— Что это—человѣкъ или привидѣніе?.. Куда онъ?.. Ни одна пуля, ни снарядъ не трогаютъ.

Къ вечеру узнали, что монахъ прямо подъ пулями вошелъ въ окопы, въ первую нашу линію, и, все не сгибаясь, медленно пошелъ. Окопы были неглубокіе. Земля здѣсь вездѣ болотистая. Ниже аршина уже вода. Солдатамъ приходилось сидѣть скорчившись. Жаловались, что скоро начинаетъ ломить въ хребтѣ, и болятъ шейные позвонки. Монахъ проходилъ рядъ за рядомъ окопы и благословлялъ солдатъ, сидящихъ на доскахъ, которыя хлопали и чавкали подъ ногами. Солдаты жадно тянулись приложиться ко кресту, а монахъ властно твердилъ:

— Сидите, сидите! Не высовывайте головы. Берегите себя,—я наклонюсь до каждаго. Всѣ мы, вся Россія черезъ меня кла-

няется вамъ. Крѣпитесь, голубчики! Терпите, милые!.. Храни васъ Богъ.

— Батюшка, а вы?—остерегали его солдаты.—Нѣмецъ, вѣдь, видитъ васъ...

— Божья воля!.. Вы же днями, недѣли и мѣсяцы подъ огнемъ, а я что?.. Я одинъ... И старъ. Только и могу подкрѣпить васъ духомъ... Спаси, Господи, люди Твоя,—начиналъ онъ спокойно и спокойно, мѣрно шелъ дальше, прерывая молитву:

— Сиди, сиди! Не высовывайся,—я наклонюсь до каждаго.

— Такъ и прошелъ подъ пулями по всѣмъ рядамъ и по всей линіи нашихъ окоповъ,—говорили потомъ офицеры первой линіи.—Мы его просили поберечь себя. Твердитъ одно:

— Здѣсь не до бережки. Вы, молодые, въ огонь, а я... я свое уже отжилъ. Храни васъ Богъ.

И поняли ли нѣмцы, тронулись ли видомъ священника въ окопахъ, показалось ли намъ,—но наши говорили потомъ, что гдѣ шелъ монахъ, тамъ стихала пальба. Наши крестились и прикладывались ко кресту, не стрѣляли. Не стрѣляли и нѣмцы. Монахъ часа два ходилъ на виду нѣмцевъ, и ни одна пуля не тронула его, а обычно нельзя было высунуться. Когда монахъ уходилъ, его просили остаться поѣсть, обогрѣться у командира въ землянкѣ,—отказался, взялъ только сухарей.

— Куда же вы? Какъ васъ зовутъ?

— Іеромонахъ Пантелеймонъ... Иду дальше. Тамъ новые иноки: вы всѣ здѣсь подвижники, труженики. Хочу обойти весь вашъ монастырь. Прощайте! Храни васъ Богъ!

Обернулся на всѣ линіи окоповъ, перекрестилъ крестомъ и пошелъ вдоль болотной опушки дальше. Снѣгъ падалъ и, какъ одною кисейной пеленой за другою, заволакивалъ его отъ глазъ оставшихся. Дунулъ отъ болота вѣтеръ. Какъ нарочно, распахнулъ снѣжную пелену. Въ послѣдній разъ показалъ старика въ черномъ и донесъ пѣніе:

— ...и благослови достояніе Твое...“

---

21 февраля. Извѣстный румынскій публицистъ Таке-Іонеску разсказывалъ, что въ началѣ войны Талаатъ Бей и Халилъ Бей прибыли въ Бухарестъ и вмѣстѣ съ представителемъ Болгаріи предложили Румыніи соединиться вмѣстѣ противъ Россіи.

Недавно въ Петроградѣ предано землѣ тѣло, павшаго на Прасныщскихъ поляхъ смертнаго героя штабсъ-капитана П. В. Гурдова. Имя это облетѣло всю Россію, какъ создателя эпическихъ, боевыхъ подвиговъ, бронированныхъ пулеметныхъ автомобилей. Въ нашихъ замѣткахъ уже были отмѣчены эти выдающіяся боевыя дѣянія почившаго. Павелъ Васильевичъ сочеталъ въ себѣ таланты блестящихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ и замѣчательной трудоспособности. Его любили всѣ, кто съ нимъ соприкасался, а солдаты его обожали. Онъ блестяще окончилъ курсъ въ офицерской электротехнической школѣ и былъ оставленъ тамъ какъ талантливый преподаватель. Онъ былъ рѣдкій знатокъ подводнаго плаванія и отважный развѣдчикъ на аэропланѣ.

Когда началась организація бронированныхъ пулеметныхъ автомобилей, то П. В. сталъ у этого дѣла и блестящимъ образомъ въ бояхъ подъ Лодзью началъ дебютировать съ этимъ орудіемъ. Въ то время, какъ нѣмцы примѣняли ихъ съ почтительнаго разстоянія, шт.-кап. Гурдовъ подъѣзжалъ къ противнику очень близко, лишь бы не допустить врага добѣжать до автомобиля вплотную, и тамъ начиналъ свою сокрушительную работу. Такъ было въ бояхъ подъ Лодзью, такъ было въ декабрѣ у Пабяницъ, гдѣ съ тремя своими пулеметными автомобилями и 15 человѣкъ бойцовъ въ одну ночь уничтожилъ дивизію германцевъ.

Свою жизнь закончилъ изумительнымъ подвигомъ подъ Праснышемъ. Въ то время, когда геройское наступленіе нашихъ войскъ было пріостановлено массой германскихъ орудій и уже смолкло „ура" наступающихъ нашихъ цѣпей, штабсъ-капитанъ Гурдовъ, прорвавшись на полномъ ходу съ бронированными автомобилями черезъ непріятельскія цѣпи, выѣхалъ на холмъ, за которымъ расположились германскія батареи, и съ разстоянія въ нѣсколько десятковъ шаговъ открылъ по нимъ губительный огонь.

Безумно смѣлый налетъ былъ такъ неожиданъ, что прислуга не успѣла укрыться и была почти цѣликомъ перебита.

Заставивъ замолчать артиллерію противника, штабсъ-капитанъ Гурдовъ, какъ разсказываютъ очевидцы, далъ задній ходъ, отстрѣливаясь изъ скорострѣльнаго орудія, не имѣя возможности повернуть сразу автомобиля.

Произошла небольшая заминка, во время которой штабсъ-капитанъ Гурдовъ, лично руководившій не только обстрѣломъ,

ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ
ГУРДОВЪ.

но и ходомъ машинъ, былъ тяжело раненъ и вскорѣ скончался. Вмѣстѣ съ нимъ былъ раненъ поручикъ кн. Вачнадзе.

Геройскій подвигъ Гурдова сразу измѣнилъ положеніе боя, давъ возможность нашей пѣхотѣ броситься въ атаку, поддержанную съ фланговъ кавалеріей.

Черноморскій флотъ бомбардировалъ на Анатолійскомъ побережьи Зунгулакъ, Эрекли, Калимли и Козлу.

---

23 февраля. Въ редакцію „Вечерняго Времени" раненый прапорщикъ Васильевъ доставилъ кинжалъ-штыкъ съ сохранившимися слѣдами крови, которымъ былъ зарѣзанъ нѣмкою тяжело раненый прапорщикъ Лузинъ. Прапорщикъ Васильевъ былъ очевидцемъ этого звѣрскаго нападенія разбойника въ юбкѣ и разсказалъ слѣдующее [1]).

— Изъ-подъ Лыка везли нѣсколько тяжело раненыхъ, въ томъ числѣ прапорщика Лузина съ перебитыми ногами, и меня, раненаго тремя пулями, съ раздробленіемъ костей. Я лежалъ въ одной фурманкѣ съ Лузинымъ: онъ съ краю, а я въ серединѣ. Состояніе его ранъ позволяло лежать ему только на животѣ.

Раненыхъ везли въ нѣсколькихъ фурманкахъ, въ сопровожденіи санитара.

На полпути къ питательному пункту у дороги показалась лѣтъ 40—45 нѣмка, прилично одѣтая. Мы немного не доѣхали до нея, когда санитара позвали къ фурманкѣ, идущей сзади насъ.

Когда поравнялись съ нѣмкой, я спросилъ ее: далеко ли до Р.? Но одновременно съ моимъ вопросомъ Лузинъ простоналъ: „пить"!

Не отвѣчая на мой вопросъ, нѣмка по-русски переспросила Лузина: „тебѣ пить"?!

Не успѣлъ тотъ и отвѣтить, какъ она выхватила изъ-за пазухи кинжалъ-штыкъ и всадила по самую рукоятку въ спину Лузину. Бѣднякъ не успѣлъ и простонать, а уткнулся лишь лицомъ внизъ.

Я правой рукой схватилъ кинжалъ вмѣстѣ съ рукой нѣмки, когда та силилась выдернуть его изъ тѣла Лузина, закричалъ сопровождавшимъ солдатамъ и санитарамъ. Преступница была

---

[1]) „Нов. Вр." 27 февраля сего года.

поймана на мѣстѣ, не успѣвъ оказать сопротивленія. Тѣло Лузина было оставлено въ ближайшемъ мѣстечкѣ.

Прапорщикъ Лузинъ былъ моимъ однополчаниномъ, котораго я зналъ, какъ хорошаго товарища и неустрашимаго воина.

Петроградскому обывателю надлежитъ занести на свои страницы краткій отчетъ того, что пришлось слышать о дѣятельности нашего Балтійскаго флота, коему и всѣмъ обывателямъ Петрограда надо сказать большое и большое спасибо за его блистательную дѣятельность по огражденію нашей столицы отъ наглаго нѣмца.

Съ самаго начала войны по сіе время нашъ доблестный Балтійскій флотъ грозно и честно охранялъ принадлежащія державѣ Россійской воды Балтійскаго моря и водяные подступы къ Петрограду, противъ шестерныхъ силъ германскаго флота. Блестящій личный составъ нашего Балтійскаго флота, какъ матросовъ, такъ офицеровъ и начальниковъ судовъ всѣхъ ранговъ, съ адмираломъ Эссеномъ во главѣ несъ за это время, при буряхъ и холодахъ, свою беззавѣтную службу Царю и родинѣ.

Полнымъ хозяиномъ нашихъ водъ все это время былъ нашъ флотъ, а не сильнѣйшій германскій, при чемъ части русскаго флота не только охраняли свои воды, но и развивали свои операціи у непріятельскихъ береговъ. Временные выходы германскаго флота въ Балтійское море не имѣли никакихъ существенныхъ результатовъ, за исключеніемъ потопленія крейсера „Паллада“ германской подводной лодкой. Всѣ остальныя атаки германскихъ подводныхъ лодокъ были неудачны. Въ то же время суда нашего флота уничтожили крейсеръ „Магдебургъ“, потопили и броненосный крейсеръ „Фридрихъ Карлъ“, сильно повредили крейсеръ „Газелла“, и потопили три германскихъ подводныхъ лодки, изъ которыхъ одна была самаго послѣдняго типа. 24 августа германская эскадра при своемъ движеніи въ сѣверной части Балтійскаго моря наткнулась ночью на свои собственные миноносцы и, принявъ ихъ за русскіе, разстрѣляла, повредивъ при этомъ до восьми своихъ судовъ.

При чтеніи этого обзора невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ же искать существенную причину такого несомнѣннаго успѣха.

Неудача русско-японской войны заставила наше морское вѣдомство глубже заглянуть въ корень вещей. Пришли къ заключенію въ необходимости организовать морской генеральный

штабъ. Нашлись способные работники и талантливые начальники морского генеральнаго штаба, которые много лѣтъ занимались обработкой плановъ разныхъ военно-морскихъ комбинацій, при постановкѣ исполнителями въ военное время, тѣхъ самыхъ людей, которые стояли у дѣла и въ мирное время. Оставалось при объявленіи войны только перемѣнить одни названія. Въ настоящее время во главѣ морского генеральнаго штаба стоитъ вице-адмиралъ Русинъ.

---

24 февраля. Заносимъ на наши скрижали краткое описаніе доблестныхъ дѣйствій нашихъ союзниковъ, имѣющія громадное міровое значеніе и затрагивающее самые насущные и самые жизненные интересы Россіи. Это успѣшное бомбардированіе англо-французскимъ флотомъ Дарданеллъ 7, 8, 13, 15, 17 и 24 февраля. Вмѣстѣ съ союзнымъ флотомъ дѣйствовалъ и нашъ крейсеръ „Аскольдъ".

Могъ ли кто-либо два, три года тому назадъ думать, что англійскій флотъ будетъ бомбардировать Дарданеллы и открывать намъ проливы. Какъ измѣняется традиціонный ходъ исторіи и какъ онъ поучителенъ. Какое историческое счастіе принесла Россіи онаглѣвшая Германія.

Уже получено сообщеніе, что союзныя транспортныя суда съ 42.000 направляются изъ Мальты въ Дарданеллы. Въ это же время нашъ Черноморскій флотъ своими операціями у Анатолійскихъ береговъ подготовляетъ путь къ открытію другихъ дверей въ проливы.

25—26 февраля. Въ англійской палатѣ общинъ послѣдовалъ запросъ одного члена парламента сэру Эдуарду Грею по поводу заявленія въ Думѣ г. Сазонова, что Россія намѣревается оккупировать Константинополь навсегда, было ли заявленіе это сдѣлано съ согласія и вѣдома великобританскаго правительства. На этотъ запросъ сэръ Эдуардъ Грей отвѣчалъ:

„Я не видѣлъ и не могу найдти въ отчетахъ по поводу рѣчи г. Сазонова, которые я видѣлъ, заявленіе, приписываемое ему уважаемымъ членомъ парламента. Изъ отчета, который я видѣлъ, явствуетъ, что положеніе вещей на русско-турецкомъ фронтѣ приведетъ Россію ближе къ реализаціи политическихъ и экономическихъ проблемъ, связанныхъ съ вопросомъ о выходѣ Россіи къ открытому морю. Это стремленіе, которому мы вполнѣ симпатизируемъ (*одобреніе*). Точная форма, въ которую это можетъ вылиться, будетъ внѣ сомнѣнія опредѣлена условіями мира (*одобреніе*).

Мы можемъ прибавить къ этому, что слышали изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что аплодисменты всей палаты общинъ на отвѣтъ сэра Эдуарда Грея были самые страстные.

---

25 февраля Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Гельсингфорсъ, а 26 возвратился въ Царское Село [1]).

---

27 февраля. Покинувшіе ряды фракціи земцевъ-октябристовъ прибалтійскіе депутаты баронъ Б. А. Энгельгардтъ, баронъ Н. Б. Вольфъ, К. Ю. Бревернъ и О. Р. Браше обратились къ М. А. Караулову съ предложеніемъ принять ихъ въ группу независимыхъ.

Обсудивъ этотъ вопросъ въ спеціальномъ засѣданіи, группа пришла къ отрицательному заключенію [2]).

„Exchange“ телеграфируютъ изъ Парижа, что населеніе Люксембурга очень позабавила слѣдующая исторія.

Въ началѣ сентября въ Люксембургъ прибыла роскошная парадная карета, которая предназначалась для тріумфальнаго въѣзда императора Вильгельма въ Парижъ, во главѣ побѣдоносныхъ войскъ.

Нѣсколько дней назадъ парадная карета была отправлена обратно въ Берлинъ.

---

28 февраля. За вторую половину февраля военныя дѣйствія на нашихъ фронтахъ сложились слѣдующимъ образомъ: все это время продолжались артиллерійскіе бои подъ Оссовцомъ и упорные бои между Нѣманомъ и Вислой, при чемъ наибольшаго напряженія достигали къ западу отъ Гродно у Ломжи, Прасныша, а также въ раіонахъ рр. Омулева и Оржица. Успѣхъ боевъ склонялся на нашу сторону, видимо разгромъ у Прасныша повліялъ на ихъ психику, и они хотѣли съ обычнымъ германскимъ нахальствомъ показать, что въ ихъ рукахъ инціатива въ нашихъ предѣлахъ. Болѣе успѣшно мы тѣснили германцевъ къ западу отъ Нѣмана.

Въ Карпатахъ шли бои у Стропко,—отбиты массовыя атаки между Ондавой и Саномъ у Лутовиско, Горлице, Ужокъ, Раб-

---

[1]) „Русскій Инвалидъ“ 26 и 27 февраля сего года.

[2]) „Русское Слово“, 27 февраля сего года.

бе и Козювки. Мы взяли Лупковъ и Смольникъ. За это время захватили 7.000 плѣнныхъ, 47 офицеровъ и 16 пулеметовъ.

Въ восточной Галиціи наши войска заняли Станиславовъ. На Кавказѣ отбиты контръ-атаки турокъ въ Зачорохскомъ направленіи.

Къ настоящимъ замѣткамъ прилагается фотографія 84 лѣтняго германскаго фельдмаршала Гезелера (съ лѣвой стороны) съ графомъ Цепелиномъ (съ правой стороны).

Графъ Цепелинъ, которому кайзеръ поставилъ задачу гибель и раззореніе земного населенія, враждебнаго нѣмцамъ, женатъ на нашей остзейской землевладѣлицѣ, богатыя имѣнія которой были имъ истрачены на постройку гибельныхъ для человѣчества чудовищъ. Цепелинъ всегда былъ желаннымъ гостемъ при посѣщеніи остзейскихъ дворянъ.

Цепелинъ не угодилъ кайзеру въ его предположеніяхъ погрома Англіи и потому теперь въ немилости, и не получилъ даже желѣзнаго креста.

Слишкомъ тяжело заканчивать мѣсячную замѣтку фотографіями двухъ хищныхъ нѣмецкихъ птицъ, и мы оканчиваемъ ее картинкой смерти нашего обыкновеннаго сѣраго чудо-богатыря [1]):

„Въ одномъ углу священникъ, наклонившись къ носилкамъ тяжело раненаго, исповѣдывалъ и причащалъ его... Беззвучно шевеля губами, повторялъ умирающій слова молитвъ, а глаза его были устремлены куда-то далеко въ пространство: какъ будто надъ нимъ вились воспоминанія и вставали картины теперь угасающей жизни.

Обрядъ кончился, священникъ поцѣловалъ солдата, и тотъ передалъ ему какой-то мѣшечекъ. Видно было, какъ священникъ записывалъ адресъ...

Затѣмъ солдатъ попросилъ покрыть его одѣяломъ съ головой и затихъ... Что творилось въ душѣ его, сознающей кончину, одному Богу извѣстно... Но онъ лежалъ тихо, спокойно, и ни одного стона не вырвалось у него, ни одной жалобы...

Хотѣлось встать на колѣни и поклониться долготерпѣнію, святой кротости и сѣрому величію русскаго солдата, всегда именно такъ умирающаго и такъ несущаго свои раны“.

В. П.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 26 февраля сего года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 26-го февраля по 4-е марта 1915 г.

Письма А. П. Чехова. Подъ ред. М. П. Чеховой. 1897—1899. Т. V. М. 1915. Изд. книгоизд. писателей въ Москвѣ (Никитскій бульв., 10). Тип. т-ва А. А. Левенсонъ, (Трехпрудный пер., с. д.). 8⁰ (14 × 21). XV + 510 + 5 нен. стр. съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 7.000 экз.

Покровскій, В. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1915. Изд. 4-е доп. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, с. д.). 8⁰ (17 × 25). 468 стр. Адр. скл. кн. маг. В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова. (Моховая, д. Варваринск. Акц. О-ва). Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 6.000 экз.

50-лѣтній юбилей общества врачей Восточной Сибири въ гор. Иркутскѣ (1863—1913 г.). Иркутскъ. 1914. Тип. Т-ва Печ. Дѣла. 8⁰ (15 × 22). 109 стр. Вѣсъ 9 л. 250 экз.

Савва, В. Замѣтки о Боярской Думѣ въ XVI в. ПГ. 1915. Тип. Г. Шумахера и Б. Брукера (Екатерин. к., 94). 8⁰ (17 × 25). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Симаковъ, В. И. Новѣйшія деревенскія частушки. Про войну, нѣмцевъ, казаковъ, монополію, рекрутчину и т. д. Ярославль. 1915. Тип. К. Ф. Некрасова. 16⁰ (12 × 18). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Стефановъ, А. Г. VI Библіографія. Библіографическій указатель статей о Ростовѣ на Дону и Приазовьѣ, помѣщенныхъ въ мѣстной и краевой прессѣ. (Отд. оттискъ изъ 2 тома записокъ Ростовскаго на Дону об-ва исторіи, древностей и природы). Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8⁰ (20 × 29). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 20 экз.

Ульяновъ, И. И. Обрядовыя причитанія при проводахъ солдатъ на войну. (По запискамъ и личнымъ наблюденіямъ). ПГ. 1915. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8⁰ (17 × 22). 16 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Ушаковъ, И. И. На раскопкахъ Древняго Танаиса. (Отд. оттискъ изъ 2 тома „Записокъ Ростовскаго на Дону об-ва исторіи, древностей и природы“). Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8⁰ (20 × 29). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 20 экз.

Фарфоровскій, С. В. Изъ фольклора туркменъ Сѣвернаго Кавказа. (Отд. оттискъ изъ второго тома „Записокъ Ростовскаго на Дону общества исторіи, древностей и природы“). Ростовъ на/Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8⁰ (20 × 39). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 20 экз.

Шульгинъ, Михаилъ. Памяти преосвященнаго Ѳеофана-затворника. (По случаю 100-лѣтія со дня рожденія 1815—1915 г.). (Отд. оттискъ изъ „Извѣстій по Казанской епархіи“). Казань. 1915. Изд. Духовной Академіи. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8⁰ (16×24). 9 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Юркевскій, В. А. Отличительныя черты творчества А. С. Пушкина, вытекающія изъ его индивидуальныхъ особенностей. Кутаисъ 1914. Тип. Губернская. 8° (14×21). 25 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Булгаковъ, Сергѣй. Война и русское самосознаніе. (Публичная лекція). (Война и культура). М. 1915. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×20). 59 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Быковъ, Н. П. Князья Острожскіе и Волынь. Введеніе въ историческую записку „Пятидесятилѣтіе Острожскаго Св. Кирилло-Меѳодіевскаго Братства". ПГ. 1915. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8° (17×25). 60 стр. Съ рис. Вѣсъ 12 л. 2.000 экз.

Вершинскій, А. Н. Памятники древне-русскихъ крѣпостныхъ сооруженій въ Тверской губерніи. Микулинскій Дѣтинецъ. Старица. 1914. Изд. журн. Тверская Старина. Тип. И. П. Крылова. 8° (15×23). 4 стр. + 2 листа рис. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. I. Автобіографія. „Мои литературныя и нравственныя скитальчества". (Съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника). М. 1915. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (15×22). LIV + 104 стр. Съ портр. Складъ: кн. маг. бр. Башмаковыхъ. Вѣсъ 16 л. 2.050 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. 3-й. М. 1915. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (15×22). VI + 146 стр. Адр. склада: кн. маг. бр. Башмаковыхъ. Вѣсъ 16 л. 2.050 экз.

Дилевская, О. А. Прибалтійскій край. Война и культура. 20 (Историческая комиссія О. Р. Т. З.). М. 1914. Изд. и тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (14×20). 41 + 1 нен. стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 5.100 экз.

Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1848—1915 г.г.) описанная имъ самимъ и избранныя стихотворенія. „Библіотека для семьи и школы". М. 1915. Изд. 3-е испр. и доп. Ред. журн. Юная Россія (Б. Мамановка, 18). Тип. Русскаго Тов. Печатн. и Изд. дѣла (Мыльниковъ пер. с. д.). 8° (15×20). 160 стр. + 1 портр. Ц. 45 к. Вѣсъ 15 л. 3.600 экз.

Зубаревъ, Ѳ. Русскіе городища и города въ связи съ развитіемъ русской государственности. (Краткій обзоръ древне-русской стратегіи). Старица. 1914. Тип. И. П. Крылова. 8° (15×22). 64 стр. + 9 чертеж. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Извѣстія Императорской Археологической коммиссіи. Выпускъ 51-й. ПГ. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ. 8° (19×27). 144 стр. съ 13 рис. и 30 табл. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 910 экз.

Каринцевъ, Ник. Историческія дѣти. Очерки, разсказы и преданія о дѣтяхъ, имена которыхъ исторія запечатлѣла на своихъ страцахъ. М. 1915. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Русск. т-ва печатн. и изд. дѣла (Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 16° (13×18). 394 + 2 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 3.000 экз.

Коссецкій, А. О. Послѣдніе годы послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, въ связи съ пребываніемъ его въ Воронежѣ. Воронежъ. 1915. Тип. Т-ва Н. Кравцова и К° (Б. Двор., д. Сомова). 16° (11×17). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Либровичъ, С. Ф. Исторія книги въ Россіи. Часть II. Спб. 1914. Изд. и тип. Тов. М. О. Вольфъ (В. О., 16 лин., 5—7). 8⁰ (15 × 23). 234 стр. съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 2.000 экз.

Лицейскій журналъ. № 3, 4. ПГ. 1915. Тип. Л. Н. Лавровъ и К⁰ (ул. Гоголя, 9). 8⁰ (17 × 24). 130 стр. Вѣсъ 17 л. 200 экз.

Мансветовъ, В. И. Вериги. Собраніе Императорскаго Московскаго Историческаго Музея. Изъ исторіи русскаго подвижничества. Рефератъ, читанный въ Церковно-Археологическомъ Отдѣлѣ при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 17-го ноября 1914 года. (От. изъ журн. „Чтенія въ общ. люб.-дух. просвѣщ.“ за январь—мартъ 1915 г.). М. 1915. Тип. А. И. Снегиревой. 8⁰ (16 × 21). 16 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Масловъ, С. И. Библіотека Стефана Яворскаго. (Изъ „Чтеній въ Историческомъ Об-вѣ Нестора-Лѣтописца, кн. XXIV, вып. 2). Кіевъ. 1914. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20) 8⁰ (18×27). 66+LXXXVIII стр.+4 табл. Вѣсъ 22 л. 160 экз.

Милютинъ. А. И. Библіотека Императорскаго Томскаго Университета 1883—1913. Краткій историческій очеркъ библіотеки. Томскъ. 1914. Тип. Губ. Управленія. 8⁰ (18 × 26). 34 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Организованныя преступленія германской арміи. Пер. съ французскаго Н. М. Лаговъ. ПГ. 1915. Изд. В. А. Березовскаго (Колокольная, 14). Тип. В. Безобразовъ и К⁰ [illegible]., Большой пр., 61). 8⁰ (14 × 20). 103 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

Пименова, Э. К. Желѣзный канцлеръ Бисмаркъ-творецъ германской имперіи. Война и культура. 19. (Историческая комиссія О. Р. Т. З). М. 1914. Изд. и тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, с. д.). 8⁰ (14 × 20) 58 стр. Ц. 18 к. Вѣсъ 4 л. 5.[illegible]0 экз.

Путешествіе А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянскимъ землямъ въ 1804 году. Подъ ред. В. М. Истрина. Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ II. ПГ. 1915. Изд. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ. Тип. Акад. Наукъ. 8⁰ (18 × 25). II + 116 стр. съ портр. Ц. 60 к. Вѣсъ 20 л. 813 экз.

Харламповичъ, К. С. А. Нурминскій (некрологъ). (Отд. оттискъ изъ XXIX т. „Извѣстій об-ва археол., исторіи и древ. за 1915 годъ“) Казань. 1915. Тип. Университета. 8⁰ (16 × 24). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 30 экз.

Чечулинъ, Н. Д. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ празднованіи столѣтія Императорской Публичной Библіотеки 2 янв. 1914 года. ПГ. 1914. Тип. Акц. Общ. Тип. Дѣла (7 рота, 26). 8⁰ (17 × 25). 6 стр. Вѣсъ 2 л. 120 экз.

Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Подъ ред. Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы. Вып. II. Книга 24. Кіевъ. 1914. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8⁰ (17 × 25). 65—148 + 99—162 + 17—102 + 8 + 113 + 144 + III стр. + 4 табл. Складъ: Историч-о-во Нестора-лѣтописца при унив. св. Владиміра. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 422 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

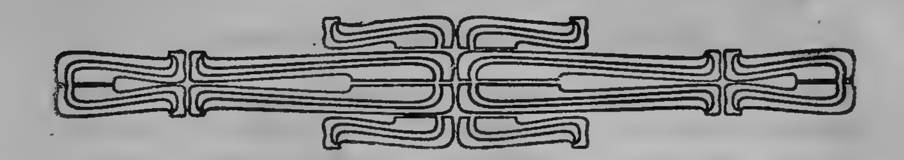

Вице-Адмиралъ

Александръ Ивановичъ

РУСИНЪ.

Начальникъ Морского Генеральнаго Штаба.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ Полуостровѣ.

(Августъ 1912 г.—Іюль 1913 г.).

55[1]).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Бѣлградѣ. Сообщается въ Парижъ и Лондонъ.

С.-Петербургъ, 27 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Согласно сообщенію Сербскаго Посланника, его Правительство имѣетъ основанія опасаться, будто Австрія въ теченіе недѣли сдѣлаетъ рѣшительный шагъ, чтобы заставить Сербію отречься отъ Адріатическаго порта. Военныя мѣры, принимаемыя Австріею, объясняются, по мнѣнію Бѣлградскаго Кабинета, именно этой цѣлью, а также желаніемъ создать поводъ вмѣшательства, съ цѣлью отодвинуть границу территоріальныхъ пріобрѣтеній Сербіи по возможности на востокъ и включить въ Албанію Призренъ.

Сообщеніе Сербскаго Посланника, въ связи съ несомнѣнной серьезностью общаго политическаго положенія, заставляетъ насъ совершенно твердо установить то направленіе, котораго Императорское Правительство неукоснительно придерживалось и намѣрено придерживаться и впредь.

Всѣ Державы, въ томъ числѣ и Австрія, рѣшили подвергнуть совмѣстному обсужденію вопросы, связанные съ ликвидаціей войны. Сербіи хорошо извѣстны наши взгляды на рѣшеніе интересующихъ ее вопросовъ. Мы готовы отстаивать политическую и экономическую эмансипацію Сербіи, выходъ ея къ

---

[1]) См. „Русская Старина“, май 1915 г.

Адріатическому морю черезъ Албанскую территорію, обставленный реальными гарантіями для свободнаго передвиженія грузовъ торговыхъ и военныхъ, а также отстоять возможное приближеніе къ западу Албанской границы, но мы полагаемъ, что отстоять пріобрѣтеніе Сербіею въ суверенное владѣніе части Адріатическаго побережія не представится возможнымъ.

Мы идемъ на предварительное совѣщаніе Пословъ, желая, въ указанныхъ предѣлахъ, оказать самую дѣятельную поддержку Сербіи. Но для насъ необходима увѣренность, что Сербія подчинится рѣшенію, которое будетъ принято съ согласія Россіи, Франціи и Англіи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

56.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Вѣнѣ.

С.-Петербургъ, 27 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Какъ я узналъ отъ Сербскаго Посланника, въ Бѣлградѣ существуетъ опасеніе, что въ концѣ недѣли Австрія предъявитъ ультиматумъ Сербскому Правительству по инциденту консульскому и по вопросу объ Адріатическомъ портѣ.

Посѣтившему меня Австрійскому Послу я сказалъ, что, отдавая должное умѣренности, проявленной до сихъ поръ Австріей, мы надѣемся, что ею не будетъ предпринято единоличныхъ выступленій въ настоящую минуту, когда она вмѣстѣ со всѣми Державами согласилась подвергнуть всѣ спорные вопросы на дружеское разсмотрѣніе Великихъ Державъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

57.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 29 ноября 1912 г.

(Письмо).

Настоящимъ письмомъ имѣю честь ознакомить Ваше Сіятельство съ руководящими взглядами Императорскаго Министерства какъ на общее разрѣшеніе нынѣшняго кризиса, такъ

и на тѣ отдѣльные вопросы, которые подлежатъ обсужденію предстоящаго предварительнаго совѣщанія Пословъ Великихъ Державъ.

Преслѣдуя цѣль обезпечить дѣйствительными гарантіями политическую и экономическую эмансипацію Сербіи и выходъ ея къ Адріатическому морю черезъ албанскую територію безъ завладѣнія въ собственность частью прибрежной территоріи, мы, въ силу этихъ соображеній, должны стремиться къ установленію такого порядка вещей въ Албаніи, который исключалъ бы возможность преобладанія какой-либо одной Державы въ этой области. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, мы считали бы сохраненіе суверенитета Султана наиболѣе естественнымъ и соотвѣтствующимъ указанному выше интересу.

Рѣшительно высказываясь противъ завладѣнія Сербіей частью прибрежной территоріи, Вѣнскій Кабинетъ не разъ указывалъ, что, при соблюденіи этого условія, онъ готовъ широко пойти навстрѣчу сербскому желанію имѣть выходъ къ морю, обставленный всѣми нужными гарантіями. Слѣдовательно, само Австрійское Правительство признаетъ необходимость считаться съ особымъ положеніемъ и интересами Сербіи въ этомъ вопросѣ. Мы полагали бы вполнѣ справедливымъ, уступая въ вопросѣ о пріобрѣтеніи Сербіею Адріатическаго порта въ собственность, оговорить ея право на свободный и безпошлинный провозъ грузовъ—какъ торговыхъ, такъ и военныхъ. Иная постановка вопроса не соотвѣтствовала бы значенію той уступки, на которую мы рѣшаемся склонить Бѣлградскій Кабинетъ. Такимъ образомъ, свободный транзитъ сербскихъ грузовъ чрезъ Албанію и свобода для нихъ отъ таможенныхъ пошлинъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время являются на нашъ взглядъ необходимыми экономическими компенсаціями Сербіи.

Въ тѣхъ же видахъ, слѣдуетъ предусмотрѣть вопросъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ отъ сербской территоріи въ направленіи къ Адріатическому морю. На нашъ взглядъ, надлежало бы обезпечить въ этомъ вопросѣ какъ международный характеръ тѣхъ синдикатовъ, которые возьмутъ на себя проведеніе этихъ дорогъ, такъ и гарантіи правильнаго функціонированія желѣзнодорожнаго движенія и эксплоатаціи. Съ вопросомъ этимъ тѣсно связана съ одной стороны постановка охраны порядка и безопасности на территоріи, чрезъ которую будутъ проходить означенныя линіи, а съ другой—организація портоваго управленія.

И въ этой и въ другой отрасли введеніе международнаго контроля представляется необходимымъ. Не слѣдуетъ упускать

изъ виду, что Албанія, по своей малой культурности и вслѣдствіе разбойничьяго характера значительной части ея населенія, особенно въ горахъ, потребуетъ на первыхъ порахъ учрежденія возможно сильной жандармеріи, организованной при участіи иностранныхъ инструкторовъ.

Съ другой стороны, едва-ли можно разсчитывать на привлеченіе иностранныхъ капиталовъ къ желѣзнодорожному строительству, оборудованію албанскихъ портовъ и другихъ внутреннихъ потребностей страны, если эти капиталы не получатъ должнаго обезпеченія въ организаціи и управленіи въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ. Наша задача заключается въ томъ, чтобы указанныя выше задачи и связанныя съ ними прерогативы были въ одинаковой степени раздѣлены всѣми Державами.

Въ перечнѣ вопросовъ, интересующихъ насъ въ связи съ ликвидаціей войны, мы не можемъ не остановиться на томъ положеніи, которое будетъ закрѣплено за Аѳономъ.

Нашему Посланнику въ Аѳинахъ поручено заявить Греческому Правительству, что мы не считаемъ возможнымъ сохраненіе такого центра всего православія, какъ Аѳонъ, гдѣ къ тому же больше половины населенія состоитъ изъ русскихъ монаховъ, въ рукахъ одной Державы.

Правильнымъ рѣшеніемъ вопроса мы бы считали сохраненіе нынѣшняго обособленнаго положенія Св. Горы, съ соблюденіемъ въ неприкосновенности древняго строя ея самоуправленія и подчиненіемъ духовному главенству Вселенскаго Патріарха. Выдѣляя Аѳонъ изъ сферы чисто политическихъ интересовъ, мы полагали бы наиболѣе естественнымъ объявить его территорію нейтральною подъ гарантіей всѣхъ православныхъ Державъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

58.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 3 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Прошу Васъ привлечь вниманіе Порты на несговорчивость ея уполномоченныхъ въ Лондонѣ. Портѣ слѣдовало бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, какія серьезныя послѣдствія можетъ соз-

дать для нея несговорчивость, и какъ трудно будетъ намъ, въ виду несомнѣннаго возбужденія въ этомъ случаѣ нашего общественнаго мнѣнія, сохранить то мирное положеніе, котораго мы держались во время войны.

Наоборотъ, если Порта обнаружитъ умѣніе считаться съ фактами и подчинится необходимости удовлетворить Балканскія Государства, мы привѣтствовали бы установленіе между ними, Турціею и Россіею, послѣ мира добрососѣдскихъ отношеній, обезпечивающихъ непоколебимую прочность мира.

(Подп.) *Сазоновъ.*

59.

Посолъ въ Лондонѣ.

6 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Сербскій Повѣренный въ Дѣлахъ увѣдомилъ Сэра Эдуарда Грея, что Сербскіе делегаты получили инструкціи—не настаивать на требованіи территоріальнаго выхода къ Адріатическому морю въ виду выяснившейся невозможности достигнуть этого дипломатическимъ путемъ.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

60.

Посолъ въ Лондонѣ.

7 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Послы Великихъ Державъ сообщили печати, что ихъ Правительства установили принципъ автономіи Албаніи, одновременно принявъ предложеніе объ обезпеченіи Сербіи торговаго выхода къ Адріатическому морю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сербскому Повѣренному въ Дѣлахъ въ Лондонѣ было сдѣлано, для освѣдомленія его Правительства, нижеслѣдующее сообщеніе:

Автономія Албаніи будетъ находиться подъ исключительной гарантіей и контролемъ шести Великихъ Державъ, съ сохра-

неніемъ суверенитета или сюзеренитета Султана. Сербіи будетъ предоставленъ торговый выходъ къ морю черезъ свободный и нейтральный албанскій портъ, который будетъ обслуживаемъ международною желѣзнодорожною линіею подъ европейскимъ контролемъ и подъ охраной спеціальной международной стражи, съ обезпеченіемъ свободнаго транзита и безпошлиннаго ввоза всѣхъ товаровъ, въ томъ числѣ и военныхъ припасовъ.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

61.

Посолъ въ Лондонѣ.

7 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Согласно Австрійскому проекту сѣверная и восточная границы Албаніи намѣчены слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ граница идетъ отъ устья Бояны по линіи теперешней границы Черногоріи, немного не доходя до Аржаницы, оттуда полукругомъ обходя съ юга Гусинье и Плаву, она направляется на Ипекъ, Дьяково и Призренъ, которые включаются въ Албанію. Отъ Призрена на югъ граница слѣдуетъ по горнымъ хребтамъ, по линіи, проходящей между Охридскимъ и Пресбанскимъ озерами.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

62.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 7 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Мы придаемъ первостепенное значеніе тому, чтобы границы Сербіи и Черногоріи были въ непосредственномъ соприкосновеніи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

63.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 8 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Прошу Васъ сдѣлать заявленіе Турецкому Правительству, что если оно будетъ настаивать на сохраненіи Адріанополя, Скутари и Янины и не пойдетъ на миръ на условіи проведенія пограничной черты южнѣе Адріанополя, возобновленіе военныхъ дѣйствій сдѣлается неизбѣжнымъ, и нашъ нейтралитетъ можетъ не быть обезпеченъ.

Помимо всего, возобновленіе военныхъ дѣйствій вызоветъ пожалуй осложненія во внутреннемъ положеніи Малой Азіи и пограничныхъ съ нами областяхъ, что можетъ вынудить насъ къ принятію соотвѣтствующихъ мѣръ.

Полагаемъ, что послѣднія пренія въ Думѣ и формула перехода къ дѣламъ, принятая Государственнымъ Совѣтомъ, не должны оставить у турокъ сомнѣній въ единодушномъ настроеніи русскаго общества.

Что касается опредѣленія границъ Албаніи, положенія въ ней власти Султана и судьбы острововъ, то мы считаемъ, что рѣшающій голосъ принадлежитъ здѣсь Великимъ Державамъ, которыя уже взяли эти вопросы въ свои руки.

(Подп.) *Сазоновъ.*

64.

Посолъ въ Константинополѣ.

17 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сообщилъ мнѣ, что турецкимъ делегатамъ въ Лондонѣ предписано заявить, что Турція передаетъ на усмотрѣніе Великихъ Державъ всѣ вопросы, касающіеся мира съ союзниками за исключеніемъ вопроса объ Адріанополѣ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ никакая уступка съ ея стороны будто немыслима.

Послѣ свиданія съ Министромъ я былъ у Великаго Визиря, сдѣлавшаго мнѣ тождественное заявленіе. Я возразилъ имъ обоимъ, что надѣюсь, что это не послѣднее слово Порты, такъ какъ, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, вся отвѣтственность за тяжкія ихъ послѣдствія падетъ на нынѣшнее Правительство.

(Подп.) *Н. Гирсъ.*

65.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ. Сообщается въ Константинополь.

С.-Петербургъ, 19 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

По нашему мнѣнію весьма желательно достигнуть согласіе всѣхъ участниковъ Совѣщанія для коллективнаго заявленія турецкимъ делегатамъ отъ имени Державъ, что пограничная черта съ Болгаріей должна пройти южнѣе Адріанополя.

Въ случаѣ, если бы Турція передала на усмотрѣніе Великихъ Державъ всѣ вопросы касательно мира за исключеніемъ вопроса объ Адріанополѣ, полагаемъ, что Державы должны обусловить свое согласіе: 1) принятіемъ со стороны Турціи указанной пограничной черты и 2) обсужденіемъ вопроса о мирѣ въ той постановкѣ, которая дается солидарнымъ блокомъ союзниковъ, то есть не входя въ разсмотрѣніе вопроса о разможеваніи между союзниками и болгаро-румынскихъ пограничныхъ переговоровъ. Во всякомъ случаѣ просьба Турціи можетъ быть принята лишь послѣ того, какъ союзники изъявятъ на то согласіе.

(Подп.) *Сазоновъ.*

66.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

22 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Въ Бѣлградѣ получены свѣдѣнія, что Австрія требуетъ включенія въ предѣлы Албаніи Скутари, Призрена и Ипека. Эти извѣстія вызываютъ сильное возбужденіе рѣшительно во

всѣхъ классахъ населенія. Въ правительственныхъ кругахъ большое смущеніе. Министры говорятъ, что послѣ сдѣланныхъ уже Сербіей серьезныхъ уступокъ на Адріатикѣ подобное рѣшеніе пограничнаго вопроса явилось бы, какъ они выражаются, катастрофальнымъ. Печать требуетъ отъ Правительства сопротивленія этому силой.

(Подп.) *Гартвигъ.*

67.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Лондонѣ и Константинополѣ, Посланникамъ въ Цетинье, Софіи, Аѳинахъ и Бѣлградѣ.

С.-Петербургъ, 2 января 1913 г.

(Телеграмма).

Полагаемъ желательнымъ добиться признанія основныхъ началъ нейтрализаціи Аѳона подъ гарантіей однихъ Православныхъ Державъ или Великихъ Державъ, но съ признаніемъ однихъ Православныхъ Державъ въ качествѣ „Покровительницъ“.

(Подп.) *Сазоновъ.*

68.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 2 января 1913 г.

(Телеграмма).

Вы можете заявить Турецкому Послу отъ имени Императорскаго Правительства, что несмотря на заслуживающія вниманія соображенія историческаго и религіознаго характера касательно Адріанополя, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ долгомъ дружественно совѣтовать Турецкому Правительству считаться съ фактами. Возобновленіе военныхъ дѣйствій неизбѣжно приведетъ къ паденію Адріанополя и къ повышенію требованій союзниковъ въ соотвѣтствія съ новыми жертвами съ ихъ стороны. Въ тоже время мы считаемъ долгомъ указать Турціи

на возможныя осложненія въ случаѣ ея упорства и ясно дать ей понять, что Турціи не на что надѣяться отъ возобновленія военныхъ дѣйствій, ибо даже въ случаѣ частичнаго успѣха турокъ, мы не будемъ въ состояніи остаться равнодушными къ пораженію болгаръ.

(Подп.) *Сазоновъ*.

69.

Посолъ въ Константинополѣ.

4 января 1913 г.

(Телеграмма).

Сегодня представители шести Великихъ Державъ передали Высокой Портѣ коллективную ноту слѣдующаго содержанія:

Нижеподписавшіеся, Послы Австро-Венгріи, Англіи, Германіи, Италіи, Россіи и Франціи получили отъ ихъ правительствъ предписаніе сдѣлать Его Прев-ву Министру Иностранныхъ Дѣлъ Его Императорскаго Величества Султана слѣдующее сообщеніе: желая предупредить возобновленіе военныхъ дѣйствій, помянутыя выше Державы считаютъ долгомъ привлечь вниманіе Турецкаго Правительства на серьезную отвѣтственность, которой бы оно подверглось, если бы, отказываясь слѣдовать совѣтамъ Державъ, оно явилось препятствіемъ къ возстановленію мира. Если вслѣдствіе продолженія войны опасность будетъ грозить даже столицѣ и можетъ быть военныя дѣйствія перейдутъ на азіатскія провинціи Имперіи, то Турецкое Правительство должно будетъ обвинять въ этомъ только свое упорство.

Въ этомъ случаѣ Порта не должна разсчитывать на расположеніе Державъ, чтобы спасти ее отъ опасностей, о которыхъ онѣ заранѣе ее предупреждали. Во всякомъ случаѣ послѣ заключенія мира Турецкое Правительство будетъ нуждаться въ нравственной и матеріальной поддержкѣ Великихъ Державъ, дабы залѣчить раны, нанесенныя войной, укрѣпить свое положеніе въ Константинополѣ и поднять производительность своихъ обширныхъ владѣній въ Азіи, на которыя отнынѣ она должна главнымъ образомъ разсчитывать. Но Турецкое Правительство можетъ разсчитывать на благосклонную поддержку Державъ въ цѣляхъ осуществленія этой задачи только въ томъ случаѣ, если оно приметъ во вниманіе ихъ совѣты, которые

исходятъ изъ заботы объ общихъ интересахъ Европы, также какъ и интересовъ Турціи. При этихъ условіяхъ, Великія Державы считаютъ долгомъ снова совмѣстно совѣтовать Турецкому Правительству согласиться на уступку Адріанополя союзникамъ и предоставить Державамъ опредѣленіе участи острововъ Эгейскаго моря.

Взамѣнъ этихъ уступокъ Державы позаботятся о защитѣ мусульманскихъ интересовъ въ Адріанополѣ, равно какъ и объ охранѣ мечетей, духовныхъ зданій и владѣній въ городѣ. Державы примутъ также мѣры къ тому, чтобы рѣшеніе, которое онѣ примутъ по отношенію къ островамъ Архипелага, исключало всякую угрозу безопасности Турціи.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

70.

Посолъ въ Константинополѣ.

10 января 1913 г.

(Телеграмма).

Вчера собраніе изъ высшихъ турецкихъ сановниковъ, созванное Великимъ Визиремъ, высказалось повидимому за миръ. Но сегодня послѣ полудня младотурки въ числѣ двухсотъ человѣкъ, имѣя во главѣ Энверъ Бея и Талаатъ Бея, подошли къ Портѣ для производства демонстраціи противъ рѣшенія сказаннаго собранія и ворвались въ зданіе Порты. По требованію манифестантовъ Кямиль Паша долженъ былъ подать въ отставку. Говорятъ о назначеніи Махмуда Шевкетъ Паши Великимъ Визиремъ.

(Подп.) *Гирсъ.*

71.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 11 января 1913 г.

(Телеграмма).

Мы желали бы установить тѣсную связь между вопросомъ о городѣ Скутари и опредѣленіемъ всѣхъ вообще границъ Албаніи.

Австрійскій Повѣренный въ Дѣлахъ указалъ мнѣ, что его Правительство желало бы включенія Дьякова въ албанскую территорію. Намъ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что по близости Дьякова находится историческая сербская святыня— Дечанскій монастырь, состоящій въ вѣдѣніи русскихъ монаховъ. Вы можете воспользоваться этимъ соображеніемъ въ качествѣ аргумента противъ австрійскаго притязанія.

(Подп.) *Сазоновъ.*

72.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ. Сообщается въ Парижъ и Константинополь.

С.-Петербургъ, 12 января 1913 г.

(Телеграмма).

Интересы общаго характера заставили Великія Державы принять рѣшеніе о предупрежденіи Порты, путемъ коллективной ноты, по поводу серьезныхъ послѣдствій продолженія военныхъ дѣйствій, въ случаѣ если бы возобновленіе войны было вызвано упорствомъ Порты.

Державы обратились къ Кабинету Кямиля Паши, какъ къ законному представителю Турецкаго Правительства, но нынѣ новому Турецкому Кабинету надлежитъ немедленно дать ожидаемый Европой отвѣтъ.

Перемѣна Кабинета, въ нашихъ глазахъ, ничуть не мѣняетъ точки зрѣнія Державъ, ясно выраженной въ коллективной нотѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

73.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Берлинѣ.

С.-Петербургъ, 13 января 1913 г.

(Телеграмма).

Прошу Васъ сообщить Германскому Правительству, что положеніе, создавшееся вслѣдствіе переворота въ Константинополѣ, внушаетъ намъ серьезныя заботы.

Мы полагаемъ, что если новому Турецкому Кабинету будетъ разъяснено, что онъ не можетъ расчитывать на перемѣну настроенія и взглядовъ Державъ, нашедшихъ выраженіе въ ихъ коллективной нотѣ, то нынѣшніе Министры придутъ къ тому же заключенію о необходимости уступить совѣтамъ Европы, которое принято было ихъ предшественниками.

Мы убѣждены, что Берлинскій Кабинетъ раздѣляетъ нашу точку зрѣнія на необходимость для Державъ по-прежнему остаться объединенными на почвѣ коллективной ноты. На нашъ взглядъ, возобновленіе военныхъ дѣйствій было бы сопряжено съ возможностью осложненій, которыя мы искренно хотѣли бы предотвратить, но которыя могли бы создать для насъ самое серьезное положеніе въ виду ясно сознаваемой нами неизбѣжности поворота нашего общественнаго мнѣнія, если бы результаты войны вновь подверглись сомнѣнію.

(Подп.) *Сазоновъ.*

74.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи и Бѣлградѣ.

С.-Петербургъ, 15 января 1913 г.

(Телеграмма).

Прошу Васъ настойчиво посовѣтовать Правительству, при коемъ Вы аккредитованы, отнюдь не прерывать переговоровъ до полученія отвѣта отъ Порты.

(Подп.) *Сазоновъ.*

75.

Посолъ въ Константинополѣ.

18 января 1913 г.

(Телеграмма).

Вчера Порта передала Посламъ отвѣтъ на коллективную ноту Державъ. Содержаніе отвѣтной ноты Турціи вкратцѣ слѣдующее:

Турція желаетъ мира и уже доказала это своими громадными уступками. Но Адріанополь — преимущественно мусульманскій городъ и вторая столица Имперіи, и даже слухъ объ

уступкѣ его производитъ сильное возбужденіе въ общественномъ мнѣніи. Тѣмъ не менѣе Турецкое Правительство готово предоставить Державамъ рѣшеніе касательно части Адріанополя, расположенной на правомъ берегу рѣки Марицы, но оно оставляетъ за собой часть города на лѣвомъ берегу, гдѣ находятся мечети, гробницы и другіе историческіе и религіозные памятники Турціи. Это необходимо, дабы предохранить страну отъ опасныхъ по послѣдствіямъ потрясеній. Что касается до острововъ, то острова, сосѣдніе съ проливомъ, необходимы для защиты столицы, а другіе представляютъ нераздѣльную часть Азіатскихъ владѣній и необходимы для безопасности Малой Азіи.

Посему Порта могла бы предоставить шести Державамъ рѣшеніе о занятыхъ союзниками островахъ, но при условіи, чтобы были приняты во вниманіе вышеприведенныя соображенія и забота о безопасности Дарданеллъ.

Въ то же время Порта принимаетъ къ свѣдѣнію благожелательныя обѣщанія Державъ касательно нравственной и матеріальной поддержки Турціи, съ цѣлью залѣченія ранъ войны и поднятія производительности турецкихъ рессурсовъ. Въ этихъ видахъ необходимо, чтобы Державы признали за Турціей право установить автономный таможенный тарифъ, заключать договоры на началахъ современнаго права, и примѣнять къ иностраннымъ подданнымъ турецкіе фискальные законы, а также чтобы уже теперь Державы согласились на 4-хъ-процентное увеличеніе таможенныхъ пошлинъ. Порта считаетъ необходимымъ также уничтоженіе иностранныхъ почтъ и думаетъ, что Державы могли бы теперь же сдѣлать заявленіе о намѣреніи отказаться отъ капитуляцій.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

76.

Посолъ въ Константинополѣ.

17 января 1913 г.

(Телеграмма).

Турецкое Правительство получило оффиціальное извѣщеніе отъ болгаръ, что перемиріе прекращено.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

77.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 18 января 1913 года.

(Телеграмма).

Мы удивлены поведеніемъ Болгарскаго Правительства. Непрестанно обращаясь къ намъ за совѣтами и поддержкой, оно въ то же время выказало невниманіе нашимъ настойчивымъ предостереженіямъ не брать на себя иниціативы разрыва съ Турціею.

Софійскій Кабинетъ долженъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что мы вовсе не расположены принимать всѣ послѣдствія его рѣшеній къ исполненію, и что тѣ содѣйствіе и поддержка, которыя все время оказывались нами болгарамъ, не должны вводить ихъ въ заблужденіе, что мы ихъ всегда все равно выручимъ изъ бѣды, какъ бы они ни относились къ нашимъ совѣтамъ.

Къ тому же, возобновленіе военныхъ дѣйствій, на нашъ взглядъ, грозитъ болгарамъ новыми, быть можетъ, значительными жертвами и въ то же время не обѣщаетъ имъ никакихъ новыхъ выгодъ.

Благоволите сдѣлать сообщеніе въ этомъ смыслѣ.

(Подп.) *Сазоновъ*.

78.

Посолъ въ Лондонѣ.

25 января 1913 г.

(Телеграмма).

Прикомандированный къ Императорскому Посольству экспертъ г-нъ Петряевъ имѣлъ объясненіе съ австрійскимъ экспертомъ г-номъ Иппеномъ по поводу границъ Албаніи. Австрійскія соображенія таковы:

Албанія въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшимъ населеніемъ не была бы жизненна. Граница съ Черногоріей по Боянѣ вызывается необходимостью предоставить Албаніи земли, могущія ее прокормить. Дьяково и Дибра съ окрестностями должны быть включены въ Албанію какъ экономическіе и политическіе центры албанцевъ, расположенные въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ албано-мусульманскимъ населеніемъ, и лишь во вниманіе къ Русскимъ интересамъ Дечаны остаются внѣ предѣловъ Албаніи. На это г-нъ Петряевъ возразилъ: примѣръ Черногоріи показываетъ возможность существованія и развитія государства съ населеніемъ даже менѣе 300.000 челов., въ то время какъ предлагаемая нами Албанія будетъ имѣть около 600.000 челов. Черногорія болѣе Албаніи нуждается въ плодородныхъ земляхъ, такъ какъ участки земель, имѣющіе войти въ Албанію и расположенные близъ устья Дрина, по производствѣ на нихъ нѣкоторыхъ ирригаціонныхъ работъ, могутъ, по мнѣнію новѣйшихъ писателей объ Албаніи, прокормить населеніе вдвое большее, чѣмъ Албанское. Дибра и Дьяково никогда не были экономическими и политическими центрами албанцевъ. Вся торговля находится въ рукахъ христіанъ, а само албанское населеніе этихъ мѣстъ представляетъ въ значительной степени албанизованныхъ славянъ, лишь недавно перешедшихъ въ мусульманство и сохранившихъ до сихъ поръ славянскіе языкъ и обычай. Многіе христіане имѣютъ и теперь документы на земли, захваченныя у нихъ Беями. Дечаны не отдѣлимы отъ Дьякова, съ которымъ они связаны крупными матеріальными интересами въ виду принадлежащихъ въ этой мѣстности монастырю земель, отнятыхъ насильно албацами. Дибра также не можетъ быть включена въ Албанію, такъ какъ тамъ пребываютъ два православныхъ епископа, находятся болгарскія и сербскія училища, а албанскихъ нѣтъ. Въ окрестностяхъ расположенъ древній монастырь и нѣсколько церквей. Кромѣ того, есть вблизи христіанскія деревни, изъ коихъ одна имѣетъ 3.000 жителей. Управленіе этими мѣстностями, отдѣленными естественными границами, создало бы большія затрудненія для будущаго Албанскаго Правительства, между тѣмъ какъ нынѣ тамъ вполнѣ нормально дѣйствуетъ администрація, введенная сербскими войсками.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

79.

Посолъ въ Парижѣ.

28 января 1913 г.

(Телеграмма).

Здѣсь получены свѣдѣнія, что Австрія согласна уступить союзникамъ Ипекъ и Призренъ, но требуетъ включенія въ Албанію Скутари, Дьякова и Дибры.

(Подп.) *Извольскій.*

80.

Посолъ въ Берлинѣ.

28 января 1913 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сказалъ мнѣ, что, соглашаясь на передачу Сербіи Призрена и Ипека съ прилегающей долиной, которая для Россіи имѣетъ большое значеніе въ виду Дечанъ, Австрія дѣлаетъ огромныя уступки и едва-ли можетъ идти далѣе.

(Подп.) *Свербеевъ.*

81.

Посланникъ въ Софіи.

27 января 1913 г.

(Выписка изъ донесенія).

Г. Венизелосъ заявилъ мнѣ, что онъ вполнѣ сочувствуетъ предложенному нами обособленію Св. Горы подъ общимъ покровительствомъ Православныхъ Державъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

82.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

С.-Петербургъ, 29 января 1913 г.

(Телеграмма).

Прошу Васъ объясниться съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ, сговорившись съ $\frac{\text{Франціей (Послу въ Лондонѣ)}}{\text{Англіей (Послу въ Парижѣ)}}$, приступить къ обмѣну мнѣній между Державами о возможномъ вмѣшательствѣ для окончанія военныхъ дѣйствій, предложивъ туркамъ границу Энось-Мидія, отмѣчая, что въ настоящее время послѣ возобновленія, по винѣ турокъ, военныхъ дѣйствій новыя жертвы, приносимыя союзниками способны только увеличивать ихъ требованія, вслѣдствіе чего передъ Державами могутъ возникнуть разные вопросы нежелательнаго характера.

(Подп.) *Сазоновъ*.

83.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 7 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Въ вопросѣ объ оставленіи Дьякова внѣ албанской территоріи Вы можете ссылаться на то, что тамъ имѣется принадлежащій Дечанскому монастырю метохъ, который состоитъ въ вѣдѣніи русскихъ монаховъ, завѣдующихъ Дечанами, и въ которомъ они останавливаются при пріѣздахъ въ Дьяково.

Затѣмъ, всѣ имѣнія Дечанскаго монастыря расположены между Дьяковымъ и Дечанами, и, наконецъ, экономически Дьяково тяготѣетъ къ восточной отъ него области.

Что же касается до Дибры, то она является главнымъ городомъ для двухъ православныхъ епархій.

(Подп.) *Сазоновъ*.

84.

Посолъ въ Лондонѣ.

7 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Согласно послѣднему австрiйскому предложенiю Австрiя уступаетъ Дибру, но настаиваетъ на включенiи въ Албанiю Дьякова.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

85.

Посолъ въ Берлинѣ.

8 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сказалъ мнѣ, что его очень безпокоитъ возможность взятiя Скутари, которое могло бы привести къ крупнымъ затрудненiямъ, такъ какъ Австрiя имѣетъ тамъ серьезные интересы и ни въ коемъ случаѣ не могла бы согласиться на передачу Скутари Черногорiи.

(Подп.) *Свербеевъ.*

86.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софiи, Бѣлградѣ, Аѳинахъ, Цетинье.

С.-Петербургъ, 18 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Порта сообщила Великимъ Державамъ, что принимаетъ ихъ медiацiю съ цѣлью заключенiя мира.

Когда Ваши коллеги получатъ соотвѣтствующую инструкцiю, благоволите присоединиться къ коллективному представленiю Правительству, при коемъ Вы аккредитованы, чтобы передать ему указанное сообщенiе и спросить, склонно ли оно принять указанное посредничество.

(Подп.) *Сазоновъ.*

87.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 21 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Какъ явствуетъ изъ отвѣтовъ нашихъ Представителей въ Софіи, Бѣлградѣ и Аѳинахъ, союзныя Правительства отнеслись весьма сдержанно къ коллективному представленію о медіаціи.

Г. Гешовъ заявилъ нашему Посланнику, что въ главномъ вопросѣ о пограничной линіи Болгарія не помирится на линіи меньшей, чѣмъ Эносъ—Эргенэ—Мидія.

Сербское Правительство, принимая въ принципѣ медіацію, выразило желаніе предварительно освѣдомиться, принимаетъ ли Турція требованія союзниковъ о передачѣ имъ Адріанополя, Эгейскихъ Островов, Янины и Скутари и объ уплатѣ контрибуціи.

Греческій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ выразилъ сомнѣніе въ возможности принять медіацію въ неопредѣленной формулировкѣ.

Изъ Цетинье не поступало еще отвѣта, но Король Николай рѣшительно заявляетъ о нежеланіи отказаться отъ завладѣнія Скутари. Нашему Посланнику въ Цетинье поручено заявить Черногорскому Правительству, что на него въ этомъ случаѣ всецѣло падетъ отвѣтственность за принимаемыя рѣшенія.

Полагаемъ, что отвѣты союзниковъ не служатъ препятствіемъ къ фактическому осуществленію Державами медіаціи, но указываютъ лишь на необходимость передачи имъ конкретныхъ турецкихъ предложеній. Слѣдующимъ шагомъ со стороны Державъ могло бы быть соотвѣтствующее предложеніе Турціи и одновременный запросъ какъ туркамъ, такъ и союзникамъ, не желаютъ ли они дать соотвѣтствующія полномочія своимъ представителямъ въ Лондонѣ, ибо тамъ медіація могла бы осуществиться лучше всего.

(Подп.) *Сазоновъ.*

88.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 21 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Прошу Васъ передать Великому Визирю, что, по нашимъ свѣдѣніямъ, Болгарія не помирится на линіи меньшей, чѣмъ Эносъ—Эргенэ—Мидія, и что ускореніе переговоровъ зависитъ отъ согласія на это Турціи.

(Подп.) *Сазоновъ*.

89.

Посолъ въ Берлинѣ.

2 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Согласно сообщенію Сербскаго Повѣреннаго въ Дѣлахъ, Берлинскій Кабинетъ намѣревается безотлагательно поставить на видъ Сербскому и Черногорскому Правительствамъ: 1) безцѣльность дальнѣйшаго пролитія крови подъ Скутари въ виду того, что вопросъ этотъ обсуждается Державами, и участь Скутари останется въ ихъ рукахъ даже въ случаѣ взятія крѣпости, 2) недопустимость дальнѣйшаго сосредоточенія войскъ и военныхъ запасовъ въ Дураццо и 3) необходимость немедленнаго очищенія отъ войскъ Албаніи.

(Подп.) *Свербеевъ*.

90.

Совѣтникъ Посольства въ Лондонѣ.

6 марта 1913 г.

(Телеграмма).

По мнѣнію Пословъ, Державамъ надлежитъ сдѣлать коллективное заявленіе въ Цетинье и Бѣлградѣ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ разграниченіе Албаніи взято Державами въ свои

руки, то до окончанія онаго никакія дѣйствія Сербіи и Черногоріи не могутъ создавать новыхъ правъ, и что, поэтому, если бы Скутари пало, судьба его все равно зависѣла бы отъ рѣшенія Державъ, а не отъ факта взятія его черногорцами.

(Подп.) *Эттеръ.*

91.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Вѣнѣ.

С.-Петербургъ, 8 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Придавая серьезное значеніе завѣреніямъ Г-на Пашича касательно стремленія Сербіи къ миролюбивому разрѣшенію вопроса о Скутари, мы считаемъ всякое давленіе въ Бѣлградѣ со стороны Австріи въ настоящее время неоправдываемымъ обстоятельствами.

(Подп.) *Сазоновъ.*

92.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 9 марта 1913 г.

(Телеграмма).

По порученію своего Правительства здѣшній Австрійскій Посолъ заявилъ мнѣ, что Австрія соглашается исключить Дьяково изъ предѣловъ Албаніи, но въ то же время Графъ Берхтольдъ проситъ насъ принять, совмѣстно съ другими Державами, участіе въ представленіи Черногорскому Правительству о безполезности дальнѣйшей осады Скутари и присоединиться къ рѣшенію присудить Скутари Албаніи.

Вполнѣ оцѣнивая серьезность дѣлаемой Австрійскимъ Правительствомъ уступки, мы, со своей стороны, готовы содѣйствовать окончательному установленію сѣверо и сѣверо-восточныхъ границъ Албаніи, отвѣчающему единодушному желанію Россіи и другихъ Великихъ Державъ пріискать скорѣйшее, полюбовное рѣшеніе, устраняющее опасныя осложненія.

Соотвѣтственно съ симъ, какъ только Вашъ Австрійскій коллега заявитъ объ исключеніи Дьякова изъ предѣловъ Албаніи, поручаемъ Вамъ заявить, что мы согласны на включеніе Скутари въ Албанію и на совмѣстныя съ Великими Державами заявленія въ этомъ смыслѣ въ Цетинье и Бѣлградѣ. Но, само собою разумѣется, мы исключаемъ всякія мѣры принужденія.

(Подп.) *Сазоновъ.*

93.

Посланникъ въ Софіи.

13 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Согласно сообщенію г. Гешова Адріанополь взятъ болгарами.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

94.

Управляющій Вице-Консульствомъ въ Адріанополѣ.

4 апрѣля 1913 г.

(Донесеніе).

Имѣю честь донести, что послѣ 149 дневной осады городъ Адріанополь взятъ Болгарскими войсками штурмомъ 13 марта въ 8 часовъ утра. Объ обстоятельствахъ осады имѣю честь сообщить нижеслѣдующее:

5 октября, когда стало оффиціально извѣстно, что Турція объявила войну Болгаріи, турецкія власти потребовали немедленнаго выѣзда изъ Адріанополя Болгарскаго и Греческаго Консуловъ.

На слѣдующій день, 6 октября я, согласно приказанію Вашего Высокопревосходительства, принялъ архивы Болгарскаго и Греческаго Консульствъ, а равно заявилъ вали о возложеніи на меня покровительства подданнымъ четырехъ Балканскихъ Государствъ. Болгарскій и Греческій Консула выѣхали въ тотъ же день въ Константинополь, провожаемые только мною и персоналомъ Императорскаго Вице-Консульства.

Послѣдній поѣздъ въ Константинополь былъ отправленъ 10-го, а 17-го октября прекратилось телеграфное сообщеніе со всѣмъ міромъ и съ этого времени нужно считать Адріанополь осажденнымъ.

Въ четвергъ 8/21 ноября, второй день Курбанъ-байрама, въ мусульманскомъ кварталѣ (сѣверо-восточный) „Кайкъ", гдѣ находилось Императорское Вице-Консульство, упалъ первый болгарскій снарядъ. Въ теченіе перваго часа бомбардировки въ помянутой части города упало около 20 снарядовъ 15 сантиметроваго калибра; 7 снарядовъ разорвалось не далѣе 20—50 метровъ отъ зданія Вице-Консульства, повредивъ нѣсколько домовъ. Однимъ изъ разорвавшихся вблизи Вице-Консульства снарядовъ была убита одна женщина и ранено 2 дѣтей. Это были первыя жертвы бомбардировки, которая продолжалась этотъ день до 7 часовъ вечера.

Населеніе, терроризированное бомбардировкой, не осмѣливалось выходить на улицу, предпочитая оставаться въ домахъ, не представлявшихъ абсолютно никакой защиты; болгарскіе снаряды пронизывали ихъ и разрушали до основанія.

10 ноября снаряды стали ложиться ближе къ Вице-Консульству. Однимъ изъ снарядовъ былъ разрушенъ сосѣдній домъ. Въ виду интенсивности стрѣльбы въ этомъ направленіи (болгары, повидимому, считали за цѣль мечеть Султанъ Селимъ, минареты коей отлично видны съ мѣста расположенія бомбардирующихъ орудій) я не счелъ возможнымъ оставаться долѣе въ деревянномъ зданіи и 11 ноября, во время бомбардировки, переѣхалъ съ персоналомъ Вице-Консульства и архивами въ каменное зданіе бывшаго Греческаго Консульства, каковое, расположенное въ христіанскомъ кварталѣ „Калэ", наиболѣе удаленномъ отъ мѣста паденія снарядовъ, представляло болѣе гарантій безопасности.

Консула, а равно и большая часть иностранныхъ колоній, нашли убѣжище въ прочномъ каменномъ зданіи женскаго католическаго монастыря „Institution Marie Lourdes".

Утромъ 16 ноября болгарскіе снаряды стали падать, впрочемъ въ небольшомъ количествѣ, и въ христіанскомъ кварталѣ „Калэ", гдѣ находилось новое помѣщеніе Императорскаго Вице-Консульства. Въ 12 ч. 43 м. дня 15 сантиметровый болгарскій снарядъ, ударивъ въ стѣну Вице-Консульства, на-половину разрушилъ верхній этажъ, гдѣ находились мои жилыя комнаты, а также комнаты переѣхавшихъ ко мнѣ во время бом-

бардировки Секретаря г. Потуса и Драгомана г. Бенліана, и гдѣ случайно въ данный моментъ никого не было.

Зданіе повреждено было настолько, что оставаться въ немъ долѣе было немыслимо. Съ помощью подоспѣвшаго черезъ нѣсколько минутъ Каймакама, въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ и пожарныхъ, я собралъ уцѣлѣвшія вещи, а равно шифръ и архивы, и немедленно перебрался съ персоналомъ Вице-Консульства въ помѣщеніе католическаго монастыря „Pères Ressurectionnistes“, гдѣ мы, наконецъ, нашли безопасное убѣжище въ бетонныхъ подвалахъ и провели послѣдніе дни бомбардировки вплоть до 21 ноября.

Первая бомбардировка Адріанополя продолжалась 13 дней съ 8 по 20 ноября включительно. За это время болгарами въ городъ было выпущено, по турецкой статистикѣ, 1.070 снарядовъ, разрушено 333 дома, убито 16 человѣкъ и ранено 53, изъ коихъ впослѣдствіи умерло 6.

Нужно отдать справедливость, что бомбардировка велась старыми снарядами, начиненными порохомъ, которые не производили большихъ разрушеній. Бомбардировка производилась большей частью ночью, а днемъ она стихала на 4—5 часовъ.

Несмотря на распространившійся днемъ 20 ноября слухъ о перемиріи, въ 8 ч. 30 м. вечера началось сраженіе по всему фронту вокругъ Адріанополя, сраженіе, превосходившее по своей интенсивности и по количеству атакованныхъ укрѣпленій всѣ предыдущія.

На слѣдующій день Консула были извѣщены такриромъ вали о заключеніи перемирія съ Болгаріей, Сербіей и Черногоріей и всѣ смогли вернуться изъ своихъ убѣжищъ по домамъ.

Со времени объявленія осаднаго положенія (25 сентября) здѣшнія власти стали проявлять нетерпимое отношеніе къ христіанамъ. Въ началѣ октября начались массовые аресты болгаръ турецко-подданныхъ: учителей, содержателей магазиновъ и массы рабочихъ, прибывшихъ сюда изъ окрестныхъ деревень на заработки. У послѣднихъ отбирали повозки, лошадей, воловъ и сажали безъ всякаго повода въ тюрьму. Большую часть арестованныхъ отправляли въ Константинополь, такъ какъ здѣшнія тюрьмы были переполнены.

Злоба мусульманъ противъ арестантовъ-христіанъ была настолько сильна, что власти не съумѣли предотвратить самосудъ часовыхъ тюрьмы Султанъ Селимъ надъ арестованными болгарами. Около 30 человѣкъ послѣднихъ были выведены въ ночь

на 11 октября изъ камеръ и разстрѣляны часовыми тутъ же, на улицѣ, въ 50 метрахъ разстоянія отъ зданія Императорскаго Вице-Консульства.

Болѣе ³/₄ мужского болгарскаго населенія было арестовано. Такъ какъ большинство было изъ рабочихъ и крестьянъ, то семьи ихъ оставались безъ всякой поддержки, терпя нужду и голодъ, и принуждены были обратиться за помощью къ властямъ, заявившимъ ранѣе, что Правительство беретъ на себя заботу о прокормленіи семей арестованныхъ. Власти отвѣтили на это арестами тѣхъ, кто обращался къ нимъ за помощью. Обращавшіеся за тѣмъ же въ Императорское Вице-Консульство подвергались той же участи.

Стремительный, побѣдоносный маршъ болгарскихъ войскъ породилъ нѣкоторое смущеніе въ правящихъ кругахъ Адріанополя. Власти, не сомнѣвавшіяся ранѣе въ перенесеніи театра войны въ Болгарію, стали готовиться къ перенесенію осады. Послѣдніе дни передъ прекращеніемъ сообщеній отовсюду стали подвозить припасы, хлѣбъ, овощи, забирая ихъ безъ всякой уплаты у христіанъ окружныхъ деревень, населеніе коихъ принуждено было искать убѣжища въ городѣ. Вслѣдъ за ними въ городъ потянулись и мусульмане изъ деревень, находящихся въ районѣ военныхъ дѣйствій. Къ 15 октября такихъ переселенцевъ (мухаджировъ) въ Адріанополѣ оказалось около 30.000 чел. Не имѣя ни пищи, ни денегъ, мухаджиры явились тяжелымъ балластомъ для властей, ранѣе оффиціально заявившихъ, что городъ снабженъ припасами на 4 мѣсяца и что каждый житель долженъ озаботиться о запасѣ провіанта на 2 мѣсяца.

Власти пытались было удалить мухаджировъ силой, отправляя ихъ подъ конвоемъ на югъ, но прекращеніе сообщеній при приближеніи болгаръ заставило отмѣнить его распоряженіе.

Бѣдственное положеніе мухаджировъ-христіанъ ухудшалось съ каждымъ днемъ. Когда въ концѣ декабря всѣ жизненные ихъ рессурсы изсякли и болѣе чѣмъ 10.000 христіанъ осталось безъ крова, безъ пищи, безъ денегъ, они принуждены были обратиться за помощью къ частнымъ лицамъ. За отказомъ моихъ Коллегъ организовать помощь христіанъ (мухаджиры-мусульмане пользовались исключительнымъ вниманіемъ турецкихъ властей) я взялъ на себя смѣлость, совмѣстно съ Болгарскимъ Архимандритомъ и Греческимъ Митрополитомъ, придти на помощь нуждающемуся и голодному христіанскому населенію, которое не забыло еще помощь Россіи, оказанную 35 лѣтъ тому

назадъ во время освободительной войны. Благодаря присланнымъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ 500 тур. лирамъ, а равно суммамъ, раздаваемымъ помянутыми Владыками, бѣдное болгарское и греческое населеніе не терпѣло острой нужды.

Въ началѣ февраля жизненные припасы Адріанополя стали приходить къ концу. Соли уже не было, а хлѣба военныя власти поставляли только на 50% населенія (въ октябрѣ поставлялось 400 мѣшковъ по 57 окъ, а въ февралѣ 200 м. по 42 ока), при чемъ хлѣбъ этотъ представлялъ смѣсь изъ 30% метленнаго сѣмени, 20% канареечнаго сѣмени, 20% отрубей и другихъ примѣсей и только 30% настоящей муки. Голодъ и сопряженныя съ нимъ болѣзни вступили въ свои права и ежедневно уносили свои жертвы.

Къ началу января уменьшенъ былъ также солдатскій паекъ. Войска стали получать только 1/2 килограмма хлѣба (безъ соли), 50 граммъ соленаго сыра и три раза въ недѣлю супъ съ мясомъ. Голодные солдаты просили милостыню на улицахъ, ломились въ дома и пытались разграбить хлѣбопекарни.

Властямъ стоило много усилій охранять спокойствіе населенія и не пускать въ городъ солдатъ. Послѣдніе отвѣтили на это массовымъ дезертирствомъ, особенно христіане, такъ какъ болгарскіе патрули принимали только солдатъ-христіанъ и возвращали обратно мусульманъ. Ежедневно въ городѣ арестовывались за попрошайничество десятки солдатъ, но на слѣдующій день ихъ выпускали на волю, при чемъ эта исторія повторялась снова.

Войска потеряли свой воинственный видъ. Изнуренные долгимъ пребываніемъ подъ открытымъ небомъ, постоянными ночными атаками непріятеля и, наконецъ, холодомъ и голодомъ, въ февралѣ мѣсяцѣ они уже не представляли собой силу, способную оттѣснять врага. Потери во время сраженій и болѣзни также сдѣлали свое дѣло, и къ концу осады многіе баталіоны насчитывали въ своихъ рядахъ только 300—400 человѣкъ, при чемъ половина была неспособна сохранять строй даже во время прохожденія по городу. Мустахфизъ (ополченіе) былъ распущенъ, за недостаткомъ средствъ, уже въ серединѣ декабря и болѣе 5.000 голодныхъ выброшенныхъ на улицу солдатъ постоянно служило угрозой жизни и спокойствію гражданъ.

При возобновленіи военныхъ дѣйствій 21 января, бомбардировка города приняла болѣе угрожающій характеръ. Большая часть иностранныхъ колоній, а также Французскій Консулъ и я, съ персоналами Консульствъ, снова принуждены были

укрыться въ болѣе безопасное мѣсто—въ вышеупомянутый католическій монастырь „Pères Ressurectionnistes“, гдѣ нашли убѣжище свыше 600 христіанъ. Въ этомъ монастырѣ мы провели 52 дня, вплоть до взятія Адріанополя болгарами.

Въ серединѣ февраля голодъ принялъ внушительные размѣры и охватилъ достаточный классъ населенія. Консульскій корпусъ потребовалъ у вали доставки ему еженедѣльно муки для подданныхъ и протеже. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній вали согласился на это, но мнѣ отказалъ на томъ основаніи, что болѣе 500 покровительствуемыхъ мною христіанъ—болгары и греки, и что послѣдніе не пользуются правами капитуляцій. На мои настойчивыя требованія доставить мнѣ муку на томъ же основаніи, какъ и другимъ Консуламъ, и не смѣшивать капитуляцій съ вопросомъ о Русскомъ покровительствѣ и о хлѣбѣ, вали, наконецъ, принужденъ былъ согласиться. Муку, получаемую мною съ тѣхъ поръ, я раздавалъ наиболѣе нуждающимся.

Въ это же время власти стали производить у населенія реквизиціи съѣстныхъ припасовъ. Предводители реквизіонныхъ отрядовъ забирали у населенія не только то малое количество муки, которое у него имѣлось, но также и деньги, сахаръ, варенье, вино и проч.

Бомбардировка болгарами города велась довольно регулярно, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ дней. Ежедневно болгарами выпускалось въ городъ, преимущественно ночью, 60—70 снарядовъ. Терроризованное населеніе приняло свои мѣры и спасалось въ подвалахъ и каменныхъ погребахъ, выбирая тѣ кварталы, гдѣ было наименьшее количество попаданій снарядовъ. Статистики разрушенныхъ домовъ и жертвъ бомбардировки власти уже не вели, но, какъ мнѣ удалось узнать изъ различныхъ источниковъ, за время съ 21 января по 13 марта снарядами было разрушено болѣе 600 домовъ, убито около 80 и ранено около 150 человѣкъ. Наиболѣе пострадавшими кварталами явились „Кайкъ“ (С.-В.), „Ильдирымъ“ (З.) и „Кумъ махаллэ“ (Ю.-З.), 26 января снарядомъ разрушено старое зданіе Императорскаго Вице-Консульства въ „Кайкъ“.

Къ концу февраля въ войскахъ начался голодъ. Солдатскій паекъ былъ уменьшенъ до 350 граммъ хлѣба (40% метленнаго сѣмени) 30 граммъ сыра и 2 раза въ недѣлю супъ.

12 марта начался общій штурмъ Адріанополя, а 13 марта Адріанополь палъ.

(Подп.) *Клименко.*

95.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ. Сообщается въ Парижъ, Лондонъ, Софію.

14 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Благоволите передать Великому Визирю о настоятельномъ желанiи Болгарскаго Правительства имѣть линiю Эносъ—Мидiя въ прямомъ направленiи, а не по теченiю рѣки Эргенэ.

Въ виду паденiя Адрiанополя, полагаемъ желательнымъ, чтобы Турцiя, не теряя времени, выразила Державамъ свое согласiе на эту линiю.

Всякое промедленiе отразится серьезной опасностью для Константинополя.

(Подп.) *Сазоновъ.*

96.

Посланникъ въ Цетинье.

14 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Согласно заявленiю Черногорскаго Правительства, оно не считаетъ возможнымъ прекратить военныя дѣйствiя, пока Скутари не сдастся или не будетъ взято.

(Подп.) *А. Гирсъ.*

97.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 17 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Въ виду особаго положенiя Черногорiи, въ связи съ рѣшенiемъ Державъ относительно Скутари, полагаемъ желательнымъ съ нашей стороны пойти навстрѣчу черногорскимъ интересамъ въ финансовыхъ вопросахъ.

Благоволите объясниться въ этомъ смыслѣ съ Правительствомъ, при коемъ Вы аккредитованы.

(Подп.) *Сазоновъ.*

98.

Посолъ въ Лондонѣ.

18 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Послы полагаютъ, что, такъ какъ всѣ Державы согласились на морскую демонстрацію въ черногорскихъ водахъ, то надлежитъ какъ можно скорѣе озаботиться посылкой военныхъ судовъ въ Антивари.

Я, съ своей стороны, заявилъ, что, хотя въ интересахъ мира Россія и согласилась на демонстрацію со стороны Державъ, но сама понятно не могла бы принять въ ней участіе.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

99.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 17 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Хотя всѣ Державы, повидимому, уже приняли предложенную нами новую прямую линію Эносъ—Мидія, мы считали бы желательнымъ, чтобы Державы согласились также на принципъ военной контрибуціи и заявили о томъ союзникамъ въ самой общей формѣ, указавъ, что вопросъ этотъ подвергнется обсужденію и рѣшенію Комиссіи въ Парижѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

100.

Посолъ въ Константинополѣ.

17 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Послы Великихъ Державъ составили для передачи Портѣ коллективную ноту, содержащую предложеніе слѣдующихъ предварительныхъ условій мира:

1) Граница Турецкой Имперіи въ Европѣ пройдетъ по прямой линіи отъ Эноса къ Мидіи. Турція уступаетъ союзникамъ всю территорію къ западу отъ этой линіи, за исключеніемъ Албаніи; установленіе границы и управленія въ Албаніи будетъ принадлежать Державамъ. 2) Разрѣшеніе вопроса объ Эгейскихъ островахъ предоставляется Великимъ Державамъ. 3) Турція должна совершенно отказаться отъ Крита. 4) Державы не могутъ высказаться за требованіе военнаго вознагражденія, но онѣ допускаютъ союзниковъ къ участію въ засѣданіяхъ международной комиссіи въ Парижѣ, въ цѣляхъ справедливаго разрѣшенія вопроса объ ихъ участіи въ турецкомъ долгѣ и въ финансовыхъ обязательствахъ, падающихъ на территоріи, которыя они пріобрѣтутъ. Турція также будетъ приглашена принять участіе въ засѣданіяхъ этой комиссіи. 5) Съ момента принятія этихъ предварительныхъ условій мира военныя дѣйствія прекращаются.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

101.

Посолъ въ Константинополѣ.

19 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Турецкій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сообщаетъ Посламъ, что Турецкое Правительство принимаетъ прелиминарныя условія мира, предложенныя въ нотѣ Пословъ, и предоставляетъ Великимъ Державамъ заботу о возстановленіи мира.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

102.

Посолъ въ Вѣнѣ.

19 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Въ виду принятаго Совѣщаніемъ Пословъ въ Лондонѣ рѣшенія о демонстраціи въ черногорскихъ водахъ Вѣнскій Каби-

нетъ распорядился посылкой въ черногорскія воды военныхъ судовъ, командирамъ которыхъ предписано вступить въ сношенія съ командирами военныхъ судовъ другихъ Державъ.

(Подп.) *Гирсъ.*

103.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ и Берлинѣ.

С.-Петербургъ, 20 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Всѣ Великія Державы приняли сообща рѣшеніе поддержать представленіе въ Цетинье коллективной морской демонстраціей, что исключаетъ возможность единоличныхъ военныхъ выступленій. Между тѣмъ къ намъ поступаютъ свѣдѣнія объ отплытіи австрійскаго флота и ничего не извѣстно о передвиженіи судовъ другихъ Державъ.

Благоволите обратить вниманіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что такое положеніе представляетъ опасность, и что желательно немедленное соглашеніе между Кабинетами въ уже рѣшенномъ ранѣе смыслѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

104.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Сообщается въ Вѣну.

С.-Петербургъ, 25 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Мы обращаемъ вниманіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ на возбужденіе нашего общественнаго мнѣнія, которое могло бы дойти до крайней степени, если бы морская демонстрація не ограничилась только блокадой.

Мы разсчитываемъ на дружескую, но серьезную поддержку Парижскаго и Лондонскаго Кабинетовъ въ цѣляхъ предотвращенія опасностей, связанныхъ съ переходомъ къ насильственнымъ мѣрамъ противъ Черногоріи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

105.

Посланникъ въ Софіи.

22 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Всѣ шесть Посланниковъ составили тождественное заявленіе, которое завтра передадимъ г-ну Гешову. Содержаніе заявленія слѣдующее: въ цѣляхъ прекращенія военныхъ дѣйствій Великія Державы заявляютъ, что Союзныя Государства должны принять прямую линію Эносъ—Мидія, и что разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ финансоваго порядка будетъ предоставлено специальной комиссіи, которая соберется въ Парижѣ, и въ которой примутъ участіе делегаты воюющихъ сторонъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

106.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи, Бѣлградѣ, Аѳинахъ и Цетинье.

С.-Петербургъ, 2 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Державы установили слѣдующимъ образомъ сѣверную и сѣверо-восточную границу Албаніи.

Граница Албаніи начинается на берегу Адріатическаго моря у устья Бояны и идетъ по тальвегу этой рѣки до лежащаго на правомъ берегу ея села Горица. Затѣмъ, она поднимается до вершины горъ, отдѣляющихъ Бояну отъ Скутарійскаго озера, оставляя Тарабошъ Албаніи. Граница пересѣкаетъ озеро отъ села Зогашъ, которое остается Албаніи, до бухты Личени-Хоти, откуда она идетъ по линіи, отдѣляющей племена Груда и Хоти, которыя уступаются Черногоріи, отъ племенъ Кастрати и Клименти, которыя войдутъ въ составъ Албаніи. Затѣмъ граница Албаніи идетъ по линіи, отдѣляющей черногорское племя Кучи отъ племени Клименти до территорій Гусинья и Плавы и оставляетъ эти города съ ихъ округами въ Черногоріи, слѣдуя по линіи главной горной цѣпи и по водораздѣлу между Лимомъ и Дриномъ. Покидая эту горную цѣпь, граница переходитъ на хребетъ холмовъ къ югу отъ города

Дьякова, который остается внѣ Албаніи, и затѣмъ слѣдуетъ по этому хребту до Бѣлаго Дрина. Граница идетъ по теченію этой рѣки къ западу отъ Призрена, и далѣе идетъ по линіи, отдѣляющей Призренскій округъ отъ Люмскаго, при чемъ послѣдній остается въ предѣлахъ Албаніи. Оттуда граница идетъ по хребту горы Корабъ, оставляя въ Албаніи округъ Нижней Дибры (Дольна Дибра) и внѣ Албаніи округъ Река. Покидая этотъ хребетъ, немного къ сѣверу отъ города Дибры, который остается внѣ Албаніи, граница доходитъ до Чернаго Дрина и идетъ вверхъ по нему до села Луково, откуда, идя по главнымъ горнымъ хребтамъ, отдѣляющимъ бассейнъ Дрина отъ бассейна рѣки Шкумби и оставляя Стругу внѣ Албаніи, она доходитъ до берега Охридскаго озера близъ села Линъ.

(Подп.) *Сазоновъ*.

107.

Посолъ въ Лондонѣ.

4 апрѣля 1913 г.

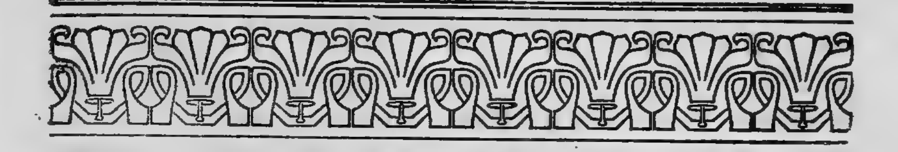
(Телеграмма).

Разсмотрѣвъ предложеніе о финансовой помощи Черногоріи, Послы считаютъ цѣлесообразнымъ, чтобы ихъ Правительства оказали Черногоріи содѣйствіе въ заключеніи займа приблизительно въ милліонъ двѣсти тысячъ англійскихъ фунтовъ въ цѣляхъ упорядоченія ея финансоваго положенія и покрытія вызванныхъ войной расходовъ.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія и размышленія [1]).

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

По языку отечественному, результаты, которыхъ достигалъ дворянскій институтъ, были чуть-ли не болѣе еще удовлетворительными: мы выходили изъ института вполнѣ грамотными въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, т.-е., умѣющими письменно излагать свои мысли въ надлежащей связи, послѣдовательно и языкомъ правильнымъ, обработаннымъ, съ соблюденіемъ правописанія и всѣхъ правилъ о знакахъ препинанія, и, сверхъ того, съ большимъ интересомъ и любовью къ русской литературѣ, къ чтенію и перечитыванью ея произведеній и большою въ нихъ начитанностью: всѣ лучшія произведенія русской литературы, по крайней мѣрѣ, со времени Карамзина и Крылова, были читаны нами (и не разъ— тѣ изъ нихъ, которыя намъ нравились), такъ что мы помнили многія мѣста въ нихъ наизусть, любили приводить ихъ въ разговорѣ между собою, экзаменовали другъ друга, откуда взято то или другое изреченіе,—словомъ, по отечественному языку мы, несомнѣнно, выходили изъ института литературно-образованными молодыми людьми или юношами. Въ числѣ причинъ такихъ нашихъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ и литературѣ мой дорогой, однимъ лишь классомъ младшій товарищъ по институту, Григорій Петровичъ Данилевскій выставляетъ на первомъ планѣ то, что насъ не забивали сверхъ мѣры обязательнымъ изученіемъ обоихъ древнихъ языковъ, а требовали изученія одного изъ нихъ—латинскаго, предоставляя намъ добровольно учиться или не учиться другому—греческому, и полагаетъ, что обязательное изученіе обоихъ древнихъ языковъ

---

[1]) См. „Русская Старина" май 1915 г.

идетъ будто бы въ ущербъ изученію русскаго языка, родной литературы, исторіи и географіи, и уже на второмъ и третьемъ планѣ онъ ставитъ то, что мы имѣли отличныхъ учителей какъ по русскому языку, такъ и по всѣмъ (будто бы) другимъ предметамъ и что надъ Московскимъ дворянскимъ институтомъ „незримо какъ бы вѣяло знамя русской литературы“. По моимъ воспоминаніямъ и съ моей точки зрѣнія, необязательность греческаго языка была однимъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ нашего института, а обязательность его несомнѣнно возвысила бы вообще основательность нашего образованія. Что изученіе греческаго языка даже и въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ мы изучали его, не клонилось и не можетъ клониться въ ущербъ изученію русскаго языка, родной литературы, исторіи и географіи, можно видѣть изъ примѣра всѣхъ тѣхъ изъ насъ и нашихъ предшественниковъ, которые учились греческому языку и тѣмъ не менѣе отлично преуспѣли и въ русскомъ языкѣ, и въ родной литературѣ, исторіи и географіи: сошлюсь хотя бы на записанныхъ на золотой доскѣ института и упоминаемыхъ Г. П. Данилевскимъ П. М. Леонтьева и С. П. Шевырева.

Первая и важнѣйшая причина нашихъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ и родной литературѣ была та, что надъ институтомъ, по словамъ Данилевскаго, незримо какъ бы вѣяло знамя русской литературы и на немъ были начертаны имена многихъ славныхъ ея дѣятелей, начиная съ Хераскова, каковы: Карамзинъ, князь Шаховской, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Ѳ. И. Тютчевъ, отчасти М. Ю. Лермонтовъ и мног. друг. Благодаря такимъ бывшимъ питомцамъ института, въ немъ образовались преданія, не допускавшія равнодушія къ родному языку и словесности. Незнаніемъ того или другого изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы товарищи стыдили другъ друга, и бывало пользуешься первымъ отпускомъ домой, чтобы какъ-нибудь достать это произведеніе, прочитать его и затѣмъ разсуждать о немъ съ тѣмъ, отъ кого впервые о немъ услышалъ. Въ самомъ институтѣ такое чтеніе не дозволялось, и объ ученической библіотекѣ я что-то ничего не помню, а помню шкафы въ классныхъ помѣщеніяхъ только съ учебными книгами и всякаго рода справочными изданіями, въ томъ числѣ и великолѣпнымъ Lexicon totius latinatis Forcellini въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ который мы очень любили заглядывать, охотно прочитывая въ немъ всякаго рода извлеченія изъ латинскихъ писателей различныхъ вѣковъ и родовъ литературы.

Изъ учителей русскаго языка и словесности Г. П. Данилевскій хвалитъ особенно П. М. Перевлѣсскаго, у котораго и я учился въ послѣднихъ двухъ классахъ, и совсѣмъ не упоминаетъ объ Архидіаконскомъ, которому я считаю себя наиболѣе обязаннымъ своею грамотностью. Уже со II класса, сколько я помню, онъ не переставалъ задавать намъ посильныя письменныя работы—въ одну недѣлю изложеніе какой-нибудь прочитанной басни, сказки или статьи, то, что мы называли сочиненіемъ, а въ другую недѣлю переводъ, обыкновенно съ латинскаго, того, что было прочитано нами на урокахъ у Месса или Фабриціуса, и такъ изъ года въ годъ чрезъ всѣ классы, въ которыхъ онъ училъ, чего придерживался и П. М. Перевлѣсскій, но далеко не съ такою аккуратностью. При этомъ Архидіаконскій въ короткихъ словахъ характеризовалъ каждую изъ нашихъ работъ, подробно разъясняя всѣ наши ошибки, особенно тѣ, которыя встрѣчались у большей части учениковъ, и заставляя насъ самихъ исправлять эти ошибки. Уроковъ на русскій языкъ полагалось не очень много: по 3 въ I и II классахъ, а также и въ VI, и по 2 въ III и въ IV и только въ V—4 урока, но тутъ проходилась и логика. И тѣмъ не менѣе Архидіаконскій находилъ время цѣлые уроки посвящать чтенію намъ лучшихъ произведеній Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и Гоголя: онъ былъ большой мастеръ читать, и его нельзя было слушать безъ особаго увлеченія. За однимъ такимъ чтеніемъ „Шинели“ Гоголя засталъ его нашъ попечитель гр. С. Г. Строгоновъ и заявилъ ему во всеуслышаніе: „Удивляюсь, что вы позволяете себѣ читать вашимъ ученикамъ сочиненія писателя, послѣднее произведеніе котораго „Мертвыя Души“ я только-что счелъ за должное запретить“. Это было въ IV классѣ незадолго до лѣтней вакаціи. Болѣе мы уже не видали Архидіаконскаго: самъ ли онъ уволился послѣ сдѣланнаго ему при ученикахъ замѣчанія или былъ уволенъ графомъ Строгоновымъ, это осталось для насъ тайною. Но мы очень жалѣли о его увольненіи, хотя онъ и былъ строгій учитель, и надъ многими его странностями мы позволяли себѣ подсмѣиваться. Такъ, между прочимъ, сморкаясь, онъ бралъ почему-то одинъ конецъ платка въ ротъ. Ворочать шеи онъ не могъ и долженъ былъ всею своею фигурой ворочаться въ ту или другую сторону. Когда бывало кто-нибудь изъ насъ напроказитъ, онъ обращался къ нему съ словами: „Ступай вонъ изъ класса“, а къ старшему изъ учениковъ: „Толкай его въ шею“, и если тотъ дѣйствительно начиналъ толкать своего

товарища въ шею, то и ему говорилось то же: „Ступай вонъ изъ класса“; впрочемъ, стоило только извиниться и сказать, что впередъ не буду, и Архидіаконскій сейчасъ же прощалъ виновнаго. Уроки его изъ грамматики были драгоцѣнны краткостью и ясностью изложенія, но особенно драгоцѣнно было то, что онъ заставлялъ насъ еженедѣльно писать или сочиненіе, или переводъ, тщательно ихъ исправляя: единственный способъ пріучить учениковъ къ связному, послѣдовательному и во всѣхъ отношеніяхъ правильному изложенію своихъ мыслей на письмѣ.

П. М. Перевлѣсскій былъ далеко не такой серьезный и отчетливый учитель, любилъ побалагурить, очень плоховато справлялся въ V классѣ съ логикой, которою мы очень затруднялись, не столь много и часто упражнялъ насъ въ сочиненіяхъ и переводахъ, а въ исторіи русской литературы не пошелъ далѣе XIII в., при чемъ выдавалъ свои записки, которыя не легко было разбирать и которыя тщательно переписывалъ Усовъ, у котораго потомъ списывали и другіе.

Математика также шла у насъ хорошо, благодаря учителямъ Соханскому и особенно Оглоблину. Нѣкоторые изъ насъ преимущественно занимались математикой, до нѣкоторой степени даже враждебно относясь къ латинскому и вообще къ древнимъ языкамъ, такъ что въ старшихъ двухъ классахъ мы распадались на двѣ партіи—математиковъ и словесниковъ или вѣрнѣе латинистовъ, и между этими двумя партіями шла нескончаемая словесная борьба. Что касается до меня, то я равно успѣвалъ и въ древнихъ языкахъ, и въ математикѣ, и очень любилъ рѣшать трудныя алгебраическія задачи, а также и самостоятельно по учебнику геометріи Перевощикова, отличающемуся большою краткостью, разучивать еще не пройденныя съ учителемъ теоремы: это было дѣло не легкое, но, повидимому, трудность эта и привлекала меня. Но всѣ симпатіи мои были на сторонѣ словесныхъ наукъ и древнихъ языковъ, и я принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ классныхъ преніяхъ по вопросу о гуманизмѣ и реализмѣ, ратуя изо всей мочи за гуманизмъ.

Изъ прочихъ предметовъ можно было съ большимъ удовольствіемъ и даже съ увлеченіемъ слушать разсказы нашего учителя исторіи Николая Васильевича Смирнова и вынести изъ нихъ только одно прочное знаніе, а именно, что преинтересный предметъ исторія и что хорошо было бы когда-нибудь имъ заняться, имѣя достаточно для того и времени, и книгъ.

Это были собственно не уроки исторіи, а лекціи по исторіи, записывать которыя въ бытность нашу въ III классѣ мы вовсе не могли, въ IV — пытались, но плохо въ этомъ успѣвали, и нельзя сказать, чтобы дѣло шло много успѣшнѣе въ V и въ VI классахъ, такъ какъ лекціи эти читались слишкомъ скоро и при томъ въ продолженіе почти всего $1^1/_2$ часового урока, безъ всякаго перерыва, безъ обращенія къ намъ съ какими-либо вопросами или съ предложеніемъ пересказать разсказанное: спроситъ, бывало, Смирновъ одного или много двоихъ учениковъ о содержаніи прошлаго урока, отвѣтятъ ему только то, что нашли о данныхъ событіяхъ въ учебникахъ Кайданова или Устрялова, и онъ вновь начнетъ разсказывать все далѣе и далѣе. Мы слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, но въ памяти и въ головѣ изъ всего прослушаннаго оставалось очень мало или почти ничего, и къ урокамъ, а потомъ и къ экзаменамъ, мы готовились по учебникамъ Кайданова и Устрялова, въ которыхъ многое требовало бы для насъ разъясненій и съ которыми вовсе не сходились лекціи Н. В. Смирнова. Особенно стали мы затрудняться, когда въ послѣднемъ классѣ новая всеобщая исторія Кайданова была замѣнена громаднымъ, съ крайне запутаннымъ и сбивчивымъ изложеніемъ, учебникомъ Смарагдова. Охоту къ слушанію и къ чтенію историческихъ разсказовъ можно было вынести изъ уроковъ Н. В. Смирнова; но едва-ли кто изъ насъ составилъ себѣ какое-либо ясное и отчетливое представленіе о ходѣ какъ всеобщей, такъ и отечественной исторіи, или усвоилъ себѣ главнѣйшія хронологическія данныя и представленіе о характерѣ различныхъ эпохъ и историческихъ дѣятелей. Познанія наши въ исторіи были весьма скудны и ненадежны и едва-ли достаточны для того, чтобы оріентироваться при встрѣчѣ въ книгахъ какихъ-либо историческихъ именъ или при упоминаніи какихъ-либо историческихъ событій.

По географіи познанія наши были еще неудовлетворительнѣе, хотя мы имѣли отличнаго учителя Ѳедота Яковлевича Соколова, но онъ училъ насъ только въ I классѣ и потомъ въ V и VI, а со II и по IV географія преподавалась намъ пофранцузски или по-нѣмецки, недостаточно свѣдущими учителями; въ V же и VI классахъ Ѳ. Я. Соколовъ диктовалъ намъ свой учебникъ, который вслѣдъ за тѣмъ появился въ печатномъ видѣ и принадлежалъ несомнѣнно къ наилучшимъ нашимъ учебникамъ по этому предмету. Времени на эту диктовку уходило очень много, а познаній за это время пріобрѣ-

талось очень мало. Соколовъ, правда, довольно много упражнялъ насъ въ черченіи географическихъ картъ, но безъ географическихъ сѣтокъ, безъ чего о точномъ и отчетливомъ нанесеніи на географическую карту всѣхъ географическихъ данныхъ едва-ли можетъ быть рѣчь.

Я вообще плохо успѣвалъ въ графическихъ искусствахъ, въ рисованьи далѣе носовъ не пошелъ, и географическія карты также чертилъ очень плохо и очень не любилъ уроковъ, посвященныхъ этому упражненію. Собственно, твердо мы знали только курсъ I класса—краткое топографическое обозрѣніе всего земного шара, повторенный еще 2 раза въ послѣдующихъ классахъ по-французски и по-нѣмецки, и это былъ почти весь запасъ нашихъ знаній по этой части.

Математическую географію мы должны были пройти въ VI кл., но какъ учитель А. И. Мохтинъ, повидимому, и самъ ее зналъ не совсѣмъ хорошо и прошелъ съ нами только ученіе о перемѣнахъ временъ года и дня и ночи въ помощь географіи, и назначенный на нее урокъ употреблялъ на физику, которую онъ тоже преподавалъ плоховато по огромному учебнику Ленца, лишь изрѣдка приводя насъ въ физическій кабинетъ, гдѣ впрочемъ рѣдко когда удавались ему опыты. Впрочемъ, необходимѣйшія для житейскаго обихода свѣдѣнія изъ физики были нами усвоены; охотники же до физико-математическихъ наукъ сами штудировали учебникъ Ленца и разъясняли намъ то, что недостаточно было разъяснено Мохтинымъ.

Къ нашему законоучителю Ивану Николаевичу Рождественскому, бывшему потомъ настоятелемъ церкви Черниговскихъ Чудотворцевъ за Москвой рѣкой, митрофорнымъ протоіереемъ и учредителемъ общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, мы питали глубокое уваженіе и любовь; но были болѣе ему обязаны, какъ настоятелю церкви и духовнику, чѣмъ какъ законоучителю. Въ прохожденіи закона Божія тогда преобладало болѣе всего ученіе наизусть учебниковъ каждаго порознь, безъ приведенія ихъ въ какую-либо связь между собою. Ученіе о богослуженіи православной церкви вовсе не входило въ курсъ нашего ученія. Церковная исторія проходилась по краткому, сухому и очень трудному учебнику Богданова и едва-ли была нами вся пройдена. Къ чтенію слова Божія мы вовсе не пріучались, и книгъ св. писанія, даже только Новаго Завѣта, мы не получали. На урокахъ закона Божія мы очень любили предлагать нашему батюшкѣ различные трудные вопросы и излагать ему наши сомнѣнія, которыми едва-ли кто изъ насъ серіозно

смущался; это вызывало батюшку на очень серіозныя и продолжительныя разъяненія, которыя оставляли мало времени для спрашиванія у насъ заданнаго урока, а это-то и было намъ нужно. Батюшка не замедлилъ разгадать это и предложилъ такимъ совопросникамъ обращаться къ нему наединѣ послѣ урока съ тѣмъ, что онъ разъяснитъ имъ ихъ сомнѣнія во время той или другой рекреаціи: послѣ этого, кажется, вовсе исчезли сомнѣвающіеся въ тѣхъ или другихъ религіозныхъ истинахъ. Служилъ батюшка въ церкви превосходно и былъ также хорошимъ проповѣдникомъ; съ большимъ усердіемъ и сердечностью приготовлялъ онъ насъ къ исповѣди и св. причастію. Вообще у всѣхъ у насъ осталось благоговѣйное о немъ воспоминаніе, при сознаніи однако же, что религіозное наше образованіе было очень поверхностно и недостаточно сравнительно съ литературнымъ нашимъ образованіемъ, особенно же по отечественной литературѣ, въ которой мы отличались большою начитанностью, тогда какъ св. писанія мы вовсе не читали, ни даже самихъ евангелій.

Религіозное образованіе и особенно религіозное настроеніе до нѣкоторой степени восполнялось у нѣкоторыхъ изъ насъ участіемъ въ церковномъ хорѣ. Мы всѣ трое братьевъ были въ пѣвчихъ во все продолженіе нашего ученія въ институтѣ: братья мои обладали и отличнымъ голосомъ, и слухомъ, и особенными музыкальными способностями, такъ что нерѣдко замѣняли одинъ за другимъ самого нашего учителя Александра Осиповича Чернова въ дирижированіи хоромъ на спѣвкахъ и въ самой церкви, я же отличался тонкимъ слухомъ и вѣрнымъ, но не очень хорошимъ голосомъ. На церковное пѣніе было обращено у насъ большое вниманіе, и церковный нашъ хоръ былъ доведенъ до значительной степени совершенства: уроки шли два раза въ недѣлю въ вечернюю рекреацію по цѣлому часу, не считая спѣвокъ предъ каждою всенощною и каждою обѣдней. Нотное пѣніе было въ большомъ ходу, и мы сами очень его любили. Исполняли мы очень трудные концерты, и кажется очень хорошо, и разучивали ихъ въ большомъ числѣ. Нѣкоторый недостатокъ въ басахъ восполнялся участіемъ или бывшихъ воспитанниковъ института, или же знакомыхъ нашего учителя пѣнія, въ числѣ коихъ особенно помню доктора Дмитревскаго, обладавшаго удивительно густымъ и низкимъ басомъ (октавой, какъ говорится у пѣвчихъ). Церковь нашу очень охотно посѣщали благодаря отличной службѣ отца Іоанна и нашему хорошему пѣнію какъ родные учениковъ, такъ и

посторонніх семьи, съ разрѣшенія директора или же настоятеля церкви.

Въ качествѣ пѣвчихъ мы въ точности ознакомлялись съ составомъ церковныхъ службъ такъ же, какъ и съ отдѣльными церковными пѣснопѣніями; и это было важнымъ и дорогимъ пріобрѣтеніемъ на всю жизнь. Какъ я уже упоминалъ, мы втроемъ при участіи отца какъ-то разъ пропѣли въ своемъ приходѣ всю заутреню, обѣдню и молебенъ на Рождество Христово и раза два—три, по приглашенію знакомаго церковнаго старосты, отца моего товарища Георгія Дмитріевича Филимонова, пѣли обѣдню въ церкви Богоявленія въ Елоховѣ. Наиболѣе пригодилось въ жизни знаніе церковныхъ службъ и умѣнье устраивать и управлять церковнымъ хоромъ брату моему Димитрію, который впослѣдствіи, женившись на Софіи Владиміровнѣ Апухтиной и живя нѣсколько лѣтъ въ ея имѣніи въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи на Гайчулѣ, а потомъ въ бытность свою агентомъ русскаго общества пароходства и торговли въ Никополѣ, и наконецъ мировымъ посредникомъ въ Винницкомъ уѣздѣ Подольской губерніи близъ Тульчина, вездѣ устраивалъ церковные хоры изъ учениковъ и взрослыхъ, обучалъ ихъ пѣнію и управлялъ ими въ церкви, при чемъ на Гайчулѣ только благодаря его знанію церковной службы молодой священникъ научился какъ слѣдуетъ совершать всенощное бдѣніе и пересталъ спорить и прекословить съ своимъ болѣе свѣдущимъ причетникомъ о порядкѣ и послѣдовательности этого богослуженія (ок. 1854 г.).

Такъ или иначе, но всѣ мы обязаны Московскому дворянскому институту вѣчною благодарностью: онъ далъ намъ безконечно многое и—что, быть можетъ, всего важнѣе,—привычку къ напряженному умственному труду, потребность въ таковомъ трудѣ и обширную любознательность, снабдивъ насъ всѣми средствами для удовлетворенія этихъ потребностей и для плодотворности этого труда. Средства эти заключались въ достаточномъ знаніи и древнихъ, и новыхъ иностранныхъ языковъ и математики и въ полной грамотности на своемъ отечественномъ языкѣ, при значительной начитанности въ лучшихъ произведеніяхъ русской литературы. Съ такими навыками, потребностями и средствами можно было смѣло идти на поприще высшаго научнаго образованія, вдохновляясь примѣромъ такихъ предшественниковъ нашихъ по институту и университетскому благородному пансіону, какъ Карамзинъ, Жуковскій, кн. Шаховской, Грибоѣдовъ, А. Ѳ. Воейковъ, Д. Д. Дашковъ, П. В.

Свиньинъ, С. П. Жихаревъ, А. С. Норовъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, С. П. Шевыревъ, Ѳ. И. Тютчевъ, Н. В. Калачовъ, А. Ѳ. Вельтманъ, П. М. Леонтьевъ, А. А. Майковъ, А. П. Ермоловъ, графъ Д. А. Милютинъ, Н. А. Милютинъ, В. П. Титовъ, В. А. Татариновъ, А. Е. Тимашевъ, баронъ А. П. Моренгеймъ, имена которыхъ постоянно красовались предъ нашими глазами на золотыхъ доскахъ въ большомъ рекреаціонномъ залѣ института, вызывая нерѣдко разъясненія со стороны нашихъ учителей, а также старшихъ товарищей о томъ, чѣмъ эти лица ознаменовались въ послѣдующей своей дѣятельности. Впрочемъ, въ пору моего ученія въ институтѣ успѣли достигнуть большой славы лишь немногіе изъ вышеназванныхъ дѣятелей, и наиболѣе намъ были извѣстны Карамзинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, герой 12-го года и Кавказской войны А. П. Ермоловъ. Изъ моихъ сверстниковъ наибольшей извѣстности достигли Д. Н. Батюшковъ, Е. А. Кожуховъ, С. С. Усовъ, Г. П. Данилевскій, В. И. Родиславскій, С. А. Юрьевъ, Г. Д. Филимоновъ. Всѣхъ насъ окончившихъ курсъ въ началѣ іюня 1845 г. было человѣкъ 20.

III.

Въ Московскомъ университетѣ.

(1845—1850 г.).

Затрудненія при поступленіи въ университетъ. — Занятія на каникулахъ. — Мое матеріальное положеніе.—Первыя впечатлѣнія въ университетѣ. — Т. Н. Грановскій. — С. П. Шевыревъ. — М. Н. Катковъ. — С. М. Соловьевъ.—О. М. Бодянскій.—А. П. Ефремовъ.—А. И. Меньшиковъ.—С. Д. Шестаковъ. — Клинъ. — Новые языки въ университетѣ.—Кондитерская Педотти.—Лекціи богословія.—Частные уроки.—Смерть бабушки.—Смерть отца.—Серьезная моя болѣзнь.

Когда въ началѣ іюня 1845 г. я окончилъ полный курсъ ученія въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, мнѣ не было еще полныхъ 15-ти лѣтъ: не доставало до этого почти двухъ мѣсяцевъ. Въ уставѣ 1835 г. возрастъ для пріема въ студенты университета не былъ установленъ, но правилами испытанія для желающихъ поступить въ университеты, утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія 29-го января 1837 г., требовалось для этого не менѣе 16-ти лѣтъ отъ роду, и допускалось отступленіе отъ этого правила лишь въ томъ случаѣ, когда до 16-тилѣтняго возраста не доставало не болѣе трехъ мѣсяцевъ, подъ условіемъ притомъ необыкновенныхъ способностей

желающаго поступить въ университетъ, съ особаго разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по представленію ректора университета. Я окончилъ курсъ института однимъ изъ первыхъ учениковъ, и потому о моихъ способностяхъ могло быть дано наилучшее свидѣтельство; но возрастъ былъ слишкомъ не подходящій, и ходатайство о пріемѣ моемъ въ университетъ должно было идти къ самому министру народнаго просвѣщенія. Разрѣшеніе не заставило себя долго ожидать, и я къ великой моей радости могъ вскорѣ облечься въ форму студента и не безъ гордости показывался въ этомъ видѣ и своимъ знакомымъ, и въ церкви, и на лѣтнихъ гуляньяхъ въ Сокольникахъ—по пятницамъ и въ карабинерномъ лагерѣ—по воскресеньямъ.

По уставу 1835 г. лѣтнее вакаціонное время продолжалось въ университетахъ только съ 10-го іюня по 22-е іюля; но отъ брата моего Василія, который только-что перешелъ на III курсъ отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, я уже зналъ, что лекціи начинаются обыкновенно не раньше начала сентября, а все время съ 22-го іюля идетъ на пріемныя испытанія, которыя въ то время производились въ самомъ университетѣ для воспитанниковъ всѣхъ гимназій, кромѣ заслужившихъ успѣшностью своего преподаванія, какъ нашъ институтъ, права удостоивать своихъ абитуріентовъ пріема въ университетъ безъ всякаго дальнѣйшаго экзамена.

Такимъ образомъ предо мною впервые открывалась перспектива вполнѣ свободнаго времени въ цѣлыхъ почти три мѣсяца; но институтъ настолько пріучилъ насъ къ непрерывному умственному труду и къ порядку въ этомъ отношеніи, что первымъ моимъ дѣломъ было составить планъ занятій на эти три мѣсяца. Относительно выбора факультета у меня ни минуты не было колебаній; я чувствовалъ рѣшительное призваніе къ историко-филологическимъ наукамъ и, слѣдовательно, къ поступленію на 1-е отдѣленіе философскаго факультета, переименованное еще въ бытность мою студентомъ въ историко-филологическій факультетъ, тогда какъ 2-е отдѣленіе философскаго факультета получило наименованіе факультета физико-математическаго. Согласно съ моимъ выборомъ и моимъ влеченіемъ я рѣшилъ употребить три лѣтніе мѣсяца на древніе и новые языки и составилъ для себя таблицу занятій по 4 часа въ день, по два часа въ одинъ день на чтеніе латинское и столько же на французское, а въ другой день по два же часа на греческое чтеніе и столько же на нѣмецкое. Программа эта не очень-то строго была мною исполняема: я сильно увлекался

чтеніемъ романовъ Жоржъ Зандъ, которыми меня снабжалъ товарищъ моего старшаго брата по институту и по факультету Петръ Михайловичъ Смоличъ, равно какъ и драмами Шиллера, и отъ этого сильно страдало чтеніе Саллюстія de conjuratione Catilinae въ связи съ рѣчами Цицерона противъ Катилины и чтеніе Иліады Гомера. Нерѣдко случалось такъ, что я не могъ оторваться отъ Жоржъ Зандъ, пока не прочитывалъ до конца всего начатаго романа, и тогда всѣ другія занятія отодвигались на задній планъ, и я, уже окончивъ романъ, старался наверстать отнятое у другихъ занятій время. Такая способность увлекаться произведеніями изящной словесности или, вѣрнѣе сказать, легкимъ чтеніемъ сохранилась у меня и по сію пору (73-й годъ жизни), и недавно еще почти я за одинъ присѣстъ прочелъ „Ѳому Гордѣева“ Максима Горькаго.

Изъ романовъ Жоржъ Зандъ я прочелъ тогда: Valentine, Horace, Consuelo, изъ романовъ Дюма: Les trois mousquetaires, Vingt -ans après, La dame de Monsoraux, а изъ Шиллера— Донъ Карлоса и Марію Стюартъ. Вскорѣ я пришелъ къ заключенію, что чтеніе французскихъ романовъ, даже и въ подлинникѣ, не есть серіозное занятіе, и пробовалъ перейти къ историческому чтенію на французскомъ языкѣ; но попалъ неудачно на Histoire de la civilisation en Europe par Guizot, которая по своему содержанію оказалась для меня черезчуръ трудною при маломъ запасѣ фактическихъ знаній, какимъ насъ снабдилъ нашъ учитель Н. В. Смирновъ. П. М. Смоличъ часто навѣщалъ нашу семью и, будучи большимъ охотникомъ до чтенія и очень развитымъ молодымъ человѣкомъ, очень любилъ дѣлиться своими впечатлѣніями съ моею старшею сестрой, и я принималъ все большее участіе въ ихъ литературныхъ бесѣдахъ; изъ своихъ же товарищей я изрѣдка видался съ Г. Д. Филимоновымъ, съ которымъ отъ времени до времени мы вмѣстѣ читали Иліаду Гомера.

Пока мы были въ институтѣ, родители мои весьма мало поощряли и скорѣе даже вовсе запрещали сближеніе наше съ товарищами, если сами не были знакомы съ ихъ родителями или родственниками. Они находили, что мы достаточно проводимъ съ ними времени въ институтѣ и что дома мы можемъ довольствоваться обществомъ своихъ братьевъ и сестеръ и никакого другого общества намъ не нужно; сближеніе же съ товарищами внѣ института могло бы быть, по ихъ мнѣнію, не безопасно для насъ во многихъ отношеніяхъ. Такъ какъ и въ институтѣ большая часть рекреаціоннаго времени уходила у

меня частью на греческій языкъ, а частью на приготовленіе къ урокамъ, при чемъ я съ книгою или съ тетрадью въ рукѣ гулялъ по залѣ или въ теплую пору года по двору, то ни съ кѣмъ изъ товарищей я и не былъ особенно близокъ. Когда мы перешли въ университетъ, родители нисколько не стѣсняли насъ въ пріемѣ у себя товарищей; но мы сами—по крайней мѣрѣ я—были въ этомъ отношеніи очень осторожны и осмотрительны: къ этому располагало насъ, кромѣ предостереженій и наставленій родителей, еще и то, что у насъ было очень мало карманныхъ денегъ. Родители въ то время мало баловали въ этомъ отношеніи своихъ дѣтей. И хорошо дѣлали: кончившій со мною вмѣстѣ въ институтѣ курсъ Рахманиновъ сгубилъ себя тѣмъ, что, имѣя много денегъ и будучи одинокъ въ Москвѣ, поселился въ дорогихъ меблированныхъ комнатахъ на Кузнецкомъ мосту, гдѣ сосѣдями его оказались французскіе актеры и актрисы, которые вовлекали его въ свою компанію, въ свои вечеринки съ ужинами, съ картами, съ пикниками, и Рахманиновъ, поступившій на физико-математическій факультетъ, сталъ все рѣже и рѣже посѣщать лекціи, а затѣмъ и вовсе исчезъ съ нашего горизонта. Онъ и меня чуть было не вовлекъ въ эту компанію, и я раза два былъ на его вечеринкахъ съ актерами и актрисами, но тотчасъ же почувствовалъ, что мнѣ тамъ вовсе не мѣсто, и старался всячески извлечь и его изъ этого общества. Онъ сознавалъ, что я совершенно правъ, каялся, собирался вырваться изъ этой среды и прежде всего переѣхать на другую квартиру и даже перейти въ другой университетъ, но, по безхарактерности, ничего не могъ сдѣлать. Кто знаетъ? Будь у меня порядочныя деньги, быть можетъ, и я увлекся бы этой компаніей, несомнѣнно очень веселою, забавною и даже изящною; но съ моими грошами мнѣ нечего было тамъ дѣлать. Впослѣдствіи я очень сошелся съ моими однокурсниками, но это было совсѣмъ на другой почвѣ, на почвѣ общихъ приготовленій къ экзаменамъ.

Кромѣ болѣе чѣмъ скромныхъ денежныхъ подарковъ на именины и на день рожденія, на Рождество и на Пасху, мы получали еще деньги на покупку необходимѣйшихъ книгъ и на мелкіе расходы, какъ-то: на извощиковъ, на пищу въ тѣ дни, когда приходилось поздно возвращаться домой, и т. д., но на эти мелкіе расходы выдавалось заразъ не болѣе одного рубля, и въ употребленіи этого рубля требовался точный отчетъ, на покупку же книгъ выдавалось только то, что онѣ стоили, такъ что надобно было напередъ узнать ихъ цѣну.

Домъ нашъ отъ университета былъ на разстояніи трехъ четвертей часа довольно скорой ходьбы, и туда отецъ или самъ насъ довозилъ въ коляскѣ или же давалъ намъ лошадей; но оттуда въ хорошую погоду мы должны были возвращаться пѣшкомъ и только въ дурную погоду могли брать извощика. Впрочемъ, намъ не запрещалось зарабатывать деньги уроками, съ тѣмъ чтобы мы сами себя экипировали и сами платили за свои книги и покрывали всѣ другіе наши расходы, и этимъ разрѣшеніемъ мы пользовались особенно въ лѣтнее вакаціонное время.

Таково было мое экономическое положеніе, какъ студента, при жизни отца. Къ этому надобно прибавить, что въ первый годъ я былъ помѣщенъ въ одной комнатѣ съ старшимъ братомъ Василіемъ, а когда черезъ годъ и братъ Дмитрій окончилъ курсъ въ институтѣ и поступилъ на юридическій факультетъ, то намъ былъ отданъ для жительства надворный флигель въ одномъ зданіи съ кухней и съ одной стороны выходившій окнами въ садъ, а съ другой во дворъ прямо противъ кабинета отца, лѣтомъ же, коли не уѣзжали на уроки, мы жили въ обширной садовой бесѣдкѣ изъ трехъ комнатъ.

Наконецъ-то окончилась моя первая длинная лѣтняя вакація, и отецъ отвезъ меня съ братомъ Василіемъ въ университетъ. Вступилъ я въ него не безъ трепетнаго благоговѣнія, какъ въ святилище наукъ. Никакихъ формальностей при этомъ тогда не водилось, и только толстый швейцаръ Михаилъ освѣдомился, какого я курса и факультета, и сказалъ мнѣ: „Идите изъ шинельной направо коридоромъ и тамъ найдете помощника инспектора Дмитрія Ефимовича Зайковскаго: это и есть вашъ начальникъ, ему и представьтесь". Дмитрій Ефимовичъ снабдилъ меня печатнымъ расписаніемъ лекцій, указалъ, что лекціи будутъ намъ читаться внизу въ малой словесной аудиторіи по тѣмъ предметамъ, которые мы слушаемъ вмѣстѣ съ юристами, а именно: по богословію, по русской словесности, по всеобщей и русской исторіи, по логикѣ и психологіи, по политической экономіи и статистикѣ, прибавивъ, что, впрочемъ, на I курсѣ мы будемъ слушать только первые три или четыре предмета, что лекціи я долженъ посѣщать какъ можно исправнѣе, что, впрочемъ, какъ медикъ, зная моего отца, онъ ждетъ отъ меня всего лучшаго. Онъ былъ со всѣми нами очень вѣжливъ и обходителенъ, и мы всѣ его очень любили и уважали, но не забывали, что онъ-то и есть нашъ начальникъ, какъ мнѣ то возвѣстилъ впервые швейцаръ Мишка—такъ его

звали студенты, несмотря на его высокій ростъ, большую дородность и многозначительность его физіономіи. Въ то время начальство было начальствомъ, отъ подчиненныхъ требовало почтительности и безусловнаго повиновенія, и руки студентамъ не подавало и популярности между ними не искало. Дмитрія Ефимовича мы видѣли въ своихъ аудиторіяхъ и въ корридорахъ, возлѣ нихъ, ежедневно, и присутствіемъ его нисколько не стѣснялись; но при первой съ нимъ встрѣчѣ всегда вѣжливо съ нимъ раскланивались такъ же, какъ и уходя изъ университета, буде попадались ему на глаза. Въ его вѣдѣніи были студенты историко-филологическаго факультета во все время пребыванія моего въ университетѣ: насъ было немного, едва-ли когда болѣе 125 чел., и онъ, конечно, хорошо всѣхъ насъ зналъ въ лицо и по фамиліи. Между нами было не мало казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которые готовились къ учительскому званію. Съ ними Дмитрію Ефимовичу больше приходилось имѣть дѣла, и они для насъ были своего рода руководителями, частью какъ люди, болѣе близкіе къ нашему субъ-инспектору и еще болѣе какъ проводники традицій, хранившихся въ средѣ казеннокоштныхъ студентовъ старшихъ курсовъ. Такъ, въ бесѣдѣ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ мы узнавали, какою славою пользуется каждый изъ нашихъ профессоровъ и какъ профессоръ, и какъ экзаменаторъ, что лекціи надобно по возможности записывать за каждымъ профессоромъ, такъ какъ иначе не по чему будетъ готовиться къ экзаменамъ, и что записанное надобно тотчасъ же исправлять и пополнять, считываясь съ другими записывающими товарищами, что при записываніи надобно гоняться не за словами, а за сущностью мысли, такъ какъ всѣхъ словъ не уловишь, а сущность мысли можно уловить и тутъ же записать, что записывать лучше чернилами, если не имѣешь въ виду составлять лекціи и переписывать ихъ начисто, что репетицій никто не дѣлаетъ кромѣ протоіерея Терновскаго, который передъ каждой лекціей дѣлаетъ перекличку и двоихъ или троихъ студентовъ непремѣнно заставляетъ повторять содержаніе предыдущей лекціи, что онъ читаетъ догматическое богословіе по напечатанному имъ курсу, что читаетъ онъ очень скучно и монотонно, въ носъ, и что поэтому къ нему неохотно ходятъ, но во время переклички оказываются всѣ на-лицо, отзываясь другъ за друга и нерѣдко даже отвѣчая за отсутствующихъ товарищей и т. п.

На первомъ курсѣ выдающимися профессорами у насъ были Тимоѳей Николаевичъ *Грановскій* и Степанъ Петровичъ *Шевыревъ*. Первый изъ нихъ прочелъ намъ историческій очеркъ развитія исторіи какъ науки, за тѣмъ исторію древняго Востока и исторію древнихъ грековъ до распаденія монархіи Александра Македонскаго, а на II курсѣ—всю римскую исторію и очень краткое обозрѣніе всего хода средневѣковой исторіи и заключилъ свои чтенія очеркомъ гуманизма въ Италіи и Германіи, остановившись нѣсколько подробнѣе на біографіи одного изъ представителей германскаго гуманизма Ульриха фонъ-Гуттена, который, умирая въ молодые годы отъ жестокой болѣзни, забывалъ свои страданія и радовался только торжеству гуманизма надъ схоластикой. Послѣдними его словами были: „Наука процвѣтаетъ, разумъ свободенъ, весело жить на свѣтѣ“. Аудиторія была такъ наэлектризована этою послѣднею въ 1846—1847 учебномъ году блестящею лекціей Грановскаго, что эти заключительныя слова ея вызвали громъ рукоплесканій, которыхъ долго не могли унять ни самъ Тимоѳей Николаевичъ, ни Д. Е. Зайковскій, ни даже самъ Платонъ Степановичъ Нахимовъ, инспекторъ и гроза студентовъ, котораго, впрочемъ, всѣ очень любили и уважали, разсказывая о немъ другъ другу тысячу забавныхъ анекдотовъ, но такихъ, въ которыхъ онъ выступалъ не только строгимъ блюстителемъ порядка, дисциплины и наружнаго благоприличія студентовъ, но вмѣстѣ и горячимъ ихъ защитникомъ во всѣхъ ихъ столкновеніяхъ съ полиціей. Вбѣжавъ въ аудиторію въ своемъ обычномъ мундирѣ отставного моряка съ кортикомъ, онъ кричалъ, махая руками: „Господа! что вы дѣлаете? Вѣдь графъ Строгановъ здѣсь: вѣдь вы компрометтируете вашего любимаго профессора“. Послѣднія слова тотчасъ же всѣхъ образумили, и рукоплесканія разомъ прекратились.

Грановскій былъ прежде всего историкъ-художникъ. Изъ громаднаго фактическаго матеріала онъ умѣлъ всегда выбрать черты, наиболѣе характеризующія данный періодъ времени, совершающіяся въ немъ событія и каждаго изъ отдѣльныхъ его дѣятелей и такъ сгруппировать ихъ между собою, что они производили на слушателей живое, цѣльное и художественное впечатлѣніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ былъ художникомъ и слова, большимъ мастеромъ живого и образнаго изложенія. Кое-когда, какъ и въ упомянутой выше заключительной лекціи своей, онъ какъ бы искалъ эффектовъ; но вѣрнѣе сказать, онъ самъ

искренно воодушевлялся всѣмъ возвышеннымъ и благороднымъ, что встрѣчалось ему на протяженіи излагаемаго имъ того или другого отдѣла исторіи. Въ этомъ отношеніи онъ могъ бы о себѣ mutatis mutandis сказать то же, что Титъ Ливій: ceterum mihi res antiquas scribenti nescio quo modo antiquus fit animus (т.-е.: „впрочемъ, когда я пишу о древнихъ дѣлахъ, не знаю, какимъ образомъ я и самъ проникаюсь духомъ древности"). Грановскій былъ въ высшей степени способенъ проникаться духомъ тѣхъ великихъ временъ и событій, тѣхъ великихъ дѣятелей, о коихъ онъ повѣствовалъ намъ въ своихъ лекціяхъ. Вліяніе его лекцій на его слушателей не могло не быть благотворнымъ: они должны были становиться лучше, благороднѣе и возвышеннѣе въ своихъ помыслахъ и стремленіяхъ. Сверхъ того, лекціи его должны были пробуждать охоту къ дальнѣйшему изученію его предмета. Такъ, между прочимъ, было и со мною. Еще въ первомъ своемъ курсѣ Грановскій указывалъ намъ, какъ на важнѣйшее пособіе для изученія древней исторіи, на капитальное сочиненіе Шлоссера: Universal-historische Uebersicht der Geschichte der alten Welt und ihrer Cultur, и я взялъ его изъ университетской библіотеки еще въ первый годъ моего студенчества. Не могу сказать, чтобъ я подрядъ одолѣлъ все это многотомное сочиненіе; но я прочиталъ въ немъ тѣ отдѣлы, которые наиболѣе меня заинтересовали въ изложеніи Грановскаго, и тогда же пришелъ къ тому выводу, что весь матеріалъ для своихъ лекцій Грановскій почерпалъ изъ этого сочиненія и что его великая заслуга заключалась въ умѣньи черпать то, что нужно, художественно обрабатывать и мастерски излагать съ каѳедры почерпнутое. Впослѣдствіи, въ личной бесѣдѣ съ Грановскимъ, вскорѣ послѣ его лекціи о Гуттенѣ, я позволилъ себѣ замѣтить, что римскую исторію онъ излагалъ съ гораздо большимъ сочувствіемъ и воодушевленіемъ. „Это совершенно вѣрно", — отвѣчалъ онъ: „вся бѣда въ томъ, что греческаго языка я не знаю и потому не могу приходить въ непосредственное общеніе съ греческимъ духомъ, латинскіе же тексты мнѣ доступны".

Лично я познакомился съ Грановскимъ по поводу его лекціи о Гуттенѣ лѣтомъ 1847 года: лекція эта такъ меня воодушевила, что я задумалъ заняться изученіемъ Гуттена и даже написать о немъ сочиненіе. Необходимо было получить указанія на источники и пособія; но Грановскаго застать дома было не легко, и попросить назначить время для пріема было не

черезъ кого. Наконецъ, я рѣшился самъ написать ему объ этомъ, отвѣта не получилъ, но въ слѣдующій мой приходъ былъ имъ принятъ очень любезно. Прежде всего онъ указалъ мнѣ на Ranke-Geschithte Deutschlands im Zeitalter der Reformation въ 5 томахъ, а затѣмъ на Hagen-Literar-historische Verhältnisse Deutschlands im Zeitalter der Reformation: „съ обоими этими сочиненіями, особенно же съ первымъ изъ нихъ будетъ вамъ во всякомъ случаѣ очень полезно поближе познакомиться. Затѣмъ въ университетской библіотекѣ имѣются сочиненія самого Гуттена въ 5 томахъ и приписываемый ему памфлетъ противъ схоластиковъ Epistolae obscurorum virorum“. Прочесть все это, сдѣлать необходимыя извлеченія и заготовить матеріалы для будущаго сочиненія о Гуттенѣ, это онъ считалъ возможнымъ и не безполезнымъ; но не былъ въ пользу того, чтобъ я теперь же принялся за сочиненіе о Гуттенѣ: тема эта и очень сложная, и трудная, и слишкомъ спеціальная: „прежде всего вамъ надобно ознакомиться со всею тогдашнею эпохой, а затѣмъ съ очень многосложною дѣятельностью и личностью самого Гуттена“. Тогда я не безъ смущенія сознался, что въ случаѣ удачи мнѣ хотѣлось бы напечатать мое сочиненіе въ какомъ-нибудь журналѣ и получить гонораръ, чтобъ этимъ поправить до нѣкоторой степени мои денежныя дѣла, разстроенныя между прочимъ и неосторожною карточною игрою. Это было до нѣкоторой степени справедливо: старшій мой братъ Василій водилъ знакомство со многими гвардейскими офицерами, прикомандированными къ различнымъ управленіямъ въ Москвѣ, и они отъ времени до времени собирались у насъ во флигелѣ, и я бывалъ у нихъ и начиналъ по-немногу втягиваться въ азартныя игры и въ кутежъ. Тутъ же бывало и нѣсколько студентовъ-щеголей, большихъ танцоровъ и кутилъ, изъ которыхъ особенно помню одного Бруссе, какъ блестящаго молодого человѣка на всѣ руки, какимъ былъ въ сущности и братъ Василій.

Мое откровенное признаніе, какъ бы нечаянно у меня вырвавшееся, повидимому, нѣсколько покоробило Грановскаго: оно было тѣмъ большею безтактностью съ моей стороны, что намъ, студентамъ, извѣстно было, что Грановскій велъ очень большую карточную игру въ Англійскомъ клубѣ и что изъ тысячи душъ, которыя будто бы достались ему отъ отца, у него уцѣлѣло по причинѣ этой игры лишь небольшое имѣніе. Онъ мнѣ сказалъ: „заниматься литературой или наукой ради денегъ—

дѣло очень плохое: деньги должны быть тутъ на самомъ послѣднемъ планѣ, иначе и занятія на ладъ не пойдутъ; гораздо лучше бросить карточную игру, и вамъ это гораздо легче, чѣмъ мнѣ; вы не могли еще такъ втянуться въ игру, какъ я, но и я все рѣже и рѣже теперь играю въ карты. Выигрываетъ, особенно въ азартныя игры, только тотъ, у кого больше денегъ и кто, слѣдовательно, больше можетъ рисковать. Да и при томъ у насъ кто богаче и знатнѣй, тотъ и рѣже платитъ свои долги даже карточные, тотъ и больше можетъ рисковать, и въ нашемъ высшемъ обществѣ, за немногими исключеніями, еще очень мало развито чувство чести". Очевидно, что я неосторожно коснулся больного мѣста Грановскаго, и онъ высказалъ какъ бы невольно тѣ заключенія, къ которымъ онъ пришелъ своимъ горькимъ личнымъ опытомъ. „Во всякомъ случаѣ", заключилъ онъ, „я совѣтую вамъ не спѣшить выступать на поприще литературной и журнальной дѣятельности: ваша дѣятельность принадлежитъ будущему времени, а не настоящему; въ настоящее же время вы должны запасаться умственнымъ капиталомъ на всю жизнь". Я просилъ позволенія изрѣдка навѣщать его, и онъ сказалъ мнѣ, въ какіе дни и часы я легче могу застать его дома, прибавивъ, что онъ очень радъ будетъ слѣдить за ходомъ моей работы.

Работа эта, какъ и полагалъ Грановскій, не пошла далѣе извлеченій изъ такихъ капитальныхъ сочиненій, какъ Ранке и Гагенъ, по которымъ я составилъ себѣ очерки состоянія схоластики въ то время, католицизма предъ появленіемъ Лютера, гуманизма въ Германіи и главнѣйшихъ его тамъ представителей: Эразма, Рейхлина и Гуттена. Работа не пошла далѣе этого, между прочимъ, и потому, что въ моемъ положеніи произошли большія перемѣны: 6-го августа 1847 г. скончался внезапно мой отецъ, и это отразилось на моемъ здоровьи и надолго отвлекло меня отъ этихъ моихъ занятій.

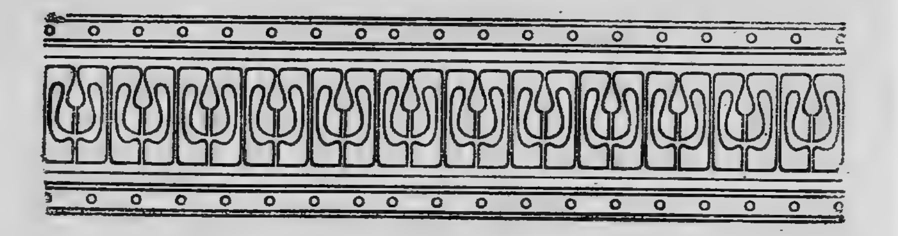
Но я зашелъ слишкомъ далеко впередъ. Слушать Грановскаго и особенно записывать за нимъ было дѣло очень не легкое: у него былъ голосъ не столько даже тихій, сколько глухой и глубоко грудной, при нѣсколько шепелеватомъ произношеніи. Тѣ, которые сидѣли противъ его каѳедры, хотя бы и на заднихъ скамьяхъ, еще могли довольно хорошо его слышать; но большая словесная аудиторія, въ которой мы его слушали вмѣстѣ съ юристами, была не столько глубокая, сколько широкая зала, вмѣщавшая, быть можетъ, болѣе 300 человѣкъ.

И вотъ вся эта масса старалась размѣститься на скамьяхъ передъ каѳедрой, въ промежуткахъ между двумя рядами скамей, съ той и съ другой стороны на самой каѳедрѣ, на ея ступенькахъ, и рядомъ съ профессоромъ по ту и другую сторону, вездѣ, гдѣ только возможно было записывать за нимъ: это была картина довольно оригинальная и съ тѣмъ вмѣстѣ довольно безпорядочная, а потому и смущавшая такого ревнителя порядка, какимъ былъ П. С. Нахимовъ; но ничего тутъ подѣлать было нельзя.

Сообщ. **Левъ Георгіевскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мимоходомъ.

Нѣчто о Тертіи Ивановичѣ Филипповѣ.

Въ 70-мъ году прошедшаго столѣтія я состоялъ на службѣ въ центральномъ управленіи государственнаго контроля и завѣдывалъ особымъ отдѣломъ при временной ревизіонной комиссіи. Управляющимъ этою комиссіей былъ Мих. Николаевичъ Островскій, которому я непосредственно былъ подчиненъ, а помощникомъ его состоялъ Тертій Ивановичъ Филипповъ.

Для занятій мнѣ былъ предоставленъ небольшой столъ въ той же залѣ совѣта, въ которой за длиннымъ столомъ занимался Тертій Ивановичъ. Такимъ образомъ совмѣстныя занятія и ежедневныя свиданія дали мнѣ возможность до нѣкоторой степени присмотрѣться къ этому человѣку, занявшему впослѣдствіи постъ государственнаго контролера.

На службу Тертій Ивановичъ являлся почти всегда въ половинѣ перваго бодрый, цвѣтущій и привѣтливый со всѣми, кто попадался ему по пути къ совѣтской залѣ, привѣтливый со мною и съ тѣми ревизорами, которыхъ онъ вызывалъ *первыми* для дѣловыхъ объясненій.

Здѣсь необходимо упомянуть, что Тертій Ивановичъ былъ отличный стилистъ и ревниво оберегалъ чистоту русскаго языка: гдѣ только возможно было устранить иностранное слово, хотя бы и получившее право гражданства, онъ непремѣнно замѣнялъ его русскимъ выраженіемъ; всѣ эти, излюбленныя нѣкоторыми чиновниками, выраженія: превалировать, констатировать, резюмировать и проч., — рѣшительно вычеркивались.

Но, сознавая, что эти замѣны и исправленія не всегда могли быть удачны, онъ нерѣдко просилъ ревизоровъ обратить вниманіе—„не измѣнился ли смыслъ отъ его поправокъ“.

Однако же такое ровное и спокойное состояніе духа Тертія Ивановича довольно часто нарушалось однимъ совершенно особеннымъ обстоятельствомъ. Извѣстно, что Тертій Ив. былъ горячій славянофилъ и широко покровительствовалъ славянамъ, проживающимъ въ Петербургѣ и обращавшимся къ нему съ просьбами о матеріальной помощи или являвшимся по инымъ причинамъ. Въ числѣ послѣднихъ нерѣдко приходилъ какой-то братъ-славянинъ, высокій, сухощавый, плохо одѣтый, смуглый съ орлинымъ носомъ и недобрыми глазами, и начиналъ тихую бесѣду съ Тертіемъ Ивановичемъ. Въ первый же разъ, чтобъ не стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ, я хотѣлъ выйти изъ залы, но Тертій Ив. любезно остановилъ меня, сказавъ, что у него съ этимъ посѣтителемъ нѣтъ секретовъ и что разговариваютъ они тихо, собственно не желая мѣшать моимъ занятіямъ.

Свиданія съ братомъ-славяниномъ не ограничивались однако же только таинственными бесѣдами; чрезъ нѣсколько минутъ онъ вынималъ изъ кармана небольшую коробочку и доставалъ изъ нея не то облатку, не то пилюлю, которую Тертій Ив. быстро и съ видимымъ отвращеніемъ проглатывалъ, запивая водой; послѣ чего славянинъ уходилъ, получивъ щедрый гонораръ.

Дѣйствіе проглоченнаго Тертіемъ Ив. снадобья обнаруживалось уже минутъ чрезъ 30—40: лицо сильно краснѣло, на лбу появлялись крупныя капли пота, и благодушное настроеніе его исчезало; онъ становился раздражительнымъ, придирчивымъ и даже грубымъ. Конечно, все это тяжело отражалось на тѣхъ ревизорахъ, которые имѣли несчастіе быть вызванными въ залу совѣта послѣ посѣщенія славянина. Тертій Ив. сурово критиковалъ ихъ доклады, нападая главнымъ образомъ на приведенные въ нихъ мотивы, на нелогическое построеніе, повторяемость, скомканность и проч.

Всѣ терпѣливо переносили эти волненія и шероховатости, зная источникъ ихъ происхожденія, тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день Тертій Ив. обыкновенно добродушно извинялся, говоря: кажется, вчера я сказалъ вамъ что-то непріятное?—вы меня извините, страшно разыгралась мигрень, и я очень нехорошо себя чувствовалъ.

Скоро для всѣхъ стало очевидно, что здоровье Тертія Ивановича разстраивается: онъ поблѣднѣлъ, сдѣлался вялымъ, безучастнымъ, иногда жаловался на какую-то непонятную забывчивость, слабость зрѣнія и проч. Дальнѣйшее лѣченіе брата-славянина, вѣроятно, привело бы къ печальной развязкѣ, если бы къ счастію не выручилъ пріѣхавшій изъ Кіева, бывшій тамъ управляющимъ контрольною палатой, В. В. Борисовъ, товарищъ Тертія Ив. по Московскому университету и большой его другъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что Борисовъ по образованію былъ врачъ и даже докторъ медицины, но онъ по слабости здоровья оставилъ врачебную практику и поступилъ на службу въ государственный контроль.

Выяснивъ предварительно съ возможною подробностію все, что происходило съ Тертіемъ Ивановичемъ, и издавна зная, что ничѣмъ такъ нельзя отвлечь его отъ непріятныхъ мыслей, какъ — заведя разговоръ о какомъ-либо филологическомъ вопросѣ, Борисовъ съ такимъ планомъ отправился въ совѣтскую залу и вошелъ туда безъ доклада. Хотя такое нарушеніе установленнаго порядка считалось вообще недопустимымъ, но Тертій Ив. не выразилъ никакого неудовольствія, напротивъ, съ искренней радостію привѣтствовалъ стараго товарища: „какими судьбами? надолго ли, какъ здоровы?“ и проч. Когда первые моменты свиданія прошли, Борисовъ сказалъ:

„А я вѣдь несовсѣмъ безкорыстно являюсь къ тебѣ, а съ расчетомъ, что ты поможешь мнѣ разобраться въ слѣдующемъ вопросѣ. Давно уже у меня съ нашими ревизорами идетъ споръ о томъ, какъ нужно писать слова: „лѣкарь, лѣченіе и проч., или лекарь, леченіе?—и, какъ водится, обѣ стороны остаются при своемъ. Однако же у ревизоровъ есть хоть какой-нибудь мотивъ: они утверждаетъ, что слово „лечить“ происходитъ отъ слова „легкій“, откуда—леченіе, т. е. облегченіе. Для меня это неубѣдительно, но съ своей стороны я не могу представить доказательствъ противнаго“.

Съ большою охотой Тертій Ив. выразилъ готовность разъяснить возбужденный Борисовымъ вопросъ. Онъ сказалъ:

„Слово лѣкарь имѣетъ свою исторію. Извѣстно, что въ прежнее время въ Россіи не было ученыхъ врачей, не было также и аптекъ [1]). Какъ простой народъ, такъ и высшіе классы пользовались услугами знахарей, людей невѣжествен-

[1]) Первая аптека прислана была въ подарокъ королевой Англіи Елисаветой вел. кн. Ивану IV.

ныхъ, приносившихъ своими снадобьями больше вреда, чѣмъ пользы. Первый обратилъ на это вниманіе великій князь Борисъ Годуновъ. Онъ пригласилъ въ Россію иностранныхъ врачей, преимущественно шведовъ, которые, по тогдашнему состоянію медицинской науки и при отсутствіи аптекъ, лѣчили собственными лѣкарствами, состоявшими почти исключительно изъ разныхъ травъ, подобно тому, вѣроятно, какъ и въ наше время лѣчитъ извѣстный Бадмаевъ по правиламъ тибетской медицины. Но упомянутые врачи, не зная русскаго языка, при выдачѣ лѣкарствъ говорили: „Lika, lika, likare", что по-шведски значитъ: принимать одинаково, провѣренная мѣра (доза). Съ своей стороны больные и вообще народъ, не понимая значенія этихъ словъ, прозвали лицъ, дававшихъ lika, лѣкарями, а likare—лѣкарствомъ".

„Производить же это слово отъ „легкій" и писать *ле*карь, *ле*ченіе (чрезъ *е*) вполнѣ неосновательно, такъ какъ въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя происходятъ отъ корня „*лег*", безусловно вездѣ удерживается звукъ *г*, а именно:

легкій	легонькій
легокъ	легченіе (castration, émasculation)
легкое	легчить (alléger, châtrer (un animal)
легковатый	легчать (devenir plus léger, diminuer)
легковой (извощикъ)	легкунъ (кастратъ, меринъ въ Малор.)
легкость	легкорь (коновалъ въ Малорос.)
легость	

„Если бы слова: лѣкарь, лѣченіе, лѣчебница дѣйствительно происходили отъ корня „*лег*" и въ нихъ поэтому удерживалась бы буква *г*, т. е. получились бы слова: легкарь, легченіе, легчебница, то значеніе поставленныхъ выше словъ было бы совершенно извращено, а именно: лѣкарь значилъ бы коновалъ, производящій кастрацію у лошадей, лѣченіе—кастрированіе, лѣчебница — кастраціонное заведеніе. Вѣдь, это же — явный абсурдъ.

„Наконецъ, есть еще важное указаніе, это—малороссійскій языкъ, съ которымъ ты за пять лѣтъ жизни въ Кіевѣ, навѣрное, достаточно ознакомился. Почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ русскихъ словахъ слышится очень мягкое *іе*, а въ малороссійскомъ *и*, смѣло пиши по-русски *ѣ*. Примѣровъ можно набрать сколько угодно, а именно:

По-малороссійски.	*По-русски.*
Викъ	Вѣкъ
Свитъ	Свѣтъ
Смихъ	Смѣхъ
Хлибъ	Хлѣбъ
Видьма	Вѣдьма
Недиля	Недѣля
Ликарь	Лѣкарь
Витеръ	Вѣтеръ
Ричка	Рѣчка
Лисъ	Лѣсъ
Днипро и проч.	Днѣпръ и проч."

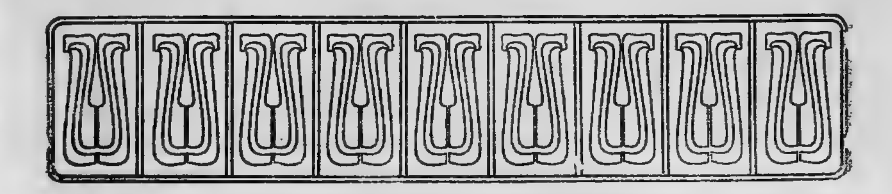
Выслушавъ со вниманіемъ объясненія Тертія Ивановича и горячо поблагодаривъ его, какъ спеціалиста-филолога, Борисовъ попросилъ выслушать его, какъ спеціалиста-медика, и затѣмъ торжественно произнесъ: „Тертій, ты на плохой дорогѣ! Братъ-славянинъ, который ходитъ сюда и угощаетъ какимъ-то тайнымъ снадобьемъ, принесетъ тебѣ огромный вредъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что въ составъ тайныхъ средствъ всегда входитъ какой-нибудь сильный ядъ и притомъ въ дозахъ, не допускаемыхъ наукою; онъ болѣе менѣе быстро разрушаетъ организмъ и прежде всего ослабляетъ память, зрѣніе и вообще крайне вредно дѣйствуетъ на прочія функціи нервной системы. Брось ты своего славянина, обратись къ Боткину, онъ тебѣ поможетъ".

Внушеніе Борисова произвело на Тертія Ивановича прямо ошеломляющее впечатлѣніе: онъ поблѣднѣлъ, всталъ молча, обнялъ и поцѣловалъ его, и затѣмъ они разстались.

Братъ-славянинъ исчезъ и больше не показывался, а Тертій Ивановичъ вскорѣ по-прежнему сталъ бодръ, привѣтливъ и уравновѣшенъ.

В. Мерцаловъ.

Забытые русскіе люди.

Къ вопросу о западно-русскомъ старообрядчествѣ.

I.

Среди сплошного литовскаго населенія Ковенской губерніи встрѣчается совершенно особенный типъ, не похожій на туземца и представляющій отличие отъ мѣстныхъ православныхъ поселенцевъ-бѣлоруссовъ, выходцевъ изъ Витебской и Виленской губ. Это отпрыскъ чисто русской вѣтви старообрядецъ-великороссъ. Онъ является самобытнымъ и въ извѣстной степени исконнымъ русскимъ насельникомъ этого глухого края. Въ то время какъ православная отрасль русской колонизаціи считаетъ не болѣе 50 лѣтъ, мѣстный старообрядецъ можетъ справедливо гордиться тѣмъ, что его предки первые проложили путь русскому имени и русскому слову въ тѣхъ мѣстахъ, которыя до 1863 — 1864 гг. не знали ни того, ни другого. Старое русское выраженіе „гдѣ ни плугъ, ни соха, ни топоръ, ни коса не ходила“ можетъ быть примѣнимо и къ этой мѣстности, какъ къ непочатой для русскаго человѣка почвѣ не только въ этнографическомъ, но и въ хозяйственно-экономическомъ смыслѣ. Первые русскіе поселенцы не встрѣтили на этой заброшенной сторонѣ, до которой и отъ стараго Пскова и отъ Смоленска, и отъ бѣлорусскихъ урочищъ Гродненской губерніи рукой подать, чего-либо похожаго на гостепріимство, не нашли подготовленной почвы для развитія и укрѣпленія русской колонизаціи; русскаго поселенца искони манилъ дальній Востокъ, холодная и негостепріимная Сибирь, а не этотъ сѣверо-западный уголокъ государства, сосѣдній съ культурными странами Западной Европы. Исторія переселен-

ческаго движенія русскаго населенія въ этомъ краѣ, до послѣднихъ лѣтъ не попадавшая въ печать, а извѣстная лишь мѣстной администраціи и старожиламъ, нашла себѣ нѣкоторое освѣщеніе въ IV томѣ „Виленскаго Временника“, въ статьѣ, озаглавленной „Русскія поселенія Ковенской губерніи“ (изданіе Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Вильна 1909 года). Это весьма тщательно составленный экономическій сборникъ, наглядно иллюстрирующій распредѣленіе и экономическое положеніе русскаго крестьянскаго населенія губерніи. Перечню русскихъ поселеній предпосланъ составленный г. А. Станкевичемъ, однимъ изъ участниковъ экспедиціи для ознакомленія съ положеніемъ русскаго населенія, историческій очеркъ этой колонизаціи. Очеркъ поучителенъ и цифрами, и фактами, и выводами, наглядно свидѣтельствующими о томъ, какія препятствія должно было преодолѣть это новое для западной окраины Имперіи дѣло и какъ пагубно отразилось на немъ отсутствіе интеллигентной иниціативы и сознательнаго отношенія къ дѣлу со стороны мѣстной администраціи, располагавшей послѣ 1863—1864 гг. значительными средствами для того, чтобы прочно поставить дѣло колонизаціи. Для иллюстраціи этой печальной одиссеи русскаго переселенчества достаточно указать на одинъ фактъ. Ковенскій губернаторъ Николай Муравьевъ, сынъ усмирителя мятежа 1863 — 1864 гг., вмѣстѣ съ другимъ энергичнымъ дѣятелемъ, управляющимъ Ковенской казенной палатой Энгельгардтомъ положилъ основаніе наиболѣе многолюднымъ и устойчивымъ русскимъ поселеніямъ, на земляхъ выселенной изъ губерніи шляхты, принимавшей участіе въ возстаніи, и проектировалъ расширеніе этихъ крестьянскихъ поселковъ, для чего предназначалось имѣніе графа Чапскаго—Вижуны съ 17.000 десятинъ земли. Энергичный администраторъ встрѣтилъ оппозицію въ лицѣ своего отца, который нашелъ эту мѣру преждевременной. Въ тѣ же годы нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ преимущественно мировымъ посредникамъ было облегчено пріобрѣтеніе имѣній и значительныхъ земельныхъ участковъ на льготныхъ условіяхъ.

Конечно, дѣйствительность не оправдала эфемерныхъ административныхъ надеждъ на созданіе особаго культурнаго типа русскаго землевладѣльца. Крупныя и мелкія земельныя единицы, искусственно перешедшія въ руки людей, не имѣвшихъ ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ, такъ же легко были утрачены, ставъ предметомъ спекуляціи и разныхъ юридическихъ сдѣлокъ, облегчавшихъ переходъ ихъ къ прежнимъ вла-

дѣльцамъ. Подобные факты, проникшіе даже на страницы сатиры Салтыкова, ближе всего указываютъ, какъ неумѣло было поставлено дѣло, отъ котораго, можно сказать, зависѣла духовная физіономія этой отдаленной и въ общемъ малокультурной губерніи. Значительное большинство русскихъ поселенцевъ составляли старообрядцы, болѣе привыкшіе къ чужой сторонѣ, въ которой со временъ Екатерины II они искали религіозныхъ и общественныхъ льготъ. Они охотно откликнулись на призывъ мѣстной администраціи, которая не могла не оцѣнить установившейся за ними репутаціи хорошихъ колонистовъ. Но административная прямолинейность и отсутствіе выработанной программы привели къ печальнымъ послѣдствіямъ. Колонизація не только не расширялась, а даже шла на убыль. Такъ въ 1885 году, черезъ двадцать лѣтъ послѣ возстанія 1863—1864 гг., въ Ковенской губерніи 15% русскихъ переселенческихъ участковъ очутились въ рукахъ туземныхъ крестьянъ путемъ переуступокъ. Попытки нѣкоторыхъ генералъ-губернаторовъ, напримѣръ, Каханова, расширить область русскаго крестьянскаго землевладѣнія, по словамъ указанной выше статьи, „разсѣивались въ той чащѣ переписки, котсрую приходилось вести не только съ центральными, но и съ мѣстными управленіями государственныхъ имуществъ“ (стр. LIII). А между тѣмъ, дѣло шло объ обезпеченіи землей цѣлыхъ 500 старообрядческихъ семействъ въ Ковенской и 1.000 въ Виленской губерніи, въ общей сложности до 9.600 душъ.

Дѣятельность большинства генералъ-губернаторовъ (Альбединскій, Оржевскій, Троцкій) не дала рѣшительно никакихъ благопріятныхъ результатовъ, а управленіе генералъ-губернатора Потапова авторъ историческаго очерка признаетъ прямо вреднымъ для русской колонизаціи, находя, что онъ „за шесть лѣтъ управленія краемъ не только не довелъ это начинаніе до конца, но въ большей степени подорвалъ въ него вѣру какъ въ высшихъ учрежденіяхъ, такъ и въ средѣ мѣстныхъ дѣятелей“ (стр. XLVI). По свидѣтельству автора очерка, Потаповъ относился къ старообрядцамъ недружелюбно. Онъ предлагалъ [циркуляръ генералъ-губернатора отъ 26 іюня 1871 г. № 919] устраивать большіе поселки для православныхъ, а старообрядцевъ расселять мелкими единицами и подальше отъ крупныхъ поселеній. Любопытенъ другой историческій фактъ этой переселенческой одиссеи.

Въ 1875 году ковенскій губернаторъ Базилевскій предложилъ для устраненія крайней разбросанности поселенческихъ

поселковъ, отведенныхъ не по площадямъ, а отдѣльными мелкими оазисами въ 4—5 дворовъ, устраивать поселенія въ 100 дворовъ, пользуясь для этой цѣли частными имѣніями, продаваемыми за долги въ Виленскомъ банкѣ. Были и денежныя средства для осуществленія этой мѣры въ размѣрѣ 700.000 р. отъ продажи уже заготовленнаго земельнаго фонда. Проектъ этотъ дальше Вильны не пошелъ, да и тамъ не встрѣтилъ сочувствія генералъ-губернатора Альбединскаго, испугавшагося „сложности (!)" предпріятія. Авторъ очерка съ горечью замѣчаетъ, что „живое дѣло устройства русскихъ поселеній... свелось къ канцелярской волокитѣ", что администраторы предпочитали дѣйствовать по трафарету, не заботясь о судьбѣ поселенцевъ" (стр. XLV—XLVII).

Не останавливаясь на другихъ не менѣе интересныхъ фактахъ, ограничимся лишь приведеніемъ нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ по этому вопросу. Съ 1863 по 1900 годъ въ Ковенской губерніи было водворено 2.129 семействъ поселенцевъ, на 33.657 дес. казенной земли. Изъ прежнихъ поселенцевъ остались на мѣстахъ 1.536 семей, съ земельнымъ фондомъ почти въ 25.000 дес.; ушло съ отведенныхъ имъ надѣловъ около 600 семействъ; въ руки мѣстныхъ крестьянъ литовцевъ перешло 7.346 дес. переселенческой земли.

Даже въ 1907 году около четвертой части поселенцевъ (24,1% или 1.653 двора) не владѣли землей. Остальная часть поселенцевъ владѣла всего 39.520 дес. надѣльной земли. Послѣдняя распредѣлялась между 5.122 дворами, что даетъ въ среднемъ 7,71 дес. на отдѣльный дворъ.

Благопріобрѣтенной земли у поселенцевъ было 14.403 дес. и почти столько же арендуемой. Такимъ образомъ, общая площадь русскаго крестьянскаго землевладѣнія въ Ковенской губ. составляетъ немного болѣе 68.000 десятинъ. Это за сорокъ слишкомъ лѣтъ колонизаціонной политики!

По свидѣтельству автора очерка (стр. LXXI) Крестьянскій банкъ за послѣдніе годы (до 1909 г.) обезпечилъ землей 479 русскихъ поселенцевъ, изъ нихъ 271 старообрядца.

Въ униссонъ съ этими скудными цифрами звучатъ и заключительныя строки очерка, въ которыхъ сквозь малообоснованный оптимизмъ автора сквозитъ грустная нотка, „сознаніе невыполненнаго передъ этимъ населеніемъ долга". „Сѣмя русской народности, оптимистически возглашаетъ авторъ очерка, занесенное на окраину въ тяжелыя годины внутреннихъ бурь, дождалось наконецъ заботливаго ухода" (!) (стр. LXXII).

Этотъ оптимизмъ, однако, не находитъ себѣ опоры ни въ фактахъ почти полувѣкового прошлаго, о которомъ самъ авторъ знаетъ больше темныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ явленій, ни въ свидѣтельствѣ другихъ источниковъ, по которымъ и теперь русская народность представлена въ Ковенской губ. такъ же слабо и недостаточно великаго государства, какъ и полвѣка тому назадъ. Вѣра въ историческую Улиту, конечно, заслуживаетъ извѣстнаго сочувствія, хотя бы для той цѣли, о которой говоритъ авторъ очерка по поводу приводимыхъ имъ статистическихъ данныхъ, рисующихъ неприглядую картину русскаго переселенчества: „интересно освѣтить этими данными раскрытыя выше страницы прошедшаго" (стр. LXVII).

Бросимъ бѣглый взглядъ на факты историческаго прошлаго этихъ поселеній, опредѣляющіе исходную точку развитія этого дѣла.

До 1862 г. въ Ковенской губ. жило 13.000 старообрядцевъ, преимущественно въ восточныхъ ближайшихъ къ русскимъ губерніямъ уѣздахъ. Населеніе это жило чрезвычайно дробно; оно распредѣлялось между 730 пунктами, при чемъ въ половинѣ поселковъ (384) жило до 10 душъ, въ 106 отъ 20 до 50 душъ, въ 38 отъ 50 до 100, и въ 11 пунктахъ свыше ста душъ въ каждомъ.

Въ 1866—70 гг. было образовано 165 поселковъ, въ которыхъ жило 1.206 семействъ, владѣвшихъ площадью въ 18.738 дес. Средній размѣръ надѣловъ былъ 9—12 дес., каковые признаются авторомъ очерка скудными. Дробность поселковъ почти не уменьшилась. Это видно изъ того, что только въ шести изъ нихъ число дворовъ колебалось между 30 и 106. Значительное большинство (94) заключало не болѣе 5 дворовъ каждый, а 50 поселковъ отъ 5 до 15 дворовъ.

О бытовыхъ условіяхъ, въ которыхъ жили поселенцы, даютъ понятіе слѣдующія цифры: собственныя жилища изъ 1.370 семействъ были у 374; остальные должны были ютиться въ наемныхъ помѣщеніяхъ или въ старыхъ фермахъ. Помимо Базилевскаго, радѣтелемъ поселенцевъ является въ Ковенской губ. губернаторъ Оболенскій, предлагавшій цѣлый рядъ мѣръ для подъема экономическаго и духовнаго уровня этихъ русскихъ людей. Между прочимъ онъ предлагалъ освободить поселенцевъ на 10 лѣтъ отъ податей и на 25 лѣтъ отъ рекрутчины, но всѣ эти мѣры разбились о косность мѣстной казенной палаты, которая всячески тормозила дѣло надѣленія поселенцевъ землею и неослабно взыскивала недоимки, доводя иногда дѣло до разо-

рительныхъ военныхъ экзекуцій. (Очеркъ, стр. XXX). Конечно, старообрядцы страдали отъ этой неурядицы больше, чѣмъ православные, находившіе защиту въ лицѣ своихъ приходскихъ священниковъ и встрѣчавшіе покровительство со стороны мѣстной администраціи. Въ этомъ отношеніи важно отмѣтить дѣятельность чиновника особыхъ порученій при виленскомъ генералъ-губернаторѣ полковника П. М. Салтыкова, при которомъ, по выраженіи автора очерка, русское дѣло, правда, „шло не безъ ошибокъ, но тѣмъ живымъ темпомъ, который онъ умѣлъ въ него вносить“ (стр. XLV—VI). Но въ отношеніи старообрядцевъ Салтыковъ держался совершенно другихъ взглядовъ, считая ихъ малопригодными для русской колонизаціи. „Подъ впечатлѣніями высылки нѣсколькихъ порочныхъ изъ ихъ среды (преимущественно конокрадовъ) онъ забывалъ, что такія явленія, между прочимъ, обусловливались помимо неопредѣленности ихъ положенія и той борьбой за существованіе, которую они должны были вести болѣе ста лѣтъ на чужой сторонѣ. Земельное обезпеченіе сразу должно было понизить процентъ порочныхъ. Кромѣ того, на его оцѣнкѣ старообрядцевъ сказалась рекомендація мѣстнаго чиновничества, не переваривавшаго ихъ самостоятельнаго характера и отсутствія низкопоклонства. Эти мѣстныя отношенія очень интересно охарактеризованы въ запискѣ управляющаго Ковенскою казенною палатою Прокоповича, энергично отстаивавшаго передъ генералъ-губернаторомъ необходимость устроить въ земельномъ отношеніи старообрядцевъ (стр. XLVI, выноска 150).

Приведенныя выше строки весьма характерны для выясненія тѣхъ пріемовъ, къ какимъ прибѣгали представители мѣстной администраціи въ дѣлѣ укрѣпленія русской колонизаціи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Такихъ же взглядовъ держались и генералъ-губернаторы Муравьевъ, Потаповъ, Альбединскій и Тотлебенъ. Отъ нихъ старообрядцы не могли ожидать какого-либо улучшенія своей участи. Да и вообще усердіе преемниковъ Муравьева къ дѣлу переселенчества значительно ослабѣло. Объ этомъ можно судить уже потому, что въ теченіе десяти лѣтъ (1874—1883) было устроено въ земельномъ отношеніи только 525 русскихъ поселенческихъ семействъ, изъ нихъ 92 старообрядческихъ. Общее число душъ въ этихъ семействахъ достигало 2.260. При этомъ нужно замѣтить, что половина этихъ поселенцевъ были отставные или безсрочно отпускные нижніе чины, жандармы, бывшіе чиновники. Положеніе старообрядцевъ стало улучшаться лишь съ половины

восьмидесятыхъ годовъ, т.-е. съ наступленіемъ третьяго десятилѣтія переселенческой одиссеи. Старообрядцы нашли покровителей въ лицѣ генералъ-губернатора Каханова (1884—1893 г.) и ковенскаго губернатора Мельницкаго. Кахановъ обратилъ вниманіе на 9.600 старообрядцевъ, составлявшихъ свыше 1.500 семействъ, не обезпеченныхъ землей, такъ какъ они не подходили подъ дѣйствіе закона 1876 г. Эти благія начинанія разбились о косность не только центральныхъ, но и мѣстныхъ учрежденій. А между тѣмъ нужда въ землѣ у старообрядцевъ, можно сказать, была вопіющая. Въ одной Ковенской губ. около 1.700 душъ старообрядцевъ (850 семействъ) вовсе не владѣли землей, а 2.580 влачили жалкое существованіе арендаторовъ помѣщичьихъ земель.

При Кахановѣ былъ поставленъ на очередь вопросъ о мѣстной народной школѣ и улучшеніи ея матеріальнаго положенія. На содержаніе народныхъ школъ сталъ отчисляться извѣстный процентъ изъ земскихъ суммъ. Сотрудникомъ Каханова въ этомъ дѣлѣ явился Мельницкій, выработавшій рядъ мѣръ къ подъему русскаго землевладѣнія. Онъ въ своихъ докладахъ развивалъ цѣлую программу этого дѣла, осуществленіе которой могло положить прочное основаніе русскому переселенчеству въ краѣ. Доклады Мельницкаго обнаруживаютъ вообще ясное пониманіе мѣстныхъ условій. Такъ, онъ настаиваетъ на увеличеніи переселенческаго земельнаго фонда, усиленныхъ ссудахъ изъ Крестьянскаго Банка (до 1000 руб.), далѣе проекты Мельницкаго отводятъ народной школѣ то мѣсто, которое она должна была занимать, какъ наиболѣе вѣрное средство для духовнаго подъема поселенцевъ. Мельницкій предлагалъ весьма важную мѣру, которая была осуществлена значительно позже,—обезпеченіе матеріальной независимости народной школы отъ крестьянскихъ обществъ, за которыми часто скрывались мѣстные міроѣды-воротилы, волостные старшины и писаря. Эти дѣятели доставляли мѣстнымъ народнымъ учителямъ не мало горькихъ минутъ, и учебная администрація не всегда бывала въ силахъ защитить народнаго учителя отъ ихъ незаконныхъ посягательствъ, а равно и отъ придирокъ низшихъ представителей полицейской власти.

Мельницкій входилъ и въ детали школьной организаціи въ смыслѣ ея болѣе цѣлесообразнаго и приспособленнаго къ мѣстнымъ нуждамъ устройства. Онъ придавалъ большое значеніе вліянію духовенства и старообрядческихъ наставниковъ на подрастающее поколѣніе. По мысли Мельницкаго народная школа

Ковенской губерніи въ отношеніи русскаго населенія должна была осуществлять двоякую миссію: способствовать развитію племенного самосознанія путемъ проникновенія въ деревню русской книги и оказать благотворное вліяніе на слишкомъ обособленную старообрядческую семью въ смыслѣ сближенія ея съ православнымъ населеніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ придавалъ извѣстное значеніе совмѣстной просвѣтительной работѣ православнаго духовенства и старообрядческихъ наставниковъ. Завершеніемъ программы Мельницкаго являлось предоставленіе старообрядцамъ извѣстныхъ гражданскихъ правъ, которыя могли бы уравнять ихъ съ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ.

Взглядъ на значеніе старообрядчества въ дѣлѣ колонизаціи такимъ образомъ измѣнился и въ административныхъ сферахъ. Не лишено значенія, что и самъ генералъ-губернаторъ считалъ нужнымъ указывать на колонизаціонную цѣнность старообрядческаго элемента въ краѣ, сдѣлавъ его изъ терпимаго активнымъ и достойнымъ заботливости со стороны представителей власти.

Съ удаленіемъ Каханова окончился этотъ свѣтлый моментъ въ исторіи русскаго переселенчества, онъ смѣнился прежнею апатіей, даже еще въ большей степени. Генералъ-губернаторы Оржевскій и Троцкій не только не продолжали благихъ начинаній Каханова, но, можно сказать, убили ихъ въ корнѣ.

Неудивительно, что при такомъ положеніи дѣла русское крестьянское землевладѣніе въ двухъ окраинныхъ губерніяхъ Ковенской и Виленской не только не расширялось, но и шло на убыль. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ статистическія данныя хотя бы по Ковенской губерніи, приведенныя въ указанномъ очеркѣ. Въ теченіе 38 лѣтъ (отъ 1863 по 1900) площадь русскаго крестьянскаго землевладѣнія уменьшилась на 21,8% (изъ 33.657 десятинъ 7.346 перешли въ руки мѣстныхъ литовскихъ крестьянъ).

Бросающаяся въ глаза убыль того, надъ чѣмъ безуспѣшно трудились въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, пробудила высшія административныя сферы, и русское землевладѣніе наконецъ было признано вопросомъ государственнаго значенія, былъ ассигнованъ особый кредитъ въ 10 тысячъ рублей для ссудъ русскимъ поселенцамъ-крестьянамъ. Недостатокъ опытныхъ, а главное просвѣщенныхъ руководителей, людей иниціативы, далъ себя знать и здѣсь, какъ нежелательный тормозъ живого дѣла. Не удались попытки водворенія русскихъ поселенцевъ въ Тельшевскомъ уѣздѣ (имѣнье Посвайчи); болѣе удачной оказа-

лась покупка Крестьянскимъ Банкомъ имѣнія Датново, площадью въ 2.800 дес.

Въ ближайшее къ намъ время (1907 г.) площадь русской крестьянской земли равнялась 68.245 дес., въ томъ числѣ 14.322 дес. арендуемой земли. Что касается величины земельныхъ участковъ, то нужно замѣтить, что около 60% домохозяевъ владѣетъ участками менѣе 15 дес., что не обезпечиваетъ въ Ковенской губерніи содержанія средней семьи, а пятая часть домохозяевъ является малоземельною (менѣе 5 дес. на семью). Таковы результаты этой продолжительной переселенческой россіады. Нельзя не видѣть въ нихъ повторенія того безпорядка, которымъ отличается организація многихъ общественныхъ дѣлъ. Оно обнаруживается между прочимъ въ неопредѣленности самаго хода дѣла, противорѣчивыхъ, исключающихъ другъ друга теченіяхъ, скудости средствъ, отсутствіи идейной организаціи. Къ тому же выводу приводятъ и заключительныя слова цитированнаго нами очерка. Авторъ не можетъ скрыть неблагопріятныхъ условій развитія переселенческаго вопроса и заканчиваетъ свой очеркъ скорѣе красивымъ, чѣмъ обоснованнымъ утвержденіемъ о значеніи мѣстнаго русскаго крестьянскаго элемента (ср. стр. LXXI и LXXII).

Въ другомъ мѣстѣ[1]) намъ приходилось болѣе детально касаться отдѣльныхъ сторонъ этого переселенческаго вопроса въ связи съ дѣятельностью духовенства Ковенской губерніи. Сравнивая матеріалъ, даваемый статистическимъ очеркомъ, съ тѣмъ, что давала сама жизнь, разсматриваемая не черезъ призму сухихъ казенныхъ актовъ, а въ отраженіи ея насущныхъ интересовъ, въ борьбѣ за существованіе небольшихъ, слабо обезпеченныхъ группъ, нельзя не придти къ грустному выводу, что далеко еще то время, когда во главѣ колонизаціоннаго движенія въ Западномъ краѣ станутъ люди идеи, бодрой общественной иниціативы, проникнутые сознаніемъ ея важности не только какъ административнаго явленія, но и какъ фактора общественной жизни.

II.

На этомъ тускломъ фонѣ тяжелой и обидной для русскаго дѣйствительности протекаетъ жизнь старообрядцевъ, небогатая радостями, скорѣе неприглядная, но заключающая въ себѣ тѣ

---

[1]) „Русская Старина" 1911 г. іюль, ст. „Одинъ изъ людей Іосифа Сѣмашко".

же начала, которыя дали старообрядчеству возможность сохранить единство и свои племенныя индивидуальныя особенности и безъ утратъ дожить до тѣхъ временъ, когда пали тяжелыя вѣковыя цѣпи, давившія живыя силы представителей русскаго до-петровскаго уклада. Разсѣянное въ семи окраинныхъ губерніяхъ старообрядчество, по выраженію одного изъ его оффиціальныхъ актовъ, можетъ гордиться не только тѣмъ, что оно представляетъ наиболѣе стойкую этнографическую единицу, но и тѣмъ, что оно является виднымъ представителемъ русскаго элемента въ экономической жизни края. Въ этомъ отношеніи оно, дѣйствительно, составляетъ ядро русскаго населенія.

Нашъ очеркъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ распространенію старообрядческаго населенія въ Ковенской губ. Нужно замѣтить, что кромѣ небольшого слоя польскихъ, вѣрнѣе ополяченныхъ литовцевъ-помѣщиковъ, населеніе губерніи въ массѣ составляютъ литовцы (восточная часть) и жмудины (сѣверо-восточная часть губерніи), а также евреи, составляющіе значительную часть населенія уѣздныхъ городовъ и мѣстечекъ.

Русское населеніе представлено служилыхъ классомъ и такъ называемыми поселенцами. Послѣднихъ насчитывается до 42 тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ 30.870 старообрядцевъ. Такимъ образомъ $^3/_4$ русскаго населенія составляютъ старообрядцы. Наибольшее число ихъ приходится на Ново-Александровскій, самый восточный, прилегающій къ Витебской губерніи, уѣздъ, именно свыше 18 тысячъ. Затѣмъ слѣдуютъ уѣзды (южные) Ковенскій—5.000 чел., Вилкомирскій—до 4.000, (средніе сѣверные) Шавельскій—2.000, Поневѣжскій—800 и (западные) Россіенскій—до 700 чел. и Тельшевскій—135 чел.

При взглядѣ на карту, приложенную къ статистическому очерку, обращаетъ вниманіе распредѣленіе старообрядческаго населенія по уѣздамъ Ковенской губ. въ смыслѣ его группировки.

Ядромъ старообрядческаго населенія явится Ново-Александровскій уѣздъ. Здѣсь его поселенія густой сѣтью покрываютъ восточную часть уѣзда, ихъ болѣе сотни. Въ этомъ же уѣздѣ сосредоточено наибольшее число молитвенныхъ домовъ (22), между прочимъ въ городѣ Ново-Александровскѣ и въ заштатномъ городѣ Видзахъ.

Въ Ковенскомъ уѣздѣ старообрядцы живутъ въ южномъ его углу между г. Ковно и мѣстечкомъ Яново (станція Либ.-Ром. ж. д.). Здѣсь расположено 30 поселеній съ тремя молитвенными домами (одинъ въ г. Ковно). Эти старообрядческія гнѣзда переходятъ на сѣверный берегъ Виліи въ единичныя разсѣянныя

на значительномъ пространствѣ поселенія (ближайшая моленная находится въ Никольской слободѣ). Наиболѣе сѣверными изъ этихъ поселеній являются Константиновская слобода и Новошаткайна. Живутъ старообрядцы и въ большомъ мѣстечкѣ Кейданахъ, но мѣстной моленной не имѣютъ.

Поселенія старообрядцевъ въ Вилкомирскомъ уѣздѣ сосредоточены въ его восточной и южной части и двумя небольшими гнѣздами въ сѣверной, около мѣстечка Рогова и къ юго-западу отъ мѣстечка Субогъ, неподалеку отъ православнаго Сурдегскаго монастыря. Старообрядцы располагаютъ въ этомъ уѣздѣ 6 моленными, изъ нихъ одна въ г. Вилкомирѣ.

Сѣверный центральный Шавельскій заключаетъ ряды старообрядческихъ поселеній, расположенныхъ преимущественно въ южной его части, къ югу отъ мѣстечка Радзивилишки, довольно оживленной станціи Либаво-Роменской желѣзной дороги; въ западной части, ближе къ Тельшевскому уѣзду, а также въ сѣверной расположены небольшія старообрядческія поселенія. Въ уѣздѣ пять моленныхъ, но въ г. Шавляхъ таковой не имѣется.

Въ Поневѣжескомъ уѣздѣ старообрядческое населеніе живетъ въ его южной и восточной части, ближе къ узкоколейной Свенцянской жел. дорогѣ. Есть моленная въ г. Поневѣжѣ и еще въ одномъ пунктѣ.

Немногочисленныя (числомъ 10) поселенія старообрядцевъ въ Россіенскомъ уѣздѣ расположены въ его сѣверо-восточной части, образующей вдающійся въ сосѣдніе два уѣзда, Шавельскій и Ковенскій, клинъ. На весь уѣздъ имѣется только одна моленная въ поселеніи Каханишкахъ, недалеко отъ мѣстечка Кельмъ. Есть еще два поселенія къ юго-западу отъ города Россіенъ, а три поселенія вдвигаются въ глубь Жмуди въ сѣверозападной части уѣзда ближе къ мѣстечку Колтынянамъ.

Въ самомъ глухомъ сѣверо-западномъ уѣздѣ губерніи Тельшевскомъ немночисленныя старообрядческія поселенія (всего семь) расположены въ сѣверной части уѣзда, ближе къ Курляндской губерніи, и одно (Гайнишки) въ средней, ближе къ г. Тельшамъ; моленныхъ на картѣ не указано.

Что касается количественнаго распредѣленія старообрядцевъ, то наглядное понятіе объ этомъ даютъ нижеслѣдующія цифры.

Ново-Александровскій уѣздъ. Наиболѣе крупнымъ старообрядческимъ поселеніемъ является г. Ново-Александровскъ и

Новая-Весь (по 400 чел. въ каждомъ), Миланцы 250 чел. и Шпули 225 чел. Въ 25 пунктахъ, обитаемыхъ старообрядцами, число ихъ колеблется между 200 (8 поселеній) и 100.

Ковенскій уѣздъ г. Ковна по числу старообрядческаго населенія (до 750 чел.) занимаетъ первое мѣсто въ губерніи; изъ остальныхъ поселеній наиболѣе многолюдными является Никольская слобода (до 600 чел.), Рымки (430 чел.), Михайловская слобода (около 350 чел.) и Паскутишки (250 чел.); въ четырехъ поселеніяхъ число старообрядцевъ колеблется между 225 и 120 чел.

Вилкомирскій уѣздъ. Наиболѣе населеннымъ мѣстомъ являются Миланцы (около 300 чел.), затѣмъ слѣдуютъ городъ Вилкомиръ (250 чел.) и мѣстечко Рогово (220 чел.); въ остальныхъ семи поселеніяхъ число старообрядцевъ колеблется между 150 и 100.

Шавельскій уѣздъ. Наиболѣе крупныя поселенія Дубяны-Увессы (около 300 чел.—есть моленная), Вегеры —около 200 чел. и Клинетъ около 150 чел.; въ четырехъ поселеніяхъ число старообрядцевъ не превышаетъ ста душъ въ каждомъ.

Поневѣжскій уѣзды. Поневѣжъ 150 чел., Комиссаровка, Дарганы и Сапино по 135 чел.

Россіенскій уѣзды. Наиболѣе населенные пункты Коханишки (130 чел.) и Слижишки (120 чел.).

Обращаетъ вниманіе немногочисленность, граничащая съ отсутствіемъ, старообрядческаго населенія въ уѣздныхъ городахъ Шавли, Россіены и Тельши.

Малочисленно, единично представлено старообрядческое населеніе въ значительномъ числѣ, даже большинствѣ наиболѣе торговыхъ бойкихъ мѣстечекъ, каковы: Кретингенъ (Тельшевскаго уѣзда), Кельмъ, Юрбургъ, Таурогенъ (Россіенскаго), Яново (Ковенскаго), Онинпшты (Вилкомирскаго), Биржи, Поненушки, Ракишки (Поневѣжскаго), Радзивилишки, Попеляны, Жагоры, Янишки (Шавельскаго). Старообрядцы или не живутъ въ нихъ совсѣмъ или же составляютъ ничтожный процентъ, такъ напр. въ Попелянахъ ихъ всего 10 человѣкъ.

Вообще районъ старообрядческаго населенія расположенъ къ сѣверу и востоку отъ Нѣмана по р. Дубиссѣ, Свентѣ до озеръ Ново-Александровскаго уѣзда. Поселенія расположены преимущественно въ юго-восточной и восточной части губерніи и въ центральномъ сѣверномъ Шавельскомъ уѣздѣ.

III.

Старообрядцы, поставленные въ отношеніи распредѣленія среди туземнаго населенія Ковенской губерніи въ условія, болѣе благопріятныя, чѣмъ русскіе поселенцы, православнаго исповѣданія, обнаруживаютъ и большую устойчивость въ сохраненіи своего племенного типа, языка, вѣроисповѣданія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и ничтожное число единовѣрцевъ. Къ туземцу умный и смѣтливый старообрядецъ относится дружелюбно, но не безъ оттѣнка сознанія своего превосходства. Прочность религіозной организаціи, вліяніе наставниковъ, ревниво охраняющихъ отеческія традиціи, сплоченность при патріархальномъ складѣ воззрѣній—все помогаетъ старообрядцу удержаться въ своей прочной первобытной ячейкѣ, не выходить за предѣлы этой замкнутой кружковщины. Малое распространеніе грамотности, отсутствіе своихъ школъ — все создаетъ почву для сохраненія старины. Вредъ этой замкнутости сознаютъ болѣе развитые старообрядцы, какъ это видно изъ постановленій бывшаго въ январѣ 1906 года въ Вильнѣ старообрядческаго съѣзда. Изъ мелкихъ ячеекъ сплотиться въ одно органическое цѣлое является настоятельною потребностью для старообрядчества въ виду новыхъ условій жизни, настоятельно зовущихъ на новые пути. Pia desideria этой сплоченности намѣчались въ Петербургѣ въ февралѣ 1906 года среди депутатовъ отъ разныхъ вѣтвей старообрядчества (петербургскихъ, московскихъ, нижегородскихъ и сѣверо-западныхъ).

Виленскій съѣздъ, съ постановленіями котораго можно познакомиться изъ его трудовъ, во многомъ уясняетъ положеніе современнаго старообрядчества, ядромъ котораго является Ковенская губернія, а центромъ г. Вильна. На немъ, дѣйствительно, была сдѣлана попытка поставить вопросы „большого значенія“, по выраженію одного изъ участниковъ съѣзда. На немъ была высказана мысль, что старообрядцы „призваны къ свободному и наравнѣ съ прочими народностями нашего отечества равноправному существованію“, была указана цѣль съѣзда „положить фундаментъ для самобытности, самоуправленія и единенія старообрядческихъ общинъ“. Однимъ изъ средствъ этого единенія являются, при настоящемъ положеніи старообрядчества, религіозные вопросы, которые по этому самому играли видную роль на съѣздѣ. Главное вниманіе было обращено на развитіе сознательнаго отношенія къ вопросамъ вѣры и нравственности, для чего является необходимымъ подъемъ

умственнаго уровня наставниковъ. Выражено было пожеланіе, чтобы наставники получали основательную профессіональную подготовку въ училищѣ при мѣстномъ Покровскомъ храмѣ. Докладъ виленскаго старообрядца О. М. Андреева, одного изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей съѣзда, говоритъ объ организаціи старообрядческихъ народныхъ школъ и о преподаваніи въ нихъ Закона Божія. Въ уставѣ Виленскаго Свято-Покровскаго старообрядческаго братства указаны эти живыя теченія, которыя не сегодня—завтра коснутся и замкнутаго старообрядческаго мірка. Цѣли братства, помимо поддержанія церковнаго благолѣпія, заключаются въ изданіи для народа книгъ, устройствѣ школъ, въ частности ремесленныхъ, собесѣдованій, домовъ призрѣнія. Сознавая недостаточность мѣстныхъ средствъ (ст. 14), съѣздъ считаетъ нужнымъ прибѣгнуть къ помощи подписныхъ листовъ, которые разсылаются „по молитвеннымъ храмамъ въ Россійской Имперіи".

Конечно, эти цѣли выдвинуты самою жизнью. Отрадно, что среди лучшихъ людей мѣстнаго старообрядчества пробуждается мысль о реорганизаціи быта сообразно нарождающимся духовнымъ и культурнымъ потребностямъ. На съѣздѣ поднимался вопросъ объ устройствѣ собственной старообрядческой типографіи, въ которой печатались бы не только священныя и богослужебныя книги, но и „гражданскія произведенія"; остановилъ съѣздъ недостатокъ денежныхъ средствъ для оборудованія типографіи. Въ докладахъ того же О. М. Андреева проводится мысль о необходимости не только мѣстнаго, но и общерусскаго объединенія старообрядчества. Въ качествѣ подготовительныхъ мѣръ Андреевъ предложилъ поддерживать переписку съ наиболѣе видными представителями старообрядчества въ разныхъ губерніяхъ, пріобрѣтать сочиненія о старообрядчествѣ, выписывать мѣстныя газеты и т. п. О библіотекахъ постановленія съѣзда не говорили ничего, вѣроятно, до этого еще не додумались.

Эти разрозненныя части еще не готовой зарождающейся программы при своей примитивности и наивной воспріимчивости цѣнны въ томъ отношеніи, что онѣ говорятъ о близости реформъ въ старообрядчествѣ. Въ пользу этого говоритъ и довольно значительный ростъ старообрядческой индустріи. Въ одномъ изъ оффиціальныхъ актовъ сѣверо-западные старообрядцы указываютъ на то, что нѣкоторыя отрасли торговли перешли въ ихъ руки, а въ другихъ онѣ успѣшно конкуррируютъ съ мѣстнымъ еврействомъ.

IV.

Въ тщетныхъ попыткахъ пробить вѣковую толщу старыхъ пережитковъ, тормозящихъ приливъ новыхъ, близкихъ къ жизни понятій, лучшіе люди сѣверо-западнаго старообрядчества встрѣчаютъ не мало препятствій. Главное изъ нихъ — отсутствіе правильно организованной, приспособленной къ нуждамъ старообрядчества школы. Не имѣя подъ руками статистическихъ данныхъ, трудно судить о числѣ обучающихся въ народныхъ школахъ старообрядческихъ дѣтей, но во всякомъ случаѣ оно незначительно. Старообрядецъ естественно будетъ сторониться той школы, которая отрываетъ его дѣтей отъ стариннаго уклада жизни, прививаетъ нежелательныя новшества молодому поколѣнію. Уваженіе къ староотеческимъ преданіямъ еще сильно въ старообрядцѣ, и онъ крѣпко держится за нихъ, инстинктивно чувствуетъ, что при настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни они единственная основа его быта, лучшій союзникъ въ нелегкой жизненной борьбѣ, требующей, помимо напряженія силъ, внутренней сплоченности, полной солидарности ближайшихъ поколѣній. Нашу школу упрекаютъ и не безъ основанія въ излишней многопредметности, теоретичности и оторванности отъ жизни. Она мало даетъ для развитія характера, воли, разумной трудоспособности. Всего этого не можетъ не замѣчать проницательный взоръ простого, смѣтливаго человѣка. Но этотъ же человѣкъ приходитъ къ выводу о необходимости ученья. Постановка и организація наиболѣе цѣлесообразной школы дѣло сложное, и ни простое, ни именитое мѣстное старообрядчество не могутъ взять ея въ свои руки. Инородческая начальная школа не лишена поддержки правительства; на то же въ правѣ разсчитывать старообрядцы. Для нихъ важенъ вопросъ о профессіональныхъ школахъ, какъ наиболѣе полезныхъ въ смыслѣ подъема экономическаго благосостоянія.

Старообрядческая молодежь теперь еще очень далека отъ русской книги, и потому ученіе въ школахъ общаго типа для нея малопроизводительно (число старообрядцевъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ничтожно). Профессіональное образованіе дало бы ей вѣрный кусокъ хлѣба, способствуя въ то же время и посильному умственному подъему. При слабомъ развитіи въ Сѣверо-Западномъ краѣ кустарнаго производства, профессіональныя школы, особенно женскія, могли бы сослужить хорошую службу организаціи этого дѣла. Въ связи съ указаннымъ

выше уменьшеніемъ русскаго крестьянскаго землевладѣнія распространеніе образованія явилось бы средствомъ удержать на мѣстахъ болѣе живучіе элементы крестьянства, давъ имъ въ качествѣ подспорья ремесло.

Старообрядческій съѣздъ 1906 г. отвелъ мѣсто въ своихъ дебатахъ и вопросу о средствахъ борьбы съ уменьшеніемъ русскаго крестьянскаго землевладѣнія. При этомъ было обращено вниманіе на исконное зло въ организаціи русскаго земельнаго дѣла—крайнюю дробность и разъединенность поселеній. Строки, посвященныя этому вопросу, весьма убѣдительно иллюстрируютъ положеніе дѣла. Приводимъ ихъ.

„Селенія нѣкоторыхъ изъ насъ разбросаны иногда отдѣльными хуторами среди сплошного инородческаго населенія. До послѣдняго времени существованіе въ такихъ поселкахъ русскихъ людей было хотя затруднительное, но въ общемъ сносное. Теперь все измѣнилось. Національное сознаніе у инородцевъ растетъ непомѣрно; изо всѣхъ силъ раздувается страшная гордость, желаніе обосноваться и выдѣлиться въ особую группу... Положеніе отдѣльныхъ русскихъ семействъ среди сплошного инородческаго населенія стало чрезвычайно тяжелымъ. Правительство оказало бы такимъ русскимъ людямъ неоцѣнимую услугу, переселивъ и соединивъ ихъ черезъ посредство Крестьянскаго поземельнаго банка въ болѣе многочисленныя группы. Прежнія земли такихъ русскихъ поселенцевъ [1]) и старообрядцевъ могутъ быть съ выгодой проданы Крестьянскимъ банкомъ крестьянамъ-литовцамъ или полякамъ, почему значительныхъ убытковъ казна не потерпитъ, а русскіе люди избавятся отъ опасности потерять свою національность“.

Выступленіе въ 1905—6 г. литовцевъ и латышей, понятно, не могло не напугать мирное и разъединенное русское населеніе, но и помимо этого временнаго движенія, положеніе поселенцевъ должно было ухудшиться, когда прошли прежнія патріархальныя времена мирнаго симбіоза. Старообрядцы, какъ болѣе сознательный элементъ переселенчества, опасаются утраты національности, которая по мѣстамъ постигла въ Ковенской губ. русское населеніе.

Характерно и слѣдующее мѣсто изъ трудовъ съѣзда, указывающее на средство выйти изъ ненормальнаго положенія.

„Лучшимъ способомъ къ устройству быта мѣстныхъ русскихъ людей въ Сѣверо-Западномъ краѣ было бы надѣленіе ихъ

[1]) Разумѣются православные поселенцы.

изъ свободныхъ казенныхъ земель на правахъ русскихъ поселенцевъ... Вопреки заключенію Виленско-Ковенскаго управленія государственными имуществами о невозможности отчужденія въ краѣ казенныхъ земель, мы утверждаемъ, что, напримѣръ, въ Ковенской губерніи имѣются въ числѣ казенныхъ земель незначительныя лѣсныя дачи, пространствомъ въ 40 десятинъ, которыя безъ особаго ущерба могутъ быть предоставлены въ надѣлъ нашимъ единовѣрцамъ, такъ какъ расходы по охранѣ такихъ дачъ не соотвѣтствуютъ ихъ доходности. Съ глубокою печалью мы узнали, что управляющимъ вновь открытымъ Ковенскимъ отдѣленіемъ государственнаго поземельнаго крестьянскаго банка рекомендовано пріостановиться покупкою частновладѣльческихъ земель за счетъ банка для водворенія русскихъ поселенцевъ... Поэтому такое направленіе Ковенскаго отдѣленія крестьянскаго банка будетъ грозить нашимъ интересамъ, ставя русское поселеніе въ особо неблагопріятныя условія"...

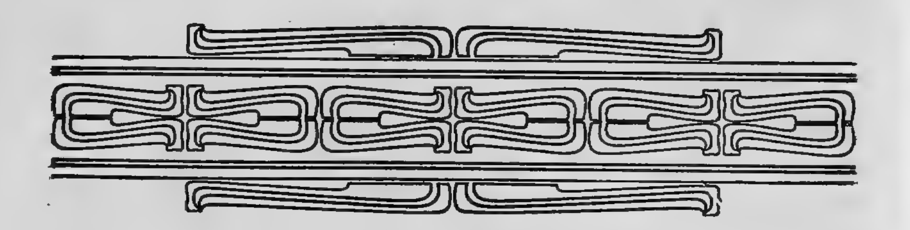
Еще тяжелѣе положеніе немногочисленной группы старообрядцевъ въ Курляндской губерніи. Делегаты отъ Курляндіи указывали на постепенное уменьшеніе старообрядческаго крестьянскаго земледѣлія. „Чтобы избѣгнуть окончательнаго выселенія русскаго населенія изъ края, заявляли они, необходимо надѣлить его землею изъ многочисленныхъ въ Курлянцской губерніи казенныхъ земель большими обществами, не разбрасывая отдѣльными семействами среди инородцевъ".

Принимая во вниманіе многочисленность съѣзда, въ которомъ участвовало 74 наставника и свыше 300 свѣтскихъ делегатовъ, слѣдуетъ признать, что вышеизложенныя положенія имѣютъ общій характеръ, выражающій настоящее положеніе западно-русскаго старообрядчества.

Передъ нами прошли наиболѣе типичныя явленія мѣстной крестьянской россіады. Въ нихъ очень мало утѣшительнаго, и они настойчиво указываютъ на необходимость коренной реорганизаціи этого дѣла. Конечно, послѣдняя возможна лишь въ отдаленномъ будущемъ. Западный край съ его малой культурностью, разъединенной жизнью, ждетъ еще своихъ Словцовыхъ, Ядринцевыхъ и Сибиряковыхъ для ускоренія общаго темпа жизни, своихъ Милютиныхъ, Самариныхъ и Черкасскихъ для обезпеченія экономическаго и духовнаго благосостоянія народныхъ массъ.

Адр. Круковскій.

Забытое дѣло.

Предисловіе.

Авторъ этой статьи, отставной капитанъ артиллеріи Алексѣй Николаевичъ *Люповъ*, принадлежалъ къ числу славныхъ участниковъ обороны Портъ-Артура, гдѣ положилъ почти всѣ свои силы и здоровье. Въ 1900 г., во время боксерскаго движенія, Ал. Ник. въ чинѣ поручика укрѣплялъ цзинъ-чжоусскую позицію, прикрывавшую Портъ-Артуръ съ сѣвера. Въ томъ же году А. Н. за удачную бомбардировку совмѣстно съ батареями иностранныхъ державъ китайской крѣпости Бейтанъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени, а президентъ Французской республики наградилъ его—офицерскимъ крестомъ. Послѣ паденія Портъ-Артура А. Н. пошелъ добровольно въ плѣнъ, чтобы раздѣлить участь своихъ солдатъ. Въ февралѣ 1907 г. А. Н. вышелъ въ отставку, а 25 сентября 1911 г. въ Жигулевскихъ горахъ, на берегу Волги, у села Ермакова, въ предѣлахъ Симбирской губ., Люповъ былъ звѣрски убитъ съ цѣлью грабежа. Въ изданной братомъ покойнаго, полк. С. Н. Люповымъ, книгѣ—„Судьба Портъ-Артурца“ (М. 1913 г.) мы находимъ весьма цѣнныя иллюстраціи къ судьбѣ покойнаго А. Н. Предлагаемая вниманію читателей „Р. Стар.“ статья „Забытое дѣло“ была передана покойнымъ мнѣ въ 1909 г. для помѣщенія въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ.

И. С. Симоновъ.

Наши осадныя батареи подъ крѣпостью Бейтаномъ. 7-е сентября 1900 г.

(Изъ воспоминаній очевидца).

Китайская крѣпость Бейтанъ, расположенная при впаденіи рѣки Бейтанъ-Хе въ Печилійскій заливъ, въ 9 верстахъ отъ устья рѣки Пейхо, имѣла значеніе заслона для прикрытія фланга крѣпости Таку. Она занимала единственное удобное для высадки десантовъ мѣсто, съ захватомъ котораго непріятелю было легко обойти Таку, съ лѣваго ея фланга и открыть себѣ путь на Пекинъ. Пять береговыхъ фортовъ-батарей было расположено вдоль берега моря—два съ правой стороны р. Бейтанъ-Хе и три—съ лѣвой; съ сухопутнаго фронта было нѣсколько импаней, изъ коихъ лишь въ одной былъ складъ боевыхъ припасовъ и пироксилина. Другія, повидимому, были давно уже брошены.

Мѣстность сзади фортовъ представляла изъ себя ровную степь, какъ безбрежное море, уходящее вдаль, къ горизонту. Въ южной Россіи можно видѣть такую же мѣстность. Всюду видны могильные курганы, разбросанные въ огромномъ пространствѣ—не два и не три поколѣнія улеглось тутъ. Растительности кругомъ никакой. Кое-гдѣ попадаются только зеленыя пятна жалкой травы, продуктъ солончаковой почвы. Длинной ниткой пересѣкаетъ эту пустыню желѣзнодорожная насыпь, теряющаяся на ея сѣромъ фонѣ.

Пока наши войска дѣйствовали подъ Тяньцзиномъ и Пекиномъ, китайцы рѣшили подготовить по крайней мѣрѣ впереди лежащую мѣстность для воспрепятствованія штурму. Цѣлыхъ три мѣсяца шли у нихъ усиленныя работы по минированію дорогъ, насыпей, холмиковъ—гальваническими минами и простыми фугасами. Желѣзнодорожный путь Тонгку-Лутай былъ испорченъ, рельсы выворочены, шпалы сожжены или унесены, въ отлогости насыпей заложены фугасы, шоссейныя дороги кромѣ того и перекопаны канавами, даже могильные холмы, гдѣ покоятся кости предковъ, отчасти не избѣжали общей участи.

Станція желѣзной дороги и будки были разрушены, но путь на Тонгку уцѣлѣлъ и поѣзда могли ходить верстъ на 8—9, къ сторонѣ Бейтана.

Наши пикеты охраняли линію, и китайцы не нападали на нихъ. Главный китайскій караулъ стоялъ у разрушенной стан-

ціи „Бейтанъ“, и наши солдаты ежедневно видѣли синія фигуры китайскихъ часовыхъ.

Такъ тянулось время до 5 сентября. Бейтанъ рѣшено было взять—для каковой цѣли понадобился осадный паркъ.

На Печилійскомъ театрѣ уже былъ сосредоточенъ небольшой паркъ, выдѣленный изъ состава Квантунской крѣпостной артиллеріи. Еще 4-го августа прибыла изъ Портъ-Артура батарея въ 6 дм. въ 120 пуд. осадныхъ пушекъ, мортирная же батарея, изъ шести 6 дм. полевыхъ мортиръ, находилась въ составѣ Печилійскаго отряда, еще съ іюля мѣсяца. Батарея эта, возвратясь въ Тонгку послѣ труднаго похода на Пекинъ, 15-го августа соединилась съ 6 дм. пушечной батареей, составивъ такимъ образомъ осадный паркъ, бывшій подъ общимъ начальствомъ подполковника Квант. крѣп. ар—іи Тохателова, незадолго передъ тѣмъ вернувшагося изъ Пекинскаго похода.

Помимо этихъ батарей, начальнику осаднаго парка было предписано сформировать двѣ батареи изъ взятыхъ у китайцевъ въ Тяньцзинѣ 87 мм. пушекъ осаднаго типа, для участія въ предполагаемой бомбардировкѣ Бейтана. На него же была возложена организація вооружительныхъ работъ по осадѣ этой крѣпости.

Дружно принялся осадный паркъ за выполненіе всѣхъ указанныхъ работъ: люди работали въ арсеналахъ и импаняхъ Тяньцзиня.

Боевой комплектъ и вся 2-я батарея 87 мм. пушекъ была добыта цѣликомъ изъ арсенала Сику.

Въ этомъ арсеналѣ все было перепутано, перемѣшано... Грудой валялись самые разнообразные типы снарядовъ, ружей, аммуниціи, орудій, изъ которыхъ многія были еще забиты въ ящики по доставкѣ изъ европейскихъ заводовъ.

Комплекты приходилось сортировать, подбирать хотя бы по наружному виду, такъ какъ у китайцевъ, какъ это потомъ было замѣчено и въ Бейтанѣ, совершенно отсутствовала какая бы то ни была система при храненіи имущества.

Весь составъ осаднаго парка вынесъ на своихъ плечахъ поистинѣ тяжелый трудъ по сортировкѣ и перевозкѣ въ Тонгку артиллерійскихъ запасовъ Тяньцзинскихъ арсеналовъ. Цѣлыми днями работали партіи, гдѣ на переноскѣ боевыхъ комплектовъ, гдѣ на перевозкѣ и сборкѣ орудій, неизвѣстныхъ калибровъ и образцовъ, и то, что впослѣдствіи доставлено было въ Портъ-Артуръ, служило нагляднымъ указаніемъ понесенныхъ трудовъ Всѣ срочныя работы были закончены къ 29 августа. Приведен-

ныя въ полную боевую готовность восемь 87 мм. осадныхъ китайскихъ пушекъ были доставлены въ Тонгку, для предполагаемой бомбардировки Бейтана.

Начальникъ осаднаго парка сформировалъ изъ нихъ 2 батареи, составъ которыхъ вышелъ таковъ: въ каждой батареѣ—орудій 4, передковъ 4, унитарныхъ патроновъ 800, нижнихъ чиновъ 24 номера.

Утромъ, 5-го сентября, Начальникомъ отряда по осадѣ крѣпости Бейтана, генераломъ-лейтенантомъ Штакельбергомъ, со всѣми командирами частей и съ своимъ штабомъ были окончательно обрекогносцированы подступы къ крѣпости. Мѣста осадныхъ батарей были выбраны подполковникомъ Тохателовымъ, совмѣстно съ подполковникомъ Келлеромъ и командирами батарей и тотчасъ же разбиты и протрасированы.

Для батареи 6 дм. пушекъ было выбрано совершенно ровное мѣсто саженяхъ въ 50 отъ полотна жел. дороги и саженяхъ въ 2.000 отъ ближайшаго южнаго форта (фортъ № 1). Для обѣихъ батарей 87 мм. пушекъ было выбрано китайское кладбище, въ $1^1/_2$ верстахъ сѣвернѣе батареи 6 дм. пушекъ, саженяхъ въ 20-ти отъ полотна жел. дороги и саженяхъ въ 1.500 отъ того же форта. Всѣ три батареи очень хорошо маскировались насыпью желѣзной дороги.

Мортирная батарея, подъ командой капитана Блахина, должна была дѣйствовать въ лѣвой колоннѣ ген.-лейт. Церпицкаго, вмѣстѣ съ полевыми батареями. Остальными 3-мя батареями командовали: батареей 6 дм. пушекъ Квантунской крѣпостной артиллеріи поручикъ Смирновъ, батареей № 1, 87 мм. пушекъ той же артиллеріи поручикъ Люповъ и, батареей № 2—87 мм. пушекъ поручикъ Бабенко. Кромѣ того, состоявшій при паркѣ техническій мастеръ Антоновъ исполнялъ обязанности командира взвода 6 дм. батареи, въ виду недостатка офицеровъ.

Наличный составъ всѣхъ четырехъ батарей осаднаго парка ко дню бомбардировки крѣпости былъ слѣдующій:

Штабъ-офицеровъ	1	Бомбард. лабор.	1
Оберъ-офицеровъ	4	Бомбардировъ	18
Фельдфебелей	1	Трубачей	2
Старшихъ фейерв.	5	Канонировъ	150
Младшихъ „	11	Писарей ротн.	1
Бомбардировъ-наводч. . . .	8	Фельдшеровъ ротн. . . .	1

Итого . . 5 офицеровъ и 198 нижн. чиновъ.

По выработанной диспозиціи предполагалось въ ночь съ 5-го на 6-е сентября построить всѣ три осадныя батареи и настлать платформы для батарей 6 дм. пушекъ и для батарей № 1—87 мм. пушекъ; батарея же № 2, такихъ же пушекъ, должна была дѣйствовать безъ платформъ за неимѣніемъ ихъ.

Въ ночь съ 6-го на 7-е сентября предполагалось доставить на позицію осадныя орудія, поставить ихъ на вооруженія и, къ разсвѣту 7-го сентября, быть готовыми къ открытію огня. Къ тому же времени должна была подойти къ крѣпости, съ запада, колонна генерала Церпицкаго.

Движеніе и дѣйствія мортирной батареи въ западной колоннѣ.

5-го сентября, въ 8 час. утра, мортирная батарея начала грузиться въ вагоны желѣзной дороги для переѣзда на станцію Чу-лян-ченъ (на линіи Тонгку-Тяньцзинъ) и слѣдованія далѣе къ крѣпости по грунтовой дорогѣ. Въ 3 ч. дня поѣздъ вышелъ изъ Тонгку и въ 4 ч. прибылъ на станцію Чу-лян-ченъ. Въ 8 часовъ вечера батарея выгрузилась и стала у станціи бивуакомъ.

Къ утру слѣдующаго дня боевой комплектъ былъ уложенъ въ двуколки летучаго парка 1-й В.-Сиб. Летучей парковой артиллерійской бригады.

Въ сосѣдней деревнѣ были наняты китайцы для тяги орудій, по 20 чел. на орудіе, и съ ними два переводчика. По разведеніи прислуги по своимъ орудіямъ и по прочтеніи обычной молитвы, батарея тронулась въ путь. До хорошей грунтовой дороги, шедшей изъ Тяньцзина къ Бейтану, было около трехъ верстъ и слѣдованіе батареи было крайне затруднено вязкимъ глинистымъ грунтомъ. Отчасти помогъ скошенный камышъ, который бросали подъ колеса. Движеніе по насыпной дорогѣ было лучше. За батареей шелъ летучій паркъ. Впереди были посланы саперы, для исправленія дороги и мостовъ. Вскорѣ батарею обогнала полевая легкая батарея В.-Сиб. стр. артил. дивизіона и стрѣлковый полкъ.

На половинѣ дороги былъ сдѣланъ привалъ и изъ консервовъ сваренъ обѣдъ. Вода была солоноватая, отвратительнаго вкуса, что еще болѣе разжигало жажду людей, выполнявшихъ хотя и привычную для крѣпостного артиллериста работу—тягу орудій на себѣ, но, тѣмъ не менѣе, крайне утомительную.

Во время привала солдаты добродушно дѣлились съ китайцами сухарями и консервами.

Въ 5 час. вечера, 6 сентября, батарея остановилась верстахъ въ пяти отъ крѣпости. Стрѣлки въ это время были недалеко уже отъ желѣзнодорожной станціи Бейтанъ, бѣлѣвшей своими полуразрушенными стѣнами. Китайцы однако уже успѣли заградить эту дорогу окопами, гдѣ были поставлены два полевыхъ орудія: автоматическій пулеметъ сист. Гатлинга, лежала пѣхотная цѣпь и скрывалась за насыпью жел. дороги часть кавалеріи. Помимо этого, вся дорога была обильно усѣяна самовзрывными пороховыми фугасами, расположенными въ шахматномъ порядкѣ.

Наши стрѣлки, подойдя около 10 час. вечера къ этой станціи и не видя въ темнотѣ участковъ разрыхленной земли, по которымъ днемъ почти безошибочно можно опредѣлить мѣстонахожденіе фугаса, стали наступать на нихъ. Послѣдовалъ рядъ почти беззвучныхъ вспышекъ, казавшихся ночью большими огненными столбами. Это послужило для китайцевъ сигналомъ для открытія огня. Изъ окоповъ затрещалъ пулеметъ, а съ форта № 1 и изъ упомянутыхъ 2-хъ пол. пушекъ былъ открытъ орудійный огонь вдоль прямой Чулянченской дороги, по которой двигались въ это время перечисленныя выше части колонны генерала Церпицкаго. Такъ какъ съ обѣихъ сторонъ дороги простиралась на огромное пространство вода, специально напущенная китайцами изъ рѣки Бейтанъ-Хе, при помощи шлюзовъ, то вывести колонну изъ-подъ огня или перестроить ее въ боевой порядокъ, или, хотя бы въ иной, менѣе глубокій видъ строя, который бы несъ меньше потерь—не представлялось возможнымъ, то по приказанію генерала Церпицкаго, эти окопы и станція Бейтанъ были взяты, при чемъ опять было взорвано много фугасовъ.

Въ началѣ предполагалось немедленно же двинуться далѣе, къ фортамъ, несмотря на тысячи фугасовъ и множество большихъ гальваническихъ минъ, разбросанныхъ по двумъ, обрамленныхъ водой дорогамъ, ведущимъ къ фортамъ. Принимая во вниманіе, что гарнизоны фортовъ, еще не будучи деморализованы, оставались на своихъ мѣстахъ, колонна эта, при движеніи своемъ отъ стан. Бейтанъ къ форту № 1, понесла бы огромныя потери и результатъ такого движенія представляется въ настоящее время вообще весьма гадательнымъ, такъ какъ до форта № 1 было болѣе 3-хъ верстъ, при чемъ, подъ двумя мостами, имѣвшимися на этомъ пути, были подведены большія

гальваническія мины, а вся окружающая мѣстность, какъ объ этомъ упомянуто выше, была искусственно наводнена.

Помимо этого, за станціей, оказалось впослѣдствіи, былъ большой учебный плацъ, обнесенный кругомъ валомъ, приспособленнымъ къ оборонѣ, и водянымъ рвомъ. На двухъ фасахъ его стояло по два 57 мм. полевыхъ скорострѣльныхъ и четыре горныхъ пушки, всего 8 орудій, принимавшихъ на слѣдующій день, 7-го сентября, весьма дѣятельное участіе въ артиллерійскомъ состязаніи. На этомъ же плацу найденъ былъ минный контрольный аппаратъ съ клавіатурой[1]) и большой гальванической батареей изъ сухихъ элементовъ.

Къ счастію, было отдано другое распоряженіе, по которому мортирной батареѣ приказано было отступить къ бивуаку, а пѣхотѣ оставаться на своихъ мѣстахъ до разсвѣта и ждать результатовъ артиллерійской подготовки общаго штурма. Полевая батарея прошла впередъ. Одно изъ орудій наѣхало колесомъ на фугасъ и произвело взрывъ. Взрывомъ убило двѣ лошади и перевернуло орудіе. Для изслѣдованія дороги посланы были впередъ китайцы съ сапернымъ офицеромъ. Китайцы почти тотчасъ же наступили на фугасы и опять произошло нѣсколько взрывовъ. Съ крѣпости вновь былъ открытъ огонь, но не надолго.

Китайцы дѣлали попытки къ бѣгству, но ихъ удалось удержать.

Вой летящихъ снарядовъ и разрывы ихъ доводили несчастныхъ до состоянія какого-то столбняка.

Наши солдаты, бывшіе сами въ первый разъ подъ огнемъ, ободряли ихъ и дали имъ возможность укрыться подъ орудіями и передками.

Одинъ снарядъ разорвался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ одной изъ мортиръ. Солдатъ обрызгало грязью, а двухъ китайцевъ убило наповалъ.

Около 10 час. вечера мортирной батареѣ приказано было отступить. Батарея отошла назадъ и остановилась верстахъ въ 4-хъ отъ южнаго форта, гдѣ и простояла всю ночь.

На слѣдующій день, 7-го сентября, какъ разсвѣло, батарея тронулась впередъ и построилась на позиціи въ боевой порядокъ.

---

[1]) Въ 1901 году сданы въ Портъ-Артурскій музей, вмѣстѣ съ ящичной гальванической батареей.

Въ это время, справа, осадныя батареи уже открыли огонь по фортамъ.

Мортирная батарея не могла принять въ этомъ участія, за дальностью разстоянія и только около 11 час. дня, когда форты почти уже умолкли, батарея продвинулась впередъ и открыла огонь по городу, вмѣстѣ съ полевыми батареями.

Дѣйствіе осадныхъ батарей.

Ежедневно, еще съ 15-го іюля, къ Бейтану ходилъ въ 4 час. пополудни нашъ поѣздъ для смѣны дежурной роты, выдвинутой почти къ самому Бейтанскому вокзалу.

Китайцы привыкли къ приходу этого поѣзда и каждый день кучами вылѣзали на валы фортовъ и наблюдали за смѣной ротъ.

Вотъ-этими то поѣздами и рѣшено было воспользоваться и, подъ видомъ смѣны дежурныхъ ротъ, 5-го и 6-го сентября былъ поданъ весь матерьялъ, необходимый для постройки осадныхъ батарей, а также орудія, прислуга къ нимъ и всѣ войска, назначенныя къ этой колоннѣ подъ общимъ командованіемъ капитана 1-го ранга Доможирова.

5-го сентября, одновременно, около осаднаго парка и на пристани въ Тонгку были погружены платформы для 6 дм. и 87 мм. орудій и часть боевого комплекта къ нимъ. Помимо этого, къ поѣзду было прицѣплено нѣсколько вагоновъ со шпалами и камышомъ для настилки гати отъ полотна жел. дороги до мѣста 6 дм. батареи, въ виду большой вязкости грунта, который не могъ выдержать на себѣ, какъ потомъ показалъ опытъ, даже сравнительно легкой 87 мм. пушки, утопавшей въ немъ въ иныхъ мѣстахъ по самую ступицу колеса.

Благополучно прибывъ около 6 час. вечера къ позиціи, тотчасъ же приступили къ выгрузкѣ платформъ, шпалъ, камыша и боевого комплекта.

Въ сумерки разгрузка окончена. Тѣмъ временемъ камышемъ устилается вязкій грунтъ, а на него въ двѣ линіи, какъ рельсы, кладутся шпалы и уже сверхъ этихъ рельсъ стелется ровный помостъ изъ поперечноположенныхъ шпалъ.

Шпалы изъ аррагонской сосны, машинной распилки и выстилаются какъ полъ.

Съ наступленіемъ темноты, приступили къ переноскѣ платформенныхъ частей къ мѣстамъ будущихъ постановокъ орудій,

означенныхъ колышками, разставленными еще утромъ, во время общей рекогносцировки подступовъ къ крѣпости.

Несмотря на то, что работа производилась лишь при слабомъ мерцаніи звѣздъ, къ часу ночи было уже настлано 4 платформы къ 6 дм. пушкамъ съ обстрѣломъ въ 37°.

Въ виду того, что 87 мм. батарея № 1 была расположена впереди въ $1^{1}/_{2}$ верстахъ отъ мѣста выгрузки—въ эту ночь, съ 5-го на 6-е, съ большимъ трудомъ, на рукахъ, удалось только перенести тяжелые брусья платформъ къ мѣстамъ ихъ постелей и разсортировать поорудійно.

Въ это же время шли работы по насыпанію земляныхъ валовъ передъ батареями и расчисткѣ мѣста для постановки орудій.

За недостаткомъ саперъ на земляныя работы была назначена одна рота 1-го Уссурійскаго желѣзнодорожнаго баталіона подъ командой капитана Иванова.

Саперъ было всего 40 человѣкъ, и они были распредѣлены равномѣрно по всѣмъ батареямъ, какъ руководители земляныхъ работъ, коими руководилъ подпоручикъ Флавицкій.

Къ утру были почти окончены вчернѣ валы на батареяхъ 87 мм. пушекъ, благодаря благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ. Что же касается батарея 6 дм. пушекъ, то тамъ успѣхъ земляныхъ работъ былъ весьма незначителенъ, въ виду того, что батарея эта стояла совершенно на ровномъ мѣстѣ и не хватало рабочихъ. Съ другой стороны—только-что углубилась на 2 фута, чтобъ брать землю для вала, ужъ показалась вода и рабочимъ пришлось встать въ нѣсколько рядовъ и другъ отъ друга перебрасывать землю, что значительно тормозило насыпку вала.

Въ этотъ день, т.-е. 5-го сентября, уже послѣ отправки поѣзда къ позиціи, въ осадный паркъ зашелъ командующій войсками вице-адмиралъ Алексѣевъ. Обходя 6 дм. пушки, онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что едва-ли ихъ будетъ возможно отправить на позиціи въ виду ихъ громоздкости.

И, дѣйствительно, орудія эти, въ сравненіи съ рядомъ стоящими изящными 87 мм. пушками, казались крайне неуклюжими, за что и получили прозваніе „Большія вороны".

По выполненіи перечисленныхъ работъ начальникъ осаднаго парка и командиры батарей, когда уже начало свѣтать, вернулись съ позиціи пѣшкомъ въ Тонгку.

6-го сентября утромъ начальникъ осадной колонны, капитанъ 1-го ранга Доможировъ передалъ словесно, что осада крѣпости

переносится съ 7-го на 8-е сентября, и приказалъ въ этотъ день доставить на позиціи не всѣ орудія, а сколько удастся.

Къ 4 часамъ пополудни погрузка послѣдней части боевого комплекта закончена и всѣ собираются на ст. Тонгку въ ожиданіи поѣзда. Тутъ же стоитъ баталіонъ нѣмецкой пѣхоты, выстроенный рядами.

Наконецъ подвижной составъ поданъ и вся эта масса артиллеристовъ, желѣзнодорожниковъ, саперъ, пѣхоты и нѣмцевъ садится въ вагоны. Подается отправленіе, и весь этотъ необычайно громадный поѣздъ плавно движется къ Бейтану.

На закругленіи, за семафорной будкой, южный фортъ, освѣщенный склоняющимся солнцемъ, виденъ какъ на ладони. Съ правой его стороны, около орудій, куча китайцевъ, какъ всегда, наблюдающая за движеніемъ „огненной машины".

На этотъ разъ они видимо удивлены необычайной длиной поѣзда, долго не сходятъ съ вала, и только сумерки, какъ громадный занавѣсъ, тихо ложатся на землю и скрываютъ за собой и этотъ фортъ, только-что такъ ярко освѣщенный солнцемъ, и поѣздъ съ вагонами, биткомъ набитыми солдатами, какъ бы ощетинившимися сталью штыковъ и остріями блестящихъ нѣмецкихъ касокъ.

Наконецъ поѣздъ останавливается немного дальше обыкновеннаго, и всѣ торопятся высадиться.

Для продолженія работъ на позицію прибыли: подполковникъ Тохателовъ и поручики: Люповъ и Смирновъ. Поручикъ же Бабенко долженъ былъ погрузить въ Тонгку на вагоны и доставить на позицію всѣ орудія съ передками и принадлежностью.

Къ 5-ти часамъ вечера въ Тонгкусскомъ желѣзнодорожномъ депо былъ оконченъ переносный помостъ изъ рельсъ и шпалъ для втаскиванія въ вагонъ большихъ 6 дм. орудій.

Въ это время получено было приказаніе отъ капитана 1-го ранга Доможирова, въ отмѣну предыдущаго, взять во что бы то ни стало всѣ орудія и въ эту же ночь доставить на позицію. Рабочіе въ числѣ 120 человѣкъ даны были отъ 7-го В.-Сиб. стрѣлковаго полка.

Нагрузка началась въ 6 часу вечера и была закончена въ 8 ч. Уже вполнѣ законченный нагрузкой, поѣздъ стоялъ въ ожиданіи приказаній на ст. Тонгку.

За это время на позиціи шла самая горячая работа по настилкѣ платформъ и насыпкѣ валовъ. Настилка платформъ была окончена къ 9 час. вечера. Работали съ фонарями и все

время провѣряли настилаемыя части по уровню. Всѣ страшно измучились и хотѣли пить. Сырая вода была настолько отвратительнаго вкуса, что кому-то изъ солдатъ пришла въ голову мысль развести костеръ, согрѣть воду и заварить имѣвшійся чай. Черезъ нѣсколько минутъ появился горячій чай, и всѣ разсѣлись небольшими группами, каждый со своей кружкой и съ нетерпѣніемъ ждали поѣзда.

Въ это время, вдали, слѣва, начали взвиваться огненные столбы—то рвались фугасы отъ наступавшей на Бейтанскій вокзалъ колонны генерала Церпицкаго. Вслѣдъ за ними въ ту же сторону, съ китайской стороны, гудко прогремѣло нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ.

Всѣ притихли.

— Вотъ посмотрите, и въ насъ сейчасъ ахнутъ, сказалъ кто-то громко изъ сидѣвшихъ у костра.

И, дѣйствительно, не успѣлъ онъ произвести послѣднихъ словъ, какъ съ южнаго форта, прямо противъ осадныхъ батарей, вспыхнуло громадное пламя, и тотчасъ же надъ головами сидѣвшихъ у костра пронесся съ страшнымъ ревомъ снарядъ, вѣроятно крупнаго калибра. Сидѣвшіе инстинктивно пригнулись къ землѣ и притаились.

А снарядъ все еще вылъ и рокоталъ, но гдѣ-то ужъ очень далеко и наконецъ лопнулъ, пославши отдаленное эхо.

Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и, такъ какъ находились на мѣстности ровной, какъ полъ, то первой мыслью было укрыться за желѣзнодорожной насыпью.

Стремясь къ насыпи, всѣ столпились на гати.

Въ это время въ сторону костра было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ, и одинъ снарядъ упалъ въ воду, около столпившихся на гати и обдалъ ихъ грязью, не разорвавшись въ виду большой мягкости грунта.

Тутъ только почти всѣ закричали:

— Тушить костеръ! Тушить костеръ!..

И его тотчасъ же залили водой.

Стрѣльба прекратилась.

Платформы давно уже были настланы, и теперь всѣ или сидѣли или лежали за желѣзнодорожной насыпью.

... А поѣзда все нѣтъ и нѣтъ...

... Уже 12 ч. ночи и до разсвѣта осталось всего 4 часа.

... У нѣмцевъ, еще днемъ, поставлено четыре 15 сн. тяжелыхъ гаубицы, правѣе, шагахъ въ 40 отъ 87 мм. батареи № 1, а у насъ еще ничего не поставлено...

Но вотъ, вдали, послышался небольшой шумъ...

Ужъ не поѣздъ ли?

Тихо, почти не слышно, что-то ползло въ непроглядной темнотѣ и вдругъ замерло какъ разъ противъ гати.

Это были вагоны, подталкиваемые сзади паровозомъ.

Прежде всего, немедленно приступили къ сборкѣ помоста, прибывшаго на поѣздѣ вмѣстѣ съ орудіями...

Этой работой занята была только четверть всей прислуги, такъ какъ тутъ же помогали и желѣзнодорожники, и стрѣлки 7-го полка. Остальные кучей стояли въ ожиданіи спуска орудій.

Дабы не терять столь дорогого времени, командиръ 87 мм. батареи № 1 взялъ всѣхъ свободныхъ людей подъ свою команду и приступилъ къ выгрузкѣ 87 мм. орудій въ ручную.

Задача была не изъ легкихъ...

Въ темнотѣ высились плоскія платформы вагоновъ съ нагроможденными на нихъ передками, торчащими своими дышлами изъ какой-то темной, не видной снизу, массы. По бокамъ крутые откосы насыпи, а внизу, въ жидкой грязи сѣрыя кучи солдатъ.

Быстро, подсаживая другъ друга на вагонъ, вкарабкалось нѣсколько канонировъ. Снизу, въ это время приставили рядъ шпалъ однимъ бокомъ къ краю платформы, а другимъ—на откосъ. Человѣкъ тридцать стало съ противоположной стороны и, натянувъ канатъ, тихо спустили одинъ за другимъ нѣсколько осадныхъ передковъ...

— А не попробовать ли и орудіе?..

— Точно такъ, ваше б—іе..., мы его живой рукой спустимъ... совѣтовалъ фейерверкеръ Граковъ.

И, дѣйствительно, ужъ нѣсколько человѣкъ подхватили со всѣхъ сторонъ орудіе и стали накатывать его на колеса къ краю платформы. Вотъ хоботъ спущенъ на шпальный откосъ, привязаны оттяжки и за нихъ тянутъ стоящіе внизу...

— Навались на канатъ!.. раздается сверху энергичный шепотъ...

Орудіе надавило на шпалы, прижало ихъ и скатилось подъ откосъ въ грязь. Съ помощью стрѣлковъ 7-го полка его вытянули на оттяжкахъ, сцѣпили съ шварневымъ крюкомъ передка, и оно, погромыхивая, было продвинуто впередъ и вкачено на разрушенное полотно жел. дороги, впереди поѣзда.

Также было спущено еще два орудія и всѣ передки.

Въ это время упомянутый выше сложный помостъ наконецъ собрали и на немъ показалась первая неуклюжая „Большая ворона“...

Она долго сопротивлялась, застрявая хоботомъ на выступахъ шпалъ, и какъ бы не хотѣла ползти на свое мѣсто, но десятки ганшпуговъ уничтожали препятствіе и она нехотя сползала все внизъ и внизъ. На гати ее ждалъ уже передокъ. Но вотъ, уступая напору сотни солдатъ, облѣпившей ее какъ муравьи со всѣхъ сторонъ, она наконецъ достигла гати, сцѣплена тамъ съ передкомъ и, тихо воркуя втулками колесъ, плавно катится къ приготовленной для нея платформѣ.

Въ это время, къ группѣ офицеровъ, руководившихъ этой выгрузкой, подошелъ старшій офицеръ нѣмецкой батареи тяжелыхъ 15 сн. гаубицъ оберъ-лейтенантъ Кадельбахъ. Смотря вслѣдъ медленно катящемуся орудію, онъ скептически замѣтилъ, что за ночь едва-ли все это русскіе успѣютъ поставить, такъ какъ они, нѣмцы, еще днемъ доставили свои гаубицы, и до сихъ поръ все еще окончательно ихъ не установили. Начальникъ осаднаго парка успокоилъ его, сказавъ, что русскія батареи не заставятъ себя ждать...

И, дѣйствительно, командиръ 87 мм. батареи № 1 приближался уже съ тремя орудіями къ своей батареѣ.

На пути все время встрѣчались небольшія нѣмецкія команды. Ихъ выводили изъ сферы огня, дабы онѣ не несли напрасно потерь.

Но вотъ выплыли изъ мрака нѣмецкія гаубицы, врывшіяся въ желѣзнодорожную насыпь, а вотъ и бугоръ, оставшійся отъ стѣнъ сторожевой будки, которыя цѣликомъ пошли на одежду внутренней крутости бруствера.

Измучившіеся въ конецъ солдаты еле-еле втащили орудія на платформы и тутъ же, кто гдѣ стоялъ, тамъ и сѣлъ отъ усталости.

Пріятно было отдохнуть съ сознаніемъ, что теперь и у насъ есть чѣмъ угостить безнаказанно стрѣлявшихъ въ насъ китайцевъ.

Пока орудія эти устанавливались на компрессоры, подошло четвертое,—а тѣмъ временемъ, „Вороны“ сгружались одна за другой и выстраивались въ грозную батарею. Попутно все время шла насыпка валовъ и къ утру у обѣихъ батарей 87 мм. пушекъ были уже готовы довольно удовлетворительные бруствера; что же касается батареи 6 дм. пушекъ, то тамъ валъ такъ и не вышелъ изъ зачаточной жидкой присыпки.

Успѣли устроить лишь блиндажъ, которымъ потомъ никто не воспользовался.

Было еще темно, когда батареи стояли въ полной боевой готовности.

Отъ нѣмецкихъ гаубицъ отдѣлилась фигура офицера и, придя на батарею № 1, видимо кого-то искала. Наши солдаты проводили его къ командиру.

— Меня прислалъ къ вамъ, сказалъ онъ, звякнувъ шпорами, К-нъ Кремкофъ спросить васъ, будете ли вы стрѣлять?.

— Пока я распоряженій объ этомъ не получалъ, отвѣтилъ ему командиръ батареи, но, если китайцы откроютъ огонь, то открою и я.

— Мы тоже откроемъ, сказалъ онъ и отковырялъ.

Чуть забрезжило...

Мгла еще не разсѣялась...

На батареяхъ орудія были уже заряжены и усталые солдаты прикурнули, кто на ящикѣ съ боевымъ комплектомъ, а кто и прямо на землѣ, завернувшись въ шинель...

Тишина мертвая...

Но вотъ начали обрисовываться фасы форта и потомъ сразу, точно съ него завѣса спала, такъ онъ весь обнажился отъ одѣвавшей его мглы. Освѣтилась и вся мѣстность, частью залитая водой, частью покрытая желтымъ пескомъ. На фонѣ города вырисовался высокій кавальеръ 3-го форта съ орудіемъ Армстронга. На валахъ, какъ на первомъ, такъ и на третьемъ фортѣ, стояли кучи китайцевъ. Особенно хорошо ихъ было видно въ бинокль Герца.

Вдругъ, съ праваго фаса взвилось громадное облако дыма и въ воздухѣ зарокоталъ летящій снарядъ.

Тотчасъ же послышались команды:

— Становись.

— Батарея заряжай фугасной бомбой.

— Влѣво 3, прицѣлъ 31...

— Наводить въ ворота.

Нѣмцы отвѣтили раньше насъ, но ихъ длинныя, въ $5^1/_2$ калибровъ меленитовыя бомбы, окрашенныя въ голубой цвѣтъ, почему, то не разрывались.

Согласно общему распоряженію, приказано было батареямъ: 87 мм. № 1 и 6 дм.—брешировать ворота южнаго форта, а батареѣ 87 мм. № 2—постараться демонтировать орудіе Армстронга на высокомъ кавальерѣ 3-го форта.

Прислуга съ необыкновеннымъ проворствомъ работала у орудій...

Начальникъ осаднаго парка, находившійся на батареѣ 6 дм. пушекъ, лично давалъ указанія для корректированія высоты прицѣловъ и другія общія распоряженія.

Фугасныя бомбы, одна за другой, неслись въ первый фортъ...

Напряженное вниманіе провожало ихъ полетъ...

Вотъ около вала взвился характерный клубъ взрыва бомбы, но не успѣлъ дымъ растаять въ воздухѣ, какъ другой клубъ, колоссальный, застлалъ весь фасъ...

Это въ отвѣтъ понеслась къ намъ 24 сант. тоже фугасная бомба...

Съ высокаго кавальера безпрерывно вырывался снопъ пламени и снаряды неслись и неслись надъ батареями. Большинство ихъ были перелеты. Они разрывались среди могильныхъ холмовъ, гдѣ стояли двѣ высокія мачты. Впослѣдствіи оказалось, что съ фортовъ осадныхъ батарей почти не было видно, мачты же эти рельефно вырисовывались среди ровной, какъ полъ, мѣстности.

Наконецъ, начали рваться и нѣмецкія бомбы [1]), посылая къ небу громадные клубы густого, совершенно чернаго дыма.

Китайцы все еще продолжали стоять на валахъ.

Но вотъ командиръ 87 мм. батареи № 1, пристрѣлявшись къ воротамъ форта, раздѣлилъ огонь и приказалъ второму взводу наводить въ правый фасъ.

Послѣ первыхъ же выстрѣловъ, вся толпа какъ-то сразу исчезла, а черезъ нѣсколько времени умолкли и оглушительные выстрѣлы изъ самаго большого 24 сант. (дм.) берегового орудія, длиной въ 35 калибровъ, стоявшаго на правомъ фасѣ въ бетонной установкѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что одинъ 87 мм. снарядъ, пробивъ полубетонную стѣну, толщиной около аршина, попалъ въ пороховой погребъ, гдѣ хранились заряды для этого орудія въ большихъ герметически укупоренныхъ цинковыхъ цилиндрахъ, и разорвавшись въ боковомъ корридорѣ, обдалъ весь погребъ осколками и наполнилъ его дымомъ.

Храбрые китайцы, такъ долго стоявшіе подъ огнемъ на валу форта, однако, не рѣшились ужъ войти въ этотъ погребъ и подать къ орудію заряды...

---

[1]) По своему фугасному дѣйствію и величинѣ чернаго, какъ смоль, дыма, онѣ значительно превосходили японскія „шимозы“, прославившіяся въ послѣднюю войну.

Такъ оно и умолкло...

„Большія вороны" злобно каркали, какъ бы вымещая за ночное безпокойство, и выбрасывали въ фортъ бомбу за бомбой.

Фортъ замѣтно началъ слабѣть и ужъ далеко не такъ энергично отвѣчалъ.

Внутри его появился зловѣщій дымокъ, перешедшій вскорѣ въ синеватые клубы.

Изъ нихъ по временамъ показывались небольшіе всплески искръ. Но вотъ дымъ повалилъ особенно сильно, обнявъ всю середину форта, и, наконецъ, большое пламя взвивалось справа и въ серединѣ.

Фортъ замолчалъ окончательно.

Какъ по командѣ, всѣ батареи перенесли огонь на 2-й фортъ, частью виднѣвшійся двумя своими кавальерами, гдѣ стояло по одному скорострѣльному 15 сант. орудію Круппа, длиной въ 40 калибровъ.

Этотъ фортъ и особенно фортъ № 3 со своимъ Армстронгомъ теперь особенно усилили интенсивность огня...

Снаряды потеряли ужъ систематичность своихъ паденій и лопались по большей части все около тѣхъ же двухъ мачтъ, оглушая своими разрывами орудійную прислугу.

Въ воздухѣ стоялъ безпрерывный вой отъ осколковъ, буквально засыпавшихъ мѣстность около батареи.

Маленькая 57 мм. китайская батарейка, стоявшая внѣ фортовъ и очень близко къ нашимъ передовымъ 87 мм. батареямъ, скоро пристрѣлялась къ послѣднимъ, и ея небольшіе снарядики очень удачно рвались то на валу, то за батареями...

Наши батареи не могли ей отвѣчать, такъ какъ ее совершенно не было видно за длиннымъ валомъ, огибавшимъ большой учебный плацъ, разстилавшійся между городомъ и желѣзнодорожной насыпью.

Помимо этого, изъ какого-то невѣдомаго мѣста прилетали огромные снаряды, дѣлали большіе недолеты и рвались съ оглушительнымъ трескомъ.

Одинъ такой снарядъ (фугасная 21 сант. бомба, длиной въ $4^1/_2$ калибра) упалъ какъ разъ на 6 дюймовую батарею, но къ счастью не разорвался и хранится теперь въ 3-й ротѣ Квантунской крѣпостной артиллеріи.

Впослѣдствіи оказалось, что это стрѣляли 4-й и 5-й форты, отстоявшіе отъ батарей въ 8-ми и 10-ти верстахъ.

Нѣмецкая батарея стрѣляла какъ на ученіи, и оттуда доносились показанія наблюдательнаго прибора:

— Plus zvanzig...

— Minus zehn...

Командующій войсками вице-адмиралъ Алексѣевъ все время находился вблизи большой 6 дм. батареи и одному изъ наводчиковъ Ивану Исакову, удачно попавшему изъ своего орудія въ указанный пунктъ южнаго форта, пожаловалъ тутъ же знакъ отличія военнаго ордена 3-й степени.

Орудіе Армстронга все еще посылало снаряды съ своего высокаго кавальера.

Осадныя батареи пристрѣлялись постепенно и къ этому кавальеру. Трудность пристрѣлки значительно увеличилась тѣмъ, что какъ разъ около 3-го форта протекала р. Бейтанъ-Хе, шириной въ 90 саженъ и не долетные снаряды, падая въ воду, не давали наблюденій. Рѣки же не было видно, такъ какъ по обоимъ ея берегамъ раскинулся городъ, закрывавшій своими постройками очертанія береговъ.

Изъ пристрѣлки выяснилось, что до 1-го форта было 3 версты 100 саженъ, а до 3-го (высокій кавальеръ)—4 версты 200 саженъ.

Наконецъ, разрывы снарядовъ начали появляться то спереди, то сзади кавальера, и одинъ снарядъ 6 дм. батареи, разорвавшись на верху самаго кавальера, обдалъ все орудіе и трехъ-дюймовую бронь его щита осколками, послѣ чего орудіе это умолкло.

Въ началѣ десятаго всѣ форты замолчали. На 3-мъ фортѣ, около кавальера, начался пожаръ.

Изъ штаба командующаго войсками командирамъ батарей было разослано приказаніе перенести огонь на городъ и усилить его до наибольшей степени.

Къ 12 час. дня артиллерійская подготовка штурма была закончена, и войска, развернувшись въ боевой порядокъ, начали общее наступленіе къ крѣпости.

Китайцы бѣжали къ рѣкѣ и часть ихъ успѣла спастись на шаландахъ, ушедшихъ въ море. Главныя же силы отступили къ Лутайскому укрѣпленному лагерю.

На южномъ фортѣ, къ общему удивленію, прежде всѣхъ, взвился австрійскій флагъ, поставленный небольшой командой матросовъ, шедшей все время изъ Таку по берегу моря.

Команда эта, за исключеніемъ нѣсколькихъ матросовъ, поставившихъ флагъ, была обожжена взорвавшимся въ воротахъ форта самовзрывнымъ фугасомъ.

На плечахъ этой команды ворвались наши матросы, а за ними стрѣлки, и, наконецъ, нѣмецкая пѣхота. Ворвавшимися тотчасъ же были поставлены флаги, и весь фортъ запестрѣлъ ими.

Наши солдаты за неимѣніемъ флаговъ снимали съ рубашекъ свои погоны и привязывали ихъ къ орудіямъ, показывая этимъ, что они принадлежатъ русскимъ.

Большое 24 сант. орудіе осѣдлалъ одинъ нашъ стрѣлокъ и отгонялъ отъ него нѣмцевъ, хотѣвшихъ поставить надъ нимъ свой флагъ. Наконецъ, увидя это, наши матросы, запасливо захватившіе съ собой нѣсколько флаговъ, водрузили надъ нимъ на бамбучинѣ большой андреевскій флагъ.

Пользуясь тѣмъ, что у насъ не было флаговъ, нѣмцы поставили ихъ и на 2-мъ фортѣ, который уже весь наполненъ былъ нашими войсками. Ихъ попросили потомъ снять эти флаги.

За исключеніемъ нѣсколькихъ орудій перваго форта, доставшихся нѣмцамъ, мы взяли вооруженіе всѣхъ пяти фортовъ. Оно оказалось слѣдующимъ:

Фортъ № 1.

Орудій 24 сант. завода Круппа, въ 35 калибр. выдѣлки 1894 года	1
Орудій 12 сант. завода Vavasseur съ 3-мя нарѣзами . .	3
„ 15 „ „ Круппа въ 22 калибр. (1887 и 1888 гг.)	4
Орудій 7, 5 сант. и 8 сант. завода Круппа полевыхъ. .	6
Мортиръ чугунныхъ.	4
Пушекъ чугунныхъ	4
Орудій 18 сант. нарѣзн. зар. съ дула (снарядъ съ мѣдн. расширительнымъ поддономъ)	1
Итого . . .	23

Фортъ № 2.

Орудій 12 сант. завода Vavasseur, съ 3-мя нарѣзами . .	3
„ 15 „ „ Круппа, въ 22 калибр. (1887 и 1888 гг.)	6
Орудій 15 сант. завода Круппа, длиною въ 40 калибр. (1895 года)	2

Орудій 8 сант. завода Круппа, полевыхъ		4
„ 18 „ нарѣзн. съ дула (снарядъ съ расширит. мѣдн. поддономъ)		1
	Итого . . .	16

Фортъ № 3.

Пулеметовъ 10-ти ствольныхъ Гатлинга		1
Орудій 87 мм. полевыхъ завода Круппа		5
„ 12 сант. нарѣзныхъ осадныхъ		3
„ 13½ сант. чугунныхъ, нар. съ дула		3
„ 15 сант. зав. Круппа, въ 22 калибр. (1887 и 1888 гг.)		3
Орудій 18 сант., нар. съ дула		1
„ 155 мм. Армстронга въ 40 калибр. (1895 г.)	. .	1
	Итого . . .	17

Фортъ № 4.

Орудій 12 сант. завода Vavasseur, съ 3-мя нарѣзами	. .	4
„ 7, 5 сант. Круппа, полевыхъ (разныхъ годовъ)	.	10
„ 15 сант. Круппа въ 22 калибр. (1878 г.)	. . .	1
„ 21 „ „ „ 35 „ (1894 г.)		2
	Итого . . .	17

Фортъ № 5.

Пушекъ чугунныхъ		11
Мортиръ		3
Орудій 7, 5 сант. и 8 сант. завода Круппа, полевыхъ	.	10
„ 12 сант. завода Круппа въ 35 калибр. (1895 г.)	.	2
„ 152 мм. Армстронга въ 40 калибр. (1894 г.)	. .	1
„ 12 сант. завода Vavasseur съ 3-мя нарѣзами	. .	2
„ 18 сант. зар. съ дула нарѣзныхъ		1
	Итого . . .	30
	Всего орудій	103

Почти къ каждому орудію былъ найденъ значительный боевой комплектъ. Только къ орудіямъ Армстронга комплекта не найдено, такъ какъ онъ весь былъ выпущенъ, за исключеніемъ 9 бомбъ, оставшихся на 3-мъ фортѣ.

Помимо орудій, въ крѣпости были значительные запасы пороха и пироксилина, которые пошли впослѣдствіи на подрывныя работы при выемкѣ основаній изъ бетона и на уничтоженіе фортовъ взрывами.

Объѣхавъ форты, командующій войсками объѣзжалъ осадныя батареи и благодарилъ за молодецкую службу.

Массы офицеровъ всѣхъ иностранныхъ армій, осмотрѣвъ ближніе 3 форта, изумленные необыкновенными результатами пораженій, приходили на осадныя батареи, знакомились съ нашими офицерами и восторженно жали у нихъ руки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія крѣпости морская и саперная команда гальванеровъ въ теченіе двухъ недѣль взрывали большія гальваническія мины, разбросанныя кругомъ фортовъ. Ихъ взорвано до 500 штукъ. Впослѣдствіи отъ невынутыхъ еще фугасовъ пострадало много нашихъ солдатъ, случайно наступавшихъ на нихъ.

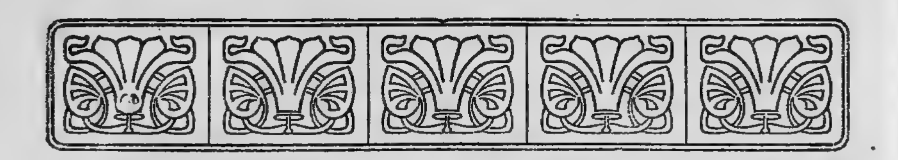
Спустя $1^1/_2$ мѣсяца въ Бейтанъ прибыла изъ Портъ-Артура учебная команда Квантунской крѣпостной артиллеріи и, подъ личнымъ руководствомъ подполковника Тохателова, вооруженіе со всѣхъ фортовъ было снято и доставлено во временной артиллерійскій складъ огнестрѣльныхъ припасовъ на станцію Тонгку.

Перезимовавъ въ Тонгку, орудія эти съ боевыми комплектами и массой прочей артиллерійской принадлежности пекинскаго и тяньцзинскихъ арсеналовъ, а также изъ взятаго русскими форта крѣпости Таку и Шанхай-Гуаня, были доставлены въ Портъ-Артуръ, какъ вещественныя доказательства тѣхъ трудовъ и подвиговъ, кои были показаны нашими скромными артиллеристами.

Во время обороны Портъ-Артура большинство этихъ орудій и даже заряжающіяся съ дула очень пригодились для отраженія штурмовъ. 24 сант. орудіе, вѣсомъ въ 1.300 пудовъ, было поставлено на батареѣ № 20, на Восточномъ фортѣ, въ районѣ V сектора, а одно изъ 21 сант. орудій подняли на горы Ляо-Те-Шань и установили на высотѣ „200". Многія недостающія части этихъ орудій были отлиты вновь въ портовыхъ мастерскихъ и собраны рабочими Обуховскаго орудійнаго завода, подъ руководствомъ полковника Меллера.

А. Л.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XIX [1]).

Традиціонная политика Россіи.

(*Окончаніе*).

Традиціонная политика Россіи это ея союзъ съ Англіей. За долго до татарскаго ига ея царствующій Князь Владиміръ Мономахъ женился на Гидѣ, дочери Гарольда, павшаго въ битвѣ при Сенлакѣ.

Нашествіе татаръ, длившееся около трехъ сотъ лѣтъ, пріостановило международныя отношенія, а послѣ освобожденія отъ татарскаго ига Іоаннъ Грозный отправилъ пословъ къ англійской королевѣ Елизаветѣ съ предложеніемъ союза и, какъ говорили, предлагалъ ей даже вступить съ нимъ въ бракъ. Та предпочла, однако, свое безбрачіе этому предложенію, и переговоры круто прервались. Съ тѣхъ поръ о брачныхъ союзахъ не было рѣчи до вступленія на тронъ королевы Викторіи. Интересно, что первая рѣчь королевы по вступленіи на тронъ и внушенная руссофобомъ Дизраэли была слѣдующая: „Мои отношенія очень хороши со всѣми державами. Бракъ моего сына Генриха Эдинбургскаго съ дочерью Императора Россійскаго Маріей Александровной — счастливое событіе для меня лично и залогъ дружбы между двумя великими державами“.

Несмотря на это, время царствованія королевы Викторіи отличалось безконечными легендами, враждебностью и клеве-

---

[1]) См. „Русская Старина“, май 1915 г.

той на Россію. Къ числу такихъ изобрѣтеній было такъ называемое „завѣщаніе Петра Великаго", написанное около ста лѣтъ послѣ его смерти изобрѣтательнымъ французомъ Люзеръ. Цѣль этого страннаго документа была—приписать Россіи всевозможные злостные умыслы. Какъ бы по ошибкѣ, въ этомъ ложномъ завѣщаніи указывается и на одинъ правдивый пунктъ, говорящій о пользѣ для Россіи торговыхъ сношеній съ Англіей. Русскіе Императоры признавали всегда, что Россія и Англія естественные союзники, хотя обстоятельства, благодаря англійской политикѣ, дѣлали ихъ временно врагами. До Крымской войны Императоръ Николай І-й, какъ извѣстно, былъ даже расположенъ къ дружбѣ съ Великобританіей. Въ разговорѣ его съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ выразилось это чувство ясно.

Въ январѣ 1853 года, касаясь паденія Турціи, Императоръ снова высказывался въ этомъ же смыслѣ.

Вотъ, что говоритъ Кинглекъ по этому поводу: „Императоръ Николай всегда руководился этимъ правиломъ и, вѣроятно, даже наканунѣ объявленія войны 1853 года въ самыя озлобленныя минуты, все же старался его придерживаться".

Что же касается отношеній Россіи передъ войной 1876—1877 гг. самые ярые наши критики утверждаютъ, что больше того, что сдѣлалъ русскій Государь, чтобъ заручиться содѣйствіемъ Англіи, сдѣлать было невозможно. Депеша изъ Ливадіи была лучшимъ доказательствомъ такихъ попытокъ, на которыя англійское правительство отвѣчало холодно и недовѣрчиво. На это указываютъ многіе англійскіе писатели.

„Въ нашихъ дружественныхъ попыткахъ мы только придерживаемся нашей старины", говоритъ г-жа Новикова. „Въ началѣ XVII вѣка Борисъ Годуновъ отправилъ посла въ Лондонъ съ предложеніемъ Англіи соединиться съ Россіей и съ другими христіанскими государствами, чтобъ освободить восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига".

„Въ XVIII столѣтіи оба государства бывали часто въ союзѣ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Въ одномъ случаѣ русскіе солдаты стояли гарнизономъ на англійскихъ островахъ, въ другомъ русскіе корабли чинились въ англійскихъ докахъ. Англійскіе адмиралы командовали русскими военными судами, въ то время, какъ русскіе и англійскіе солдаты сражались плечо къ плечу, какъ вѣрные союзники, противъ сильнаго врага. Государственные люди обѣихъ странъ признавали важность англо-русскаго соглашенія. Нашъ министръ Панинъ въ 1766 году сообщалъ послу, лорду Чатамъ, что онъ имѣетъ

сильное желаніе войти въ искреннюю дружбу съ Англіей, будучи убѣжденъ, что только при участіи Англіи его политика будетъ тверда и успѣшна на Востокѣ.

Князь Потемкинъ утверждалъ, что союзъ Россіи съ Англіей необходимъ для мира. Это убѣжденіе еще укрѣпилось въ исторіи послѣдняго столѣтія. Князь Воронцовъ, посолъ нашъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, былъ ярый защитникъ англо-русскаго соглашенія, и его убѣжденія раздѣлялъ покойный канцлеръ князь Горчаковъ.

Самые извѣстные государственные люди Англіи, наравнѣ съ графомъ Панинымъ и Потемкинымъ, придавали большое значеніе союзу нашихъ двухъ странъ. Лордъ Чатамъ не побоялся себя объявить не только ярымъ поклонникомъ Россіи, но даже заявилъ, что онъ „русскій человѣкъ".

Извѣстные министры: Фоксъ, Боркъ и даже Питтъ и Канингъ, равно какъ и другіе дѣятели, или заключали дружескіе договоры съ Россіей, или выражали свое величайшее сочувствіе англо-русскому союзу. Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ обычай въ парламентѣ не иначе говорить о Россіи, какъ о естественной, старинной, традиціонной союзницѣ Англіи.

„Въ великомъ Европейскомъ кризисѣ Англія и Россія были первыми противниками Наполеона. Ихъ соединеннымъ силамъ Европа обязана избавленіемъ своимъ отъ завоевателя.

„Вы теперь заняли Критъ, сильный военный пунктъ, говоритъ г-жа Новикова, чтобъ угрожать Россіи, но прежде ваше занятіе Іонійскихъ островов, на Средиземномъ морѣ, было сдѣлано, по совѣту вашего русскаго союзника. Не всегда вы боялись владѣній Россіи на Средиземномъ морѣ, такъ какъ Англія даже настаивала, чтобъ русскій флотъ вошелъ въ это море и начались переговоры объ уступкѣ намъ морской базы на островѣ Миноркѣ, принадлежавшемъ въ то время Англіи".

„Не вѣрное ли доказательство пользы соглашенія съ Россіей тотъ фактъ, что два раза, когда англійское правительство грозило Россіи войной (1791 и 1876 г.), сильный протестъ англійскаго народа не допустилъ этой бѣды? Національный инстинктъ оказался вѣрнѣе государственной мудрости правителей; оба раза англичане достигли невозможнаго, даже въ конституціонной странѣ: они удержали премьеръ-министра отъ войны, которую онъ желалъ. Мы благодарны за сочувствіе и дружеское отношеніе англійскаго народа къ Россіи, продолжаетъ О. А., но все же жалѣемъ, что для такого результата

потребовалось чуть ли не революціонное движеніе противъ вашего министерства".

„Когда Екатерина II узнала объ услугѣ человѣчеству, оказанной Фоксомъ, который не допустилъ Питта объявить войну Россіи изъ-за Очакова, она помѣстила бюстъ его между Цицерономъ и Демосѳеномъ, говоря: „своимъ краснорѣчіемъ онъ спасъ Россію и свою родину отъ войны, для которой не было ни справедливаго, ни благоразумнаго основанія".

Фоксъ высказалъ въ парламентѣ, что онъ польщенъ этимъ вниманіемъ Императрицы, прибавивъ: „Мое мнѣніе было всегда, что Россія—государство, съ которымъ поддерживать самыя тѣсныя и дружескія отношенія, торговыя и политическія, весьма важно для нашей страны". Эти слова слѣдуетъ помнить!

„Когда русскіе выражали благодарность Фоксу, краснорѣчіе котораго избавило оба государства отъ безсмысленной войны, его называли русскимъ агентомъ и измѣнникомъ, что, конечно, не могло возбуждать добрыхъ чувствъ въ обѣихъ странахъ".

Англичане убѣдятся, что ихъ предубѣжденіе противъ Россіи не въ ихъ интересахъ. Если десять лѣтъ тому назадъ одинъ англійскій авторъ сказалъ: „Россія—нашъ самый естественный, самый полезный союзникъ; насъ связываетъ столько общихъ интересовъ, что здравая политика предписываетъ намъ этотъ союзъ и сотрудничество съ ней. Если тогда это было вѣрно, насколько же это вѣрнѣе теперь, когда мы раздѣлили почти всю Азію между собой".

„Лордъ Пальмерстонъ, какъ только кончилась Крымская война, сказалъ нашему посланнику, графу Хрептовичу, что Англіи нѣтъ причинъ не дѣйствовать, во многихъ случаяхъ, заодно съ Россіей, лишь бы онѣ не приходили въ столкновеніе по поводу Турціи, или Персіи.

Русскимъ кажется наоборотъ, что совмѣстная дѣятельность Англіи и Россіи сходится именно въ этихъ двухъ странахъ. Вспомнимъ ходъ исторіи: когда лордъ Чатамъ настаивалъ на союзѣ съ нами, мы настаивали на необходимости дѣйствовать вмѣстѣ противъ Турціи. Чатамъ въ этомъ условіи отказалъ, но Питтъ его принялъ въ 1795 году. Только черезъ четыре года, когда онъ намъ грозилъ войной, заключенъ былъ договоръ, въ который входилъ принципъ обоюдной дѣятельности на Востокѣ. Россія не переставала объ этомъ заботиться. Даже въ XIX столѣтіи Россія и Англія чаще были друзьями, чѣмъ врагами. Во время Наполеоновскихъ войнъ, англійскій флотъ грозилъ Константинополю, потому что Турки объявили

войну Россіи, а въ 1877 г. мы, совмѣстно съ Англіей, праздновали юбилей Наваринскаго боя. Къ сожалѣнію, мы также въ союзѣ съ Англіей поддерживали султана. Когда Махметъ-Али грозилъ разрушить Оттоманскую имперію, русскія войска заняли Константинополь, а англійскій флотъ крейсировалъ у береговъ Сиріи.

Лордъ Джонъ Россель, до послѣдней минуты объявленія войны Россіи Англіей, основательно увѣрялъ свое правительство въ добрыхъ чувствахъ Императора Николая къ Великобританіи.

Со времени Парижскаго мирнаго договора, 1856 года, Россія не воевала съ Англіей, а часто энергично поддерживала ея политику.

На Константинопольской конференціи гр. Игнатьевъ отказался отъ своего проекта реформъ, чтобъ поддержать проектъ лорда Сольсбери, а когда конференція не удалась, Россія употребила всѣ дипломатическія мѣры, чтобъ сохранить согласіе съ Англіей, прежде чѣмъ объявить войну.

„Только убѣдившись, что соглашеніе съ Англіей проявляется въ полномъ бездѣйствіи, оставляя славянъ въ рабствѣ, и зло не наказаннымъ, Россія стала дѣйствовать одна. Но она все время относилась съ большимъ вниманіемъ къ интересамъ Англіи, освѣдомляясь о нихъ у лорда Дерби.

Впослѣдствіи Россія привела борьбу къ успѣшному окончанію, не коснувшись ни одного пункта, намѣченнаго англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Россія ей послала свои условія мира и проектъ Санъ-Стефанскаго договора.

На Берлинскомъ конгрессѣ Россія отказалась отъ всѣхъ своихъ требованій, чтобъ не разрушить Европейскаго концерта.

„Какъ Англія отблагодарила за это, я не буду говорить, но Россія дальше идти въ своихъ уступкахъ не могла, боясь совсѣмъ погубить интересы славянъ.

„Россія, по-моему, уступила черезчуръ много“, говоритъ г-жа Новикова.

„Мечты, страстныя желанія русскаго народа, принесены были въ жертву дружбѣ съ Англіей. Еще шагъ, и это была бы измѣна нашимъ братьямъ, измѣна нашему долгу. Такой цѣной нельзя платить, нѣтъ, даже за союзъ съ Англіей“.

Нѣкоторыя изъ нашихъ оффиціальныхъ лицъ, удаленные ложнымъ воспитаніемъ отъ своей родины, не терпѣли даже имени славянъ, и въ этомъ—несомнѣнная бѣда.

Русскіе знаютъ, что все великое достигается жертвами. Никакая сила въ мірѣ не можетъ остановить естественнаго хода событій. Для насъ, Славянофиловъ, будущее славянскаго міра такъ же ясно, какъ долгъ чести, которому мы должны слѣдовать.

Слѣдуетъ добиваться добраго согласія Россіи съ Англіей, основаннаго на мирномъ, на дѣйствительномъ, уничтоженіи турецкой власти въ Европѣ. Только на такомъ основаніи возможно настоящее соглашеніе.

Нашъ союзъ съ Англіей, сотрудничая въ просвѣщеніи Азіи, обезпечивалъ бы миръ и на Дальнемъ Востокѣ, заключаетъ она.

Въ этомъ же смыслѣ высказался и ея краснорѣчивый другъ, историкъ Фрудъ, смѣло стоявшій за Англо-Русскій союзъ съ отдаленнаго времени Крымской войны онъ доказывалъ это въ своемъ прекрасномъ сочиненіи: „Краткія изслѣдованія великихъ вопросовъ“.

Чтобъ обезпечить миръ въ Азіи, мы должны быть искренними друзьями и дѣйствовать сообща каждый въ своей сферѣ.

Отъ настойчивой враждебности и подозрительности, потери для Россіи не будутъ такъ велики, какъ для Англіи. Что же касается Индіи, то опасенія англичанъ совершенно не основательны.

Но если посѣщеніе русскаго посольства въ Кабулѣ вызываетъ тревогу и даже желаніе изъ-за этого воевать съ Россіей, то какъ ожидать мирный прогрессъ и цивилизацію на Востокѣ?

Лордъ Непиръ-Этрикъ, послѣ того, какъ оставилъ постъ англійскаго посла въ Петербургѣ, считался почему-то нѣкоторыми врагомъ Россіи.

Тѣмъ не менѣе вотъ что онъ сказалъ откровенно въ парламентѣ, 9-го декабря, 1878 г. касаясь миссіи въ Кабулѣ: „Россія, съ полной осторожностью, сдѣлала шагъ впередъ въ симпатіи народной.

Съ такой страной слѣдовало бы примѣнять разумныя мѣры, чтобъ пріобрѣсти ея дружбу, если не союзъ. Лучшія средства для этого со стороны англійскаго правительства были бы ясность и откровенность, чтобъ Россія не имѣла никакихъ сомнѣній о нашихъ намѣреніяхъ относительно Афганистана“.

Онъ думалъ, что послѣ войны нуженъ былъ опредѣленный договоръ между Англіей и Россіей, такъ какъ это внесло бы успокоеніе даже въ Индіи.

„Интересы и стремленіи наши тождественны, почему же не можемъ мы обратиться къ старой Русской политикѣ и стать вѣрными союзниками, добрыми друзьями? Не только въ Азіи

обѣ націи имѣютъ общій интересъ, но и въ Европѣ, гдѣ мы противодѣйствуемъ Римскому папѣ въ его безнравственныхъ злоупотребленіяхъ. И такъ, идя рука объ руку, противъ магометанскаго варварства въ Азіи и противъ духовнаго деспотизма въ Европѣ, не пора ли намъ признать единство нашихъ задачъ и честно поддерживать другъ друга противъ общаго врага?—заключаетъ лордъ Непиръ.

Но вотъ, что еще говоритъ Фрудъ: „Русскіе, хотя наши соперники на востокѣ, были до Крымской войны нашими вѣрными союзниками. И съ тѣхъ поръ не было причинъ Англійскимъ кабинетамъ жаловаться на существованіе Россіи въ Европѣ.

Не такъ давно правительство Биконсфильда вошло съ соглашеніе съ Россіей, чтобъ воспрепятствовать войнѣ Франціи съ Германіей, и я думаю, что тотъ же Биконсфильдъ указывалъ на Англо-Русскій союзъ, чтобъ помѣшать походу Наполеона на Берлинъ.

Мы солидарны также въ человѣколюбивой борьбѣ противъ рабства и торговли невольниками“.

Г-жа Новикова говоритъ: „Вы гордитесь основательно уничтоженіемъ рабства въ вашихъ колоніяхъ. Мы гордимся освобожденіемъ 48 милліоновъ нашихъ крѣпостныхъ. Этимъ великимъ дѣломъ Императоръ Александръ II вызвалъ себѣ всемірную благодарность и гордость всего своего народа.

За послѣднія сто лѣтъ Россія отстаивала свободу какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Съ покореніемъ Крыма прекратился торгъ русскими и польскими невольницами, которыхъ мусульмане продавали, какъ скотъ.

Первое, что мы сдѣлали, войдя въ хиву, было освобожденіе всѣхъ рабовъ въ ханствѣ.

Но къ чему вдаваться въ подробности?

Русскіе и англичане идутъ рука объ руку по пути цивилизаціи.

Одинъ изъ моихъ друзей, очень умный человѣкъ, имѣвшій исключительный случай изучить англійскую и русскую политику, пишетъ мнѣ: Народная агитація въ Англіи противъ Россіи не только не справедлива, но и безумна. Сказать по правдѣ, я иногда краснѣю за грубый и слѣпой эгоизмъ моихъ соотечественниковъ. Если нужна война, будемъ драться, но уважая другъ друга. Впрочемъ, я, какъ и вы, не вижу ни малѣйшей надобности драться. Было бы безуміе со стороны англичанъ начать войну, чтобъ поставить на ноги больного человѣка, а со

стороны Россіи объявить войну, чтобъ ускорить неизбѣжную смерть своего паціента, было бы тоже крайне неблагоразумно.

Почему бы не быть соглашенію между нами на этотъ счетъ? Конечно, мы можемъ нанести много вреда другъ другу, но не лучше ли совмѣстно работать, служа человѣчеству и цивилизаціи? Рѣшайте сами: быть намъ врагами, или друзьями?—въ сотый разъ спрашиваетъ г-жа Новикова.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

„Конецъ вѣнчаетъ дѣло".

(„Finis coronat opus").

„Въ предыдущихъ главахъ, говоритъ Стэдъ, я старался описать дипломатическую и политическую дѣятельность дамы, которую лордъ Биконсфильдъ назвалъ депутатомъ отъ Россіи".

Весьма кстати появленіе этихъ воспоминаній, послѣ состоявшагося свиданіе монарховъ Британской и Россійской имперій въ Ревелѣ. Это свиданіе оповѣстило міру исполненіе великой задачи, надъ которой такъ усердно работала Ольга Алексѣевна. До подписанія Англо-Русскаго соглашенія изданіе этихъ воспоминаній было бы преждевременно.

27 (9 іюня) мая 1908 года [1]) Императоръ Россійскій и король англійскій обѣдали въ семейномъ кругу на царской яхтѣ „Штандартъ" въ Ревелѣ. Въ двухъ короткихъ рѣчахъ державные ораторы объявили во всеуслышаніе, что отнынѣ Англія и Россія—друзья, а не враги. Императоръ сказалъ:

„Съ чувствомъ самаго глубокаго удовлетворенія и удовольствія привѣтствую Ваше Величество и ее Величество Королеву въ русскихъ водахъ.

„Я убѣжденъ, что это свиданіе, являясь новымъ подтвержденіемъ многочисленныхъ и прочныхъ узъ, соединяющихъ оба Наши Дома, будетъ имѣть счастливымъ послѣдствіемъ еще болѣе тѣсное сближеніе обѣихъ Нашихъ Странъ и споспѣшествованіе поддержанію всеобщаго мира.

„Въ теченіе минувшаго года Нашими Правительствами было улажено, къ общему удовлетворенію, нѣсколько вопросовъ, одинаково важныхъ для Россіи и для Англіи. Я увѣренъ, что

---

[1]) „Правительственный Вѣстникъ" № 116. Четвергъ 29 (11) іюня 1908.

Ваше Величество цѣните столь же высоко, какъ и я, значеніе этихъ соглашеній, ибо несмотря на ограниченную ихъ область, они не могутъ не содѣйствовать распространенію среди Нашихъ двухъ Странъ чувствъ взаимнаго доброжелательства и довѣрія.

„Пью за здоровье Вашего Величества, Ея Величества Королевы и за процвѣтаніе Королевской Фамиліи и британскаго народа".

Англійскій король Эдуардъ отвѣтилъ слѣдующей рѣчью: „Сердечнѣйшимъ образомъ благодарю Ваше Величество отъ имени Королевы и Своего за радушный пріемъ, оказанный Намъ въ балтійскихъ водахъ, и за дружественныя слова, въ которыхъ Вы предложили Наше здоровье. Я сохраняю самое счастливое воспоминаніе о пріемѣ, который Я встрѣчалъ во время Моихъ прежнихъ посѣщеній России со стороны Вашего славнаго Дѣда, Вашего любимаго Отца и Васъ Самихъ, и настоящій случай новой встрѣчи съ Вашими Императорскими Величествами является для Меня источникомъ искреннѣйшаго удовлетворенія.

„Я сердечнѣйшимъ образомъ присоединяюсь къ каждому слову, которое упало съ устъ Вашего Величества относительно соглашенія, недавно заключеннаго между Нашими двумя Правительствами. Я думаю, что оно послужитъ къ еще большему укрѣпленію узъ, связующихъ народы Нашихъ двухъ Странъ, и Я увѣренъ, что оно поведетъ къ успѣшному и дружественному разрѣшенію нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ въ будущемъ. Я убѣжденъ, что оно не только еще тѣснѣе сблизитъ Наши двѣ Страны, но будетъ также содѣйствовать въ значительной степени поддержанію всеобщаго мира. Я надѣюсь, что за этимъ свиданіемъ въ скоромъ времени послѣдуетъ другой случай встрѣчи съ Вашими Императорскими Величествами.

„Я пью за здоровье Вашихъ Императорскихъ Величествъ, Императрицы Маріи Ѳеодоровны и членовъ Императорской семьи и особенно за благоденствіе и счастье Вашей Великой Имперіи".

За нѣсколько часовъ до этого, дѣйствительность соглашенія была подтверждена королемъ Эдуардомъ назначеніемъ Императора Николая II-го адмираломъ англійскаго флота. Ничто не могло быть проще, естественнѣе и знаменательнѣе. Завтракъ кончался. Взявъ листикъ изъ своей записной книжки, король Эдуардъ написалъ нѣсколько словъ и передалъ ихъ черезъ столъ Государю. Прочитавъ ихъ, Императоръ былъ видимо доволенъ и благодарилъ короля. На бумажкѣ было написано: „Назначаю васъ адмираломъ англійскаго флота".

Тотчасъ послѣ завтрака, Государь, въ сопровожденіи графа Гейдена и адмирала Нилова, посѣтилъ „Мониторъ", который встрѣтилъ Его Величество адмиральскимъ салютомъ. Адмиральскій флагъ взвился. Государь принялъ почетный караулъ и разговаривалъ съ капитаномъ и офицерами. Послѣ этого всенароднаго, хотя неформальнаго доказательства англо-русскаго соглашенія, можно прослѣдить его исторію съ колеблющихся началъ 1876 года до торжественнаго заключенію 1908 года.

Г-жа Новикова никогда себѣ не присваивала того, что несомнѣнно было сдѣлано ею въ этомъ вопросѣ. Ея роль и вліяніе подтверждаются сотнями фактовъ, ни одному человѣку не суждено было такъ безпрестанно работать въ обѣихъ странахъ для достиженія англо-русскаго соглашенія, какъ ей. Посланники, какъ Сталь и сэръ Робертъ Моріе, стремились къ тому же годами въ Лондонѣ и Петербургѣ. Три русскихъ Императора послѣдовательно желали лучшихъ отношеній съ этой страной. Государственные люди, какъ Гирсъ и Гладстонъ, дѣлали все, зависящее отъ нихъ. Но для нихъ улучшеніе отношеній между Англіей и Россіей было одно изъ многочисленныхъ дѣлъ занятой жизни. Никому изъ нихъ не удалось видѣть осуществленія ихъ идеала. Г-жа Новикова была счастливѣе; ея положеніе исключительное. И я счастливъ, что имѣю случай воздать дань, хотя поздно „одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей нашего времени".

Тридцать два года тому назадъ ничто не могло казаться невозможнѣе сближенія Англіи и Россіи. Г-жа Новикова была вовлечена въ это безнадежное дѣло, вслѣдствіе большого горя. Геройская смерть ея брата Николая Кирѣева, происшедшая изъ-за вражды между Англіей и Россіей грозила усилить эту вражду. Съ одной стороны она мгновенно вызвала движеніе добровольцевъ, но это великодушное движеніе со стороны русскихъ развивало въ Англіи лишь подозрительность и недовѣріе. Ольга Алексѣевна безустали объясняла народнымъ массамъ Англіи настоящее, внутреннее побужденіе добровольцевъ. Какъ сестра перваго убитаго борца за свободу славянъ, она могла говорить съ авторитетомъ, тѣмъ болѣе, что симпатіи, внушаемыя къ ней лично, придавали вѣсъ ея слову.

„Вражда Англіи къ Россіи причинила смерть моего брата", не разъ говорила она всѣмъ и каждому. Съ теченіемъ лѣтъ все глубже и глубже это убѣжденіе усиливало ее дѣятельность. Въ Лондонѣ и въ Москвѣ, въ англійскихъ журналахъ и русскихъ газетахъ, въ обществѣ и внѣ его, Ольга Алексѣевна твердо,

хотя часто нетерпѣливо, преслѣдовала свою мысль. Три раза въ эти тридцать лѣтъ Россія и Англія было наканунѣ войны, и каждый разъ г-жа Новикова такъ, или иначе, становилась между враждующими, заклиная ихъ о мирѣ. Когда же отношенія не были такъ натянуты, но все-же политика уколовъ преслѣдовалась, она также усердно успокаивала раздраженныхъ, устраняла недоразумѣнія и возстановляла добрыя отношенія, Ольга Алексѣевна иногда сердила своей несдержанностью тѣхъ, кого хотѣла бы примирить, и своей откровенностью порой заходила слишкомъ далеко. Ея большая заслуга въ томъ, что она, какъ „депутатъ отъ Россіи" вѣрно изображала свое отечество и соотечественниковъ въ Лондонѣ—чѣмъ заслужила глубокое уваженіе къ своему слову. Ея смѣлость сопровождалась всегда честностью и неподкупной искренностью.

Почему-то, по какому-то недоразумѣнію русская дипломатія вошла въ поговорку своимъ лукавствомъ. А Ольга Алексѣевна,—неоффиціальный русскій дипломатъ, была съ самаго начала внѣ всякихъ подозрѣній въ двоедушіи. Она говорила съ необыкновенной откровенностью, нападая на предразсудки нашихъ важныхъ фарисеевъ, играя скорѣе роль enfant terrible, чѣмъ хитраго, расчетливаго московскаго дипломата. Все она дѣлала съ такимъ веселымъ расположеніемъ духа, съ такими прекрасными намѣреніями, что критика обезоруживалась и привлекались даже тѣ, кого она отталкивала. Она была воплощеніемъ Россіи въ Клариджъ-Отелѣ.

Крестница Императора, невѣстка посла, сестра воиновъ, г-жа Новикова по рожденію и воспитанію своему была вполнѣ способна передать англичанамъ идеи правящихъ классовъ Россіи. Но заслуга ея гораздо больше въ умѣньи передать духъ народа и его идеалы. Она была другомъ Аксакова скорѣе, чѣмъ представителемъ Горчакова. Она была славянофилка, вѣрная ихъ лозунгу: Православіе, самодержавіе и народность. Врагъ турокъ и австрійцевъ по характеру, по воспитанію и по религіи. Но книга ея „Россія и Англія", надѣлавшая такъ много шуму въ Европѣ своей пылкой защитой Россіи, къ удивленію всего читающаго міра, подверглась преслѣдованію русской цензуры. Тамъ появилась цѣлая глава о „Земскомъ соборѣ", о которомъ печатно говорить запрещалось строго.

Въ Лондонѣ Ольга Алексѣевна настаивала на разницѣ между оффиціальной Россіей и неоффиціальной, Россіей Москвы и Россіей Петербурга. Въ Россіи она также убѣжденно утверждала, что есть двѣ Англіи: Англія Гладстона и Англія Би-

консфильда. Между Россій Петербурга и Англіей Биконсфильда существовала вражда и антипатія; между Англіей Гладстона и Россій Москвы взаимное пониманіе и взаимная симпатія. И г-жа Новикова обладала талантомъ пользоваться самыми лучшими чувствами, проявляемыми въ обѣихъ странахъ. Бываютъ времена, когда народъ, или преобладающее большинство, повидимому, сумасшествуетъ. Въ Англіи, говоритъ Стэдъ, мы пережили двѣ такія эпохи. Первая—когда мы поддержали турка противъ стремящихся къ свободѣ славянъ, вторая—когда мы были вовлечены въ войну съ бурами. Европа страдала 30 лѣтъ оттого, что Россію не допустили къ приведенію въ дѣйствіе Санъ-Стефанскаго договора.

Г-жа Новикова не только проповѣдывала, она прекрасно объясняла, она могла не убѣдить и, конечно, во многихъ случаяхъ не убѣждала всей англійской публики соглашаться съ ея образомъ мыслей, но ей всегда удавалось передать русскую точку зрѣнія; въ ея объясненіяхъ Россія намъ стала понятна, и это большая польза.

Достаточно либеральная, чтобы понять точку зрѣнія западныхъ конституціоналистовъ, она сама тѣмъ не менѣе была достаточно консервативна, чтобы раздѣлять мнѣнія „Московскихъ Вѣдомостей". Тѣ, кто сожалѣютъ о ея симпатіи къ Каткову и Грингмуту, говоритъ Стэдъ, должны понять, что безъ этого національнаго чувства она не могла бы служить пояснителемъ между двумя странами. Знакомить западный міръ съ Россіей—задача, отъ которой самые смѣлые люди отказались бы. Г-жа Новикова исполнила ее безъ усилій, оставаясь вѣрной самой себѣ. Она была истинно-русская до мозга костей въ своемъ идеализмѣ, въ своемъ рыцарскомъ самоотверженіи. Страстная патріотка, истинно православная, способная на необычайную дѣятельность, Ольга Алексѣевна олицетворяла собой свѣтлый, лучшій типъ русскаго народа.

Увлекаясь первымъ періодомъ художественнаго творчества Толстого, она перевела по-англійски „Чѣмъ люди живы". За то послѣдующую дѣятельность Толстого-философа и политика она прямо ненавидѣла. Какъ и всѣ русскіе оффиціальные люди, Ольга Алексѣевна недостаточно обращала вниманія на общественное мнѣніе, считая его невѣжественнымъ хамелеономъ. Въ этомъ она ошибалась. Есть вещи, которыя надо знать и даже изучать внимательно, чтобы успѣшно избѣгать ихъ вражескую силу. Какъ напримѣръ война.

„Говорятъ? что говорятъ? пусть говорятъ", было всегдаш-

нимъ лозунгомъ русскаго правительства относительно враждебной критики иностранцевъ.

Стэдъ утверждаетъ, что ему стоило неимовѣрныхъ усилій, чтобъ получить оффиціальное опроверженіе самыхъ ужасныхъ пасквилей, отъ русскаго посольства или отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ писемъ Гладстона видно, съ какимъ нетерпѣливымъ раздраженіемъ онъ говорилъ о летаргическомъ равнодушіи оффиціальнаго міра къ клеветѣ, которую онъ могъ бы легко опровергнуть. Живя въ Англіи, г-жа Новикова понимала глупость оставлять всякую ложь безъ обличенія. Она усердно изыскивала противоядіе систематической лжи, распространяемой въ печати врагами Россіи. Лучшей услуги нельзя оказать человѣчеству вообще и Англіи въ частности, какъ напоминаніемъ, что 140 милліоновъ жителей Россійской Имперіи такіе же смертные, какъ и великобританцы.

Г-жа Новикова никогда не ограничивалась апологетикой. Съ перваго дня своего пріѣзда въ Лондонъ она смѣло заявила себя москвичкой. Въ то время были (таковые же есть и теперь) квази-русскіе, которые въ иностранныхъ столицахъ какъ бы стыдились имѣть какое-либо отношеніе къ Россіи. Русскіе по происхожденію, они, тѣмъ не менѣе, тщательно избѣгали всего чисто-русскаго.

Г-жа Новикова дѣйствовала обратно. Она гордилась быть русской, православной славянофилкой.

Въ г-жѣ Новиковой воплотились лучшія черты русской женщины въ ея самоотверженности и преданности своей родинѣ. Сознавая, что защита никогда не бываетъ такъ дѣйствительна, какъ сильное наступленіе, она обыкновенно нападала на непріятельскій лагерь.

Тактика ея оказывалась основательной. И подлинно всякое осужденіе, направленное противъ Россіи, могло быть вызвано и противъ Англіи. Когда англійскіе критики придирались къ расширенію Россіи, г-жа Новикова доказывала географической картой несообразность такихъ упрековъ.

Много еще есть фарисеевъ на нашихъ островахъ, говоритъ Стэдъ, но живущіе въ Флитъ-Стритѣ (кварталъ въ Лондонѣ журналистовъ и редакцій газетъ) не такъ часто видятъ спицу въ глазу сосѣда, съ тѣхъ поръ какъ г-жа Новикова такъ насмѣшливо указала имъ на бревно въ глазу Джонъ-Буля.

Если со всѣмъ своимъ остроуміемъ Ольга Алексѣевна должна была иногда допускать, что соотечественники ея не святые, она не упускала случая указать на грѣхъ осуждаю-

щихъ. Не достижимъ союзъ святыхъ, надо мириться на союзѣ грѣшниковъ. Все же союзъ лучше раздора. На основаніи общности человѣческихъ интересовъ, на общности тяжелыхъ испытаній и затрудненій, г-жа Новикова основывала свое горячее желаніе соглашенія („Entente cordiale“) между двумя Имперіями, Россіей и Великобританіей. Не скрывала она опасности для Англіи въ постоянной враждѣ къ Россіи. Она не грозила, а предупреждала. Апостолъ говоритъ: „Знаю страхъ закона, потому убѣждаю людей“. Въ томъ же духѣ г-жа Новикова старалась убѣждать англичанъ, что они могутъ съ большимъ довѣріемъ стать лицомъ къ лицу къ будущей опасности, если воздержатся отъ брани и оскорбленій государства, раздѣляющаго съ ними большую часть владѣній въ Азіи.

Все это измѣнилось теперь. Безуміе вражды противъ Россіи признано всѣми отъ мала до велика; но когда начала свою проповѣдь г-жа Новикова, это признаніе считалось ересью. Россія считалась естественнымъ нашимъ врагомъ „Russia delenda est“, былъ возгласъ нашихъ Катоновъ. И не въ этомъ только находили параллель между Россіей и Карѳагеномъ, пуническая вѣрность сравнивалась съ московскимъ вѣроломствомъ. Сѣверный колоссъ представлялся препятствіемъ, грозящимъ свободѣ и цивилизаціи міра. Легенда о завѣщаніи Петра Великаго относительно завоеванія Индіи Россіей — нѣтъ, нѣтъ да и всплыветъ по-старому.

Все, что основательно говорится теперь о Германіи, о ея жестокой политикѣ, говорилось тогда о Россіи. Германцы въ лучшемъ положеніи, они никогда не сражались съ англичанами, но когда г-жа Новикова начала писать, въ 1876 году, прошло всего двадцать лѣтъ послѣ Крымской войны. Ея первый лучшій другъ въ Англіи (Кинглекъ) еще кончалъ исторію этой войны. Преданіе было свѣжо въ памяти всѣхъ.

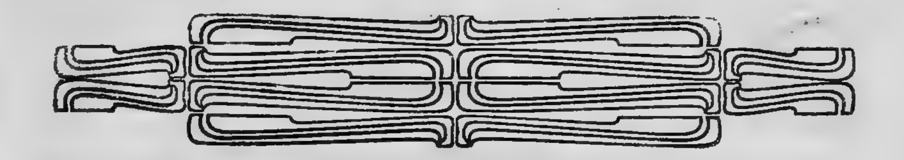
Г-жа Новикова никогда не присваивала своему единственному умѣнію перемѣну въ мнѣніи англичанъ. Особенное и единственное требованіе г-жи Новиковой отъ благодарныхъ націй: это признаніе, что она съ большимъ постоянствомъ, съ великой настойчивостью и очевидностью, чѣмъ кто-либо другой, поддерживала въ обѣихъ странахъ дѣло англо-русскаго соглашенія. Тѣмъ не менѣе я считаю справедливымъ, говоритъ Стэдъ, присвоить ей право на званіе настоящей героини великаго, международнаго единенія, выдающимся факторомъ по своему вліянію между всѣми, содѣйствовавшими замѣнѣ вражды дружбой.

Общественное настроеніе въ Англіи, передаваемое большинствомъ прессы и выражаемое правительствомъ, постоянно опровергалось Ольгой Алексѣевной и въ каждомъ случаѣ вердиктъ исторіи былъ на ея сторонѣ. Когда, въ первомъ кризисѣ, велъ кампанію Гладстонъ съ половиной населенія, она была его лучшей союзницей. Во второмъ кризисѣ, о Пенджабской границѣ, г-жа Новикова боролась одна. За миръ она боролась въ 1885 году противъ Гладстона такъ, какъ въ 1876 году она боролась, съ его помощью, противъ Биконсфильда. Въ третьемъ кризисѣ при Доджеръ банкъ, сэръ Генри Кампбель Баннерманъ потерялъ голову, но г-жа Новикова была тверда; дѣйствія ея въ этихъ 3-хъ случаяхъ были полезны даже англичанамъ съ ихъ патріотической точки зрѣнія. Лучше страстныхъ выразителей національной гордости, она угадала и заявила, что лучшая политика для Англіи — соглашеніе съ Россіей; этотъ фактъ теперь единодушно признанъ и восторженно одобренъ всей націей. Англія открыла глаза, чтобы видѣть истину, о которой Ольга Алексѣевна говорила тридцать лѣтъ тому назадъ.

Для Россіи никто изъ заграничныхъ политиковъ не сдѣлалъ столько, въ наше время, и не будетъ помянутъ съ такой благодарностью будущими поколѣніями. Защищать характеръ и оправдывать политику государства въ самомъ лагерѣ его непримиримыхъ враговъ рѣдко приходится мужчинѣ, и никогда не случалось, чтобы за это взялась женщина. Но Ольга Алексѣевна взяла это на себя и, никогда высокій долгъ не исполнялся болѣе блестяще, добросовѣстнѣе и совершеннѣе.

Е. С. М.

Редакція Русской Старины заканчиваетъ печатаніемъ „Воспоминанія и переписку Ольги Алексѣевны Новиковой“, рожденной Кирѣевой, въ то самое время, когда англійскіе броненосцы бомбардируютъ, вмѣстѣ съ крейсеромъ Аскольдомъ, Дарданеллы, и англійская пѣхота сметаетъ турецкія полчища съ Галипольскаго полуострова. Англо-русскій союзъ осуществленъ самымъ нагляднымъ образомъ и высокочтимой, энергичной, возсоздательницѣ этого союза, О. А. Новиковой, теперь остается только повторить извѣстное римское сказаніе: Feci quod potui meliore faciant potentes.—Сдѣлала, что могла, пусть другіе, болѣе сильные, сдѣлаютъ наилучшее. *Ред.*

Изъ записокъ 1877—78 г.г. [1]).

Скоро все вошло въ свою колею и пошло у насъ своимъ порядкомъ; я являлся ежедневно къ столу великаго князя, какъ „экономъ", а также приходилъ къ его утреннему и вечернему чаю. Черезъ нѣсколько дней однако великій князь объявилъ мнѣ, что разрѣшаетъ не безпокоиться этимъ, такъ какъ каждый день предстоятъ занятія и совѣщанія то съ прибывшимъ въ Адріанополь новымъ графомъ — Ник. Павл. Игнатьевымъ, то съ турецкими пашами, а то и съ графомъ Игнатьевымъ, и съ пашами.

Великій князь былъ страшно занятъ, озабоченъ и сталъ нѣсколько нервенъ, такъ какъ азіатскіе обманы и фальшь восточныхъ людей не могли не выводить его изъ себя.

— „Распорядись только такъ, сказалъ онъ мнѣ, чтобы твое мѣстопребываніе было всегда извѣстно здѣсь у меня въ домѣ кому-либо, чтобы знали, гдѣ тебя найти въ случаѣ, если ты понадобишься".

Дней черезъ пять послѣ этого, какъ-то вечеромъ, находясь въ Адріанопольскомъ монастырѣ въ квартирѣ, которую тамъ занималъ начальникъ артиллеріи гв. корпуса свиты генералъ Магнусъ Ивановичъ БреверНъ, я сидѣлъ у него въ довольно большой компаніи артиллеристовъ; тамъ находились: Н. А. Безакъ, А. Я. Таль, Н. Н. Мартыновъ, Н. Н. Ляпуновъ, В. А. Гамильтонъ, Г. А. Глазенапъ, Е. А. Леонтьевъ и другіе; вдругъ къ намъ вошелъ гвардейскій казакъ и потребовалъ меня къ его высочеству. Когда я явился, великій князь объявилъ мнѣ, что рѣшилъ командировать меня въ Малую Азію, куда я по-

[1]) См. „Русская Старина", май 1915 г.

ѣду черезъ два-три дня по пути на Константинополь, Черное море, Трепизондъ, Эрзерумъ.

— Ты повезешь въ кавказскую армію условія перемирія и выработанныя основанія мира; получи всѣ подробности въ моемъ штабѣ отъ Артура Адамовича[1]) и передай бумаги по адресу брату моему и Лорисъ-Меликову. А почему именно тебя я посылаю — объ этомъ разспроси облюбовавшаго тебя твоего ходатая, графа Николая Павловича, онъ тебѣ все объяснитъ. Подробности моихъ порученій я тебѣ доскажу передъ твоимъ отправленіемъ.

Явясь къ гр. Игнатьеву, я услышалъ отъ него, что онъ, по своему убѣжденію, призналъ, для пользы дѣла, крайне необходимымъ немедленно же, во время веденія переговоровъ съ турками о мирѣ, послать въ разные концы на ихъ территорію офицеровъ; этимъ будетъ имъ показано безконечное довѣріе и они лучше подадутся на всѣ наши предложенія и требованія.

— Когда же великаго князя, какъ будто бы это мое предложеніе затруднило въ томъ отношеніи, что онъ не зналъ, кого для этой командировки избрать, сказалъ гр. Игнатьевъ,—тогда, продолжалъ онъ, я прямо порекомендовалъ однимъ изъ первыхъ послать васъ въ виду того, что въ моемъ присутствіи докладывались Государю Императору подробности того, какъ вы проскочили изъ-подъ Плевны отъ Криденера къ Его Величеству въ Бѣлу и вторично изъ-подъ Ловчи отъ кн. Имеретинскаго въ Горній Студень, когда весь путь завѣдомо былъ занятъ сновавшими по дорогамъ черкесами и башибузуками; великій князь конечно зналъ объ этомъ и, согласившись со мной, рѣшилъ отправить васъ въ Малую Азію.

Прошло три дня, и я уже, снаряженный, вооруженный и снабженный всѣмъ необходимымъ, а также конвоемъ, переѣзжалъ занятую Скобелевымъ границу нашего расположенія въ Чаталджѣ. Михаилъ Дмитріевичъ уже зналъ обо всемъ и выйдя ко мнѣ сказалъ: „нелегкое и непріятное путешествіе вамъ досталось; что дѣлать, держитесь бодро, благословитъ васъ Господь, вспомните, какъ вамъ пришлось, по дорогамъ, занятымъ врагомъ, держать путь изъ-подъ Ловчи, когда Имеретинскій, по моему предложенію, выбралъ васъ послать къ Государю съ донесеніемъ о взятіи того города“.

---

[1]) Непокойчицкій.

Къ вечеру другого дня намъ довелось въѣзжать въ Константинополь, и я только-что вздумалъ найти коменданта на станціи Эди-Куле—въ предмѣстьи Царьграда, какъ онъ оказался самъ меня разыскивавшимъ.

— Что это вы, какимъ образомъ вамъ удалось проѣхать прямо въ Константинополь, развѣ можно? возвращайтесь немедленно назадъ въ С.-Стефано, грубо сказалъ онъ мнѣ. Переводившій мнѣ его слова мой спутникъ, ординарецъ главнокомандующаго князь Уцміевъ Ханъ-Карабахскій, въ высшей степени скромный, воспитанный молодой человѣкъ, стѣснялся произнести слова азіата.

— Нѣтъ, я не возвращусь, отвѣтилъ я.

— Возвратитесь, сейчасъ же, немедленно, безъ разговоровъ, еще грубѣе произнесъ онъ.

— Нѣтъ и нѣтъ, повторилъ я; у меня есть приказъ отъ своего главнокомандующаго, я ѣду съ его порученіями въ Константинополь, тамъ долженъ буду получить дальнѣйшія распоряженія отъ германскаго посла, назадъ мнѣ не для чего возвращаться, старался я говорить возможно сдержаннѣе.

— А я требую, попробовалъ онъ еще разъ возвысить голосъ, но затѣмъ, видя, что я настойчивѣе отказываюсь, чѣмъ онъ требуетъ, отошелъ отъ меня.

Полагая, что онъ меня совсѣмъ оставилъ въ покоѣ, я уже собрался было разгружать изъ вагоновъ коней своего конвоя и багажъ, но бывшій свидѣтелемъ всего этого начальникъ станціи—сербъ или болгаринъ—а можетъ быть далматъ, меня предварилъ очень предупредительно:

— Не дѣлайте этого, комендантъ можетъ еще снова придти, надо вамъ съ нимъ сперва, такъ или иначе, покончить и тогда уже предпринимать что-либо.

Дѣйствительно, черезъ добрые полчаса назойливый комендантъ возвратился и, когда я приготовился дать ему еще болѣе сильный отпоръ, онъ направился прямо ко мнѣ, а затѣмъ подошелъ и сказалъ мнѣ, кланяясь по-турецки—рукой и головой:

— Извините, эфенди; мнѣ удалось переговорить телеграфомъ съ Мухтаромъ-пашой, и вотъ теперь я пришелъ васъ просить вернуться къ нему въ С.-Стефано; не знаю, какъ случилось, что васъ пропустили мимо нашей главной квартиры, но для нашихъ сераскировъ [1]), а тѣмъ болѣе для мушира считается оскорбительнымъ, если кто-либо изъ постороннихъ проѣдетъ

[1]) Сераскиръ—предводитель; муширъ—главнокомандующій.

мимо, не заѣхавши къ нему; возвратитесь, пожалуйста, я отъ имени Мухтара-паши васъ умоляю, сдѣлайте вашу милость, не наносите незаслуженнаго оскорбленія нашему уважаемому сераскиру. Я увѣренъ, что вы не захотите его оскорбить и попусту приносить ему тревогу.

Эти слова меня настроили и направили совершенно иначе, и я далъ свое согласіе ѣхать обратно въ С.-Стефано. Мы живо погрузились и отправились. Каково же было наше изумленіе и пораженіе, когда, прибывши на станцію С.-Стефано, мы, будучи препровождены въ красовавшуюся на берегу моря гостиницу, тамъ были помѣщены въ лучшіе номера, а когда вздумали изъ нихъ выйти, то коридоръ нашъ оказался занятымъ аскерами, т.-е. попросту вооруженными турецкими солдатами—часовыми, постановленными у двери каждаго занятаго нами номера, при чемъ какой-то военный, отрекомендовавшись намъ миралаемъ (полковникомъ), сообщилъ, что мы, какъ проѣхавшіе безъ разрѣшенія мимо главной квартиры мушира Мухтара-паши, не должны быть пропущенны дальше, поэтому онъ насъ задержитъ здѣсь подъ стражей до тѣхъ поръ, пока не получитъ подробныхъ на нашъ счетъ распоряженій отъ сераскеріата, т.-е. военнаго министерства изъ Константинополя. Теперь же, сказалъ онъ, вы можете распоряжаться своимъ временемъ, можете обѣдать или ужинать, весь вашъ конвой съ багажемъ и съ конями будетъ въ сохранности.

Все это намъ перевелъ тотъ же, находившійся со мною спутникъ мой, ординарецъ великаго князя князь Уцміевъ ханъ Карабахскій, который зналъ въ совершенствѣ турецкій языкъ.

Выяснилось, что хитрый комендантъ, боясь отвѣтственности передъ Мухтаромъ-пашой, рѣшилъ во что бы то ни стало доставить насъ къ нему, а потому измыслилъ такой способъ на насъ воздѣйствовать.

Я упущу тѣ небезъинтересныя подробности, которыя заключаются въ описаніи проведенной нами ночи и сношеній нашихъ черезъ того же миралая съ Мухтаромъ-пашой;—это была незабвенная во всякомъ случаѣ жуткая ночь на 5 февраля 1878 года, когда мы пребывали всецѣло подъ властью Мухтара-паши, находясь у него въ плѣну. Хотя мы смѣялись тому, что произошло, но смѣхъ нашъ былъ далеко не радостный и невеселый.

Только утромъ, чуть свѣтъ, послѣ безконечныхъ ночныхъ переговоровъ, мы получили отъ Мухтара-паши разрѣшеніе

собраться на приготовленный для насъ поѣздъ и ѣхать въ Константинополь; поѣхавши съ нами въ томъ же поѣздѣ, онъ не позволилъ никого изъ насъ посадить въ первый классъ.

Въ 11-мъ часу утра мы наскоро разгрузились въ Константинополѣ на глазахъ обманувшаго насъ Едикульскаго коменданта; онъ только посмѣивался, а затѣмъ, по его положительному указанію, мы проѣхали цѣлымъ отрядомъ верхомъ, въ нашей военной формѣ, черезъ весь Константинополь въ германское посольство, гдѣ и представились германскому послу принцу Рейссу-Генриху XXIII.

Насъ было 8 человѣкъ: ротмистръ конвоя Его Величества Алдатовъ, корнетъ милиціи князь Уцміевъ ханъ Карабахскій, три осетина—Кулаевъ и сихъ двое—казаки Владикавказскаго полка, Нишлавскій татаринъ изъ конвоя Его Величества, трубачъ крымскаго татарскаго дивизіона, послѣдній предназначался быть переводчикомъ при насъ; всѣ они были одѣты въ форму, подходившую къ черкесской, а затѣмъ я, въ регулярномъ конно-артиллерійскомъ сюртукѣ и при мнѣ мой рейткнехтъ-вахмистръ Рижскаго драгунскаго полка—Гурьяновъ.

— Что это вы, какъ это можно! сдѣлалъ принцъ Рейссъ вытянутое лицо и большіе изумленные глаза, васъ стамбульская чернь могла растерзать; вѣдь это самое большое оскорбленіе для мусульманина, когда христіане въ отрядѣ ѣдутъ свободно верхомъ черезъ ихъ городъ, какъ сейчасъ продѣлали вы. Кто васъ научилъ; какъ это комендантъ станціи въ Едикуле не предостерегъ васъ отъ этого!

— Не знаю, отвѣтилъ я, но вотъ среди насъ находится истый мусульманинъ—ханъ Карабахскій князь Уцміевъ, онъ въ этомъ не нашелъ никакой бѣды и проѣхалъ съ нами черезъ весь этотъ городъ!

Послѣ своихъ репримандовъ, посолъ сталъ торопиться „любезно“ выпроводить насъ отъ себя;—для насъ живо заложили двѣ четырехмѣстныя кареты и отправили весь нашъ транспортъ на другой конецъ города въ Византійскую (Hôtel de Bizance) гостиницу; лошадей же нашихъ поручено было конюхамъ посольства доставить туда же, причемъ едва справились съ тѣмъ, что мой рейткнехтъ Гурьяновъ ни за что не захотѣлъ отпустить нашихъ лошадей безъ того, чтобы ему самому не была доставлена возможность ихъ сопровождать.

— Нѣтъ, говорилъ онъ, лошади наши дорогія, какъ я пущу ихъ безъ себя, какъ положусь на какихъ-то жидовъ, хотя бы они были и посольскіе.

Разобравши это препирательство, принцъ Рейссъ сказалъ: бываютъ же еще на свѣтѣ вѣрные люди.

Когда я передъ своимъ отъѣздомъ спросилъ принца,—можемъ ли мы навѣстить нашихъ плѣнныхъ? онъ мнѣ отвѣтилъ: зачѣмъ? только лишнюю тревогу сдѣлаете и себѣ и турецкимъ властямъ; оставьте эти мысли,—хоть бы даже ваши братья тамъ были,—оставьте, обойдитесь безъ этого, вѣдь для великаго князя важнѣе всего то, чтобы вы безъ промедленія отправились въ Трепизондъ и держали бы путь дальше по Малой Азіи; завтра отходитъ пароходъ Иллисусъ общества „messagère maritime“ и вамъ нужно поспѣть выѣхать; я изготовлю и пришлю вамъ всѣ бумаги, приготовьтесь выѣхать завтра; непріятно будетъ его высочеству, если вы останетесь здѣсь еще недѣлю, а раньше, какъ черезъ недѣлю, не будетъ слѣдующаго парохода.

Такъ мы 7-го съ самаго ранняго утра погрузились и днемъ вышли изъ Царьграда на пароходѣ того общества „Иллисусъ“ черезъ Черное море берегомъ въ Трепизондъ, куда и прибыли 10-го числа днемъ. Путешествіе, по погодѣ и по состоянію моря, было очень бурное, но любезность капитана парохода,—француза, насъ очаровала, все время онъ за нами ухаживалъ, какъ за родными.

Крайне грустно было видѣть, что ускользнулъ случай навѣстить своихъ на чужбинѣ; послѣ того, мы обратились къ принцу Рейссу съ просьбой разрѣшить намъ вручить ему коечто, по нашимъ достаткамъ, для передачи плѣннымъ. Призвавъ какого-то чиновника своей канцеляріи, онъ отдалъ ему переданные нами пустяки, при чемъ строго приказалъ поскорѣе передать по принадлежности.

Проѣзжая въ довольно трепанной посольской каретѣ по Стамбулу, я раздумывалъ о черни, которую принцъ Рейссъ представилъ намъ такою свирѣпою; въ ушахъ у меня звучали его слова объ этой, полной тупости, черни, которая мелькала тутъ же на улицахъ въ лѣнивой, безчувственной толпѣ и, по словамъ принца, „могла разорвать насъ будто бы только за то, что мы осмѣлились нарушить ея святыню, проѣхавъ въ кавалькадѣ верхомъ по ея улицамъ“; по нашимъ мыслямъ задѣть ее, казалось, ничѣмъ нельзя, развѣ если у нея, какъ у ея сожительницы стамбульской собаки, начать отнимать кость или кусокъ мяса—тогда она освирѣпѣетъ, а чтобы ее могло задѣть нарушеніе какого бы то ни было обычая, обряда — ка-

кой-либо святости нѣтъ, все это за простого мусульманина почитаемъ святыней только мы, ему же все равно — можетъ ли этотъ оскотинившійся обитатель Стамбула обидѣться за что-либо нравственное, не трогающее его матеріальной имущественной, грошевой стороны жизни или его физическихъ чувствъ!

Далѣе, всѣ мы были заняты мыслями, которыя народились въ насъ, а больше всего въ нашемъ мусульманинѣ—ханѣ Карабахскомъ—отказомъ принца Рейсса доставить намъ возможность повидать нашихъ плѣнныхъ, изнывавшихъ подъ начальствомъ какого-нибудь звѣрски настроеннаго „миралая". „Если бы еще тамъ среди нихъ находились братья ваши",—сказалъ онъ съ тою жестокостью, которая изобличаетъ въ немъ сытаго—онъ никогда не пойметъ голоднаго, жаждущаго облегчить свою душу свиданіемъ съ людьми, которые несомнѣнно братья намъ; только не по его понятіямъ — по его мнѣнію, это не такъ—и потому у него легко выливается фраза — „не дѣлайте усложненій ни себѣ, ни турецкимъ властямъ, оставьте это". И пришлось оставить потому, что все равно не допустили бы: у васъ долгъ передъ великимъ княземъ, поѣзжайте скорѣй въ Трепизондъ, завтра отходитъ пароходъ, послѣ этого парохода другой пойдетъ не скоро... И правда, надо спѣшить, но мы знаемъ, что могли бы поспѣть на пароходъ и послѣ свиданія со своими родными, отдавшими отечеству все и попавшими вслѣдъ затѣмъ въ неволю; одно другому не помѣшало бы, только ты, нѣмецко-жидовская тварь, не хочешь усложнять дѣла себѣ — не объ насъ и не объ турецкихъ властяхъ въ этомъ идетъ или шло дѣло, а объ тебѣ и только о твоемъ покоѣ.

Всѣ мы — и я, и Алдатовъ, и юный идеалистъ, чудный Мехти князь Уцміевъ ханъ Карабахскій, были полны этими мыслями, когда доѣхали до византійской гостиницы и тамъ молча принялись завтракать.

Послѣ завтрака, отнявшаго немного времени, мы отправились на пристань хлопотать объ мѣстахъ на пароходѣ; тамъ мы получили большое утѣшеніе и облегченіе, услышавъ отъ француза-капитана о томъ, что онъ навѣщалъ нашихъ плѣнныхъ, и находитъ ихъ настроеніе и самочувствіе не столь дурнымъ, а содержаніе очень хорошимъ, при чемъ онъ добавилъ: среди французской и англійской колоніи здѣсь составился кружокъ изъ знакомыхъ между собой людей; мы навѣщаемъ вашихъ плѣнныхъ и раненыхъ, при чемъ постоянно твердимъ

турецкимъ властямъ о необходимости помнить и соблюдать покой плѣнныхъ воюющей великой державы.

— Не знаю, что будетъ дальше, сказалъ, между прочимъ, добродушный, благородный французъ-капитанъ, но до сихъ поръ мы, взявши на себя частную защиту передъ турками чести и достоинства русскихъ плѣнныхъ и слѣдя другъ за другомъ, видимъ, какъ всѣ относятся къ этому дружно и добросовѣстно— не говоря уже о насъ, французахъ, нужно отдать справедливость и сухимъ сынамъ Альбіона: они передъ этимъ дѣломъ, ставшимъ для нихъ святымъ, съ полною искренностью занимаются неустаннымъ напоминаніемъ сынамъ ислама обязательности для нихъ полной ихъ гуманности относительно несчастныхъ, попавшихъ къ нимъ въ числѣ плѣнныхъ.

Обезпечивъ себя мѣстами на пароходѣ и получивъ отъ капитана выраженіе надежды на оказаніе полнаго съ его стороны содѣйствія намъ въ предстоявшемъ морскомъ путешествіи—мы занялись приготовленіемъ лошадей, людей конвоя, вьюковъ и багажа; на это ушла у насъ вся ночь, а утромъ въ 9 часовъ мы уже начали грузиться, отдаваясь труду этому безъ всякой мысли объ отдыхѣ

Часу въ 12-мъ прибылъ на пристань бѣлобрысый чиновникъ, принявшій накунѣ отъ принца Рейсса наше приношеніе для плѣнныхъ; на мой вопросъ о томъ, когда онъ надѣется передать имъ его, онъ только спросилъ меня — кому именно мы прикажемъ передать? назвавъ фамиліи извѣстныхъ намъ изъ числа плѣнныхъ — полковника Клевезаля, офицеровъ Розова, Домбровскаго и другихъ, попавшихъ въ плѣнъ на Еленинской позиціи Орловскаго полка въ дивизіи князя Николая Ивановича Святополкъ-Мирскаго, я просилъ его только передать имъ въ распоряженіе, а главное быть точнымъ въ скорой передачѣ.

— О, будьте спокойны, и принцъ настоятельно приказалъ, да и мы сами, вполнѣ понимая это, стоимъ на томъ.

Въ это время, слушавшіе разныя мои распоряженія нижніе чины конвоя обратились ко мнѣ съ просьбой разрѣшить и имъ присоединить отъ себя небольшую лепту на плѣнныхъ.

Меня глубоко тронулъ этотъ ихъ порывъ; я, конечно, съ удовольствіемъ принялъ ихъ предложеніе, но очень удивился, когда вдругъ такую же просьбу добавилъ и бѣлобрысый нѣмецъ отъ себя.

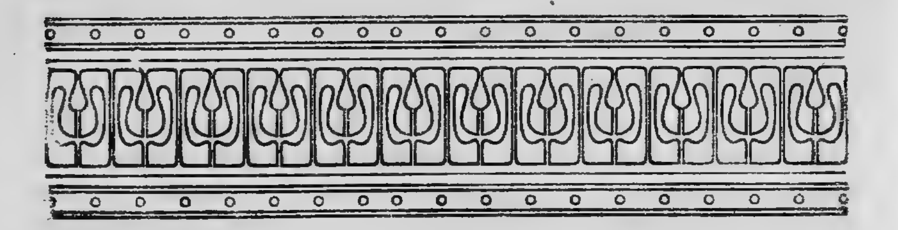
— Позвольте, сказалъ онъ, и мнѣ также быть участникомъ, всѣ мы христіане... запинался онъ.

Это обстоятельство отнимаетъ всякую возможность приписать умыслу то обстоятельство, что, какъ оказалось впослѣдствіи, по полученной мною отъ бывшихъ плѣнныхъ справкѣ— они не только никогда ничего не получили отъ нашего имени, но даже и не слышали, чтобы у насъ было стремленіе удѣлить имъ что-либо...

Е. К. Андреевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

На пути въ святую землю.

По наблюденіямъ и замѣткамъ епископа Порфирія Успенскаго.

I.

Нѣсколько словъ о жизни и трудахъ епископа Порфирія.

Епископъ Порфирій Успенскій, воспоминанію о которомъ намъ хотѣлось бы посвятить теперь нѣсколько задушевно - признательныхъ словъ, принадлежитъ, несомнѣнно, къ небольшому числу лицъ, сравнительно очень скоро и очень счастливо опредѣлившихъ въ себѣ свое истинное призваніе. Правда, первыя одиннадцать лѣтъ своей практической жизни и дѣятельности онъ посвятилъ главнымъ образомъ спеціально педагогическимъ занятіямъ въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ учрежденіяхъ, чему отдаютъ обыкновенно свои дарованія и свои молодыя силы всѣ почти лица, оканчивающія курсъ въ нашихъ высшихъ духовныхъ училищахъ. Но уже и въ эти первые годы своей дѣятельности іеромонахъ Порфирій вносилъ во всѣ свои занятія съ учащимися, въ свои лекціи и уроки всегда столько ободряющее всѣхъ оживленіе и глубокую научную серьезность. Объ этомъ очень опредѣленно говоритъ намъ уже одинъ внѣшній успѣхъ его учебно-педагогической службы, его безпрерывное почти восхожденіе со ступени на ступень по такому трудному и не всегда удобному пути, какъ школьно-служебный.

Въ это же время, по общему удѣлу всѣхъ людей, по преимуществу призванныхъ къ чему-либо выдающемуся, онъ, наряду съ своими прямыми обязанностями по учебной службѣ,

съ необыкновенной добросовѣстностію исполнялъ и тѣ многочисленныя и иногда очень сложныя порученія, какія дополнительно и всегда такъ охотно возлагались на него разными вѣдомствами и учрежденіями, какъ на выдающагося дѣятеля, способнаго отнестись къ каждому поручаемому ему дѣлу съ полнымъ его пониманіемъ. Все это требовало отъ іеромонаха Порфирія большого труда и очень серьезнаго умственнаго напряженія. Но и среди этихъ сложныхъ занятій, чувствуя въ себѣ какъ бы избытокъ умственныхъ дарованій и силъ и неудержимо увлекаемый своимъ призваніемъ къ широкимъ научнымъ обслѣдованіямъ и къ жизни еще болѣе разнообразной и подвижной, онъ уже и во время своей спеціально педагогической службы, проведенной имъ почти исключительно въ Одессѣ, успѣлъ совершить, по собственной инціативѣ, довольно продолжительную поѣздку по побережью нашего историческаго и въ археологическомъ отношеніи очень интереснаго Крыма для возможно внимательнаго и всесторонняго изученія того, что составляло живой предметъ его любознательности.

Такія выдающіяся умственныя способности Порфирія Успенскаго, находившагося тогда уже въ санѣ архимандрита, его впечатлительный, живой и отзывчивый на все умъ, его широкое умѣнье обращаться съ людьми и легко вводить ихъ въ глубокій интересъ своихъ изысканій были совершенно правильно взвѣшены и оцѣнены въ подлежащихъ центральныхъ учрежденіяхъ, благодаря чему онъ, имѣя отъ роду всего лишь 37 лѣтъ, совершенно неожиданно призванъ былъ къ новому болѣе почетному служенію, къ занятію мѣста настоятеля Вѣнской посольской церкви. Этотъ новый служебный постъ и жизнь въ большой европейской столицѣ доставили архимандриту Порфирію, повидимому, полное во всемъ удовлетвореніе. Онъ какъ бы осязательно уже приближался теперь къ переходу на то новое поле научной и общественной дѣятельности, на которомъ суждено было уже окончательно опредѣлиться общему характеру его дѣятельности и всей дальнѣйшей судьбѣ его.

Въ Вѣнѣ при церкви русскаго Императорскаго посольства архимандритъ Порфирій прослужилъ всего только годъ и шесть мѣсяцевъ, съ января 1841 года по іюль 1842 г. Естественно, что за это время онъ долженъ былъ затратить очень много энергіи и тяжелаго умственнаго труда на возможно полное ознакомленіе съ своимъ новымъ служебнымъ положеніемъ и на исполненіе тѣхъ сложныхъ обязанностей, какія возлагались на него теперь его отвѣтственнымъ служеніемъ среди другихъ уже

условій жизни и въ совершенно новомъ для него вѣдомствѣ. Но все это нисколько не ослабляло его крупныхъ душевныхъ силъ и ничѣмъ не отражалось на его склонностяхъ. По-прежнему онъ очень легко справлялся съ своими прямыми по службѣ обязанностями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ и время, и возможность свободно отдаваться тѣмъ болѣе высокимъ порывамъ души, которые влекли его къ созерцанію величественныхъ явленій природы и къ изученію памятниковъ сѣдой старины, какому бы вѣку и какой бы странѣ они ни принадлежали. Движимый живымъ и необыкновенно чуткимъ импульсомъ къ постиженію всего высокаго и прекраснаго, а также и всего, представляющаго тотъ или другой научный интересъ, архимандритъ Порфирій Успенскій, несмотря на крайнюю непродолжительность своей службы въ Вѣнѣ, успѣлъ предпринять въ это время очень продолжительную поѣздку по побережью славянской Далмаціи, для непосредственнаго ознакомленія съ нравственно-религіознымъ и экономическимъ положеніемъ мѣстныхъ православныхъ славянъ, для изученія находящихся здѣсь памятниковъ глубокой церковно-исторической старины и для созерцанія красотъ горной природы, необыкновенно дивныхъ въ этой мѣстности и величественныхъ. Особенно поразила архимандрита Порфирія во время этой поѣздки величественная красота чудныхъ заливовъ, проливовъ и береговыхъ горъ живописной Далмаціи и привела его въ настроеніе полнаго восторга и умиленія. И все это лучше всего отразилось на оставленномъ имъ въ „Книгѣ его бытія“ живописномъ описаніи этого прекраснаго края. Необыкновенно яркое и эффектное, сотканное какъ бы изъ линій, красокъ и цвѣтовъ самой природы, оно навсегда уже сохранится, какъ живой памятникъ необыкновенно возвышенныхъ настроеній и чувствъ, на благоговѣйное переживаніе которыхъ всегда такъ отзывчивъ былъ этотъ неутомимый наблюдатель.

Но пока архимандритъ Порфирій оставался еще подъ живымъ обаяніемъ этихъ дивныхъ красотъ природы и углублялся въ научное обслѣдованіе и изученіе того, что составляло главный предметъ его поѣздки, для него подготовлялось уже новое по службѣ назначеніе и еще болѣе интересная поѣздка на освященный христіанскими воспоминаніями Востокъ, куда давно уже влекли архимандрита Порфирія самыя возвышенныя религіозныя чувства и настроенности. Теперь онъ призывался уже къ выполненію еще болѣе важной и отвѣтственной миссіи, къ изученію дѣйствительнаго положенія православія на Востокѣ,

въ этой многоязычной и разновѣрной странѣ, и къ возможно широкому обслѣдованію тѣхъ христіанскихъ достопримѣчательностей, какими такъ богатъ Востокъ и какія въ значительной своей части и теперь еще остаются недостаточно обслѣдованными, а иногда даже и совсѣмъ не приведенными еще въ извѣстность. За полученіемъ этого новаго назначенія и тѣхъ спеціальныхъ инструкцій, какія предстояло ему выполнить на этомъ пути, архимандритъ Порфирій вызванъ былъ изъ Вѣны въ Петербургъ, куда, не теряя ни одного лишняго дня, онъ и поспѣшилъ отправиться. Повидимому, онъ живо чувствовалъ то, что завѣтная цѣль его призванія теперь какъ бы сама уже идетъ къ нему навстрѣчу, и что наступившій моментъ предопредѣляетъ уже собой всю послѣдующую его жизнь и дѣятельность.

И дѣйствительно, все то, что произошло потомъ въ служебной жизни и ученой дѣятельности архимандрита Порфирія, вполнѣ совпало съ тѣми ожиданіями и надеждами, какія пережиты были имъ именно теперь, при полученіи перваго увѣдомленія о призваніи его на новую чреду служенія церкви и наукѣ. Отдаленный Востокъ дѣлается теперь для архимандрита Порфирія какъ бы его второй родиной, которой онъ беззавѣтно уже отдаетъ всѣ лучшія свои силы, чувства и настроенности. Для этого вполнѣ благопріятно складываются и всѣ внѣшнія обстоятельства его трудовой жизни. Въ періодъ времени съ 23 мая 1843 по 23 іюня 1846 года ему прежде всего предоставляется совершить продолжительную и очень богатую научными обслѣдованіями поѣздку по Сиріи, Святой Землѣ и Египту для подробнаго и всесторонняго ознакомленія съ нравственно-религіознымъ и экономическимъ положеніемъ православныхъ христіанъ на Востокѣ. Въ это же время онъ успѣваетъ широко познакомиться и съ неистощимыми научными сокровищами аѳонскихъ и синайскихъ монастырей, представляющими необыкновенно живой интересъ для всякаго ученаго изслѣдователя. Затѣмъ въ октябрѣ 1847 года ему удается во второй уже разъ отправиться на Востокъ и теперь уже въ почетномъ званіи начальника первой Іерусалимской миссіи, принятой имъ на себя, разумѣется, очень охотно. При исполненіи этихъ новыхъ обязанностей онъ оставался, съ большой пользой для церкви и науки, до 3 мая 1854 года, до нашего дипломатическаго разрыва съ Портой предъ Крымской войной. Но и возвратившись теперь къ себѣ на родину, онъ ни на минуту не прерывалъ своихъ научныхъ трудовъ и изслѣдова-

ній. Въ глубинѣ своего ученаго уединенія, онъ какъ бы продолжалъ еще жить на Востокѣ, среди вывезенныхъ имъ оттуда научныхъ сокровищъ, а также и тѣхъ всегда живыхъ воспоминаній, какія сохранились въ немъ объ этой своеобразной странѣ, представляющей въ составѣ своего населенія необыкновенно причудливую смѣсь этнографическихъ племенъ, нарѣчій и религіозныхъ вѣрованій.

Но нашъ дипломатическій разрывъ съ Турціей и послѣдовавшая за нимъ Крымская война съ цѣлой коалиціей европейскихъ державъ были, къ счастію, не особенно продолжительны и закончились въ мартѣ 1856 года Парижскимъ миромъ. Для неутомимой дѣятельности нашего ученаго изслѣдователя снова открывался такимъ образомъ широкій просторъ въ той же самой богатой христіанскими достопримѣчательностями странѣ, которую нѣсколько лѣтъ назадъ ему пришлось оставить такъ неожиданно. Съ 24 апрѣля 1858 года мы видимъ архимандрита Порфирія снова отправляющимся на Востокъ, столько увлекавшій его своими памятниками, и теперь уже съ спеціально научнымъ порученіемъ. Онъ долженъ былъ посвятить теперь свое время и свой трудъ собиранію свѣдѣній по церковной археологіи и живописи, описанію утвари восточныхъ церквей, библіотекъ и архивовъ, и установленію болѣе близкихъ и дружественныхъ отношеній съ Коптскимъ духовенствомъ, судьбой котораго онъ успѣлъ заинтересовать русскій православный синодъ еще со времени своей первой въ эти края поѣздки. Въ этой новой своей командировкѣ на разновѣрный и разноязычный Востокъ, увлекаемый богатствомъ и разнообразіемъ своихъ научныхъ пріобрѣтеній и работъ, вмѣсто одного года, какъ это вначалѣ предполагалось, онъ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ, до 13 августа 1861 года. За это время имъ посѣщены были Константинополь, св. Аѳонъ, Ѳессалія, Метеорскіе монастыри, Малая Азія, Сирія, Палестина и нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей, какъ напримѣръ св. Аѳонъ, по два или по три раза. На Аѳонъ по преимуществу влекли его неистощимыя священно-историческія достопримѣчательности, какими такъ богаты эти святыя горы.

Нужно ли уже и говорить о томъ, что на пути этихъ научныхъ работъ все, повидимому, благопріятствовало нашему изслѣдователю, все какъ бы само собою шло ему навстрѣчу. На широкомъ пути своихъ научныхъ изысканій онъ собралъ здѣсь и повезъ съ собой въ Россію для дальнѣйшаго обслѣдованія и изученія столько памятниковъ священно-историче-

ской святыни и старины и столько цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи и современному положенію восточныхъ церквей, что для приведенія въ полный порядокъ и для всесторонней научной разработки всѣхъ этихъ сокровищъ мало было цѣлой жизни даже такого неутомимаго дѣятеля, какимъ былъ архимандритъ Порфирій.

Неустаннымъ научнымъ трудамъ по разсмотрѣнію и изученію этихъ памятниковъ посвящены были теперь архимандритомъ Порфиріемъ прежде всего первые три съ половиной года, проведенные имъ въ Петербургѣ на полной свободѣ отъ всякихъ другихъ занятій, которыя могли бы нѣсколько отвлекать его отъ спеціально-научныхъ работъ и ослаблять его вниманіе. Своихъ любимыхъ занятій по изслѣдованію нашей православной святыни и старины онъ никогда не оставлялъ и на своемъ новомъ служебномъ посту, въ санѣ Чигиринскаго епископа, викарія Кіевской метрополіи, въ каковой санъ онъ возведенъ былъ 14-го февраля 1865 года, уже на 61 году своей трудовой жизни. Но еще съ большей свободой и настойчивостью углублялся онъ въ безбрежный океанъ своихъ научныхъ сокровищъ въ послѣднія 7 лѣтъ своей трудовой жизни, въ занимаемой имъ тогда довольно спокойной сравнительно должности настоятеля московскаго Новоспасскаго монастыря и члена московской синодальной конторы. Служебныя занятія по этимъ должностямъ не требовали уже отъ епископа Порфирія ничего другого, какъ только вполнѣ внимательнаго общаго наблюденія за религіозно-нравственнымъ направленіемъ иноческой жизни въ стѣнахъ Новоспасскаго монастыря, столько же общаго наблюденія за состояніемъ его матеріальныхъ средствъ и всегда почти очень непродолжительнаго пребыванія въ стѣнахъ московской синодальной конторы въ немногіе дни и часы общаго засѣданія ея членовъ. Поэтому весь избытокъ своего времени и своихъ выдающихся физическихъ и духовныхъ силъ онъ могъ уже совершенно безпрепятственно отдавать теперь своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ.

И, конечно, въ этихъ чисто кабинетныхъ трудахъ епископъ Порфирій находилъ полное для себя удовлетвореніе. Тихій и ничѣмъ невозмутимый покой нисходилъ тогда на всѣ настроенія его души, на всѣ движенія его сердца и приносилъ ему то высокое научное наслажденіе, какое доступно однимъ только умамъ и сердцамъ высокимъ. Когда же наступилъ, наконецъ, послѣдній предѣлъ его жизненнаго пути, епископъ Порфирій, бросая послѣдній уже взглядъ на раскрытыя предъ нимъ со-

кровища науки и знанія, не могъ не найти истиннаго утѣшенія въ спокойномъ сознаніи того, что онъ успѣлъ уже сдѣлать для церкви и родины. На этомъ кроткомъ сознаніи прекрасно выполненнаго имъ въ отношеніи къ своей странѣ долга тихо и навсегда уже пріостановилось теперь біеніе его сердца, всегда такого чуткаго ко всему и отзывчиваго. На пробуждавшійся огромный городъ посылало тогда свои первые лучи величественно поднимавшееся надъ нимъ ясное весеннее солнце. Его ласкающій утренній свѣтъ спокойно проникъ въ это время и въ тихую комнату умирающаго епископа, который никогда и ни въ чемъ не любилъ тьмы, но всегда стремился къ солнечному теплу и къ истинному свѣту науки и знанія. Это было утромъ 19 апрѣля 1885 года, въ исходѣ шестого часа.

II.

Передъ отъѣздомъ въ святую землю.

Въ нашу настоящую задачу не входитъ, конечно, общее обслѣдованіе разнообразныхъ научныхъ изысканій и работъ епископа Порфирія Успенскаго. На этотъ разъ мы думаемъ остановить вниманіе нашихъ читателей на тѣхъ лишь чувствахъ и настроеніяхъ, какія пришлось пережить ему въ 1842 и 1843 годахъ сначала въ Петербургѣ, гдѣ онъ провелъ около семи мѣсяцевъ въ ожиданіи окончательныхъ распоряженій по его новому назначенію, а затѣмъ уже и въ самомъ пути отъ Петербурга до Іерусалима, когда наступило уже время для фактическаго выполненія имъ того очень важнаго и отвѣтственнаго дѣла, какимъ навсегда уже опредѣлялся теперь весь послѣдующій характеръ его ученой и практической дѣятельности.

Въ своемъ мѣстѣ мы имѣли уже случай упомянуть о томъ, какъ интересовался архимандритъ Порфирій своей научно-служебной поѣздкой на нашъ ближайшій Востокъ, покрытый такими дорогими для каждаго вѣрующаго воспоминаніями, какъ чутко онъ любилъ природу съ ея дивно величественной красотой и неистощимымъ разнообразіемъ и какъ, наконецъ, неудержимо порывался къ тому, чтобы какъ можно чаще находиться подъ ея чарующимъ обаяніемъ. Любилъ онъ также непосредственно обращаться и съ людьми, богатыми широкимъ практическимъ опытомъ, умѣлъ говорить съ ними и приводить ихъ въ такое настроеніе, въ которомъ они съ полною довѣрчивостью раскрывали предъ нимъ все то, что могло живо интересовать

архимандрита Порфирія и быть существенно полезнымъ для его дѣла. Но еще болѣе волновали и влекли къ себѣ архимандрита Порфирія памятники святой христіанской старины: восточные древніе храмы, монастыри, историческіе памятники, старыя рукописныя на древнихъ языкахъ книги, иконы стараго письма и т. п.

И вотъ теперь, на своемъ новомъ служебномъ пути, архимандритъ Порфирій могъ уже совершенно свободно и широко отдаваться тому, что по преимуществу согласовалось съ этими лучшими его душевными чертами и склонностями. Это вносило въ общее настроеніе его души, и безъ того уже всегда и на все очень отзывчивой и бодрой, какое-то особенно ободряющее оживленіе и какъ будто удваивало его силы. Онъ сдѣлался теперь еще болѣе чуткимъ и отзывчивымъ на все, съ чѣмъ сталкивала его жизнь, къ чему онъ теперь прикасался. Многіе предметы получали теперь для него совершенно новое уже значеніе и казались ему освѣщенными какъ бы совершенно другимъ уже свѣтомъ. Переполненная чувствомъ полнаго удовлетворенія, душа его во все вносила частицу своего собственнаго настроенія, своихъ чувствъ, своихъ желаній. Особенную же, повидимому, чуткость онъ обнаруживалъ въ это время въ пониманіи людей, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и въ наслажденіи красотами природы, вызывавшими въ его душѣ, какъ это было, между прочимъ, на живописныхъ берегахъ Босфора, такія чудныя отзвучія и такіе нѣжные тона и краски. Глубоко развитое чувство къ живой природѣ архимандритъ Порфирій успѣлъ обнаружить еще на живописныхъ берегахъ Далмаціи, поразившихъ его своей грандіозной красотой и вызвавшихъ въ его душѣ необыкновенно яркія краски и тона для вдохновенно художественнаго ихъ описанія. Но теперь, на роскошныхъ берегахъ Босфора и въ совершенно другомъ уже настроеніи, онъ еще глубже подпадалъ подъ обаяніе той чарующей красоты и еще глубже ею наслаждался. Впослѣдствіи очень плѣняли его также и величественные Ливанъ и Антиливанъ. Но отъ этихъ горныхъ высотъ вниманіе архимандрита Порфирія невольно уже отвлекалось тогда къ прямымъ задачамъ и цѣлямъ его служебнаго пути, и потому эти гордыя горныя твердыни остались описанными имъ какъ бы уже вскользь, кистью гораздо болѣе нерѣшительной и блѣдной.

Чтобы хоть нѣсколько раскрыть внутренній міръ души нашего ученаго изслѣдователя именно въ этотъ переходный періодъ его жизни и сохранить по возможности всѣ малѣйшіе

оттѣнки въ его чувствахъ, взглядахъ и понятіяхъ, мы не находимъ ничего лучшаго, какъ обратиться къ подлиннымъ словамъ прекрасной „Книги его бытія", въ которой то съ полной добросовѣстностью обсуждающаго факты историка, то съ роскошными цвѣтами и красками вдохновеннаго художника-поэта, такъ прекрасно воспроизведено все то, что пришлось пережить и перечувствовать архимандриту Порфирію сначала въ дни нетерпѣливаго ожиданія имъ поѣздки на Востокъ, а затѣмъ и въ первые мѣсяцы пути къ новому мѣсту своего назначенія. Это было въ періодъ времени съ 11 октября 1842 года по 20 декабря 1843 года.

Первое необыкновенно искреннее и глубоко трогательное чувство, какое пришлось пережить архимандриту Порфирію по пріѣздѣ его изъ Вѣны въ Петербургъ, вызвано было въ немъ кончиной петербургскаго митрополита Серафима, котораго, повидимому, очень хорошо зналъ архимандритъ Порфирій и къ которому относился почти съ благоговѣніемъ. Вотъ, что отмѣтилъ онъ въ знаменитой „Книгѣ своего бытія" объ этомъ истинно добромъ пастырѣ.

„Въ семнадцатый день января настоящаго лѣта Господня (1843 года) православная церковь россійская лишилась знаменитаго первосвятителя своего, преосвященнаго митрополита Серафима. Тихо уклонилось отъ взоровъ нашихъ такъ долго озарявшее насъ свѣтило и скрылось въ непроницаемыхъ безднахъ свѣта невечерняго. Но какъ по закатѣ солнца долго еще остается на небосклонѣ его отсвѣтъ, такъ по удаленіи отъ насъ богоподобной, свѣтлой души Серафима еще долго пребывало въ храмѣ Господнемъ освященное таинственно тѣло его. Семь дней явлено было оно сѣтующимъ чадамъ церкви православной въ знаменіе и наученіе, что смерть христіанъ есть не что иное, какъ тихій и безмятежный сонъ, отъ котораго при кончинѣ міра возбудитъ ихъ труба архангела. Во всѣ эти дни семь архіереевъ поочередно приносили Богу безкровную примирительную жертву о спасеніи души усопшаго собрата и сотрудника въ вертоградѣ Христовомъ и въ шесть часовъ пополудни совершали панихиды. Во всѣ эти дни у гроба служителя Слова непрерывно слышалось чтеніе Божія Слова. Во всѣ эти дни осиротѣвшая паства необозримыми волнами стекалась въ Александро-Невскую лавру отдать послѣдній долгъ архипастырю и вознести теплыя молитвы о немъ къ престолу Пастыреначальника Господа Іисуса Христа".

Въ воскресенье 24 января онъ погребенъ былъ въ церкви Сошествія Св. Духа, подлѣ царскихъ вратъ, подъ храмовымъ ея образомъ.

„Итакъ, скрылся отъ насъ на вѣки возлюбленный архипастырь нашъ. Пока проходилъ онъ земное поприще, вѣра, подобно горнему лучу, освѣщала стези его жизни и онъ, не смежая очей своихъ, бодренно шелъ по указаніямъ сего путеводнаго свѣта и вдругъ вступилъ въ область вѣдѣнія. Сердце его непрерывно горѣло любовію къ Богу, царю, отечеству и ко всѣмъ ближнимъ; и онъ воспарилъ на небо на крыліяхъ смиренія, милосердія, молитвы. Внутренній человѣкъ его, какъ фениксъ, возрождался и возросталъ во время оскудѣванія человѣка внѣшняго, и надъ прахомъ его вознесся въ горнія обители, гдѣ онъ будетъ восходить отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, отъ блаженства къ блаженству, наслаждаясь лицезрѣніемъ Господа Іисуса и общеніемъ съ сонмами духовъ, достигшихъ совершенства“.

„Вѣчная память тебѣ, твердый подвижникъ вѣры православной, неуклонный блюститель Господней истины въ словесномъ стадѣ Христовомъ. Отечественная церковь, вознося теплыя о тебѣ молитвы къ Небесному Подвигоположнику добрыхъ пастырей, на вѣки сохранитъ глубокоблагодарное воспоминаніе о твоихъ незабвенныхъ заслугахъ“.

Совершенно другія уже чувства и настроенія приходилось испытывать въ это время архимандриту Порфирію въ болѣе дѣловомъ или такъ называемомъ „оффиціальномъ Петербургѣ“. Здѣсь его пытливая и прямая душа не всегда уже и не во всѣхъ находила для себя вполнѣ отзывчивый на все доброе привѣтъ и то нравственное удовлетвореніе, какого она всегда, кажется, и во всемъ искала.

Тѣмъ не менѣе, всѣ предварительные переговоры его съ директоромъ азіатскаго департамента, Синявинымъ, о задачахъ и цѣляхъ своей первой поѣздки на Востокъ не вносили никакихъ почти волненій и тревогъ въ его общія очень повышенныя въ это время чувства и настроенія. Къ Синявину гораздо чаще, чѣмъ къ какому-либо другому должностному лицу, долженъ былъ обращаться въ это время архимандритъ Порфирій и всегда находилъ здѣсь если уже и не отзывчиво живое и теплое участіе въ своемъ дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, всегда ясный и опредѣленный отвѣтъ на тѣ вопросы и недоумѣнія, обсужденіе и разрѣшеніе которыхъ было теперь для архиман-

дрита Порфирія такъ необходимо. Отъ директора департамента Синявина архимандритомъ Порфиріемъ получено было, между прочимъ, и очень важное для его будущей миссіи сообщеніе о томъ, какъ относились и продолжали относиться восточные патріархи къ управленію принадлежащими имъ имѣніями въ придунайскихъ княжествахъ, Молдавіи и Валахіи.

„Съ давнихъ временъ, говорилъ, между прочимъ, Синявинъ, патріархи и разные монастыри православные владѣютъ богатыми имѣніями въ Молдавіи и Валахіи. Эти имѣнія достались имъ по духовнымъ завѣщаніямъ тамошнихъ господарей и бояръ. По волѣ завѣщателей восточные отцы обязаны были доходами съ имѣній своихъ устроять и содержать въ помѣстьяхъ своихъ церкви, богоугодныя заведенія, училища и остальную часть прибытковъ употреблять на свои нужды. Но эта воля никогда не была выполнена ими въ точности. Почти всѣ доходы съ имѣній переходили въ руки патріарховъ, монастырей и ихъ управителей, и благотворительная цѣль завѣщателей не достигалась. По окончаніи послѣдней турецкой войны, по трактату адріанопольскому, Государь Императоръ предпринялъ и сдѣлалъ разныя преобразованія въ обоихъ княжествахъ. Между прочими улучшеніями постановлено было ввести законный порядокъ управленія церковными имѣніями сообразно съ волею завѣщателей оныхъ. Патріархамъ предложено было отдавать сіи имѣнья въ аренду съ публичныхъ торговъ, дабы привести въ извѣстность доходы, какіе могутъ быть получаемы съ нихъ и треть ихъ употреблять на устроеніе училищъ и богоугодныхъ заведеній, половину (?) на церкви и причтъ въ самыхъ имѣніяхъ, а остальную треть предоставить владѣльцамъ. Восточные отцы недовольны были этимъ предложеніемъ. Такъ какъ срокъ новаго управленія имѣніями ихъ назначенъ былъ съ 1832 года, то они, показавъ огромные долги свои, накопившіеся по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, просили отсрочки и неограниченнаго права пользоваться всѣми доходами съ имѣній для уплаты долговъ. Изъ уваженія къ ихъ ходатайству и нуждамъ отсрочка была дана имъ на два года и потомъ, по новой просьбѣ ихъ, еще на 10 лѣтъ до 1844 года. Кажется, промолвилъ Синявинъ, это дѣло никогда не кончится. Патріархи медлятъ, хитрятъ, жалуются, а въ существѣ боятся обнаруженія количества доходовъ. Ибо тогда уже совѣстно имъ будетъ нищенствовать. И такъ, будьте осторожны въ обращеніи съ ними и не довѣряйте всѣмъ жалобамъ ихъ. Жадныхъ людей ничѣмъ не насытишь“!

Затѣмъ директоромъ азіатскаго департамента даны были архимандриту Порфирію уже совершенно прямыя и точныя указанія на основныя задачи и цѣли возлагаемой на него миссіи, а также и на существенно обязательный для него образъ дѣйствій на пути къ достиженію этихъ задачъ и цѣлей. При этомъ съ особенной настоятельностью предлагалось архимандриту Порфирію соблюдать во все время его разъѣздовъ по Востоку, между прочимъ, слѣдующее:

1. Всегда строго и точно исполнять всѣ обязанности поклонника.

2. Не окружать себя никакою таинственностью, но и ничѣмъ не выказывать того, что онъ посланъ правительствомъ.

3. Стараться пріобрѣсти довѣріе и любовь восточнаго духовенства и, пользуясь его расположеніемъ, узнавать постепенно настоящія потребности православной церкви въ Палестинѣ и духъ, усилія, средства, успѣхи или неудачи тамошнихъ католиковъ, армянъ и протестантовъ.

4. Ни въ какомъ случаѣ не дѣлать тамъ какихъ-либо распоряженій. Нужно только собрать вѣрныя свѣдѣнія о состояніи палестинской церкви и на мѣстѣ обсудить, какія мѣры надлежитъ принять для поддержанія и благосостоянія ея.

5. Отчетъ о ней написать уже въ Константинополѣ, по возвращеніи изъ Іерусалима, и представить его посланнику, который отъ себя уже препроводитъ этотъ отчетъ въ Петербургъ при своемъ мнѣніи. Можно, конечно, показать ему предварительно черновой отчетъ и переговорить съ нимъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ будетъ судить иначе. Ему лучше извѣстны церковныя и политическія дѣла въ Турціи, и потому его сужденія могутъ послужить повѣркой другихъ мнѣній.

„Однако же, прибавилъ въ заключеніе своей рѣчи директоръ Синявинъ, обращаясь къ архимандриту Порфирію, мы не стѣсняемъ васъ. Можете писать отчетъ, какъ вамъ угодно, на основаніи своихъ наблюденій. И такъ, все существенное вамъ сказано“.

Менѣе благопріятны во всѣхъ отношеніяхъ и, къ сожалѣнію, едва-ли даже и болѣе производительны были для архимандрита Порфирія его должностныя представленія къ оберъ-прокурору Св. Синода, графу Протасову, хотя поручаемая теперь архимандриту Порфирію миссія никого не касалась такъ близко, какъ Св. Синода и его ближайшаго представителя предъ лицомъ верховной власти. Особенно тяжелъ былъ для архимандрита Порфирія въ служебномъ и чисто нравственномъ отношеніи его

второй разговоръ съ этимъ высокопоставленнымъ лицомъ, располагавшимъ такими обширными полномочіями въ предѣлахъ своего вѣдомства. И дѣйствительно, если бы хоть нѣсколько измѣнилъ архимандриту Порфирію въ это время его общій служебный тактъ, довольно хорошо выдержанный, то все начатое теперь дѣло по отправленію его на Востокъ могло бы или перейти въ другія руки, къ менѣе способному и дѣятельному исполнителю, или даже и совсѣмъ пріостановиться.

И нужно же было случиться тому, что именно въ это время (28 марта 1843 года) между 5 и 8 часами вечера, какой-то дерзкій негодяй обокралъ архимандрита Порфирія и его служителя. У самого Порфирія онъ унесъ 1.700 рублей ассигнаціями, всѣ кресты, ордена и все столовое и чайное серебро, а у служителя—большую часть лучшей его одежды. Архимандритъ Порфирій, при столько свойственной ему нестяжательности, отнесся къ этому сравнительно очень спокойно и больше всего жалѣлъ лишь о похищенной у него воромъ книжкѣ, въ которой записаны были имъ для памяти статистическія свѣдѣнія о настоящемъ состояніи Палестины и Сиріи, а также внесены были туда и нѣкоторыя научныя замѣтки о Крымѣ. Мало этого! По поводу своей покражи онъ даже шутилъ надъ грубой простотой воровъ, которые, по невѣжеству своему, совершенно не знаютъ настоящей цѣны похищаемыхъ ими предметовъ и захватываютъ съ собой часто то, въ чемъ совершенно не нуждаются. „Видно, что и мой воръ, читаемъ мы въ дневникѣ архимандрита Порфирія, былъ человѣкъ неученый, иначе онъ оставилъ бы мнѣ эту книжку, зная, что она дороже мнѣ тѣхъ денегъ, кои хранились въ ней. Не худо было бы внушить всѣмъ ворамъ, чтобы они не похищали у ученыхъ монаховъ ихъ книгъ и рукописей, а брали бы однѣ деньги, кои не такъ нужны имъ“.

Такъ простодушно отнесся архимандритъ Порфирій къ произведенной у него покражѣ денегъ, вещей и разныхъ ученыхъ замѣтокъ, хотя одна уже матеріальная цѣнность всѣхъ этихъ предметовъ была для него очень значительна. Но въ Петербургѣ, какъ увидимъ послѣ, даже и этотъ случай, возможный въ жизни каждаго, поставленъ былъ ему въ очень большую вину, какъ человѣку, будто бы, разсѣянному, беззаботному, не умѣющему хорошо охранять даже своей небольшой собственности. Это высказано было архимандриту Порфирію въ довольно рѣзкихъ словахъ во второе представленіе его къ синодальному оберъ-прокурору, графу Протасову, и затѣмъ, повидимому, безъ

всякаго измѣненія, слово въ слово, внесено было архимандритомъ Порфиріемъ и въ его дневной журналъ, подъ 18 числомъ мая мѣсяца 1843 года. Приводимъ все это здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ изложенъ этотъ интересный матеріалъ самимъ архимандритомъ Порфиріемъ „въ книгѣ бытія его“, на страницахъ 119, 130—133.

4 мая 1843 года, пишетъ онъ, я былъ у оберъ-прокурора Св. Синода и между прочимъ просилъ его сказать мнѣ, какъ должно отвѣтить Константинопольскому патріарху, если онъ спроситъ меня о мнѣніи нашего Синода или нашихъ богослововъ касательно законности или незаконности Синода аѳинскаго. Графъ отвѣчалъ: „поговорите объ этомъ съ посланникомъ нашимъ при Портѣ Оттоманской, г. Титовымъ“. Я удивился такому отвѣту его и невольно возразилъ ему, что это дѣло не Титова, а Св. Синода. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что это дѣло не Синода, а Государя и что Константинопольская миссія наша должна знать и, безъ сомнѣнія, знаетъ мысли Его Величества объ этомъ предметѣ. „Впрочемъ, присовокупилъ онъ, какъ бы обдумавшись,—Вы можете сказать патріарху, что россійскій Синодъ и всѣ прочія іерархіи наши думаютъ объ аѳинскомъ Синодѣ такъ же, какъ думаетъ его святѣйшество“.

Въ другой разъ, именно 18 мая, оберъ-прокуроръ Синода принялъ меня, повидимому, ласково; но въ глубинѣ души его таился огонь, который едва не спалилъ меня. Записываю разговоръ съ нимъ.

— Ваше сіятельство! въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ даны мнѣ всѣ предварительныя свѣдѣнія и словесныя наставленія о занятіяхъ моихъ въ Палестинѣ. Тамъ я получилъ и деньги, Высочайше пожалованныя мнѣ на проѣздъ и путевое содержаніе до Іерусалима. А изъ вашей канцеляріи прислана мнѣ подорожная до Одессы. Остается...— Что остается? — прервалъ меня графъ. Поѣзжайте! Пора!

— Остается получить изъ Св. Синода увольненіе въ Турцію, дорожный билетъ и часть жалованья за январскую треть сего года.

— Что-жъ? Были вы у Войцеховича? Говорили ему, чтобы онъ изготовилъ вамъ всѣ бумаги, нужныя къ отъѣзду?

— Былъ неоднократно, но не заставалъ его дома.

— Видно, вы не умѣете хлопотать о себѣ и о дѣлахъ. Въ домѣ васъ обокрали; что, если еще ограбятъ васъ въ дорогѣ? Дѣло ваше оканчивается такъ медленно!

Эти несправедливые упреки и гнѣвный тонъ, какимъ они произнесены были, взволновали меня. Но я сохранилъ присут-

ствіе духа и отвѣчалъ графу неспокойно и быстро: ваше сіятельство! Семь мѣсяцевъ слишкомъ я живу здѣсь, ожидая рѣшенія дѣла о мнѣ; немедленно являюсь туда, куда зовутъ меня по службѣ, а безвременной докукою не смѣю безпокоить тѣхъ, которые не приглашаютъ меня; не смѣю отвлекать ихъ отъ занятій. Не самъ я выпросилъ себѣ настоящее порученіе; такъ и думалъ, что не самому мнѣ надлежитъ ускорять ходъ дѣла, которое нимало не зависитъ отъ моей воли. Приказывайте мнѣ, что угодно; я исполню ваши приказанія, потому что чувствую въ себѣ избытокъ силъ, потребныхъ для полезной службы. Но виноватъ ли я, что не могу застать дома г. Войцеховича? Виноватъ ли я, что меня обокрали? Въ синодальномъ подворьѣ, гдѣ мнѣ дана келья, открыты три выхода и ни одинъ изъ нихъ не охраняется. Есть сторожа, но они служатъ чиновникамъ синодскимъ и работаютъ для хозяевъ сосѣдняго дома. Послѣ этого, удивительно ли, что меня обокрали среди бѣлаго дня? Виноватъ не я, а секретарь Синода, Колеровъ, которому поручено смотрѣніе за подворьемъ. Не меня перваго тамъ обворовывали; было много покражъ; я слышалъ, что изъ тамошней церкви пропадали иконы. Отъ васъ скрывали это зло; а я рѣшился подать объявленіе о пропажѣ моихъ денегъ и вещей, дабы приняты были мѣры къ охраненію подворья. Тяжело мнѣ отъ того, что я обвиненъ предъ вашимъ сіятельствомъ въ неосторожности и, быть можетъ, въ чемъ-либо другомъ. Не легко мнѣ жить и безъ денегъ. Хожу въ Синодъ за жалованьемъ; тамъ мнѣ говорятъ: „идите въ канцелярію его сіятельства". Иду въ вашу канцелярію; тамъ мнѣ отвѣчаютъ: „нельзя дать вамъ деньги, васъ обокрадутъ; вы получите ихъ предъ самымъ отъѣздомъ". Послѣ сего я не знаю, что дѣлать?

— Вы не знаете, что дѣлать? быстро возразилъ графъ, разгнѣванный моей отповѣдью, и придвинулся ко мнѣ весьма близко. Вы, какъ я вижу, неохотно принимаете возлагаемое на васъ порученіе. Это дурно. Безъ любви, безъ жара, безъ усилій, безъ самоотверженія, никто не достигаетъ своихъ цѣлей. Скажите мнѣ рѣшительно: хотите вы ѣхать или нѣтъ? Сейчасъ я отправляюсь къ Государю Императору и доложу ему, что вы отказываетесь отъ порученія. На мѣсто ваше найду другого. Говорите сейчасъ, сію минуту".

При такомъ неожиданномъ напорѣ я поблѣднѣлъ, но сохранилъ полное присутствіе духа и уже спокойно отвѣчалъ графу:

— Я въ вашей власти. Если вамъ угодно послать меня въ Іерусалимъ, я поѣду туда съ величайшею охотою. Мнѣ отрадно

исполнить возлагаемое на меня порученіе и вмѣстѣ удовлетворить давней потребности души моей. Еще въ Вѣну я поѣхалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ на службѣ при тамошнемъ посольствѣ отправиться въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. И вотъ, Провидѣніе Божіе устроило обстоятельства моей жизни такъ, что сочетало обѣтъ мой съ порученіемъ правительства. Покоряюсь волѣ Господней, благоговѣя передъ нею. Но, можетъ быть, я сдѣлался недостойнымъ орудіемъ власти. И такъ, поступайте со мною, какъ хотите. Но все-таки, по истеченіи нѣкотораго времени, я буду просить у васъ позволенія съѣздить въ Іерусалимъ, куда влекутъ меня сердце и наука.

Графъ немного успокоился. Догадываюсь, что частію рѣчь моя, частію представившееся ему затрудненіе замѣнить меня и снова начать дѣло предъ Государемъ, которому давно я былъ поставленъ на видъ, удержали его въ границахъ благоразумія. Однако не вдругъ утихло въ немъ волненіе душевное. Снова послышались непріятныя рѣчи.

— Я замѣчаю, сказалъ онъ, что многіе изъ васъ неблагодарны и всегда недовольны. Впрочемъ, есть и признательные между вами. Теперь я скажу вамъ всю правду. Вы удивили Синодъ своею просьбою о выдачѣ вамъ денегъ въ уплату вашихъ долговъ въ Вѣнѣ. Неслыханное дѣло! Архимандритъ въ долгахъ и отъ того не можетъ выѣхать изъ-за границы! Но и въ этомъ случаѣ оказана вамъ милость. Никто изъ духовныхъ, даже изъ архіереевъ, не стоитъ такъ дорого правительству, какъ вы. Знаете ли? На дняхъ мы хотѣли лишить васъ жалованья, и произвести его уже со дня отправленія вашего изъ Одессы, а до той поры приписать васъ къ Херсонскому архіерейскому дому (морозъ подралъ меня по кожѣ), но передумали и оказали вамъ снисхожденіе. А вы осмѣливаетесь жаловаться. Будьте довольны и благодарны, и, какъ говорятъ итальянцы, con amore принимайтесь за дѣло.

Послѣ сего графъ всталъ и пошелъ; но я удержалъ его и сказалъ: „извините, ваше сіятельство, невольный порывъ мой. Жалоба моя не есть отголосокъ неблагодарности или недовольства. Нѣтъ, она есть нечаянное волненіе души человѣка, который все имѣетъ по праву, но по обстоятельствамъ долго не получаетъ своего на дѣлѣ. Богъ видитъ глубь сердца моего, и Ему извѣстно, какъ я признателенъ вашему сіятельству. Вы мой благодѣтель. Вы дали мнѣ отдыхъ, уволивъ меня на время отъ профессорской должности въ Херсонской семинаріи съ со-

храненіемъ жалованья; по вашему ходатайству я опредѣленъ былъ въ Вѣну, гдѣ укрѣпились мои силы; по вашей милости я получилъ 500 рублей для уплаты долга моего за книги; вы назначили меня въ Іерусалимъ".

— Благодарите Бога за все. Христосъ съ вами! Поѣзжайте къ Войцеховичу и Сербиновичу и скажите имъ отъ моего имени, чтобы они изготовили всѣ нужныя бумаги и выдали вамъ жалованье. Побывайте у меня въ день вашего отъѣзда.

Я откланялся графу и поѣхалъ къ книгочіямъ его.

Въ этомъ довольно большомъ извлеченіи, приведенномъ нами изъ „Дневника" архимандрита Порфирія слово въ слово, особенно хорошо схвачено и передано то душевное настроеніе, въ какомъ находились въ моментъ разговора оба участвовавшія въ немъ лица—и получавшій разныя замѣчанія и упреки архимандритъ Порфирій, и дававшій ихъ съ такимъ возбужденнымъ волненіемъ оберъ-прокуроръ Синода, графъ Протасовъ. Можетъ быть, нѣсколько неостороженъ былъ въ словахъ во время этого разговора и самъ архимандритъ Порфирій. Но все же нельзя не признать и того, что слишкомъ несдержанный тонъ, въ который такъ часто переходилъ высшій представитель синодальной власти, нисколько не соотвѣтствовалъ ни взаимному положенію участвовавшихъ въ этомъ разговорѣ лицъ, ни важности принятаго на себя архимандритомъ Порфиріемъ дѣла, подлежавшаго, несомнѣнно, болѣе дѣловому и болѣе спокойному обсужденію, ни тому крайне неудобному времени, въ какое все это происходило. Архимандритъ Порфирій проводилъ теперь въ Петербургѣ послѣдніе уже свои дни и потому, естественно, могъ ожидать отъ представителя высшей духовной власти совершенно другихъ уже указаній, рѣчей и истинно благожелательныхъ на все и добрыхъ совѣтовъ.

Простившись съ графомъ Протасовымъ, архимандритъ Порфирій въ тотъ же самый день (18 мая) пожелалъ проститься предъ своимъ отъѣздомъ на Востокъ и съ нѣкоторыми жившими въ Петербургѣ владыками и прежде всего съ состоявшимъ здѣсь на очереди въ составѣ членовъ Синода, преосвященнымъ Іосифомъ Семашко. Вотъ что пишетъ объ этомъ прощаніи въ своемъ „Дневникѣ" всегда столько проницательный въ пониманіи и оцѣнкѣ людей архимандритъ Порфирій.

Преосвященнаго Іосифа Семашко я не засталъ дома. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга для обозрѣнія епархій: Витебской, Могилевской и Минской по Высочайшему повелѣнію. Присутствующій въ Синодѣ олонецкій архіепископъ Венедиктъ пого-

ворилъ со мною только о покражѣ моихъ денегъ и вещей. Полтавскій епископъ Гедеонъ, недавно вызванный въ Синодъ для присутствія, разспрашивалъ меня о Вѣнѣ, о православныхъ христіанахъ въ Венгріи и высказалъ свои бѣдныя понятія о Сиріи, Палестинѣ и бедуинахъ. Прощаясь со мною, онъ просилъ меня помолиться о немъ у гроба Господня, но просилъ съ усмѣшкою. Такое легкомысліе его удивило меня. Преосвященный Никаноръ, архіепископъ Варшавскій и членъ Синода, совѣтовалъ мнѣ составить подробное и вѣрное описаніе Палестины и издать его съ картинками. Я говорилъ ему о приготовленіяхъ своихъ къ ученому путешествію по Востоку, объ уменьшеніи числа епархій, подвѣдомыхъ патріаршимъ престоламъ, о долгахъ казны гроба Господня и кратко разсказалъ исторію уніи въ Сиріи. Преосвященный поджидалъ къ себѣ членовъ тайнаго комитета, учрежденнаго по случаю выпуска литографированной библіи, переведенной протоіереемъ Павскимъ, и я поспѣшилъ принять его благословеніе на путь дальній и на дѣланіе многотрудное“.

Въ Александро-Невской лаврѣ преосвященный Іустинъ (викарій) тоже пожелалъ мнѣ благополучнаго пути и счастливаго окончанія моихъ дѣлъ, а митрополитъ Антоній, послѣ разспросовъ о пропажѣ моихъ денегъ и вещей, предлагалъ мнѣ денежное пособіе; но я отклонилъ его милость и просилъ позволенія писать къ нему въ важныхъ случаяхъ.

— „Пишите чаще, сказалъ владыко, мнѣ отмѣнно пріятно будетъ получать ваши письма. Призываю на васъ благословеніе Божіе“! Произнося послѣднія слова, онъ осѣнилъ меня крестнымъ знаменіемъ весьма истово. Я поклонился ему до лица земли“.

„Странно, замѣчаетъ при этомъ архимандритъ Порфирій, что ни одинъ архіерей не послалъ со мною милостыню бѣдной церкви палестинской, а еще страннѣе то, что никто изъ нихъ не вспомнилъ о православныхъ патріархахъ. Не извиняю этой холодности владыкъ нашихъ. Сердце мое скорбитъ о духовномъ разъединеніи Сѣвера и Востока. О Господи! не лиши меня благословенія Твоего на предстоящемъ мнѣ поприщѣ ради нѣкоторыхъ пастырей, не разумѣющихъ широты любви Твоей“.

Къ этимъ немногимъ словамъ, бросающимъ нѣсколько неожиданное освѣщеніе на общее настроеніе нѣкоторыхъ епископовъ русской церкви и въ частности на ихъ отношеніе къ положенію православія въ Святой землѣ, неизлишне будетъ присовокупить, для полноты характеристики, также и то, что

отмѣчено было архимандритомъ Порфиріемъ въ „книгѣ его бытія“ еще подъ 17 декабря 1842 года, ровно за пять мѣсяцевъ до наступленія этихъ послѣднихъ дней пребыванія его въ Петербургѣ. Тогда нашему ученому изслѣдователю удалось въ счастливый часъ посѣтить архіепископа Рязанскаго Гавріила Городкова и, повидимому, довольно долго говорить съ нимъ объ общемъ положеніи дѣлъ въ нашей русской церкви. И вотъ, между прочимъ, это немногое, что сказалъ тогда архимандриту Порфирію этотъ русскій епископъ:

„Когда умеръ главный епископъ всѣхъ католическихъ церквей въ Россіи, Павловскій, то Государь Императоръ приказалъ всѣмъ членамъ и присутствующимъ Синода отдать послѣдній долгъ усопшему. Они исполнили волю Государя, но въ домѣ Павловскаго были не всѣ вмѣстѣ, а порознь. „Дѣлать нечего“, прибавилъ преосвященный, надлежало идти хоть и къ еретику [1]). Тотъ же преосвященный говорилъ архимандриту Порфирію, что „Синоду не пришло бы и въ голову обращать уніатовъ въ православіе, если бы Государь Императоръ не приказалъ это сдѣлать. Рече и бысть!

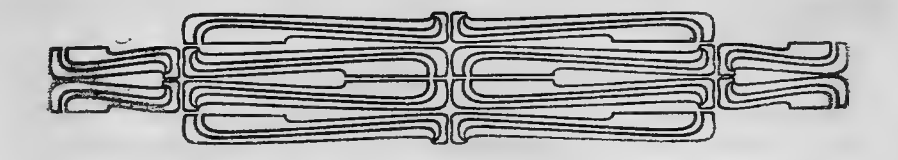
Эти мысли и сужденія, повидимому, глубоко затронули тогда архимандрита Порфирія и взволновали, хотя онъ удержалъ это чувство въ самомъ себѣ и ни слова не сказалъ о немъ въ своихъ дневныхъ замѣткахъ.

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Въ отпѣваніи они не участвовали и не были въ католической церкви.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1-го марта. По поводу нѣмецкихъ фамилій, помѣщенныхъ въ спискѣ на стр. 397 и 398 нашихъ замѣтокъ въ майской кн. „Русской Старины", я слышалъ отъ одного высокопоставленнаго лица такое слово: „если Вы считаете этихъ нѣмцами, то кого же сочтете за русскихъ. Ужъ очень трудно установить тогда значеніе слова русскій". При этихъ словахъ мнѣ невольно пришла на память просьба А. П. Ермолова произвести его въ нѣмцы. Думается, что теперь въ нашихъ, служилыхъ, высшихъ назначеніяхъ было бы лучше избѣгать Вильгельмовичей и сыновей Варшавскихъ пасторовъ, будь они хоть распраправославные.

Въ дѣйствующей арміи въ большомъ ходу слово православные съ особымъ его значеніемъ. Вотъ какъ въ одной изъ корреспонденцій [2]) объясняется происхожденіе этого слова:

„Насъ смѣнили въ окопахъ „православные".

Но вы не знаете, навѣрное, что такое здѣсь „православные"? Названіе это произошло такимъ образомъ.

Когда мы еще были на австрійскомъ фронтѣ, то кто-то изъ нашихъ офицеровъ при встрѣчѣ съ однимъ армейскимъ полкомъ спросилъ:

— Вы, братцы, какіе будете?

— Мы-то? Православные!..

И вотъ идетъ такой православный въ бой. Картузъ у него облѣзлый, самъ православный—бородатый, маленькій; за спиной

---

[1]) См. „Русск. Стар.", май 1915 г.

[2]) „Нов. Вр.", 1 марта с. г.

у него не то ранецъ, не то котомка; сапоги огромные... Нужно замѣтить, что въ походѣ всякій нашъ солдатъ (большею частью изъ запаса, конечно) обращается въ такого православнаго. „Дѣйствительный", т.-е. состоящій на дѣйствительной службѣ, тотъ имѣетъ и выправку, и подтянутъ.

Вотъ и воюетъ себѣ православный съ недругами. Напримѣръ, подъ Л. нашему полку была дана боевая задача взять непріятельскую позицію, очень сильно укрѣпленную и расположенную на другомъ берегу небольшой рѣчки. Только-что полкъ началъ развертываться въ боевой порядокъ, какъ вдругъ откуда-то сбоку, изъ-за лѣса, выкатываются православные—какой-то второочередный полкъ.

— Вы—куда?

— А позицію брать!..

И пошли, и пошли... Безъ артиллерійской подготовки, почти безъ стрѣльбы поперли на позицію.

— Мы больше на штыкъ.

Дошли до позиціи, а передъ непріятельскими окопами—рѣчка. Пошли въ бродъ (дѣло было въ октябрѣ!), кто переходитъ, кто переплываетъ, но до окоповъ дошли и—„ура"!

Но тутъ ихъ встрѣтили такимъ огнемъ, что православные поворотили назадъ. Дошли до старыхъ своихъ позицій, пообсушились, пособрались и снова въ атаку. Снова ихъ отбили, и, наконецъ, въ третій разъ командиръ ихъ полка, самъ такой же православный, повелъ ихъ въ атаку. Взяли позицію и стали варить себѣ картошку".

Теперь выясняется, почему для своего набѣга и высадки турки выбрали у насъ на югѣ Аккерманскій уѣздъ, который заселенъ нѣмцами-колонистами, имѣющими громадныя избирательныя права; въ спискѣ листъ, имѣющихъ право присутствовать во второмъ избирательномъ съѣздѣ, помѣщено 604 нѣмца и 346 русскихъ, а въ спискѣ лицъ, имѣющихъ право участвовать во второмъ избирательномъ собраніи, внесено 29 нѣмцевъ и 16 русскихъ. На съѣздѣ крестьянъ Аккерманскаго уѣзда явились 13 нѣмцевъ, 10 русскихъ, 1 молдаванинъ и 3 болгаръ, а въ земскіе гласные избраны 4 нѣмца, 1 русскій, 1 молдаванинъ и 1 болгаринъ[1]). При такихъ условіяхъ совершенно понятно, что нѣмцы имѣли въ Аккерманскомъ уѣздѣ

[1]) „Веч. Вр." 1 марта с. г.

громадное вліяніе и охотно давали послѣ высадки туркамъ кровъ и пищу, и тщательно ихъ скрывали отъ русскихъ предержащихъ властей.

2-го марта. Государь Императоръ изволилъ прибыть перваго марта въ Дѣйствующую Армію [1]).

Въ числѣ раненыхъ привезенъ въ Кіевъ донской казакъ подхорунжій Яковъ Хагинъ, имѣющій четыре Георгія и двѣ Георгіевскія медали, заслуженные въ нынѣшнюю войну. Хагинъ передаетъ, что во время одной развѣдки въ Восточной Пруссіи наткнулся на яму, въ которой оказалось двѣнадцать обгорѣлыхъ труповъ казаковъ. Какъ онъ узналъ потомъ, нѣмцы, свадивъ связанныхъ казаковъ въ яму, обложили ихъ соломой и сожгли живыми. О звѣрствахъ нѣмцевъ особенно надъ казаками Хагинъ разсказываетъ очень много. Неоднократно ему приходилось видѣть трупы съ отрѣзанными носами, выколотыми глазами [2]).

Рекомендуемъ вниманію читателей нижеслѣдующій интересный приказъ командира 4-го австрійскаго корпуса.

„Интендантъ арміи считаетъ необходимымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе:

„Австрія и Германія отрѣзаны отъ подвоза изъ другихъ странъ и должны разсчитывать только на свои средства; каждый человѣкъ, особенно господа офицеры, должны проникнуться сознаніемъ необходимости крайней бережливости. Хотя наши запасы и неисчерпаемы, но серьезность положенія требуетъ, въ интересахъ высокой конечной цѣли, полнѣйшей бережливости какъ въ отношеніи боевыхъ припасовъ, такъ и продуктовъ, лошадей, повозокъ и вообще всего того, что относится къ снаряженію. Проявленіе расточительности, особенно среди гражданскаго населенія, должно пресѣкаться. Всѣ начальники всѣми средствами должны воздѣйствовать на подчиненныхъ, дабы не было чрезмѣрныхъ требованій и войска не выходили изъ указанныхъ рамокъ“.

Приводя этотъ приказъ,—продолжаетъ командиръ корпуса,—я обращаюсь къ патріотическому чувству всѣхъ моихъ подчи-

---

[1]) „Рус. Инв.“ 2 марта с. г.
[2]) „Нов. Вр.“, 2 марта с. г.

ненныхъ и прошу ихъ по возможности ограничить свои потребности. Я ежедневно съѣдалъ четыре куска хлѣба,—отнынѣ буду ѣсть только два. До сихъ поръ выкуривалъ 40 папиросъ,—впредь буду расходовать только 20; выпивалъ ежедневно 2 стакана пива,—начиная съ сегодняшняго дня буду пить только одинъ и даже вовсе не буду пить. Чувства неудовлетворенности ни у кого не должно быть, такъ какъ иначе это будетъ измѣной отечеству. Я уже объявилъ, какія мѣры мною приняты въ отношеніи довольствія офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Я требую отъ всѣхъ крайней бережливости, требую, чтобы никто не смѣлъ выражать своего порицанія, и ни въ какомъ случаѣ не допущу, чтобы кто-нибудь дѣлалъ упрекъ интендантамъ: за ихъ дѣйствія отвѣчаю я" [1]).

3-го марта. Г. Петровъ, въ одной изъ своихъ корреспонденцій [2]), приводитъ слѣдующій, интересный, разсказъ одного германскаго офицера:

„Я—нѣмецъ изъ Россіи, и я воюю съ вами... Это, можетъ быть, возмущаетъ васъ? А что вы скажете, если я прибавлю, что мой братъ сражается въ вашей арміи, получилъ уже Георгія, былъ тяжело раненъ, выздоровѣлъ и снова дерется. Гдѣ—не знаю.

— Въ какомъ полку?—вырвалось у кого-то.

— Простите, не скажу и этого... Не важно. Важно, что мы добровольно выбрали каждый свою сторону. Вы простите меня, если я буду говорить несвязно. У васъ, въ Россіи, и у насъ, въ Германіи, сейчасъ пишутъ театральныя пьесы на военныя темы. Вотъ бы тема для большого писателя — драма нашей семьи. Нашъ родъ давно уже живетъ въ Россіи, но мы всѣ— нѣмцы. У насъ въ семьѣ нѣмецкій бытъ, дома нѣмецкій языкъ, въ душѣ нѣмецкіе навыки, пороки и добродѣтели. Но я, кончивъ среднее учебное заведеніе въ Германіи, высшую школу прошелъ у васъ, въ Россіи. И я люблю русскую природу, русскія привольныя рѣки, русскую рѣчь, русскую музыку и литературу. И вдругъ эта война между Россіей и Германіей! Не станемъ разбирать, кто виноватъ въ этомъ, кто вызвалъ войну...

— То-есть какъ кто?—вспыхнули наши.—Ясно...

— Не надо, не надо — просительно замахалъ руками нѣмецъ.—Я говорю не то. Говорю о себѣ. Представьте, въ семьѣ

---

[1]) „Рус. Сл." 2 марта с. г.

[2]) „Русское Слово" 3 марта сего года.

взрослыя дѣти, и вдругъ родители разводятся, а дѣти любятъ и отца, и мать. Какъ быть дѣтямъ? Ихъ дѣлятъ между родителями: однихъ—отцу, другихъ матери. Раздѣлить — раздѣлили, но душа-то осталась цѣлая: она любитъ и отца, и мать, а ей говорятъ:

— Или туда, или сюда! Люби одного и ненавидь другую, или наоборотъ.

— Вы, господа, русскіе, или мои товарищи по оружію, германцы — вы счастливы: вамъ такъ просто любить свою родину и ненавидѣть чужую страну. А для меня, для моихъ братьевъ въ Россіи гдѣ родина, гдѣ чужая земля? Видѣли вы когда-нибудь сросшіяся два дерева, два огурца, два гриба или двѣ сливы? Какъ вы отдѣлите ихъ, не попортивъ цѣлости? Такъ и моя душа: въ ней срослись и Германія, и Россія. И во всей нашей семьѣ такъ. Поэтому еще до войны мой старшій братъ служилъ въ русской арміи, а я отбывалъ повинность въ Германіи. Предвидѣлась война — отецъ снова подѣлилъ насъ. Меня послалъ сюда, братъ остался у васъ.

— Идите, умрите искупительною жертвою за грѣхи и безуміе насъ, стариковъ—благословилъ насъ отецъ.—И видите,—указалъ офицеръ-нѣмецъ на Желѣзный Крестъ на груди.—Мой братъ у васъ получилъ Георгія, я — это! А умремъ мы оба. Такъ порѣшили съ нимъ. Только бы злой случай не столкнулъ насъ на одномъ боевомъ участкѣ. Мы слѣдимъ другъ за другомъ черезъ отца. Отъ старика и къ нему идутъ краткія телеграммы.

— Бельгія. Галиція. Пруссія. Польша.

Я просилъ назначить меня и былъ все время на французской линіи. Теперь... меня съ моею частью кинули сюда... И мнѣ тяжело".

Интересно было бы узнать, въ какой мѣстности Россіи ютится тотъ отецъ, который посылаетъ своего сына въ Германію воевать противъ Россіи.

По имѣющимся въ печати даннымъ, занесеннымъ въ наши замѣтки, таковой мѣстностью представляется нашъ Прибалтійскій край.

---

4 марта. Въ „Крымскомъ Вѣстникѣ" картинно описывается однимъ изъ участниковъ налетъ Черноморскаго флота на Зунгулдакъ:

„Все ближе и ближе подходитъ эскадра къ берегамъ, и среди матросовъ все чаще слышатся остроты на счетъ гаремовъ,

удиранія „банабаковъ“ въ горы со своимъ скарбомъ и паническаго страха батарейной прислуги.

Сама природа создала здѣсь такія прикрытія, что никакимъ биноклемъ не увидишь пушекъ.

Вотъ, наконецъ, одному изъ броненосцевъ приказано открыть огонь. Вылетѣли изъ башенныхъ орудій огромные клубы желто-краснаго огня, раздался оглушительный шумъ залпа, загрохотали, застонали также несущіеся въ воздухѣ снаряды, вмигъ достигли своей цѣли и взорвались на пристани.

До кораблей донесся шумный ихъ взрывъ, и покатилось по горамъ много-голосое, мощное эхо, звучно отдаваясь по всѣмъ ущельямъ и свистя по разсѣлинамъ горъ.

Едва первые снаряды успѣли разорваться, какъ въ догонку имъ корабль послалъ цѣлый залпъ всего лѣваго борта, и всѣ звуки выстрѣловъ, разрыва снарядовъ и несмолкающаго эха слились въ одинъ непрерывный, адскій гулъ и ревъ...

Краснымъ пламенемъ запылала пристань, вспыхнули пожары и въ другихъ мѣстахъ, повалились высокія дымовыя трубы заводовъ, зазіяли огромными, черными дырами портовыя сооруженія, и весь портъ застлался густымъ дымомъ.

Вслѣдъ за первымъ покатились залпы и со всѣхъ остальныхъ кораблей флота и весь Зунгулдакъ окутался непроницаемымъ дымомъ и сплошнымъ моремъ огня.

Ничего нельзя было разобрать въ этомъ хаосѣ, лишь огромный огненный факелъ служилъ мишенью флоту.

Сбиты всѣ фабричныя трубы, разрушены до неузнаваемости пристань, молъ и элеваторъ.

Затоплены пароходы, укрывавшіеся за моломъ, и надо думать, что неуцѣлѣла и подъѣздная узкоколейная желѣзная дорога къ порту изъ угольныхъ копей.

Корабли окончили обстрѣлъ, немного отошли, и лишь неугомонные миноносцы продолжали „садить“ по избраннымъ мишенямъ.

Въ довершеніе всего имъ было приказано войти въ гавань. Надо же было заглянуть въ самый портъ, надо же полюбоваться финаломъ своихъ трудовъ, да и приблизиться къ батареямъ, чтобы хотя узнать, гдѣ онѣ?

Миноносцы пошли, непрерывно стрѣляя на пути своемъ.

Не вытерпѣли турки такого издѣвательства, и вдругъ въ горахъ то тамъ, то сямъ вспыхнули зловѣщіе огоньки и засыпали свою же бухту снарядами.

Моментально повернули юркіе „сорванцы“ и, быстро отвѣчая своими скорострѣльными орудіями, благополучно ушли всѣ цѣлыми и невредимыми изъ-подъ обстрѣла батарей.

Удивительно вѣрно ложились наши снаряды къ мѣстамъ батарей, и надо полагать, что отъ многихъ ихъ пушекъ осталось лишь легкое воспоминаніе и ровное мѣсто.

Эскадра стала уходить отъ береговъ.

А надъ Зунгулдакомъ все больше и больше разгорался костеръ и огненное пламя все росло и ширилось, пока перестало быть замѣтнымъ въ виду дальности, и лишь зарево говорило о колоссальномъ пожарѣ.

Долго стояла команда на палубахъ кораблей и любовалась величественною картиной.

Но не однимъ этимъ ограничился нынѣшній походъ.

Крейсера, бывшіе отъ эскадры поодаль, настигли шесть удиравшихъ пароходовъ и одну шхуну о трехъ мачтахъ, разстрѣляли ихъ всѣхъ въ щепки и вмѣсто Константинополя, куда, вѣроятно, они стремились съ углемъ, послали ихъ въ подводное царство. Тяжко застонетъ теперь вся Турція съ разгромомъ ея единственной угольной житницы“...

Парламентская комиссія во Франціи по пересмотру законопроектовъ одобрила законъ, внесенный Бріаномъ и обязывающій подъ страхомъ тюремнаго заключенія или большого штрафа всѣхъ тѣхъ, кто является хранителемъ какихъ-либо принадлежащихъ германскимъ и австрійскимъ подданнымъ имуществъ, заявлять о томъ въ судъ.

Какъ необходимо и у насъ, въ порядкѣ 87 статьи, немедленное введеніе подобнаго закона. Тогда немыслимы были бы мгновенныя превращенія нѣмецкихъ предпріятій въ русскія и извѣстныя дѣянія любителей нѣмцевъ въ Московскомъ биржевомъ комитетѣ.

Въ одной изъ корреспонденцій [1]) представляются знаменитые Августовскіе лѣса во время недавнихъ боевъ:

„Около станціи „Августовъ“, окруженной вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ затѣйливо расположилась цѣлая сѣть озеръ, перегороженныхъ плотинами и шлюзами, уже нѣсколько дней длится бой.

[1]) „Рус. Сл.“ 4 марта с. г.

Въ этихъ ставшихъ уже историческими лѣсахъ, на деревьяхъ которыхъ еще не затянулись раны отъ пуль и снарядовъ октябрьскихъ боевъ, снова идетъ схватка.

Лѣсъ—какъ вымеръ: улетѣли птицы, разбѣжались звѣри, уступивъ мѣсто человѣку.

Угрюмый и сумрачный лѣсъ сталъ теперь еще страшнѣе, и много тяжелыхъ думъ хранитъ онъ.

Только одиноко, словно затерявшись въ лѣсу, стоитъ пустынная станція желѣзной дороги, вздрагивая при каждомъ залпѣ уцѣлѣвшими оконными стеклами.

Лѣсныя просѣки стали теперь тѣми гранями, которыя раздѣляютъ воюющія стороны.

Уходя въ глубь лѣса, въ самую чащу, тянутся отъ нихъ проволочныя загражденія, обвившія, какъ ліанами, вѣковыя деревья.

Лѣсныя лужайки отгородились засѣками изъ поваленныхъ деревьевъ, опутанныхъ опять-таки колючей проволокой, и стѣнами, сложенными изъ мѣшковъ съ пескомъ".

---

5 марта. Слышалъ, что у насъ существуетъ особенный нѣмцелюбъ, который усиленно ходатайствуетъ объ оставленіи нѣмцевъ въ Петроградѣ и о возвращеніи оныхъ сюда. Онъ очень всѣмъ надоѣлъ своими просьбами, но мало кто предполагаетъ, что сіе исходитъ отъ его ненормальнаго состоянія.

Переживаемъ то изумительное время, когда въ нѣкоторыхъ изъ воюющихъ армій идетъ головокружительная смѣна военачальниковъ, и началась она во французской арміи желѣзнымъ Жофромъ, какъ это уже указано было въ нашихъ замѣткахъ.

Причины смѣны разнообразны: одинъ недостаточно распорядителенъ, другой не достаточно храбръ, третій не исполняетъ указаній свыше, у четвертаго въ войскахъ много потерь, у пятаго берутъ много плѣнныхъ, шестой не укрѣпляетъ позицій, какъ свыше указано и пр. и пр. и пр. Нѣкоторые, какъ напр. кронпринцъ германскій, совершенно безотвѣтственны за свои идіотскія распоряженія, другіе, какъ Ауфенбергъ, изъ главнокомандующихъ попадаютъ въ тюрьму.

---

5 марта. Разсказываютъ, что въ настоящее время дешевымъ дезинфекціоннымъ средствомъ для перевязки ранъ служитъ десяти-процентный растворъ соли, который замѣчательно быстро заживляетъ рану. Соль вообще прекрасное дезинфекціонное средство, и недаромъ издревле всѣ продукты хорошо сохраняются въ соли.

Передъ сверженіемъ Венизелоса кайзеръ телеграфировалъ греческому королю, что Греція стоитъ надъ пропастью, и что одинъ только король можетъ ее спасти. Если Греція останется нейтральной, то Вильгельмъ предоставляетъ ей сѣверный Эпиръ, даетъ ей острова и 100 милліоновъ аванса.

Королева, сестра кайзера, сносящаяся постоянно съ братомъ, имѣетъ громадное вліяніе на короля.

Послѣ чтенія депеши королева сильно плакала и настаивала на сохраненіи нейтралитета.

Исторія даетъ показанія, что на ходъ событій слезы женщинъ имѣли громадное вліяніе.

Московское купеческое общество обратилось съ запросомъ ко всѣмъ торговопромышленнымъ предпріятіямъ Россіи о мѣрахъ противъ нѣмецко-торговаго засилья.

Получено много отвѣтовъ; по сводкѣ всѣхъ отвѣтовъ, дѣлалъ докладъ въ Москвѣ г. Литошенко въ присутствіи многочисленнаго собранія. Сущность доклада состояла въ слѣдующемъ. Нѣмецкая паутина опутала всю Россію при массовомъ ввозѣ товаровъ и широкой организаціи торговаго посредничества. Всѣ ввозимые товары могутъ быть раздѣлены на три группы. Во-первыхъ, продукты сельскаго хозяйства, лѣсоводства, обрабатывающей промышленности и горнаго дѣла, но здѣсь зависимость отъ нѣмцевъ не особенно сильна; во-вторыхъ, мануфактурные товары и пряжа, и, въ-третьихъ, металлическія издѣлія, главнымъ образомъ, машины, а также продукты химической переработки и кожи. Особенно много ввозилось къ намъ продуктовъ третьей группы.

Причины нѣмецкаго засилья по мнѣнію многихъ дешевизна нѣмецкихъ товаровъ, а по мнѣнію другихъ ихъ хорошее качество, а также строгое соотвѣтствіе товаровъ установленнымъ образцамъ, также указывалось на прекрасную организацію посредничества, на льготный кредитъ, предоставляемый нѣмецкими фирмами, на разсрочку платежа, на красивые прейскуранты съ описаніемъ всѣхъ товаровъ, представляющіе чуть ли не торговую энциклопедію.

Основой и главной причиной засилья является усиленіе у насъ развитія синдикатовъ. Синдикаты считаются страшнымъ врагомъ нашей торговли и промышленности.

Было отмѣчено также несовершенство нашей промышленности, недостатокъ общенія нашихъ крупныхъ фабрикантовъ къ мелкимъ и недоброжелательное отношеніе первыхъ ко вторымъ, оттѣнялась отсталось нашей кустарной промышленности и разъединеніе науки и промышленности.

Для противодѣйствія нѣмцамъ необходимо принять мѣры къ сношенію съ другими государствами и принять самыя энергичныя мѣры къ развитію собственной промышленности.

Государство и общественныя организаціи и лица должны участвовать въ этой борьбѣ.

Со стороны государства должны быть приняты слѣдующія мѣры: развитіе новыхъ рынковъ въ другихъ государствахъ, затѣмъ отмѣна патента, учрежденіе спеціальныхъ банковъ, развитіе техническаго образованія, борьба съ синдикатами, разумный пересмотръ таможенныхъ тарифовъ, запрещеніе ввоза товаровъ изъ Германіи и Австріи.

Со стороны общественныхъ организацій и лицъ, прежде всего, долженъ быть объявленъ бойкотъ всѣмъ нѣмецкимъ товарамъ; затѣмъ указывается на необходимость учрежденія новыхъ промышленныхъ предпріятій, развитіе существующихъ, устройства съѣздовъ, выставокъ, музеевъ, справочныхъ бюро, посредническихъ конторъ и торговыхъ палатъ.

---

6 марта. Союзная эскадра производила бомбардировку Дарданеллъ съ самыхъ близкихъ дистанцій и вошла въ самый проливъ. Бомбардировка была успѣшна, но на плавучихъ турецкихъ минахъ взорвались три союзныхъ броненосца.

Въ выѣздной сессіи рижскаго окружнаго суда слушалось дѣло землевладѣльца фонъ-Эссена, обвиняемаго въ утайкѣ лошадей при конной мобилизаціи.

Окружный судъ приговорилъ фонъ-Эссена къ штрафу въ 1.800 руб. или заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ [1]).

Одной изъ полковыхъ дамъ получено открытое письмо отъ ея мужа, находящагося въ плѣну въ Германіи, въ которомъ описывалось благополучіе русскихъ плѣнныхъ. Въ концѣ письма значилась приписка о расшифровкѣ письма. Вотъ расшифровка письма.

— Слову не вѣрь изъ написаннаго чернымъ. Все—сплошная ложь. Мы голодаемъ, на прогулки не пускаютъ. Настроеніе ужасное. Двое офицеровъ покончили самоубійствомъ [2]).

---

[1]) „Русское Слово" 6 марта сего года.

[2]) Тамъ же.

Среди доставленныхъ въ Кіевъ плѣнныхъ офицеровъ оказался одинъ, котораго русскіе развѣдчики при задержаніи приняли за императора Вильгельма. Арестъ его произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Подъ Козювкой бѣженцы-крестьяне сообщили кавалерійскому разъѣзду, что въ одной ближайшей хатѣ засѣдаетъ германскій императоръ Вильгельмъ и его штабъ. Такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ было мало германскихъ войскъ, то рѣшено было сдѣлать попытку захватить штабъ. Три сотни, разбившись на нѣсколько группъ, ночью бросились со всѣхъ сторонъ въ атаку. Германская конница обратилась въ бѣгство, при чемъ половина спаслась, а остальные, вступившіе въ перестрѣлку, погибли. Хата была окружена. Въ ней дѣйствительно оказалось нѣсколько старшихъ офицеровъ и одинъ младшій. Среди офицеровъ выдѣлялся пожилой офицеръ, чрезвычайно похожій по внѣшности на Вильгельма. По доставленіи плѣнныхъ въ русскую квартиру оказалось, что „человѣкъ съ усами“ подполковникъ. Сходство его съ Вильгельмомъ оказалось изумительнымъ. Выяснилось, что захваченные офицеры составляли какой-то германскій дивизіонный штабъ. („Кіевск. Мысль“).

Отъ населенія Сопоцкина и окрестныхъ деревень, сообщаетъ „Виленскій Вѣстникъ“, отбирались безъ разговоровъ подъ угрозой смерти отъ штыка и револьвера всѣ безъ исключенія съѣстные припасы. Даже корки хлѣба отнимались у малыхъ дѣтей. Коровы, свиньи, птицы зарѣзаны и съѣдены. На этотъ разъ о какихъ бы то ни было квитанціяхъ и распискахъ и разговора не было. Всѣ вещи, понравившіяся нѣмецкому солдату, забирались имъ безъ всякихъ разговоровъ. Пробовавшему протестовать обывателю выразительно приставлялся къ горлу штыкъ-ножъ. Изъ Сопоцкинскаго монастыря, въ которомъ останавливался принцъ или кронпринцъ, вывезено въ фатерландъ все представлявшее мало-мальскую цѣнность. Церковь въ Сопоцкинѣ разграблена и осквернена. Евангеліе разорвано; загаженные листы его валяются тутъ же въ церкви. Одинъ лютеранскій пасторъ серьезно угрожалъ бѣдному, на смерть перепуганному крестьянину револьверомъ якобы за то, что онъ шпіонъ. Судъ Божій покаралъ недостойнаго слугу алтаря: одинъ изъ снарядовъ нашей дальнобойной артиллеріи снесъ ему тутъ же полчерепа. Наши раненые, попавшіе въ плѣнъ нѣмцамъ въ Сопоцкинѣ, семь дней лежали безъ перевязки, безъ ухода и пищи. Наши здоровые плѣнные

употреблялись тутъ же на самыя тяжелыя и грязныя работы. Съ нихъ нѣмцы сняли сапоги и теплую одежду, давъ взамѣнъ опорки и жалкіе лохмотья. Ихъ совершенно не кормили, всячески издѣвались надъ ними, держали ихъ въ хлѣвахъ и на открытомъ воздухѣ въ 15—20-градусные морозы. Нерѣдко ихъ запрягали вмѣсто лошадей въ обозныя повозки и заставляли ихъ везти, при громкомъ смѣхѣ конвоя. Мѣстные крестьяне, видѣвшіе эту картину, плакали.

Въ деревнѣ Колены въ Августовскомъ лѣсу нашъ офицеръ, не зная, что тамъ нѣмцы, зашелъ въ избу, не имѣя въ рукахъ оружія. Солдатъ нѣмецъ убилъ его тутъ же въ хатѣ выстрѣломъ изъ ружья. Трупъ раздѣли донага, а цѣнныя вещи разобрали по рукамъ. Послѣ этого безжизненное тѣло офицера съ глумленіемъ было вытащено за ноги изъ хаты, такъ что голова билась о полъ и пороги, и брошено на проѣзжей дорогѣ. Крестьяне просили офицера-нѣмца разрѣшить имъ похоронить тѣло. Тотъ долго ломался и наконецъ позволилъ зарыть „эту собаку“ тутъ же на самой дорогѣ. Крестьяне отказались отъ этого глумленія надъ прахомъ русскаго офицера и послѣ настойчивыхъ и усиленныхъ просьбъ добились разрѣшенія похоронить его близъ дороги. Въ одной деревнѣ согнали всѣхъ мужчинъ въ костелъ, гдѣ ихъ заперли, а женщинъ и дѣвушекъ изнасиловали.

6—9 марта. Во время боя близъ Новаго Мяста нѣмцы поймали нѣсколькихъ раненыхъ казаковъ, защищавшихся до полнаго упадка силъ. Раненные мокли подъ дождемъ въ лужѣ въ ожиданіи помощи. Одинъ изъ нихъ, тяжело раненый въ грудь, лежалъ почти въ безсознательномъ состояніи. Подошли нѣмцы, схватили несчастнаго и переломали ему руки и ноги. Но этого имъ показалось мало, и они выбили ему оба глаза. Двухъ другихъ казаковъ, раненыхъ шрапнелью въ ноги, нѣмцы распяли на деревьяхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней тѣла убитыхъ оставались неубранными, являясь свидѣтельствомъ чудовищной жесткости врага. („Варшавская Мысль“).

Въ „Литовской Руси“ напечатано:

Проходимъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были вчера нѣмцы: трудно себѣ представить, что они здѣсь надѣлали. Жителей всѣхъ позабирали, вели ихъ и по дорогѣ страшно били. Били маленькихъ двухлѣтнихъ дѣтей, заставляли ихъ идти пѣшкомъ, а кто

не могъ—били прикладами; матерямъ же связывали руки назадъ и затыкали рты платками. Дѣвушекъ 14—16 лѣтъ насиловали. Идемъ, а по дорогѣ трупы жителей, хоронимъ ихъ десятками...

Въ Одесскомъ и Ананьевскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи существуетъ такое нѣмецкое засилье, что русскіе выборщики въ Государственную Думу никакъ не могутъ пройти, и нѣмцы являются оттуда представителями Россіи въ Государственной Думѣ.

Изъ Астрахани пишутъ [1], что цѣна на икру красной рыбы, прочно державшаяся все послѣднее время не ниже 150—160 рублей за пудъ, совершенно неожиданно сразу понизилась до 110—115 рублей. На биржѣ упорно говорятъ, что это пониженіе вызвано полученными изъ Петрограда сообщеніями о задержаніи въ пути въ Швецію двухъ вагоновъ съ астраханской икрой, предназначавшихся, повидимому, для Германіи. Задержанная икра принадлежитъ крупной мѣстной фирмѣ, давно специализировавшейся на экспортѣ икры въ Германію.

Сообщаютъ, что [2]) въ г. Гдовѣ пасторъ нѣмецъ Іоаннъ-Гаубольдъ, причащая эстонцевъ, отправляющихся на войну, утѣшалъ и ободрялъ ихъ такимъ образомъ:

„Братья, вы здѣсь предъ алтаремъ Всевышняго стоите въ послѣдній разъ. Въ послѣдній разъ прощаетесь вы со своими родными и со страной, которой вы больше никогда не увидите. Вамъ больше не вернуться“.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отъ 7 марта г. Агафоновъ приводитъ письмо отъ 18 февраля своего родственника, командующаго артиллерійской бригадой:

„Вчера у меня въ 3-й батареѣ было замѣчательное явленіе. Нѣмецкій снарядъ попалъ въ офицерскій окопъ, въ которомъ въ тотъ моментъ сидѣли два офицера. Для всѣхъ на батареѣ казалось, что катастрофа неизбѣжна. Каково же было удивленіе и радость батареи, когда офицеры оказались невредимыми.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 9 марта.

[2]) „Нов. Вр.“ 8 марта.

Вслѣдъ за симъ на днѣ окопа увидѣли небольшую фигуру благословляющаго Спасителя, сдѣланную изъ металла. Очевидно, попавшій снарядъ выкопалъ эту фигуру изъ земли, гдѣ она, вѣроятно, была зарыта и пролежала бы, быть можетъ, многіе годы. Невредимыми остались офицеры потому, что снарядъ, ранѣе чѣмъ ударить въ окопъ, попалъ въ камень и истратилъ большую часть своей разрушительной силы на этотъ камень и только незначительную на разрушеніе окопа. Но что всего удивительнѣе, что найденную фигуру Спасителя не выкопали, когда копали окопы.

Разумѣется, это явленіе произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ насъ и особенно на 3-ю батарею, которой до этого больше всего досталось отъ врага.

Когда батарею смѣнятъ, отслужимъ молебенъ и помолимся"...

Съ перваго включительно по 9 марта замѣтки о военныхъ дѣйствіяхъ сводятся къ слѣдующему: наши войска заняли Мемель, попытки нѣмцевъ продвинуться между Нѣманомъ и Вислой отражены, въ при-Наревскомъ и въ раіонѣ праваго берега Бобра были удачные бои у Прасныша, Еднорожца, у Серафина, и по р. Оржицѣ и Шквѣ.

На Карпатахъ шли бои съ успѣхомъ у Козювки, Рожанки, Смольника и Свидника съ захватомъ нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ.

Седьмого была неудачная вылазка изъ Перемышля, при чемъ взято 3.954 ниж. чиновъ и 107 офицеровъ, а 9 марта Перемышль сдался нашимъ войскамъ. Повсюду было большое ликованіе.

Самымъ энергичнымъ средствомъ для борьбы съ паразитами является окуриваніе одежды сѣрнистымъ газомъ (2 фун. сѣры на 1 куб. саж.) въ обложенномъ и закрытомъ кирпичномъ помѣщеніи и затѣмъ въ поколачиваніи и вытряхиваніи одежды.

10—14 марта. 11 марта Государь Императоръ возвратился въ Царское Село [1]).

---

[1]) „Рус. Инв." 12 марта.

За это время наше наступленіе у средняго Нѣмана было встрѣчено сильными контръ-атаками усилившагося противника. Въ при-Наревскомъ и на правомъ берегу Бобра происходили бои по р. Оржицѣ, Шквѣ и у Ваха.

На Карпатахъ происходили успѣшные для насъ бои у Смольника, Ужока, Бартфельда, Дуклы, и занята у Лупкова важнѣйшая позиція австрійцевъ на главномъ Бескидскомъ хребтѣ. За эти 5 дней взято до 14 тыс. плѣнныхъ.

Въ Перемышлѣ сдались въ плѣнъ 9 генераловъ, 93 штабъ-офицера, 2.500 оберъ-офицеровъ и 117.000 нижнихъ чиновъ.

Приводя въ нашихъ замѣткахъ громадныя цифры сдавшихся въ плѣнъ австрійцевъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ и то, что мы лично слышали отъ пріѣхавшихъ оттуда, а также, что пришлось читать въ корреспонденціяхъ изъ Перемышля. Комендантъ крѣпости, генералъ Кусманекъ, передъ сдачей, взорвалъ всѣ форты Перемышля и приложилъ особенныя усилія къ взрыву фортовъ съ сѣверной и западной стороны, при чемъ по свидѣтельству очевидцевъ взрывы отличались такой силой, что „наши вагоны чуть не приходили въ движеніе“. Крѣпостныя орудія или совсѣмъ попорчены, или у нихъ вынуты и зарыты гдѣ-то замки. Такъ, что, въ настоящее время, въ инженерномъ и артиллерійскомъ отношеніи крѣпость Перемышль представляется весьма и весьма незначительной боевой величиной. Особое стараніе коменданта разрушить форты сѣверной и западной стороны невольно наводитъ на мысль сходнаго замысла Кусманека относительно будущихъ предпріятій нѣмцевъ.

Говорятъ, что причиной сдачи крѣпости было несоотвѣтствіе продовольственныхъ запасовъ гарнизона съ числомъ находящихся въ Перемышлѣ ртовъ. Чудныя, венгерскія лошади, которыя сохранились въ Перемышлѣ, передъ сдачей были безжалостно зарѣзаны подлыми австрійцами, дабы не отдавались русскимъ.

Разсказываютъ, что вожди австрійцевъ, ренегаты славянъ, Кусманекъ и Боеровичъ, отличаются особымъ звѣрствомъ.

Рекомендуемъ вниманію предержащихъ маниловыхъ, а также нашихъ нѣмцелюбовъ разсказъ нашего плѣннаго въ Германіи, присланный въ редакцію „Литовской Руси“:

„Насъ, плѣнныхъ, погнали въ Германію пѣшкомъ и гнали двѣ недѣли, при чемъ на отдыхъ давали очень мало времени. Когда насъ пригнали въ назначенное мѣсто, то отвели для насъ помѣщеніе въ темномъ сараѣ. Соломы для постели не было. Одежды теплой не дали. Было холодно. Пищу горячую получили по прибытіи въ назначенное мѣсто на третій день. Пища невкусная, мясо очень отвратительное. Впрочемъ, и этой пищи вдоволь не даютъ. Оправиться отъ болѣзни не дали, сразу стали гонять на работу. Гоняютъ на работу всѣхъ плѣнныхъ. Выгоняютъ на работу въ 4 часа утра и заставляютъ работать безъ отдыха до 9 час. вечера, т. е. 17 часовъ въ день. Работа самая тяжелая, невыносимая, тѣмъ болѣе для человѣка слабаго и голоднаго, какъ я. Мы днемъ и ночью находимся подъ сильной охраной. Истощены отъ голода и замучены непосильной работой. Насъ оскорбляютъ словомъ и дѣйствіемъ постоянно и мы лишены возможности отвѣтить на эти оскорбленія. За малѣйшее ослушаніе, за малѣйшую грубость насъ подвергаютъ мученіямъ, которыя вызываютъ много преждевременныхъ смертей среди русскихъ плѣнныхъ“.

Въ это самое время въ г. Вологдѣ военноплѣнные ведутъ себя такъ нахально, что, по постановленію властей, за оскорбительныя выраженія по адресу русскихъ и другіе хулиганскіе поступки заключаются въ тюрьму (Блейеръ, Бруно, Кекштатъ, Шульцъ и др.).

Неужели нашу нѣмецкую громаду дармоѣдовъ не привлекутъ къ соотвѣтствующимъ работамъ. Надо создать изъ немогущихъ нести строевую службу раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ воинскую организацію для упорядоченія труда военноплѣнныхъ и поручить плѣннымъ исполнять государственныя работы, постройку желѣзныхъ дорогъ, рытье каналовъ и др.

Въ дневникѣ убитаго 24 февраля 8-го прусскаго полка лейтенанта Зехерштросса значилась слѣдующая запись [1]).

„Мы принадлежимъ къ группѣ барона фонъ-Маршаля...

Мы здѣсь единственные нѣмцы...

Австрійцы опять потянулись назадъ...

[1]) „Нов. Вр.“, 11 и 12 марта с. г.

„Русская искровая телеграмма перехвачена о томъ, что кавалерійскому корпусу приказано прорваться къ намъ въ тылъ...

Какой несчастный сегодня день. Насъ подняли въ 6 час. утра. Двинулись къ д. Е. 12-я кавалерійская бригада была уже передъ нами и заняла выходъ изъ нея. 8-му драгунскому полку изъ 14-й кавалерійской бригады было приказано занять высоты и выходъ изъ села Олеши. Какъ только мы спустились въ село, русскія шрапнели стали рваться надъ головами, вырывая цѣлые ряды. Мы слѣзли. Къ сожалѣнію, 4-й эскадронъ стоялъ открыто. Трубачъ-ротмистръ былъ сильно раненъ и умеръ на слѣдующій день. У принца Ратибора оторвало всю голову. Тяжелая потеря для всѣхъ насъ, въ особенности для нашего эскадрона. Отъ такого несчастнаго начала получаешь сразу пресыщеніе“...

У нашихъ союзниковъ на западѣ отличаются два знаменитыхъ летчика англичанинъ Самсонъ и французъ подпоручикъ Моро, прозванный сбивателемъ германскихъ таубе. Моро въ теченіе войны уничтожилъ 20 таубе, получилъ Почетнаго Легіона и оказалъ незамѣнимыя заслуги французской арміи. У него на аэропланѣ помѣщена скорострѣльная пушка, съ которой онъ посылается на самыя опасныя развѣдки и дѣла.

Въ настоящее время настойчиво выдвигается вопросъ о будущемъ положеніи Святой Земли. Какъ разъ теперь найденъ въ землѣ, въ окрестностяхъ замка Голенкура, громадный мечъ съ надписью: „Godfroy de Boillion, roi de Jerysalem 1096“. Эта находка какъ бы предъуказываетъ рѣшеніе вопроса о Святой Землѣ.

Краснокрестныя учрежденія работаютъ въ арміи не покладая рукъ: ихъ лазареты и передовые отряды выдвигаются вблизи позицій, зачастую въ сферу огня. Раненые шлютъ краснокрестныхъ работникамъ самую сердечную благодарность.

— Словно родные, — говорили раненые — усталя на нихъ нѣтъ. Еле на ногахъ держатся, а все за нами ходятъ, что няньки за дѣтьми.

Врядъ ли въ германской, австрійской или въ союзныхъ арміяхъ можетъ встрѣтиться такая сценка [1]).

---

[1]) „Нов. Вр.“ 13 марта сего года.

„Обгоняемъ одну изъ повозокъ полкового обоза и видимъ на ней превосходнѣйшаго медвѣженка... Оказывается—кавказскій медвѣдь, почти съ самаго рожденія воспитывающійся въ полку. Съ самаго начала похода сопровождаетъ солдатъ и, конечно, общій ненаглядный любимецъ. Теперь ему 9 мѣсяцевъ.

Пришлось остановить автомобиль и подойти привѣтствовать животное—нельзя было доставить больше радости толпѣ солдатъ, тотчасъ обступившей насъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались поясненія, разсказы.

— Выноситъ войну лучше, чѣмъ мы, даромъ, что маленькій.. Когтистая тварь только, вишь, такъ и старается кого изъ незнакомыхъ ободрать... Пѣшкомъ-то ходить не любитъ... Все вотъ такъ въ повозкѣ развалившись сидитъ...—раздавались добродушныя восклицанія.

Звѣрь въ ошейникѣ и на цѣпи, дѣйствительно, спокойно лежалъ въ повозкѣ, положивъ голову на лапы, и спокойно слѣдилъ за нами своими умными плутовскими глазками.

— Чѣмъ же вы его кормите?

— Да такъ, что даемъ, что придется: усе, свинья, жретъ... Ему только подавай...

Солдаты съ явною любовью похлопывали звѣря по лапамъ и поглаживали шерсть. Тотъ время отъ времени аппетитно облизывался въ надеждѣ на возможное подаяніе...

Мы сѣли въ автомобиль и уѣхали, такъ и оставивъ славнаго медвѣженка лежать въ повозкѣ.

Нѣсколько позже мы снова увидѣли этотъ полкъ уже отдыхающимъ, и медвѣженокъ, вяло переваливаясь и тыча носомъ въ землю, бродилъ между солдатами.. Бродилъ и подбирался къ припасамъ съ самымъ невозмутимымъ видомъ...“

Много у насъ на Руси и въ Петроградѣ артистовъ и артистокъ, но никому изъ нихъ не удалось задумать и свершить то великое дѣло для нашихъ раненыхъ, которое сдѣлала Марія Ивановна Долина на своихъ патріотическихъ концертахъ. Ея пламенная любовь къ родинѣ подсказала ей, какъ надо устроить эти величественные концерты. Нашлось много желающихъ и артистовъ и артистокъ помочь ей въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ. Петроградцы поддержали доброе дѣло, и народъ валилъ валомъ въ зданіе цирка, гдѣ исполнялись концерты. Пятьдесятъ семь концертовъ дали сбору сто восемьдесятъ двѣ тысячи. Вотъ что

можетъ сдѣлать артистка, одаренная даромъ Божіимъ, необычайной энергіей и необычайной любовью къ Россіи. Это сдѣлала Марія Ивановна Долина (Горленко).

Кайзеръ летаетъ съ одного фронта на другой, произноситъ патетическія рѣчи, тевтонскія полчища перевозятся съ одного театра войны на другой, изрыгаются массы артиллерійскаго огня, а тѣмъ временемъ Германія уже начинаетъ выдвигать воиновъ уже совершенно иного типа нежели въ началѣ войны.

Г. Вл. Бѣлгородскій картинно описываетъ такого рода вояку кроваваго кайзера [1]):

„Я только-что видѣлъ, какъ вашъ раненый далъ моему солдату денегъ. Ради Бога, будьте и вы человѣчны, дайте возможность хоть немного обогрѣться, — обратился просительно небольшого роста старичокъ въ формѣ германскаго офицера къ „краснокрестовцу“, бесѣдовавшему съ плѣнными.

Старичка ввели въ залъ второго класса и предложили горячаго чаю.

Одѣтъ престарѣлый плѣнный съ иголочки: въ новомъ пальто, новыхъ сапогахъ, новыхъ перчаткахъ, новой каскѣ,—какъ будто онъ только-что вышелъ изъ магазина готоваго военнаго платья, а не доставленъ сюда съ поля битвы.

Замѣтно было, что старикъ не привыкъ еще къ одеждѣ и чувствуетъ себя неловко.

Войдя въ буфетъ, онъ снялъ съ себя каску и обнажилъ бѣлую какъ лунь голову, коротко остриженную подъ гребенку.

Трясущимися и посинѣвшими отъ холода руками онъ взялъ стаканъ и, обжигаясь, началъ жадно пить горячій чай.

Отодвинувъ выпитый стаканъ, старичокъ, ни къ кому не обращаясь, какъ-будто разговаривая самъ съ собою, заговорилъ быстро-быстро:

— Странно говорить о культурѣ, культурности въ наше время, когда кругомъ льется столько крови, когда человѣкъ для человѣка сталъ хуже волка. Но есть что-то вѣчное, чего не залить кровью. Это вѣчное стираетъ границу между враждующими сторонами и снова дѣлаетъ ихъ людьми. Нельзя дѣлать добра или зла во имя этого вѣчнаго, — оно самодовлѣюще и само по себѣ въ человѣкѣ. Вашъ раненый, искалѣченный нашими

---

[1]) „Рус. Слово“ 14 марта с. г.

15 марта 1915 года. Черноморскій флотъ въ 10½ ч. утра, подходитъ къ Босфору. идетъ въ авангардѣ, остальные суда видиѣются на горизонтѣ. Огонь по фортамъ Босфора былъ открытъ въ 10 ч. 35 м. утра.

15 марта 1915 г. „Алмазъ“ вернувшійся съ развѣдки надъ Босфоромъ.

снарядами, яркій носитель этого вѣчнаго, отличающаго его отъ дикихъ звѣрей. Это свѣточъ, который освѣщаетъ и будетъ освѣщать жизнь людей.

Я откровенно скажу о самомъ себѣ, о томъ, что я думаю, и о своемъ положеніи, которое съ военной точки зрѣнія считается позорнымъ.

Мнѣ уже умирать пора, а меня взяли на войну. Какой же я воинъ? Лѣтъ сорокъ назадъ я, дѣйствительно, былъ лихимъ офицеромъ, и мой батальонъ былъ на хорошемъ счету. Тогда я могъ пойти воевать, а теперь я просто убогій старикъ, которому минуло уже семьдесятъ шесть лѣтъ. Въ богадѣльню мнѣ, а не на войну.

Такой плѣнный, какъ я,—позоръ для Германіи, лишній показатель, что ея силы истощены.

Доживалъ я спокойно со своей старушкой свой вѣкъ, и вдругъ пришли и взяли. Одѣли на меня воинскіе доспѣхи, дали оружіе. Зачѣмъ мнѣ сабля, зачѣмъ мнѣ револьверъ? Только лишняя тяжесть! Развѣ моя старческая рука можетъ владѣть ими?

Какой же я батальонный командиръ? Кѣмъ я могу командовать, что я могу приказывать, если для меня самого война хуже смерти?

— „Ведите въ атаку вашъ батальонъ!“ Кто же пойдетъ за мной, когда всѣ видятъ мою старческую немощь?

Взяли на войну! И что же? Вчера я пришелъ на позиціи, а сегодня сдался вмѣстѣ со своимъ батальономъ, составленнымъ почти изъ такихъ же инвалидовъ.

Старческій голосъ дрожалъ и прерывался. Чувствовалось, что онъ преувеличиваетъ свою слабость и сознательно выставляетъ на позоръ свою сдачу въ плѣнъ, чтобы заглушить горечь и обиду, что его, стоящаго на краю могилы, отдали на позорище, толкнули въ бушующій водоворотъ, изъ котораго онъ не можетъ выбраться,—нехватаетъ его старческихъ силъ.

— Я знаю,—мнѣ не перенести вашего климата, вашихъ морозовъ, не вернуться къ себѣ, и на русской землѣ меня ждетъ могила.

Голосъ его совсѣмъ осѣкся, захрипѣлъ, и по старческому морщинистому лицу потекли густыя слезы. Онъ не скрывалъ ихъ. Ему даже какъ-будто было пріятно, что онъ, батальонный командиръ, плачетъ передъ врагами.

— Мнѣ не жалко себя. Я все перенесу, все перестрадаю. У меня хватитъ мужества умереть одинокимъ на чужбинѣ. Сердце мое терзается, когда я вспоминаю, что дома осталась

моя жена, съ которой мы прожили вмѣстѣ пятьдесятъ лѣтъ, никогда не разлучаясь.

У меня былъ сынъ, — его убили подъ Варшавой. Теперь старуха одна со своимъ громаднымъ горемъ.

Скажите—за что? Кому нужны наши страданія? Развѣ они чему-нибудь помогутъ? Я знаю, что каждый долженъ встать на защиту родины: это—священный долгъ! Но мои старческія руки, моя кровь не могутъ принести пользы.

Я глубоко убѣжденъ,—наблюдалъ жизнь, у меня есть жизненный опытъ,—что счастье моей родины въ томъ, чтобы скорѣе кончить войну.

О, дальше...

Онъ не договорилъ фразы и снова заговорилъ о себѣ.

— Я старъ, мнѣ семьдесятъ шесть лѣтъ,—повторилъ онъ, сильно подчеркивая свои лѣта. — Когда меня взяли въ плѣнъ и повели сюда,—эти двадцать верстъ я не шелъ, а ползъ, отъ мороза у меня совсѣмъ закоченѣли руки и ноги. Я просилъ Бога только объ одномъ—скорѣе бы умереть, чтобы не чувствовать этихъ страданій".

---

15 марта. Отцы Петрограда ровно ничего не дѣлаютъ для пониженія чудовищныхъ цѣнъ на припасы, для проведенія въ жизнь таксы, для учрежденія конкурренціи петроградскимъ торговцамъ-грабителямъ. Они обнаруживаютъ полное непротивленіе злу и даютъ полную возможность грабителямъ противиться администрація.

Таковое поведеніе отцовъ Петрограда, при обстановкѣ военнаго времени, составитъ одну изъ позорныхъ страницъ Петроградскаго самоуправленія.

Все это происходитъ въ то время, когда предержащія военныя и гражданскія власти всѣми силами борются съ торговыми грабителями. Въ то самое время, когда Главный начальникъ Петроградскаго военнаго округа высылаетъ изъ Петрограда дровяника Ф. И. Головкина [1]) за то, что онъ, имѣя большіе дровяные запасы, отказался продавать дрова, по указаннымъ цѣнамъ, а его сына И. Ф. Головкина заключаетъ на мѣсяцъ въ тюрьму за помощь отцу по сокрытію дровъ.

---

[1]) „Нов. Вр.", 15 марта сего года.

Передаютъ, что въ Гамбургѣ находится центральный пунктъ германскаго шпіонажа и контръ-шпіонажа. Спеціалистомъ русскаго отдѣла является полковникъ генеральнаго штаба, прожившій 6 лѣтъ въ Россіи и прослужившій 4 года въ одномъ изъ большихъ петроградскихъ банковъ.

Нѣмецъ-азіатъ, фельдмаршалъ фонъ-деръ Гольцъ прибылъ въ Бухарестъ, въ особой аудіенціи былъ принятъ королемъ, посѣтилъ румынскаго премьера Братіано, а затѣмъ выѣхалъ въ Берлинъ.

Турко-нѣмецкій полководецъ совѣщался съ румынскимъ королемъ и главой румынскаго правительства. Вотъ какъ Румынія соблюдаетъ строжайшій нейтралитетъ.

Изъ Лондона получена телеграмма о томъ, что „Совѣтъ королевскаго географическаго общества исключилъ Свенъ-Гедина изъ списка своихъ почетныхъ членовъ за сочувствіе врагамъ короля“. Въ настоящее время членомъ нашей Академіи наукъ состоитъ германецъ Освальдъ, который дышитъ сатанинской злобой противъ Россіи и шлетъ по всей Европѣ воззванія бойкота русскимъ ученымъ учрежденіямъ. Развѣ нашъ академикъ Освальдъ не является врагомъ Русскаго Императора и русскаго народа? Почему же онъ по сіе время состоитъ членомъ нашей Императорской Академіи наукъ?

---

16 марта. Вчера, 15 марта, произошло событіе громадной исторической важности. Нашъ черноморскій флотъ бомбардировалъ укрѣпленія Босфора.

Бушевавшій жестокій, снѣжный штормъ, передъ весеннимъ равноденствіемъ, препятствовалъ осуществленію этого предпріятія; но этотъ громаднаго напряженія штормъ не могъ воспрепятствовать нашему флоту крейсировать передъ Босфоромъ.

Вотъ какъ приводится описаніе этого крейсированія [1]).

„Жестокій снѣжный штормъ...

Вообще, съ Чернымъ моремъ за послѣднее время Богъ знаетъ что сдѣлалось. Это совсѣмъ не голубое южное море, не „гостепріимное“, не Понтъ Эвксинскій,—какъ когда-то не совсѣмъ удачно его назвали древніе греки.

---

[1]) И. Маринъ. „Русск. Сл.“, 14 марта с. г.

Просто—Ледовитый океанъ...

Русскій флотъ штормуетъ уже нѣсколько сутокъ. Штормуетъ не гдѣ-нибудь, а около... Босфора, у завѣтныхъ воротъ къ свободному морю, къ свободной торговлѣ Россіи, совсѣмъ близко, въ нѣсколькихъ часахъ ходу отъ заповѣднаго Царьграда.

Это обстоятельство еще какъ-то плохо представляешь себѣ, не вѣрится,—море вездѣ одинаково въ данный моментъ.

И здѣсь оно шумитъ, бунтуетъ, какъ злобный звѣрь въ клѣткѣ.

Но ошибки быть не можетъ. Старшій штурманскій офицеръ уже отмѣтилъ на картѣ по сосѣдству съ Босфоромъ то мѣсто, гдѣ идутъ сейчасъ русскіе корабли...

Утро. На горизонтѣ какой-то берегъ,—вѣрнѣе, неопредѣленная полоска „защитнаго цвѣта".

Впереди видны два дымка. Далеко они отъ эскадры.

Два паровыхъ судна,—какія, опредѣлить невозможно,—изо всѣхъ силъ удираютъ прочь, замѣтивъ, очевидно, присутствіе русскаго флота.

Гнаться за ними при данныхъ условіяхъ совершенно безполезно.

Кто-то высказалъ предположеніе, что это—турецкіе дозорные миноносцы. Но съ такимъ же правомъ можно предположить, что это—просто коммерческіе пароходы или даже „Гебенъ" съ „Бреслау",—вообще, въ зависимости отъ фантазіи, ибо, кромѣ облачковъ дыма, ничего не видно...

— Гдѣ же Босфоръ?

— Да вотъ налѣво...

Эта простая фраза заставляетъ вздрогнуть. Въ самомъ дѣлѣ: мечта превратилась вдругъ въ дѣйствительность....

Въ бинокль прекрасно видны силуэты генуэзскихъ башенъ. Онѣ, какъ неподвижные стражи, стоятъ на азіатскомъ берегу, у самаго входа въ закрытые пока для Россіи проливы...

Тотъ, кто знаетъ, безошибочно называетъ имена турецкихъ фортовъ, указываетъ направленіе, гдѣ находится Кавакъ. Отсюда турки въ мирное время стрѣляли по всѣмъ судамъ, пытавшимся войти въ Босфоръ послѣ захода солнца.

Мѣстечко достопримѣчательное. Но всего этого сейчасъ не разглядишь,—слишкомъ далеко.

Непогода гудитъ и свиститъ.

На волнахъ ныряютъ мусоръ, обломки дерева, какая-то посудина. Все вѣрные признаки обитаемости этого уголка моря.

Миноносцы обнаружили всплывшую мину и разстрѣляли ее..-“

По свѣдѣніямъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго великое событіе 15-го марта вылилось въ слѣдующей формѣ:

„15 марта Черноморскій флотъ бомбардировалъ внѣшніе форты и батареи Босфора на обоихъ берегахъ пролива. По наблюденіямъ съ судовъ и гидроаэроплановъ снаряды ложились хорошо. Наши летчики, летавшіе надъ батареями Босфора, производили развѣдку и успѣшно бросали бомбы. По летчикамъ былъ открытъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь, оставшійся безрезультатнымъ. Пытавшіеся войти въ море изъ Босфора непріятельскіе миноносцы принуждены были нашимъ огнемъ возвратиться въ проливъ. Пытавшійся прорваться съ моря въ Босфоръ большой 4-хъ мачтовый непріятельскій пароходъ былъ нами разстрѣлянъ. Выбросившись на берегъ, онъ взорвался“.

На прилагаемыхъ фотографіяхъ сняты: 15 марта 1915 года Черноморскій флотъ подходитъ къ Босфору, идетъ въ авангардѣ. Остальныя суда виднѣются на горизонтѣ. Огонь на фортахъ Босфора былъ открытъ въ 10 час. 35 мин. утра. „Алмазъ“ вернувшійся съ развѣдки подъ Босфоромъ.

---

17 марта. Бои, происходившіе въ февралѣ подъ Праснышемъ, представляются по описаніямъ [1]) въ слѣдующемъ видѣ:

Послѣдніе одиннадцать дней въ городѣ безъ перерыва шелъ уличный бой. Нѣмцы оказались и впереди Прасныша, и позади него, а наши—въ городѣ.

Въ городѣ, за рѣкою, у моста,—большая площадь, отъ которой потомъ во всѣ стороны вѣеромъ и расходятся улицы и переулки Прасныша. На этой площади, несомнѣнно, будетъ потомъ поставленъ памятникъ исключительному героизму нашихъ солдатъ. Бои шли смертные. Люди не знали ни отдыха, ни усталости. Не думали о спасеніи. Знали одно:

— Не дать нѣмцу зацѣпиться за Праснышъ. Выбить его изъ города и гнать дальше, на Млаву, а тамъ и въ Пруссію.

---

[1]) „Русское Слово“, 17 марта сего года.

Дрались съ утра до ночи. Дрались по ночамъ. Дрались вокругъ города. Дрались въ городѣ: на площади, по всѣмъ улицамъ, въ домахъ. На задворкахъ домовъ. На чердакахъ и въ подвалахъ.

У рѣки, за заборомъ, стоятъ три нѣмца. Въ каскахъ. Съ винтовками въ рукахъ. Цѣлятся. Цѣлятся, должно-быть, уже второй, а то и третій день. Они цѣлились въ нашихъ на мосту, а имъ другіе наши зашли сзади и дали залпъ въ затылокъ. Нѣмцы подались на заборъ да такъ и окостенѣли. Мертвые простояли два-три дня.

Пострадалъ Праснышъ за первый разъ, однако, не такъ сильно, какъ можно было бы думать. Бои внутри города шли болѣе рукопашные. Ломались двери, вышибались рамы, выбивались стекла, но самыя зданія,—стѣны, полы, потолки,—оставались цѣлыми. Только при отступленіи уже нѣмцы, отходя, чтобы задержать русскихъ долѣе за собою, засыпали окраинную часть Прасныша, въ сторону къ Млавѣ, снарядами. Они здѣсь и натолкли порядкомъ. Нѣсколько улицъ было обращено въ развалины. Вмѣсто домовъ, остались однѣ дымовыя трубы. Въ общемъ же городъ, въ смыслѣ сохранности зданій, уцѣлѣлъ. Уцѣлѣли и жители. Только они должны были прятаться во все время боевъ въ подвалахъ съ забитыми окнами.

Бились одиннадцать дней. Выгоняли нѣмцевъ за городъ. Подавались подъ натискомъ новыхъ и новыхъ нѣмецкихъ силъ назадъ, на свою площадь. Дрались за каждую улицу. За отдѣльные дома. За комнаты въ домахъ. Таяли сами, но клали тысячами и нѣмцевъ.

Подошла подмога. Съ мыслью, что впереди свои, что они бьются тамъ вторую уже недѣлю въ нѣмецкомъ кулакѣ, что ихъ надо выручать.

Дорвались до нѣмцевъ и кинулись ураганомъ. Смяли, разметали по сторонамъ тѣхъ, что были на дорогѣ къ Праснышу, и черезъ мостъ—къ своимъ. Тѣ—громовое:

— Ура! Наши! Подмога!.. Круши нѣмца!

Тутъ и пошла главная бойня.

— Въ чистую выметали улицы,—говорили потомъ наши.— Всѣхъ нѣмцевъ выселили.

— А не живи безъ прописки въ чужомъ городѣ,—добавляли другіе.

Нѣмцы дрались также отчаянно. Мѣсто стоило имъ очень дорого, и отдавать дешево Праснышъ они не желали. Уходить и они мало уходили. Въ каждой улицѣ оставались большими десятками. За городомъ же, по дорогѣ къ Млавѣ, на открытомъ мѣстѣ, они на пятнадцать верстъ густо усѣяли землю своими трупами.

— Въѣдчивый народъ! — ворчали наши солдаты. — Прямо репейникъ. Не отдерешь, какъ прицѣпится.

Когда потомъ наши стали осматривать боковыя улицы Прасныша, которыя были заняты нѣмцами, то во многихъ домахъ, на чердакахъ, находили груды соломы. Брали солому въ руки,— мокрая. Нажимали крѣпче,—капала кровь. Это нѣмцы сносили сюда своихъ раненыхъ.

Прошло потомъ три-четыре дня, населеніе все выползло изъ подваловъ, и жизнь въ Праснышѣ, хотя и покалѣченная, наладилась.

Германская подводная лодка U 28 потопила пароходъ „Falaba“. По разсказамъ оставшихся въ живыхъ моряковъ изъ экипажа „Falaba“ и пассажировъ, германская подводная лодка все время ходила среди утопающихъ, а германскіе моряки прыгали и кри-

чали отъ радости, глядя на утопающихъ и слыша ихъ отчаянные крики о помощи. На „Falaba“ погибло 112 человѣкъ и въ томъ числѣ 54 пассажира.

---

18 марта. Передаютъ, что въ Краковѣ состоялся военный совѣтъ съ участіемъ эрцгерцоговъ Евгенія и Фридриха, начальника австрійскаго генеральнаго штаба Гетцендорфа, военнаго министра Кробатина, начальника штаба арміи Гинденбурга Лудендорфа и генерала Макензена. Рѣшеніе совѣта хранится въ тайнѣ.

Вѣроятно, будетъ начато новое австро-германское наступленіе на Галицію, и главнымъ образомъ отъ Кракова. Говорятъ, что на этомъ наступленіи настаивалъ передъ кайзеромъ Тисса. Онъ утверждалъ, что если Германія не поможетъ Австріи, то Австро-Венгрія заключитъ сепаратный миръ. По его словамъ, надо оградить во что бы то ни стало отъ Россіи посѣвы будущаго урожая въ венгерскихъ равнинахъ, составляющіе для Австро-Германіи главный источникъ питанія.

Сегодня объявленъ въ Петроградѣ приказъ главнокомандующаго о продажѣ мяса по таксѣ, объявляемой въ „Вѣдомостяхъ Петроградскаго Градоначальства“. Виновные въ неисполненіи приказа подвергаются штрафу до 3.000 рублей или заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости до 3 мѣсяцевъ. Нельзя не привѣтствовать этотъ прекрасный приказъ для обузданія грабителей.

---

18 марта. Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей разсказывалъ мнѣ, что при его недавнихъ поѣздкахъ по Россіи онъ видѣлъ во многихъ крестьянскихъ избахъ портреты любимца арміи и народа Радко-Дмитріева.

---

19 марта. Пора бы окончательно поправить, если не закрыть носителей нѣмецкаго засилья въ Петроградѣ Петеръ-шуле и Аненъ-шуле. Необходимо смѣнить директоровъ и специфически нѣмецкій персоналъ преподавателей. Этихъ преподавателей разсыропить въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и взамѣнъ ихъ назначить русскихъ. Лучше всего было бы прикрыть совсѣмъ эти источники нѣмецкой заразы.

Утверждаютъ достовѣрно, что за послѣднее время черезъ Болгарію и Румынію въ Турцію прошло 50 вагоновъ маузеровскихъ ружей, 36 крѣпостныхъ орудій большого калибра, 15 блиндированныхъ аэроплановъ, 50 вагоновъ снарядовъ для Дарданелльскихъ фортовъ и для „Гебена". Моремъ изъ Румыніи черезъ Констанцу въ Константинополь везутся также боевые запасы. Изъ Турціи везется въ Австро-Германію хлѣбъ, а теперь, въ виду союзныхъ дѣйствій у Дарданеллъ, вывозится изъ турецкихъ банковъ германское золото.

---

20 марта. Наши раненые, попавшіе въ плѣнъ къ нѣмцамъ въ Сопоцкинѣ, семь дней лежали безъ перевязки, безъ ухода и пищи. Наши здоровые плѣнные употреблялись тутъ же на самыя тяжелыя работы. Съ нихъ нѣмцы сняли сапоги и теплую одежду, давъ взамѣнъ опорки и жалкіе лохмотья. Ихъ совершенно не кормили, всячески издѣвались надъ ними, держали ихъ въ хлѣвахъ и на открытомъ воздухѣ въ 15—20-ти градусные морозы. Нерѣдко ихъ запрягали вмѣсто лошадей въ обозныя повозки.

Передаютъ про ополченскія дружины, которыя, понюхавъ пороху, быстро освоились и теперь въ бою не уступаютъ часто кадровымъ войскамъ.

На-дняхъ разсказывалъ одинъ офицеръ о такой дружинѣ:

— Лѣзутъ впередъ насъ,—говорилъ онъ,—на позицію противника.

Спрашиваемъ: „Куда вы?".

— Мы пулеметъ рѣшили захватить,—отвѣчаютъ они и такъ рвутся впередъ. И представьте, захватили, и сравнительно съ очень небольшими потерями [1]).

Вотъ интересная страничка изъ письма командира полка съ передовыхъ позицій [2]).

„Часто я, какъ командиръ полка, хожу по окопамъ, гдѣ находятся солдаты, или одинъ, или съ моимъ адъютантомъ. Иногда я останавливаюсь или присаживаюсь къ группѣ солдатъ и го-

---

[1]) „Русск. Сл.", 20 марта сего года.

[2]) „Нов. Вр.", 21 марта с. г.

ворю съ ними объ ихъ домашнихъ очагахъ, объ ихъ нуждахъ, и попутно въ мягкой, но твердой, обстоятельной формѣ внушаю имъ мысли о величіи нашей родины Россіи, о необходимости всюду и всегда героически, т.-е. по-русски отражать жестокаго и упорнаго врага не въ интересахъ личнаго самолюбія или полученія награды—медали, георгіевскаго креста и т. д., но въ интересахъ будущей исторіи Россіи. Учу я моихъ ребятъ въ окопахъ правдѣ Христовой и самъ читаю имъ Евангеліе, не позволяя себѣ дѣлать никакихъ выводовъ, но напирая на то, чтобы то, чего не разскажешь въ посланіяхъ евангелистовъ, въ примѣненіи къ жизни моихъ солдатъ, путемъ чтенія, интонаціи, внѣдрялось въ ихъ души. Долженъ сказать, что мой опытъ чтенія солдатамъ Евангелія передъ боемъ и въ мирное время съ самыми легкими поясненіями и освѣщеніями текста оказался морально весьма полезнымъ, и солдаты совершенно искренно меня благодарятъ.

Благодаря ли Евангелію или уже выработавшемуся у меня въ теченіе 35 лѣтъ службы моему методу обращенія съ солдатами у меня съ ними тѣсное духовное общеніе, и я видѣлъ, какъ они по одному моему движенію, не колеблясь, шли въ тѣ опасныя мѣста, куда я ихъ велъ. Эти опасныя мѣста для австрійцевъ, а, должно быть, и для германцевъ, были бы предметомъ героическихъ народныхъ разсказовъ, эпическихъ поэмъ и горячихъ стихотвореній восторженныхъ рапсодовъ, ну, а у насъ это очень просто:

— Пошли... Остановились... Были обсыпаемы жестокимъ огнемъ непріятеля... Заняли ихъ позиціи... Окопались.

Это все такъ просто.

Конечно, мы, русскіе офицеры и солдаты, твердо проникнуты сознаніемъ, что мы никакихъ воинскихъ подвиговъ въ бою не производимъ. Мы не герои, а профессіоналы, взявшіе на себя задачу оборонять Россію отъ врага во имя долга и нашихъ сыновнихъ чувствъ къ родинѣ, и мы къ этому дѣлу готовились всю нашу жизнь. Есть, конечно, положенія весьма исключительныя, когда высота душевнаго порыва, сообразительности, находчивости и личнаго мужества переходятъ за норму,— ну, тогда такихъ смѣльчаковъ и героевъ смѣло отмѣчайте георгіевскими орденами, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше для патріотизма и силы духа страны“.

---

21 марта. Корреспондентъ „Русскаго Слова“ Маринъ [1]) такъ прекрасно описываетъ бомбардировку Босфора 15 марта:

„15-го марта, въ 10 час. 30 мин. утра, съ судовъ русской эскадры грянулъ первый залпъ по укрѣпленіямъ Босфора. Черезъ нѣсколько секундъ русскіе снаряды разорвались надъ фортомъ Эльмасъ-Табіа. Одинъ за другимъ раздалось нѣсколько взрывовъ. Черноморскій флотъ началъ работу надъ осуществленіемъ завѣтной мечты Россіи.

Когда эскадра вышла въ очередной походъ, для всѣхъ моряковъ, находившихся въ ней, было ясно, куда направляетъ ихъ на этотъ разъ рука вождя: курсъ лежалъ прямо на Босфоръ.

Вербную субботу провели въ открытомъ морѣ.

Наканунѣ бомбардировки Босфора въ судовой церкви служили всенощную. Всѣ моряки запаслись настоящими вербочками.

7 часовъ утра... Тепло... Море гладкое, спокойное...

На совершенно безоблачномъ небѣ поднимается солнце. День обѣщаетъ быть идеальнымъ.

Впереди рисуются очертанія турецкихъ береговъ.

Босфоръ близко... Можно узнать горы Малъ-Тепеси, Два Брата, Остроконечный Исполинъ.

Вскорѣ открывается узкій входъ въ проливъ.

Тамъ дымитъ турецкій дозорный миноносецъ. Онъ идетъ въ Царьградъ возвѣстить о появленіи русской эскадры.

Миноносецъ держится внѣ обстрѣла, наблюдая за нами, словно танцуетъ передъ эскадрой.

Отъ Кавака въ проливъ полнымъ ходомъ удираетъ паровое судно...

Турки уже подняли тревогу.

Русскіе корабли спокойно идутъ намѣченнымъ курсомъ ближе къ берегу.

Вотъ уже можно безъ бинокля разсмотрѣть маяки Азіи, Европы... Бѣлѣютъ домики, селенія.

Воздухъ удивительно прозраченъ...

Сзади русскихъ кораблей слышится мощный грохотъ... Одинъ за другимъ надъ русской эскадрой проносятся наши гидроаэропланы... Первыя русскія ласточки летятъ на Царьградъ.

---

[1]) „Русск. Сл.“, 21 марта с. г.

Турки еще молчатъ, наблюдая эту величественную картину.

Вотъ, наконецъ, видъ на Босфоръ открывается далеко, вплоть до Терапіи. Отчетливо видны зданія.

Гидроаэропланы достигли берега. Летятъ очень низко. Невольно возникаетъ опасеніе за ихъ судьбу.

Турки соблазнились: войска и форты открыли по летчикамъ отчаянную пальбу... Весь берегъ гремитъ выстрѣлами. Въ воздухѣ поплыли дымки шрапнелей.

Однако, летчики невредимы и смѣло продолжаютъ свой путь.

Вотъ передовой повернулъ уже обратно. Онъ успѣлъ пролетѣть весь проливъ и спѣшитъ первымъ съ донесеніемъ о томъ, что ни въ проливѣ, ни въ Золотомъ Рогѣ крупныхъ судовъ нѣтъ.

Летчики кружатся надъ батареями Босфора, сбрасываютъ свои бомбы.

Въ это время, однако, вниманіе отвлекается происходящимъ на морѣ.

Подъ азіатскимъ берегомъ, около Ривы, замѣченъ колоссальный турецкій пароходъ, который старается прорваться въ Босфоръ, скрываясь въ тѣни береговыхъ горъ.

Одно изъ нашихъ судовъ получаетъ приказъ уничтожить „турка".

Послѣ перваго же залпа турки спустили лодку. На пароходѣ начался пожаръ. Измѣнивъ курсъ, онъ пошелъ прямо къ берегу, остановился, видимо, сѣлъ на камни и весь опоясался огнемъ русской эскадры.

Вотъ донесся грохотъ ужаснаго взрыва.

Пароходъ утратилъ свои контуры.

Однако, на него уже никто не смотритъ, такъ какъ головной корабль русской эскадры началъ бомбардировать Эльмасъ.

Разстояніе до берега меньше, чѣмъ на выстрѣлъ полевого орудія. Отчетливо видны попаданія русскихъ снарядовъ.

Огонь русской эскадры переходитъ на фортъ Анадоли-Фенери. Туда же сбрасываютъ свои бомбы гидроаэропланы.

Затѣмъ бомбардировка переносится на европейскій берегъ. Русская эскадра громитъ фортъ Румели-Папасъ, батареи мысовъ Фенераки и нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ укрѣпленій.

Послѣ одного особенно удачнаго залпа надъ фортами Папаса поднялся столбъ пламени, и грохотъ взрыва потрясъ воды Босфора.

Почти одновременно раздался второй сильный взрывъ...

Форту Папасу, видимо, причинены значительныя поврежденія, если только онъ вообще уцѣлѣлъ.

Наши летчики засвидѣтельствовали успѣшность бомбардировки, которая, повидимому, явилась для турокъ полной неожиданностью.

Летчики отмѣчаютъ также большую панику среди защитниковъ Босфора. При каждомъ взрывѣ солдаты разбѣгались и прятались.

Одинъ летчикъ бросилъ бомбу въ группу солдатъ, занимавшихся обстрѣломъ гидроаэроплановъ. Бомба разорвалась среди солдатъ. Это произвело на турокъ громадное впечатлѣніе. Послѣ этого при приближеніи гидроаэроплана солдаты всякій разъ прятались.

Несмотря на отчаянную пальбу, всѣ летчики благополучно долетали до Золотого Рога. Здѣсь передъ ними открывалась волшебная панорама Царьграда съ сотнями мечетей, освѣщенныхъ солнцемъ.

Легко себѣ представить панику, возникшую на улицахъ оттоманской столицы при появленіи воздушнаго врага.

Летчики признаются, что великъ былъ соблазнъ полетать надъ Царьградомъ. Но, имѣя опредѣленное серьезное порученіе, они должны были вернуться обратно.

Со столь незначительной высоты, на которой держались наши летчики, имъ была видна вся жизнь на Босфорѣ.

Они вернулись невредимыми. Невредимы остались и аппараты.

16-го марта, въ 9 часовъ утра, русская эскадра снова появилась передъ Босфоромъ.

Погода испортилась. Стояла густая мгла. Очертанія береговъ слились въ неопредѣленный сѣрый фонъ. Оріентироваться было невозможно.

Турки, однако, замѣтили дымъ нашихъ кораблей и сдѣлали нѣсколько залповъ, оставшихся безрезультатными. Русская эскадра не отвѣчала. Производить какія-либо операціи было невозможно.

Пользуясь мглой, нашу эскадру пытались атаковать турецкіе миноносцы типа „Милетъ“.

Наши суда приняли бой, но послѣ первыхъ же выстрѣловъ миноносцы, развивая громадную скорость, скрылись въ направленіи Босфора.

---

22 марта. Нашъ извѣстный путешественникъ по средней Азіи полковникъ Козловъ, только-что прибывшій изъ Галиціи, въ Пасхальную заутреню передавалъ мнѣ разсказы офицеровъ гарнизона Перемышля.

Всѣ они утверждали, что причиной сдачи Перемышля было громадное количество войскъ, не соотвѣтствующихъ имѣвшимся въ крѣпости жизненнымъ припасамъ. И на вопросъ, почему же это произошло австрійцы отвѣчали: это произошло потому, что мы были окружены войсками Радко-Дмитріева.

Онъ показалъ намъ себя подъ Городкомъ и на Санѣ. Онъ былъ хозяиномъ положенія и онъ блестяще завершилъ наши окруженія въ томъ составѣ, въ какомъ мы тогда были.

По другимъ источникамъ, по австрійскимъ войскамъ подъ Перемышлемъ ходили разсказы, что Радко-Дмитріевъ объѣжалъ ночью линіи русскихъ укрѣпленій на бѣлой лошади.

Вчера на Черномъ морѣ у крымскаго побережья нашъ флотъ имѣлъ перестрѣлку съ дальняго разстоянія съ крейсерами „Гебенъ“ и „Бреслау“ и преслѣдовалъ ихъ до темноты. Ночью наши миноносцы нашли и атаковали турецкіе крейсера въ 100 миляхъ отъ Босфора, при чемъ послѣдніе развили энергичный огонь и уклонились отъ атаки.

Въ Черномъ морѣ вчера вечеромъ, въ Одесскомъ заливѣ взорвался на нашей минѣ и затонулъ турецкій крейсеръ „Меджидіе“.

Французы и бельгійцы стоятъ за то, чтобы Палестина была подарена доблестному бельгійскому народу и его королю: во-первыхъ, какъ награда за геройское поведеніе въ этой войнѣ, во вторыхъ, какъ историческое наслѣдіе, принимая во вниманіе, что первый король Іерусалима въ эпоху крестовыхъ походовъ былъ бельгіецъ, Готфридъ Бульонскій.

Разсказывали, что въ одномъ изъ боевъ наша батарея выѣхала на позицію для поддержки нашей атакующей пѣхоты. Въ это время впереди были замѣчены оставленныя 6 нѣмецкихъ орудій. Два смѣльчака офицера съ 6-ю передками помчались, отчасти пользуясь рощицей въ передовыя цѣпи и не взирая на сильный орудійный и ружейный огонь германцевъ привезли къ намъ шесть цѣлехонькихъ германскихъ орудій.

23—31 марта. Разсказываютъ, что во время летаній по фронтамъ германскихъ армій кровавый кайзеръ очень боится непріятельскихъ аэроплановъ. Во время прогулокъ Вильгельмъ внимательно осматриваетъ небо, и появляющіяся внезапно птицы пугаютъ его, такъ какъ онъ постоянно ожидаетъ нападенія непріятельскихъ летчиковъ.

Въ „Petit Parisien“ помѣщенъ отзывъ солдата нѣмецкаго ландвера о русскихъ войскахъ: „ихъ артиллеристы отлично стрѣляютъ, изъ двадцати снарядовъ въ насъ попадаетъ шестнадцать. Русская пѣхота не хуже нашей, ихъ никакъ не выбьешь. Особенно стойки и страшны сибиряки. Послѣ битвы подъ Тарновымъ изъ 52 тысячъ человѣкъ у насъ не оставалось и 15-ти тысячъ. Гинденбургъ плакалъ, увидя возвратившіеся остатки нашего корпуса, и сказалъ, что больше не будетъ повергать Силезскія войска въ подобныя бойни. Къ сожалѣнію, онъ не сдержалъ слова. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя намъ пришлось идти на Варшаву и подъ Новорадомскомъ вся наша армія была бы взята въ плѣнъ, если бы не присутствіе духа нашихъ офицеровъ, которые ночью объявили: спасайся, кто можетъ. Изъ нашего полка при этомъ спаслись лишь 57 человѣкъ, остальные же взяты въ плѣнъ или погибли на полѣ битвы“.

Корреспонденція съ боевыхъ полей [1]) описываетъ, при какой необычайной обстановкѣ тамъ происходило чтеніе 12 Евангелій. Богослуженіе происходило на открытомъ полѣ, за пригоркомъ, вблизи штаба полка у походной церкви, при громадномъ стеченіи войскъ:

„Служба уже началась. Въ то время, когда мы подходили, одинъ изъ солдатъ раздавалъ свѣчи, и когда разнеслись слова перваго евангелія, у всѣхъ въ рукахъ уже засвѣтились огоньки восковыхъ свѣчекъ, быстро горящихъ при слабомъ дуновеніи весенняго вѣтерка. Ровно и спокойно разносился подъ открытымъ небомъ голосъ священника, возвѣщавшаго въ такой необычной обстановкѣ святыя слова... Далеко вдаль, вѣроятно, доносясь къ вражескимъ окопамъ, неслось стройное и мощное пѣніе солдатскаго хора...

Было что-то исключительно таинственное въ этомъ собраніи

---

[1]) „Нов. Вр.“, 28 марта с. г.

огоньковъ, расходящихся отъ стола съ евангеліемъ во всѣ стороны далеко вглубь лѣса, въ этомъ мирномъ, спокойномъ голосѣ священника, повѣствующемъ исторію величайшихъ Страстей именно здѣсь въ этой обстановкѣ.

Мнѣ казалось, что всѣ тѣ слова, которыя въ обычной мирной обстановкѣ мы привыкли воспринимать съ почтительнымъ уваженіемъ, пріобрѣтаютъ здѣсь характеръ, необычайно близкій каждому отдѣльному существу, какъ будто бы все относится къ каждому изъ присутствующихъ, въ любой моментъ готовыхъ на величайшую жертву во имя идеи.

Вотъ почему, вглядываясь въ лица сосредоточенно склонившихся надъ свѣчами солдатъ, я не могъ ошибиться, улавливая на нихъ отраженіе величайшаго волненія и подъема духа особенно въ нѣкоторыхъ наиболѣе трагическихъ мѣстахъ Святой исторіи...

„Помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ...“ и въ сѣрой массѣ движеніе, и въ молитвенномъ порывѣ она становится на колѣни, такъ непосредственно молясь о томъ, что можетъ быть случится завтра или даже сегодня...

Евангеліе за евангеліемъ незамѣтно проходятъ въ этой обстановкѣ громаднаго вниманія и сосредоточенія. И въ этотъ моментъ сильнаго отвлеченія отъ дѣйствительности мы не замѣчаемъ, какъ отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы орудій мало-помалу становятся все чаще и чаще, ростутъ, захватывая фланги, и превращаются въ непрерывный гулъ.

„Разбойниковъ“ поютъ уже подъ этотъ совершенно чуждый святымъ словамъ гулъ. Видно, какъ утираются слезы на морщинистыхъ лицахъ солдатъ и какъ въ темнотѣ и тишинѣ, прерываемой пѣніемъ и голосомъ священника, кое-гдѣ раздаются всхлипыванія...

И эта служба, которая казалась въ началѣ такой странной, стоящей совершенно внѣ нашихъ представленій, въ концѣ концовъ такъ пріучила насъ къ себѣ, что мы расходились съ такимъ же спокойнымъ настроеніемъ, какъ въ былые годы у себя дома... и старались донести до „дому“ зажженныя свѣчки.

Темный лѣсъ наполнился расходящимися во всѣ стороны огоньками, и удивительная тишина воздуха дала возможность протянуться этимъ безконечнымъ свѣтовымъ лентамъ черезъ весь лѣсъ. И, уходя, я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ солдатъ зажигали отъ этихъ свѣчей костры у землянокъ, готовясь ужинать.

Распоряженіемъ властей [1]) уволенъ отъ должности и высланъ на все время войны изъ Прибалтійскаго края старшина всѣхъ пасторовъ Вейсенштейнскаго уѣзда пасторъ Раль.

Обзоръ военныхъ дѣйствій за вторую полову марта приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Нами взятъ Мемель, а германцы бомбардировали Либаву. Къ западу отъ Нѣмана мы вели встрѣчные успѣшные бои, при чемъ уничтожили совершенно одинъ германскій баталіонъ у Лодзее и конница произвела лихую атаку между Маріамполемъ и Кальваріей. Къ концу мѣсяца мы оттѣснили германцевъ на укрѣпленную позицію восточнѣе Пильвишекъ, Маріамполя, Кальварія, Августова и Сувалки.

На правомъ берегу Нарева вели встрѣчные, удачные, бои по рѣкѣ Шквѣ, Омулеву и у Ваха.

Полная удача сопутствовала нашему наступленію на Карпатахъ. Сначала на линіи Бартфельдъ—Мункачъ нашъ фронтъ продвинулся на 35 верстъ. У Горлице и Бартфельда и Козювки контръ-атаки непріятеля были безуспѣшны. Затѣмъ мы продвинулись у Развадова и Яворжека. Овладѣли вновь позиціями у Бартфельда и Ужока, Воли Миховой, Лутовиска, опять отбили контръ-атаки у Мезо Лаборча и Козювки. Опять продвинулись у Мезо Лаборча и Ужока. У Ростока перешли черезъ главный хребетъ Карпатъ и заняли его южные склоны. Затѣмъ заняли главный Карпатскій хребетъ на протяженіи 110 верстъ передъ фронтомъ нашего наступленія. Во время этихъ операцій нами взято въ плѣнъ 330 офицеровъ и 33.250 нижнихъ чиновъ. Встревоженный этими успѣхами противникъ сосредоточиваетъ значительныя силы подъ конецъ мѣсяца и начинаетъ отбивать наши атаки у Ростока, Стрыя, Козювки. Противникъ произвелъ набѣгъ на Хотинъ, и отрядъ его былъ уничтоженъ.

Были успѣшные для насъ бои въ Буковинѣ и Черновицѣ и у Залещиковъ.

Черноморскій флотъ бомбардировалъ Зунгулакъ, Козлу и Эрегли.

Придется отмѣтить позорное Мясоѣдовское дѣяніе, окончившееся повѣшеніемъ этого негодяя. Вспоминается намъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ господинъ за указанія въ

[1]) „Рус. Сл.", 29 марта с. г.

подобныхъ дѣяніяхъ вызвалъ на дуэль А. И. Гучкова и держалъ голову этого высокодаровитаго общественнаго дѣятеля на мушкѣ пистолета нѣсколько минутъ, а затѣмъ промахнулся. Послѣ этого промаха Гучковъ выстрѣлилъ на воздухъ и уѣхалъ съ мѣста дуэли, не подавъ Мясоѣдову руки.

Къ этой книгѣ приложенъ портретъ вице-адмирала А. И. Русина, начальника морского генеральнаго штаба. Онъ родился въ 1861 году, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, который окончилъ въ 1886 году, послѣ чего до 1889 года плавалъ на разныхъ судахъ. Въ 1899 году былъ назначенъ русскимъ морскимъ агентомъ въ Японіи, гдѣ пробылъ до войны съ Японіей, при чемъ крайне обстоятельно и своевременно доносилъ о всемъ, что происходило въ японскихъ арміи и флотѣ и въ своихъ донесеніяхъ даже предугадалъ планъ войны японцевъ на морѣ. Во время войны имѣлъ на Дальнемъ Востокѣ многія отвѣтственныя должности, командовалъ, уже въ чинѣ капитана I-го ранга, послѣ войны, броненосцемъ „Слава", затѣмъ занялъ мѣсто исправляющаго обязанности помощника начальника главнаго морского штаба, былъ 6 лѣтъ директоромъ морского кадетскаго корпуса, начальникомъ главнаго морского штаба и на настоящую должность назначенъ 17-го апрѣля 1914 года.

Заканчиваемъ наши замѣтки за мартъ описаніемъ одного изъ позорныхъ дѣяній германскихъ офицеровъ [1]).

— Въ ночь на 16-е марта,—разсказываетъ Панасюкъ,— въ деревню Н. въѣхалъ непріятельскій отрядъ въ числѣ двухъ солдатъ и офицера. Попавшись имъ, я услышалъ вопросъ: „Ты кто"? Я немного знаю по-польски и отвѣчалъ: „Мѣстный". Я знаю, что нѣмцы стараются усиленно охранять телефонъ, и сказалъ, что стою на охранѣ телефона. Офицеръ выругался.

— Почему же ты его не охраняешь?—спросилъ офицеръ.— Телефонъ находится за лѣсомъ, а ты находишься здѣсь. Пошелъ на мѣсто.

Онъ приказалъ меня отвести на постъ. Какъ только меня оставили охранять телефонъ, я его немедленно порвалъ и сталъ уходить. Встрѣтился мнѣ другой разъѣздъ, который отнесся не такъ снисходительно, какъ первый. Я былъ препровожденъ въ

---

[1]) „Бирж. Вѣд.", 21 марта с. г.

штабъ 7-го полка, въ Росогѣ. На допросѣ во мнѣ опознали русскаго солдата, и подъ угрозой повѣшенія потребовали сообщенія секретныхъ свѣдѣній. Когда я отказался, меня стали соблазнять деньгами и предлагали перейти служить къ нимъ. Когда и это не удалось, то стали грозить пыткой.

— Мы повѣсимъ тебя за ноги и будемъ такъ держать цѣлую недѣлю, тогда запоешь.

— Не запою.

— Отвести его,—приказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Меня стали выпроваживать,—продолжаетъ Панасюкъ,—но одинъ офицеръ приказалъ остановиться, досталъ хирургическія ножницы, отрѣзалъ мочку уха и злорадно спросилъ:

— Ну, а теперь будешь говорить?—Я молчалъ. Тогда онъ отрѣзалъ еще кусочекъ уха. Я все молчалъ, тогда въ третій разъ онъ отрѣзалъ еще кусочекъ уха. Кровь полилась за шею.

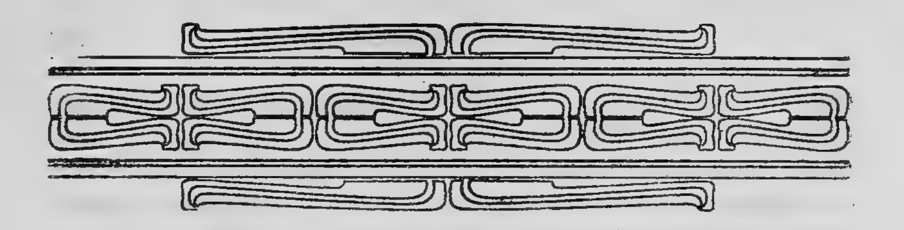
— Отвести его,—приказалъ офицеръ.

— Меня вывели. Только меня вывели, какъ офицеръ изъ штаба кого-то окликнулъ. Конвойные стали его слушать. Я воспользовался этимъ и побѣгъ черезъ заборы по деревнѣ дальше, дальше, упалъ въ яму, и пролежалъ тамъ нѣсколько часовъ, пока не прекратились поиски. Затѣмъ я побѣгъ дальше. Всю дорогу я шелъ окольнымъ путемъ и только ночью, а днемъ пролеживалъ въ стогахъ сѣна и другихъ укромныхъ мѣстахъ. Такъ и добрался.

Панасюкъ—уроженецъ Тургайской области. Ему 27 лѣтъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ рукопашныхъ бояхъ. Хотя онъ освобожденъ теперь, но рѣшилъ проситься опять на службу.

В. П.

Памяти В. П. Энгельгардта.

(† 6 мая 1915 г.).

На дняхъ въ Дрезденѣ скончался русскій ученый Василій Павловичъ Энгельгардтъ. Питомецъ училища Правовѣдѣнія изъ блестящаго выпуска, давшаго братьевъ В. В. и Д. В. Стасовыхъ, А. Н. Сѣрова, покойный заслужилъ почетную извѣстность въ области совсѣмъ другой спеціальности.

Любимыми занятіями его были астрономія и музыка—по астрономіи нѣсколько ученыхъ работъ и образцовая научная обсерваторія, переданная еще при жизни Казанскому университету, котораго онъ былъ выбранъ докторомъ honoris causa.

Познакомиться съ В. П. мнѣ пришлось по такому случайному поводу:

Покойный историкъ А. Ѳ. Петрушевскій былъ въ оживленной перепискѣ съ В. П.

Никогда не видавъ другъ друга, они имѣли общую историческую любовь къ Суворову.

Питая къ памяти великаго полководца глубокое, искреннее, благоговѣніе, В. П. на свои личныя средства отмѣтилъ памятниками и досками нѣсколько мѣстъ перехода Суворовымъ Альпъ;—извѣстная доска съ надписью у Чертова моста также сооружена его заботами.

На почвѣ этого общаго интереса и возникъ письменный обмѣнъ мнѣній, продолжавшійся до самой смерти А. Ѳ. Петрушевскаго. По кончинѣ его переписка перешла какъ бы по наслѣдству къ теперешнему редактору журнала „Русская Старина",

хлопотавшему въ то время объ устройствѣ Суворовскаго музея.

Въ 1906 году мнѣ проѣздомъ пришлось быть въ Дрезденѣ и исполнить порученіе редактора „Старины", зайти отъ его имени повидать Энгельгардта.

Въ красивой виллѣ на Liebigstrasse меня встрѣтилъ высокій старикъ съ умнымъ открытымъ и пріятнымъ лицомъ.

Разспрашивая меня о тѣхъ двухъ его друзьяхъ, по перепискѣ, которыхъ никогда не знавалъ лично, онъ показалъ мнѣ свою коллекцію игравшихъ разноцвѣтными огнями круксовыхъ трубокъ, въ особомъ стеклянномъ шкафу, комнату, отведенную памяти Глинки (съ композиторомъ они были товарищами дѣтства), и наконецъ коллекцію, относящуюся къ культу Суворова.

Здѣсь были бюсты, картины, снимки, гранаты; все было собрано съ умѣніемъ, любовью и заключено въ красивую рамку уюта загородной виллы.

Передняя удачно выдержанная, въ Помпеевскомъ стилѣ, большой органъ въ гостиной, на которомъ В. П. былъ большой мастеръ играть, картины, книги, цвѣты.

Односложно и просто разсказалъ онъ мнѣ о причинѣ своего житья въ Дрезденѣ: „пріѣхалъ на нѣсколько дней проѣздомъ, городъ понравился, купилъ виллу, обосновался, и вотъ живу лѣтъ 20".

Бывала и еще въ Дрезденѣ заходила всегда къ В. П.; находила его полнымъ интереса къ окружающей культурной жизни. Разъ сидя у В. П., я прислушалась, услыхавъ какой-то крикъ. „Вы думаете, это кричатъ мои внуки—нѣтъ, я совсѣмъ одинокъ—это мой попугай", сказалъ съ грустью въ голосѣ хозяинъ.

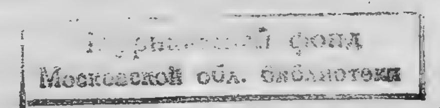
Въ 1913 году возвращаясь въ Россію черезъ Дрезденъ, послѣ Лейпцигскихъ торжествъ, я зашла къ В. П. Онъ не покидалъ своего кабинета, ноги его плохо дѣйствовали, но голова по-прежнему была свѣжая, онъ всѣмъ интересовался, много читалъ, и даже вновь была собрана имъ маленькая новая коллекція—памяти 1812 года. Когда я ему разсказала о радушной встрѣчѣ, устроенной саксонцами нашей русской депутаціи, В. П. заволновался и сталъ убѣждать меня не вѣрить дружескимъ чувствамъ нѣмцевъ. Въ то время такъ не хотѣлось съ нимъ согласиться! Наступила война 1914 года. Volens nolens прекратилась и моя маленькая переписка съ даровитымъ хозяиномъ виллы на Liebigstrasse. И невольно думалось, какъ живется ему тамъ больному вдали отъ родины.

Старость, болѣзни лишаютъ человѣка возможности осуществить свои желанія. Хотѣлось ли ему уѣхать изъ Дрездена? Какъ отнеслись къ нему его сосѣди нѣмцы, его прислуга? Каково жилось ему его послѣдніе дни безъ русскихъ газетъ?

Все это смерть унесла съ нимъ, такимъ одинокимъ, въ могилу.

Е. Я.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ОБЗОРЪ

ЗАПИСОКЪ, ДНЕВНИКОВЪ, ВОСПОМИНАНІЙ, ПИСЕМЪ И ПУТЕШЕСТВІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ РОССІИ

И

НАПЕЧАТАННЫХЪ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

СОСТАВИЛА

М. С. МИНЦЛОВА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. Р. Минцлова.

Выпускъ VI.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ является первымъ *дополненіемъ* къ основному „Обзору“, вышедшему въ пяти частяхъ.

Помимо отдѣльныхъ изданій, каталоговъ пр. для него просмотрѣны:

1. Историческій Вѣстникъ, съ 1904 по 1912 г. включительно.
2. Вѣстникъ Европы, съ 1905 по 1912 г. включительно.
3. Русская Старина, съ 1903 по 1911 г. включительно.
4. Русскій Архивъ, съ 1903 по 1912 г. включительно.
5. Журн. Минист. Нар. Просв., съ 1900 по 1911 г. включительно.
6. Чтенія въ Имп. О-вѣ Ист. и Др., съ 1901 по 1911 г. включительно.
7. Сбор. русск. Истор. О-ва, съ 1900 по 1912 г. включительно.
8. Ежегодникъ Коллегіи П. Галагана, съ 1902 по 1911 г. включительно.
9. Записки Одесскаго О-ва Исторіи и Др. по 1912 г. вкл., за исключеніемъ г.г.: 1890—92, 1899, 1903 и 1905.
10. Старина и Новизна—по 1911 г. включительно.
11. Кіевская Старина, съ 1892 по годъ прекращенія журнала, включ.
12. Сынъ Отечества—по 1826 г. включительно.
13. Русск. Истор. Сборникъ, съ 1837 по 1844 г. включ.
14. Вѣстникъ Юго-Зап. и Зап. Россіи, съ 1862 по 1864 г.
15. Журн. Русск. Военно-Истор. О-ва,—по 1912 г. включительно.
16. Варшавскій Военн. Журн., съ 1899 по 1904 г. (прекращенъ).
17. Библіографическія Записки, съ 1858—61 г. (прекращенъ).
18. Остафьевскій Архивъ, съ 1899 по 1909 г. (прекращенъ).

М. С. Минцлова.

P. S. При печатаніи I выпуска въ предисловіи, въ перечнѣ просмотрѣнныхъ журналовъ пропущенъ Историческій Вѣстникъ, использованный съ 1880 г. по 1904 г.

До XVI вѣка.

1. Комментарій на записку Ибрагима **Ибн-Якуба** о славянахъ. Сост. Фридр. Вестбергъ, старшій учитель городского реальнаго училища въ Ригѣ. Спб. 1903.

2. **Дорнъ, Б.** Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ, съ дополнительными свѣдѣніями о другихъ набѣгахъ ихъ на прибрежья Каспійскаго моря. Спб. 1875.

3. Автобіографія **Тамерлана.** Пер. съ тюркскаго Н. Лыкошина. Ташкентъ, 1894.

4. Хожденіе гостя Василья, 1465—1466 гг. Спб. 1884.

5. Извѣстія Донъ **Хуана де Персія,** направленныя къ Его Католическому Величеству Донъ-Филиппу III, королю Испаніи и нашему государю, раздѣленныя на три книги, въ которыхъ повѣствуется о достопримѣчательностяхъ Персіи, о генеалогіи ея царей, о войнахъ персовъ, турокъ и татаръ, и о томъ, что видѣлъ (авторъ) во время своего путешествія въ Испанію и о его обращеніи (въ христіанство?) и обращеніе двухъ другихъ Персидскихъ кавалеровъ. Валлядолидъ, 1604 г. Приведены лишь: конецъ перваго извѣстія, второе и третье цѣликомъ и начало четвертаго извѣстія—о Московіи. Описывается путешествіе по ней, жизнь въ Московіи и характеръ московитовъ.
Старина и Новизна, 1903 г. кн. 6.

6. **Непеинъ, С.** Изъ сѣверныхъ преданій. Записано преданіе о деревнѣ Прокино близъ Вологды.
Ист. Вѣстн. 1905 г., т. 100.

Времена Іоанна Грознаго. 1533—1584

7. **Записки игуменьи Маріи.** Новгородъ 1912 г. изд. С. Р. Минцлова. **Напечатано 50 экземпляровъ.**

8. **Хожденіе** купца Василія Позднякова въ Іерусалимъ въ 1558 г. М. 1884.

9. **Лесли, Е. Ф.** Хроника села Ивановскаго. Съ 1540 г., родовое преданіе о несчастной судьбѣ царицы Мареы Собакиной.
Ист. Вѣстн. 1906 г. т. 105.

10. **Островскій, Д.** Вновь открытое описаніе Россіи XVI вѣка. Авторъ—Staденъ, нѣмецъ, служившій у Іоанна Грознаго.

Ист. Вѣстн. 1905 г. т. 100

11. Два анекдота о царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Русск. Арх. 1911 г. кн. 6.

12. Къ 350 лѣтію покоренія Казани. Подлинная о Казанскомъ походѣ запись царственной книги 1552 г. Подъ ред. В. Афанасьева. М. 1902.

13. Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею. 1553—1593. Грамоты, собранныя Ю. Толстымъ. Спб. 1875.

14. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи со Швеціей. 1556—1586 гг.

Сб. Р. Ист. О-ва, т. 129.

Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ польско-литовскимъ государствомъ. 1598—1608 гг. Тамъ же, т. 137.

15. Путешествія въ Московію сэра **Еремѣя Горсея.** (Разсказъ или повѣствованіе о путешествіяхъ, должностяхъ, службахъ и переводахъ сэра Еремѣя Горсея, въ которыхъ онъ провелъ почти цѣлыя 18 лѣтъ). Переводъ съ англійскаго Юрія Толстого. (Окончаніе. Начало помѣщено въ 1-ой книгѣ чтеній за 1877 г.).

Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1907 г. к. 2.

„Путешествія“ обнимаютъ время съ 1572 по 1591 г.; описываются странствованія по Руси, русская жизнь, цари и придворная жизнь; затѣмъ описываются „торжественное и великолѣпное вѣнчаніе „Θедора Ивановича, царя россійскаго“ и т. д. 1584 г., наконецъ „второе и третье посольство г. Еремѣя Горсея“ и т. д., 1585 и 1589 гг.

Отд. изд. М. 1907.

16. Пріѣздъ въ Московію посла Геліаша **Пелгримовскаго** съ извѣстіемъ о посылкѣ судей для размѣна плѣнныхъ. Рукопись 7091 г.

Старина и Новизна, 1901 г. кн. 4.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1915 г.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Приложенія:

Библіографическій листокъ.

Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. Два тома. Петроградъ. 1915. (Тамъ же).

4. Сборникъ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. II Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Петроградъ. 1915 г. (На обложкѣ майской кн.).

5. Иркутская лѣтопись 1857—1880 г.г. Составилъ А. С. Романовъ, подъ ред. И. И. Серебренникова. (Труды Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, № 8). Иркутскъ. 1914. (Тамъ же).

6. Графъ Павелъ Шереметевъ. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Москва. Два тома. Ц. 5 р. (Тамъ же).

7. Гербы Лейбъ-Компаніи оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Составилъ С. Тройницкій. Рисовалъ О. Шарлемань. Петроградъ. 1915 года. (Тамъ же).

8. Временникъ Пушкинскаго дома. Выпускъ II. Петроградъ. 1914 г. (Тамъ же).

9. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4-го по 18-е марта 1915 г. (на обложкѣ іюньской книги).

Приложеніе.

Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Составила М. С. Минцлова, подъ редакціей С. Р. Минцлова. Вып. VI (при іюньской книгѣ).

